Огонь в его ладонях
Без пощады

Огонь в его ладонях
Без пощады

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ГЛЕН КУК

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

GLEN

COOK

The Fire in His Hands

With Mercy Toward None

ГЛЕН

КУК

Огонь в его ладонях

Без пощады

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2003

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
К88

Серия основана в 1999 году

Glen Cook
THE FIRE IN HIS HANDS
1984
WITH MERCY TOWARD NINE
1985

Перевод с английского Г.Б. Косова

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 21.10.02. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 32,76. Тираж 9000 экз. Заказ № 2052.

Кук Г.
К88 Огонь в его ладонях. Без пощады: Фантаст. романы: Пер. с англ. / Г. Кук. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 619, [5] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-016536-6

Имя ему было — Мика, но звал он себя — Эль-Мюрид, и так звали его народы, что повиновались ему, ибо знали: в слове его — Сила. Настали дни войны. Тысячи и тысячи воинов падут во имя пророка — и ОГНЯ В ЕГО ЛАДОНЯХ.

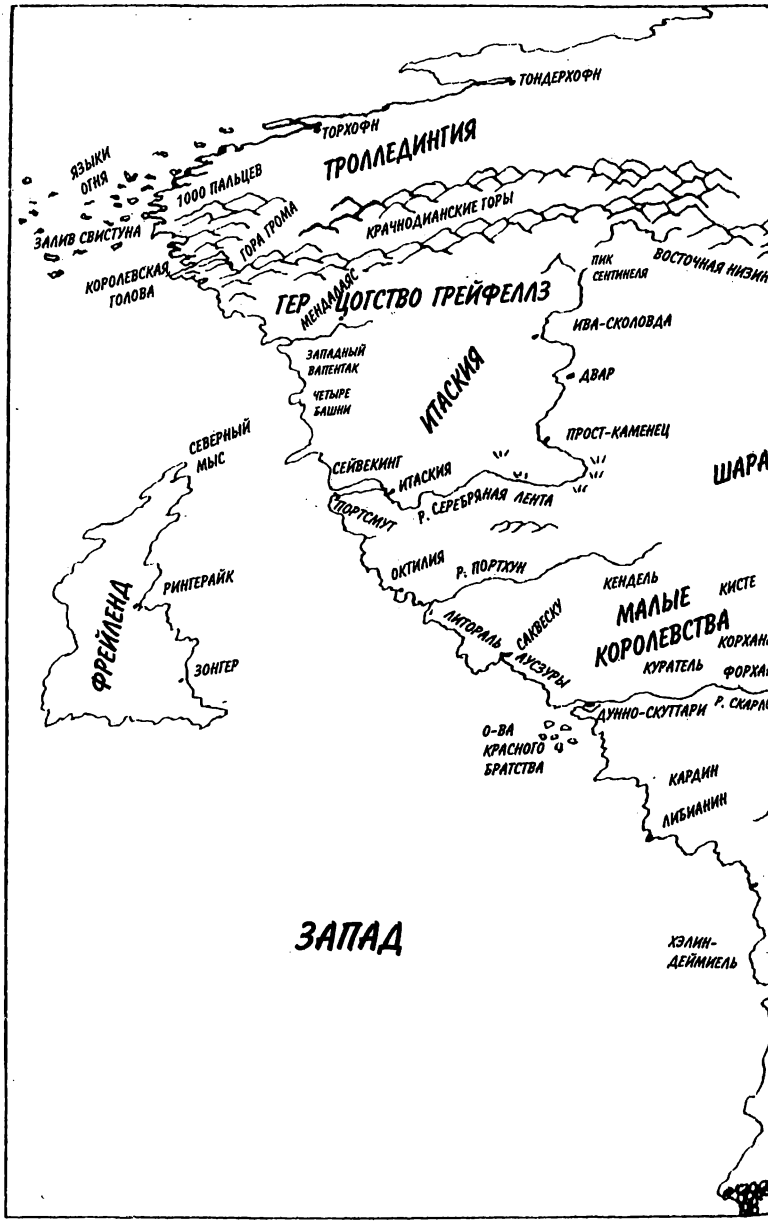
Сказано — явился ОН, дабы собрать воедино ДЕТЕЙ ПУСТЫНИ, дабы телами убитых вымостить дорогу к счастливому Королевству Покоя.

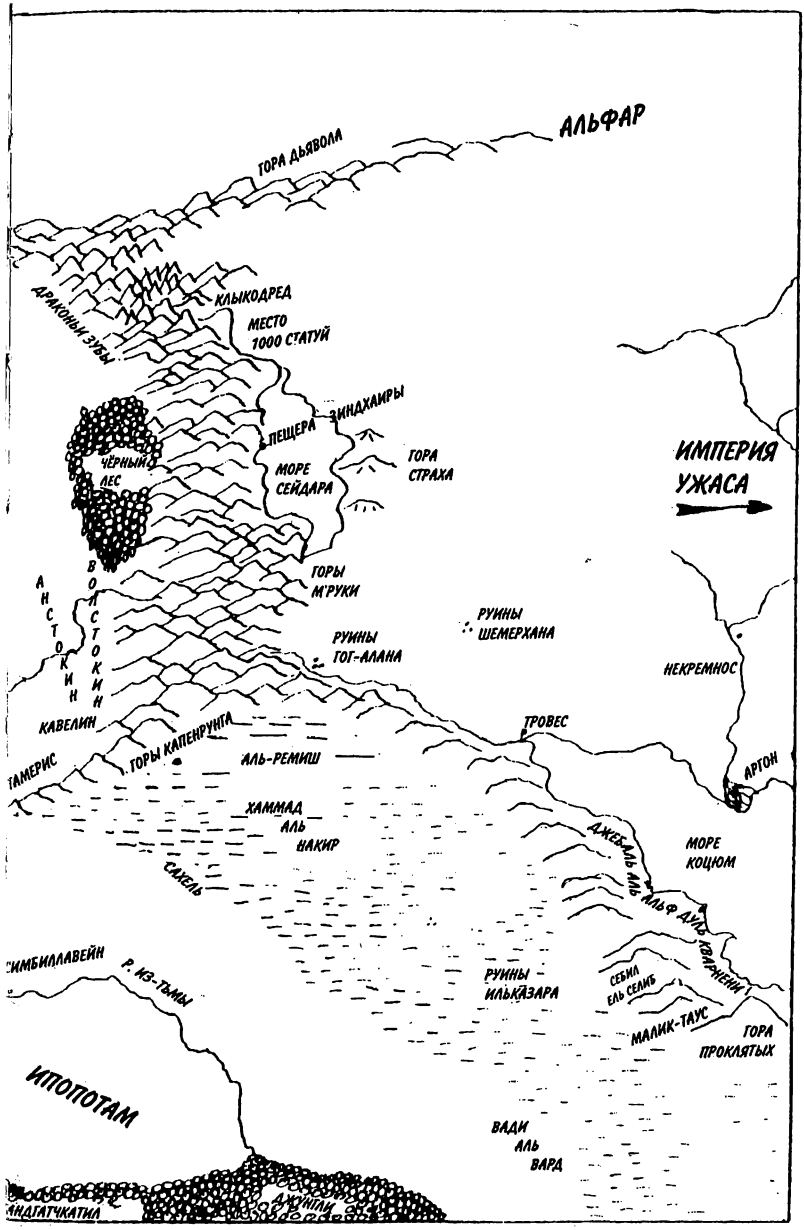
Грядет Священная война. Война БЕЗ ПОЩАДЫ. Ибо не должен знать пощады стремящийся победить...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Glen Cook, 1984, 1985
© Перевод. Г.Б. Косов, 1999
© ООО «Издательство АСТ», 2002

Огонь в его ладонях

ТОНДЕРХОФН
ТОРХОФН
ТРОЛЛЕДИНГИЯ
ЯЗЫКИ ОГНЯ
1000 ПАЛЬЦЕВ
ЗАЛИВ СВИСТУНА
ГОРА ГРОМА
КРАЧНОДИАНСКИЕ ГОРЫ
КОРОЛЕВСКАЯ ГОЛОВА
ПИК СЕНТИНЕЛЯ
ВОСТОЧНАЯ НИЗМНА
МЕНАДИОС
ГЕРЦОГСТВО ГРЕЙФЕЛЛЗ
ИВА-СКОЛОВДА
ЗАПАДНЫЙ ВАПЕНТАК
ЧЕТЫРЕ БАШНИ
ИТАСКИЯ
ДВАР
ПРОСТ-КАМЕНЕЦ
СЕВЕРНЫЙ МЫС
СЕЙВЕКИНГ
ИТАСКИЯ
ШАРА
ПОРТСМУТ
Р. СЕРЕБРЯНАЯ ЛЕНТА
ОКТИЛИЯ
Р. ПОРТХУН
КЕНДЕЛЬ
КИСТЕ
ФРЕЙЛЕНД
РИНГЕРАЙК
ЛИТОРАЛЬ
САКВЕСКУ
МАЛЫЕ КОРОЛЕВСТВА
КОРХАНА
ЗОНГЕР
ЛУСЗУРЫ
КУРАТЕЛЬ
ФОРХАНГ
ДЖННО-СКУТТАРИ
Р. СКАРЛОТ
О-ВА КРАСНОГО БРАТСТВА
КАРДИН
ЛИБИАНИН
ЗАПАД
ХЭЛИН-ДЕЙМИЕЛЬ

АЛЬФАР
ГОРА ДЬЯВОЛА
ДРАКОНЬИ ЗУБЫ
КЛЫКОДРЕД
МЕСТО 1000 СТАТУЙ
ЗИНДХАИРЫ
ПЕЩЕРА
ЧЁРНЫЙ ЛЕС
МОРЕ СЕЙДАРА
ГОРА СТРАХА
ИМПЕРИЯ УЖАСА
ГОРЫ М'РУКИ
ВОЛОСТОКИН
АНСТОКИН
РУИНЫ ШЕМЕРХАНА
РУИНЫ ГОГ-АЛАНА
НЕКРЕМНОС
КАВЕЛИН
ГОРЫ КАПЕНРУНГА
ТРОВЕС
ТАМЕРИС
АЛЬ-РЕМИШ
АРГОН
ХАММАД АЛЬ НАКИР
МОРЕ КОЦЮМ
САХЕЛЬ
ДЖЕБЕЛЬ АЛЬ АЛЬФ ДУЛЬ
КВАРНЕНИ
ИМБИЛЛАВЕЙН
Р. ИЗ-ТЬМЫ
РУИНЫ ИЛЬКАЗАРА
СЕБИЛ ЕЛЬ СЕЛИБ
МАЛИК-ТАУС
ГОРА ПРОКЛЯТЫХ
ИПОПОТАМ
ВАДИ АЛЬ ВАРД
АНДГАТЧКАТИЛ
ДЖУНГЛИ

Книга эта посвящается Дженни Менкинненн, библиотекарю, лишь бесконечные усилия которой удерживали меня в узде в мальчишеские годы. Может быть, она виновна в появлении этой книги.

Глава 1

СОТВОРЕНИЕ МЕССИИ

Караван плелся по каменистому руслу пересохшей реки, петляя среди холмов. Верблюды уныло вышагивали своей нелепой походкой, отмеряя очередные мили жизненного пути. Караван двигался из последних сил — двенадцать усталых верблюдов и шесть усталых людей.

За ними наблюдали и их поджидали — девять. Еще немного — и конец пути. А после отдыха в Эль Акила они снова отправятся в дорогу, чтобы привезти соли.

Сейчас же верблюды несли на себе сладкие финики, изумруды из Джебал-аль-Алаф-Дхулкварнеги и имперские реликвии, столь обожаемые торговцами Хэлин-Деймиеля. Торговцы в обмен дадут соль, что добывают из дальних западных морей.

Караван вел немолодой купец по имени Сиди аль Рами — глава семейного предприятия. Его компаньонами были братья, кузены и сыновья. Самому младшему — всего двенадцать, и это его первое путешествие. Мальчика звали Мика.

Наблюдателям было совершенно безразлично, что это за караван.

Их вожак распределил жертвы между своими людьми, изнывающими от испепеляющей жары. Солнце обрушивало на них всю ярость своих палящих лучей. Это был самый жаркий день самого жаркого лета за всю историю.

Верблюды вступили в теснину, где караван поджидала смертельная ловушка.

Бандиты, воя словно шакалы, выскочили из-за скал.

Мика с разбитой головой рухнул одним из первых. От удара в ушах зазвенело и он потерял сознание, не успев понять, что произошло.

Где бы ни проходил караван, люди везде неустанно повторяли, что это лето — лето зла. Никогда еще солнце не было таким палящим, никогда еще оазисы не пересыхали так сильно.

Это лето бесспорно было летом зла, коль скоро бандиты пали так низко, что принялись грабить караваны с солью. Древние законы и обычаи охраняли эти караваны даже от сборщиков налогов — хищных разбойников, действующих от имени королей.

Сознание вернулось к Мике через несколько часов, и он пожалел, что не умер. Боль казалась невыносимой, но он был ребенком Хаммад-аль-Накира, а Дети Пустыни Смерти прошли закалку в адском пламени.

Желание смерти возникло у него лишь из-за полного отсутствия сил.

Он даже не мог отпугнуть стервятников. Он был слишком слаб для этого. Он сидел и плакал, глядя на то, как хищные птицы и шакалы рвут мертвую плоть его родных, то и дело устраивая грызню из-за лакомых кусочков.

Девять человек и один верблюд уже погибли, да и у мальчишки дела совсем плохи: в глазах двоится, в ушах звенит. Иногда он вроде бы слышал голоса. Не обращая ни на что внимания, он упрямо полз туда, где должна быть Эль Акила, — крошечное изнуряющее путешествие на расстояние сто ярдов.

Он медленно умирал.

Когда он пришел в себя в пятый или в шестой раз, то обнаружил, что находится в тесной пещере, вонючей, как лисья нора. Боль пронзала от виска до виска. Он страдал головными болями всю жизнь, но такой безжалостной и неотступной боли ему еще испытывать не доводилось. Он застонал, и стон этот был похож на жалобный писк.

— А... Ты проснулся. Хорошо. Выпей-ка вот это.

Из сумрака возникло нечто, похожее на крошечного древнего сгорбленного старца, и морщинистая рука поднесла к губам мальчика жестяную кружку, на дне которой плескалась какая-то темная жидкость с резким запахом.

Мика опустошил кружку и снова впал в беспамятство.

Сквозь сон до него все же доносились голоса, беспрерывно бубнившие о вере, о Боге и высшем предназначении детей Хаммад-аль-Накира.

Ангел заботился о мальчике много недель и все это время внушал ему мысль о джихаде. Иногда, в безлунные ночи, он сажал Мику к себе в седло крылатого коня и показывал ему огромный мир: Аргон, Итаскию, Хэлин-Деймиель,павший Гог-Алан, Дунно-Скуттари, Некремнос, Тройес, Фрейленд, Хаммад-аль-Накир, Малые Королевства и многое, многое другое. Ангел не уставал повторять ему, что все эти земли вновь должны преклонить колени перед Богом так, как они делали это во времена империи. Бог, вечный Бог терпелив. Бог справедлив. Бог понимает все, но он огорчен тем, что Избранные от него отвернулись и перестали нести Истину другим народам.

На вопросы Ангел не отвечал. Он лишь беспрестанно бранил Детей Хаммад-аль-Накира за то, что те позволили ставленникам Темного Существа подавить их волю к служению Истине.

За четыре века до рождения Мики аль Рами в мире существовал город Ильказар, который сумел подчинить себе все западные земли. Но его жестокие правители, зачастую ведомые силами колдовства, беспокоились лишь о своем благе.

Чародеи Ильказара не могли забыть о древнем пророчестве, которое предрекало, что империю погубит женщина, и эти мрачные некроманты безжалостно преследовали всех маломальски влиятельных женщин.

Во время правления последнего Императора по имени Вилис была сожжена женщина, которую звали Смирена.

После нее остался сын. Безусловно, весьма досадное упущение.

Этот сын эмигрировал в Шинсан и прошел там весь курс магических наук. Учителями его были тервола и принцы-маги

Империи Ужаса. А затем он, одержимый жаждой мести, вернулся в Ильказар.

К этому времени он стал могущественным чародеем и смог собрать под свои знамена всех врагов империи. Война эта была самой жестокой войной на памяти человечества — ведь чародеи Ильказара также славились своим могуществом, а военачальники и солдаты империи были стойкими и закаленными бойцами. Магические силы, погружая мир в бесконечную ночь, пожирали целые народы.

В ту пору сердце империи отличалось богатством и плодородием своих земель. Война оставила вместо тучных пастбищ и зеленых посевов выжженную каменистую равнину. Долины великих рек превратились в безводные пространства, захваченные мертвыми песками. И вся земля получила новое имя — Хаммад-аль-Накир, Пустыня Смерти. Потомки королей стали теперь главарями оборванных бандитов, то и дело учинявших кровавую резню из-за какого-нибудь полузасыпанного глиной колодца, выдаваемого за оазис.

Одно из таких семейств, а именно Квесани, установив номинальный суверенитет над пустыней, сумело добиться некоторого подобия нелегкого и часто нарушаемого мира. Немного усмиренные племена начали создавать небольшие поселения и восстанавливать древние святыни.

Они были весьма религиозные создания — эти Дети Хаммад-аль-Накира. Только вера в то, что путь их определен Богом, позволяла им выносить тяготы жизни в пустыне и нападения своих более диких сородичей. Они не отступали перед трудностями только потому, что верили — Бог смилостивится и возвратит им достойное место среди остальных народов.

Но вера их предков была верой оседлых народов — земледельцев и горожан. Иерархи Церкви не успевали шагать в ногу со временем. Менялись поколения, а Бог не становился более милостивым. Простые люди все больше отдалялись от служителей Церкви, которые так и не смогли преодолеть косность сложившейся традиции и не сумели приспособить догмы к изменившимся обстоятельствам — и к изменившимся народам.

Став кочевниками, люди сменили систему ценностей и стали все взвешивать на весах — на весах жизни и смерти.

Это лето оказалось самым трудным — если не считать первого лета после Падения. Осень тоже не сулила облегчения. Оазисы пересыхали. И Корона и клир теряли власть. Страна постепенно погружалась в хаос: бандитские набеги случались все чаще. И молодые служители Церкви все больше расходились со старцами в толковании смысла засухи. Необузданный гнев неудержимо шествовал по голым холмам и дюнам. Отовсюду выглядывало недовольство.

Земля прислушивалась к каждому дуновению свежего ветерка. И вот один старик услышал какой-то звук. Результат его последующих действий оказался таким, что одни провозгласили старца святым, а другие прокляли.

Лучшие дни жизни имама аль Ассада остались в прошлом. Он почти ослеп — он уже почти пятьдесят лет служил Богу. Настало время, когда он мало что мог сделать для своего Бога, и теперь другие заботились о старике.

Тем не менее сейчас они дали ему меч и послали сторожить склон. У него не оставалось ни сил, ни воли для того, чтобы использовать оружие. Если кто-нибудь из рода аль Хабиб задумает прийти, чтобы украсть воду из источников или цистерн Аль Хаба, он ничего не сможет сделать. Следовало бы отказаться, сославшись на слабое зрение, думал он.

Старик оставался искренним в своей вере. Он всем сердцем верил в то, что является лишь одним из Братьев на Земле Мира и в силу этого должен делиться своим счастьем с теми, кого Бог поручил его заботам.

В Святилище Аль Хаба была вода. В Эль Акила воды не было. Старец был не в силах понять, почему его настоятель готов обнажить мечи ради того, чтобы сохранить эту противоестественную несправедливость.

Эль Акила располагалась в миле слева от него. Это убогое поселение было основным местом обитания рода аль Хабиб. Святилище и монастырь, в котором жил аль Ассад, оставались в паре сотен ярдов за его спиной. Монастырь был убежищем

для вышедших на покой служителей Бога в западной части пустыни.

Источник шума находился где-то ниже по склону, который он был должен охранять.

Аль Ассад засеменил вниз, доверяя больше своим ушам, нежели затянутым катарактой глазам. И вот до него снова долетел этот звук. Такой звук обычно издает умирающий на дыбе человек.

В тени большого валуна он обнаружил лежащего мальчика.

На слова «Кто ты?» и «Не нужна ли тебе помощь?» не последовало никакого ответа. Старик стал на колени. Скорее на ощупь, чем при помощи зрения понял, что наткнулся на жертву пустыни.

Он вздрогнул, ощутив под пальцами растрескавшуюся и иссохшую под палящим солнцем кожу лица.

— Ребенок, — пробормотал он, — и не из Эль Акила.

От мальчишки мало что осталось. Солнце выжгло из него большую часть жизни, спалив не только тело, но и дух.

— Поднимайся, сын мой. Отныне ты в безопасности. Ты пришел в Аль Хаба.

Мальчик не отвечал. Аль Ассад попытался поставить его на ноги. Ребенок не помогал и не мешал ему. Имам ничего не мог сделать. У мальчика совсем не оставалось воли к жизни. Реакцией на все усилия старика было лишь невнятное бормотание, которое, как это ни удивительно, звучало так:

— Я путешествовал с Ангелом Божьим и видел стены Рая.

Пробормотав это, мальчик окончательно впал в беспамятство. Аль Ассад, сколько ни пытался, так и не смог привести его в чувство.

Старику пришлось совершить долгое и мучительное путешествие в монастырь. Через каждые полсотни ярдов он останавливался и возносил молитву Творцу, дабы тот сохранил ему жизнь хотя бы до того момента, когда он донесет весть о ребенке до своего настоятеля.

Его сердце вновь начало давать перебои, и он знал, что уже совсем скоро Смерть примет его в свои объятия.

Аль Ассад уже давно перестал бояться встречи с Черной Дамой. Совсем напротив, он ждал того момента, когда она прижмет его к своему сердцу и освободит от многочисленных болезней и почти постоянной боли. Но он просил отсрочки для того, чтобы успеть совершить свое последнее доброе дело.

Господь возложил на него и на монастырь ответственность за ребенка, которого милостью своей провел через пустыню к Святилищу.

Смерть услышала и остановила уже занесенную над ним руку. Возможно, она просто предвидела в будущем более обильную жатву.

Поначалу настоятель старику не поверил и даже отчитал, что тот оставил вверенный ему пост.

— Это все выходки аль Хабиб, — сказал он. — Сейчас они крадут нашу воду.

Но аль Ассад сумел убедить настоятеля, что, впрочем, не сделало того счастливее.

— Нам здесь только лишних ртов не хватает, — буркнул он.

— «Ты ешь хлеб, когда брат твой голодает? Ты пьешь воду, когда брат твой умирает от жажды? В таком случае я скажу тебе...»

— Избавь меня от цитат, брат. О мальчике позаботятся.

Настоятель потупил взор. Его не ужасала мысль о том, что скоро Черная Дама явится за аль Ассадом. Старик в последнее время стал настоящим чирьем на заднице.

— Вот видишь, — сказал он. — Его уже несут.

Братья поставили носилки у ног настоятеля, и тот, склонившись, внимательно осмотрел ребенка. Вид несчастного вызвал у него отвращение, но настоятель, кажется, был потрясен вовсе не видом страдальца.

— Это же Мика. Сын торговца солью аль Рами.

— Но прошел целый месяц с того дня, когда аль Хабиб обнаружил его караван! — запротестовал один из братьев. — Никто не может выжить в пустыне так долго.

— Он сказал, что за ним ухаживал Ангел, — вмешался аль Ассад. — Говорил, что видел стены Рая.

Настоятель бросил на старика неодобрительный взгляд.

— Старик прав, — сказал один из братьев. — По пути он начал разговаривать. Бормотал о том, что видел золотые знамена на башнях у врат Рая. Рассказывал, как Ангел показывал ему бескрайний мир. Заявил, что Бог повелел ему вернуть Избранных на путь Истины.

По лицу настоятеля пробежала тень. Такие разговоры всегда нагоняли на него уныние.

— Может быть, он и в самом деле видел Ангела, — предположил кто-то.

— Не глупи, — оборвал фантазера настоятель.

— Но он жив, — напомнил аль Ассад. — Хотя это невозможно.

— Мальчишка оставался у бандитов.

— Бандиты скрылись через Сахель. Аль Хабиб проследил их путь.

— Ну, значит, у кого-то еще.

— Это был Ангел. Или ты не веришь в Ангелов, брат?

— Конечно, верю, — поспешил заверить настоятель. — Просто я считаю, что они не являются сыновьями торговцев солью. Его устами говорит безумие пустыни, и как только мальчишка придет в себя, он обо всем забудет.

Настоятель огляделся вокруг, и то, что он увидел, ему крайне не понравилось. Все обитатели Святилища собрались у носилок, и на многих лицах можно было прочитать желание поверить в услышанное.

— Ахмед, — сказал настоятель, — приведи ко мне Мустафу аль Хабиб. Впрочем, подожди. Брат аль Ассад, ты нашел мальчика, тебе и идти в деревню.

— Но зачем?

Настоятель вспомнил об одном формальном обстоятельстве, которое, как ему казалось, позволяло найти выход из неприятного положения.

— Мы не можем оставить его здесь, так как он не посвящен. К тому времени, когда мы сможем сделать это, ребенок успеет выздороветь.

Аль Ассад мрачно взглянул на своего настоятеля и, преисполнившись яростью настолько сильной, что она даже заглушала боль, отправился в деревню Эль Акила.

На главу рода аль Хабиб сообщение старика подействовало так же, как и на настоятеля.

— Ты нашел ребенка в пустыне? И что же ты хочешь от меня? Мне до него нет никакого дела.

— Несчастья ближнего касаются нас всех, — сказал аль Ассад. — Настоятель желает побеседовать с тобой о мальчике.

На вопрос главы рода аль Хабиб настоятель произнес длиннейшую цитату из Священного Писания, на что Мустафа повторил сентенцию, услышанную незадолго до этого от старика. Настоятель лишь с большим трудом сумел сдержать свой гнев.

— Он не посвящен.

— Ну так посвяти его. Это — твоя работа.

— Ритуал посвящения нельзя проводить, пока он не поправится.

— До него мне нет дела. А до твоих проблем — тем более.

Мустафа был зол на настоятеля. Всего за два дня до этого он просил у этого типа разрешения брать воду из монастырского источника и получил отказ.

Аль Ассад специально провел главу рода через сад Святилища, где на аккуратных клумбах роскошные цветы славили могущество Бога. При виде такого расточительства в засуху Мустафа рассвирепел окончательно, полностью утратив интерес ко всякого рода филантропии.

Настоятель оказался в ловушке. Необходимость вершить добрые дела была высшим законом для Святилища, и он не осмеливался попирать этот закон перед лицом всей братии. Он не мог этого сделать, если желал сохранить свой пост. Но в то же время он не мог позволить этому мальчишке бормотать безумные, еретические слова, сеющие смуту.

— Мой друг, мы, к сожалению, обменялись излишне резкими словами, когда пару дней назад обсуждали одно дело. Готов признать, что я тогда принял решение несколько поспешно.

— Возможно, — хищно усмехнулся Мустафа.

— Как насчет двух дюжин баррелей воды?

Мустафа молча двинулся к дверям.

Аль Ассад печально покачал головой. Они торгуются, как купчишки, а мальчик умирает. Испытывая сильнейшее отвращение, старик вышел и направился в свою келью.

Прошел лишь час, и Черная Дама приняла достойного старца в свои объятия.

Мика проснулся неожиданно и в полном сознании. Интуитивно он ощущал, что прошло очень много времени. Он ясно помнил — и это было последнее ясное воспоминание, как он шагал рядом с отцом, а их караван преодолевал последнюю лигу перед Эль Акила. Крики... удар... боль... безумие. Они попали в засаду. Где он сейчас? Почему он не умер? Ангел... Там был какой-то Ангел. Начали возникать обрывки иных воспоминаний. Его вернули к жизни для того, чтобы он стал миссионером среди Избранных. Стал Учеником.

Он поднялся со своего убогого соломенного ложа, но ноги отказались ему служить. Он лежал некоторое время, тяжело дыша и набираясь сил, чтобы доползти до выхода из палатки.

Мустафа аль Хабиб поместил его в своего рода карантин. Речи мальчишки приводили его в трепет. За теми безумными перспективами, которые открывали слова ребенка, вождь рода видел кровь и боль.

Мика откинул полог палатки.

Ему в лицо ударили лучи послеполуденного солнца. Он вскрикнул, прикрыв глаза руками. Дьявольский шар снова пытается его убить.

— Ты, идиот! — выкрикнул незнакомый голос, и чьи-то руки толкнули его обратно в тень. — Ты что, ослепнуть хочешь?

Руки, которые вели его к тюфяку, стали заметно нежнее. Яркие пятна в глазах начали постепенно исчезать, и он увидел рядом девочку.

Она была примерно его возраста, и ее лицо было открыто.

Он отшатнулся. Что это? Искушение, посланное Им Зло Творящим? Ведь ее отец убьет его...

— Что случилось, Мириам? Я слышал, как он вопил.

В палатку скользнул юноша лет шестнадцати. Теперь Мика испугался по-настоящему.

В этот момент он вспомнил, кто он и каково его предназначение. К нему прикасалась длань Бога. Он — Ученик. Никто не смеет сомневаться в его праведности.

— Найденыш получил в глаза много солнца. — Девочка коснулась его плеча, и Мика отшатнулся.

— Перестань, Мириам, побереги силы для игр к тому времени, когда он придет в себя. — Обращаясь к Мике, он продолжил: — Она любимица отца. Самая младшая. Вот он ее и балует. Ей даже убийство с рук сойдет. Мириам, прикрой, пожалуйста, лицо.

— Где я? — спросил Мика.

— В Эль Акила, — ответил юноша. — В палатке рядом с лачугой Мустафы абд-Рахима ибн Фарида аль Хабиб. Тебя нашли монахи из Аль Хаба. Ты почти умер. Они передали тебя моему отцу. Меня зовут Нассеф. А это отродье — моя сестрица Мириам. — Он уселся, скрестив ноги, напротив Мики. — А на нас возложена забота о тебе.

Последние слова были произнесены без всякого энтузиазма.

— Ты для них оказался слишком большой обузой, — вмешалась девочка, — вот они и отдали тебя отцу.

В ее тоне он уловил горькие нотки.

— В чем дело?

— Наш оазис высыхает. А тот, что находится в Святилище, полон, но настоятель не желает делиться водой. Священные сады расцветают, в то время как род аль Хабиб умирает от жажды.

Ни брат, ни сестра не упомянули о прагматической сделке их папаши.

— А ты и правда видел Ангела? — спросила Мириам.

— Да. Видел. Он носил меня среди звезд и показывал многие земли. Он явился ко мне в момент крайнего отчаяния и принес два бесценных дара: жизнь и Истину. И он обязал меня нести Истину всем Избранным, чтобы они смогли сбросить с себя узы прошлого и в свою очередь нести Истину неверным.

Нассеф метнул саркастический взгляд в сторону сестры. Это не прошло мимо внимания Мики.

— Ты тоже узришь Истину, друг Нассеф. Ты станешь свидетелем расцвета Королевства Покоя. Господь вернул меня к жизни с миссией создать на земле подобное королевство.

Через некоторое время вокруг этого замечания Эль Мюрида о его возвращении к жизни развернутся жаркие споры. Участники диспутов будут решать, говорил ли он о символическом возрождении или буквальном возвращении из мертвых. Сам же Эль Мюрид никогда не выступал с пояснениями.

Нассеф закрыл глаза. Он был на четыре года старше этого наивного мальчика, и эти годы обогатили его опытом, создав непреодолимую преграду между ним и Микой.

Однако у него хватило такта не расхохотаться.

— Открой-ка немного полог палатки, Мириам. Будем постепенно приучать его к солнцу.

Выполнив просьбу брата, она сказала:

— Надо принести ему что-нибудь поесть. Он же пока твердой пищи не принимал.

— Ничего тяжелого. Его желудок еще не готов. — Нассефу уже приходилось видеть людей, ставших жертвой пустыни.

— Помоги мне принести.

— Хорошо. Отдыхай, Найденыш. Мы скоро вернемся.

Пройдя футов двадцать, Мириам остановилась и негромко спросила:

— Он ведь и вправду верит в это, разве не так?

— В Ангела? Да он просто сумасшедший.

— А я вот, Нассеф, тоже верю. В некотором смысле. Потому что хочу верить. То, что он говорит... Думаю, что большинство людей тоже были бы рады услышать его слова. Думаю, что настоятель отправил его к нам только потому, что боялся слушать. По той же причине папа не хочет держать его в доме.

— Мириам...

— А что, если множество людей начнут его слушать и верить?

Нассеф, глубокомысленно помолчав, произнес:

— Пожалуй, здесь есть о чем подумать.

— Верно. Пошли, достанем ему что-нибудь поесть.

Эль Мюрид, который пока еще в основном был мальчиком по имени Мика аль Рами, лежал, уставившись в потолок палатки. Он позволил солнечному лучику прикасаться к его глазам. В нем росло нетерпеливое желание как можно скорее всту-

пить на свой путь и начать проповедовать. Но он поборол нетерпение, так как знал, что прежде чем приступить к своей миссии пастыря, ему надо полностью восстановить силы.

Но он был таким нетерпеливым!

Ему было хорошо известно непостоянство Избранных, и теперь, когда Ангел открыл ему глаза, следовало как можно скорее начинать сеять среди них зерна Истины. Каждая новая жертва Черной Дамы означала, что еще одна душа попала в лапы Властелина Зла.

Он начнет свои проповеди здесь — в Эль Акила и в Аль Хаба. Когда местные жители обретут спасение, он пошлет их нести слово Истины своим соседям. Сам же он начнет странствовать от племени к племени, от деревни к деревне по караванному пути своего отца. Если он к тому же найдет способ доставить им соль...

— А вот и мы, — объявила Мириам. В ее голосе Мика услышал музыку, весьма необычную для столь юной особы.

— Снова суп, но теперь с кусочками лепешки, которые ты будешь размачивать. Садись. На сей раз ты поешь нормально. Только не спеши, а то заболеешь. И не переусердствуй.

— Ты, Мириам, очень добрая.

— Нет. Нассеф прав. Я — жалкое отродье.

— Творец все равно любит тебя.

Он говорил негромко и убедительно, не забывая при этом жевать. Мириам внимала ему, не скрывая восторга.

Свою первую проповедь он произнес в тени пальм, окружающих оазис рода аль Хабиб. В источнике осталось лишь немного грязи, да и та почти высохла и потрескалась. Он сравнил высохший оазис с умирающей верой в Творца.

Его слушали всего несколько человек. Он сидел перед ними как учитель перед школярами, неторопливо рассуждая и приводя убедительные аргументы в пользу истинной веры. Некоторые из слушателей были в четыре раза старше его. Они были поражены его познаниями и ясностью мысли.

Они ставили на пути мальчика ловушки, сооруженные из различных догматов веры, но юный Мессия разбивал все их

аргументы с той же легкостью, с какой орды варваров разрушают стены небольших городов.

Оказывается, его обучили лучше, чем он сам мог подозревать.

Ему никого не удалось обратить в свою веру. Но он пока этого и не ждал. Проповеднику хотелось, чтобы они начали шептаться за его спиной, бессознательно создавая атмосферу, в который горячие проповеди смогут наставить некоторых слушателей на путь Истины.

Те, кто постарше, ушли с первой проповеди напуганными. Они уловили в его словах первые искры того пламени, которое может поглотить детей Хаммад-аль-Накира.

Через некоторое время Эль Мюрид пришел к Мустафе.

— Что произошло с караваном отца? — спросил он у вождя.

Мустафа был поражен — мальчик говорил с ним как с равным, а не так, как ребенок говорит с взрослым.

— Попал в засаду. Все погибли. Это был печальный час в истории Хаммад-аль-Накира. Увы, мне пришлось дожить до того дня, когда бандиты напали на караван с солью!

В словах Мустафы чувствовалась какая-то недосказанность, и глаза его бегали.

— Я слышал, что разгромленный караван нашли люди рода аль Хабиб. Мне говорили, что они преследовали бандитов.

— Да, это так. Бандиты пересекли Сахель и скрылись в западных землях, населенных неверными.

Мустафа начал нервничать, и Мика знал почему. Глава рода в целом был человеком честным. Он послал своих людей, чтобы отомстить по справедливости за семью аль Рами. Но каждый из Детей Хаммад-аль-Накира был немножечко разбойником.

— У тебя есть верблюд, который отзывается на кличку Большой Джамал. А еще один откликается на кличку Кактус. Неужели клички животных случайно совпадают с кличками верблюдов моего отца? Неужели и клейма совпадают тоже случайно?

Мустафа молчал почти минуту. На какой-то момент в его глазах даже вспыхнуло пламя гнева. Ни одному взрослому мужчине не нравится, когда от него требует ответа ребенок.

— Однако ты наблюдателен, сын аль Рами, — наконец произнес он. — Все верно. Эти животные принадлежали твоему отцу. Прослышав о том, что случилось, мы оседлали наших лучших скакунов и пустились по следу грабителей. Столь гнусное преступление не могло оставаться безнаказанным. Хотя твоя семья и не входила в род аль Хабиб, она принадлежала к Избранным. Вы были торговцами солью. А торговцев солью охраняют законы более древние, чем сама империя.

— Кроме того, ты мог захватить то, что они награбили.

— Да, я мог вернуть добычу, хотя твой отец не был богатым человеком. Все его состояние вряд ли могло покрыть наши потери в конях и людях.

Мика улыбнулся. Он понял стратегию, на основании которой Мустафа станет вести с ним торг.

— И вам удалось отомстить за гибель моей семьи?

— Для этого нам пришлось пересечь Сахель. Мы сумели захватить их чуть ли не у самых ворот укрепленного лагеря торговцев-язычников. Только двоим удалось скрыться за воротами. Мы вели себя благородно и не стали жечь их деревянные стены. Мы не стали убивать мужчин и забирать в рабство женщин. Мы встретились с их старшинами, которые, оказывается, давно знали твою семью. Мы представили им все доказательства. Они собрали совет, после которого отдали бандитов на нашу милость. Но мы милости не проявили. Бандиты умерли, и я не могу сказать, что их смерть была быстрой и легкой. Они умирали несколько дней в назидание тем, кто задумал нарушить законы более древние, чем сама пустыня. Стервятники, наверное, все еще клюют их кости.

— За это я приношу тебе, Мустафа, свою благодарность. А как насчет моего наследства?

— Мы рассчитались со старшинами. Боюсь, что они нас надули. Ведь мы для них не более чем невежественные дьяволы пустыни. Но возможно, они вели себя честно. Ведь у нас были сабли, на которых еще не успела высохнуть кровь бандитов.

— Сомневаюсь, что они обманули вас, Мустафа. Это не в их обычаях. И кроме того, они, как ты говоришь, вас боялись.

— Там оказалось немного золота и серебра. Верблюды их не интересовали.

— Каковы ваши потери?

— Один человек убит и мой сын Нассеф ранен. Ну и мальчишка! Жаль, что ты его не видел! Он дрался как лев! Моя гордость не знает границ. Не могу поверить в то, что мои чресла породили такого сына. Мой Нассеф — лев пустыни! Он станет могучим воином. Если сумеет пережить юношескую запальчивость. Он собственноручно убил трех из них. — Глава рода просто светился гордостью.

— А кони? Ты упоминал о конях.

— Мы потеряли трех. Самых лучших. Мы скакали быстро и без остановок. Кроме того, мы направили гонца к родичам твоего отца, чтобы известить их и чтобы они могли востребовать свою собственность. Посланник еще не вернулся.

— Да, я знаю, путешествие у него длинное, очень длинное. Теперь все это добро — твое, Мустафа. Все полностью. Я попрошу у тебя лишь одну лошадь и немного монет, чтобы начать свою священную миссию.

Мустафа был безмерно удивлен.

— Мика... — начал он.

— Отныне я Эль Мюрид. Мика аль Рами больше не существует. Это был мальчик, который умер в пустыне. Я вернулся из огненного горна как Ученик.

— Ты ведь шутишь. Разве не так?

Эль Мюрид был изумлен тем, что у кого-то могут быть сомнения.

— Именем твоего отца, который был моим другом, — продолжал Мустафа, — заклинаю, выслушай меня. Не вступай на этот путь. Он может оказаться путем слез и горя. И не только для тебя — для всех.

— Но я должен, Мустафа. Мне повелел это сам Бог.

— Я мог бы удержать тебя силой, но не стану делать этого. И да простит меня дух твоего отца. Я подберу тебе лошадь.

— Белую, если такая у тебя есть.

— Да, есть одна.

На следующее утро Эль Мюрид снова учил под пальмами. Он страстно говорил о едва сдерживаемом гневе Бога, кото-

ый, теряя терпение, взирает на то, как Избранные пренебре-ают своим долгом. Аргумент в виде пересыхающего оазиса опровергнуть было очень трудно. Испепеляющий зной лета тоже был весомым доводом. Некоторые из более молодых слушателей задержались после проповеди, чтобы получить более глубокие познания и выслушать ответы на мучающие их вопросы.

Три дня спустя Нассеф прошептал из-за закрытого полога его палатки:

— Мика? Я могу войти.

— Это ты, Нассеф? Входи. Но я — Эль Мюрид.

— Ну конечно. Прости. — Нассеф уселся напротив Эль Мюрида и продолжил: — Отец и я поругались. Из-за тебя.

— Мне жаль это слышать. Это очень плохо.

— Он приказал мне держаться от тебя подальше. И Мириам тоже. Остальные родители требуют того же. Они злятся на тебя — ты слишком многое подвергаешь сомнению. Тебя терпели до тех пор, пока считали, что твой разум поражен безумием пустыни. Но теперь они называют тебя еретиком.

Эль Мюрид был потрясен:

— Меня? Ученика? Они обвиняют меня в ереси? Как это может быть? Разве я не был избран самим Творцом?

— Ты бросаешь вызов старому образу жизни. Их образу жизни. Ты их обвиняешь. Ты обвиняешь монахов Аль Хаба. Они привыкли к определенным порядкам. Ведь не ждешь же ты от них признания: «Да, мы виноваты».

Он не предвидел, что Властелин Зла настолько хитер, что сможет обратить против него, Эль Мюрида, его же собственные аргументы. Кажется, он недооценил своего Врага.

— Благодарю тебя, Нассеф. Предупреждая меня, ты поступаешь как истинный друг. Я это запомню. Знаешь, Нассеф, я подобного не ожидал.

— Я так и думал.

— Ступай и не давай своему отцу повода для гнева. Я поговорю с тобой позже.

Эль Мюрид молился несколько часов. Он глубоко погрузился в собственные мысли, и ему стало окончательно ясно, что от него ждет Бог.

Он смотрел вдоль длинного каменистого склона в направлении монастыря Аль Хаба. Земля на невысоком холме была совершенно бесплодной, как будто тьма, царящая там наверху, сползла вниз, чтобы поглотить все то доброе, что ее окружало.

Именно там наверху он должен выиграть свою первую и самую важную битву. Какой смысл пытаться обращать лицом к Истине род аль Хабиб, если традиционные духовные пастыри постоянно сбивают свое стадо с правильного пути, как только оно на него ступит.

— Я отправляюсь в Святилище Аль Хаба, — сказал он жителю деревни, который подошел, чтобы спросить, что он делает. — Я намерен выступить там с проповедью. Я открою им Истину, и пусть они попробуют назвать меня еретиком в лицо, рискуя навлечь на себя гнев Творца.

— Ты считаешь это мудрым шагом?

— Это следует сделать. Они должны будут объявить себя либо обращенными праведниками, либо признаться в том, что являются орудием Властелина Зла.

— Пойду скажу всем.

Эль Мюрид начал восхождение.

В религии пустыни не существовало фигуры Дьявола, пока Эль Мюрид не назвал его. Зло состояло из сонма демонов, призраков и падших душ, не имевших вождя. А склонный к патернализму Бог Хаммад-аль-Накира был главой целого семейства богов, что подозрительно напоминало большие семьи империи или родовые группы пустыни. Главные проблемы Богу создавал его брат, слывший в божеском семействе паршивой овцой. Братец мутил воду просто так — из любви к беспорядку и не более того. В религии сохранялись следы анимизма, культа поклонения духам предков и идеи переселения душ.

Ученые университета Ребсамен в Хэлин-Деймиель утверждали, что боги пустыни являются слабым отражением той семьи, которая объединила Семь Племен и привела их в землю, ставшую вначале империей, а затем и Хаммад-аль-Накиром.

Учение Эль Мюрида исключало анимизм, поклонение предкам и переселение душ. Оно превратило скромного вождя рода во всемогущего Единственного Истинного Бога. Его братья, жены и дети стали простыми Ангелами.

А баламут брат превратился во Властелина Зла, повелителя джиннов и ифритов и покровителя колдунов. Эль Мюрид возвысил голос против всякого рода чародейства с яростью, совершенно не понятной его слушателям. Его главный довод сводился к тому, что колдовство привело к гибели империи. Величие Ильказара и надежда на возвращение прежнего величия — к этой теме он обращался в каждой проповеди.

Яблоком раздора между ним и Эль Акила был вопрос о молитвах второстепенным божествам. Местные жители привыкли обращаться к помощи монахов обители, когда хотели направить просьбу богам и особенно Мухриану, в честь которого и было построено Святилище Аль Хаба.

Путь мальчика лежал не в само Святилище, а к тому месту, где его нашел старый имам. Он вначале не понял, что влечет его туда. Но затем догадался, что ему там следует что-то найти.

Он там что-то потерял. Что-то такое, о чем совершенно забыл. Какой-то предмет, который выпал из его памяти. Нечто очень важное, что передал ему Ангел.

Перед его глазами мелькали обрывки видений, в которых присутствовал амулет. Могущественный амулет в виде браслета с живым камнем. Амулет, сказал Ангел, послужит свидетельством Истины в тот момент, когда ему потребуется убедить сомневающихся.

Но он совершенно не помнил, куда спрятал его.

Мика принялся ползать по краю высохшего русла, не позволившего ему самостоятельно добраться до Эль Акила.

— Ради всех богов, что ты здесь делаешь? — послышался сзади голос Нассефа.

— Ты напугал меня, Нассеф.

— Так что же ты делаешь?

— Ищу кое-что. Я спрятал это где-то здесь. Ведь они его не нашли, не так ли? Они ничего не говорили?

— Кто? Монахи? Нашли. Оборванного и обожженного солнцем сына торговца солью. Что же ты припрятал?

— Я вспомнил. Камень, похожий на панцирь черепахи.

— Этот, что ли?

Камень находился всего в ярде от того места, где Мику нашел аль Ассад. Он попытался поднять камень, но сил не хватало.

— Подвинься. Я тебе помогу.

Нассеф попытался оторвать Эль Мюрида от камня и в итоге порвал рукав о колючий кустарник.

— О! Мать теперь устроит мне трепку!

— Ну ладно, помоги.

— Да и отец тоже от нее не отстанет, если узнает, что я был здесь.

— Нассеф!

— Ну ладно. Я здесь. — Он приподнял валун. — Как ты ухитрился сдвинуть его раньше?

— Не знаю.

Вдвоем им удалось чуть откатить камень.

— Ишь ты! Что это за штука?

Эль Мюрид бережно взял изящный золотой браслет и сдул с него пыль. Драгоценный камень ярко сверкал даже в такое солнечное утро.

— Ангел дал мне его. Как свидетельство для сомневающихся.

На Нассефа его слова произвели впечатление, но он казался скорее встревоженным, нежели восхищенным. Немного помолчав, он сказал:

— Тебе лучше поторопиться. В Святилище собралась куча людей.

— Они ждут развлечения?

— Они думают, что это может быть интересно, — с подчеркнутым безразличием произнес Нассеф.

Эль Мюрид уже давно обратил внимание на уклончивый характер ответов Нассефа. Молодой человек, не желая себя связывать, во всем избегал определенности.

Они не спеша направились к Аль Хаба. По дороге Нассеф стал понемногу отставать. Эль Мюрид ничего не сказал. Он все понимал. Нассефу не следует ссориться с Мустафой.

В Аль Хаба собрались все монахи и все обитатели Эль Акила. В саду Святилища царила карнавальная атмосфера. Но Эль Мюрид почти не увидел обращенных к нему дружеских улыбок.

За внешней веселостью притаилась настороженность и злоба. Они пришли сюда, чтобы увидеть чьи-то страдания.

Поначалу он думал, что сможет учить их, сможет устроить диспут с настоятелем и таким образом открыть всем глаза на ложность старинных догматов и греховность привычного образа жизни. Но сейчас он видел, что господствующим настроением здесь является злобная одержимость. Об учении не могло быть и речи. В такой обстановке требуется бурное проявление чувств, требуется эмоциональный взрыв.

Он стал действовать по наитию, совершенно не думая. И на несколько минут он сам стал одним из зрителей, наблюдающих за представлением, которое дает Эль Мюрид.

Он воздел руки к небу и вскричал:

— Я обличен Могуществом Творца! Дух Его движет мною! Узрите это, вы, идолопоклонники, погрязшие в грехе и слабые в вере! Дни противников Бога сочтены! Нет богов кроме Бога Единого, и я — Его Ученик! Следуйте за мной или вечно горите в адском пламени!

Он обратил к земле сжатую в кулак правую руку. Камень в его амулете вспыхнул ярким огнем.

С неба, которое не видело ни облачка вот уже много месяцев, ударила молния, и на этом месте, в безупречном саду Святилища, остался безобразный выжженный шрам. В воздухе закружились лепестки цветов.

По голубым небесам прокатился громовой удар. Женщины завизжали. Мужчины заткнули уши. Еще шесть молний, словно огненные дротики, вонзились в землю, оставив на месте великолепных ухоженных клумб лишь испепеленную землю.

В гробовом молчании Эль Мюрид направился вон из осквернённого Святилища. Он шагал неторопливо и величественно, похожий не на ребенка, а на стихийную силу — нечто вроде циклона. Так он спустился к Эль Акила.

Толпа хлынула вслед за ним. Люди были в ужасе, но их влекла какая-то неодолимая сила. Братья из монастыря пошли тоже, а ведь они почти никогда не покидали стен Аль Хаба.

Эль Мюрид подошел к пересохшему оазису и остановился там, где еще совсем недавно воды омывали подножия пальм.

— Я — Его Ученик! — вскричал он. — Я — орудие в Руках Божьих! Я — воплощение Его Славы и Его Могущества! Взирайте!

Он подошел к валуну весом фунтов в сто, без всякого труда поднял его двумя руками над головой и швырнул в засохшую грязь.

Раскат грома снова разорвал безоблачное небо. В каменистую почву пустыни ударили молнии. Женщины снова завизжали, а мужчины закрыли глаза. На пересохшей глине вдруг начали проступать темные пятна влаги.

— И вы продолжаете называть меня безумцем и еретиком? — грозно спросил он настоятеля и Мустафу. — Отвечайте же, слуги Ада! Покажите мне свое могущество!

Горстка новообращенных последователей Эль Мюрида собралась в одном месте. Их лица светились восторгом, весьма сходным с обожествлением.

Нассеф стоял поодаль в пространстве между двумя группами. Он пока не знал, к кому ему лучше примкнуть.

Но напугать настоятеля было непросто. Представление Эль Мюрида не произвело на него особого впечатления. Было ясно, что никакая демонстрация могущества не в силах поколебать его приверженность традициям.

— Все это обычный балаган, — прорычал он. — Проявление силы Властелина Зла, от имени которого ты проповедуешь... ты не сотворил ничего такого, чего не мог бы сделать любой опытный колдун!

Запретное слово было брошено в лицо Эль Мюрида, как перчатка. Все его учение пронизывала безотчетная и бесконечно глубокая ненависть ко всем проявлениям магического искусства. Именно эта часть его доктрины больше всего смущала слушателей, поскольку она не имела никакой видимой связи с остальными фундаментальными положениями учения.

Эль Мюрид затрясся от ярости.

— Как смеешь ты? — выкрикнул он.

— Неверный! — раздался чей-то голос.

— Еретик! — вторил ему еще кто-то.

Эль Мюрид резко обернулся. Неужели они смеют издеваться над ним?

Оказалось, что это его сторонники кричат настоятелю.

Один из них бросил камень. Камень рассек настоятелю лоб и бросил его на колени. Последовал град камней. Большинство жителей деревни обратились в бегство. Личные помощники настоятеля — парочка наименее престарелых обитателей подхватила своего пастыря под мышки и поволокла с поля боя. Сторонники Эль Мюрида двинулись следом, не переставая швырять камни.

Мустафа, собрав горстку людей, бросился на перехват. В воздухе повисла брань. Замелькали кулаки. В руках, откуда ни возьмись, появились ножи.

— Прекратите! — закричал Эль Мюрид.

Это был первый мятеж. И с тех пор они преследовали его как заразная болезнь все эти годы. Только его вмешательство помогло спасти жизни многим.

— Прекратите! — грозно выкрикнул он, воздев правую руку к небесам. Его амулет сверкал, заливая лица золотистым сиянием. — Спрячьте свои клинки и ступайте по домам! — приказал он своим сторонникам.

Сила снизошла на него, он перестал быть ребенком и его приказам нельзя было не повиноваться. Последователи Эль Мюрида спрятали ножи и отошли назад. Он внимательно их рассмотрел. Они все были молоды, некоторые даже моложе его.

— Я пришел к вам не для того, чтобы вы проливали кровь, — сказал он и, повернувшись к Мустафе, продолжил: — Прими мои извинения, Мустафа. Я не хотел этого.

— Но ты же призываешь к войне. К Священной войне.

— Только против неверных. Против варварских, языческих стран, восставших против империи. Но не к войне брата против брата и Избранных против Избранных. — Он бросил взгляд на молодых людей и с изумлением заметил среди них нескольких девочек. — Я не хочу восстанавливать сестер против братьев или сынов против отцов. Я явился, чтобы воссоздать Священную Империю, чтобы Избранные снова смогли занять достойное место среди других народов и обрести любовь Едино-

го Господа, которому они станут возносить молитвы о ниспослании милости Избранным.

— Я верю, что ты желаешь добра, — покачал головой Мустафа. — Но мятежи и раздоры будут всегда идти за тобой по пятам, Мика аль Рами.

— Эль Мюрид. Ученик.

— Вражда станет повсюду следовать за тобой, Мика. И твое путешествие уже началось. Я не допущу, чтобы в роду аль Хабиб начались ссоры. Я навсегда изгоняю тебя со своих земель, но не стану принимать более суровых мер, так как знал твою семью и ее нелегкие пути в пустыне.

«И еще потому, что боюсь амулета». Но эти слова он не произнес.

— Я — Эль Мюрид!

— Мне безразлично, как ты себя называешь и кем считаешь. Но я не допущу насилия на моей территории. Я дам тебе коня и монеты, которые ты просил у меня, а также все остальное, что тебе потребуется в странствиях. Ты покинешь Эль Акила сегодня после полудня. Я, Мустафа абд-Рахим ибн Фарид аль Хабиб, сказал свое слово. Не спорь со мной.

— Отец, ты не можешь...

— Молчи, Мириам. Что ты делаешь в обществе этой рвани? Почему ты не со своей матерью?

Девочка принялась возражать, но Мустафа резко оборвал ее:

— Я оказался глупцом. Ты начинаешь рассуждать так, словно ты и впрямь мужчина. Все кончено, Мириам. Отныне и впредь ты будешь находиться среди женщин и станешь выполнять женскую работу.

— Отец!

— Ты слышала меня. Мика, ты тоже слышал мои слова. Начинай сборы.

Его сторонники были готовы возобновить свару, но он их разочаровал.

— Нет, — сказал Мика, — для Королевства Покоя еще не пришло время бросить вызов неправедным порочным силам, временно захватившим власть. Потерпите. Наш час придет.

Мустафа залился краской и процедил:

— Не выводи меня из себя, мальчик.

Эль Мюрид повернулся лицом к вождю рода аль Хабиб и скрестил руки на груди так, чтобы амулет оказался сверху. Сверкающий камень был обращен прямо на Мустафу. Мальчик молча и не мигая встретил взгляд воина.

Первым не выдержал Мустафа. Он посмотрел на амулет, судорожно сглотнул и зашагал к деревне.

Эль Мюрид неторопливо последовал за ним. Его сподвижники шагали рядом, заглядывая ему в глаза и принося клятвы верности. Но он не обращал на них внимания. Его привлекал Нассеф, который брел между двумя группами, не зная, к которой примкнуть.

Интуиция подсказывала — Нассеф ему необходим. Этот юноша может стать краеугольным камнем всего его дела. Прежде чем уехать, он обязан завоевать доверие Нассефа.

У Эль Мюрида к Нассефу было двойственное отношение, впрочем, как и у сына Мустафы к Эль Мюриду. Нассеф был умен, бесстрашен, жесток и умел. Но в нем присутствовала какая-то темная, пугающая Ученика сторона. Сын Мустафы нес в себе как зачатки большого зла, так и зерно добра.

— Нет, я не стану спорить с Мустафой, — сказал Эль Мюрид сторонникам, умоляющим не покидать их. — Я полностью восстановил силы и настало время странствий. Я вернусь, когда придет срок. Примите на себя мои труды, пока я буду отсутствовать. И пусть, когда я вернусь, передо мной предстанет образцовое поселение.

Он начал один из своих уроков, чтобы ученики его оказались во всеоружии, когда приступят к своей миссионерской деятельности.

Выехав из Эль Акила, он не стал оглядываться. Эль Мюрид сожалел лишь о том, что не получил возможности привести Нассефу новые доводы. Что же, Эль Акила была всего лишь началом.

Правда, не таким хорошим началом, на которое он мог надеяться. Никого из серьезных людей он обратить так и не смог. Монахи и вожди просто отказывались его слушать. Следовало найти способы отвернуть их глаза и умы.

Он двигался в обратном направлении по тому пути, которым двигался в последний раз караван его отца. Ему хотелось задержаться в том месте, где погибла его семья.

Ангел предупредил его о том, что удел его будет тяжелым и что против него выступят все те, кто извлекает выгоды от приверженности к старым порядкам. Он не поверил. Как можно отказываться от Истины? Ведь она настолько очевидна и так захватывающе прекрасна, что видна каждому.

Эль Мюрид услышал стук подков, когда находился уже в двух милях от Эль Акила. Он оглянулся. Его догоняли два всадника. Он не сразу их узнал, а затем ему показалось, что это те двое, которые утаскивали забиваемого камнями настоятеля. Что им здесь понадобилось? Эль Мюрид обратил взор на восток, стараясь не обращать внимания на преследователей. Оглянувшись вторично, он увидел их в какой-то дюжине ярдов позади себя. В их руках сверкнула обнаженная сталь.

Эль Мюрид ударил пятками в бока своего коня. Белый жеребец рванулся вперед, едва не выбросив его из седла.

Склонившись вперед, он обхватил обеими руками шею скакуна, даже не пытаясь управлять скачкой.

Всадники неслись следом.

Теперь он познал тот страх, на который ему не хватило времени во время нападения бандитов на караван отца. Он не представлял, что Властелин Зла так скоро обратит против него свою ярость.

Скакун, обогнув огромный выветренный валун, вынес его в ту долину, где погиб его отец...

Преследователи уже поджидали его. Белый конь встал, чтобы избежать столкновения. Животное с такой силой уперлось ногами, что все четыре копыта полностью ушли в песок. Эль Мюрид вылетел из седла и покатился по земле, пытаясь найти укрытие.

Оружия у него не было. Он всегда верил в то, что Бог защитит его... Эль Мюрид начал молиться.

Позади него в долине раздался стук копыт. Раздались крики. Сталь ударила о сталь. Кто-то застонал и затем все стихло.

— Вылезай, Мика! — заорал кто-то, нарушив гробовую тишину. Он выглянул в щель между двумя валунами и увидел

двух лошадей без всадников и два неподвижных тела на каменистой земле.

Над ними возвышался Нассеф, восседавший на огромном черном жеребце. В правой руке он держал окровавленный клинок. Позади него Эль Мюрид увидел трех молодых людей из Эль Акила, Мириам и еще одну девочку, имени которой он не знал.

— Откуда вы появились? — спросил Эль Мюрид, выползая из-за камней.

— Мы решили отправиться за тобой, — сказал Нассеф, соскакивая с коня и с презрительным видом вытирая лезвие о грудь одного из убитых. — Монахи. Они послали этих полоумных убить тебя.

Убитые братья не были монахами, они всего лишь прислуживали в Святилище. Настоятель кормил их и предоставлял крышу над головой за то, что они ишачили на монастырь.

— Но как вы оказались именно здесь? — спросил Эль Мюрид.

— Мириам заметила, что они отправились вслед за тобой. До этого момента мы спорили, не зная, что делать дальше. Но их отъезд решил все. Здесь есть козья тропа, которая идет не вокруг холмов, а прямо через них. По ней я и поскакал. Я был уверен, что они дадут тебе проехать до этого места, а затем сделают все так, будто ты снова стал жертвой бандитов.

Эль Мюрид стоял над мертвыми братьями, и его глаза наполнились слезами. Эти бедняги были всего лишь слепым орудием в лапах Властелина Зла. Встав на колени, он вознес молитву о спасении их душ, хотя надежды на то, что Бог проявит к ним милосердие, было мало. Бог, как известно, ревнив и мстителен.

Закончив молитву, Эль Мюрид спросил:

— И что же ты собираешься сказать своему отцу?

— Ничего. Мы отправляемся с тобой.

— Но...

— Тебе нужна помощь, Мика. Разве я это только что не доказал?

Эль Мюрид немного постоял в задумчивости, а затем, заключив Нассефа в объятия, произнес:

— Я рад, что ты пришел, Нассеф. Я очень беспокоился за тебя.

Нассеф покраснел. Дети Хаммад-аль-Накира привыкли к рисовке, но им крайне редко приходилось встречаться с проявлениями искренней нежности.

— Надо двигаться дальше, — сказал он. — Нам предстоит длинный путь, если мы не хотим провести ночь в пустыне.

Эль Мюрид снова обнял его:

— Еще раз благодарю тебя, Нассеф. Ты не представляешь, сколь много все это для меня значит. — Он повернулся, обменялся рукопожатиями с остальными молодыми людьми и поцеловал ручки девочкам.

— А я, значит, объятий не заслужила? — поддразнила его Мириам. — Неужели ты любишь Нассефа сильнее, чем меня?

Теперь настала его очередь смущаться. Мириам следует прекратить свои игры.

Но вызов он принял.

— Ну-ка, подойди поближе, — сказал Эль Мюрид.

Когда она приблизилась, проповедник ее обнял, чем страшно рассердил Нассефа и привел в страшное смущение девочку.

Эль Мюрид рассмеялся.

Один из молодых людей подвел его коня.

— Благодарю тебя, — сказал юный Мессия.

Итак, их было семеро. Они отправлялись в путь, которому предстояло продолжаться много-много лет. Эль Мюрид счел семерку благоприятным числом, но числа сами по себе не приносят удачи. Ему придется провести в мучительных раздумьях бесчисленное количество ночей, прежде чем его миссия начнет приносить плоды. Слишком много Детей Хаммад-аль-Накира не желали воспринимать его учение или оказывались глухими к слову Истины.

Но он упорно продолжал свое дело. Каждая новая проповедь открывала для него еще одно-два сердца. Число его сторонников постоянно возрастало, и они тоже начинали проповедовать.

Глава 2

СЕМЕНА НЕНАВИСТИ, КОРНИ ВОЙНЫ

Гаруну было шесть лет, когда он впервые повстречался с Эль Мюридом.

Его брат Али нашел себе наблюдательный пункт в проломе старой стены окружающей сад.

— Вот это да, клянусь бородой Бога! — воскликнул Али. — Хедах, Мустафа, Гарун, бегите скорей сюда! На это стоит посмотреть.

— Али, немедленно слезай оттуда! — потребовал их учитель Мегелин Радетик.

Мальчик проигнорировал приказ.

— Разве можно вколотить хоть что-нибудь в головы этих маленьких дикарей, — пробормотал Радетик. — Может быть, вы можете мне помочь? — спросил он у их дяди Фуада.

Тонкие губы Фуада сложились в злобную улыбку. *Могу, но не буду*, говорила эта гримаса. Фуад считал, что его брат Юсиф просто глупец, растрачивая деньги на этого смахивающего на бабу заграничного учителя.

— Что вы хотите? Ведь сейчас Дишархун.

Радетик покачал головой. В последние дни Фуад не удостаивал его разнообразием ответов.

Варварское празднество, которое означало потерю еще нескольких недель в достаточно безнадежном деле обучения отпрысков валига. Они покрыли почти три сотни ужасных миль по пустыне от Эль Асвада до Аль-Ремиша только для того, чтобы повеселиться и вознести молитвы. Однако следовало признать, что за кулисами праздника вершились важные политические дела.

Ученые Хэлин-Деймиеля славились своим скептицизмом. Они объявляли все религиозные конфессии либо фарсом, либо жульничеством.

Мегелин Радетик даже среди своих ученых коллег слыл скептиком. Его отношение к религии явилось предметом горячего

спора между ним и его работодателем Юсифом, валигом Эль Асвада. В результате этих дискуссий на всех уроках стал обязательно присутствовать Фуад. Младший брат Юсифа, известный скандалист и забияка, он должен был находиться рядом с учителем, чтобы противостоять самым нетерпимым ересям Хэлин- Деймиеля.

— Торопитесь! — орал Али. — Вы все прозеваете!

Все те, кто двигался по королевскому парку от лагерей паломников к Святилищу Мразкима, не могли миновать пыльной улицы вдоль стены сада, ставшего для Мегелина классной комнатой на открытом воздухе. В этом году его ученики впервые были вместе с отцом во время Дишархуна. Им еще не доводилось видеть Аль-Ремиш в праздничной атмосфере.

— Святая Неделя, — бормотал с кислым видом Радетик. — Весеннее празднество. И кому все это надо?

Для него это тоже было первое посещение столицы. И если говорить по правде, то и он был возбужден не менее своих учеников, хотя и старался не подавать виду.

Он согласился стать учителем для того, чтобы иметь возможность изучать примитивные политические процессы, протекающие далеко за Сахелем. Беспрецедентный вызов традициям, брошенный Мессией по имени Эль Мюрид, обещал интересные результаты в изучении общества, пребывающего в состоянии внутреннего напряжения. Научной специальностью Радетика был анализ трансформации идейных воззрений правительства в монолитных государствах, пытающихся приспособиться к идеологическим изменениям, как правило, политически нейтральным. Это была очень тонкая и сложная область исследований, и какими бы ни были выводы авторов, они подвергались жестокой критике.

Его сделка с Юсифом вызвала большой шум в университете Ребсамен. Таинственные земли Хаммад-аль-Накира оставались девственной территорией для ученых Хэлин-Деймиеля. Но теперь Радетик начинал сомневаться, стоит ли игра свеч.

Только маленький Гарун не отвлекался. Все остальные ученики разбежались и присоединились к Али, заняв удобные наблюдательные пункты.

— Что же, пойдем и мы, — сказал Радетик, обращаясь к своему единственному слушателю.

Гарун оказался единственным светильником разума, который Радетику удалось найти на этой погруженной в интеллектуальный мрак унылой земле. Лишь Гарун мешал Радетику сказать своему благодетелю, что тот может убираться в Ад, не забыв захватить с собой все свои предрассудки. У этого ребенка были просто необыкновенные задатки.

Что же касается остальных... Все эти родные и двоюродные братья Гаруна и их приятели — детишки наиболее приближенных придворных... то они обречены. Они обречены стать копиями своих отцов. Невежественными, суеверными и кровожадными дикарями. Эти люди станут размахивать мечами в бесконечных налетах и рейдах, принимая свой танец смерти за подлинную жизнь.

Радетик никому, даже себе, не признавался в том, что полюбил этого маленького бесенка Гаруна. Следуя за мальчиком к стене сада, Радетик в тысячный раз размышлял о валиге.

По своему положению Юсиф был чем-то вроде герцога. Он — двоюродный брат короля Абуда и всеми силами стремился сохранить статус-кво, так как всякие перемены грозили ему серьезными потерями. И в то же время он мечтал о том, чтобы положить конец существующим традициям жизни хотя бы в одном смысле — покончить с беспрерывной чередой убийств, которые стали уже образом жизни. В некотором смысле он был таким же революционером, как и Эль Мюрид, только более спокойным и не столь непримиримым.

Один из старших мальчиков подсадил Гаруна на стену и тот стал наблюдать за происходящим, как за маленьким чудом. Любимец Радетика был смугл, тощ, темноглаз и горбонос — уменьшенная копия отца. Даже в шесть лет он осознавал свое положение.

Так как Гарун был четвертым сыном, ему предстояло стать главным шаганом валига — командиром небольшой группы солдат-колдунов, служивших в кавалерии. Ему предстояло взять на себя большую ответственность, а для этого требовалось как можно глубже изучить магическое искусство.

Уже сейчас Радетику приходилось делить своего ученика с колдунами-учителями из Джебал-аль -Алаф-Дхулкварнеги, что в переводе означало «Горы Тысячи Колдунов». Самые великие маги начинали учебу, как только начинали говорить. Но и в этом случае они достигали полного мастерства только в весьма зрелом возрасте. Юные годы уходили на то, чтобы овладеть искусством самодисциплины. Это необходимо было сделать до времени созревания и появления сопутствующих этому времени увлечений.

Радетик протиснулся через толпу ребятишек.

— Будь я проклят! — выпалил он.

— И будете, вне всяких сомнений, — произнес Фуад, оттаскивая Радетика и занимая его место.

— О боги... Женщина с обнаженным лицом! Теперь, учитель, вы можете отпустить школяров. Сегодня они уже не успокоятся. А я, пожалуй, пойду скажу Юсифу, что эти люди здесь.

На лице Фуада появилось похотливое выражение. Радетик не сомневался, что у него сейчас эрекция.

Как все же необычен образ мыслей людей пустыни, подумал ученый.

В последнее время все в окружении короля спорили о том, посмеет ли Эль Мюрид явиться в Святилище.

Радетик снова просунул голову в пролом стены и принялся наблюдать.

Женщина оказалась гораздо моложе, чем он думал. Она ехала на высоком белом верблюде. Все были настолько увлечены лицезрением ее личика, что совершенно не обращали внимания на молодого человека с диким взглядом. Молодой человек восседал на белоснежной кобыле.

Эль Мюрида затмевал своим видом и воин на огромном черном жеребце.

Это, наверное, и есть Нассеф, думал Радетик, брат жены проповедника и горлопан, возглавляющий отряд личных телохранителей Эль Мюрида, претенциозно именуемых «Непобедимые».

— Однако ты — наглый бандит, сынок, — пробормотал Радетик, имея в виду Эль Мюрида. Он был восхищен тем вы-

зовом, который этот юноша бросил вековым традициям. Мегелин Радетик высоко ценил всех, кто осмеливался дать оплеуху служителям любого старого культа.

— Мальчики! Слезайте со стены. Отправляйтесь к своим отцам. Или вы хотите, чтобы вас высекли?

Таково было наказание за лицезрение лица женщины. Ученики разбежались.

Разбежались все, кроме Гаруна.

— Это и есть Эль Мюрид? — спросил мальчик. — Тот, кого отец называет Маленький Дьявол?

— Он самый, — кивнул Радетик.

Гарун бросился следом за своими братьями и кузенами.

— Али! — кричал он. — Постой! Ты помнишь, как Сабах приезжал в Эль Асвад?

Мегелин всем своим существом чувствовал приближение несчастья. Сейчас он припомнил, что скверно начавшиеся переговоры с Сабах-и-Хасаном привели в конечном итоге к большой крови. Учитель бросился следом за учениками.

Он уже предупреждал Юсифа. Радетик составлял гороскоп за гороскопом и каждый новый был еще мрачнее предыдущего. Но Юсиф категорически отрицал любой научный подход к своей жизни.

Всем детям Хаммад-аль-Накира была присуща какая-то невинная природная жестокость, и на их языке, например, было невозможно выразить такое понятие, как «милосердие к врагам».

Гарун оглянулся и, увидев, что Радетик смотрит на него, чуть было не остановился. Но желание произвести впечатление на братьев возобладало над здравым смыслом. Он схватил примитивный набор принадлежностей шагана и выбежал вслед за остальными на улицу.

Радетик последовал за своими учениками. Он не мог предотвратить их выходку, но зато у него появилась возможность сорвать завесу тайны, окружающую причину провала переговоров с Сабах-и-Хасаном.

Примитивность этих причин оказалась просто пугающей.

Шаган это не только колдун, но и фокусник. Гарун целыми днями упражнялся, развивая ловкость рук, которая могла

бы пригодиться ему в будущем и вызвать восхищение окружающих. Среди его принадлежностей была трубочка, которую он мог легко спрятать в кулаке и, притворившись кашляющим, дунуть огненной таблеткой в костер или острой стрелкой в ничего не подозревающего врага.

На сей раз Гарун выбрал стрелку, вонзив ее в круп белой лошади.

Кобыла, заржав, взбрыкнула, и Эль Мюрид выпал из седла к ногам Гаруна. Проповедник и мальчик встретились взглядами. Эль Мюрид ничего не понимал. Он попытался подняться, но тут же снова упал. Носитель Истины сломал лодыжку.

Родные и двоюродные братья Гаруна принялись издеваться над упавшим юношей.

Какой-то сообразительный монах заорал:

— Божественное знамение! Все лжепророки неизбежно рушатся!

Толпа подхватила этот вопль. Некоторые ждали лишь подходящего момента, чтобы начать поношение Эль Мюрида. Сторонники Пророка встали на защиту своего кумира. Кое-где завязались потасовки.

Гарун и Эль Мюрид продолжали смотреть друг на друга, как бы вглядываясь в будущее и словно видя его в мрачном свете.

Нассеф заметил духовую трубку. Его сабля со звоном вылетела из ножен и острие клинка рассекло правое надбровье Гаруна, всего лишь дюймом выше глаза. Мальчик не погиб лишь благодаря решительным действиям Радетика.

Сторонники короля взревели от ярости. Заблестели клинки.

— Начинается побоище. Сюда, маленький глупец! — С этими словами он рванул упавшего Гаруна за руку, кинул мальчишку себе на плечо и заспешил к шатру работодателя. Во время Дишархуна все — как паломники, так и местные жители — должны были всю неделю жить в палатках.

Навстречу им выбежал Фуад. До него уже домчались слухи об убийстве, и он был в ярости. Гигант с репутацией необузданного дикаря являл собой внушающее страх зрелище. В руке он сжимал свой боевой меч — такой большой, что им наверное можно было снести голову быка единым ударом.

— Что случилось, учитель? С ним все в порядке?

— В основном напуган. Я должен поговорить с Юсифом.

Радетик изо всех сил старался не показать рану мальчишки, зная, что своей необузданной яростью Фуад значительно превосходит среднего легковозбудимого туземца.

— Он ждет.

— Чтобы поговорить с ним, мне каждый раз приходится ждать, когда один из его детей покалечится.

Фуад одарил его кислым взглядом.

Крики и сабельный звон вокруг Эль Мюрида становились все громче. В период Дишархуна всякие свары категорически запрещались, но Дети Хаммад-аль-Накира были не из тех, кто позволяет каким-то там законам ограничивать свои эмоции.

На месте схватки появились всадники с черными круглыми щитами, на которых были изображены красные орлы — символы Королевского дома.

Радетик заторопился в жилище валига.

— Что случилось? — спросил Юсиф, убедившись, что рана сына опасности не представляет. Приказав всем своим обычным прихлебателям выйти, он сказал:

— Гарун, говори первым!

Мальчик был слишком напуган, чтобы уклоняться от истины.

— Я... Я использовал духовую трубку. Попал в его лошадь. Я не думал, что он упадет и повредится.

— Мегелин?

— Суть такова. Мы имеем дело с шуткой очень дурного вкуса. Думаю, что виной всему пример, какой подают детям взрослые. Впрочем, мне и раньше приходилось слышать кое-что о Сабах-и-Хасане.

— При чем здесь он?

— Я полагаю, что тогда был использован тот же трюк. Ваши дети, для вашего сведения, просто более примитивны и прямолинейны, чем вы.

— Гарун? Это правда?

— Что?

— Ты так же поступил и с Сабах-и-Хасаном?

Радетик слегка улыбнулся, заметив, как мальчишка борется с ложью, пытающейся вырваться из его уст.

— Да, отец, — наконец выдавил он.

В шатер вернулся Фуад.

— Учитель?

— Да, валиг.

— Как они оказались на улице? Разве они не должны были быть на занятиях?

— Брось, Юсиф, — вмешался Фуад. — Не говори мне, что ты постарел настолько, что не помнишь времена, когда сам был мальчишкой. (Валигу было сорок один.) Это же Дишархун. На женщине не оказалось покрывала. Неужели ты полагаешь, что учитель способен творить чудеса?

Радетик был поражен. Фуад неоднократно давал ему понять, что учитель, который не обучает владению оружием, — существо абсолютно никчемное. Вождю воинов никакого образования не требуется. А что касается писцов и счетоводов, то их всегда можно захватить в рабство.

Кроме того, Фуад не любил Радетика как личность.

Почему он вдруг стал таким добродушным? Это внушало беспокойство.

— Гарун.

Мальчик неохотно приблизился к отцу. Наказание он воспринял без слез, но и без раскаяния.

Юсиф был сердит. Он никогда не наказывал детей перед чужаками. И все же... Радетику показалось, что его работодатель не так уж и недоволен.

— Теперь отправляйся к своим братьям и скажи им, чтобы они держались подальше от всяких неприятностей.

Мальчик убежал, а Юсиф, обращаясь к брату, произнес:

— Отчаянный маленький негодяй...

— Сын своего отца, полагаю. Ты был таким же.

Гарун был любимцем Юсифа, хотя тот и пытался это скрыть. Радетик подозревал, что его услуги потребовались только ради этого мальчишки. Остальных отправили учиться в слабой надежде, что и на их разум может лечь патина мудрости.

Гарун любил учиться. Особенно ярко это проявлялось, когда он не находился в обществе своих братьев. Однажды он даже

сказал Радетику, что хотел бы стать похожим на него, когда вырастет. Мегелин был польщен и растроган.

Гарун проявлял удивительную для шестилетнего ребенка настойчивость в подготовке к миссии, предназначенной ему от рождения. В этом отношении он не уступал и двенадцатилетнему. Ему был присущ мрачный фатализм, который редко можно встретить даже у тех, кому перевалило за тридцать.

Мегелина очень беспокоила будущая судьба ребенка.

— Юсиф, — забубнил Фуад, — наступил тот момент, которого мы так долго ждали. На этот раз он дал нам хороший, надежный как скала предлог.

Радетик поразился, когда понял, что речь идет об Эль Мюриде. Это было открытие. Он и не подозревал, что столь могущественные люди опасаются Ученика. Опасаются пятнадцатилетнего мальчишку, который подобно им явился в Аль-Ремиш на Дишархун. Явился для того, чтобы над его новорожденной дочерью был исполнен обряд обращения в почитаемом всеми Святилище Мразкима.

Итак, они ему лгали. Так же как, впрочем, и себе. Все тот же старый добрый свист в темноте, которым гонят страх. Именно этим и был вызван весь шум по религиозным проблемам.

— Валиг, но это же нелепо. Это — варварство, — вмешался Радетик. — Мальчик — сумасшедший. Он навлекает на себя страдания после каждой проповеди. Зачем вам выдвигать против него обвинения? Пусть он получит свою Святую Неделю. Пусть говорит. И пусть над ним посмеется весь Аль-Ремиш.

— Позволь мне дать пинка этому сутенеру с плоской рожей! — проревел Фуад.

Юсиф успокаивающе поднял руку и произнес:

— Помолчи. Он имеет право на свое мнение, пусть даже и ложное.

Фуад мгновенно умолк.

Юсиф имел безграничное влияние на младшего брата. Фуад практически не имел собственных амбиций и был почти полностью лишен творческой фантазии. Он был зеркалом Юсифа, его правой и очень длинной рукой, молотом, при помощи которого обретали форму политические мечты валига. Это не оз-

начало, что он всегда и во всем соглашался с братом. Фуад и Юсиф иногда спорили. Их споры становились особенно горячими, когда старший из братьев пытался ввести какое-нибудь новшество. Иногда побеждала точка зрения Фуада. Но если решение было принято, то он проводил его в жизнь железной рукой.

— Валиг...

— Помолчи немного, Мегелин. Позволь мне объяснить тебе, в чем ты не прав. — Юсиф поправил подушки и продолжил: — Это займет некоторое время, так что устраивайся поудобнее.

Радетик считал, что убранство шатра Юсифа являет собой прекрасный образчик варварского вкуса. Дети Хаммад-аль-Накира по возможности окружали себя кричаще яркими красками. Красные, зеленые, желтые и синие тона, окружающие Юсифа, настолько не гармонировали, что Радетику казалось — краски, ссорясь, кричат друг на друга.

— Фуад, поищи чего-нибудь освежающего, пока я буду учить нашего учителя. Мегелин, ты ошибаешься потому, что полностью уверен в правильности своей точки зрения. Оглядываясь вокруг, ты не видишь культуры. Ты замечаешь лишь варваров. Ты слышишь наши религиозные диспуты и не веришь в то, что мы воспринимаем все это всерьез. Ты не веришь в это только потому, что сам подобные диспуты серьезно не воспринимаешь. Могу тебя обрадовать — многие из моих людей тоже не воспринимают эти проблемы серьезно. Но большинство населения воспринимает.

Что же касается Эль Мюрида и его подручных, то ты видишь в них всего лишь ненормального мальчика и шайку бандитов. Я же вижу огромную проблему. Мальчик говорит такие вещи, которые все хотят услышать. И ему верят. У Нассефа достаточно ума и энергии, чтобы создать для Эль Мюрида новую империю. В паре они обладают огромной привлекательностью для детей. Наши дети не видят иного пути возврата к нашему славному прошлому.

Ты считаешь Нассефа бандитом потому, что он нападал на караваны. Однако опасным его делают не сами преступления, а то искусство и эффективность, с которыми он их совершал.

Да поможет нам Бог, если он поднимется выше грабежей и развяжет войну во имя своего Бога. Скорее всего он сумеет нас уничтожить.

Мегелин, никто не станет смеяться, когда начнет говорить Эль Мюрид. Ни один человек. А как оратор он не менее опасен, чем Нассеф в битве. Его речи куют оружие, которое вознесет Нассефа над обычным бандитизмом.

Сейчас движение, которое возглавляет мальчик, находится на распутье. И он это знает. Именно поэтому он и появился в этом году в Аль-Ремише. Когда Дишархун закончится, движение либо исчезнет, дискредитировав себя, либо помчится по пустыне подобно песчаной буре. Если для того, чтобы остановить Эль Мюрида, необходимо предъявить обвинения, мы их предъявим.

Вернулся Фуад с напитком, напоминающим лимонад. Мегелин и Юсиф взяли свои стаканы, а Фуад тихо уселся в сторонке.

Радетик развалился на алой подушке, сделал глоток и сказал:

— А Фуад постоянно удивляется, почему я считаю вас варварским народом.

— Мой брат никогда не бывал в Хэлин-Деймиеле. Мне же там бывать доводилось. Я верю, что вы там способны высмеять любого мессию и оставить его не у дел. Вы все — циники, и подобного рода вожди вам не требуются.

А нам они нужны, Мегелин. Мое сердце рвется к Эль Мюриду. Он говорит мне именно то, чего желает мое сердце. Я хочу верить, что мы Избранные. Я хочу верить, что наше призвание — править миром. Я желаю слышать нечто такое, что наполняет смыслом пробежавшие после Падения столетия.

Я хочу верить в то, что и само падение империи было делом рук Властелина Зла. Фуад жаждет верить в это. Мой двоюродный брат король был бы рад в это поверить. Но к сожалению, мы достаточно стары для того, чтобы увидеть тонкую осеннюю паутину, витающую в воздухе. Смертельную паутину.

Этот мальчик, Мегелин, — торговец смертью. Он продает ее в красивой упаковке, но тем не менее это не что иное, как путь к очередному Падению. Если мы прислушаемся к нему и

покинем Хаммад-аль-Накира, чтобы обратить в свою веру язычников и возродить Империю, нас уничтожат. Каждый из тех, кто пересекал Сахель, понимает, что лежащий за ним мир совсем не тот, что когда-то был покорен Ильказаром.

Мы уступаем западным королевствам числом, ресурсами, оружием и, что самое главное, *дисциплиной.*

Радетик кивнул. Он понимал, что эти люди потерпят сокрушительное поражение в любой войне с западом. Военное искусство, как и все остальное, с течением времени совершенствуется. Развитие стратегии и тактики у Детей Хаммад-аль-Накира шло в направлении, пригодном лишь для сражения в пустыне.

— Но более всего меня приводит в ужас даже не объявленный им джихад — до него еще очень долго, — продолжал Юсиф. — Меня ужасает та борьба, которая может развернуться здесь. Ему прежде всего необходимо завоевать свою страну. А для этого ему придется вспороть брюхо Хаммад-аль-Накира. Вот так. Именно поэтому я хочу сейчас вырвать у него клыки. Любым способом.

— Да, вы живете по иным законам, — заметил Радетик (в последнее время это стало его любимой присказкой). — Мне надо обдумать все то, что вы сказали.

Радетик допил лимонад, поднялся, кивнул Фуаду и, выйдя из шатра, уселся в позе медитации неподалеку от входа. Он слышал, как Юсиф поручил брату сообщить королю Абуду об открывающихся возможностях. Огорченный глупостью происходящего и возмущенный готовящейся несправедливостью, он отключился от всего окружающего и погрузился в себя. Королевский Сад занимал пять акров земли рядом с юго-западной стороной Святилища Мразкима — сердца религиозной жизни Хаммад-аль-Накира. Сейчас, во время Дишархуна, Сад кишел родственниками короля, искателями монаршей милости и обыкновенными лизоблюдами. Многие военачальники, шейхи и валиги притащились в столицу со всем своим хозяйством. Разнообразные торговцы и ремесленники, пытаясь получить хотя бы малейшее преимущество над своими конкурентами, практически держали королевские владения в осаде. В Саду постоянно появлялись послы из соседних стран и представители мо-

гущественных иностранных торговых домов. Запах стоял невообразимый. Люди, животные, механизмы и насекомые издавали шумы, сливающиеся в общий всепоглощающий гул.

А за безумным муравейником Королевского Сада раскинулся огромный лагерь простых паломников. Их палатки заполонили склоны похожей на чашу долины, в которой, собственно, и находились как столица, так и Святилище. В этом году пилигримов было значительно больше, чем обычно, так как слухи о предстоящем появлении на празднестве Эль Мюрида циркулировали уже несколько месяцев. Множество паломников явились только потому, что не желали пропустить неизбежные схватки между властями и проповедником новых идей.

Глядя вслед торопящемуся к королевскому шатру Фуаду, Радетик подумал, что Юсиф играет с огнем. Эта монархия, в отличие от Ильказара, не имела достаточно власти, чтобы править простым изданием указов. Сейчас даже самый отъявленный возмутитель спокойствия имел право предстать перед судом и произнести там речь в свою защиту.

Появился Гарун и, с пристыженным видом сев рядом с Радетиком, вложил ручонку в ладонь учителя.

— Иногда, Гарун, твоя изобретательность тебя губит, — сказал Радетик, впрочем, без особого укора. Жест ребенка тронул его.

— Я поступил плохо, Мегелин?

— На этот счет есть разные мнения. — Радетик мысленно оценил существующие позиции. — Дело в том, что ты должен научиться думать, Гарун. Нельзя действовать бездумно. Это — основной недостаток твоего народа. Они поступают импульсивно, не задумываясь о возможных последствиях.

— Я очень сожалею, Мегелин.

— Не выдумывай! Ты жалеешь лишь о том, что тебя поймали. Тебя нисколько не трогает то, что ты причинил боль этому человеку.

— Он — наш враг.

— Откуда тебе это известно? Ты раньше его не видел. Никогда с ним не говорил. Он тебя ничем не обижал.

— Али сказал...

— Али похож на твоего дядю Фуада. Он очень много болтает. Рот у него никогда не закрывается. В результате когда-нибудь кто-нибудь заткнет глотку Али кулаком. Часто ли он оказывается прав? Насколько часто с его языка срывается очевидная глупость?

Радетик дал волю своему отчаянию. В жизни ему не приходилось встречать ученика более неподатливого, чем Али бин Юсиф.

— Значит, он не наш враг?

— Этого я не говорил. Конечно, он враг. Причем самый злейший. Но вовсе не потому, что так утверждает Али. Эль Мюрид враждебен вам своими идеями. Не думаю, что он нанесет тебе физический вред, даже получив для этого возможность. Но он отнимет у тебя все, что тебе дорого. Со временем, надеюсь, ты поймешь, какой непростительной ошибкой была твоя выходка.

— Фуад возвращается.

— Верно. Он похож на кота, слизывающего сливки с усов. Аудиенция прошла удачно?

— Просто превосходно, учитель. Старый Абуд оказался не так глуп, как я думал. Он мгновенно смог оценить представившуюся возможность. — Улыбка исчезла с лица Фуада, и он добавил: — Тебя могут вызвать в качестве свидетеля.

— Это может положить конец нашей дружбе. Я из Ребсамена, Фуад, и не способен лгать.

— Не знал, что мы были друзьями, — бросил Фуад, входя в шатер.

По спине Радетика пробежал холодок, хотя он и не считал себя трусом.

Мегелин испытывал к себе сильнейшее отвращение, так как знал, что солжет, если Юсиф на него хорошенько надавит.

Суд собрался, как традиционный Суд Девяти Дишархуна. Он считался высшим трибуналом Хаммад-аль-Накира. Три судьи представляли Королевский дом, три — жречество и оставшиеся три назначались методом случайного отбора из простых паломников, прибывших на празднование Святой Недели.

Исход слушания был предрешен. Восемь человек оказались против Эль Мюрида еще до того, как закончили выступать основные свидетели.

Кто-то наложил на голову Гаруна тяжелую повязку. Его успели хорошенько научить, и мальчишка врал с каменным лицом, бросая вызывающие взгляды на Эль Мюрида и Нассефа.

Радетик чуть было не завопил от возмущения, когда суд подавляющим большинством отказал обвиняемому в праве на перекрестный допрос.

Когда Гарун сошел с возвышения, показание один за другим начали давать паломники. Их свидетельства не имели ничего общего с истиной. Создавалось впечатление, что все они руководствовались своими религиозными взглядами. Ни о духовой трубке, ни о стрелке никто даже не упомянул.

Радетик уже хорошо знал, как действует юстиция в этой части пустыни. Ему приходилось присутствовать на судебных заседаниях в Эль Асваде. Решение суда в основном зависело от того, какой из сторон удавалось собрать больше родственников, способных врать в ее пользу.

Мегелин с ужасом думал о том, что ему, возможно, тоже придется давать показания. Совесть безжалостно держала его за горло, и он опасался, что не сможет соврать.

Однако в конечном итоге ему удалось избежать душевного кризиса. Юсиф шепнул нужное слово, и его не пригласили на возвышение. Радетик ерзал на своем месте и дымился от ярости. Какая пародия на судопроизводство! Решение с самого начала не вызывало сомнения. Более того, оно было принято еще до того, как судьи выслушали обвинения...

Да а в чем, собственно, состояли обвинения? Радетик вдруг сообразил, что формально их не предъявляли.

Они судили Эль Мюрида. Обвинения не играли никакой роли.

Эль Мюрид поднялся и произнес:

— У меня имеется просьба, милорды.

Главный судья, один из братьев Абуда, поинтересовался с утомленным видом:

— Ну что еще?

— Я прошу разрешения пригласить дополнительных свидетелей.

Председательствующий вздохнул и потер лоб ладонью. «Это же может затянуться на весь день», — подумал он. Но публика совершенно ясно услышала эти слова.

— Кого? — поинтересовался он вслух.

— Мою жену.

— Женщину?

По рядам зрителей прокатился изумленный ропот.

— Она дочь вождя. Дочь главы рода аль Хабиб, в жилах которого течет кровь Квесани.

— Тем не менее это женщина. Кроме того, ее семья от нее отказалась. Ты издеваешься над судом. Усугубляешь свои преступления тем, что превращаешь судебное заседание в фарс. Твоя просьба отклоняется.

Негодование Радетика достигло крайней точки. Но... к своему изумлению, он увидел, что даже у сторонников Эль Мюрида (а они среди зрителей имелись) предложение пророка вызвало отвращение.

Мегелин печально покачал головой. Да, это действительно безнадежные дикари.

Фуад ткнул пальцем в бок Радетика и шепнул:

— Не ерзайте, учитель!

Главный судья поднялся со своего места, когда с момента открытия процесса не прошло и двух часов. Без каких-либо предварительных консультаций со своими коллегами, он объявил:

— Мика аль Рами. Нассеф, в прошлом ибн Мустафа аль Хабиб. Суд признает вас виновными. В силу этого Суд Девяти приговаривает вас к изгнанию из всех королевских владений и протекторатов. Вы также подлежите изгнанию из всех святых мест и лишаетесь милостей Божьих до тех пор, когда Суд Девяти в будущем не найдет нужным смягчить приговор или предоставить вам помилование.

Радетик ухмыльнулся. Приговор — это ничто иное, как политическое и церковное отлучение. Но в то же время он давал Эль Мюриду шанс. Ему всего лишь следовало публично отречься от своего учения.

Если бы обвиняемые действительно были виновны, то приговор подвергся бы всеобщему осмеянию за удивительную мягкость. Эта страна знаменита тем, что здесь даже за небольшие провинности отрубают руки, ноги, половые органы, а чаще всего головы. Но этот приговор отвечал целям короля. Приведенный в исполнение немедленно, он не позволит Эль Мюриду проповедовать перед огромной аудиторией во время Дишархуна.

Радетик негромко фыркнул. Кто-то здесь до смерти боится этого мальчишки.

Фуад еще раз ткнул его в ребра.

— Господи, чем я Тебя оскорбил? — спросил Эль Мюрид, наклонив голову.

Это было сыграно превосходно и наверняка принесло пророку еще несколько сторонников.

Затем он неожиданно гордо выпрямился и произнес, глядя в глаза судье:

— О Закон, твои слуги слушают тебя и повинуются. Разве не говорит нам Творец: «Повинуйтесь закону, ибо Я есть этот закон!» Как только закончится Дишархун, Эль Мюрид тотчас удалится в пустыню.

В толпе раздались вздохи. Создавалось впечатление, что старый порядок одержал полную победу.

Нассеф метнул в сторону Эль Мюрида наполненный ядом взгляд.

Но почему, спрашивал себя Радетик, Нассеф не произнес ни одного слова в их защиту? Какую игру он вел? И какую игру ведет в данный момент Эль Мюрид? Он, похоже, вовсе не огорчен тем, что подвергает себя дальнейшему унижению.

— Суд Девяти приказывает, чтобы приговор был приведен в исполнение немедленно!

Это никого не удивило. Каким другим способом можно лишить Эль Мюрида возможности проповедовать?

— Через час, отсчитывая от настоящего момента, все шерифы короля обязаны арестовать преступников или их родственников, если те окажутся на запретных для них территориях.

— Ну, это уж чересчур, — пробормотал Радетик.

Фуад снова ткнул его в бок.

Очень редко ученому удается точно определить момент поворота в ходе истории. Радетик знал, что сейчас он является свидетелем именно такого момента. Группа испуганных людей, заботясь о самозащите, дополняла эту заботу мелкой злобностью.

Они лишали Эль Мюрида священного и неотъемлемого права отца получить благословение своего ребенка в Святилище Мразкима во время Дишархуна. Эль Мюрид уже успел публично объявить, что проведет обряд во время Машада — последнего и самого важного дня празднества.

Не надо быть некромантом, думал Радетик, чтобы увидеть отдаленные последствия подобных действий. Самый ничтожный из жителей пустыни не мог не высказать своего мнения по поводу низости властей.

Позже сторонники Эль Мюрида станут говорить, что именно в этот момент пелена идеализма спала с глаз юноши, и перед ним во всей своей мерзости предстало лицемерие этого мира.

Радетик подозревал, что это прозрение наступило значительно раньше, так как молодой человек, судя по всему, был весьма доволен вынесенным ему приговором.

Тем не менее лицо пророка залилось краской, и на шее вздулись жилы.

— Такова воля Божья, — произнес Эль Мюрид. — Позволь мне, Создатель, молить, чтобы Ты вернул мне свою милость.

Его голос звучал мягко, но в нем можно было уловить угрозу и обещание раскола. С этого момента Королевство Покоя объявляло войну еретикам и всем тем, кто пытался лишить его будущего.

Радетик всем своим существом ощутил запах крови и почувствовал запах пожарищ, которым предстояло полыхать на этой земле многие годы. Ученый не мог взять в толк, как враги Эль Мюрида не замечают того, что натворили. Будучи прожженным циником, Радетик, наблюдая за Эль Мюридом, прекрасно понимал, что тот, несмотря на искренний гнев, предвидел ход событий, и этот ход его вполне устраивал.

Взглянув на Нассефа, Мегелин увидел, что тот почти не скрывал своего ликования.

Эль Мюрид в полном смирении покинул Аль-Ремиш. Но Мириам объявила, что ее дочь не будет иметь имени до тех пор, пока не получит его пред алтарем Святилища Мразкима.

Услыхав об этом, Фуад расхохотался.

— Неужели нам угрожает женщина? — спросил он. — Верблюды научатся летать, прежде чем она снова увидит Аль-Ремиш.

Юсиф не был в этом столь уверен. Постоянные придирки Мегелина вынуждали его думать. И сейчас ему не нравились пришедшие ему на ум мысли.

Бунт начался, когда еще не успела осесть пыль после отъезда Эль Мюрида. Погибло более сотни паломников. До окончания Дишархуна сторонники Эль Мюрида даже успели осквернить несколько Святилищ.

Юсиф и Фуад были потрясены.

— Это только начало, — сказал Мегелин своему работодателю. — Вам следовало убить его. Тогда мятеж прекратился бы за неделю, а через год об Эль Мюриде все уже забыли бы.

Несмотря на недавнюю речь об эмоциональной стороне дела, Юсиф был поражен реакцией последователей Ученика. Он не понимал, за что его так ненавидят вовсе не знающие его люди. Именно так и развиваются все человеческие трагедии: одни не знают, почему ненавидят, а другие не могут понять, почему они столь ненавидимы.

Несколько позже на той же неделе Радетик предупредил своего хозяина:

— За всем этим стоит хорошо продуманный план. Они предвидели ход ваших действий. Вы обратили внимание, что ни один из них не пытался по-настоящему защищаться? Особенно Нассеф. Во время суда он не проронил ни слова. Мне кажется, что вам удалось создать пару мучеников. Создается впечатление, что именно этого они от вас и хотели.

— Ты слушаешь, Гарун? — спросил валиг. Он держал мальчика рядом с собой, так как на улице его могли запросто прикончить. — Запомни: Нассеф. Он наиболее опасен.

— Мятеж разрастается, — предсказывал Радетик. — В нем начали появляться элементы классовой борьбы. Простые люди, ремесленники и мелкие торговцы против знати и жрецов.

Юсиф бросил на него удивленный взгляд.

— Может быть, я ничего не смыслю в религии, Юсиф. Но зато хорошо разбираюсь в политике, групповых интересах и надеждах на будущее.

— Что они могут сделать? — вмешался Фуад. — Горстка людей, объявленных вне закона? Отдельные сторонники Маленького Дьявола? Да мы прикончим их всех по одному, как раненых шакалов.

— Боюсь, Фуад, что Мегелин может оказаться прав. Думаю, что Абуд перестарался. Он их унизил. Так с мужчинами поступать не дóлжно. Теперь он должен спасать свое лицо. Мы прогнали их, как побитых псов. Они просто обязаны нанести ответный удар. По крайней мере Нассеф. Это человек с огромным эго. Подумай, что бы ты сделал, если бы мы так поступили с тобой?

— Теперь понимаю, — ответил не очень задумываясь Фуад.

— Все мессии покорно принимают свою судьбу, — добавил Радетик. — Когда их унижают, они смотрят на это как на часть своей миссии. Я начинаю думать, что когда Эль Мюрид говорит о джихаде, то это всего лишь метафора. Однако боюсь, что Нассеф видит это совсем по-иному.

— Тем не менее, — не унимался Фуад, — мы можем их убить, если они что-нибудь затеют.

— Могу гарантировать, что Нассеф не уймется, — сказал Юсиф. — Нам необходимо как следует оценить его силы и быть ко всему готовыми. Ну и конечно, постараться его прикончить. Но я нутром чую, что он нам этого сделать не позволит. Сегодня вечером у меня аудиенция с Абудом. Пожалуй, стоит его немного расшевелить.

Король, к сожалению, разделял образ мыслей Фуада. Для него вопрос Эль Мюрида был закрыт.

Юсиф и Радетик продолжали суетиться и беспокоиться. Но и они тем не менее были ошеломлены, когда грянул гром.

Даже они чудовищно недооценили Нассефа.

Глава 3

МЕЛКАЯ СВАРА НА ДРУГОЙ ЗЕМЛЕ И В ИНОЕ ВРЕМЯ

Двадцать три воина пробивались сквозь снежный буран. Их плечи уже давно стали белыми, а усы — у тех, кто их имел, — превратились в сосульки. Впереди темными башнями высились сосны, но сейчас отряд шел среди древних дубов, похожих на сборище искривленных болезнью, многоруких и насквозь промерзших гигантов, мечтающих об очаге и кубке горячей, дымящейся крови. Снег скрыл каменный алтарь, на котором жрецы Древних Богов вырывали сердца у кричащих от ужаса девственниц. Два очень молодых человека — Браги и Хаакен — равнодушно прошли мимо камня, втянув от холода головы в плечи.

Самые сильные, с молчаливым упорством, пролагали тропу в глубоком и рыхлом снегу. Арктический ветер тысячью ледяных кинжалов пронзал даже самую плотную одежду.

Браги и Хаакен совсем недавно сумели обнаружить на своих подбородках намек на хилую растительность, а у некоторых из их спутников бороды уже давно серебрились сединой. У Харальда Половинки отсутствовала рука, которой обычно держат щит. На голове каждого красовался рогатый шлем. Все они, как старые, так и юные, были воинами.

Их всех объединяла одна цель.

Ветер стонал, вторя печальному вою волка. Браги содрогнулся при мысли о том, что скоро некоторые из его спутников станут волчьей сытью.

Его отец Рагнар поднял руку. Все замерли.

— Дым, — произнес Рагнар, известный во всей Тролледингии под прозвищем Дроконбрингский Волк.

Из-за сосен слегка потянуло дымком. Они находились неподалеку от родового дома Тана Хъярмла. Воины все как один присели на корточки, чтобы немного передохнуть.

Прошло несколько минут.

— Время, — бросил Рагнар. Его также называли Безумный Рагнар, и о его неудержимой ярости в бою знали все вокруг на тысячи миль.

Воины проверили щиты и мечи. Рагнар, разбив отряд на две группы, одну направил налево, а другую — направо. Затем предводитель провел короткий военный совет со своим сыном Браги, приемным сыном Хаакеном и другом по имени Бьерн. Мальчишкам доверили нести глиняные горшки и поддерживать жизнь тщательно уложенных в них тлеющих углей. Но помимо горшков юноши хранили и обиду. Отец категорически запретил им ввязываться в схватку.

— Хаакен, ты пойдешь с Бьерном и Свеном. Ты же, Браги, остаешься со мной.

Последние полмили оказались самыми долгими. Браги не забыл об иных, более дружественных посещениях этих мест. Еще свежи были в памяти летние, немного неловкие, тайные объятия дочери Тана Ингер. Но теперь старый король умер. Началась борьба за трон.

Хъярлам объявил себя сторонником претендента и своим могуществом держал в благоговейном страхе всех соседей. Только Рагнар, Безумный Рагнар, не считал нужным скрывать своей верности Старому Дому.

Гражданская война в клочья порвала пеструю ткань государственной и общественной жизни Троллединги. Друзья принялись истреблять один другого. Отец Рагнара пошел на службу к претенденту. Семьи, в течение многих поколений резавшие друг другу глотки, теперь стояли плечом к плечу в одном боевом строю.

Браги с самого детства помнил, как отец уходил вместе с Хъярмлом в море. Их драккары шли борт о борт, заставляя пылать все южное побережье. Им неоднократно приходилось спасать друг другу жизни. Они вместе праздновали удачные налеты с хорошей добычей и вместе страдали, скованные одной цепью, в подземной темнице короля Итаскии.

Теперь же они изо всех сил стремились убить друг друга, движимые той кровожадной яростью, которую порождает только политика.

Новость принеслась на юг на крыльях слухов. Говорили о том, что претендент захватил Тондерхофн и что Старый Дом рухнул.

Люди Хъярмла сейчас должны праздновать победу. Но нападающие передвигались крайне осторожно — жены, дети и рабы оставались трезвыми.

Они преодолели рвы и деревянную ограду, миновали внешние строения. Не доходя пятидесяти футов до главного дома, Браги повернулся спиной к ветру и, бросив в горшок сухой мох и куски коры, несильно подул на уголья. Его отец и несколько воинов стали зажигать факелы, в то время как другие принялись поливать стены дома горючим маслом.

Предполагалось, что у каждого окна встанет воин. Лучшие бойцы займут позиции у дверей и будут убивать тех, кто попытается выскочить из пламени. Старый Дом снова воспрянет здесь, у голых, покрытых льдами склонов хребта Крачнодиан всего за пять минут до полуночи.

Таков был план Безумного Рагнара. Это был один из самых смелых и решительных ударов из тех, что когда-либо задумывал Волк.

И он вполне мог осуществиться.

Но Хъярмл уже ждал его.

Впрочем, бойня все равно получилась что надо. Хъярмла успели предупредить всего за несколько секунд до удара. Его бойцы в растерянности тянулись за оружием, пытаясь стряхнуть с себя хмель.

Пламя ворвалось в дом сквозь разбитые боевыми секирами окна.

— Оставайся на месте! — рявкнул Рагнар сыну. — Все ко мне! — скомандовал он, обращаясь к остальным.

— Эй! Это же Рагнар! — взвыл один из людей Хъярмла.

Светловолосый гигант бился с мечом в одной руке и боевой секирой в другой. Его не зря прозвали Безумным Рагнаром. Впадая в безумную боевую ярость, он превращался в неукротимую, сеющую смерть машину. Люди шепотом говорили, что жена Волка — колдунья Хельга — сделала своего мужа непобедимым.

Потери врага превосходили потери Рагнара в три, четыре, может быть, даже в пять раз. Но победить он не мог. Численное превосходство противника было огромным.

Пожар теперь стал помехой. Если бы его не было, люди Хъярмла возможно бы и сдались. Теперь же они дрались до конца, спасая свои семьи.

Браги отправился на поиски Хаакена.

Оказывается, Хаакен думал точно так же, как и Браги. Однако он уже успел разжиться мечом. Отец не позволил им принести с собой собственные клинки. Рагнар не хотел, чтобы у мальчишек возникали опасные мысли.

— Что теперь? — спросил Хаакен.

— Отец не отступает. Во всяком случае, пока.

— Как они смогли узнать?

— Был предатель. Хъярмл, наверное, подкупил кого-нибудь в Дроконбринге. Смотри!

По направлению к ним полз один из защитников дома. За ним волочились внутренности из вспоротого живота.

— Прикрой меня. Я возьму его меч.

Юноши сделали то, что требовалось сделать. После этого их едва не стошнило.

— Кто же все-таки мог нас продать?

— Не знаю кто. И не знаю как. Но мы выясним.

Через несколько секунд они оказались слишком заняты, чтобы рассуждать дальше. Несколько обгорелых защитников дома вылезли через окна и теперь спотыкаясь брели в их сторону.

Дом пылал. Изнутри раздавались вопли женщин, слуг и детей. Люди Рагнара отошли, у них не было сил слушать эти душераздирающие звуки.

После короткого обмена ударами Браги и Хаакен уложили троих, а четвертого вынудили скрыться меж сосен. Но и сами они получили свои первые раны.

— Половина наших полегли, — сказал Браги, взглянув в сторону основной схватки. — Борс. Рафнир. Тор. Тригва. Оба Харальда. А где Бьерн?

Рагнар издавал дикий рев и раскатисто хохотал, заняв позицию чуть в стороне от места главной схватки. Вокруг него

валялись трупы, а сам он походил на пещерного медведя, атакованного собаками.

— Мы должны им помочь.

— Как? — спросил Хаакен. Мыслителем он не был, но зато был надежным, крепким парнем и человеком действия.

Браги же унаследовал ум своей матери и чуть-чуть безумной отваги отца. Но сейчас он толком не мог понять, что происходит, и не знал, что делать. Больше всего ему хотелось убежать. Но он не сделал этого. Взревев в подражание отцу, он ринулся в наступление. Однако судьба сама сделала за него выбор.

Он узнал, что произошло с Бьерном. Главный помощник Рагнара атаковал своего благодетеля со спины.

Никакой предупреждающий вопль был сейчас не способен пробиться к сознанию упоенного боем Рагнара. Браги мог лишь попытаться перехватить Бьерна на пути к его добыче.

Добежать он не успел, но сумел, сделав выпад, отклонить клинок Бьерна. Удар оказался несмертельным. Острие клинка вонзилось в спину Рагнара на уровне почек. Рагнар с воем обернулся. Страшный удар рукоятки боевой секиры отбросил Бьерна в снег.

В то же мгновение сам Волк упал на колени.

Браги, издав победный клич, принялся наступать с новой силой.

Рагнар с трудом поднялся на ноги. При этом он ревел так, как ревут гигантские тролли, обитающие на вершинах хребта Крачнодиан.

В схватке наступило затишье. Противники молча пожирали друг друга глазами.

Боль сорвала завесу ярости с глаз Рагнара, и к нему вернулась способность соображать.

— Сейчас здесь была потеряна корона, — пробормотал он. — Предательство всегда дает жизнь новым изменам. Мы ничего сделать не сможем. Собирайте раненых.

Сторонники претендента некоторое время зализывали свои раны и боролись с огнем. Но обремененные ранеными люди Рагнара смогли оторваться всего лишь на несколько миль.

Нилс Стромберг упал и не смог подняться. Его сыновья Торкель и Олаф отказались оставить отца. Рагнар грозно орал на всю троицу, но убедить их продолжить путь не сумел. Они остались, обратившись лицами в сторону зарева от горящего дома. Никто не смеет лишать мужчину права самому выбрать свою смерть.

Следующим упал Ланк Ларс Грейхейм, за ним последовал Тейк Однорукий. Андерс Миклассон поскользнулся на крутом берегу и свалился в поток. Беднягу сразу затянуло под лед, и он утонул, прежде чем остальные успели прийти ему на помощь.

Если бы его вытащили, то он все равно бы замерз. Было очень холодно, а они не могли остановиться, чтобы разжечь костер.

— Один за другим, — рычал Рагнар, когда оставшиеся в живых складывали из камней подобие пирамиды. — Скоро нас останется так мало, что мы не сможем даже отогнать волков.

Он не имел в виду людей Хъярмла. Стая вполне реальных зверей шла следом за ними. Вожак уже пытался напасть на постоянно отстающего Ярла Кинсона.

Браги еле-еле передвигал ноги. Его раны, хотя и не опасные, горели огнем, причиняя такую же боль, которую причиняет раскаленный металл в руках опытного мучителя. Но он не проронил ни звука. Он не хотел оказаться слабее своего отца, чья рана была гораздо серьезнее.

Браги, Хаакен, Рагнар и еще пятеро дожили до рассвета. Они сумели скрыться от Хъярмла и прогнали волков.

Рагнар укрылся в пещере, послав Браги и Хаакена обследовать близлежащий лес. Преследователи прошли рядом с мальчишками, так их и не заметив.

Браги смотрел, как мимо него идут Бьерн, Тан и еще пятнадцать разъяренных воинов. Враги вовсе не обыскивали лес. Они торопились, чтобы дождаться Рагнара в Дроконбринге.

— Хьярлам далеко не глуп, — заключил Рагнар, услыхав эту новость. — Зачем преследовать Волка в лесу, если знаешь, что он возвратится в свое логово.

— Но мама...

— С ней ничего не случится. Хъярмл ее до смерти боится.

Браги старался понять, что происходит с отцом. Тот говорил негромко и напряженно, словно страдая от сильной боли.

— Война закончена, — сказал ему отец. — Ты должен это понять раз и навсегда. Претендент победил. Старый Дом сошел на нет. Причин для драки не осталось. Только дурни станут продолжать борьбу.

Браги понял намек. Он не должен тратить свою жизнь на защиту проигранного дела.

За пятнадцать лет он научился видеть глубокий смысл в кратких высказываниях отца.

— Они бросят его столь же быстро, как сбежались к нему. В конечном итоге. Говорят... — его массивное тело сотряслось в судороге, — ...говорят, что на юге большой спрос на троллединцев. Там, за горами. Южнее страны лучников. И может быть, даже за городами-королевствами. Там все время завариваются войны. Крепкие и неглупые парни могли бы там неплохо пожить, дожидаясь реставрации.

Страной лучников была Итаския. А королевства — цепь городов-государств, протянувшаяся вдоль морского побережья до Симбалавейна. Вот уже полдюжины поколений троллединг-цев, как только очищались ото льда гавани Тондерхофна и Торшофна, отправлялись на своих драккарах грабить восточное побережье.

— Под сухой сосной рядом с верхним источником. С северо-западной стороны. Отмечено старым разбитым кирпичом из очага. Там вы найдете все, что вам потребуется. Отнесите медный амулет человеку по имени Ялмар в гостиницу «Красное сердце» в Итаскии-Городе.

— Мама...

— Я же сказал, что она может о себе позаботиться. Рада она не будет, но уж как-нибудь управится. Я жалею лишь о том, что не смогу отправить ее на родину.

Браги наконец понял. Его отец умирает. Сам Рагнар знал это уже давно.

В уголках глаз юноши появились слезинки. Но Хаакен и Сорен наблюдали за ним. Особенно его беспокоил Хаакен, мне-

ние которого для него значило очень много. Правда, Браги не хотел в этом признаваться даже самому себе.

— Подготовьтесь как следует, — продолжал Рагнар. — На перевалах в это время года бывает очень холодно.

— А как же Бьерн? — спросил Хаакен. Неизвестно чей незаконнорожденный сын, брошенный в лесу на съедение волкам и подобранный там Рагнаром, Хаакен не стыдился проявить свои чувства. — Рагнар, ты всегда относился ко мне как к своему сыну. Даже в самые голодные годы, когда еды не хватало для твоих кровных детей. И я всегда уважал тебя и повиновался тебе как родному отцу. И сейчас я тебе должен повиноваться. Однако я не сделаю этого, пока жив Бьерн Предатель. Пусть мои кости растащат волки, пусть душа моя будет проклята на вечное участие в Дикой Охоте, но я не уйду, пока предательство Бьерна остается безнаказанным.

Это была гордая и смелая клятва. Никто не мог сказать, что она не достойна сына Волка. Рагнар и Браги смотрели на Хаакена. Восхищенный Сорен кивал головой. Для Хаакена, славящегося своей молчаливостью, столь длинная речь была подлинным криком души. Такое количество слов он иногда не произносил и за целый день.

— Я помню о Бьерне. Меня заставляет жить его образ, постоянно стоящий перед моим мысленным взором. Я все время вижу, как он, улыбаясь и демонстрируя фальшивую дружбу, принимает плату от Хъярмла. Он умрет раньше меня. И это он понесет факел, освещая мне путь в Ад. Я увижу агонию в его глазах. Я вдохну запах его ужаса. Я слышу, как он убеждает Хъярмла поторопиться, чтобы устроить ловушку в Дроконбринге. Но Волк жив. Он знает Волка. И его щенков. Он понимает, что Рок идет за ним по пятам. Мы двинемся утром, как только похороним старого Свена.

Браги изумленно посмотрел на отца, мальчишка думал, что старый воин просто уснул.

— Печальный конец для тебя, старый друг моего отца, — пробормотал Рагнар, обращаясь к покойнику.

Свен жил в семье еще со времен детства деда Браги. Старики были друзьями более сорока лет, а расстались они, обменявшись ударами мечей.

— Может быть, они помирятся в Зале Героев, — пробормотал Браги.

Свен был могучим воином, обучавшим в свое время Рагнара владеть оружием и сопровождавшим его в южных походах. Совсем недавно он обучал искусству боя Браги и Хаакена. Старика будут оплакивать многие. В том числе и те, кто встал сейчас под знамена врага.

— Как Бьерн сумел их предупредить? — спросил Хаакен.

— Узнаем, — ответил Рагнар. — Вы, парни, отдыхайте. Это будет трудный путь. Не все из нас добредут до дома.

До Дроконбринга их добралось шестеро.

Рагнар сделал большой крюк, проведя их через горы. К дому они подошли с юга, обойдя пик Камер Штротхайд. Тропа зимой была настолько непроходимой, что даже Хъярмл и Бьерн не додумались выставить на ней дозоры. Хъярмл ждал. С гор они смогли увидеть его часовых.

Браги довольно долго смотрел вниз, чтобы убедиться в том, что Хъярмл не разрушил дома.

Колдовские способности его матери внушали всем суеверный ужас.

Он не понимал почему. Насколько он ее знал, она всегда оставалась доброй, сострадательной, понимающей и любящей женщиной. Скользя и падая, они спустились в долину, где летом пасся скот Дроконбринга. Затем лесом и глубоким ущельем они направились к домам и остановились в рощице, примерно в сотне ярдов от крайнего строения. Пришлось ждать вечера, и воины ужасно замерзли.

Это бездействие сильнее всего сказалось на Рагнаре. Он просто окоченел.

Браги страшно беспокоился. Отец так побледнел...

В его душе надежда сменялась отчаянием, за которым снова возвращалась надежда. Рагнар, казалось, умирал. Но тем не менее он шел, шел и шел. Видимо, его вела лишь сила воли.

Когда стемнело, Рагнар сказал:

— Браги. Смолокурня. В самом центре под слоем опилок. Металлическое кольцо. Потяни за него. Туннель ведет прямо в дом. Не теряй времени. Через минуту я пошлю Сорена.

Держа меч наготове, Браги вбежал в смолокурню и принялся разгребать слипшиеся грязные опилки.

Кольцо было на крышке люка. Под ней оказалась ведущая в туннель лестница. Браги покачал головой, он ничего не знал о потайном ходе. Рагнар хранил секреты даже от родных. Его следовало бы называть не Волком, а Лисой.

В смолокурню скользнул Сорен. Браги показал ему лаз. За Сореном последовали Хаакен, Сигурд и Стурла. Но Рагнар не появился. Стурла передал последние распоряжения Волка.

Туннель был низким, кругом кромешная тьма. Однажды рука Браги коснулась чего-то пушистого. Пушистое пискнуло и прыснуло прочь. Этот лаз останется в его памяти как самое скверное возвращение домой.

Туннель выходил в погреб для хранения эля. Для того чтобы выбраться на свободу, следовало откатить в сторону прикрывающую вход бочку. Эту бочку Рагнар отказывался открывать, заявляя, что она хранится для особых случаев.

Лестница из погреба выходила в кладовую, где хранились овощи и вяленое мясо. Припасы висели на балках, чтобы их не потравили грызуны. Браги поднялся по ведущей в кладовую лестницу. Кто-то с проклятиями расхаживал у него над головой. Браги замер.

Оскорбления адресовались его матери Хельге. Оказывается, она отказывалась готовить еду для людей Хъярмла, и те, после тягот перехода, жутко из-за этого бесились.

Браги прислушался. В голосе матери страха он не уловил. Но он знал, что ничто не могло заставить ее открыто проявлять свои истинные чувства. Эта женщина всегда оставалась спокойной, изящной, а иногда даже величественной дамой. Перед посторонними.

С членами семьи она неизменно оставалась мягкой и любящей.

— Разбойничье поведение тебе, Снорри, совсем не к лицу. Цивилизованный человек ведет себя вежливо, даже находясь в доме врага. Неужели ты полагаешь, что Рагнар стал бы грабить дом Хъярмла?

Теперь она была над его головой.

Браги ухмыльнулся. Рагнар бы уж точно ограбил дом Хъярмла. Он вынес бы оттуда все, вплоть до последнего треснувшего железного котелка. Но Снорри пробормотал какое-то извинение и затопал прочь.

Когда крышка люка поднялась, оленья шкура, закрывающая вход в кладовую, все еще продолжала раскачиваться после ухода Снорри.

— Можете выходить, — прошептала Хельга. — Поторопитесь. У вас лишь одна минута.

— Откуда ты знаешь?

— Ш-ш-ш. Торопитесь. Хъярмл, Бьерн и еще трое — рядом с большим очагом. Они пили и ворчали, что твой отец так долго не появляется.

Когда Хаакен опустил за собой крышку люка, лицо Хельги потемнело. Браги видел, как исчезала надежда матери по мере появления из погреба очередного воина.

— Еще трое спят на чердаке, — продолжала Хельга. — Остальных Хъярмл отправил на поиски вашего лагеря. Он ждет вашего появления перед рассветом.

Все изготовились для нападения. Хельга прикоснулась к Браги и к Хаакену.

— Берегите себя, — сказала она. — Я не хочу потерять вас всех.

Хельга была женщиной исключительной во многих отношениях. Вызывало удивление то, что она родила всего одного ребенка, — и это в стране, где женщины были постоянно беременны.

На мгновение задержав Браги, она спросила:

— Скажи, он умер хорошо?

Браги ненавидел всякие увертки.

— Удар мечом в спину. Бьерн.

На лице Хельги появилась гримаса страдания. И в этот момент Браги впервые заметил то, чего так ужасались другие. В ее глазах появилось адское пламя.

— Иди! — приказала она.

Браги бросил своих людей в бой. Сердце его бешено колотилось. От врагов их отделяло пятнадцать футов. Трое из них

так и не успели защитить себя. Однако Хъярмл оказался быстр, как сама смерть, а Бьерн был лишь на долю секунды медленнее. Тан вскочил со своего места так, как выскакивает касатка из морских глубин. Опрокинув стол под ноги подбегающего Браги, он обернулся к стене, на которой висели боевые трофеи Рагнара, и схватил секиру.

Поднявшись на ноги, Браги понял, что расчет на неожиданность не оправдался. Хъярмл и Бьерн изготовились к схватке. Хаакен, Сигурд и Сорен были уже на чердаке. В результате перед лицом двух лучших бойцов Троллединги оказались лишь он и уже совсем не молодой Стурла Олмссон.

— Щенок такой же безумец, как и его родитель, — заметил Хъярмл, легко парируя выпад Браги. — Не вынуждай меня убить тебя, мальчик. Ингер мне этого никогда не простит.

Это замечание могло служить печальной оценкой человеческой натуры. Если бы старый король скоропостижно и неожиданно не скончался, Хъярмл мог бы стать тестем Браги. О бракосочетании договорились еще прошлым летом.

Не думай, сказал себе Браги. Не слушай. Отец и старый Свен вколачивали в него этот урок тупыми мечами. Не отвечай. Или оставайся нем, или вопи, что есть сил, как это делал Рагнар.

Хъярмл прекрасно был знаком со стилем боя Рагнара. Они много раз сражались бок о бок. И сейчас опытный воин без труда противостоял выпадам сына Волка.

Браги не питал никаких иллюзий. Тан был выше, сильнее, хитрее и значительно опытнее, чем он. У Браги оставалась одна цель: выжить до того момента, когда Хаакен прикончит спящих на чердаке.

У Стурла, очевидно, была та же мысль, но Бьерн оказался для него слишком быстр. Клинок предателя пробил защиту старика, и тот рухнул на спину.

Теперь в глаза Браги смотрели две пары голубых, холодных как лед глаз.

— Прикончим щенка, — ревел Бьерн, но в этом реве слышался страх.

Гордо, как те каравеллы, что в свое время преследовали драккары друзей, Хельга вступила между бойцами.

— Отойди, ведьма!

Хельга скрестила взгляд с Таном. Ее губы беззвучно двигались. Хъярмл не отошел назад, но и не наступал. Она повернулась к Бьерну. Предатель побледнел. Он не смел встретить ее вселяющий ужас взгляд.

Хаакен спрыгнул с чердака и схватил с дальней стены копье. Сорен и Сигурд спустились по лестнице, но были почти так же быстры.

— Наше время истекло, — коротко бросил Хъярмл. — Нам следовало предвидеть, что он проскользнет через пикеты. — Метнув секиру мимо Хельги, он выбил меч из рук Браги и ударил юношу по лицу тыльной стороной ладони. — Будь повежливее, когда я навещу твой дом следующий раз. Или уходи отсюда.

Браги вздохнул, поняв, что угроза смерти миновала. Хъярмл поступил так только ради старой дружбы.

Страх повстречаться с Рагнаром не оставлял Бьерна во время короткой схватки. Он все время косился по сторонам, как бы опасаясь, что в дыме очага может материализоваться Волк. Ему хотелось бежать. Когда он и Хъярмл шагнули в ночь, снова повалил снег.

Хельга принялась за исцеление разбитого лица сына, одновременно ругая его за то, что он не убил Бьерна.

— Буран для Бьерна пока не миновал, — сказал ей Браги.

Хаакен, Сорен и Сигурд топтались у двери, выглядывая в щелку. Женщины, дети и старики, прятавшиеся кто где во время схватки, принялись ухаживать за Сореном и негромко оплакивать тех, кто уже никогда не вернется.

В доме Рагнара не было радости. Там присутствовало лишь оцепенение, которое постоянно сопутствует несчастью.

Дроконбринг заканчивал свое существование, но это пока еще не дошло до сознания его обитателей. Тем, кто выжил, предстояло бегство с насиженных мест, преследование со стороны победителей.

Сильный снегопад приглушил крики и звон оружия.

— Там, — сказал Браги, когда боевой волчий вой отца раздался во чреве ночи.

Скоро через порог, шатаясь, перешагнул Рагнар. Он был залит кровью от подбородка до колен. Большая часть крови принадлежала ему. Удар секиры распорол ему живот.

Рагнар издал свой последний боевой клич и рухнул на пол.

Браги, Хаакен и Хельга мгновенно оказались рядом. Но было поздно. Воля и та отказалась служить Волку.

Хельга извлекла кусочки льда из волос головы и бороды и легонько погладила мужа по лицу. По ее щеке прокатилась слезинка. Браги и Хаакен отступили в сторону. Эта гордая женщина, когда-то похищенная Рагнаром на юге и ставшая его женой, делала все, чтобы скрыть глубину своих чувств.

Браги и Хаакен отошли к очагу и вместе оплакали свою потерю.

Прощание с Рагнаром прошло в спешке. Такая недостойная покойного поспешность была вынужденной — Хъярмл мог вернуться в любую минуту. Согласно обычаю это должны были бы быть похороны воина с погребальным костром и целой неделей, посвященной свершению ритуалов и оплакиванию усопшего.

Вместо этого Браги, Хаакен, Сигурд и Сорен отнесли тело на Камер Штротхайд выше уровня вечных снегов и оставили его в сидячем положении в каменной пирамиде, лицом к Дроконбрингу и более отдаленному Тондерхофну.

— Когда-нибудь, — сказал Браги, как только Хаакен положил на место последний камень, — наступит день, и мы вернемся, чтобы сделать все так, как положено.

— Когда-нибудь, — согласился Хаакен.

Они оба знали, что это когда-нибудь наступит очень не скоро.

Оставшись вдвоем, братья еще раз пролили слезы. Потом спустились с горы, чтобы начать новую жизнь.

— Теперь я знаю, как он сделал это, — сказала Хельга, глядя на то, как ее сыновья пытаются разрыть мерзлую землю с помощью разбитого каминного кирпича. В руке она держала тонкий золотой браслет, очень красивый. — Этот браслет один

из пары, — сказала она. — Его носил Бьерн. Второй был у Хъярмл. Когда Бьерн оказывался поблизости, Хъярмл об этом сразу узнавал. Таким образом Хъярмл и узнал о приближении Рагнара.

Браги что-то буркнул в ответ. Теперь это его совершенно не интересовало.

— Похоже, я его зацепил, — сказал Хаакен.

Браги принялся копать руками. Очень скоро на свет появился небольшой сундучок.

С дорожными мешками появились Сигурд и Сорен. Четверка выживших воинов отправлялась на юг от сухой сосны.

Сундучок оказался небольшим и легким. Он не был заперт и содержал в себе очень мало предметов. Там оказались мешочек с монетами южных стран и еще один — с драгоценными камнями. Еще там был кинжал с инкрустированной рукояткой и свернутый в свиток пергамент. На пергаменте была грубо нацарапана карта какой-то местности. Содержимое сундучка заканчивалось медным амулетом.

— Пусть все ценное останется у тебя, — сказал Браги матери.

— Нет. У Рагнара были причины хранить все эти предметы в одном месте. А что касается ценностей, то он оставил их мне очень много, но в другом месте.

Браги задумался. Отец был полон тайн. Земля в лесах вокруг Дроконбринга могла быть набита золотом.

— Хорошо. Пусть будет так, — сказал он, перекладывая все предметы в свой дорожный мешок.

Настал момент, которого он так страшился. Надо было сделать первый шаг на юг. Он смотрел на мать. Мать смотрела на него. Хаакен уставился в землю.

Рвать связывающую с домом пуповину оказалось невыносимо трудно.

Впервые на памяти сына Хельга дала волю своим чувствам на людях, хотя и в этот момент нельзя было сказать, что она не владела собой.

Хельга притянула к себе Хаакена и почти две минуты не отпускала, шепча на ухо какие-то слова. Браги увидел на ее щеке слезинку. Раздраженно смахнув этот знак слабости, она

отпустила своего приемного сына. Браги смущенно отвернулся. Но не для того, чтобы скрыть свои чувства. Просто Сигурд и Сорен прощались со своими.

Мать заключила его в свои объятия. Она прижала Браги к себе настолько крепко, что тот изумился. Мать всегда казалась такой слабой и хрупкой...

— Береги себя, — сказала она. Что еще могла сказать мать, расставаясь с сыном? Во всем мире не найдется слов, чтобы правдиво передать чувства матери при таком расставании. Язык давно стал инструментом коммерции, а не способом выражения любви.

— И береги Хаакена. Приведи его домой.

Вне всякого сомнения, те же слова она сказала и Хаакену. Немного отстранившись, она расстегнула цепочку медальона, который носила все время, сколько помнил себя Браги. Хельга надела медальон на шею сына и сказала:

— Если у тебя не останется другой надежды, отнеси это в Дом Бастанос на улице Кукол в Хэлин-Деймиеле. Отдай медальон привратнику, чтобы тот в свою очередь передал главе дома в качестве рекомендации. Один из партнеров выйдет к тебе и задаст вопрос. Ты ему скажешь:

Элхабе ан дантис, элхабе ан кавин.
Чи хибде клариче, элхабе ан саван.
Чи магден требил, элхабе дин бачел.

Он все поймет.

Хельга заставила сына повторить стишок несколько раз, до тех пор пока он не закрепился в его памяти.

— Отлично. Больше я ничего сделать не могу. Не доверяй никому, кому доверять не следует. И возвращайся домой сразу, как только сможешь. Я буду ждать.

Она поцеловала его. При посторонних. Хельга не делала этого с того времени, как он начал ходить. Затем она поцеловала Хаакена. Этого она вообще никогда не делала. Прежде чем юноши успели опомниться, Хельга приказала:

— Ступайте. Пока еще можно. И пока мы не начали выглядеть еще глупее, чем сейчас.

Браги водрузил на плечо мешок и направился в сторону Камер Штротхайда. Их путь лежал по склону горы. Иногда они смотрели вверх на каменную пирамиду, скрывавшую тело Рагнара. Оглянулся же Браги только один раз.

Женщины, дети и старики покидали поместье, служившее им убежищем вот уже много поколений. Многие из них отправятся к родичам в другие концы страны. Никто не удивится. В это смутное время множество людей бросали насиженные места. Они смогут скрыться и избежать ярости мстительных сторонников претендента.

Интересно, куда отправится мама...

Всю свою жизнь он клял себя за то, что в отличие от Хаакена оглянулся. Если бы он не сделал этого, то в его памяти Дроконбринг навсегда остался бы родным убежищем, мирно ожидающим возвращения блудного сына.

Глава 4

ЗВОН САБЕЛЬ

Нассеф оглянулся назад только раз. От жары над палаточным городком Аль-Ремиша танцевали призраки из восходящих потоков раскаленного воздуха. Нассеф улыбнулся и негромко позвал:

— Карим...

— Слушаю, господин, — откликнулся человек с суровым, изрытым оспой лицом.

— Скачи назад. Найди наших людей. Тех, что встречали нас во время прибытия. Скажи им, чтобы они продолжали мятеж. Необходимо отвлечь врагов на длительный срок. И вели им отобрать пять сотен добровольцев — только опытных воинов — и направить их вслед за нами. Пусть уходят мелкими группами, чтобы никто не заметил. Ты все понял?

— Да, — улыбнулся Карим. У него не хватало двух передних зубов. И еще один был сломан углом. Это был старый разбойник, видевший множество схваток. Даже его седеющая борода выглядела страшно воинственно.

Нассеф проследил за тем, как Карим начал спуск по каменистому склону. Этот старый бандит среди всех новообращенных представлял наибольшую ценность. Нассеф не сомневался, что его ценность еще возрастет, когда борьба приобретет широкий размах и станет более жестокой.

Он развернул своего коня и поскакал вдогонку за сестрой и зятем.

Отряд Эль Мюрида насчитывал пятьдесят человек. Большинство из этой полусотни составляли его телохранители — облаченные в белые бурнусы Непобедимые. Этим воинам было гарантировано место в райских кущах, если им выпадет честь умереть за своего властелина.

В их присутствии Нассеф изрядно нервничал. У этих людей взгляд был даже более безумным, чем у их пророка. Они были ему фанатично преданы, и Эль Мюриду пришлось употребить всю силу воли, чтобы после суда удержать их от штурма Королевского Сада.

Нассеф занял свое место по правую руку от Эль Мюрида.

— Все получилось даже лучше, чем мы ожидали, — сказал он. — Нападение мальчишки было ниспослано Богом.

— Не сомневаюсь, что это именно так. Должен сказать, Нассеф, что я весьма неохотно согласился действовать по твоему плану. Но только вмешательство Всевышнего позволило ему осуществиться с такой легкостью. Лишь Творец мог столь своевременно подтолкнуть руку Гаруна.

— Обидно за твою лодыжку. Сильно болит?

— Ужасно. Ясир приложил к ней болеутоляющие травы. Скоро нога будет как новая.

— Во время этого фарса, именуемого судом... Мне на какую-то минуту показалось... что ты готов уступить.

— Да, наступила минута, когда я чуть было не сдался. Я, так же как и другие, могу пасть жертвой уловок Властелина Зла. Но я вновь обрел силу, а минутная слабость сделала нашу

победу еще слаще. Теперь ты видишь, как Господь подвигает нас на дела своей волей? Мы трудимся для Него даже тогда, когда нам кажется, что мы обратились к нему спиной.

Нассеф долго смотрел в сторону опаленных солнцем холмов. После довольно продолжительного молчания он наконец ответил:

— Очень трудно воспринять поражение, даже в надежде на то, что в конечном итоге оно обернется великой победой. Они, мой друг и мой пророк, сегодня подписали свой смертный приговор.

— Я не пророк, Нассеф, а всего лишь ничтожный ученик Творца. Я не желаю смертей, если их можно избежать. Кто знает — даже король Абуд и самые фанатичные служители Церкви, может, станут когда-нибудь на путь Истины.

— Конечно. Я говорил в переносном смысле. Хотел сказать, что этими действиями они обрекли на гибель свое дело.

— Со служителями Властелина Зла такое случается весьма часто. Чем больше они сопротивляются, тем полезнее их вклад в дело Бога. А как насчет рейда? Ты уверен, что он закончится благополучно?

— Я послал Карима обратно в Аль-Ремиш. Если наши люди сделают то, что мы просим — будут раздувать мятеж и пришлют нам пять сотен воинов, мы сумеем перейти в наступление. Никто не сможет нас остановить. Все поместные властители собрались в Аль- Ремише, чтобы стать свидетелями нашего унижения. Мятеж задержит их до Машада. Мы, таким образом, выигрываем целую неделю.

— Жаль только, что мы не смогли освятить имя дочери.

— Действительно, жаль. Но мы вернемся, господин. И добьемся, что ритуал освящения совершится в Машад. Обещаю.

Нассеф произнес эти слова с пылкой искренностью, он свято верил в то, что говорил.

Обходной путь по пустыне оказался тяжелым, медленным и исполненным одиночества, особенно для человека, стоящего в стороне от остальных людей. Кроме Мириам, ему не с кем было поделиться своими мыслями и мечтами. Непобедимые чересчур преклонялись перед ним, слишком боготворили. Нас-

сеф и его подручные были поглощены планированием будущих побед. Никого из всадников, по десяткам прибывающих из Аль-Ремиша, он не знал. Все старые друзья, первые обращенные, покинувшие вместе с ним Эль Акила, давно умерли и приобщились к лику святых.

Бои, которые Нассеф вел во имя Эль Мюрида, собрали свою дань жизнями.

Ученик ехал рядом с белой верблюдицей, держа дитя на коленях.

— Она у нас такая милая, тихая крошка, — восхищался он. — Просто чудо. Господь так милостив к нам, Мириам, — закончил он и поморщился.

— Опять нога?

— Да.

— В таком случае тебе лучше отдать крошку мне.

— Нет. Такие моменты теперь случаются крайне редко. И со временем будут еще реже. — Побыв с минуту наедине со своими мыслями, он продолжил: — Когда же я наконец смогу с этим покончить?

— Ты о чем?

— Сколько времени пройдет до тех пор, когда мы наконец восторжествуем? Когда я смогу создать дом и мирно жить с тобой и с ней? Мы скачем этими тайными тропами три года, а мне кажется, что все тридцать.

— Никогда, любовь моя. Никогда. И как жене мне ненавистно признавать это. Но после того как с тобой побеседовал Ангел, ты навсегда стал Эль Мюридом. До тех пор пока Господь считает необходимым оставлять тебя среди живых, ты останешься Учеником.

— Знаю. Знаю. Это просто моя смертная сущность желает невозможного.

Некоторое время они ехали молча. Затем Эль Мюрид произнес:

— Мириам, я страшно одинок. Кроме тебя у меня никого нет.

— Тебе принадлежит половина пустыни. Кто приносит тебе воду и пищу из поселений? Кто несет слово Истины в места, где ты никогда не бывал?

— Я говорю о друге. Простом, заурядном личном друге. О человеке, с которым я мог бы играть так, как играл в детстве. О существе, с которым можно было бы поговорить. О таком друге, который был бы способен разделить страхи и надежды простого человека по имени Мика, а не только следовать безумным устремлениям Эль Мюрида. Уверен, после смерти Фаты ты чувствуешь то же самое.

— Да. Супруга Эль Мюрида обречена на одиночество, — немного помедлив, она сказала: — Да, но у тебя есть Нассеф.

— Нассеф — твой брат, и мне не хотелось бы плохо говорить о нем в твоем присутствии. Я люблю его словно своего брата. И как брат многое прощаю ему. Но мы никогда не станем настоящими друзьями, Мириам. Мы останемся лишь союзниками.

Мириам не стала спорить. Она знала, что все сказанное — правда. У Нассефа также не было никого, перед кем он мог бы излить душу. Дружба между мужем и братом не может расцвести до тех пор, пока они не уверены до конца друг в друге.

Это было трудное и очень долгое путешествие. В конце его Нассеф был вынужден жестоко подгонять своих спутников. Все бесконечно устали. Все, но только не Нассеф. Казалось, что он вообще не знает усталости.

— Это здесь, — восхищенно прошептал Эль Мюрид, забыв про боль в лодыжке, — Себил-эль-Селиб.

Луна в три четверти заливала светом окруженное горами поле, которое в сердцах Детей Хаммад-аль-Накира уступало лишь Аль-Ремишу. Задолго до этого она занимала второе место и в сердцах их имперских предков, уступая лишь Ильказару.

Над полем, где размещалось Святилище и монастырь, господствовала очень древняя крепость. Нигде не видно ни огонька.

Название Себил-эль-Селиб означало Крестный Путь, и появилось оно в память об одном событии.

Именно на этом поле в первый день первого года текущего летосчисления родилась империя. Первый Император укрепил свою власть, распяв в этом месте на крестах тысячу своих противников. Первоначально это название получила тропа через

перевал, по которой обреченные аристократы шли к месту своей гибели, неся на плечах кресты, на которых им предстояло умереть. От поля тропа шла дальше, связывая Внутренние провинции с морем Коцум.

Битая всеми ветрами Твердыня с самых первых лет империи охраняла перевал, а вовсе не Святилище или монастырь, над которыми господствовала.

— Здесь началось земное существование отца нашей мечты. Именно на этом месте появился на свет Первый Император. Так вдохнем же полной грудью тот же воздух, что вдохнул когда-то он.

Нассеф ничего не сказал. Он с почтением взирал на это место, впитавшее в себя всю историю. Однако, по правде говоря, оно казалось ему немного простоватым.

Такое же впечатление оставил у него и Аль-Ремиш.

— Нассеф.

— Да.

— Мы готовы?

— Да. Вначале Карим поведет Непобедимых. Они преодолеют стены и откроют ворота для остальных. На захват Святилища и монастыря я направлю малочисленные отряды.

— Я не воин. Не командир. Я всего лишь орудие в руках Творца. Но мне хотелось бы внести небольшие изменения в твой план. Я предлагаю перекрыть дорогу к побережью. И оставить отряд со мной. Я не желаю, чтобы хотя бы один из них скрылся.

Нассефу показалось, что он ослышался. Ведь Эль Мюрид постоянно донимал его тем, что требовал сохранять жизнь врагам, прощая их прегрешения.

— Я размышлял на эту тему на протяжении всего нашего пути. У Господа в этом месте друзей нет. Здесь только солдаты короля и те, кто избрал для себя ложный путь. Кроме того, мы должны дать совершенно четкий знак тем, кто польстился на соблазны Властелина Зла. Прошлой ночью я молился, прося наставить меня на путь истинный, и мне было откровение. Наша Вторая Империя должна родиться на крови врагов на том же месте, где родилась Первая Империя.

Нассеф удивился, но протестовать не стал.

— Как скажешь, так и будет, — ответил он.

— Убей их всех, Нассеф. Даже грудных младенцев на руках у матерей. И пусть отныне ни один человек не смеет думать, что он может избежать ярости Божьей.

— Как скажешь.

— Можешь приступать. — Но не успел Нассеф сделать и дюжины шагов, как Эль Мюрид снова позвал его.

— Нассеф.

— Да?

— В этот миг, перед тем как начнется вооруженная борьба, я провозглашаю тебя своим военачальником. И даю тебе титул Бич Божий. Будь достоин этого имени.

— Не сомневайся. Я не испытываю страха.

Нападение прошло гладко, быстро и точно. Нассеф еще раз продемонстрировал те качества, которые отличали его при нападениях на караваны. Большая часть солдат гарнизона умерла в своих постелях.

Эль Мюрид остался в седле и, стоя на холме, ожидал появления беглецов или новостей. В глубине его сердца затаился черный страх. Если штурм не удастся, и защитники крепости сумеют его отогнать, его миссия может навеки погибнуть. Ничто не действовало на воображение людей пустыни сильнее, чем отвага и успех. И ничто не вызывало большего презрения, чем провал.

Беглецов не было. Новостей тоже не поступало. Когда рассвет уже окрасил в розовый цвет небо над горами, прискакал Карим.

— Мой господин Ученик, — сказал он, — ваш Военачальник приказал мне сообщить, что крепость, Святилище и монастырь в наших руках. Враги собраны на лугу. Он умоляет вас принять их в дар как знак величайшей любви.

— Благодарю тебя, Карим. Передай ему, что я сейчас прибуду.

Нассеф ожидал его на небольшом возвышении, наблюдая за пленными. Их было по меньшей мере тысячи две. Многих из них привели из крепости, но большинство пленников ока-

зались обитателями монастыря и мирными паломниками, прибывшими на празднование Дишархуна и не успевшие уехать домой.

В крепости стоял весьма внушительный гарнизон. Другой проходимый перевал через горы Джебал-аль- Алаф-Дхулкварнеги находился в сотнях миль к северу. Все остальные переходы через хребет охраняли Таящиеся. Гарнизон был большим, так как сбор за проход через перевал имел большое значение для финансов Короны.

Защитники Твердыни жили в ней всю свою жизнь. Некоторые семьи жили здесь в течение многих поколений еще со времен Империи. Женщины и дети, так же как и мужчины, обитали в замке.

Эль Мюрид взглянул вниз на пленников. Одни подняли глаза на него. Лишь немногие поняли, кто их пленил. Но вот на белой верблюдице появилась Мириам и остановилась рядом с супругом. Ее лицо было как всегда открыто. Толпа возбужденно загудела. Какой-то офицер выкликнул что-то оскорбительное, обещая помиловать Пророка и его людей. Эль Мюрид пронзил его взглядом. Ученик искал в своем сердце жалость и, не найдя ее, дал Нассефу сигнал к действию.

Всадники врезались в толпу пленных, рубя направо и налево своими саблями. Пленные разразились воплями. Некоторые пытались бежать. Но им некуда было скрыться. Кое-кому удалось вырваться из кольца смерти, но только для того, чтобы быть схваченными и убитыми пикетами всадников, ожидающих их по периметру бойни. Немногие воины бросались на всадников и гибли героями.

И лишь один человек по имени Белул сумел избежать гибели.

Это был один из младших офицеров гарнизона, примерно в возрасте Нассефа. Он происходил из семьи, чьи корни уходили в глубь веков к временам империи. Белул бился словно демон. Сумев захватить лошадь и саблю, он прорубил себе путь к свободе и сделал вид, что намерен напасть на Эль Мюрида. Непобедимые бросились спасать своего повелителя, а Белул тем временем галопом поскакал через перевал в пустыню.

Нассеф послал вдогонку четверых. Ни один из них не вернулся.

Белул принес страшную весть в Эль Асвад. Тотчас из замка валига во все стороны помчались гонцы.

— Неужели это действительно необходимо? — спросила Мириам, когда половина пленников уже была истреблена.

— Полагаю, что да. Думаю, что мои враги... враги Господа сделают вывод из этого урока.

Побоище заняло больше времени, чем он ожидал, и нервы у него не выдержали. Он отвернулся, когда Непобедимые соскочили с седел и стали оттаскивать трупы, чтобы добраться до детишек, которых матери прикрывали собой во время бойни.

— Пойдем осмотрим Святилище. Я хочу взглянуть на свой трон.

Нассеф, придя доложить о полной победе, застал Ученика молящимся на коленях перед троном.

Древние мастера вырубили трон из валуна, на котором восседал Первый Император, наблюдая за распятием врагов. Это была вторая по значению реликвия в Хаммад-аль-Накире. Лишь Трон Павлина, спасенный из руин Ильказара, занимал больше места в умах и сердцах Детей Пустыни.

Нассеф терпеливо ждал. Как только Эль Мюрид закончил молитву, военачальник сказал:

— Все кончено. Я приказал людям отдыхать. Похороны начнем через несколько часов. Этой же ночью я вышлю в пустыню разведчиков.

— Зачем? — недоуменно спросил Эль Мюрид.

— Мы находимся во владениях валига Эль Асвада. Говорят, что он решителен и умен. Валиг нападет на нас, как только узнает о том, что Себил-эль-Селиб пал.

— Ты его знаешь?

— Только внешне. Так же как и ты. Это его сын напал на тебя в Аль-Ремише. Юсиф был одним из тех, кто устроил этот суд.

— Я помню его. Тощий человек с жестоким лицом. Глаза цвета нефрита, но взгляд твердый как алмаз. Подлинный воин Властелина Зла.

— Понимаешь ли ты, о Ученик, мой повелитель, чего мы сегодня достигли? — спросил Нассеф с искренним благоговением.

— Мы захватили Малахитовый Трон.

— Больше. Значительно больше. Сегодня мы стали одной из самых могущественных сил в Хаммад-аль-Накире. Трон бесспорно важен для нашего дела, но еще важнее то место, где он расположен. Пока мы удерживаем Себил-эль-Селиб, мы останемся силой, с которой Аль-Ремиш вынужден будет считаться, какие бы решения он ни принимал. Пока мы контролируем перевал, мы практически изолируем пустынные провинции от моря Коцум. Мы лишаем Абуда поддержки богатого и сильного побережья в его сопротивлении воле Творца.

Нассеф был прав. Побережье оказалось единственным регионом в сердце империи, практически не пострадавшим во время Падения. Оно избежало опустошения и не превратилось в пустыню. В более позднее время расположенные там города стали практически автономными, но они сохранили общие корни и общий язык с Хаммад-аль-Накиром. Они на словах признавали верховенство короля Абуда и даже выплачивали символическую вассальную дань семейству Квесани. Но делали они это лишь для того, чтобы братья из пустыни оставили их в покое. Политически они мало что выигрывали, выступая против Эль Мюрида, однако поддерживая его, могли потерять очень много.

Если приморские города его поддержат, а Ученик проиграет, то они навлекут на себя ненависть правящего семейства Квесани. А если автономии его поддержат и он выиграет, то им придется пожертвовать своим богатством и людьми для священной войны против неверных, со всех сторон окружающих Хаммад-аль-Накир.

Пока же их можно не учитывать в качестве переменной величины в уравнении власти. Захват Себил-эль-Селиба оказался наилучшим выбором из множества вариантов, которые рассматривал Нассеф.

Даже без учета политических и экономических факторов захват крепости должен произвести громадный психологичес-

кий эффект. Тысячи и тысячи обратятся душой к Эль Мюриду. И многие тысячи других охладеют к правящему дому.

— У меня только один вопрос, Нассеф. Сможем ли мы удержать то, что завоевали?

— Эти люди готовы умереть за тебя.

— Не сомневаюсь. Но ты не ответил на мой вопрос. За нами поле, усыпанное телами тех, кто был готов умереть за Абуда. Но они не удержали перевал.

— Нас врасплох захватить никому не удастся.

Нассеф оказался прав лишь наполовину. Валиг Эль Асвада действовал быстрее, чем можно было предположить.

Почти сразу после того, как были высланы пикеты, на взмыленной лошади прискакал один из дозорных и сообщил, что следом за ним двигаются несколько сотен всадников.

Они ураганом ворвались с северо-запада. Нассеф, ожидая нападения со стороны Эль Асвада, выслал основные дозоры на юго-запад от крепости. Там же он устроил и засады. Но Юсиф услыхал о Себил-эль-Селибе по пути из Аль-Ремиша. Он решил нанести удар сразу лишь силами своего эскорта.

Быстрый удар, змеиный укус были традиционным способом ведения войны в пустыне, уходя корнями в сотни лет феодальных междоусобиц.

Юсиф лишил Нассефа четверти его сил, прибыв до того, как военачальник Эль Мюрида получил возможность отозвать пикеты.

Сражение, начавшись на перевале, спустилось на поле. Воины Юсифа были опытными и дисциплинированными бойцами дворцовой дружины, всю жизнь обучающиеся военному искусству. Валиг славился умением вести кавалерийские бои. Ему быстро удалось загнать основные силы Нассефа в монастырь и в крепость.

Эль Мюрид и Непобедимые оказались изолированными в Святилище. Они защищали Малахитовый Трон. Узнав о местонахождении Ученика, Юсиф сосредоточил усилия на Святилище, намереваясь отрубить змее голову.

Увидев валига — их разделяли двадцать футов залитого кровью пола — Эль Мюрид выкрикнул:

— Мы умрем, но не отступим ни на дюйм, служитель преисподней! Мы будем стоять как скалы, даже если твой Хозяин пришлет сюда всех демонов, обитающих в его нечестивом жилище... Мы не уступим, даже если легионы демонов восстанут на нас! С нами сила Господня. Мы уверены в правоте своего дела и мы будем спасены!

— Будь я проклят, Юсиф, но он действительно верит в этот бред, — произнес большой, мускулистый воин.

— Конечно, верит, Фуад. Всех маньяков делает опасными их безмерная вера в себя.

Эль Мюрид был потрясен. Неужели кто-то из них смеет сомневаться в его искренности? Истина остается Истиной. Они могут не принимать или принимать ее, но ложью называть не смеют.

— Убейте их! — приказал он Непобедимым, несмотря на огромное численное превосходство противника.

Господь споспешествует им.

Фанатики бросились в нападение словно стая голодных взбесившихся волков. Воины Юсифа падали как спелые колосья под косой. Сам валиг, получив серьезную рану, рухнул на колени. Его бойцы начали пятиться.

Фуад остановил их своим боевым кличем. Его кривая сабля двигалась с такой скоростью, что за ней невозможно было уследить взглядом. Он резал, колол, рубил.

Непобедимые повиновались приказу. Они дрались за каждый дюйм, который им вначале удалось отвоевать у врага.

Они не отступали, но они умирали.

Эль Мюрид осторожно сошел с Малахитового Трона. Его не оставляла вера в то, что Творец станет на его защиту. Он наклонился и поднял с пола выпавший из чьих-то рук окровавленный клинок.

Теперь уже Непобедимые валились словно переспелая пшеница. У Эль Мюрида начали появляться сомнения... Но нет! Прочь все сомнения! Если он примет здесь мученический венец, то, значит, такова воля Божья!

Он жалел лишь о том, что может покинуть эту юдоль, не увидев в последний раз Мириам и дочь. Они были заперты в крепости вместе с Нассефом...

Но Нассеф уже не был осажден в крепости. Атака Юсифа на Святилище дала ему передышку и позволила перегруппировать силы. Нассеф пошел в контратаку. Его неожиданная вылазка рассеяла силы Юсифа по луговине.

Нассеф, Карим и пара дюжин их лучших бойцов ворвалась в Святилище. Ход схватки сразу изменился.

— Господь милостив! — загремел Эль Мюрид, осмелившись скрестить свой клинок с саблей воина. Тот одним ударом выбил оружие из рук Пророка.

Нассеф подоспел как раз вовремя, чтобы принять атаку на себя. Фуад оттолкнул воина в сторону и, встретив Нассефа лицом к лицу, прорычал.

— Посмотрим, какого цвета у тебя потроха, бандит!

Нассеф нанес удар, на его лице появилась напряженная злая улыбка.

Их сабли танцевали бешеный смертельный танец. Ни один из них не мог преодолеть защиту противника. Казалось, что каждый из противников был потрясен боевым искусством врага.

— Фуад... Фуад, — прохрипел Юсиф, бессильно повиснув меж двумя поддерживающими его воинами. — Уходим.

Фуад, отступив на шаг, вытер с лица пот и произнес:

— Позволь мне прежде с ним разделаться.

— Надо уходить, пока у нас еще хватает сил спасти раненых.

— Юсиф...

— Немедленно, Фуад... Они нас побили. Мы можем теперь только умирать. А в этом я не вижу никакого смысла. Уходим.

— До следующей встречи, бандит! Теперь я знаю твои слабые стороны, — прорычал Фуад и плюнул Нассефу в лицо.

Люди пустыни обожали театральность. Особенно во время войны и в демонстрации ненависти.

— Ты сдохнешь раньше, чем сможешь воспользоваться этими знаниями, сын шакала. — Когда ярость Нассефа достигала определенных пределов, он становился холоден как лед. Вот и сейчас он находился в подобном состоянии. Ясно и громко, так чтобы его слова донеслись до ушей всех, Бич Пустыни произнес:

— Карим, направь в Эль Асвад убийцу. И пусть его целью станет эта куча верблюжьего дерьма. А теперь слушай ты, Фуад.

Фуад — служитель преисподней. Теперь тебе предстоит жить в ожидании того, когда он — или она — нанесет удар. — Он улыбнулся своей тонкой жесткой улыбкой и продолжил: — Карим, они желают удалиться. Пусть бегут, как побитые собаки. Мы же развлечемся, глядя на их задницы с поджатыми, как у псов, хвостами.

Когда враги ушли, Эль Мюрид с трудом доковылял до Малахитового Трона и тяжело рухнул на него.

— На сей раз смерть стояла близко, Нассеф.

— Даже слишком близко. Но почему ты не использовал амулет? У тебя была хорошая возможность уничтожить одного из наших злейших врагов.

Эль Мюрид поднял руку и воззрился на сверкающий камень. Он не прибегал к его могуществу со времени первой демонстрации в Эль Акила. В роде аль Хабиб до сей поры говорили о том, как он вернул к жизни высохший оазис.

— Это не пришло мне в голову. Я просто не сообразил. Думаю, что ко мне прикоснулся Создатель и сообщил, что ты придешь. Я ни на секунду не усомнился в нашей победе.

— Может, оно и лучше, что ты его не использовал. Пока ты им не пользуешься, они о нем не знают и не ищут способов нейтрализовать его действие.

— Почему ты приказал Кариму их отпустить?

— Мы понесли очень большие потери. Нет смысла терять еще жизни после того, как победа достигнута. Они еще вернутся, и с гораздо большей силой, чем сейчас. Нам потребуются все наши люди.

— Что означает твоя идея с убийцей?

— Просто трюк. Теперь они будут бояться повернуться друг к другу спиной. Пусть шарахаются от собственной тени. И пусть этот страх парализует их силу и волю.

— До чего же ты умен. Нассеф, брат мой, неужели ты никогда ничего не говоришь, не просчитав предварительно возможные последствия твоих слов?

— Говорю. Но только с друзьями. Разве не ты нас учишь, что слово является самым сильным оружием в борьбе за Истину?

— Да, это так. Слова Истины. Но иногда, Нассеф, мне кажется, что ты надо мной издеваешься. Даже спасая мою жизнь...

— Прости меня, Ученик, мой повелитель, — уставившись в пол, сказал Нассеф. — У меня просто такая манера речи. Это мое вечное проклятие. Когда я был маленьким, я не мог дразнить детей, потому что они думали, что я говорю серьезно. А в то время, когда я хотел быть серьезным, они считали, что я глумлюсь над ними.

— Что теперь нам делать, Нассеф? Мы захватили Малахитовый Трон. В наших руках Себил-эль-Селиб. Теперь на нас обрушатся все враги Творца.

— Мы будем защищаться и хранить нашу веру в Бога. Я разошлю гонцов к нашим сторонникам с просьбой прислать воинов и оружие. Мы укрепим оборону, возведем здесь еще одну крепость. Трон тоже должен находиться под защитой стен.

— Ты прав. Боюсь, Нассеф, что нам предстоит провести здесь много времени. Себил-эль-Селиб в некотором роде ловушка. Здесь мы одержали две великолепные победы, но чтобы выжить, нам необходимо удержать то, что мы захватили. Опасаюсь, что они нас здесь просто запрут.

— Во всяком случае, попытаются. Но полностью изолировать нас им не удастся. Против них будет работать их собственная система. Ты знаешь, что они имеют право призывать своих вассалов из племен лишь на сорок пять дней в течение года. Все остальное время подданные Абуда вольны приходить или уходить когда им вздумается. Если ты дашь мне свое благословение, я развяжу партизанскую войну. Состоящие из добровольцев банды начнут совершать налеты в тех местах, где имеются наши сторонники. Профессиональные воины будут повсеместно заняты ловлей этих банд. Это даст нам возможность заложить здесь хороший фундамент для дальнейшей борьбы.

Эль Мюрид задумчиво посмотрел на своего военачальника. После довольно продолжительного молчания он заметил:

— Создается впечатление, что ты уже давно все продумал.

— За эти три года я провел много одиноких ночей, лежа с открытыми глазами, мой властелин.

— Да, это так. Когда ты намерен взять себе жену, Нассеф?

Бич Пустыни был застигнут врасплох.

— Я еще не думал об этом, — сказал он. — Может быть, после того, как мы создадим Королевство Покоя?

Эль Мюрид снова внимательно посмотрел на Нассефа.

— Я устал, мой друг, — сказал он. — Сегодня и завтра мы отдыхаем. И лишь после этого вернемся к нашим трудам. Ты к своим войнам. Я же продолжу готовить почву для строительства нашего королевства. Я хочу, чтобы ты нашел для меня писцов и архитекторов. Я желаю разработать кодекс законов и хочу, чтобы для Малахитового Трона был возведен специальный дворец. Кроме того, на поле должна быть воздвигнута стела. На ней я начертаю имена тех, кто отдал жизнь за дело нашего Творца. Эти герои получат бессмертие не только в Раю, но и здесь.

— Как прикажешь. Идея со стелой мне нравится. Было бы хорошо, если бы ты оставил ее вершину для имен Непобедимых.

— Да. Пусть кто-нибудь запишет имена тех, кто здесь погиб. Их имена будут первыми вырублены на камне.

Позже, прежде чем отойти ко сну, Эль Мюрид привел Мириам и вынес дочь на самую высокую часть стены старинной крепости.

— Мои любимые, — сказал он, — крошечный кусочек нашей мечты воплотился в жизнь. Королевство Покоя уже существует, хотя его границы пока простираются всего лишь на расстояние взгляда. Но наступит время, когда весь остальной мир обратится лицом к Господу.

Удерживая дочь на сгибе левой руки, он обнял правой Мириам за талию. Она прижалась к нему, дрожа от дующего с гор пронизывающего ветра.

— Пойдем, — сказал он спустя некоторое время. — Позволь мне напомнить тебе, что я помимо всего прочего еще и мужчина.

Она ответила ему улыбкой. Испорченная девчонка из рода аль Хабиб выросла в женщину, любившую своего супруга.

В ту ночь они зачали мальчика.

Глава 5

ТВЕРДЫНЯ ВО МРАКЕ

Мегелин Радетик брел по каменному склону чуть ниже видавших виды обветренных стен Эль Асвада, Восточной Твердыни. Гарун тащился за ним, переключая внимание с одного предмета на другой, как часто бывает у детей. В то же время он тянулся к единственному взрослому, у которого нашлось для него время. Их обоих охранял старый покрытый шрамами ветеран с обнаженным мечом в руке.

Гарун молчал вот уже несколько дней. Он весь был погружен в себя, и вот теперь, когда Радетик остановился, чтобы еще раз окинуть взглядом эту иссушенную, негостеприимную землю, мальчик решил заговорить.

— Скажи, Мегелин, отец умрет?

— Не думаю. Лекари, во всяком случае, надеются на лучшее.

— Мегелин?

— Что?

Надо быть добрее с малышом, подумал Радетик и присел на корточки рядом с мальчиком.

— Почему он их всех убил? Паломников в Святилище?

Радетик продолжил путь.

— Не знаю, — сказал он. — Если приказ отдавал кто-то, помимо Эль Мюрида, то я сказал бы, что это простая злобность.

Теперь они огибали подножие холма. На его восточном склоне они повстречали Али, брата Гаруна. Али сидел на камне и смотрел на Джебал-аль-Алаф-Дхулкварнеги так, словно мысленно хотел выкурить Сокрытых из их тайных убежищ.

Радетик посмотрел в ту же сторону. Интересно, что думают чародеи гор о недавних событиях? Скорее всего, следуя традиции, они просто не обратят внимания на своих соседей. Они обитали там, наверху с незапамятных времен и никогда не трогали тех, кто не причинял им беспокойства. Даже могущественная империя оставила их в покое, а ее гибель их оставила равнодушными.

— Мегелин, я боюсь, — пробормотал Гарун.

Али изготовился произнести что-то саркастическое.

— Он прав, Али. Настало время страха. Нам следует опасаться сабли Нассефа и Слова Эль Мюрида. Меч и Слово образуют смертельное сочетание. И нам надо бояться того, что меч станет управлять Словом, а не наоборот. И нам придется тогда бороться с ураганом.

Али нахмурился. Старый Радетик опять впал в непонятное настроение и ударился в заумные рассуждения.

Али был больше скроен по образу дяди, нежели отца и брата. Он не был мыслителем. Гарун же понял Радетика с полуслова.

Юсиф вернулся в Эль Асвад всего через несколько часов после возвращения семейного каравана. Его войско было разгромлено, а сам он очутился на волосок от смерти.

Нельзя сказать, что караван вернулся в целости и сохранности. Юсиф не оставил с ним никакой охраны, и дозоры Нассефа, действуя по-бандитски, получили свою добычу.

Даже Мегелину Радетику пришлось брать в руки оружие, чтобы отбиваться от налетчиков.

Он пощупал свой левый бицепс, на нем был небольшой сабельный порез. Рана все еще побаливала.

Радетик улыбнулся. Как изумился его противник, когда он ринулся в контратаку!

Фуад тоже не мог поверить в то, что привезенный братом малахольный умник знает, с какого конца следует браться за саблю. Он не знал, как отнестись к тому, что этот учитель сумел организовать и повести в атаку стариков, женщин и погонщиков верблюдов, да так успешно, что заставил отступить более молодых воинов.

Радетик находил ситуацию презабавной.

— В Ребсамене мы изучаем не только цветочки, — сказал он Фуаду.

Это замечание имело отношение к тому изумлению, которое выказал когда-то Фуад, увидев, как Мегелин классифицирует весенние цветы пустыни и делает с них цветные зарисовки.

Али слез с камня и сказал:

— А знаешь, Мегелин, я тоже боюсь.

— Мы все сейчас боимся, Али.

Али покосился на брата и произнес:

— Если ты кому-нибудь об этом скажешь, я тебе как следует врежу.

— Только попробуй! — ответил Гарун, поднимая с земли увесистый камень.

— Мальчики. Поберегите свою энергию для Эль Мюрида.

— Он сам все время нарывается, — проворчал Гарун.

— Ах ты, маленький сопляк...

— Я же вам сказал — прекратите! Пошли, Гарун. Али появился здесь первым.

Али в ответ высунул язык.

Радетик продолжил путь, недоумевая, чего может бояться Гарун. Никто его ничем не запугивал.

— Пойдем в крепость, Гарун. Самое время немного позаниматься.

Эта местность именовалась Эль Асвад, и так же все называли и замок. Строители во время империи назвали эту квадратную, без всяких излишеств твердыню «Восточная крепость». В те времена в ней размещался штаб большой военной группы.

С тех пор замок разросся, хотя и утратил в значительной степени свое значение. Каждое поколение вносило свою лепту в то, чтобы сделать его более неприступным. К первоначальным стенам были пристроены круглые башни. На северной стороне были возведены куртины, а дополнительные башни стали окружать всю вершину горы. Еще дальше к северу, защищая самый пологий склон, стояла массивная, квадратная вспомогательная крепость. С основной Твердыней ее так же соединяла куртина.

Три других склона горы были каменными и обрывистыми. Выходящие на поверхность скалы стали мягкими и были сплошь покрыты трещинами. На обрывах изогнутые дугой слои осадочных пород демонстрировали всю историю образования горы. Дети придворных и солдат любили бродить по склонам в поисках окаменелостей — за каждую находку Радетик расплачивался сладостями.

По мнению Мегелина, замок был совершенно не пригоден для обитания. В нем либо было холодно и дули сквозняки, либо стояла невыносимая душная жара. Во время редких дождей крыши нещадно протекали. Необходимые всем людям санитарные сооружения были крайне примитивными, а мебель фактически отсутствовала. Во всем замке не было ни одной ванны. А Хэлин-Деймиель славился своими общественными банями. Во всем замке была лишь одна дверь, которую можно было закрыть. Она преграждала путь в женскую часть замка.

Радетик часто скучал по комфорту своего крошечного жилья в университете.

Несмотря на недостатки в качестве жилого помещения, замок прекрасно отвечал своему основному предназначению. Его зернохранилище, цистерны с водой и арсенал могли снабжать гарнизон практически бесконечно. Твердыня господствовала над огромной территорией, и еще никому не удавалось захватить ее ни штурмом, ни после осады.

Радетик задержался у ворот и окинул взглядом мили и мили каменистой земли, окружающей замок.

— Гарун, ты знаешь, что я хотел бы здесь увидеть? Хотя бы раз. Одно-единственное дерево.

Прошло несколько недель. Фуад направил гонцов к вассалам. В то утро, когда они должны были проходить смотр, Гарун разбудил своего учителя.

— Что тебе надо? — проворчал Радетик, приоткрывая один глаз. — Ты пожалеешь, если разбудил меня не по делу. Ни одно разумное существо не может просыпаться в такую рань.

— Дядя Фуад встречает рекрутов. Я думал, что ты захочешь присутствовать.

Радетик, издав еще один стон, свесил ноги с кровати.

— Захочу? Да ни за что! Тот, кто видел хотя бы одну толпу феллахов, видел их всех. Но все же думаю, что мне лучше пойти, хотя бы для того, чтобы удержать твоего дядюшку от поступков, о которых он будет потом сожалеть. И много их там явилось?

Он очень сомневался в том, что призыв Фуада принесет тот же результат, который можно было бы ожидать от призыва самого валига.

— Не очень много, — разочарованно протянул Гарун. — Но они еще подходят. Может быть, некоторые просто задержались.

— Хм... Вот, значит, как? Дело плохо. Подай-ка мне, пожалуйста, вон те сандалии.

Бойцы, присланные вассальными родами, собрались на склоне, ведущем к главным воротам Эль Асвада. Не все еще прибыли, как сказал Гарун, но приближающихся к крепости облачков пыли виднелось очень мало, и это говорило о том, что Фуад наверняка будет разочарован жалким ответом на его призыв.

— Нет даже и трети от того числа, что можно было бы ожидать, — заметил Мегелин.

— Некоторые из этих пожирателей верблюжьего дерьма перебежали к бандитам, — вмешался Фуад. Бросив недовольный взгляд на собравшееся воинство, он добавил: — Трусость бывает заразнее оспы.

— По правде говоря, я не думал, что они настолько ненадежны, — сказал Радетик.

— Они похожи на базарных торговок. Те, кто не дезертировал, спрятались по своим палаткам, не осмеливаясь на борьбу. Моему брату они скажут, что не явились только потому, что не он лично призвал их под знамена. Я лично проеду по их владениям и всех примерно накажу. Бабы паршивые!

— Может быть, стоит несколько дней подождать, — предложил Радетик. — Пошлите гонцов еще раз, и пусть они ведут себя как можно жестче.

— Какой от этого толк? Если они хотят спрятаться под юбками своих жен, пусть прячутся! Я превращу их в посмешище, когда вернусь с головой Эль Мюрида на моем копье. Белул! Собери шейхов.

Белул склонил голову и стал спускаться по склону. Когда он прошел между всеми отрядами, их вожди направились к Фуаду. Ни одного из них брат валига не встретил теплым привет-

ствием, хотя знал их всех и не раз скакал с ними бок о бок. Его мрачный вид заставил вождей попридержать языки и держаться на почтительном расстоянии.

Когда последний из предводителей родов присоединился к вождям, окружившим Фуада, Радетика, Гаруна и некоторых военачальников, Фуад сурово произнес:

— Значит, так. Только у вас хватило смелости выйти на бой с этими младенцами-бандитами. Таха. Рифаа. Квабус. И все остальные. Обещаю, что мой брат запомнит это. Клянусь, что он не забудет и тех, чьи лица мы не видим сегодня.

— Может быть, стоит дать остальным чуть больше времени, — предложил кто-то.

— Больше времени, Ферас? Разве Ученик предоставит нам больше времени? Нет! Мы нанесем удар. Никаких детских игр. Никаких послаблений. Мы обрушимся на них подобно молоту и принесем с собой их головы, чтобы украсить стены.

— Мы сегодня пребываем в ярости, — пробормотал Радетик.

Фуад наградил его злобным взглядом и прошипел:

— Ты, учитель, скоро узнаешь, что такое настоящая ярость. А пока можешь продолжать зудеть. — Отвернувшись от Мегелина, он продолжил: — Белул! Прикажи колоннам строиться согласно плану. Оставь пустыми места, где должны были бы стоять трусы.

— Фуад, я действительно считаю, что вам следует пересмотреть свое решение.

— Мы выступим, как только колонна будет построена, — ответил Фуад. — Все дискуссии окончены. Мы либо вернемся с победой, либо проиграем. Не хотел бы я оказаться на месте тех трусов, если мы потерпим поражение, а я при этом останусь жив. А теперь прочь с дороги, учитель. Тебе мне больше нечего сказать.

Пару часов спустя Мегелин уже наблюдал за тем, как колонна скрывается из виду.

— Я сделал то, что должен был сделать, Гарун. Но он слишком упрям, чтобы прислушиваться к голосу здравого смысла.

— Ты думаешь, что он не победит?

— Все возможно, — пожимая плечами ответил Радетик. — Не исключено, что ему и повезет.

Через два дня после ухода Фуада в классную комнату явился посыльный и объявил:

— Наш властелин Юсиф пробудился. Он требует вас к себе.

Радетик рассердился, что мешают занятиям, но игнорировать вызов он не мог.

— Али, ты здесь будешь главным, пока я буду занят с твоим отцом. Продолжай вести урок.

Когда они вышли из комнаты, посыльный фыркнул:

— Вы оставили им сурового надсмотрщика.

— Знаю. Но это единственный способ заставить его хоть что-то выучить. Он же не захочет выглядеть глупее своих учеников.

— Жаль, что у меня не было возможности учиться в молодые годы.

— Действительно, жаль, — мягко улыбнулся Радетик. Юсиф говорил правду. Прежде чем дети могли получить образование, в пользе этого следовало убедить их родителей. — Как он себя чувствует? — спросил Мегелин.

— Прилично, учитывая все обстоятельства. Но валиг суров. Вся их семья такая. Пустыня у нас неласковая.

— Это я вижу, — ответил Радетик. Он часто слышал эти слова, даже в тех случаях, когда пустыня была вполне приемлемой. Видимо, это была всего лишь местная нравоучительная формула.

Юсиф сидя вел отчаянный спор с лекаршей, которая заставляла его улечься.

— А, Мегелин. Наконец-то. Избавь меня от забот этой старухи.

— Эта старуха, валиг, видимо, знает лучше вас, что требуется вашему телу.

— Вы что, сговорились? Впрочем, не важно. Подойди сюда и садись на одну из этих подушек. Все одновременно мне не нужны.

Радетик сел. Он был не в силах скрыть неудобство, которое испытывал. Учитель был слишком стар для того, чтобы усвоить привычку сидеть на подушке, скрестив ноги.

— Я довольно долго пробыл вне этого мира, — сказал Юсиф, не обращая внимания на ерзанье собеседника. — А это за-

ставляет человека критически переосмыслить свою жизнь. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Думаю, что понимаю, валиг.

— Так вот. Моя первая задача в этой новой жизни, Мегелин, отучить тебя вести себя как слуга. Нам есть о чем поговорить. И прежде всего о дружбе.

— Валиг?

— Ты сумел привести мой караван.

— Чепуха!

— Я успел допросить Муамара, так что не будем спорить. Я тебе безмерно благодарен. Мне не пришло в голову, что в моем тылу могут остаться враги.

— Моя жизнь тоже была в опасности.

— Все зависит от того, с какой точки зрения взглянуть. Но как ни смотри, мои жены и дети добрались до дома в целости и сохранности. И я рассматриваю твое поведение как проявление дружбы. Я всегда поступаю так, как поступают со мной, Мегелин.

— Весьма вам признателен, валиг, — произнес Радетик, с трудом выдавив улыбку. Ему было хорошо известно, насколько непродолжительна благодарность князей.

— Мегелин, ты демонстрируешь познания в совершенно неожиданных областях. Я высоко ценю людей, чьи таланты выходят далеко за рамки профессии.

— Еще один аргумент в пользу образования.

— Именно. Скажи, что ты думаешь о походе Фуада.

— Я не знаю местности, если не считать короткого взгляда на каракули, которые вы именуете картами. В его распоряжении тысяча человек. Возможно, ему повезет.

— Численность его людей в три, а то и в четыре раза больше.

— Возможно, что число станет тем молотом, который поможет вашему брату сломать быструю саблю Нассефа. Ваш брат — не мыслитель.

— Увы. Мне это слишком хорошо известно. Скажи, почему Нассеф производит на тебя столь сильное впечатление?

— В нем чувствуются проявления гения. По западным меркам его угроза заслать убийц в Эль Асвад просто великолепна. Правда, здесь это пустая трата вдохновения.

— Не понимаю. Пустая болтовня оскорбленного плевком человека.

— В этом и заключается слабая сторона его гениальности.

— Что?

— Здесь просто не нашлось ни одного человека, способного понять все последствия этой угрозы. Проник ли уже во дворец убийца? Если нет, то когда это случится? И так далее...

— Вы все там на западе слишком хитроумны. Мы же народ простой.

— Это я успел заметить. Но Нассеф и Эль Мюрид действуют совершенно на ином уровне. Все их поведение свидетельствует о тщательном расчете. Они захватили Себил-эль-Селиб, предвидя вашу возможную реакцию и зная вашу силу.

— И что же это означает?

— Это означает одно, они уверены в том, что не отдадут крепость. На данном этапе они не могут позволить себе захватывать то, что не в силах удержать.

— Ты о них чересчур высокого мнения.

— А вы, боюсь, их недооцениваете. Несмотря на то что вы говорили мне в Аль-Ремише, вы сами до конца не убеждены в том, что эти люди нечто большее, нежели бандиты, возглавляемые безумцем. Вы припоминаете, что сказали мне тогда? Об Эль Мюриде, продающем то, что все желают купить. Я обдумал ваши слова и решил, что они даже ближе к истине, чем вы полагаете.

— Что, по твоему мнению, я должен делать?

— Имеется масса возможностей.

Радетик предложил несколько вариантов, но Юсиф их отверг как непрактичные или политически неприемлемые.

— В таком случае будем говорить прямо, — заявил Мегелин. — Убейте Эль Мюрида. Поднимется вопль, но о пророке сравнительно быстро забудут. Нассеф без него выжить не сможет. Во всяком случае, в данный момент.

— Я уже думаю, как это лучше сделать. В том случае, если у Фуада ничего не получится. Что же, ты не сказал мне ничего нового.

— Знаю. Я не учел политические и финансовые трудности. Вы спросили о моем мнении. Я выложил все так, как мне

представляется. Вообще-то, будь они прокляты, есть еще один вариант. Мы можем их просто игнорировать и ждать, когда они вымрут в забвении.

— Мегелин, мое выздоровление шло медленно. Я лежал два дня и мой разум страдал больше, чем тело. Я все продумал. Остается один реальный вариант: начать борьбу и надеяться, что удача повернется к нам лицом. Если нам повезет, мы сможем сдержать этот поток.

— Все это очень печально. Мы убеждаем себя согласиться с поражением, до того как вступили в схватку.

— Оставим в таком случае эту тему. Мегелин...

— Что?

— Останься со мной, когда твой контракт кончится. До того как все это завершится, мне может очень понадобиться независимое суждение.

Радетик был безмерно удивлен. Юсиф впервые продемонстрировал уважение, выходящее за рамки формальной вежливости.

— Я продумаю ваше предложение, валиг. А пока мне лучше уйти. В классе вместо себя я оставил Али.

— Да. Тебе действительно надо бежать, — фыркнул Юсиф.

— Я, Гарун, — специалист в области политической истории, — объяснял Мегелин. — И поэтому я намерен остаться. Как я могу уехать в тот момент, когда здесь разразился политический ураган столетия?

Мальчик, казалось, был немного разочарован. Радетик понимал его настроение, но не стал излагать ученику подлинные, эмоциональные причины решения. По правде говоря, он и сам до конца не понимал мотивов своих действий.

— Понимаешь, я единственный ученый, оказавшийся в самом сердце событий. Историю, Гарун, обычно пишут весьма предвзято и, как правило, только победители. Появилась уникальная возможность уловить истину.

Гарун искоса поглядывал на учителя, в его глазах играла улыбка. Мегелин не выдержал и, рассмеявшись, сказал:

— Ах ты, дьяволенок! Ты же видишь меня насквозь. Разве нет?

Он открыл для себя истинную причину своего решения. И эта причина оказалась настолько весомой, что его пребывание растянулось даже не на месяцы, а на многие ужасные годы.

Гарун ворвался в комнату Мегелина с такой скоростью, что чуть не упал, едва не опрокинув столик, за которым ученый сочинял послание своему другу в Хэлин-Деймиеле.

— Что случилось, дитя мое? — спросил он.

— Дядя Фуад возвращается!

Радетик задал второй вопрос без слов, лишь молча подняв брови, но Гарун все понял.

— Нет, — ответил он.

Радетик со вздохом отодвинул бумагу:

— Я так и думал. В противном случае он прислал бы гонцов с вестью о победе. Что же, пойдем встречать.

Когда Радетик подошел к воротам, остатки войска уже тащились через них. Мегелин отыскал взглядом Фуада. Брат валига казался изможденным и понурым. Он растерял всю былую заносчивость. Он отвечал на вопросы ровным, бесцветным голосом и абсолютно откровенно, невзирая на то что это может выставить его в неприглядном свете.

— Запиши, как все это произошло, учитель, — в какой-то момент пробормотал он. — Запиши беспристрастно и точно. Нам не хватило всего лишь одного отряда. Одного вонючего эскадрона. Им бы пришел конец, имей мы один-единственный свежий эскадрон в резерве. — Направившись к палатам брата, он добавил: — Один эскадрон от этих детей шлюх, которые не удосужились прислать воинов! Думаю, что скоро в Эль Асваде в некоторых племенах появятся новые вожди.

Тремя месяцами позже Юсиф сам обратился с призывом к оружию. Для Мегелина это явилось полной неожиданностью.

— С какой целью? — спрашивал он. — И почему вы ничего не сказали мне?

Он был смертельно обижен тем, что валиг с ним не посоветовался.

— Да потому, — улыбнулся валиг, — что я хотел выслушать твои протесты в один прием, а не опровергать их бесконечно изо дня в день.

Это объяснение вряд ли могло утешить Радетика, и тот спросил:

— Но почему военный сбор? Меня интересует главным образом это.

— Да потому, что мне надо подтвердить свое господство над племенами. Необходимо показать им, что я все еще силен и остаюсь главным. Мы, дети пустыни, похожи на ваших лесных волков, Мегелин. Я — вожак стаи. Если я споткнусь, проявлю слабость или неуверенность, я погиб. У меня нет никакого желания нападать на Эль Мюрида. Время для этого совершенно неподходящее, как ты без конца бубнил бы мне, извести я тебя об этом раньше. Но взоры сотен племенных вождей обращены на Эль Асвад. Они ожидают моего ответа на мои раны и унижение Фуада.

Мегелин припомнил суету последних недель, прибытия и отъезды каких-то людей — движение, которому он не придал значения. Вне сомнения, это были гонцы. Но в то же время он видел, как наиболее надежные офицеры Юсифа уводили в пустыню довольно многочисленные патрули.

— Полагаю, что ваши представители будут на месте, когда известие о сборе достигнет шейхов, чья лояльность вызывает сомнения? — спросил Радетик.

— Изящно сказано, учитель. Но тем не менее отвечает истине, — рассмеялся Юсиф.

— Полагаю, что я поступлю мудро, если буду держать рот на замке, — произнес ученый. — Существует древний трюизм: что логично и практично, то совсем не политично. И соответственно наоборот.

— И трюизм этот, Мегелин, справедлив в наших краях больше, чем где-либо. Однако оставим это. Как успехи моего сына?

Валиг не стал уточнять, какого сына. Он и учитель понимали друг друга без слов.

Радетик попытался подыскать нужные слова, но тут же решил, что прямота в данной ситуации будет лучше всего. Свидетелей здесь не было, а в приватной обстановке валиг был вполне терпимым человеком.

— Я очень сожалею, что он не появился на свет в цивилизованной стране. Он просто великолепен, валиг. Абсолютно великолепен! Меня печалит лишь то, что он формировался как личность в этом диком королевстве. Уже сформировался. Он может стать великим человеком. Или великим злодеем. В нем заложены предпосылки как для первого, так и для второго. Давайте вместе наставлять его на путь величия.

Юсиф усмехнулся, задумчиво посмотрел куда-то вдаль и после продолжительной паузы произнес:

— Если бы не сложившаяся ситуация, я бы подумал о том, не послать ли его в Ребсамен. Возможно, это удастся сделать позже. После того, как мы усмирим этого маленького, злобного дьявола.

Радетик, глядя искоса, внимательно изучал Юсифа. В этот момент валиг был окружен аурой судьбы, аурой, присутствие которой он, видимо, и сам ощущал. Весь вид Юсифа говорил о том, что он ожидает для себя и сына совсем не то будущее, надежду на которое только что высказал.

Поход Юсифа против негодяев, захвативших Себил-эль-Селиб, ожидала та же судьба, что и экспедицию его брата. И это несмотря на то, что наступление было проведено более крупными силами. И вновь, для того чтобы возвратить себе Малахитовый Трон, лоялистам не хватило всего лишь одного свежего эскадрона. В своей решимости доказать свою силу и волю Юсиф атаковал дольше, чем надо. Он продолжал гнать бойцов вперед, хотя было ясно, что наступление давно захлебнулось.

Жестокая схватка озлобила как лоялистов, так и мятежников. Последовали жестокие репрессии, которые только ослабили позиции власти. Когда новость о поражении валига и о проявлениях его ярости разнеслась по пустыне, под знамена Эль Мюрида встали новые последователи. Нассеф обратился к племенам с призывом. К нему потекли добровольцы, и он начал обучать их приемам своего дьявольского стиля ведения войны.

Юсиф применял традиционную тактику, перекрыв все тропы из Себил-эль-Селиба и направляя свою дворцовую дружину преследовать подвижные банды Нассефа.

От шпионов поступали тревожные сведения о том, что Эль Мюрид возводит новые укрепления.

— Мы можем оставить все надежды выкурить их оттуда, — пророчествовал Радетик через три года после утраты контроля над перевалом. Только что было получено донесение о быстром росте замка крепости, охраняющей Малахитовый Трон. В сообщении также говорилось, что Эль Мюрид имеет в своем распоряжении постоянное войско численностью в тысячу человек, из которых примерно половина это отряд фанатичных Непобедимых.

Нассеф и его подручный Карим время от времени выезжали из Себил-эль-Селиба, чтобы лично руководить действиями мародеров, грабивших Детей Пустыни во имя Эль Мюрида.

— Они похожи на призраки, — жаловался Фуад. — Ты, Юсиф, должен был позволить мне убить Нассефа, когда у меня имелась такая возможность. Теперь он присутствует везде и в то же время нигде, и я не могу заставить его сразиться со мной.

— Что же, мы являемся свидетелями тактики, присущей партизанской войне, — заметил Радетик. — Как только Нассеф прекратит движение, он погибнет. Создайте ему приманку, от которой он не смог бы отказаться. Устройте засаду.

— Шпионы предупредят его за два дня до того, как мы решим это сделать, — ответил Юсиф.

— Знаю. Но наша единственная надежда состоит в том, что вам удастся воткнуть нож в печенку Нассефу или Эль Мюриду.

— Мы уже пытались, — прорычал Фуад.

— Не оставляйте попыток. Каждый день мы теряем клочок почвы под ногами. Они берут нас измором. До тех пор пока Абуд смотрит на события как на обыкновенную свару между Юсифом и Эль Мюридом и не верит, что она может распространиться на все королевство, нам остается уповать лишь на то, что мятежники совершат какую-нибудь роковую глупость до того, как это сделаем мы.

— Как продвигается твоя монография, Мегелин? — поинтересовался Юсиф.

Незавершенность этого труда была, как утверждал Радетик, единственной причиной, удерживающей его в Хаммад-

аль-Накире. Учитель покраснел и, обняв Гаруна за плечи, сказал:

— Ужасно медленно. Очень отвлекает война. Мне едва хватает времени на то, чтобы учить. Писать же совсем некогда.

С течением времени Радетик превратился в гораздо более важную персону, нежели простой учитель. Он стал серьезной силой в окружении валига. Юсиф регулярно обращался к нему за советами и все более часто этим советам следовал.

Эль Мюрид признал новую роль Радетика и в одной из проповедей назвал его одним из тринадцати Князей Тьмы, посланных на землю Властелином Зла сбивать с пути истинного правоверных. Мегелин был удивлен столь высоким титулом. По совести говоря, он считал, что его больше заслуживал Юсиф.

Радетик направлял политику валига в неторопливое русло, что позволяло валигу выиграть время и собрать силы. Он надеялся, что Корона наконец обретет здравый смысл, а Нассеф совершит ошибку, которая позволит его уничтожить.

Он сочинил от имени Юсифа бесконечное количество тревожных писем и отправил их практически всем более или менее значительным лицам при дворе Абуда. Многие из них ему сочувствовали, но по-настоящему влиять на политику короля мог лишь кронпринц Фарид.

Юный Гарун умственно развивался значительно заметнее, нежели физически. Юсиф даже опасался, что любимый сын так и останется карликом. Радетик в утешение толковал что-то о поздно распускающихся цветах. Он уже давно оставил всякие попытки обучать кого-нибудь еще. У ученого не оставалось времени на то, чтобы улещивать или убеждать тупоголовых сыновей и племянников Юсифа.

Внимание к единственному ребенку не принесло Мегелину новых друзей. Его осуждали за то, что он водил Гаруна в геологические и ботанические походы, а его откровенные оценки талантов остальных детей навлекали на него гнев их родителей и родичей.

Кроме Юсифа и Гаруна у Мегелина был единственный друг — его личный телохранитель Муамар. Муамар любил походы на природу и уроки в классе даже больше, чем Гарун. Для него

они были чем-то вроде игры. Старый воин достиг того порога в жизни, когда умственные усилия приносят больше радости, нежели физические. Он учился с жаром, какой редко можно встретить среди более молодых.

На четвертый год мятежники совершили небольшую ошибку. Фуад вернулся триумфатором после того, как заманил в ловушки и истребил около трех сотен бандитов. Эта победа обеспечила спад партизанских действий, и Юсиф объявил празднество в честь брата.

Из женских покоев были приглашены их обитательницы, для того чтобы усладить мужчин танцами. Юсиф, Фуад и особо приближенные командиры привели с собой самых любимых жен. Арфы, лютни, цимбалы и зурны наполняли зал музыкой, которую Радетик находил резкой, грубой, без всякого намека на гармонию.

На празднике царило веселье. Даже Радетик осмелился рассказать пару анекдотов, однако его шутки оказались слишком чужеродными для такой аудитории. Дети Пустыни предпочитали бесконечные, наполненные деталями повествования о проказниках, наставляющих рога самодовольным мужьям, и о недоумках, верящим всему, что говорят им их жены и дочери.

Вино отсутствовало, его заменял легкий наркотический дым, поднимающийся из специальных курильниц.

Гарун сидел рядом с Радетиком, глядя на веселье огромными, но очень спокойными глазами. Радетика даже начало беспокоить: не превратился ли мальчишка в вечно пассивного наблюдателя.

— Эй, Мегелин, — закричал Фуад, — что ты сидишь как старуха. Ну-ка, покажи нам что-нибудь из трюков, которыми так славятся неверные!

Радетик пребывал в лихом расположении духа. Он взял флейту у одного из музыкантов и под собственный, ужасный аккомпанемент принялся выделывать ногами кренделя, долженствующие изображать нечто смахивающее на фламенко. Закончив пляс, он стал хохотать вместе со зрителями.

— Ну а теперь твоя очередь, Фуад. Надень кастаньеты и покажи, на что ты способен.

Фуад обошелся и без кастаньет. Он исполнил огневой танец с саблей, вызвав гром оваций.

Зал был заполнен воинами-победителями. Танцы женщин, выходки учителя и брата валига завладели всеобщим вниманием, и никто не заметил, как три человека постепенно перемещаются все ближе и ближе к вождям...

Их увидели, когда они совершили бросок. Один кинулся на Юсифа, второй на Фуада, а третий на Мегелина.

У каждого из них в руке был серебряный кинжал. Фуад остановил нападающего саблей, с которой только что танцевал. Юсиф спасся, успев отпрыгнуть в кричащую толпу.

На пути третьего убийцы встал Муамар. Серебряный кинжал рассек щеку телохранителя, когда убийца отчаянно старался дотянуться до Радетика.

Из раны полилась кровь, но она была легкой — после такой должен был остаться лишь шрам. Тем не менее старый воин окаменел. Его глаза вылезли из орбит. Муамар ужасающе захрипел и рухнул на пол.

Убийца снова бросился на Радетика, вырываясь из рук держащих его людей и увертываясь от ударов сабель. Клинок его кинжала горел зловещим синим светом.

— Колдовство! — раздался истошный визг какой-то женщины.

Общий шум усилился.

Гарун ударил убийцу ногой в пах. Это был самый сильный удар, который мог нанести десятилетний мальчишка. Человек с кинжалом не обратил на него никакого внимания.

Ни он, ни его сообщники, казалось, вообще не замечали обрушивающихся на них ударов. Шесть бойцов бин Юсифа погибли, прежде чем удалось остановить убийц.

— Я никогда не видел ничего подобного! — выдавил Радетик. — Кто эти люди?

— Все назад! Назад! Будьте вы прокляты! — взревел Юсиф. — Гамел! Мустафа! Белул! — гремел он, обращаясь к своим военачальникам. — Выведите всех. Отправьте женщин в их покои. Не прикасаться к ним! — рявкнул он человеку, перевернувшему одного из убийц на спину.

Три серебряных кинжала валялись на полу, пылая синим светом.

Фуад склонился над нападавшим на него человеком. Он был бледен. Его руки тряслись.

— Нассеф сказал когда-то, что зашлет к нам убийц, — прошептал он.

— Бандит выжидал довольно долго, — прорычал Юсиф.

— Но это не похоже на Эль Мюрида, — пробормотал Радетик. — Здесь замешано колдовство, а между тем не прошло и шести месяцев с того времени, когда он начал проповедовать против магии.

— Нассеф. Это дело рук Нассефа, — стоял на своем Фуад.

Что-то в одном из убийц привлекло внимание Радетика. Встав рядом с телом на одно колено, он сунул палец в разрез одежды на груди мертвеца и разодрал его шире.

— Идите сюда, — сказал Радетик. — Взгляните-ка на это.

На коже над сердцем виднелась крошечная татуировка. Изображение было не совсем ясным. По-видимому, это была монограмма из двух сплетенных букв алфавита пустыни.

Татуировка начала исчезать прямо на глазах.

— Что за дьявол? — прорычал Фуад. Он подскочил ко второму трупу и разорвал на нем одежду. — Здесь ничего нет, — крикнул он и подскочил к третьему. — Эй! А этот еще дышит! — Разорвав на раненом одежду, он сообщил: — И здесь тот же знак!

— Гамел. Пришли сюда лекарей, — распорядился Юсиф. — Может быть, нам удастся продержать его живим достаточно долго, чтобы он смог ответить на наши вопросы.

Пока все изучали татуировку, Гарун поднял один из кинжалов.

— Что ты делаешь? — спросил Юсиф. — Немедленно положи нож!

— Он совершенно безопасен, отец. Свечение означает, что заклинание перестает действовать.

— Что?

— На кинжалы наложено заклятие. На этом клинке оно включает в себя имя дяди Фуада. Если позволишь, то я прочи-

таю заклятия и на других ножах. Это очень трудно. Надпись быстро исчезает и к тому же она на ильказарском языке.

— Если в них колдовство...

— Синий свет означает, что колдовская сила по мере исчезновения выделяет энергию. А исчезает она потому, что клинки сразили не тех людей. Теперь это самые обыкновенные кинжалы.

Рассуждения Гаруна не убедили Юсифа.

— Брось этот проклятый нож, тебе говорят!

— Он только что испустил дух, — сообщил Фуад, имея в виду третьего убийцу.

Татуировка на мертвеце исчезла через тридцать секунд.

— И что же все это должно означать? — спросил Юсиф, обращаясь в пространство. Пространство, естественно, не ответило.

Учителя, обучающие Гаруна искусству шаганата, подтвердили слова своего ученика относительно кинжалов. На клинки было наложено заклятие, делающее любую, даже самую ничтожную рану, смертельной. Но они ничего не могли сказать об исчезающих татуировках. Не сумели они и вызнать, откуда пришли убийцы. Даже самые могущественные заклинания оказались бесполезными.

Лекари определили, что убийцы не только накачались наркотиками, но и вдобавок крепко перетянули тесьмой конечности и гениталии, резко сократив кровообращение. В результате они не ощущали страха и не испытывали боли.

— Подобные люди являются могучим оружием в руках того, кто их направляет, — заметил Радетик. — Юсиф, на твоем месте я распорядился бы усилить охрану крепостных ворот.

Когда переполох закончился, и беспокойство отступило на второй план, Мегелин зарыдал, опустившись на колени рядом с телом Муамара.

— Ты был настоящим другом, старый боец, — прошептал он, — и я тебе за это безмерно благодарен.

Из всех присутствующих один Фуад положил ему на плечо в знак утешения руку и произнес:

— Он был хорошим человеком, Мегелин. Нам всем будет его не хватать.

Учитель поднял глаза и с изумлением увидел слезы в глазах Фуада.

— Он учил меня владеть оружием, когда мне было столько лет, сколько сейчас Гаруну. А сейчас старик обучал уже Гаруна.

Для Фуада это было исчерпывающим объяснением.

Человек по имени Белул, который, как казалось, несколько веков назад сумел избежать побоища в Себил-эль-Селибе, осмотрел мертвецов. Теперь он стал одним из самых беспощадных военачальников Юсифа. Не так давно он побывал в Себил-эль-Селибе как шпион валига.

— Это люди Эль Мюрида, — сказал он. — Этого зовут Шехаб аль Меди. Он — командир Непобедимых. Почти так же безумен, как и сам Ученик.

— Итак, — произнес Юсиф, — тайна сгущается. Эти люди самые близкие подручные Эль Мюрида. Приказы им может отдавать только он. А ведь не прошло и полугода с тех пор, как он объявил все виды магии вне закона. Любопытно.

Ученик действительно приговорил к смерти колдунов, ворлоков, шаманов, шаганов, предсказателей и всех остальных, кто практиковал оккультизм в любой форме. Он поручил Нассефу беспощадно искоренять всякую магию, которая может повстречаться его войску.

— Он сумасшедший, — сказал Белул, — и не способен поступать логично.

Радетик считал, что Эль Мюрид поступил мудро, наложив запрет на колдовство. Среди магов не нашлось сторонников Королевства Покоя, и все те, кто владел Силой, стали его врагами и помогали королю всем, чем могли. Слабая эффективность этой помощи отражала общий низкий уровень развития магии в Хаммад-аль-Накире. Это искусство практически погибло в ходе яростных схваток в период Падения.

Мысли Радетика снова обратились к Скрытым. Может быть, Эль Мюрид окажется таким глупцом, что попытается изгнать их из Джебал-аль-Алаф-Дхулкварнеги?

Но этой надежде не суждено было сбыться. Скорее всего Эль Мюрид, подобно остальным детям Хаммад-аль-Накира, просто вычеркнул Скрытых из памяти.

Эль Асвад похоронил своих мертвых и продолжил существовать так, как существовал до этого. Спустя месяц один из шпионов принес сведения, которые пролили свет на попытку покушения.

Эль Мюрид поручил Непобедимым создать тайный орден, членами которого должны были стать его телохранители. Некоторые детали сообщения убедили Радетика, что члены ордена исповедовали некий мистический культ. Орден, как и культ, именовался Хариша и действовал в обстановке строжайшей секретности. Организация была построена по принципу пирамиды, состоящей из ячеек, именуемых «братство». Каждое братство насчитывало три человека, и только один из тройки знал одного члена из вышестоящей тройки. На татуировке изображалась личная печать Эль Мюрида. Монограмма состояла из начальных букв фразы «Возлюбленный Бога» и означала, что носителю татуировки уже уготовано место в раю. Считалось, что татуировка исчезает в тот момент, когда происходит вознесение души.

— Какая жуть, — заметил Фуад. Судя по всему, он был готов объявить затею с орденом Хариша еще одним доказательством безумия Эль Мюрида.

— Да, — согласился Юсиф. — Но это также и крайне опасно, если все они готовы идти на смерть, как эти трое.

Члены культа Хариша были готовы на это. Обратившись к самым темным сторонам своего разума, Эль Мюрид для достижения своей цели создал новое смертоносное оружие.

Девять недель спустя Радетик получил письмо от своего старинного школьного друга Тортина Пернтигана, уже давно ставшего профессором по проблемам теории меркантилизма. Это означало, что Тортин прославился и на ниве преподавательской деятельности.

Радетик, прежде чем поговорить с Юсифом, несколько дней размышлял над содержанием послания.

— Ты выглядишь очень странно, — сказал ему валиг. — Создается впечатление, будто ты узнал, что твой лучший друг и самый заклятый враг прикончили друг друга.

— Что-то вроде того. Я недавно получил письмо из дома.

— Неужели произошло нечто чрезвычайное и ты должен уехать? — Юсифа подобная перспектива явно встревожила. Сердце Мегелина наполнилось тихой гордостью.

— Нет. Я никуда не собираюсь. Но письмо... Впрочем, прежде я хочу тебе кое-что объяснить.

Он торопливо поведал Юсифу о том, что Пернтиган — его старый друг и подружились они с момента поступления в Ребсамен почти тридцать лет назад.

— Один из тех, что вводит меня в расходы, когда я посылаю толстенные пакеты с твоими письмами? — спросил Юсиф, который подобно всем Детям Пустыни трясся над каждым медяком и в силу этой национальной черты постоянно протестовал против дорогостоящей переписки Мегелина со своими коллегами.

— Я посылал ему фрагменты своей монографии, делился наблюдениями, мыслями, заметками о природе и все такое прочее. Я делал это для того, чтобы в случае трагедии знания не оказались утраченными. Они слишком драгоценны.

— Сдается мне, что этот аргумент я уже слышал.

— Естественно. Итак, Пернтиган, этот старый любитель сплетен, снабжал меня сведениями о том, что происходит в Хэлин-Деймиеле.

— Я бесконечно польщен, — довольно кисло заметил Юсиф, — но твоя забота о сохранении знаний превращает меня в нищего. Теперь поведай мне, какая сплетня из Хэлин-Деймиеля способна оправдать столь чудовищные расходы.

— Как тебе хорошо известно, Хэлин-Деймиель является центром финансовой жизни запада, хотя его позиции лидера в последнее время и оспаривают итаскийские консорциумы...

— Перестань, Мегелин. Плохие вести похожи на дохлого верблюда. От долгого хранения они приятнее не становятся.

— Хорошо, валиг. Пернтиган в последнее время одержим изучением феномена, который банкиры именуют «Золотая Жила Казр аль Хелал». Казр аль Хелал — укрепленное торговое поселение Хэлин-Деймиеля у самой границы с Сахелем. Там, как я понимаю, отец Ученика в свое время закупал соль...

— Мегелин! Ты все еще бродишь вокруг да около.

— Ну хорошо. В последнее время в Хэлин-Деймиель через Казр аль Хелал стало поступать большое количество золотых монет. Поэтому и стали говорить о «Золотой Жиле Казр аль Хелал». Как пишет Пернтиган, Дом Бастанос — крупнейший международный банк Хэлин-Деймиеля принял депозит, равный миллиону деймиельских дукатов. И это только один банк. Он интересуется, что происходит в Хаммад-аль-Накире, и прислал мне целый список вопросов. Свой интерес он объясняет тем, что изучает финансы. На самом деле, как я полагаю, он надеется извлечь из этой информации прибыль.

— Скажи, когда же мы наконец доберемся до сути этой истории? Куда ты клонишь? Хочешь подчеркнуть тот факт, что деньги поступают из пустыни?

— Именно. В этом и кроется вся загадка. Существует аксиома: золотые монеты в пустыне встречаются так же редко, как шерстистые лягушки. В этих землях с долгами расплачиваются либо услугами, либо натурой. Разве не так? Все золото и серебро, оказавшееся здесь, лежит без движения.

Радетик указал на перстни и браслеты, в изобилии украшавшие пальцы и запястья Юсифа. Эти драгоценности составляли значительную часть личного состояния валига. Люди пустыни носили на себе или припрятывали весь драгоценный металл, попадавший к ним в руки. Расставались они с ним лишь в самых крайних случаях.

— Появление из пустыни такого количества золота, — продолжал Радетик, — является, по словам Пернтигана, чудовищной финансовой аномалией. Банковские круги пребывают в тревоге, хотя и получают прибыль. Им чудится приближение гигантской финансовой катастрофы.

Юсиф по-прежнему пребывал в недоумении. Радетику во время своей речи то и дело приходилось говорить по-деймиельски, так как в языке Детей Пустыни многих финансовых терминов просто не существует. И хотя Юсиф немного знал этот язык, жаргона торговцев он совсем не понимал.

— Пернтиган провел опрос своих знакомых в банковских кругах и составил список лиц, которые могли внести этот депозит. Он прислал его мне вместе со списком вопросов. Если

свести вместе все, что он написал, получается довольно тревожная картина.

— Значит, кто-то переводит из пустыни в Деймиель большое состояние?

Ну наконец-то! Наконец он сообразил. На пять минут позже, чем следовало, но все-таки сообразил.

— Именно. И самое интересное во всем этом деле — ответ на вопрос: кто и почему это сделал?

Юсиф задумался на несколько секунд, а когда он открыл рот, чтобы высказаться, Гарун потянул его за рукав:

— Отец, можно мне?

— Действуй, — ухмыльнулся валиг. — Посмотрим, стоишь ли ты того состояния, которое я ухлопал на тебя. Покажи, чему он тебя научил.

Радетик тоже не смог сдержать улыбки. Мальчишка, похоже, начинает преодолевать свою внутреннюю скованность.

— Есть только два человека, у которых может быть такая куча денег, — заявил Гарун. — Король и Эль Мюрид!

— Приведи доказательства, — потребовал Радетик.

— Король принимает в оплату деньги вместо услуг. Кроме того, он получает ренту и торговые сборы. А у Эль Мюрида денег много потому, что он вот уже много лет грабит людей.

Юсиф посмотрел на Радетика и сказал:

— По твоему виду заметно, что он ошибается. Объясни.

— Если ошибается, то не очень. Он просто привел не те доводы. Тортин пишет, что семейство Квесани перевело большие деньги, которые пошли на приобретение собственности на Лазурном Побережье. Так называется часть побережья к северу от Дунно-Скуттари. Это своего рода кладбище слонов для свергнутых принцев. Судя по тому, как была проведена сделка, кто-то в Аль-Ремише пытается скрыть участие в ней королевского семейства.

— Это не Абуд. Предусмотрительность ему совершенно не свойственна.

— Возможно, Фарид? Впрочем, не важно. Деньги Квесани составляли лишь незначительную часть потока, и не они беспокоили Тортина. Золото, которое вызывало его тревогу, по-

ступало из двух других источников. То богатство, о котором упомянул Гарун, было награблено вовсе не Эль Мюридом. Депозиты сделали Карим, Эль Кадер, Эль Надим и им подобные.

— Бандиты Нассефа, возомнившие себя военачальниками. Это, Мегелин, хорошая новость. Когда мы ее распространим, Бич Пустыни ощутит себя не очень хорошо. Более того, Непобедимые могут его прикончить, если он что-то сотворил через голову Ученика.

Радетика подобная возможность почему-то не обрадовала.

— Наша сторона тоже уязвима, — заметил он.

— Деньги Абуда? Но они принадлежат только ему, и он может делать с ними все, что пожелает. Королевство он не грабил.

— Нет, не Абуд. Клирики. Они отправляют не меньше золота, чем банда Нассефа. Это означает, что они обдирают украшения храмов и переплавляют их в золотые и серебряные слитки. Как, по-твоему, поступят верующие, узнав, что их грабят их же духовные наставники? Эль Мюрид как-то может объяснить поведение Нассефа. Воины всегда грабят врагов. Мы же не можем отделить себя от клира. Многие и без того клеймят Нассефа, не осуждая Эль Мюрида. Они считают, что, приняв Нассефа к себе, Ученик вступил в вынужденный компромисс с судьбой. Эти люди верят, что Нассеф исчезнет, как только Королевство Покоя станет реальностью.

— Похоже, что Нассефа и его бандитов подобная перспектива тоже беспокоит, и они откладывают кое-что себе на старость.

— Ты не думаешь, что поведение священников приведет к Эль Мюриду массу новых сторонников?

— Убежден, что приведет. Я напишу Абуду.

— Он под каблуком у клира и даст тебе такой же ответ, который дает с самого начала заварухи. Если вообще ответит.

— Ты прав. Так оно и будет. Нам самим следует припугнуть монахов и священников. — Юсиф устало смежил веки и спросил: — Мегелин, что вы там у себя делаете, когда друзья досаждают вам сильнее, чем враги?

— Не знаю, валиг. Правда, не знаю. Могу сказать, что глупость и некомпетентность не остаются безнаказанными. Я лишь

предвижу все большую и большую деградацию, главным образом в сфере морали. Может быть, Хаммад-аль-Накир действительно нуждается в очистительном пламени Эль Мюрида.

Гарун потянул Радетика за рукав и произнес:

— Еще не время сдаваться, Мегелин.

Лицо Гаруна обрело выражение упрямой решительности, и мальчик сразу стал выглядеть гораздо старше своих лет.

Как жаль, подумал Радетик, что ребенок должен расти и закалять свой характер в этом хаотическом и неистовом пламени.

Глава 6

В ЧУЖИЕ КОРОЛЕВСТВА

Отощавшие и дрожащие от холода, Браги и Хаакен стояли на последнем высокогорном перевале.

— А внизу уже весна, — заметил Браги. Он протянул руку, чтобы поддержать брата. — Та зеленая масса, наверное, лиственный лес.

— Сколько еще? — спросил Хаакен.

— Три дня. Может быть, пять. Одним словом, скоро.

— Ха!

Случались дни, когда они проходили не больше мили. Как вчера, например. Похоронив Сорена в мерзлой почве, они пробивались через горные снега до тех пор, пока их не оставили силы.

Сигурд умер почти месяц назад. А весь переход через горы занял два месяца.

— Я не смогу, — с трудом выдавил Хаакен. — Иди без меня.

Он уже и раньше предлагал это.

— Мы прошли, Хаакен. Начиная с этого места, все время под гору.

— Я очень устал, Браги. Надо передохнуть. Иди, пока можешь. Я тебя догоню.

— Пошли. Шаг. Шаг. Еще один шаг.

В предгорье по сравнению с вершинами стояла жара. Мальчишки, чтобы восстановить силы, стояли там лагерем целую неделю. Дичь на охоте попадалась им крайне редко.

Когда они снова двинулись в путь, им стали попадаться следы обитающих в предгорье племен. Им пришлось даже миновать руины небольшой бревенчатой крепости, сожженной, судя по всему, не более месяца назад.

— Мы сейчас где-то вблизи итаскийского герцогства Грейфеллз, — произнес Браги, обгладывая кроличью лапу. — Эта тропа должна вывести на тракт, который отец называл Северной Дорогой. Дорога ведет прямо в Итаскию-Город. Королевство Итаския и его столица именовались совершенно одинаково. Это было типично для некоторых государств, возникших вокруг городов-крепостей, сумевших пережить Падение.

— И когда ты покончишь со своим дурацким оптимизмом? — пробурчал Хаакен. Он набросился на кролика, как помирающий с голоду медведь. — Мы не говорим на их языке. Мы — троллединги. Если нас не убьют бандиты, то итаскийцы прикончат обязательно.

— А тебе следует быть полегче со своим пессимизмом. Готов поспорить, что ты начнешь толковать о неизбежной грыже, если мы наткнемся на большой горшок с золотом.

— Нельзя шагать по жизни, ожидая, что все получится как надо. Чтобы быть готовым ко всему, следует рассчитывать на худшее.

— И что же ты хотел бы сделать?

— Я перестал строить планы после смерти отца.

У Браги тоже не имелось никаких планов, если не считать намерения следовать довольно схематичным советам отца. Интересно, что произойдет, когда они отыщут этого самого Ялмара?

— Хаакен, я знаю лишь то, что сказал отец.

— В таком случае будем продолжать до тех пор, пока не произойдет какой-нибудь неприятности.

Неприятность произошла уже на следующее утро.

Хаакен задержался, чтобы помочиться. Браги брел один, когда на него, выскочив из кустов, набросились обитатели предгорий.

Их копья с каменными наконечниками не смогли пробить кольчугу, которую он по совету отца никогда не снимал в пути. Нападающие бросили его на землю и взялись за ножи.

Появился, размахивая боевой секирой, Хаакен. Он успел уложить двоих, прежде чем горцы заметили его появление.

Браги откатился в сторону, вскочил на ноги и лишь после этого сумел взяться за меч.

Выживший горец пытался бежать, но секира и меч преградили ему путь к спасению.

— Что за дьявол? — тяжело дыша, спросил Хаакен.

— Думаю, хотели меня ограбить, — с трудом выдавил трясущийся Браги. — Еще немного и мне бы конец.

— А я ведь тебя предупреждал.

— Давай стащим их с тропы и припрячем.

— Слушай!

Стук копыт. Все ближе. Скачут сюда.

— В кусты! — предложил Браги.

— На дерево! — возразил Хаакен. — Рагнар говорил, что люди никогда вверх не смотрят.

Уже через минуту они уже сидели высоко в ветвях старого дуба. Когда они карабкались, им казалось, что вещевые мешки ничего не весят.

Мертвецы так и остались валяться на тропе.

Появились шесть всадников. Офицер, шесть солдат и один штатский.

— Итаскийцы, — прошептал Браги.

— Что за дьявол! — воскликнул офицер, натягивая поводья. Молодые люди итаскийского языка не знали, но смысл восклицания сомнения не вызывал.

Солдаты обнажили мечи. Штатский соскочил с лошади и осмотрел поле битвы.

— Люди Мажнерика, — сказал он. — Напали на двух путников. Несколько минут назад. Путники сидят на черном дубе на высоте тридцати футов справа от вас.

— Кто осмеливается здесь бродить, когда действует Мажнерик?

— Вы можете их спросить. Используйте луки. От такого приглашения они не посмеют отказаться.

— Правильно. Сержант!

Солдаты вложили клинки в ножны и приготовили луки.

— Говоришь, никто никогда вверх не смотрит? — прошипел Браги, глядя на четыре направленные на них стрелы. Следопыт поманил его пальцем.

Оказавшись на твердой почве, Браги увидел, как его сводный брат воинственно размахивает секирой.

— Да это же просто щенки, — заметил сержант.

— Дралась эта парочка? — спросил офицер.

— Они самые, — сказал штатский. — Похоже, что ребята из Троллединги. Там их начинают обучать с младенческого возраста. — Следопыт поднял открытые ладони и произнес по-троллединги, но с сильным акцентом: — Поговорим мирно.

— Что с нами будет? — спросил Браги, стыдясь своей непроизвольной дрожи.

— Зависит от вас. Что здесь произошло? Что привело вас на юг?

Браги рассказал все, как было. Следопыт переводил.

Итаскийцы обменялись короткими репликами, и лесной житель перевел:

— Сэр Клеве склоняется к великодушию. Из-за этого, — он показал на тела. — Мы гоняемся за бандой уже несколько недель. Мы отдадим их головы герцогу, и нас на некоторое время освободят от патрулирования. Но он ничего не знает о вашем претенденте и хочет осмотреть ваши мешки.

Хаакен негромко зарычал.

— Полегче, сынок. Он вас не ограбит.

— Хаакен, делай то, что они говорят.

Минутой позже:

— Хорошо, теперь сделайте пять шагов назад.

Офицер изучил их пожитки. Наследство Браги вызвало вопросы.

— Отец дал нам все это перед смертью. Велел отнести одному человеку в городе.

— Какому человеку?

— Кому-то по имени Ялмар.

— Как по-твоему, они говорят правду? — спросил офицер.

— Слишком напуганы, чтобы врать. Этот Ялмар, по-видимому, скупщик добычи у береговых пиратов. Их отец, очевидно, предвидел катастрофу и позаботился о детях заранее.

— Как нам с ними поступить?

— Мы не ссорились с мальчишками, сэр. И кроме того, они оказали нам услугу.

— Но они тролледингцы, — заметил сержант, — и их следует повесить в назидание другим.

— В этом что-то есть, — согласился офицер. — Но у меня духу не хватит. Детей не вешаю.

— Но они убили четырех человек, сэр.

— Людей Мажнерика.

— Что происходит? — нервно поинтересовался Браги.

— Сержант Везеркайнд желает вас повесить, — фыркнул следопыт. — Сэр же Клеве, напротив, склонен вас отпустить.

— Второе нас больше устроит.

— Следи за сержантом, — прошептал Хаакен, — он может попытаться нас прикончить.

Сержант тем временем о чем-то горячо спорил с офицером.

— Он предлагает сэру Клеве конфисковать ваши мешки.

— Дружелюбный тип.

— Он из Западного Ваппентейка, и на них там каждой весной нападают пираты.

— Берегись! — закричал Хаакен, сбивая с ног Браги.

Но стрела, выпущенная сержантом, предназначалась вовсе не его брату.

Из леса выбежали примерно двадцать вооруженных людей.

Первыми удар приняли на себя Браги, Хаакен и лесной житель. Мальчишки успели проявить себя, прежде чем в дело пошли итаскийские стрелы.

Этот урок они никогда не смогут забыть.

На некоторых горцах оказались трофейные доспехи, а в руках щиты. Вдобавок оказалось, что тяжеловооруженный бандит, первым добежавший до Браги, прекрасно владел мечом.

Боевая секира Хаакена, разрубив какого-то копейщика, вторым ударом спасла Браги.

Пока сэр Клеве и его солдаты строились в боевой порядок, Браги, Хаакен и следопыт успели уложить еще трех горцев. Оставшиеся в живых разбежались, и конники погнали их в лес.

— Прикончите раненых, пока они не расползлись, — приказал сэр Клеве.

— Отлично поработали сегодня, — заметил следопыт, после того как закончилось побоище. — Четверть людей Мажнерика полегли меньше чем за час. Получилось, что не зря мы гонялись за ними целую неделю.

— Почему? — спросил Браги.

— Что «почему»? А, понимаю. В горах наступили тяжелые времена, и Мажнерик повел своих людей в рейд. Не могу их осуждать. Им как-то надо содержать свои семьи. Жаль только, что за счет наших. Мы застали их около Мендалаяс и прикончили около дюжины. Они разбежались, и мы начали за ними охоту. Надо сделать так, чтобы каждый налет им стоил как можно дороже.

Вернулись солдаты, через их седла были переброшены тела, а пленники тащились на привязи за хвостами лошадей.

Сэр Клеве что-то сказал.

— Он благодарит вас за помощь. Говорит, что некоторые из нас погибли бы, не окажись вы на пути бандитов.

Похоже, что даже сержант сменил гнев на милость.

— Теперь, ребята, вы можете у него что-нибудь попросить. Сэр Клеве счастлив. Он верит, что его репутация возрастет, как только герцог узнает о наших подвигах.

— Не может ли он выписать нам какую-нибудь подорожную? Чтобы нас пропустили в город.

— Ты отлично мыслишь, малыш. Сейчас проверим.

К тому времени, когда рыцарь закончил писать, они уже были готовы возобновить путешествие.

Чуть позже, когда его губы перестали дрожать, Браги принялся насвистывать. Однако его брат постоянно оглядывался.

Хаакен опасался нападения вплоть до прихода в город.

Гостиница «Красное сердце» на самом деле оказалась трущобной таверной. Она была большой, шумной и очень старой. Казалось, что здание вот-вот рухнет. Вечерние тени скрывали ее наиболее отталкивающие черты.

Когда они вошли в зал, все клиенты внезапно умолкли.

— По-моему, нам здесь не место, — прошептал Хаакен.

— Спокойно, — ответил Браги, скрывая собственное волнение. — Ялмар!

Никакого ответа.

Он сделал еще одну попытку.

— Есть здесь человек по имени Ялмар? Я пришел от Рагнара из Дроконбринга.

Итаскийцы что-то забормотали промеж себя.

— Подойдите сюда, — произнес человек, стоявший в тени у дальней стены.

Шум голосов усилился. Браги старался не встречаться взглядом с жесткими, ненавидящими глазами. Надо сделать все, чтобы ненароком не оскорбить этих людей.

— Сюда.

Говорящий оказался тощим, сутулым и рыжеволосым человеком лет тридцати пяти. Он слегка прихрамывал, но выглядел таким же крутым, как и все остальные.

— Я — Ялмар. Ты назвал Рагнара из Дроконбринга. Это Волк, что ли?

— Да.

— Ну и что?

— Он нас прислал.

— Зачем?

— Откуда я знаю, что вы Ялмар?

— Откуда я знаю, что ты от Рагнара?

— Он дал мне доказательства.

— Карту? Кинжал и амулет Ильказара?

— Да.

Улыбка обнажила на удивление прекрасные зубы Ялмара.

— Ясно. Как поживает этот безумный выродок? Мы с ним провернули пару выгодных делишек. Я выбирал суда. Он брал их на абордаж. Я продавал добычу.

Хаакен приглушенно заворчал.

— Так что же с ним?

— Рагнар мертв. Мы его сыновья.

— А, два пакостника по имени Браги и Хаакен? Вы не представляете, как он меня достал, хвастая вашими подвигами. Умер, значит. Жалко. И не только потому, что я потерял выгодного партнера. Он был моим другом.

Ни один из молодых людей не ответил. Браги внимательно изучал Ялмара. Вот он, значит, каков, этот честный содержатель постоялого двора! Насколько можно ему доверять?

Молчание мальчишек вывело Ялмара из равновесия.

— Итак, что вы хотите? Или вы намерены сидеть здесь всю жизнь и молчать, как пара устриц?

— Я не знаю, что мы хотим. Отец, умирая, сказал, что вы его должник. Вот мы и пришли.

— Последнее я сумел заметить. Лучше всего начинайте с самого начала. Может быть, я сумею сообразить, что он имел в виду.

Браги рассказал о том, что произошло дома. Теперь он был способен воспринимать все события менее болезненно.

— Понимаю, — протянул Ялмар, когда Браги закончил рассказ. Он почесал нос, подергал себя за золотистые бакенбарды, подумал немного и спросил:

— Вы хоть чего-нибудь умеете делать? Может, ремесло какое знаете. Плотника? Каменщика? Кузнеца?

Браги отрицательно покачал головой.

— Так я и думал. Вы там у себя только драться умеете. Не самый безопасный способ зарабатывать на жизнь. Боюсь, для вас здесь не очень много вакансий. Живем в мире вот уже пятнадцать лет. В моем ремесле вас никто не возьмет. Слишком бросаетесь в глаза. В телохранители вы тоже не годитесь. Нет опыта. Вот что я вам скажу. Дайте мне пару дней. А пока я поселю вас у себя. Наверху. Старайтесь не болтаться на виду. Конечно, я шепну кому надо, что вы под моей защитой, но это не остановит пьянь, если она решит выпустить вам кишки. Да и полиция может нагрянуть с вопросом, с какой стати я держу у себя троллединцев.

Поскольку другого выхода у них не было, Браги и Хаакен согласились с предложением.

В «Красном сердце» им пришлось провести целую неделю. Ялмар рассказывал им о Рагнаре такие вещи, которые им не доводилось слышать дома. Итаскиец оказался приятным человеком, хотя и ужасно тиранил мальчишек, заставляя учить чужой язык. По ночам Ялмара посещали странные, зловещего вида люди, хотя он отчаянно отрицал их существование. До Браги в конце концов дошло, что и Ялмар, со своей стороны, им не полностью доверяет.

Однажды Браги спросил:

— А что значат амулет, карта и кинжал?..

Ялмар приложил палец к губам. Проверив дверь и окна, он сказал:

— Они и означают мой долг вашему отцу. Я знаю, что если бы мне пришлось бежать, он бы предоставил мне убежище. И наоборот. Только забудьте об этом. Красным Братьям это будет не по нраву. Внутренний Круг боится дружбы вне Братства. А мы с вашим отцом были друзьями.

Немного позже он сказал:

— Простите меня, парни, но здесь для вас ничего нет. Советую двинуться на юг. Попытайте счастья в Гильдии Наемников. Я слышал, что Высокий Крэг набирает рекрутов.

На следующий день Хаакен начал ворчать.

— Безделье затянулось, Браги, — бубнил он. — Что-то надо делать.

— У нас еще остается Хэлин-Деймиель, — ответил Браги, прикоснувшись к материнскому медальону.

Еще через день Ялмар объявил:

— Я нашел для вас работу охранников в караване, отправляющемся завтра. Охраняя караван, вы и для меня можете сделать кое-какую работенку. С караваном пойдет человек по имени Магноло, он везет кое-какой мой груз. Я ему не доверяю. — Затем, сообщив некоторые подробности, Ялмар закончил: — Если он передаст вьюк не Ставросу, а кому-нибудь другому, убейте его.

В ответ Браги лишь мрачно кивнул.

* * *

— Браги, — обратился Хаакен к брату.

— Что? — Браги поворошил палкой угли в костре и смотрел на разгорающийся огонь.

— Мне вроде как бы жалко, что мы прикончили этого Магноло.

Человек, за которым они следили по поручению Ялмара, передал вьюк итаскийца в дом, расположенный в самом фешенебельном квартале Хэлин-Деймиеля. Горя желанием как можно лучше выполнить поручение, они не только убили Магноло, но и ранили благородного господина, хозяина дома. Заодно им пришлось уложить и телохранителя этого господина. Молодые люди ударились в панику и бежали из города.

— Я ужасно голоден, — пожаловался Хаакен.

— А ты заметил, как мало дичи в этих краях? — спросил Браги.

Они разбили свой лагерь на скалистом холме в восьми милях к северо-востоку от Хэлин-Деймиеля. Это был единственный необработанный клочок земли, который им удалось отыскать. Хэлин-Деймиель был древним городом и его окрестности были давным-давно окультурены. Вся мелкая дичь — сельскохозяйственные вредители в первую очередь — была истреблена. В течение трех дней мальчишки не ели ничего кроме рыбы. Да и та в оросительных каналах являлась весьма редким сокровищем.

— Ну и что же теперь нам делать?

Хаакен, казалось, был немного испуган.

Браги об этом не упоминал, так как и сам боялся. Они оказались брошены на произвол судьбы в чужой равнодушной стране.

— Не знаю. Правда, не знаю.

— Выбор у нас небогатый.

— Вот это как раз мне известно.

— Мы не можем оставаться здесь. В этих местах нам угрожает не только голодная смерть. Мы троллединги, и нас могут прикончить только за одно это.

— Да. Знаю.

Им уже не раз приходилось бежать. Троллединги не пользовались популярностью в прибрежных землях.

— Можно попробовать Гильдию Наемников.

— Мне даже название не нравится. Надо ходить строем и отвечать: «Так точно, сэр. Никак нет, сэр. Слушаюсь, сэр». Я этого не выдержу, заеду кому-нибудь в рожу, и меня повесят.

— А по мне это выглядит не так уж и плохо. Во всяком случае, попытаться стоит. Говорят, что там не заставляют оставаться, если тебе это дело не по вкусу. Это совсем не то, что записаться в регулярную армию.

— Возможно. Но у меня есть другая идея. — С этими словами Браги поднялся и подошел к большому валуну. Прислонившись к нему спиной, он вгляделся в окружающую Хэлин-Деймиель равнину.

Даже ночь не могла скрыть страсть этого странного народа к скрупулезному планированию. Линии огней домов, в которых жили сельскохозяйственные рабочие, складывались в четкую сетку. Эта сетка была особенно заметна днем — ее образовывали тщательно ухоженные дороги и оросительные каналы. Сам же город вдали казался ночью целой галактикой огней.

Где-то у подножия холма громко жаловался на жизнь козодой. Вдалеке, соглашаясь с ним, подавал голос второй. Склон обдувал легкий ветерок, принося с собой запах хлебов, к сожалению, еще не созревших настолько, чтобы их можно было украсть. Только через несколько недель зерно станет съедобным.

Огни поселений постепенно гасли, и Браги остался в темноте под звездами. Отдаленные светила образовывали в небе огромную серебряную сеть. Он смотрел на звезды до тех пор, пока одна из них не сорвалась вниз, прочертив светлую полоску в черном небе. Звезда полетела в сторону Хэлин-Деймиеля.

Браги лишь пожал плечами. Что же, предзнаменование как предзнаменование... Он уселся у потухшего костра напротив брата, который, как казалось, уснул сидя.

— Интересно, где сейчас мама? — произнес Браги негромко.

Хаакен вздрогнул всем телом, и Браги охватил испуг. Ему показалось, что с братом что-то произошло. Ведь Хаакен при-

надлежал к тому типу людей, которые, даже смертельно заболев, никому не скажут ни слова.

Но испуг продолжался недолго. Света было достаточно для того, чтобы Браги смог увидеть слезы на глазах брата.

Браги ничего не сказал. Им тоже овладела тоска по дому.

Через некоторое время он сказал:

— Мама дала мне этот медальон. — Дождавшись, когда Хаакен обратил на него внимание, Браги продолжил: — Она сказала, что мы можем обратиться к каким-то людям в Хэлин-Деймиеле. В Дом Бастанос.

— Это не люди. Так они называют банки. Богачи там могут занять деньги.

— Вот как? — Об этом он как-то не подумал. Но уже спустя несколько секунд Браги продолжил: — Но ведь банком управляют люди. Разве не так? Может быть, она их имела в виду? Так или иначе, это стоит проверить, прежде чем толкаться в Гильдию.

— Нет. Там внизу слишком жарко. Они нас просто повесят. Кроме того, я не думаю, что мама очень хотела, чтобы мы туда обращались. Во всяком случае, до тех пор, пока у нас не останется другого выбора.

— Думаю, что шум там внизу уже утих.

— Не обманывай себя, Браги. Давай все-таки испробуем Гильдию.

— Ты что, испугался Хэлин-Деймиеля?

Если быть честным, то сам Браги города боялся. Тот был слишком огромным, абсолютно чужим и вдобавок таил в себе опасность.

— Да, боюсь. И не стыжусь это признать. Он слишком отличается от всего, что мы знаем. Мы там обязательно влипнем в какую-нибудь историю, просто потому, что не знаем, что к чему. Поэтому я и стою за Гильдию.

Браги хорошо понимал доводы Хаакена. Гильдия обеспечит им безопасность, пока они будут осваивать царящие на юге порядки.

Потеребив материнский подарок и справившись с приступом тоски по дому, он сказал:

— Подождем до утра. Решим после того, как хорошенько выспимся.

Спал он отвратительно.

Глава 7

ВАДИ ЭЛЬ КУФ

Эль Мюрид метался по крепости Себил-эль-Селиб, как тигр в клетке. Неужели его заключение будет продолжаться вечно? Неужели этот злодей Юсиф так никогда и не рухнет? Если верить советникам, то вся пустыня уже перешла на сторону Ученика. Нассеф заявлял, что стоит ему топнуть ногой, как под его знамена тут же встанут двадцать тысяч воинов.

Если это правда, то почему Королевство Покоя до сей поры занимает территорию, которую можно окинуть взором? Эль Мюрид, как и сам Всевышний, начинал терять терпение.

Его внутреннее напряжение непрерывно возрастало вот уже несколько месяцев. Он все сильнее ощущал свою беспомощность и все больше начинал подозревать Нассефа с его бандой самозваных генералов. Своими подозрениями он ни с кем — включая Мириам — не делился, но ему казалось, что Нассеф держит его здесь преднамеренно, сознательно изолируя от народа. Правда, Эль Мюрид не понимал, зачем это Нассефу нужно.

Иногда он брал с собой на прогулку дочь или сына и объяснял им по пути все чудеса Божественного творения. Невзирая на протесты Нассефа, Эль Мюрид пригласил нескольких ученых, способных разъяснить менее очевидные чудеса природы. Он приступил к изучению искусства чтения и письма, чтобы иметь возможность собственной рукой начертать свои законы.

Но обычно он бродил в одиночестве, сопровождаемый лишь Непобедимыми. Присутствие Непобедимых было необходимо. Выкормыши Властелина Зла уже много раз пытались убить

Пророка. Иногда ему казалось, что в Себил-эль-Селиб врагов у него больше, чем сторонников.

В своих одиноких прогулках он приветствовал по именам встречающихся по пути ветеранов, следил за тем, как растет казарменный городок, или проверял состояние овощных плантаций, недавно разбитых на террасах холмов. Армия, разрастаясь, просто пожирала окружающие крепость земли. Плантации не могли полностью обеспечить Себил-эль-Селиб, но они существенно облегчали жизнь. Каждый взращенный здесь плод означал, что с побережья через перевал можно будет привезти на один плод меньше. Кроме того, полевые работы препятствовали людям поддаться козням Властелина Зла.

В тот день, когда Эль Мюрид решил положить конец своему заключению, шел дождь. Это был неприятный дождь, с грозой и сильным ветром, такие дожди сбивают листья с деревьев и прибивают к земле траву, такие дожди угнетают дух. Дождь прошел, но небеса — как и дух Эль Мюрида — не разъяснились. Нависали тяжелые тучи, суля новые грозы.

Он вызвал к себе командиров Непобедимых.

Отряд телохранителей насчитывал уже три тысячи человек — это была его личная армия, независимая от тех войск, которыми командовал Нассеф. Эти тихие, в основном безымянные люди образовывали братство, беззаветно преданное своему повелителю и абсолютно неподкупное.

За последний год они провели в пустыне несколько собственных операций. В отличие от людей Нассефа они не нападали на сторонников Короны и никого не грабили. Совсем напротив, Непобедимые приходили на дружественные территории, защищали их и осуществляли административные функции. Выступая от имени Создателя, они тем не менее сдерживали свой проповеднический пыл, завоевывая умы и сердца, главным образом личным примером. Они даже не беспокоили местных лоялистов, пока те вели себя мирно и занимались собственными делами. На занятых ими землях почти не было раздоров. Иногда им даже приходилось вступать в схватки с людьми Нассефа, чтобы предотвратить нарушение мира на вверенных их попечению землях.

Когда все командиры были в сборе, Эль Мюрид сказал:

— Мой брат, Бич Божий, вернулся. Разве не так?

— Прошлой ночью, Ученик, — подсказал кто-то.

— Он не пришел, чтобы повидаться со мной. Не может ли кто-нибудь из вас попросить его пожаловать сюда?

Через полминуты после того, как добровольный посланник удалился, Ученик произнес:

— Я был бы очень благодарен, если бы кто-нибудь из вас раздобыл на время смертоносный кинжал культа Хариша.

Эль Мюрид знал многих вождей культа — некоторые из них находились сейчас перед ним, — но не хотел нарушать их тайны. Культ приносил большую пользу.

— Он будет лежать перед нашими глазами, напоминая всем, где обретается высшая власть.

Огромный зал для аудиенций перед Малахитовым Троном был призван внушать почтение. Эль Мюрид питал слабость к театральности и величию. Просители должны были стоять на невысоких возвышениях-подиумах, заменяющих в зале мебель. Так, стоя, им приходилось терпеливо ждать, когда на них обратят внимание и они получат возможность изложить свою просьбу.

К двадцати двум годам Эль Мюрид превратился в сильного, волевого, склонного к диктатуре лидера, хотя иногда, в одиночестве, все еще испытывал приступы нерешительности. Он больше не терпел неповиновения. Мужчины и женщины Себил-эль-Селиба должны были жить по его законам.

Не прошло и двух минут, и кто-то из Непобедимых положил смертоносный кинжал на место для свидетеля — напротив возвышения для главного просителя. Эль Мюрид одобрительно улыбнулся и попросил передвинуть кинжал так, чтобы его нельзя было увидеть с Малахитового Трона.

После этого все принялись ждать.

В зал угрюмо вошел Нассеф. Его губы были бледны и крепко сжаты. А сопровождающий его Непобедимый, напротив, казался весьма довольным собой. Эль Мюрид понял, что между ними произошел спор, и Нассеф в конце концов был вынужден уступить.

Нассеф шагал к центральному подиуму для просителей. Он был слишком зол для того, чтобы сразу обратить внимание на окружение. Эль Мюрид без труда мог прочитать недовольство на нахмуренном лбу Нассефа.

Но вот Нассеф заметил Непобедимых, стоящих поодаль тесной группой. Большая часть ярости и высокомерия тут же улетучилась.

— Ваш военный командир доставлен, мой господин Ученик.

Заметив кинжал, Нассеф и вовсе поник. Положение клинка означало персональный сигнал, смысл которого Эль Мюриду известен не был.

Между Нассефом и Непобедимыми уже давно началась молчаливая борьба за власть. Эль Мюрид вопреки мнению его сторонников был об этой борьбе хорошо осведомлен и надеялся использовать ее, чтобы одернуть военачальника в его стремлении к независимости.

Иногда ему казалось, что его шурин пытается создать свою личную империю.

Сейчас же Эль Мюрид хотел всего-навсего оказать на Нассефа давление, чтобы самому вырваться из Себил-эль-Селиба.

Он не желал больше торчать здесь, связанный по рукам и ногам.

Однако, обращаясь к военачальнику, он никоим образом не выдал главных причин своего недовольства.

— Бич Божий, Нассеф, — начал Эль Мюрид, — как-то ты похвастал, что единым словом можешь призвать под свои знамена двадцать тысяч воинов.

— Этот так, о Просвещенный.

Эль Мюрид с трудом сдержал язвительную усмешку. Нассефу придется покрутиться, чтобы выполнить свое обещание.

— Что же, военачальник, произноси свое слово. Собирай воинов. Я решил двинуться на Аль-Ремиш.

Бич Божий ответил не сразу. Вначале он внимательно оглядел Непобедимых. Сочувствия в их глазах он не увидел. Перед ним стояли цепные псы Эль Мюрида. Они сделают все, что прикажет хозяин. Нассеф бросил взгляд на кинжал, а затем посмотрел на Эль Мюрида.

— Все будет так, как ты прикажешь, мой господин Ученик. Я разошлю призыв, как только выйду отсюда, — сказал он, косясь на кинжал и покусывая нижнюю губу.

Эль Мюрид был несколько удивлен. Он не ожидал, что Нассеф так легко уступит.

— В таком случае ступай. Уверен, что у тебя будет множество дел. Я хочу выступить как можно скорее.

— Конечно, о Просвещенный. Но поход армии на Аль-Ремиш потребует весьма серьезной подготовки. Пустыня не друг для солдата.

— Она создана Властелином Зла и поэтому ему служит. Но она может быть покорена, точно так же как и сам носитель зла.

Нассеф ничего не ответил. Он лишь поклонился и вышел.

Эль Мюрид усилил наблюдение. Не все Непобедимые носили белые мантии и находились в своих отрядах. Некоторые из них, оставаясь тайными членами братства, жили среди простых людей и снабжали своих вождей информацией.

Нассеф сдержал слово. Он немедленно разослал гонцов и собрал командиров. Командиры целиком погрузились в решение задач, связанных с переходом большой армии через пустыню.

Вполне удовлетворенный Эль Мюрид почти забыл про Нассефа.

А однажды ему даже удалось провести вечер в семейном кругу.

Личная жизнь Ученика могла шокировать склонных к консерватизму Непобедимых. Но он не забыл того урока, который получил, когда попытался прибегнуть на суде к свидетельству Мириам. С тех пор ему и ей приходилось скрывать от всех свое необычное для этих земель равенство за закрытыми дверями.

Его покои в Новом Дворце сверкали великолепием. В его распоряжении имелся даже большой бассейн, в котором он мог купаться и расслабляться. В случае осады бассейн должен был служить обычным резервуаром для воды.

Мириам встретила его радостной улыбкой — улыбкой, которая для него так много значила.

— Я боялась, что тебя опять что-нибудь задержит.

— Но только не сегодня вечером. Сегодня ты мне нужна даже больше, чем я тебе. — Он закрыл дверь и поцеловал супругу. — Ты ужасно терпеливая женщина. Просто чудо. Ты так изменилась со времен Эль Акила.

— Нас меняют мужчины, — улыбнулась она. — Входи. Здесь сегодня только семья. Я даже сама готовлю ужин, лишь бы не допустить посторонних.

Он прошел вслед за ней в соседнюю комнату и окаменел.

С его сыном Сиди и все еще не получившей имя дочерью находился Нассеф и рассказывал какие-то невероятные истории из жизни пустыни. Эль Мюрид с несчастным видом поджал губы и уселся на свою подушку, не проронив ни слова. Нассеф был братом Мириам, и дети его обожали. Особенно девочка. Иногда она тайно выскальзывала из замка и следовала за дядей по всей долине. Она не верила, что враги могут нанести удар отцу, захватив ее в плен.

— Я сейчас вернусь, — сказала Мириам. — А тем временем, почему бы тебе не расслабиться в бассейне? Всю неделю у тебя для этого не было возможности.

— Я тоже! — заверещал Сиди.

— Если ты будешь все время торчать в воде, у тебя вырастет чешуя, как у рыбы, — со смехом сказал Эль Мюрид. — Так и быть. Пойдем. Когда мы дойдем до моря, Нассеф, мы произведем Сиди в адмиралы. Я не могу вытащить его из воды.

— Я составлю вам компанию, — сказал, поднимаясь, Нассеф. — А для тебя, Сиди, у меня есть задание. Покажи мне, как надо плавать. Мне это может пригодиться, если твой отец приведет нас к морю.

— А как же я? — спросила девочка. Она терпеть не могла воду, но ей ужасно не хотелось расставаться с дядей. Она начинала напоминать Эль Мюриду свою маму в юные годы.

— Ты — девчонка! — сказал Сиди таким тоном, словно одно это качество делало сестру неполноценным существом и уж во всяком случае не позволяло ей купаться в бассейне.

— Ты можешь растаять в воде, сахарок, — сказал ей отец. — А мы все-таки пойдем.

Лежа в прохладной воде, Эль Мюрид расслаблялся так, как не мог расслабиться даже в объятиях Мириам. Так он отдыхал примерно полчаса. Сиди и Нассеф веселились вовсю, они носились друг за другом, ныряли и поднимали фонтаны брызг.

— Хорошо, Нассеф. Время, — наконец произнес Эль Мюрид.

Шурин не стал прикидываться, что не понимает. Подсадив Сиди на край бассейна, он сказал:

— Пора заканчивать. Вытирайся, одевайся и беги помогать маме.

— Почему я всегда должен уходить, когда люди хотят поговорить?

— Делай как он говорит, сын. Только не забудь хорошенько вытереться, прежде чем начнешь одеваться.

Когда Сиди ушел, Нассеф сказал:

— Я начинаю жалеть, что не женился. Мне так не хватает детей.

— Ты еще вовсе не стар.

— Нет. Но все дело в том, что у меня неподходящее занятие. Я не имею права обзаводиться семьей, не хочу лишний раз испытывать судьбу. Фуад может захватить меня во время любой вылазки.

— Наверное, ты прав. Возможно, воинам вообще не надо жениться. Слишком большая нагрузка ложится на семью.

Нассеф немного помолчал, а затем произнес:

— Мы здесь одни. Чужие уши нас не слышат. Наш разговор никому не может причинить боль. Не могли бы мы поговорить как братья? Как те двое, что вместе выехали из Эль Акила и потом бок о бок сражались в пустыне. Как Нассеф и Мика. Как люди, у которых так много общего, что они не имеют права ссориться.

— Это семейное дело. Постарайся вести разговор на этом уровне.

— Хорошо. Ты взял в жены мою сестру, которая была моим единственным другом на земле. Я твой брат и буду говорить правду. Я крайне обеспокоен. Мы пускаемся в авантюру, которая обречена на провал. Я говорю это тебе, мой брат, только из

чувства великой к тебе любви. Никаких иных причин у меня нет. Мы не сможем взять Аль-Ремиш. Пока не сможем.

Эль Мюрид сумел подавить свой гнев. Нассеф действовал по правилам. Мягче он сказать просто не мог.

— Не понимаю почему, — произнес Эль Мюрид. — Я смотрю и слушаю. Я вижу, как через Себил-эль-Селиб проходит множество людей. Я слышу, что мы способны привлечь под свои знамена огромную орду. Мне твердят, что большая часть Детей Пустыни идет за нами.

— Все это соответствует истине, хотя я и не могу сказать, какая часть Детей Пустыни на нашей стороне. Думаю, что на нашей стороне их больше, чем на стороне врагов. Но пустыня велика, и большинству людей обе враждующие стороны совершенно безразличны. Эти люди просто хотят, чтобы как мы, так и роялисты их оставили в покое.

— И поэтому ты вынуждаешь меня терять время? И это все твои аргументы? Несколько минут назад ты сказал, что мы здесь одни. Это действительно так. Поэтому ты можешь говорить со мной совершенно откровенно.

— Хорошо, если ты того желаешь. Двадцать тысяч воинов не образуют армии только потому, что они собрались в одном месте. Мои люди только-только начинают формироваться в армию. Они еще не приучены проводить операции большими группами. Непобедимые этого тоже не умеют. Кроме того, население территорий, которые мы давно контролируем, утратило боевой дух. Но и это еще не все. Среди нас нет ни одного человека, включая меня, кто имел бы навык командования крупными силами.

— Ты хочешь сказать, что мы потерпим поражение?

— Нет. Я говорю, что мы рискуем потерпеть поражение. Но риск уменьшается с каждым днем, пока мы не позволяем им сражаться по их правилам. Этой тактики мы должны придерживаться и впредь. Роялисты мгновенно узнают о том, что мы выступили. У них здесь есть шпионы. И у них есть люди, которые *прекрасно* знают, как командовать большой армией.

Эль Мюрид молчал не меньше минуты. Вначале он попытался оценить искренность Нассефа. Она не вызывала сомне-

ний. Не мог он опровергнуть и аргументы шурина. Эль Мюрид вновь ощутил отчаяние узника, навеки запертого в Себил-эль-Селибе.

Нет, терпеть это у него уже не было сил. Как только будет собрано войско, он не задержится здесь ни на минуту.

— Голос сердца подсказывает мне, что мы должны выступить.

— Что же, твоя воля. Это решение окончательное?

— Да.

— В таком случае я сделаю все, что в моих силах, — со вздохом произнес Нассеф. — Может быть, нам и повезет. Но у меня есть предложение. Когда наступит время похода, возьми командование на себя.

Эль Мюрид бросил на шурина изучающий взгляд.

— Не потому, что я хочу снять с себя ответственность за возможное поражение, а потому, что воины будут сражаться за Ученика гораздо упорнее, чем за Бич Божий. И здесь может быть грань между поражением и победой.

И Эль Мюрид снова почувствовал, что Нассеф говорит вполне искренне.

— Пусть будет так. А теперь пора взглянуть, что Мириам приготовила на ужин.

Это был тихий семейный ужин, за которым почти все время царило молчание. Эль Мюрид в основном размышлял о своем двойственном чувстве по отношению к шурину. Как всегда оказалось невозможно в чем-нибудь его уличить.

Нассеф возражал так, как должен возражать человек, озабоченный успехом дела. Неужели Эль Мюрид ошибся, оценивая намерения шурина? Может быть, сведения, которые он получил, успели исказиться, пройдя через сознание Непобедимых?

Гнетущее чувство нетерпения возрастало — проходит день за днем, дни складываются в недели. Численность войска увеличилась, но до чего же медленно все происходит! Советники постоянно напоминали Эль Мюриду, что его последователям, чтобы добраться до Себил-эль-Селиба приходится проделывать долгий путь. И на этом пути им часто приходится вступать в схватки с патрулями Юсифа.

Но наконец наступил решительный момент. Пришло утро, когда он смог на прощание поцеловать Мириам и объявить ей, что в следующий раз они встретятся в Святилище Мразкима.

На призыв Нассефа откликнулись более двадцати тысяч человек. Их шатры стояли повсюду. Себил-эль-Селиб напоминал Эль Мюриду Аль-Ремиш во время Дишархуна.

О людях Юсифа ничего не было слышно девять дней. Они даже перестали нападать на проходящие через перевал отряды. Нассеф твердил всем, кто хотел его слушать, что тишина ему очень не нравится, так как она означает, что валиг замыслил какую-то гадость.

Затем начали поступать новости. Оказалось, что Юсиф собрал под знамена всех, кого мог, — примерно пять тысяч человек — и привел свое войско к оазису, неподалеку от Вади Эль Куф. Соседи подкинули ему заимообразно еще пару тысяч человек.

— Нам придется дать ему бой в оазисе, — сказал Нассеф Эль Мюриду. — У нас нет иного выхода. Мы не можем идти на Аль-Ремиш, не пополнив в Вади Эль Куф запасы воды. Именно этого Юсиф ждал все годы. Он мечтал навязать нам обычную битву. Создается впечатление, что он так этого хочет, что не беспокоится о численности.

— Что же, дадим ему то, что он так жаждет получить. Избавимся от него раз и навсегда.

Нассеф, как правило, точно рассчитывал все свои действия. Но поставив под знамена всех сторонников Эль Мюрида, он все же совершил ошибку. Он оголил пустыню, лишив себя тем самым всех источников информации.

Нассеф отобрал двадцать тысяч воинов. Эль Мюрид взял в поход полторы тысячи Непобедимых. Для защиты перевала на время их отсутствия они оставили довольно значительные силы.

И вот рано утром, когда солнце едва поднялось на востоке, и через много дней после начала похода, войска Эль Мюрида подошли к Вади Эль Куф — довольно широкой лощине, расположенной в полутора милях к востоку от оазиса. Лощина славилась природными скальными образованиями причудли-

вой, а зачастую и устрашающей формы. Это было одно из самых диких мест пустыни Хаммад-аль-Накир.

Нассеф и Эль Мюрид подняли знамя Господа на вершине невысокого холма, расположенного на равном расстоянии как от Вади, так и от оазиса.

— Похоже, что на них не произвела впечатление наша численность, — заметил Нассеф.

— Какой план действий ты предлагаешь?

— План очевиден. Оставь Непобедимых в резерве, а остальных посылай волнами в атаку до тех пор, пока мы их всех не изрубим.

— Какая странная земля, Нассеф. Здесь так тихо.

Тишина действительно казалась сверхъестественной. Тридцать тысяч человек и столько же животных стояли друг против друга, однако не было слышно даже жужжания мух.

Эль Мюрид бросил взгляд в сторону Вади. Он увидел тенистый лес известняковых образований: шпилей, пилонов, гигантских, стоящих торчком, гантелей. Это похоже на игровую площадку самого Дьявола, с содроганием подумал он.

— Мы готовы, — сказал Нассеф.

— Тогда, вперед!

Нассеф, повернувшись к Кариму, Эль Кадеру и остальным командирам, сказал:

— Атакуете по моему сигналу.

Военачальники на рысях отправились к своим отрядам.

Нассеф поднял руку. Первая волна всадников ринулась в атаку.

Люди Юсифа неподвижно ждали, приготовившись к бою.

— Здесь что-то не так, — пробормотал Бич Божий. — Я это всем телом ощущаю.

— Нассеф? — Голос Эль Мюрида вдруг ослаб и зазвучал очень жалобно. — Ты слышишь барабаны?

— Это стук копыт...

Однако Эль Мюрид продолжал слышать барабанную дробь.

— Нассеф! — Пророк как копье выбросил правую руку.

Дьявольский сад, именуемый Вади Эль Куф, изрыгнул на них орду врагов.

— О Боже! — простонал Нассеф. — Не может быть!

Король Абуд наконец ответил на домогательства Юсифа. Он послал в Вади Эль Куф принца Фарида во главе пяти тысяч всадников. Это были самые лучшие воины пустыни, и многие из них были закованы в латы наподобие западных рыцарей.

Тактическое командование войском Фарида осуществлял сэр Хоквинд из Гильдии Наемников. Сэр Хоквинд привел с собой тысячу своих братьев. Отряд наемников щетинился длинными западными копьями тяжелой кавалерии. Каждого всадника в доспехах сопровождали оруженосец и два пехотинца.

У Нассефа оставалось немного времени, чтобы продумать ситуацию и должным образом на нее отреагировать. Тяжелая кавалерия не способна с большой скоростью проскакать милю по пустыне и взлететь на холм. А Хоквинд, вне всякого сомнения, хотел в полной мере использовать свою ударную силу.

— Что будем делать? — спросил Эль Мюрид.

— Думаю, что самое время для твоего амулета, — ответил Нассеф. — Это единственное оружие, которое способно нам помочь.

Эль Мюрид поднял руку и, не говоря ни слова, продемонстрировал Нассефу пустое запястье.

— Куда он, к дьяволу, подевался?!

— Остался в Себил-эль-Селибе, — совсем тихо ответил Эль Мюрид. — Я был настолько возбужден началом похода, что совсем о нем забыл. — Он не носил амулет вот уже много лет, предпочитая хранить его в Святилище.

Нассеф вздохнул, грустно покачал головой и сказал:

— Собери роту Непобедимых и спасайся бегством. Я буду сдерживать столько времени, сколько смогу.

— Бежать? Ты что, с ума сошел?

— Битва проиграна, Властелин. Нам остается лишь попытаться спасти как можно больше людей. Но ты не можешь здесь оставаться, если не хочешь обезглавить наше движение.

Эль Мюрид упрямо покачал головой:

— Не вижу никакого поражения. Возникли лишь некоторые дополнительные сложности. Численно, Нассеф, мы их по-прежнему превосходим. И в любом случае я не оставлю поле

брани, на котором за меня умирают люди. Я не могу этого сделать после того, как они сердцами восприняли меня своим командиром. Что они обо мне подумают?

— Что же, в таком случае нам остается лишь с честью погибнуть. Предлагаю построить Непобедимых, чтобы встретить удар. — Он помолчал, изучая боевые штандарты врага, а затем пробормотал: — Интересно, что делает здесь Хоквинд?

— Доверяй мудрости Создателя, Нассеф. Он отдаст супостатов в наши руки. На нашей стороне численное превосходство и Он. Разве смеем мы желать большего?

С трудом подавив желание высказать все, что он по этому поводу думает, Нассеф стал помогать формировать строй Непобедимых.

Однако создавалось впечатление, что уверенность Эль Мюрида имеет под собой почву. По крайней мере в оазисе. Войска Юсифа попали там в окружение.

— А кто такой Хоквинд?

— Он из Гильдии. Наверное, их самый лучший генерал.

— Из Гильдии? — Невежество Эль Мюрида во всем, что выходило за границы Хаммад-аль-Накира, было просто потрясающим.

— Братство воинов. Немного напоминает наших Непобедимых и называется Гильдия Наемников. Гильдия отчасти схожа и с культом Хариша. Но в целом ничего подобного мы не знаем. Они никому постоянно не служат и преданы только друг другу. Это самая большая после Итаскии военная сила на западе. У них нет своей территории, если не считать замка, именуемого Высокий Крэг. Когда их генералы хмурятся, принцы начинают дрожать от страха. Одно их согласие выступить на чьей-либо стороне часто приводит к тому, что война оканчивается, даже не начавшись.

— Откуда ты все это знаешь? Где ты находишь время учиться?

— Я плачу людям за то, чтобы они учились для меня. На западе полным-полно моих шпионов.

— С какой целью?

— Потому что настанет день, когда ты пожелаешь туда двинуться. Я готовлю тебе путь. Но это не будет иметь никакого значения, если мы отсюда не выберемся живыми.

Отряд Хоквинда приблизился настолько, что смог позволить себе увеличить темп атаки.

Ни одному из Непобедимых не приходилось встречаться с рыцарской конницей. Они не понимали, что их ждет, и поэтому не очень боялись. По сигналу своего господина они бросились в атаку. Непобедимые доверяли Богу и верили в свое название.

Всадники Хоквинда вновь ускорили аллюр.

Бронированные всадники с длинными копьями обрушились на Непобедимых, словно каменная лавина. Роялисты прошили их насквозь, сокрушая все на своем пути, а затем развернулись, чтобы ударить в тыл конникам, сражающимся с Юсифом.

Ни Нассеф, ни Эль Мюрид не проронили ни слова. Все оказалось гораздо хуже, чем предполагал Нассеф. Валиг Эль Асвада попал в трудное положение, но как только к нему подоспела помощь, противники поменялись ролями. Битва превратилась в избиение мятежников.

Хоквинд выставил пехотный заслон между собой и тем, что осталось от Непобедимых. Отряд легкой кавалерии занял позиции между ним и оазисом. Отряд выстроился в форме вытянутого полумесяца со слегка загнутыми в сторону противника рогами. После этого он стал крушить войска Эль Мюрида, используя бронированную кавалерию в качестве молота. Атака. Свалка. Отход. Перестроение. Атака.

Эль Мюрид был слишком упрям для того, чтобы правильно воспринять ход событий. А войска Нассефа, попавшие в этот дьявольский котел, растерялись и не могли понять, что происходит.

Хоквинд продолжал их безжалостно истреблять.

Не выдержав этого зрелища, Нассеф зарыдал.

— Властитель, — взмолился он, — разреши мне спуститься вниз, разреши мне попытаться вывести их из боя.

— Мы не можем проиграть, — пробормотал Эль Мюрид, скорее обращаясь к себе, чем к Нассефу. — Мы превосходим их числом и с нами наш Создатель.

Нассеф лишь коротко выругался.

Солнце начало клониться к западу. Хоквинд, вытянув рога полумесяца, завершил окружение, и воины Нассефа беспомощно и бессистемно колотились о заслон, как бьются о стекло мухи, угодившие в бутылку. Хоквинд все больше и больше укреплял окружение, как бы приглашая Эль Мюрида попытать счастья, бросив в бой остатки Непобедимых. Люди валига выбрались из котла и примкнули к образующим кольцо силам.

Некоторые из воинов Нассефа попытались сдаться, но Фарид приказал не брать пленных.

— Они лишили нас последней возможности выбирать, — простонал Нассеф. — Нам придется бросить в битву эти несчастные несколько сотен, чтобы дать надежду остальным вырваться из окружения.

— Нассеф?

— Слушаю? — В голосе Бича Божьего можно было уловить одновременно как печаль, так и гнев.

— Я прошу у тебя прощения. Я ошибся. Время еще не пришло. Я слушал только себя, вместо того чтобы прислушиваться к гласу Творца. Бери командование на себя. Сделай все возможное для того, чтобы спасти все, что сможешь. О Бог Всемогущий, прости меня за проявленную мною гордыню. Прости мне мое тщеславие.

— Нет.

— Что нет?

— Я скажу тебе, что следует делать, но командовать будешь ты. Сейчас ты не имеешь права демонстрировать слабость. Следует спасти хотя бы часть почтения к тебе. Сделай это, и мы всегда позже сможем сказать, что Властелин Зла сумел обмануть нас, затмил наше зрение.

— Нассеф! Ты как всегда прав. Что надо делать?

Пятнадцать минут спустя оставшиеся в живых Непобедимые ударили извне по кольцу окружения. Они не пытались прорвать его в центре, а совсем напротив, избрали место, где

строй всадников был наиболее растянут, обеспечив тем самым достаточно широкую брешь. Воины Нассефа поспешно потекли через образовавшуюся щель, пока она еще оставалась открытой.

Эль Мюрид и его шурин возглавили атаку.

Эль Мюрид молотил во все стороны своим мечом. Звон оружия, ржание лошадей, крики людей сливались в какой-то сводящий с ума рев. Клубы пыли не позволяли дышать и заставляли глаза слезиться. Какой-то всадник врезался в коня Эль Мюрида, едва не выбросив Ученика из седла. Удар сабли, частично отраженный Нассефом, пришелся по руке Ученика, оставив не глубокую, но изрядно кровоточащую рану. Он даже успел изумиться тому, что не чувствует боли.

Нассеф рубил всех и вся подобно боевому джинну, только что вырвавшемуся из преисподней. Непобедимые делали все возможное и невозможное для того, чтобы их Пророк не пострадал, но...

— Время! — закричал Нассеф. — Прикажи им бежать! В долину, там мы скроемся среди скал!

Многим людям Нассефа удалось вырваться. Кольцо окружения разорвалось, когда всадники Хоквинда кинулись на Эль Мюрида.

Ученик не знал как поступить.

С безоблачного неба на него посыпался дождь стрел. Одна из них угодила в глаз его лошади, и животное, жалобно заржав, взвилось на дыбы. Земля вдруг превратилась в небо, и это небо камнем рухнуло на Эль Мюрида. Лошадь опустилась копытами на его правую руку.

Его крик не сумел заглушить хруста кости. Он попытался подняться. Его взгляд остановился на каком-то наемнике, который с деловитым видом пробирался на своем бронированном коне через этот хаос, по пути дробя черепа Непобедимых огромным боевым молотом.

— Мика! — орал Нассеф. — Поднимайся! Хватайся за мою ногу!

Собрав всю волю и всю силу, он повиновался призыву. Нассеф поскакал прочь.

— Держись крепче. Подпрыгивай как можно выше.

Он вновь повиновался.

Там позади еще одна сотня Непобедимых отдала жизни ради того, чтобы он мог спастись.

Оказавшись в долине, Нассеф потянул Эль Мюрида за левую руку со словами:

— Быстрее. Нам необходимо скрыться, прежде чем они опомнятся.

Шум битвы стихал, они все дальше забирались в причудливый каменный лабиринт. Эль Мюрид не знал, что означает эта тишина — расстояние или окончательное поражение. Он опасался самого худшего.

Наконец они добрались до места, куда не смогла бы проникнуть ни одна лошадь. Если враги будут настойчивы в преследовании, то им придется искать беглецов пешком.

Когда они нашли подходящую лисью нору, уже почти стемнело. В норе уже укрывались два раненых воина. Но они потеснились, освобождая пространство вновь прибывшим. Нассеф сделал все возможное, чтобы замести следы.

Вскоре появились и первые охотники. Они торопились, преследуя добычу, которая, если так можно выразиться, еще «стояла на крыле». В течение нескольких часов мимо них прошли и другие поисковые отряды. В долине время от времени слышались крики и звон металла.

Когда наступала полная тишина, Нассеф делал все возможное, чтобы спасти раненых воинов. Он не верил, что бедняги выживут. После того как облава прекратилась, Нассеф занялся рукой Эль Мюрида.

Перелом был не таким страшным, как показалось вначале. Кость сломалась ровно, осколков не было.

Лишь к полуночи боль в руке затихла настолько, что Эль Мюрид смог говорить.

— Что теперь нам делать, Нассеф? — спросил он.

Голос его был едва слышен, голова кружилась. Нассеф дал ему глотнуть опиумной настойки.

— Мы все начнем сначала. Мы поднимем все из руин. И теперь мы не станем торопить события. По крайней мере нам не придется снова захватывать Себил-эль-Селиб.

— Справимся ли мы?

— Несомненно. Мы проиграли всего лишь битву. Не все потеряно. Время и Творец на нашей стороне... Тихо!

Нассеф находился в устье норы, скрывая всех остальных своими темными одеждами. Он первым заметил между скал мерцающие огоньки факелов.

Вслед за огнями появились и люди.

— Я устал, — жаловался один из них. — Как долго это будет продолжаться?

— Пока мы их не поймаем, — ответил второй. — Они здесь, и я не намерен дать им ускользнуть.

Второй голос Нассеф узнал. Он принадлежал Фуаду — брату валига. В голосе кипела ненависть.

Один из раненых выбрал этот момент, чтобы испустить дух. Его товарищ приглушил его предсмертный стон, догадавшись заткнуть страдальцу рот полой своего бурнуса.

— И почему ты не прихватил свой проклятый амулет? — сердито спросил Нассеф, как только опасность миновала. — Он мог бы здорово облегчить нам жизнь. С ним мы бы не проиграли.

Ученик едва сумел расслышать эти слова — настолько сильной была боль. Собрав все силы, он прошептал, скрипя зубами:

— Я вел себя как последний идиот. Разве не так? Ангел вручил мне его именно для таких моментов, как этот. Почему ты мне ничего не сказал, до того как мы отправились в поход? Ты же знал, что я храню его в надежном месте в Святилище.

— Я о нем не подумал. Да и с какой стати я должен был помнить? Амулет принадлежит не мне. Мы оказались парочкой завзятых идиотов, братец. И похоже, нам за это приходится расплачиваться тем, чем все люди платят за идиотизм с древнейших времен.

Этот дьявол Фуад не прекращал поиски четыре дня. Не проходило и минуты без того, чтобы охотники не появлялись вблизи их убежища. Прежде чем охота прекратилась, Нассефу и Эль Мюриду пришлось пить собственную мочу, и делить могилу с двумя разлагающимися трупами. Создавалось впечатление, что они сменили быструю и сравнительно легкую смерть на затяжную и мучительную.

Глава 8

ТВЕРДЫНЯ МОГУЧАЯ И НЕПОКОЛЕБИМАЯ

В Себил-эль-Селибе все страшно возрадовались, — фыркнул Фуад, подходя к валигу, Радетику и военачальникам. — Нассеф и Ученик вернулись. Они каким-то образом ухитрились выжить.

На шее Юсифа вздулись жилы, его лицо потемнело. Он медленно поднялся и, неожиданно бросив деревянную тарелку в противоположный угол комнаты, закричал:

— Проклятие! И будь проклят этот идиот Абуд. Когда они захватят Аль-Ремиш и удавят Абуда, мне хотелось бы оказаться там, чтобы иметь возможность расхохотаться ему в рожу!

С победой в битве Вади Эль Куф пришел конец помощи со стороны короля. Как ни старался Юсиф, он не смог убедить Фарида превысить свои полномочия и продолжить военные действия. Ведь появилась прекрасная возможность преследовать врага и, ворвавшись на его плечах в крепость, вернуть контроль над Себил-эль-Селибом. Но у Фарида были четкие инструкции, и он был бы вполне удовлетворен смертью Нассефа и Эль Мюрида.

Отец Фарида был старым, жирным и не очень умным. Он обожал покой и не умел заглядывать вперед дальше завтрашнего дня. Старик не желал, чтобы сын зря растрачивал деньги или жизни.

А ведь было время, когда Абуд слыл выдающимся воином и военачальником. Он изгнал войска Тройеса со спорных территорий в северной части восточного побережья. Но это случилось очень давно. Время, этот тайный предатель, замедляет разум, ослабляет людей и кладет конец их стремлению искать опасность.

— Будь благословен, Фарид, — продолжил Юсиф, он уже выплеснул всю свою ярость. — Если бы не он, мы вообще не получили бы никакой помощи. Мегелин, как нам поступать дальше?

— Выждать несколько лет, а затем продолжить.

— Значит, то же самое?

— Да. Но не рассчитывай на то, что они ошибутся еще раз. Они совершили ошибку, но сумели выкрутиться. Эль Мюрид выучит этот урок наизусть. Теперь он во всем станет слушаться Нассефа.

Почти восемь тысяч воинов Нассефа сумели унести ноги из Вади Эль Куф. Эти люди были потрясены и разбрелись по пустыне, но тем не менее могли служить отличной базой для возобновления партизанской войны.

— Нам следовало напасть на Себил-эль-Селиб, пока они были деморализованы, — рычал Юсиф. — Надо было бить и бить их до тех пор, пока они не сдались бы. Ведь с ними не осталось вождей.

— Чем бить? — ядовито поинтересовался Фуад. — Нам еще повезло, что они не напали на нас.

Войско Юсифа, понеся в битве большие потери, оказалось изрядно потрепанным. И самое большое, на что оно было способно, так это с трудом добраться до дома.

— И они бы напали, если бы нашелся человек, который смог им сказать, что делать, — добавил Фуад.

Ярость Юсифа куда-то исчезла. Он не мог продолжать сердиться, глядя в лицо правде.

Годы продолжали собирать со всех свою дань. Эль Асвад почти полностью исчерпал свои возможности. Юсиф сделал все, что мог, но его усилий было явно недостаточно. С момента окончания битвы под Вади Эль Куф он уже не ожидал ничего, кроме как движения под уклон. Оставалось лишь надеяться на то, что Эль Мюрид и его военачальники погибли. Но и эта надежда рухнула. Фуад сообщил о возвращении пропавших было вождей. Оказалось, что они живы. Пламя Вади Эль Куф поглотило лишь тех, кому можно было найти замену.

— Мегелин, — сказал Юсиф, — стань на позиции врагов. Что они могли бы сейчас предпринять?

— Не знаю, валиг, — ответил Радетик. — Говорят, что Нассеф тип мстительный. Полагаю, что сейчас он будет внимательно следить за тем, что происходит. Это все, что я могу

сказать. Если хочешь дополнительных предсказаний, то можешь начинать гадать на бараньих кишках.

Юсиф несколько минут сидел молча, а затем произнес:

— Что же, в таком случае я хочу опять уступить инициативу ему. Мы будем проводить патрулирование, устраивать засады, но в то же время станем избегать крупных схваток. Будем тянуть время. Сосредоточим свои усилия на выживании и постараемся заманить Нассефа на осаду Восточной Твердыни. Абуд стар и к тому же страдает подагрой. Он не вечен. Я разговаривал с Фаридом, и тот на нашей стороне. Принц не такой домосед, как отец, и лучше разбирается в существе дела. Когда Фарид наденет корону, он даст нам все, что нужно.

Но судьба и Нассеф повели себя совсем не так, как того желал Юсиф. В течение года после Вади Эль Куф люди Юсифа крайне редко видели своих врагов. Они не встречали их, даже специально отправляясь на поиски. Создавалось впечатление, что Нассеф вообще забыл о существовании Эль Асвада. Во владениях валига царили мир и покой, если не считать патрулирования устья прохода Себил-эль-Селиб да усиленных мер безопасности.

Эта тишина очень беспокоила Юсифа и Фуада. Они не могли понять, что означает эта тишина.

Гарун и Радетик впервые почти за два года отправились в свою экспедицию. Мегелин хотел поискать кое-какие редкие цветы. Эти поиски завели их в узкий каньон, уходящий зигзагами в глубину горного хребта Джебал-аль-Алаф-Дхулкварнеги.

Гарун страшно опасался ненароком обидеть Скрытных и, пытаясь спрятать свое беспокойство, пустился в несвойственную для него болтовню. В конце концов болтовня вылилась в попытки заставить Радетика сказать, что он думает о планах врага.

Радетик долго молчал, но затем терпение его лопнуло и он прорычал:

— Ничего я не знаю, Гарун. Сейчас миром правит Меч, а Нассеф является величиной неизвестной. Как я могу предсказывать его действия, если не способен даже уловить мотивы, которые им движут? Иногда он кажется преданным последова-

телем Эль Мюрида, но уже через секунду начинает вести себя как самый последний бандит пустыни. А еще через секунду создается впечатление, что он последовательно строит собственную империю. Я могу посоветовать лишь одно — ждать. Настанет момент, и его намерения станут нам до боли ясны.

Одна такая болезненная новость испортила в целом спокойную зиму. Эль Мюрид на пять лет назначил Нассефа командиром Непобедимых. Как сообщили шпионы, Бич Божий провел чистку их рядов, с тем чтобы телохранители Эль Мюрида полностью отвечали его требованиям.

Меч теперь, видимо, полностью управлял Миром.

К тому времени, когда Гарун и Радетик вернулись в Эль Асвад, планы Нассефа несколько прояснились. Путешественникам даже не удалось отдохнуть как следует. Сразу после возвращения их повели прямо к валигу.

— Наконец-то он сделал свой ход, Мегелин, — объявил Юсиф, как только они подошли к нему. — Он еще раз проявил свои способности. Никто этого не мог ожидать.

— Так что же он все-таки сделал? — спросил Радетик.

— Речь идет о силах, которые он копил. Их мощь возрастала очень быстро, и наши шпионы пришли к выводу, что Нассеф готовится уже этим летом нанести по нам удар. Ты все это, конечно, знаешь. Ну так вот. Он использовал их для удара на восток!

— На восток? Но...

— Сук аль Арба уже пала. Сейчас он ведет осаду Эс Суанны. Его всадники уже достигли Рас аль Яна. Сук аль Арба не сопротивлялась. Они выслали для его встречи приветственный комитет. По сообщениям агентов, наши кузены на побережье расталкивают друг друга, чтобы припасть к его руке. Он обещает им всем отдать на разграбление Аль-Ремиш и все внутренние провинции.

— Говоря иными словами, восток видит свое будущее только вместе с Эль Мюридом.

— У них была масса времени для проповедей в тех краях. И для заключения сделок. Абуд не предпринял ничего для того,

чтобы постараться сохранить лояльность побережья. Теперь, я полагаю, Тройес полностью отрежет нас от остального мира.

Аль-Ремиш мог связаться со своими союзниками на востоке только через узкий проход, которым обычно пользовались торговцы на пути в Тройес. Обитатели Тройеса по расе и языку являлись родственниками Детей Хаммад-аль-Накира, но со времени Падения не признавали никакого внешнего господства. Город был основан Империей Ильказар как военно-морская база и торговый порт.

Несмотря на то что войн не было вот уже много лет, город продолжал претендовать на владение северной частью восточного побережья. Начиная с захвата Эль Мюридом Себил-эль-Селиба, Тройес постоянно отгрызал куски от земель, отвоеванных Абудом в его молодые годы. Теперь королевские линии коммуникаций должны были проходить через районы, патрулируемые недружественными войсками.

— Да, Тройес по-настоящему оккупирует территорию, как только прослышит, что произошло, — согласился Радетик. — Насколько сильный гарнизон оставил Нассеф? Двинулся ли Эль Мюрид вместе с ним?

— Фуад как раз это сейчас и проверяет.

Но Фуад занимался делом гораздо более важным, нежели простая проверка. Он возглавлял первое за много лет нападение на проход Себил-эль-Селиб.

Первое сообщение об успехе пришло через несколько дней.

Гарун ворвался в жилище Радетика с криком:

— Скорее, Мегелин! Тебя хочет видеть отец. Дядя Фуад застал их врасплох! Ну, вставай же!

— Что сделал Фуад? — спросил Радетик, протирая заспанные глаза. Он начал одеваться в традиционный наряд жителей пустыни. Последний предмет его западных туалетов превратился в лохмотья уже несколько лет назад. — Никак не могу привыкнуть к этой женской одежке, — бормотал он. — Может быть, мне следует что-нибудь заказать из дома? Ну уж нет. Это сделает меня очень заметной мишенью для убийц.

— Торопись! — не унимался Гарун. — Он застал их врасплох! Он незаметно прошел через их пикеты и отрезал от внешнего

мира. Никто не мог понять, что происходит. Они работали на полях, и дядя Фуад положил их великое множество. Ну, пойдем же! Отец хочет знать, что, по твоему мнению, нам надо делать.

Гарун не переставал болтать, испортив тем самым сюрприз, уготовленный Юсифом для Мегелина. Когда они нашли валига у парапета северной башни, мальчишка успел поведать Радетику почти все, что собирался рассказать отец. Взор Юсифа был обращен на север, в сторону Себил-эль-Селиба.

В результате сочетания хитрости, удачи и отчасти планирования Фуаду удалось обойти патрули Эль Мюрида и нанести неожиданный удар по Себил-эль-Селибу. Он убил и пленил несколько сотен, прежде чем выжившие успели закрыть ворота двух крепостей. После этого он убил и пленил еще несколько сотен, так как стража настолько торопилась, что оставила за воротами множество своих людей. Фуад и защитники замков долго смотрели друг на друга в бессильной ярости. У Фуада для штурма не хватало сил. Ожидая указаний из дома, он уничтожал все, что мог. Он знал, что Нассеф скоро пришлет помощь, и хотел нанести врагу как можно больше урона, до того как придется уносить ноги.

— Что нам делать, Мегелин? — спросил Юсиф.

— Послать за помощью. Прежде всего к принцу Фариду. Обрисуй ему ситуацию. Скажи, что если он поторопится, у нас появятся шансы отрезать их от побережья. Это для них смерти подобно.

— Это я уже сделал. Я думаю о более насущных вещах. Что нам делать в данный момент? Пока мы ждем Фарида и Нассефа.

Немного подумав, Радетик ответил:

— Мне самому следует осмотреть крепости. Возможно, я увижу слабые места, которые вам не удалось заметить.

На западе во время войн укрепленные замки и искусство осады играли более важную роль, нежели в войнах Хаммад-аль-Накира. Люди пустыни, встретив врага, превосходящего их численностью, предпочитали бежать, а не скрываться в крепостях. Большинство сохранившихся фортификационных сооружений восходило ко временам империи и, находясь долгое время в небрежении, изрядно обветшало.

— В таком случае можешь присоединиться ко мне. Я выезжаю через час. Беру с собой всех, кто способен держаться в седле.

— Отец?

Юсиф взглянул на сына. Он прекрасно понимал, чего желает мальчишка, но ему хотелось, чтобы тот высказал просьбу вслух.

— Можно, я тоже поеду? Если поедет Мегелин.

Валиг вопросительно посмотрел на Радетика, и учитель сказал:

— Я не возражаю, если не возражаешь ты.

— Отправляйся собирать вещи, сын.

Гарун восторженно умчался прочь.

— Ему пора начинать знакомиться с реальной жизнью, — заметил Радетик.

— Именно поэтому я и разрешил ему ехать. Он обвинял меня в том, что я позволяю Али делать все, что тот хочет. Пусть посмотрит, что Али вовсе не развлекается.

— Насколько ты сможешь укрепить силы Фуада?

— Не очень значительно. Примерно сотни на три людей.

— Этого вряд ли будет достаточно.

— Надеюсь, что моим гонцам повезет.

Два дня спустя Мегелин впервые в жизни увидел Себил-эль-Селиб. Слышал же он о нем вот уже восемь лет и в результате нарисовал себе картину, имеющую весьма мало сходства с реальностью.

— Видишь, как легко уничтожать, — сказал он Гаруну. — Посмотри, что сделал твой дядя. За несколько дней он уничтожил труд многих лет.

Поля были сожжены. Возделанные террасы на горах подкопаны и обрушены. Люди Фуада продолжали заставлять пленников совершать разрушительную работу, провоцируя тем самым защитников крепости на самоубийственную вылазку. Желая приветствовать появление Нассефа большим пожаром, Фуад решил пока сохранить обширный казарменный городок, расположенный к востоку от новой крепости.

Радетик изучал обстановку несколько часов. Затем, отыскав Фуада, он спросил:

— Эль Мюрид здесь?

— Отправился с Нассефом. Проповедует, обращая людей в свою веру. Но семью он оставил здесь. В Новом Замке.

Радетик посмотрел на огромную твердыню.

— Эту крепость нам не взять, но старую — вполне возможно. Но вначале нам надо ее слегка подолбить. Если бы могли найти материал для сооружения осадных машин...

— Фуад нашел нужный материал в казармах.

— До возвращения Нассефа у нас, видимо, совсем немного времени, — сказал он, собрав офицеров валига. — Но мы ничего не достигнем, если не будем пытаться. — Эти люди воевали уже столько времени, что иная жизнь казалась им совершенно чуждой. — Валиг желает, чтобы мы, не очень рискуя, предприняли штурм этих укреплений. В Новом Замке удача нам скорее всего не улыбнется. Он сооружен в соответствии с новейшими требованиями военного искусства и содержится в превосходном состоянии. Совсем иное дело — старый замок. Он и должен стать нашей главной целью.

Мы соорудим все необходимые осадные машины, начиная с катапульт и баллист. Уже сейчас нам следует начать собирать подходящие камни и бревна.

Начнем обрабатывать стену старого замка в нескольких ярдах слева от навесной башни — барбакана. Его пристроили позже, и сооружение ослабило стену.

Я хочу, чтобы одновременно был предпринят целый ряд действий. Во-первых, следует начать тренировки со штурмовыми лестницами, черепахами, таранами и осадными башнями. Начнем со строительства черепах и разместим их как можно ближе к стенам старого замка. Черепахи скроют устье подкопа, который мы поведем к ослабленному участку стены. Землю станем вывозить ночью.

Стратегия осады, разработанная Радетиком, впечатляла. Ее реализация должна была потребовать труда множества людей, включая пленников Фуада. Но по мере того как Радетик излагал свои планы, лица командиров мрачнели все больше и больше. Он хочет, чтобы воины занимались трудом рабов. Такое

занятие было ниже их достоинства. Увидев враждебное выражение на лицах вождей, Радетик сказал:

— Гарун, приведи отца.

Вместо него их принялся убеждать валиг.

Три дня спустя Юсиф нашел Радетика, когда тот инспектировал ход работ.

— Мегелин, сколько времени тебе потребуется, чтобы развалить эту стену? — спросил он. — Время на исходе. Нассеф скорее всего уже в пути.

Валиг говорил очень слабым голосом, создавалось впечатление, что он находится в каком-то трансе.

— Возникли кое-какие проблемы. Мягкая земля заканчивается, не доходя до фундамента башни. Кроме того, я веду подкоп и под Новый Замок. Впрочем, делаю это без особой надежды. Эти стены возводили западные инженеры. Ты только взгляни на их основание.

— Что в них такого особенного?

— Нижняя часть стен сооружена в виде откоса, а не уходит в почву вертикально. Это увеличивает толщину и прочность стены и чрезвычайно затрудняет подкоп.

— Тем не менее, Мегелин, следует торопиться.

— Хорошо, валиг. Мы сделаем все, что возможно. Есть ли вести из Аль-Ремиша?

Юсиф помрачнел еще сильнее. Его изрытое морщинами, обветренное сухое лицо потемнело.

— Гонец вернулся час назад.

Радетик следил за тем, как его спешно построенные катапульты ведут обстрел старого замка. Одна из машин со стоном метнула свой груз в сторону замка. Град камней обрушился на стену, и стена содрогнулась. Один из каменных зубцов зашатался и рухнул вниз. По каменной поверхности во все стороны побежали трещины.

— Может быть, достаточно будет одних осадных машин. Если они будут работать, конечно. Итак, выкладывай скверную новость. Что сказал Абуд?

— Абуд сказал, что мы должны прогнать Нассефа с побережья. Это был практически приказ.

— Он предложил что-нибудь полезное? Какую помощь он намерен нам оказать?

— Никакой помощи и никаких дельных советов. Обыкновенный приказ.

Радетик внимательно посмотрел на Юсифа. Лицо валига от отчаяния приобрело серый оттенок.

— Это — начало конца, Мегелин. Остается надеяться лишь на то, что ты здесь сможешь совершить чудо. Они предоставили нас самим себе.

Радетику показалось, что он нашел выход.

— Ты можешь сделать вид, что вообще не получал никакого послания, — сказал он. — Не должен же ты идти на самоубийство.

— Нет, Мегелин, не могу. Я человек чести, и боюсь, что выходцу с запада этого не понять. Даже человеку, прожившему в нашей среде так долго, как ты. Посмотри на моих людей. Они понимают, что я веду безнадежную борьбу, но тем не менее они все эти годы идут за мной. Они не представляют себе иного пути. Так же, как и я. В свое время я поклялся своей честью, и приказ Абуда не оставляет места для маневра. Я сделаю все, чтобы разбить Нассефа, даже понимая, что это невозможно.

— Гарун, ты слышишь, что говорит отец?

— Да, Мегелин.

Юноша уже давно превратился в тень Радетика, следуя за своим учителем повсюду, наблюдая большими, округлившимися от любопытства глазами за перипетиями осады и укладывая новые познания в кладовые своей безукоризненной памяти.

— Обрати внимание на его слова. Он говорит о цене, которую приходится платить за верность абсолютному и нерушимому долгу. Никогда в будущем не загоняй людей в тот угол, в котором оказался твой отец. И тем более не позволяй никому загнать в угол себя. Юсиф, я уверен, что можно изыскать способ избежать самоуничтожения из-за глупости Абуда.

— Это наш путь, Мегелин. Вернее, мой путь. Я обязан что-то предпринять.

— Разве это не что-то? — спросил Радетик, обводя рукой обе крепости Себил-эль-Селиба. — Разве этого не достаточно? Мы уже истекаем кровью. У нас просто не осталось сил. Юсиф!

Валиг, казалось, вернулся из мгновенного забытья.

— Что? — спросил он.

— У меня создалось впечатление, что ты намерен отправиться через перевал, чтобы встретить Нассефа и принять мученическую кончину в последней битве. Не делай этого. Не приноси бесполезную жертву.

— Мегелин...

— По крайней мере сделай это после того, как завершишь дела здесь. Разве это нарушит дух приказа Абуда? Только глупец оставляет у себя в тылу врага, способного позже захлопнуть ловушку.

— Ты прав, — задумчиво произнес Юсиф. — Ты всегда прав. Я просто плохо соображаю сегодня. Я настолько устал от борьбы и безразличия Абуда, что мне порою хочется ускорить конец.

— Ты обследовал горный проход? Есть ли там теснина, где ты мог бы устроить засаду? Где ты мог бы рушить на него сверху скалы? Это будет наш последний и яркий всплеск сопротивления. Почему ты не хочешь сделать его запоминающимся, не принося себя в жертву?

— Мне нечем тебе возразить.

Валиг ушел, он казался не столь подавленным. Радетик смотрел за тем, как команды, обслуживающие баллисты, начали приводить рычаги машин в боевые позиции. Работа шла медленно и беспорядочно.

— Проклятие, — пробормотал Радетик. — Я отдал бы их всех за одну роту солдат Гильдии.

Откуда-то возник Фуад.

— Не знаю, что ты сказал Юсифу, — произнес он, — но я тебе очень благодарен. Ведь он был готов броситься на собственный меч.

— По правде говоря, ничего особенного я ему не говорил.

— Он сообщил тебе новости?

— Что Абуд не желает нам помогать? Да. Проклятый идиот. Я не сомневался, что Фарид сумеет убедить его послать нам какую-нибудь помощь.

— Кронпринц отныне никого ни в чем не сумеет убедить. Разве Юсиф тебе не сказал? Фарид мертв.

Радетик огляделся наподобие старого кота, подыскивающего себе удобное лежбище. Не найдя ничего подходящего, он уселся на первом попавшемся камне.

— Мертв? Фарид?

Фуад кивнул.

— Ему помогли уйти из жизни? Неужели культ Хариша наконец добрался до него?

Культ пытался истребить все семейство Квесани. Покушения, как правило, заканчивались провалом, но даже эти безуспешные попытки держали королевскую семью в постоянном страхе. Фарид был излюбленным объектом покушений. Ему уже трижды удалось избежать кинжалов убийц.

— Нет, на сей раз это не Хариша. На сей раз Нассеф послал своих специалистов. Он тайно разместил Карима с двумя сотнями Непобедимых в диких местах к северу от Аль-Ремиша. На прошлой неделе они напали на Фарида, когда тот охотился на львов. Это была очень большая охота.

— Печально. Это воистину достойно сожаления. Иногда мне кажется, что Бог в самом деле выступает на стороне Эль Мюрида.

— Ты даже не представляешь, насколько это печально. Они убили не только Фарида. Я же сказал, что это была большая охота. Погибло большинство его братьев, множество его вассалов, несколько военачальников и министров Абуда, а так же валиг Эс Софалы со своими людьми.

— Да защитят нас Небеса. Это же катастрофа!

— Или же подарок Небес Нассефу. Он вырвал сердце Квесани. Ты знаешь, кто остался? Кто стал нашим обожаемым наследным принцем? Ахмед!

— Ахмед? Это имя мне не известно.

— И не без причины. Ахмед — ничтожество. Как бы я хотел тоже не знать его имени. Он типичная баба, если тебя инте-

ресует мое мнение. Я не удивлюсь, если выяснится, что он обожает мальчиков.

— Неудивительно, что Юсиф так мрачен.

— Мегелин? — пропищал Гарун. — Неужели это означает, что все кончено? Дядя Фуад? Мы проиграли войну, потому что плохо смотрели?

— Отлично сказано, Гарун, — печально рассмеялся Фуад. — Думаю, что да.

— Нет, — возразил Радетик. — Война не проиграна до тех пор, пока ты не сдался. Не сдался в своем сердце.

Фуад снова рассмеялся и произнес:

— Великолепные слова, учитель. Слова храбреца. Но против фактов не пойдешь.

Радетик пожал плечами и сказал, обращаясь к Гаруну:

— Пойдем-ка лучше посмотрим, как они заряжают вон ту катапульту.

Когда они подошли, команда готовила осадную машину к пробному выстрелу. Радетик наблюдал за тем, как воины запалили связку хвороста, уложили его в метательную чашу и отправили пылающий снаряд за стену Нового Замка.

— Там начнется пожар, Мегелин? — спросил Гарун.

— Скорее всего нет. Но это вынуждает их нервничать.

— В таком случае зачем вести стрельбу?

— Битвы выигрываются в умах людей, Гарун. Именно это я имел в виду, когда сказал твоему дяде, что ничего не кончено до тех пор, пока ты не капитулировал сердцем. Меч не единственное оружие, способное нанести урон врагу.

— О! — На лице Гаруна появилось выражение, которое появлялось лишь в тех случаях, когда он хотел запомнить слова на всю жизнь.

Прошло два дня, а Нассеф так и не появился. Мегелин всем существом ощущал то презрение, которое изливалось на них с побережья. Нассеф не считал их опасным противником.

И он получил жестокий урок.

Мегелин послал за Юсифом, который вскоре и появился с сияющим видом. Видимо, он обрел внутренний мир.

— Я намерен сейчас развалить стену, — сказал Радетик. Он подал сигнал рукой, сопроводив его словами: — Фуад, подготовь людей. Так, как мы репетировали.

Фуад пробормотал нечто неодобрительное и отбыл. В долине развернулась бешеная деятельность, вскоре принявшая форму урагана — витязи Фуада готовились к штурму.

Осадные орудия перестали обрабатывать старую крепость. Стены ее еще держались, но могли вот-вот рухнуть.

Команды, обслуживающие машины, развернули осадные сооружения и поволокли их в сторону Нового Замка.

Прошел час. Юсиф начал проявлять нетерпение.

— Когда же наконец что-нибудь произойдет? — спросил он.

Радетик показал на клубы дыма, поднимающиеся из трещин в основании стены.

— Когда делается подкоп, под его крышу подводятся деревянные крепи. Когда все готово к штурму, камера под стеной заполняется хворостом и поджигается. Крепи выгорают и стены рушатся. Ага. Вот оно, началось.

Раздался жуткий скрежет. Трещины вдруг начали расширяться, и со стены посыпались обломки камней. Потом кусок стены длиной в двадцать футов совершенно неожиданно вертикально осел, почти целиком уйдя в землю.

— Превосходно! — ликующе воскликнул Радетик. — Просто великолепно! Фуад! — заорал он. — Вперед! В атаку! — И, обернувшись к Юсифу, добавил: — Следи за Новым Замком, чтобы не допустить вылазки.

На разгром старой крепости потребовалось менее четырех часов, что даже принесло некоторое разочарование. Там оказалось слишком мало защитников.

Теперь Радетик, не теряя времени, сосредоточил все свое внимание на Новом Замке Эль Мюрида. Едва пришла весть о захвате старой крепости, как тут же поступило сообщение о том, что в горном проходе замечена колонна воинов противника. Юсиф по предложению Радетика распорядился устроить засаду.

Медлительность и слабость отряда, присланного Нассефом, лишний раз подчеркивали его презрение к Эль Асваду. Сам

Бич Божий явиться не соизволил, послав лишь Эль Надима с двумя тысячами зеленых, почти не обученных новобранцев с побережья. Юсиф вырезал их всех до последнего.

Сам же Нассеф появился спустя четыре дня. Он привел с собой двадцать тысяч человек, и ему потребовалось восемь дней на то, чтобы поменяться с Юсифом ролями и окружить Эль Асвад.

Осада Восточной Твердыни продолжалась тридцать месяцев и четыре дня. И она дорого обошлась врагу, на что, собственно, и надеялся Юсиф. Эль Кадер, командующий осадой и почти такой же талантливый военачальник, как сам Нассеф, просто ничего не мог сделать с Юсифом. Враждебное окружение и непрестанные болезни опустошали его лагерь. Самое мощное оружие Эль Кадера — голод, не успело проявить себя, так как Нассеф не имел возможности достаточно долго держать армию вдали от побережья, на котором находился сам.

После первых успехов под Эс Суанна и Сук аль Арба дела его пошли значительно хуже. Густонаселенное и богатое побережье тянулось узкой полосой на четыре сотни миль. И здесь на побережье оказалось слишком много городов, жители которых относились к высокой миссии Эль Мюрида без всякой симпатии.

Кроме того, там был Тройес.

Получилось так, что прежде чем покорить свой собственный народ, Эль Мюриду пришлось вести войну с другим государством.

Тройес захватывал земли откровенно и нагло, и Эль Мюрид посчитал такую экспансию политически недопустимой. Патриотические чувства, которые порождали у других действия Тройеса, вынуждали его к действию.

Потребность в дополнительных силах на этом фронте заставила Нассефа снять осаду Эль Асвада. Там он оставил лишь тысячу человек под командованием Карима, поставив перед ними задачу не подпускать Юсифа к Себил-эль-Селибу.

Как только представилась возможность, Юсиф возобновил все связи с соседями и роялистами, которые разделяли его взгляды. Золотая Жила Казр аль Хелал снова заработала. Наиболее

доверенные знакомые и друзья Мегелина Радетика пустились в тайные переговоры на западе.

Тем не менее защитники Восточной Твердыни уже начали капитулировать в своих сердцах.

Юсиф стоял у парапета обдуваемой всеми ветрами стены. Он внимательно смотрел на клубы дыма в небе примерно в двадцати милях к югу от Эль Асвада. Валиг знал, что это горит кустарник, подожженный Фуадом, для того чтобы загнать отряды Карима в ловушку. Гарун отбыл вместе с дядей, чтобы использовать в бою свое волшебное искусство шагана.

Со времени снятия осады мальчишка стал приносить войску огромную пользу и теперь повсюду сопровождал дядю. Его учителя утверждали, что Гарун одарен величайшей магической силой. Сами они уже давно обучили его всему, что знали, исчерпав свои возможности, а у юноши все еще оставались большие резервы для совершенствования.

Валиг увидел скачущего с северо-запада всадника. Еще одно слезливое послание Абуда? Но Юсиф и не пошевелился, чтобы узнать, в чем дело.

Его царствующий кузен в последнее время вносил в жизнь своих вассалов поистине царские осложнения. Его пустые, шумные, не имеющие под собой никакого реального основания эдикты ни на йоту не могли изменить сложившуюся ситуацию.

Спустя несколько минут к Юсифу присоединился Радетик. Он был мрачен. Мегелин все больше и больше уходил в себя, по мере того как положение Эль Асвада становилось менее и менее прочным.

— Еще один приказ одержать немедленную победу? — спросил Юсиф.

— Нет. На сей раз это скорее просьба. Похоже, он начинает осознавать, что происходит. Наконец-то, после стольких лет. Видимо, Нассеф вдруг перестал быть всего лишь бандитом, поскольку выяснилось, что он способен воевать против Тройеса.

— Что? — обернулся к нему Юсиф. — Неужели ты хочешь сказать, что Абуд способен на что-то позитивное? Неужели он готов воспринять нас более серьезно? Боюсь, что он опоздал.

— Совсем немного. Если и опоздал, то чуть-чуть. Абуд снова нанял сэра Хоквинда и посылает его к нам.

— Сэр Хоквинд? Но почему Абуд обратился к помощи наемников?

— Он не объясняет. Может быть, просто потому, что больше не к кому. Гонец утверждает, что переговоры велись с момента смерти принца Фарида. Три года! Хоквинд колебался. Но Абуд, похоже, сумел убедить генералов Гильдии и внес порядочный залог. Кроме того, он установил большие цены за поимку или за головы Эль Мюрида, Нассефа, Карима и некоторых других. Сэр Хоквинд уже в пути.

Юсиф принялся расхаживать по стене.

— Сколько человек? — наконец спросил он.

— Не знаю. Но как сказал гонец — силы значительные.

— Достаточные для того, чтобы изменить ситуацию?

— Сомневаюсь. И ты и я понимаем, что таким победам, как при Вади Эль Куф, больше не бывать.

— Но почему он не хочет направить королевские войска?

— Полагаю, что в королевском стане дела обстоят не так просто. Некоторые валиги просто отказываются посылать своих людей в этот дьявольский котел. Они предпочитают сидеть и ждать, когда к ним пожалует Эль Мюрид. Похоже, что если он и хотел бы кого-нибудь послать, то это могли быть только наемники. Так что в данной ситуации он избрал наилучший путь.

— Но этого недостаточно, — сказал Юсиф, ударив кулаком по выветренным камням парапета.

— Согласен. Недостаточно, — ответил Радетик, вглядываясь в дым горящего вдали кустарника. — Гарун там?

— Да. Фуад говорит, что у мальчишки все хорошо получается. Есть ли еще новости? Ты выглядел весьма уныло, когда здесь появился.

Радетик немного подумал, а затем ответил:

— Убит принц Хефни.

— Жаль. Вновь Хариша?

— Да.

Хефни оставался последним сыном Абуда, если не считать Ахмеда. И он во всем походил на своего брата Фарида. Ходили

слухи, что Абуд хотел видеть своим наследником именно Хефни и оказывал давление на Ахмеда, чтобы тот отрекся в пользу брата.

— Похоже, что еще немного, и семейство Квесани будет полностью истреблено.

— Валиг...

— Прошу, Мегелин, не сообщай мне больше дурных вестей, — медленно оборачиваясь, произнес Юсиф. Боюсь, что я не смогу выдержать того, что ты собираешься мне сказать.

— Мне не хочется говорить, однако я должен это сделать. Сейчас или позже.

Юсиф долго молча смотрел на далекий пожар. Наконец он сказал:

— В таком случае выкладывай сразу. Я не желаю предстать тряпкой перед глазами других.

— Твои сыновья Рафи и Юсиф... Они были убиты при нападении на Хефни. Проявили себя с самой лучшей стороны.

Эти двое, согласно широко распространенной практике в знатных родах, вот уже несколько лет находились в Аль-Ремише при королевском дворе.

— Вот, значит, как... Теперь у меня остались лишь Али и Гарун.

Юсиф отвернулся и уставил невидящий взгляд куда-то вдаль. Глаза валига стали влажными, видимо оттого, что их коснулся прилетевший издалека клуб дыма.

— Отвернись от меня, учитель. Не смотри, — сказал Юсиф.

Радетик повернулся к нему спиной. Мужчина имеет право на одиночество в тот момент, когда не может сдержать слез.

Спустя некоторое время валиг сказал:

— Абуд не сможет выдержать этой потери и обязательно совершит какую-нибудь глупость.

Эти слова прозвучали так, словно сам Юсиф молил о помощи. Его слова относились вовсе не к Абуду.

— К сожалению, я никогда не мог контролировать поведения других, — пожимая плечами, произнес Радетик.

— Я, пожалуй, пойду сообщу все их матери. Хотя душа не лежит, но делать это надо.

Мегелин нервно потоптался, подумал немного и наконец принял решение.

— Прежде чем уйдешь, взгляни на это, — сказал он, протягивая Юсифу листок, на котором были начертаны имена, титулы и линиями обозначены родственные связи. По существу, это была схема, показывающая кто есть кто в Хаммад-аль-Накире.

— Порядок наследования?

Вот уже десять лет Юсиф тайно учился читать и уже умел разбирать простые тексты. Особенно удавались ему имена.

— Да.

— Ну и что?

В каждой знатной семье имелись такие генеалогические древа. Они были незаменимы для установления старшинства в роде и для различных судебных тяжб.

— Позволь мне, — сказал Радетик, расстилая схему на камне парапета и извлекая из кармана уголек для письма. — Начнем с того, что вычеркнем имена людей, которых среди нас больше нет.

Его рука превратилась в подобие руки самой смерти, вычеркивая из списка все новые и новые имена.

— Неужели так много? — с горечью спросил Юсиф. Я и представить себе не мог. Ведь это ужасно.

— Теперь тебе все ясно?

— Истребляют самых лучших людей.

— Да. Но я хотел, чтобы ты увидел совсем иное.

Юсиф склонился над схемой, а затем немного отодвинулся — его глаза начали слабеть.

— Теперь я увидел, — сказал он голосом даже более печальным, нежели ранее. — Совершенно неожиданно я стал третьим в ряду наследников трона. Если что-то случится с Ахмедом...

— Некоторые из наших самых преданных друзей могут постараться ускорить его встречу с Ангелами.

Кронпринц унаследовал все недостатки отца, не приобретя при этом его достоинств — достоинств, которые делали Абуда всеми уважаемым королем в ранние годы его правления. Его

не терпели все. А некоторые в своей ненависти даже утверждали, что Ахмед является тайным приверженцем Эль Мюрида.

Жизнь кронпринца перестала стоить и ломаного гроша, после того как пошатнулось здоровье Абуда. Действующие за сценой политики Аль-Ремиша были готовы добиваться «отречения» Ахмеда даже с помощью кинжала.

— А если исходить из тех генеалогических построений, которых придерживаются у вас, то Али является четвертым, а Гарун пятым в линии наследования. Фуад идет шестым, а за ним следуют его сыновья.

— Мегелин, я знаю твой образ мышления. Ты всегда предлагаешь загадку в два уровня. У тебя на уме нечто большее, чем ты мне говоришь. Давай выкладывай. Я не в том настроении, чтобы заниматься интеллектуальной гимнастикой.

— Ну хорошо. Если под злыми ударами судьбы твоя семья погибнет — скажем, во время осады, — наследование перейдет к родственникам Квесани, живущим на западе страны. А если быть более точным, то к некоему Мустафе аль Хабибу, который сейчас, по-видимому уже глубокий старик.

— И что же?

— Этот старец — отец известного тебе мятежника по имени Нассеф.

Юсиф схватил схему и принялся всматриваться в нее снова и снова.

— Проклятие! Ты прав. Как случилось, что этого никто не заметил раньше?

— Да потому, что это не очевидно. Мустафа аль Хабиб — далекий и никому не известный родственник короля. А Нассеф хитер, как Властелин Зла, придуманный Эль Мюридом. Все его шаги легко объяснимы в рамках служения Ученику. С какой стати вдруг кто-то увидит угрозу с этой стороны? Готов биться об заклад на любую сумму, что Эль Мюрид даже и не подозревает, что Бич Божий может стать королем.

— Нет, Мегелин. Нет. Этого не должно случиться. Кто-то обязан прикончить Нассефа. Он гораздо опаснее самого Эль Мюрида.

— Не исключено. Он все решает на ходу. Незадолго до Вади Эль Куф Эль Мюрид был готов натравить на него Хариша. А спустя всего шесть месяцев Нассеф уже обрел власть над Непобедимыми.

— Что же, я заготовил сюрприз для них обоих. Он их настолько поразит, что им потребуется полгода только на то, чтобы осмыслить случившееся. Это может настолько напугать Нассефа, что он перестанет воевать на востоке. — Юсиф коротко хохотнул и спросил: — Когда, по-твоему, должен прибыть сэр Хоквинд?

— Не имею понятия. Он, видимо, уже в пути. Но от Высокого Крэга путь сюда не близкий.

— Надеюсь, что это произойдет скоро. Очень надеюсь.

Глава 9

КАК ВЫЗРЕВАЮТ СОЛДАТЫ

Высокий Крэг был древней, обдуваемой всеми ветрами каменной громадой, расположенной на изрядно побитом морем и погодой небольшом полуострове.

— Врата Ада, — выдавил Браги, хватая воздух широко открытым ртом — его учебная команда совершала марш-бросок вверх по склону холма в направлении крепости.

Вот уже три месяца они с братом были полностью во власти безжалостных ветеранов. Только очень редкие моменты жизни принадлежали им.

Правда, здесь они нашли нового друга. В их роте он был единственным, кто говорил по-троллединги. Все остальные изъяснялись только на итаскийском языке. Себя он называл Рескирд Драконоборец. При этом он имел привычку добавлять: «Это был совсем крошечный дракончик, но с ним связана та еще история». Хотя Рескирд почти никогда не затыкал фонтан своего красноречия, эту «ту еще историю» он никогда

не рассказывал. Парень был родом из Яндрфира — небольшого городка на побережье Троллединги как раз напротив архипелага, именуемого Языки Пламени. Он был настолько болтлив, насколько был молчалив Хаакен.

— Вот уж нет, — ответил Драконоборец на замечание Браги. — Преисподняя отсюда выглядит очень даже привлекательно.

— Эй, вы там! Прекратить болтовню! — послышался рев сержанта Сангинета. — Поберегите дыхание, варвары! Или я заставлю вас пробежаться еще разок.

Драконоборец прибыл на юг прошлым летом на борту пиратского корабля. В период борьбы за наследование рейды были крайне редким явлением. Где-то на траверсе Лебианнина, неподалеку от берега итаскийская боевая галера протаранила борт троллединского судна, и Рескирд оказался единственным, кому удалось спастись. Нужда заставила его быстро выучить порядки южных народов.

— Ну и жалкая же у тебя еще пока поросль, Торк, — бросил сержанту ветеран-привратник, глядя на вбегающих в крепость Гильдии юнцов.

— Ничего, Анди, время для прополки еще осталось, — ответил Сангинет.

Вот уже три месяца в рядах новобранцев шла безжалостная прополка, и в этих целях как тела, так и дух рекрутов доводились до состояния полного изнеможения.

— Вичард уже почти готов, — пробормотал Рескирд, увидев, как споткнулся бегущий перед ним молодой итаскиец.

Браги в ответ пробурчал что-то невнятное. Он и Хаакен отлично переносили муштру. Жизнь в Троллединги оказалась для них отличной школой. Хаакен вообще чувствовал себя почти как дома. Точная организация военной жизни как нельзя лучше отвечала складу его натуры. Браги же ощущал себя не столь комфортно. Ему не нравилось отвечать: «Так точно, сэр!», «Никак нет, сэр!», и образ жизни «Делай, раз! Делай, два!» его не устраивал.

— Мы вытащим его. У парня есть характер, — прошептал Браги. Рагнарсон, несмотря на все его возражения, был назна-

чен рекрутом-капралом, отвечающим за свое отделение. Браги подозревал, что сержант просто нашел еще один способ поизмываться, хотя сам сержант утверждал, что выбрал Рагнарсона только потому, что тот орет громче всех остальных.

Помывшись и побрившись, они строем направились в столовую для новобранцев. Прием пищи был тем редким моментом, когда юноши могли расслабиться и поговорить.

Хаакен пребывал в дурном расположении духа.

— Ты хочешь свалить, Браги? — спросил он.

— Свалить откуда?

— Из Гильдии.

Рекрут был свободен уйти, как только почувствует, что такая жизнь не для него. Любой член Гильдии имел право ее покинуть. Однако те, кто ухитрился пережить период дрессировки и прошел церемонию приема, крайне редко выходили из братства. Предварительная прополка проводилась весьма тщательно.

Цитадель не желала иметь под своим командованием слабых телом или духом людей.

— Да ни за что, будь я проклят! Осталось всего шесть дней. Я закончу учебу, даже если мне придется ходить на руках.

Название «Гильдия» получило широкое распространение, несмотря на то что не совсем точно отражало сущность организации. Это была вовсе не гильдия, а содружество или братство воинов, связанных словом чести, дисциплиной и бесконечным числом военных уложений. В организации присутствовали элементы монашеского ордена, хотя она не поклонялась ни небесным, ни земным властителям. Это было королевство, впитавшее с себя десятки других королевств, его подданные происходили из бесконечного числа стран. Подданные Гильдии отвергали верность кому-либо, кроме своих братьев по оружию.

Гильдией управлял Совет из девяти генералов. В свое время они вступили в организацию простыми рекрутами и достигли своего положения только в силу личных заслуг. Одним из основных принципов организации было полное пренебрежение происхождением своих членов, и это воздвигало барьер между Гильдией и всем остальным миром. Среди рядовых там

можно было встретить принца, а сын фермера мог заседать в Цитадели.

Гильдия обладала просто феноменальным политическим влиянием. Судьбы монархий зависели от того, согласится ли или нет Высокий Крэг встать на их сторону. Орден был очень богат. Его услуги стоили недешево. Частенько Гильдия принимала в оплату земли и бенефиции и обладала недвижимостью по всему миру. Если старцы в Цитадели выражали недовольство, то короли и князья стремились побыстрее выяснить, кто или что их могло оскорбить. Другой столь могущественной элиты, как Гильдия, в мире больше не существовало. Братство обладало огромной притягательной силой для честолюбивых молодых людей, желающих стать большим, чем они есть. Даже простая принадлежность к Гильдии возвышала человека над своими современниками. Это означало, что он является лучшим из лучших.

В братстве также присутствовали и элементы мистического культа. В братстве было семь кругов. Для посвящения в каждый следующий круг необходимо было пройти сложный курс обучения. Так что девять генералов, заседающих в Цитадели, были, вне всякого сомнения, воистину просвещенными людьми.

Такое могущество и секретность не могли не вызвать разговоры, что подлинная сущность и настоящие цели организации известны только старикам-генералам в Цитадели.

В этом утверждении, видимо, была доля истины, но никто открыто не выступал против солдатского братства, никто не пытался его преследовать.

Браги, Хаакену и Рескирду было наплевать на то, как другие относятся к Гильдии. Их сердца наполнились гордостью с того момента, когда они впервые вступили за ворота Высокого Крэга. Еще шесть дней и они станут полноправными членами братства.

— Куда, как вы думаете, нас направят? — спросил Рескирд.

Однако сразу после ужина их отправили прямиком в казармы, где их возбужденные товарищи обсуждали совершенно беспрецедентное событие. Одновременно они начищали до блеска свои доспехи и сапоги. Сержант Сангинет был просто одержим идеей чистоты.

— Мне все равно, куда пошлют, — ворчал Хаакен. — Лишь бы выбраться из этой помойки. Готов поставить золотой против медяка. Это место — точная копия ада.

— Думаешь, нам повезет? — не отставал Рескирд, приглаживая свои роскошные каштановые волосы, которые почему-то всегда отказывались лежать как следует.

— А вдруг мы попадем в какую-нибудь знаменитую часть? — продолжал Рескирд. — Ведь мы же в числе лучших.

Драконоборец совсем не походил на уроженца Тролледингии. Он был высоким, но довольно худощавым молодым человеком с изящными, как у женщины, руками. Рескирд выглядел типичным итаскийцем.

— К Хоквинду? К Лаудеру? В Белую дружину? — бубнил он.

— У Вичарда есть шанс попасть в Белую. Если мы сможем помочь ему продержаться до выпуска. Просто оторопь берет, когда видишь его умение обращаться с луком.

— Нас направят в другие части, — проворчал Хаакен. — Хоквинд и Лаудер не берут к себе зеленых новичков вроде нас.

— А я ставлю на отряд в Симбалавейне, — сказал Браги. — Именно оттуда исходит угроза войны.

— Это же еще южнее! — запротестовал Хаакен. — А лето в самом разгаре.

— Что касается меня, — начал Рескирд, — то я готов поцеловать Сангинета в зад, лишь бы он откомандировал меня в Октилию. — Отряд телохранителей князя Сардиго Октильского состоял исключительно из тролледингцев, солдат Гильдии.

В помещении казармы возникла фигура демона не менее девяти футов ростом и семи футов в плечах.

— Целуй меня куда хочешь, парень, — прорычала фигура, — но я все же надеюсь избавиться от тебя еще до дня вручения щитов.

— Молчим, молчим! — поспешил заявить Браги, для которого появление сержанта явилось полной неожиданностью.

— А если мне это не удастся, то ты, Драконоборец, получишь назначение выгребать дерьмо из всех нужников этого проклятого замка.

Рескирд вовсе не испугался. Подобные слова в устах сержанта звучали чуть ли не похвалой.

Сангинет принялся изучать небольшое помещение казармы, отведенное отделению Браги. Он совал пальцы во все щели, испытывал прочность подвесных коек. Сержант старательно изыскивал недостатки, но не мог найти ничего, что могло позволить ему взгреть новобранцев.

— Рагнарсон! — наконец прорычал он.

— Слушаю, сэр!

— Ты что, парень, решил надо мной поиздеваться?

— Прошу прощения, сэр. Я не понял, сэр.

— Ты ведешь со мной какую-то грязную игру, парень! У тебя всегда все в порядке. Возможно, мне придется изменить правила, — со зловещей улыбкой закончил сержант.

В этот момент двери приоткрылись и в образовавшейся щели появилась голова капрала Трубачика.

— Сержант! — позвал он. — Вас желает видеть Старик. Говорит, что прибыть надо было еще вчера.

— Что теперь?

— Прибыл очередной гонец. Похоже, что все решено. Он ждет слова из Цитадели.

— Да провались все в преисподнюю! — проревел сержант. — Слухи подтверждаются. А мы увязли с этими зелеными несмышленышами.

Демон покинул помещение, а следом за ним в коридор выползли и его ученики.

— Интересно, о чем это они? — спросил Браги.

Хаакен и Рескирд в ответ лишь пожали плечами.

— Браги, нам надо дать ему возможность во что-нибудь вцепиться, — произнес Драконоборец. — Он пускает пену, потому что не может отыскать никаких недостатков.

— Ни за что. Мне его игры не нравятся. Но пока я здесь, я буду играть в них лучше, чем он. А если по совести, то весь этот рык — сплошная показуха. Отец вел себя точно так же. Бьюсь об заклад, что как только мы получим щиты, эта твердая задница сразу помягчеет.

— Хм-м-м! — выразил свое мнение Хаакен.

Слухи носились в воздухе, как голуби, вспугнутые во время завтрака. Старцы в Цитадели якобы согласились принять крупный заказ. Муштровавшие новичков командиры не отрицали этого, но, впрочем, и не подтверждали. Говорили, что рота новобранцев тоже будет задействована. Унтера этого не отрицали, но и не подтверждали. О характере соглашения выдвигались разнообразные версии, в том числе и самые фантастические. Сангинет и Трубачик, видимо, знали правду, но ничего не говорили. Сержант побледнел и громыхал даже больше, чем обычно. Программа подготовки была изменена и новобранцы теперь в основном учились как можно лучше владеть оружием и зубрили боевые сигналы.

— Нас тоже пошлют, — рассуждал Браги, набив брюхо. — И сержант ожидает, что драки не миновать. Видимо, это будет не тот враг, который поднимает лапки, едва узнав, что Гильдия вступила в дело.

Хаакен, соглашаясь, буркнул что-то невнятное, а Рескирд заметил:

— Он жуть как боится.

— И я его за это не осуждаю, — пробурчал Браги. — Его жизнь будет зависеть от нас. А мы еще ни разу не участвовали в битве.

— Ему следует больше верить в свои педагогические способности.

— А ты разве не испугался бы, окажись на его месте?

— Нет, — пожимая плечами, ответил Рескирд. — Никогда не узнаешь, на что способен человек, пока не посмотришь на него в деле. А ведь мы единственные из всех новичков, кому довелось участвовать в настоящих схватках.

До самого вечернего построения им так ничего и не сказали. Когда солдаты — как новобранцы, так и ветераны — построились на плацу, к ним обратился какой-то полковник из Цитадели. Он подтвердил, что заключено соглашение о службе, в которой примет участие тысяча человек. Командовать соединением будет генерал Хоквинд. Деталей предстоящего похода он не сообщил, видимо, из соображений безопасности. В заключение полковник призвал всех братьев, не участвую-

щих в предстоящей операции, поминать отряд Хоквинда в своих молитвах.

— Хоквинд! — восхитился Рескирд. — Ну и везет же нам! Первый поход, и сразу же под командованием великого мастера! Вы слышали, что он сотворил в прошлом году под Балевином? Разгромил всю армию Кистена, имея в своем распоряжении всего пятьсот человек!

— Ну да, — буркнул Браги. — Ты забыл сказать, что это было пять сотен лучших бойцов из его полка и из Белой дружины.

— До чего же ты похож на Хаакена... Ужас просто! А что скажешь о битве под Вади Эль Куф? Пятнадцать тысяч врагов осталось валяться в поле. Он не проиграл ни единой битвы.

— Рано или поздно наступает первый раз... — пробурчал Хаакен.

— Не верю я тебе. Как ты думаешь, когда мы выступаем?

В тот же вечер по казарме пронесся слух о том, что новобранцы закончат учебный курс. Им оставалось еще пять суток ада.

— Вот тебе и поход на войну, Рескирд, — прошептал Браги, когда был потушен свет. — Еще посидишь по уши в этом... сам знаешь в чем. Учись получать удовольствие от полосы препятствий.

Первая регулярная рота выступила в поход через два дня, чтобы воссоединиться с Хоквиндом где-то на юге. По казарме пронесся слух, что роте новобранцев придется догонять ветеранов в пути. У многих рекрутов физиономии помрачнели. Марш предстоит тяжелый. Окончание учебы, судя по всему, облегчения не сулило.

— Да вы же все молодые люди, — веселился капрал Трубачик. — И, как я слышал, пребываете во цвете сил. Вы их догоните, даже шагая спиной вперед.

За следующие несколько дней Браги произнес очень мало слов. Он молча терпел муштру и тупо повторял многочисленные упражнения с оружием. Хаакен наконец не выдержал и спросил:

— С тобой все в порядке? Ты уверен, что не хочешь откланяться и распрощаться с этим местом?

— Нет. Раз я начал, то закончу. Мне просто становится не по себе от мысли, что мы можем погибнуть в каком-то совершенно неизвестном нам месте.

Им так и не сказали, куда их направляют.

Браги не воспринимал все разговоры о Гильдии как о братстве единомышленников. Он, бесспорно, испытывал чувство товарищества по отношению к солдатам своего отделения или роты. Выработка такого отношения являлась неотъемлемой частью всей программы обучения. Он бок о бок прошел сквозь Ад с этими людьми, и они все научились полагаться друг на друга. Но по большому счету принадлежность к Гильдии совершенно не трогала Браги. Заветы чести братства оставались ему чуждыми, а сам факт пребывания в Гильдии не рождал никакой гордости. И это его серьезно беспокоило. Эти материи, казалось, имели огромное значение как для его командиров, так и для товарищей. Именно эти понятия превращали Гильдию в то, что она есть.

Он изо всех сил пытался думать так, как надо. Но это было то же самое, что заставить себя спать. Результат оказывался совершенно обратным.

Время, казалось, остановилось, но День Щита все-таки наступил. Все великие старцы — прославленные генералы — спустились вниз из Цитадели, чтобы проинспектировать новобранцев и произнести речи. Их выступления, к всеобщему удовольствию, оказались на удивление краткими. Кастелян ордена — высший чин из всех присутствующих — принес свои извинения за то, что новобранцы не смогут воспользоваться положенным им после окончания традиционным отпуском.

Затем пришел черед финальной церемонии, в ходе которой каждому новоиспеченному члену Гильдии вручался щит рядового пехотинца. Для этой цели молодым воинам приходилось выходить из строя. Щиты тех, кто особенно отличился в ходе обучения, были украшены лентой. Браги получил ленту за то, что его отделение во время инспектирования было признано лучшим.

Награда эта ввела его в ужасное смущение. Он заспешил в строй, а его товарищи скалились по-волчьи. Глядя на ленту и

щит, он вдруг ощутил, как к его горлу вдруг подкатился комок, а сердце преисполнилось небывалой гордостью.

— Проклятие, — пробормотал он. — Все-таки они и меня достали.

— Подъем, парни! И вперед на врага! — ревел капрал Трубачик, стаскивая одеяла с юных пехотинцев. — Наступает еще один день славы для вашего непревзойденного отделения! Вставайте, вставайте! Порядок вам известен. Построение роты через полчаса. — Он выскочил из двери, чуть подкрутив фитилек лампы, чтобы та ярче горела.

— Будь все проклято! — не выдержал Рескирд. — Оказывается, все осталось по-прежнему. А я так надеялся, что нам дадут выспаться.

Браги промолчал. Взяв мыло и бритву, он заковылял в туалет. Ему казалось, что голова набита соломой, а настроение было просто отвратным. Он молча побрился и умылся, игнорируя все шуточки по поводу ленты.

— Становись! — орал на весь плац Трубачик. — Командиры взводов! Доложить!

Взводные сержанты, сделав оборот кругом, зычно потребовали доклады от командиров отделений. Браги, не подсчитывая, доложил о том, что присутствуют все. Еще ни случалось такого, чтобы кто-нибудь из его отделения не являлся на построение.

Значительно больше занимали его люди, толпящиеся за спиной Сангинета. Почему они там? И кто они такие?

Через пару минут он узнал ответ, и сердце у него упало. Топчущиеся рядом с сержантом типы оказались ветеранами, назначенными командирами отделений. В глубине души он вопреки очевидности надеялся сохранить этот пост за собой.

Отделение за отделением, получив нового капрала, покидало плац. Отряд Браги попал под команду маленького жилистого итаскийца по имени Бердсонг, который и повел их к интенданту. Он ничего не говорил, наблюдая за тем, как интендант меняет износившееся или поврежденное за время учебы обмундирование. Каждый солдат получил по дополнительной паре сапог.

— Не нравится мне это, — ворчал Рескирд. — Лишняя обувь означает одно — кто-то полагает, что мы сотрем много подошв.

Браги покосился в сторону Бердсонга. Маленький капрал улыбался, и от улыбки его усы двигались, став похожими на рыжеватых гусениц.

После интендантов наступил черед оружейников. Они поменяли новобранцам учебное оружие на боевое. Каждый солдат получил нагрудник. Браги и Хаакену пришлось дважды выдержать спор с оружейником, который жаждал отнять у них мечи, принесенные из Троллединги. В конфликт пришлось вмешаться Бердсонгу, который понимал значение наследственных клинков.

— Но они же не соответствуют стандартам! — протестовал оружейник.

— Зато в конечном итоге выиграет твой бюджет, — парировал Бердсонг.

Конец дискуссии.

Затем последовали еще две остановки. В кухне, где солдаты получили полевой рацион (Рескирд застонал, увидев, как много харча придется тащить на себе), и у казначея, где протест Рескирда никак не проявился.

Отдельные члены Гильдии большого вознаграждения не получали, во всяком случае, оно не шло ни в какое сравнение с тем, что платили солдатам других армий. Их главной наградой был сам факт принадлежности к братству. Но на сей раз старцы из Цитадели решили выплатить молодым солдатам существенную компенсацию за неиспользованный отпуск. Кроме того, каждый из них получил аванс в размере месячного жалованья, что было обычным при отправлении в поход.

И вот наступило время снова собраться на плацу. Пока остальные отделения проходили установленную процедуру, Бердсонг решил получше познакомиться со своими людьми. Сам он производил впечатление слегка важничающего, но тем не менее весьма смущенного и не совсем уверенного в себе человека. Короче говоря, он ничем не отличался от любого другого, получившего неожиданно для себя командный пост.

— Похоже, что он мне может понравиться, — шепнул Браги Хаакену.

Хаакен равнодушно пожал плечами, но зато Рескирд пообещал устроить капралу веселую жизнь, так как, по его мнению, командиром отделения должен был остаться Браги.

— Только попробуй. Я тебе шею сломаю, — сказал ему Браги.

Сангинет возвратился на плац верхом. За ним пешим ходом следовали Трубачик и другие унтеры, которые занимались боевой подготовкой роты. На них красовались новые перевязи и значки, говорившие о повышении по службе. Сангинет был произведен в лейтенанты.

— Становись! — прогремел голос сержанта Трубачика. — Мы выступаем!

Через пять минут, когда солнце едва-едва успело показаться над линией горизонта, марш начался.

Это было еще круче, чем во время учебы. От рассвета до заката. Сорок—пятьдесят миль ежедневно, питаясь лишь вяленым мясом, сухими фруктами да обжаренным зерном и утоляя жажду тепловатой водой. Лишь изредка удавалось полакомиться свежими фруктами, купленными у попадающихся на пути фермеров. Кормиться «с земли» запрещалось, за исключением диких лесов, где позволялось хватать все, что можно. Солдаты Гильдии не грабили население даже ради того, чтобы прокормиться. Их научили считать себя людьми благородными и презирать дикарское поведение солдат обычных армий.

Драконоборец не прекращал ворчать. Обычаи на севере были диаметрально противоположны.

Так дни текли за днями, а мили за милями. Солдаты шагали все дальше и дальше к югу во все более и более жаркие земли. Расстояние между ними и ротой ветеранов сокращалось, но догнать ее они, похоже, были не в состоянии.

К юго-востоку от Хэлин-Деймиель к ним присоединилась какая-то конная часть. Поднятая копытами пыль заполняла легкие, от нее першило в горле, и появлялась болезненная корка на запекшихся, растрескавшихся губах.

— Не нравится мне все это, — ворчал Хаакен, когда они, дошагав до очередного пересечения дорог, свернули на восток. — Там, куда мы премся, как я знаю, вообще ничего нет.

— А мне не нравится эта вшивая свобода, которую я вроде бы обрел, получив этот проклятый щит, — ворчал в свою очередь Рескирд. — Ну ничего, у меня есть кое-какие планы.

— Ты талдычишь это, наверное, в сотый раз. Если у тебя нет новой песни, то лучше уж помолчи.

— Мы справимся, парни, — сказал Браги. — А одержав победу, станем героями. — Он рассмеялся, хотя ему было вовсе не смешно. Этим утром Сангинет отдал приказ, согласно которому отделению Бердсонга в случае битвы отводилось место в центре передовой линии.

Сделав это распоряжение, Сангинет добавил с широкой ухмылкой:

— Вы отлично зарекомендовали себя, господа. Вы упорно трудились и теперь пришло время получать награды.

Таким образом, Браги усвоил еще одно фундаментальное положение военной службы: чем эффективнее и лучше ты действуешь сейчас, тем больше от тебя ожидают в будущем. Награды и благодарности либо приходят слишком поздно, либо служат той морковкой, которая заставляет старого мула волочить тяжелую поклажу.

Браги не был трусом. Он вообще мало чего боялся. Но страсти своего отца к битве Браги не унаследовал и не рвался в первые ряды воинов, чтобы оказаться там, где пламя боя пылает ярче всего.

— Но в этом деле есть и светлая сторона, — заявил Рескирд. — В то время как остальные парни будут надрываться, роя траншеи и разбивая лагерь, мы станем прохлаждаться в передовом дозоре.

— Ха! Та еще светлая сторона! — бросил Браги. Ему тоже было лень заниматься физическим трудом, однако пребывание на передовой линии, по его мнению, было не самым лучшим занятием.

Бердсонг искоса поглядывал на них через плечо. Его усы шевелились, вновь став похожими на рыжих гусениц. Когда

Браги в очередной раз огрызнулся, капрал рассмеялся и сказал:

— Вы знаете, есть такая присказка: «Брюзжащий солдат — счастливый солдат».

— В таком случае Рескирд самый счастливый придурок в мире, — пробурчал Хаакен. — Вроде поросенка, забравшегося в помои по самые уши.

— Каждое правило имеет исключение, — фыркнул Бердсонг.

— Куда мы шагаем, капрал? — спросил Браги.

— Мне этого пока не сказали. Но мы свернули на восток, а там нет ничего, кроме укреплений на границе с Сахелем.

— Сахель? А что это такое?

— Это внешние районы Хаммад-аль-Накира, что в переводе означает Пустыня Смерти.

— О... Звучит просто потрясающе!

— Тебе она понравится. Самое что ни на есть забытое Богом место в мире.

— Вам там приходилось бывать?

— Я был под Вади Эль Куф вместе с генералом. Тогда тоже шли этим путем.

Браги обменялся взглядом с братом.

— Ха! — радостно завопил Рескирд и принялся без умолку болтать о славных победах Хоквинда.

Браги и Хаакену довелось слышать рассказы ветеранов об этой битве. Она вовсе не была тем пикником, которым ее рисовал в своем воображении Рескирд.

Им все-таки удалось догнать пехотную роту ветеранов. Это случилось в дневном переходе от укрепленного городка, именуемого Казр аль Хелал. Ветераны встретили молодежь широкими ухмылками. Оказывается, они нарочно шагали так, что их трудно было догнать.

Хоквинд и остальные части полка поджидали их в Казр аль Хелале. Кроме того, там оказалось несколько караванов, надеявшихся безопасно проскользнуть в Хаммад-аль-Накир под прикрытием полка Наемников. В городке находились и две сотни воинов-роялистов, которые должны были служить провод-

никами солдатам Гильдии. Браги и Хаакену эти люди пустыни показались ужасно странными.

Хоквинд позволил им отдохнуть сутки в Казр аль Хелале, после чего безумный марш возобновился. Браги скоро понял, почему им выдали дополнительную пару сапог. Ходили слухи, что им предстоит протопать восемь сотен миль до места, именуемого Восточная Твердыня. На самом деле расстояние не превышало пятисот миль, но и это было совсем не мало.

Марш начался неторопливо. Всадники пустыни скакали далеко впереди колонны. Солдаты шагали, готовые в любой момент вступить в бой. Примитивные туземные жители все как один оказались фанатичными приверженцами главного врага, которого называли Эль Мюридом.

Но туземцы в битву так и не вступили. Более того, солдаты Гильдии их даже не увидели. И вообще за двадцать семь дней марша по пустыне местные жители встречались им крайне редко.

В ходе марша Хоквинд ни на минуту не забывал и о боевой подготовке, постоянно проводя разнообразные учения. Теперь за полком тянулся огромный обоз, серьезно замедляя движение. Следующие в обозе повара и рабочие существенно облегчали солдатам тяготы воинской службы, но Хоквинд всеми силами старался держать вспомогательные силы как можно дальше от боевых частей, дабы первые не повлияли на дисциплину последних. В обозе царил сущий хаос по сравнению с порядком, принятым в Гильдии.

Глазам молодых северян изо дня в день открывался один и тот же ландшафт — голая, выжженная, каменистая пустыня.

— Нет, я, наверное, никогда не смогу к этому привыкнуть, — сказал Браги.

— А меня эти места пугают, — признался Хаакен. — Все время кажется, что я вот-вот дойду до края мира и упаду куда-то.

— Однако, если кто-нибудь попытается на нас напасть, мы это увидим, — произнес Браги, пытаясь найти светлую сторону в однообразии ландшафта.

Он оказался прав лишь частично. На двадцать седьмой день пути от Казр аль Хелала Рескирд вдруг завопил:

— Ага, Хаакен, плати!

— Что?

— Караванщики потянулись к нам, а это означает битву. — С этими словами Драконоборец указал на всадников и верблюдов, ранее следовавших на изрядном расстоянии от колонны и теперь несущихся, подобно гонимым ветром осенним листьям, поближе к солдатам.

— Выходит, что ты, как последний щенок, проспорил ему свое месячное жалованье? — спросил Браги, глядя на Хаакена.

Примерно час назад разнесся слух, что к ночи они должны прибыть на место назначения, и Хаакен тут же принялся похваляться, как надул Рескирда, уговорив его поставить месячное жалованье на то, что им придется вступить в бой еще до прихода в Восточную Твердыню.

— Непобедимые не могут быть так близко к замку, — ворчал Хаакен. — Это невозможно.

— Они преградили нам путь к Твердыне, — заявил Рескирд, — и нам предстоит прорываться с боем. Так что давай раскошеливайся. Плати сейчас, Хаакен. Ведь если тебя убьют, мне ничего получить не удастся.

— Заткнись! Чего раскаркался?

— Будь поосторожнее со словами, Рескирд, — поддержал брата Браги.

На гребне лежащих на пути колонны холмов появились всадники, издали совершенно неотличимые от караванщиков. Погарцевав на фоне неба и изучив обстановку, они скрылись за грядой.

Хоквинд остановил полк. После короткого совещания офицеры разошлись по подразделениям, и уже через несколько минут Браги и его товарищи бегом кинулись занимать отведенное им место в боевом строю. Тяжело вооруженные пехотинцы расположились длинной, но не широкой линией. На обоих флангах пехоты разместились туземные кавалеристы. За линией пехотинцев рассыпались лучники. А в центре — также за линией пехоты — готовилась к бою тяжелая кавалерия. Конники облачались в латы и приводили в порядок скакунов. Обозники разместили фургоны кольцом, которое в случае отступления должно было служить крепостью.

Бердсонг окинул взглядом своих подчиненных и сказал:

— Смотритесь, парни, отлично. Это ваше первое дело. Так покажем лейтенанту, на что мы способны. — Сангинет не уставал твердить, что им только с бабами и воевать. — Сомкнуть щиты. Копья на изготовку. Третья шеренга, подготовить дротики.

Браги смотрел на гряду холмов и волновался, хватит ли ему отваги. Мужчина не должен сражаться таким образом...

Из-за вершины холма выскочили всадники и понеслись на солдат Гильдии. Стук копыт напоминал отдаленный и непрерывный раскат грома. Браги скорчился за щитом, ожидая приказа выставить вперед пику. Он заметил, что некоторые его товарищи уже колеблются, будучи уверены в том, что не смогут выдержать удар конного вала.

Лавина всадников рассыпалась и часть их поскакала к флангам. Стрелы коротких седельных луков стали колотиться о щиты, пересекаясь в полете с тяжелыми длинными стрелами лучников Гильдии. Лошади ржали, люди посылали проклятия и издавали крики боли. Потерь со стороны Гильдии Браги пока не заметил.

Одна стрела пробила щит Браги, и примерно полдюйма ее высунулось с внутренней стороны. Другая, отскочив от шлема, вызвала в задних рядах изумленные проклятия, а его самого заставила пригнуться.

Земля продолжала дрожать, и на Браги сыпалась пыль. Всадники, как бы в издевку, скакали туда-сюда в каких-то тридцати ярдах от строя.

Не в силах преодолеть любопытство, он чуть-чуть высунулся из-за края щита. В то же мгновение в шлем ударила стрела. Удар был настолько силен и точен, что шлем стукнул его по лбу, а сам Браги потерял равновесие и плюхнулся на задницу, отведя в сторону руку со щитом. В образовавшуюся брешь тут же влетела еще одна стрела и вонзилась в ногу Браги с внутренней стороны бедра.

— Проклятие, — пробормотал он, еще не ощутив боли, — дюймом выше и...

Хаакен и Рескирд чуть сдвинули щиты, сузив брешь, а их товарищ из второго ряда занял место Браги. Чьи-то руки схватили Рагнарсона и поволокли спиной вперед. Уже через секунду он клял что есть сил весь мир, сидя в ногах у лучников.

— Отправляйся-ка к фургонам, парень! — прокричал один из них.

Не успел он проковылять и половины пути до обоза, как схватка закончилась. Враг попытался опрокинуть фланги отряда, но дружественная туземная кавалерия сумела его остановить. Послышались звуки труб. Пехота расступилась, и в образовавшиеся проходы Хоквинд повел готовую к атаке тяжелую кавалерию. Враг бежал, исчезнув за грядой холмов так же быстро, как и появился. Люди хорошо помнили Вади Эль Куф и не имели ни малейшего желания снова встретиться с закованными в железо воинами.

Нападавших было не более пятисот человек, хотя их дикая, неорганизованная атака показалась Браги долгим и бурным приливом взбесившегося океана. Встретив более дисциплинированного и превосходящего их числом врага, всадники пустыни ограничились тем, что провели разведку боем. Но даже несмотря на это, перед линией обороны полка осталось валяться несколько дюжин трупов. Потери Гильдии составили всего четыре человека, среди которых оказался и Браги.

Браги сел, привалившись спиной к колесу фургона и проклиная себя за глупость, из-за которой пострадал. Ведь ему всего-навсего нужно было держать голову ниже, как его учили.

— Некоторые негодяи готовы на все, лишь бы не шагать пешком.

Браги поднял глаза, стиснув зубы. Рана теперь болела что надо.

Сангинет опустился рядом с ним на одно колено.

— А я мог бы и догадаться, что ты будешь тем, кого зацепят первым. Дай взглянуть. — Он осмотрел рану и добавил: — А ведь совсем рядом, не так ли? Впрочем, ничего страшного. Теперь ты понимаешь, что мы орали на вас не без причины. Надеюсь, что сегодня ты многому научился, — с улыбкой сказал Сангинет, положив ладонь на плечо Браги. — Однако ты

отделался легко. Я пришлю к тебе хирурга, несколько стежков положить все-таки надо. Оставшийся путь проедешь в фургоне. Когда хирург уйдет, найдешь повозку, в которой сможешь бросить свои кости.

— Лучше я пойду пешком, сэр. Не хочу отставать от отделения.

— Ты сделаешь так, как тебе сказано, сынок. Я знаю, что тебе лень искать повозку, но лень — не достаточное основание для того, чтобы терять ногу.

— Сэр?..

— Это приказ, Рагнарсон. Не усугубляй свою дурь еще одной глупостью.

Сангинет сегодня говорил с Браги не как сержант учебной команды, а как член Гильдии со своим товарищем по оружию. Теперь они оба состояли в одном братстве.

Во второй половине дня, когда полк начал затяжной подъем по склону к Восточной Твердыне, Бердсонг отпустил Хаакена и Рескирда навестить приятеля. Они сняли его с полевой кухни, которую он выбрал в качестве транспорта, чтобы он мог посмотреть на крепость.

— О боги, — пробормотал он. — Такая здоровенная!

— Они называют ее Восточной Твердыней, — пояснил Рескирд. — Стоит здесь вроде как бы восемьсот лет или что-то около того, и все время к ней делаются пристройки.

Браги огляделся по сторонам. И как только люди Хаммадаль-Накира могут обитать в таких диких местах?

Весь гарнизон замка выстроился для торжественной встречи Наемников. На солдат Гильдии в полном молчании смотрели темноглазые, смуглые люди. Носы многих из них смахивали на ястребиные клювы. Гарнизон Твердыни состоял из немолодых, обожженных солнцем и обветренных ветеранов. Браги, всем своим существом ощущая на себе их презрение, изо всех сил старался не хромать.

Если что-то и могло произвести впечатление на воинов пустыни, так это габариты Браги. Он был на несколько дюймов выше и на пятьдесят фунтов тяжелее самого крупного из них.

Детей Браги заметил очень мало, а женщин не увидел вовсе.

— И это называется встречей спасителей? — проворчал Браги. — Старики рассказывали совсем другое. Где цветы? Почему не слышно приветственных криков? Где готовые броситься на шею девицы? Хаакен, я точно знаю, что мне это место не понравится. Мне на похоронах приходилось видеть более веселых людей.

Хаакен неодобрительно повел плечами. Он целиком и полностью разделял мнение брата.

Колонна, пройдя через ворота, вступила в пределы крепости, которая и при ближайшем рассмотрении оказалась такой же унылой и спартанской, как и ее защитники — сушь, пыль да разнообразные оттенки коричневого цвета. Уныло-коричневого. Роты выстроились одна за другой на огромном плацу. За построением с внутренней стены внимательно наблюдала группа людей.

— Это, наверное, те ребята, которые нас наняли, — высказал предположение Браги, посмотрев на них. Вожди ничем не отличались от своих воинов. С его точки зрения, это было весьма странно.

— Я готов отдать все, что мне задолжал Хаакен за две вещи. Во-первых, мне хотелось бы посмотреть хотя бы на одно дерево. И во-вторых, увидеть улыбку на одной из этих рож, — пробормотал Рескирд.

Группа наблюдателей спустилась со стены и подошла к Хоквинду. Время тянулось страшно медленно, и в отличие от него Браги хотелось убежать отсюда как можно быстрее. Он насытился по горло этой пустыней и мечтал лишь о галлоне пива и о мягком лежбище.

Но вот началось какое-то шевеление. Коноводы увели лошадей. Солдаты передовой роты потекли через внутренние ворота. Браги еще раз с тоской осмотрел крепость. Он очень сильно сомневался, что в этой проклятой Твердыне сыщутся маломальски сносные казармы.

Одна за другой роты исчезали во внутренних воротах. И вот пришел черед новобранцев. Какой-то тощий юнец из местных подошел к Сангинету и что-то коротко сказал. Лейтенант обернулся к подчиненным и проревел команду. Рота перестроилась и двинулась к воротам.

Казармы оказались даже хуже, чем предполагал Браги. Две сотни человек набились в помещение, в котором могли разместиться максимум семьдесят. После отбоя лишь змея смогла бы проскользнуть в комнату или выбраться из нее. Браги старался не думать о тех ужасающих последствиях, которые могут возникнуть, если прозвучит сигнал тревоги.

Даже офицеры и унтера втиснулись в эту переполненную клетку.

Проклятия и ворчание постепенно стихли. Рескирд жаловался на то, что ему не хватает места даже для того, чтобы как следует выругаться.

Их юный переводчик произнес:

— От имени отца я приношу глубочайшие извинения за это помещение. Вы пришли раньше, чем вас здесь ждали. Большинство наших воинов отсутствуют, сражаясь с войсками Ученика. Вы перейдете в более приемлемые комнаты, как только они будут готовы. Некоторые смогут сделать это уже завтра. Ваш командир и мой отец сейчас совещаются, разрабатывая дальнейший порядок действий. Переброска тех, кто будет размещен вдали от Твердыни, начнется немедленно.

Он говорил по-итаскийски хотя и с заметным акцентом, но все же гораздо лучше, нежели Браги или Хаакен.

Его взгляд пересекся с взглядом Браги, и оба молодых человека посмотрели друг на друга с немым изумлением. У обоих был такой вид, словно они узрели нечто совершенно необычайное. Браги отвел глаза и потряс головой, как бы отгоняя наваждение.

— В чем дело? — спросил Хаакен.

— Не знаю. Это было так, будто я увидел... Нет, не знаю. — Он действительно не знал, но у него почему-то возникла уверенность, что этот худощавый смуглый юноша сыграет в его жизни очень важную роль.

Хаакен был заинтригован. Его глаза ожили так, как не оживали вот уже несколько месяцев.

— У тебя такой странный вид, Браги... Что случилось?

— Какой еще вид?

— Да тот, что появлялся у мамы, когда ее посещало видение.

Браги фыркнул. Он скептически относился к разговорам о том, что мать якобы способна заглядывать в будущее.

— Если бы она умела предвидеть, Хаакен, то мы с тобой здесь бы не оказались.

— Почему бы и нет? Она вполне могла об этом знать, но нам не сказала, так как изменить ничего не могла. Разве не так?

— Дерьмо весь этот треп. Мама просто изображала из себя колдунью, чтобы напугать людей, которые ее не слушались. Она все это нарочно придумала, Хаакен.

— Ты что несешь? Ты же лучше всех знаешь, что это не так!

— Эй вы, Рагнарсоны, заткнитесь! — рыкнул Сангинет. — Или по крайней мере говорите по-итаскийски, чтобы и остальные могли сказать свое слово.

Браги залился краской и, отведя взгляд от худого лица молодого человека, посмотрел в сторону лейтенанта. Но его взор как будто сам собой обратился на юношу. И снова им овладела внутренняя дрожь. Молодой человек, судя по всему, испытывал точно такие же ощущения. По всему было заметно, что он пытается восстановить душевное равновесие. Любопытно. Может быть, он все-таки что-то унаследовал от своей матери?

— Меня зовут Гарун бин Юсиф, — произнес юноша. — Мой отец — валиг Эль Асвада. У себя вы называли бы его герцогом. Пока вы будете здесь, я останусь с вашей ротой и буду служить переводчиком, а также... этим... связываться. Я не знаю, как сказать, — добавил он, глядя на Сангинета.

Лейтенант в ответ лишь пожал плечами. Итаскийский не был его родным языком.

— Связным, — подсказал сержант Трубачик.

— Да-да. Связным. Теперь я вспомнил слово. Если у вас возникнут проблемы, требующие контактов с нашими людьми, обращайтесь ко мне. Особенно если возникнет спор. Мы принадлежим к очень разным культурам, и не исключено, что мои соплеменники кажутся вам такими же странными, как и вы им. Но мы должны встать плечом к плечу против Ученика...

— Бла, бла, бла... — пробормотал Рескирд чуть-чуть громче, чем следовало. — Тройное ура в нашу честь! Почему бы ему не сказать, что такого особенного в этом Эль Мюриде.

До них тут же долетел медоточивый голос милейшего капрала Бердсонга:

— Четыре наряда вне очереди, Драконоборец. А если не угомонишься, получишь еще.

Изумленный Рескирд мгновенно захлопнул рот.

— Я и мой учитель Мегелин Радетик — я познакомлю вас с ним позже — единственные, кто здесь говорит по-итаскийски. Если потребность общения будет очень настоятельной, то вы можете попытаться говорить на языке Хэлин-Деймиеля. Многие наши люди ходили с караванами и знакомы с этим наречием. Но прошу вас говорить медленно и проявлять при этом терпение.

— Есть вопрос! — Хаакен поднял руку. — Где здесь можно выпить?

— Имеется цистерна, — ответил Гарун и, с удивленным видом обернувшись к Сангинету, что-то негромко спросил. Выслушав пояснения последнего, молодой человек снова повернулся лицом к солдатам: — Употребление спиртных напитков не разрешено. Наша религия это запрещает.

Послышалось довольно громкое недовольное ворчание.

— Ну и дела! — проорал кто-то. — В какую дыру нас притащили? Ни баб, ни выпивки! Только жара да пыль... Чистая преисподняя! Из-за нее мы должны рисковать жизнью?

Молодой человек, казалось, был обескуражен. Он обернулся к Сангинету, ища поддержки.

Браги дернул за рукав Хаакена, тот в свою очередь взял стоявшего рядом с ним самого горластого крикуна за плечо и крепко сжал. Горлопан мгновенно умолк.

— Если будут проблемы, обращайтесь ко мне или Гаруну, — вступил в дело сержант Трубачик. — А сейчас вольно! Располагайтесь. Лейтенант предлагает вам побродить по крепости, чтобы лучше с ней ознакомиться. Распоряжения по службе последуют завтра. Все!

— Вы как хотите, а я намерен побродить, — заявил Рескирд. — Здесь так тесно, что дрожь бьет. Но и подрожать как следует не выходит — места нет.

— Точно. Пошли, Хаакен, поищем этого Гаруна. Мне хочется с ним потолковать.

На то, чтобы выбраться из казармы, им потребовалось десять минут, и молодой человек успел куда-то исчезнуть. Поэтому братья поднялись на стену и внимательно осмотрели голую, выжженную солнцем землю, удивляясь тому, что кому-то понадобилось ее защищать.

Хаакен, сам того не желая, произнес пророческие слова:

— Я буду драться только ради того, чтобы как можно скорее убраться отсюда.

— Он там, внизу, — сказал Браги, заметив Гаруна. — Пошли.

Но они снова его упустили.

Так началась их первая боевая миссия в качестве солдат Гильдии.

Глава 10

БИТВА НА СОЛЕНОМ ОЗЕРЕ

С вечера Эль Мюрид засиделся допоздна, обсуждая ход военных действий на побережье.

У него ужасно болели ноги, и просыпаться в такую рань настроения не было совершенно.

— В чем дело? — чуть ли не закричал он настойчиво расталкивающему его рабу. — Если это какой-нибудь пустяк, то берегись... Выкладывай!

Раб испуганно со всхлипом втянул в себя воздух. После разгрома под Вади Эль Куф характер Ученика стал еще невыносимее.

— Властелин, — раб, торопясь изложить суть дела, заговорил так быстро, что смысл слов улавливался с трудом. — Господин Мауфакк Хали настаивает на немедленной встрече с вами. Он только что вернулся из патрулирования и не желает ждать.

Эль Мюрид, сердито глядя на раба, пробормотал:

— Хали... Хали... — это имя у него не ассоциировалось ни с каким лицом.

— Мауфакк Хали, Властелин. Старший Хали. Непобедимый.

Раб смотрел на него очень странно. Казалось, его поразило то, что Владыка не мог припомнить столь важного посетителя.

— Ну хорошо. Введи его. И если это окажется лишь очередной мелкой сварой между регулярной армией и Непобедимыми, я прикажу распять на кресте вас обоих. — Поманив пальцем второго раба, он приказал: — Одежду!

Эль Мюрид еще одевался, когда в опочивальню вступил, нахмурив подобно мрачному вестнику судьбы брови, воин. Эль Мюрид сразу узнал его. Это был один из его любимцев среди Непобедимых. Один из наиболее преданных ему людей.

В то же время, как знал Ученик, Хали занимал одно из высших мест в иерархии культа Хариша.

— Мауфакк, брат мой! Рад видеть тебя снова.

Хали замер, не дойдя несколько шагов до ложа.

— Умоляю простить меня, Властелин, — сказал он. — Я не осмелился бы беспокоить тебя по причине меньшей, нежели катастрофа.

Улыбка замерла на растрескавшихся, пересохших губах Эль Мюрида.

— Катастрофа? Что теперь?

— Слухи подтвердились. Абуд снова нанял Хоквинда.

У Эль Мюрида заныло под ложечкой. Он изо всех сил старался не показать овладевшего им страха. Хоквинд уже отхлестал его как дворняжку под Вади Эль Куф и теперь внушал ужас. Ученик не мог вспоминать о нем без содрогания.

— Хоквинд? — прохрипел он.

— Я видел их своими глазами, Властелин. Когда я вел Четвертый между Эль Асвадом и Большим Эргом, разведчики донесли о появлении крупного отряда иностранцев. Я напал на них силами батальона. Произошла короткая схватка, они отогнали нас так, как отгоняют назойливых мух.

Эль Мюрид сглотнул. Перед мысленным взором возникли разрозненные хаотичные картины битвы под Вади Эль Куф. Ученик потерял способность трезво мыслить.

Хали воспринял молчание как терпеливое ожидание продолжения.

— Их, Властитель, примерно тысяча, включая большой отряд тяжелой кавалерии. За воинами следует огромный обоз. Все говорит о том, что они готовы к продолжительной кампании. Мои патрули следили за ними до их вступления в Эль Асвад, но никакой дополнительной информации получить не удалось. Их колонну прикрывали лучшие кавалеристы Абуда. Надеюсь, что наши агенты в Восточной Твердыне предоставят нам более точные сведения.

Эль Мюрид был просто не в состоянии воспринять эту новость. Наконец он прокаркал:

— Это *действительно* был Хоквинд? Ты уверен?

— Я сражался под Вади Эль Куф, Властелин, и еще не забыл цвета его знамен.

— Так же как и я, Мауфакк. Так же как и я. — Шок, вызванный известием, начал постепенно проходить. — Итак, Абуд струсил настолько, что пригласил чужеземцев. Но чего он так испугался? Может быть того, что Бич Божий геройски сумел поставить заслон хищным поползновениям Тройеса?

— Думаю, что дело не в этом, Властитель. Полагаю, что король жаждет мщения, — с нажимом произнес Хали, как бы давая понять, что его слова имеют дополнительный скрытый смысл.

— Неужели у Абуда появилась какая-то новая причина желать нам зла? Ведь у него постоянно было лишь одно желание — сохранить навсегда свою династию Тьмы.

— В этом-то и вся суть, Властелин. Династии больше не будет. После смерти Фарида единственным наследником остается Ахмед. Как наши друзья, так и роялисты считают, что Ахмед и трон — две вещи несовместимые — как неудачная шутка.

— Фарид умер? Когда это произошло?

— Уже давно, Властитель. Операцию провел сам Карим.

— Так, значит, это дело наших рук? Карим? И его послал Бич Божий? — До него доходили какие-то туманные слухи. Интересно, почему они держали в тайне эту малоприятную новость? — Что же еще делает Нассеф? И что еще мне не сообщили?

— Он истребляет семейство Квесани, Властелин. Используя для этой цели главным образом Непобедимых. Но очевидно, он считал Фарида слишком важной фигурой и поэтому, не доверяя никому, подослал к нему убийцу из своего окружения.

Эль Мюрид отвернулся, для того чтобы скрыть гнев в отношении Нассефа и отвращение, которые вызывали у него интриги Хали. Непобедимые ненавидели Нассефа. Они целиком и полностью соглашались с роялистами, считавшими Нассефа бандитом.

— Бич Божий сейчас находится где-то у Тройеса, и у него нет времени вникать в детали.

— Это задача Непобедимых, Властелин. Армия не должна вмешиваться в наши дела.

— Неужели ты боишься остаться без работы, Мауфакк? При всей моей ненависти к Абуду, его уничтожение не стоит первым в списке тех дел, которые нам предстоит свершить.

— Властелин...

— Ваше братство не останется в стороне. Уверяю, для Непобедимых найдется работа. Эль Надим сейчас где-то внизу. Найди его и пришли ко мне.

— Как прикажешь, Властелин, — разочарованно произнес Мауфакк. Вначале он хотел еще раз возразить против того, что подручным Нассефа поручаются столь важные дела, но затем передумал и предпочел откланяться.

Эль Мюрид поднялся на ноги. К нему подбежал слуга и протянул руку, как бы предлагая помощь. Ученик от помощи отмахнулся. Он знал, что оправиться окончательно ему не суждено. Вади Эль Куф состарил его раньше срока.

Ярость захлестнула его горячей волной. Юсиф! Хоквинд! Они украли у него молодость. Годы не смогли смягчить его злобы. Он их уничтожит. Теперь оба врага собрались в одном и том же месте. Все яйца в одной корзине. Он был терпелив, и Творец вознаградил его за это. Орел нанесет удар с небес и поразит жертву.

Один сокрушительный удар. Единственное героическое усилие, и пустыня обретет свободу. На этот раз он не испытывал сомнений в участи Эль Асвада. Война с Тройесом значения не имела.

Ногу обожгла боль. Поврежденная когда-то лодыжка так до конца и не зажила. Он вскинул руки, чтобы удержать равновесие, и это вызвало боль в сломанной под Вади Эль Куф руке. Эль Мюрид застонал. Почему его кости не заживают и не прекращают болеть?

Слуга успел подхватить его, прежде чем он упал, и повел к трону.

— Нет, — сказал Эль Мюрид. — Отведи меня к жене. И пусть Эль Надим придет туда же.

Мириам приняла его из рук слуги, подвела к огромной подушке и помогла улечься.

— Опять раны?

— Да. — Он привлек ее к себе и долго, долго не отпускал.

— Ты опять сердился, не так ли? Когда ты сердишься, они всегда болят сильнее.

— Ты чересчур хорошо меня знаешь, женщина.

— Что случилось на сей раз?

— Ничего. Все. Слишком много. Свары между армией и Непобедимыми. Нассеф опять своевольничает. Абуд послал наемников на помощь Эль Асваду.

— Не может быть!

— Да. Тысячу человек. Под командованием Хоквинда.

— Того самого?

— Да, того, кто был под Вади Эль Куф. Некоторые утверждают, что он самый выдающийся тактик нашего времени.

— Следовательно, нам грозит опасность?

— Ну конечно! — выпалил он. — Неужели ты полагаешь, что Юсиф, обладая таким оружием, им не воспользуется?!

Его страх вырвался наружу сильнейшей дрожью. Глубинный, скрытый страх лежал в основе его ярости. Для того чтобы исчезли сомнения, ему нужны были помощь и утешение.

— Где дети? — спросил Эль Мюрид. — Мне необходимо повидать детей.

Когда появился Эль Надим, Ученик уже успокоился.

Генерал внешне выглядел самым заурядным обитателем пустыни. Его прошлое, впрочем, как прошлое всех остальных подручных Нассефа, вызывало подозрение. Среди Непобеди-

мых ходили слухи, что начинал он как заурядный грабитель, но зато потом скатился до самых гнусных преступлений. Для Эль Мюрида этот человек оставался загадкой. В отличие от прочих из окружения Нассефа, талантом полководца он не блистал, и, кроме того, — если верить тайным докладам — был фанатично верующим человеком. Тем не менее он оставался любимцем Нассефа, и тот поручал ему дела, где требовалось не воображение, а слепая преданность и точность исполнения.

— Вы вызывали меня, Властитель?

— Садись, — сказал Эль Мюрид, внимательно вглядываясь в посетителя. — У меня для тебя есть дело.

— Слушаю, властелин.

— До тебя, наверное, долетела новость, что король послал Наемников в Эль Асвад?

— Ходят всякие слухи, Властитель... Говорят даже, что командует ими Хоквинд.

— Это правда, — сказал Эль Мюрид, и его лицо исказилось от очередного приступа боли. — Тысяча Наемников плюс Хоквинд. Уверен, что ты понимаешь всю опасность?

Эль Надим кивнул и проговорил:

— Сейчас, когда Бич Пустыни сражается с этим треклятым Тройесом, для валига наступил очень удобный момент.

— Я хочу побить Юсифа в его собственной игре. Хочу выступить и нанести удар первым.

— Властитель, боюсь, что...

— Не надо. Мне все твои доводы известны, и я обдумывал их с момента получения известия. Лучше скажи мне вот что: сколько человек мы сможем собрать, если отзовем патрули, снимем гарнизоны из Себил-эль-Селиба, призовем необученных рекрутов и вооружим рабов, готовых сражаться в обмен на свободу?

— Три тысячи. Возможно — четыре. В основном пеших. Без лошадей они ничего не смогут сделать с пехотинцами Гильдии.

— Да, видимо, так. Сколько у нас опытных конников?

— Не более трети от общего числа, Властитель. Кроме того, гарнизоны здесь в основном состоят из стариков.

— Верно. Бич Божий постоянно стремится забрать к себе самых лучших защитников Себил-эль-Селиба. Теперь ступай. Не забудь отозвать разведчиков и всех тех, кто в данный момент участвует в налетах. Посмотрим, сколько человек мы сможем собрать.

— Вы все-таки настаиваете на походе, Властитель?

— Нет, на походе я не настаиваю, но возможность его выяснить желаю. Не будем принимать никаких решений, пока не узнаем, сколько человек встали под наши знамена. А теперь иди...

— Как прикажете, Властитель.

Когда Эль Надим вышел, Мириам подошла к мужу.

— Ты полагаешь, что это мудрое решение? Когда ты в прошлый раз не послушался своих военачальников...

— У меня нет намерений игнорировать их советы. Просто я хочу их расшевелить. Да, я выдвигаю предложения. Но если они, опираясь на свой опыт, увидят грядущую катастрофу, то я уступлю.

— Ты жаждешь опозорить Юсифа и Хоквинда так же, как они когда-то опозорили тебя. Разве не так?

Эль Мюрид был потрясен. Эта женщина умеет читать мысли. Она сумела заглянуть в глубину его сердца и увидеть истину, в которой не смел признаться даже самому себе.

— Ты действительно меня знаешь чересчур хорошо, — сказал он.

Мириам улыбнулась, прижалась к нему и прикоснулась щекой к его щеке.

— Разве может быть по-иному? Ведь мы же вместе выросли.

— Как бы я хотел отдохнуть от моих трудов, — с улыбкой произнес Эль Мюрид.

— «Пока зло не дремлет, мы не имеем права отдыхать». Разве не эти слова произнес Ученик, вернувшись домой после того, как его Дело получило сокрушительный удар? Не сдавайся и сейчас.

Эль Надим приблизился к Малахитовому Трону, отвесил поклон и посмотрел на охраняющих Ученика Непобедимых.

— Я собрал всех до последнего человека, Властитель, — доложил он с каменным лицом.

— И сколько же их?

— Три тысячи восемьсот. Мы можем получить еще пару тысяч, если дождемся гарнизонов из ближайших городов побережья, куда я направил гонцов. Но боюсь, что они присоединятся к нам слишком поздно. Балиг не станет ждать, когда мы завершим нашу подготовку. Он постарается использовать свою мощь как можно скорее.

Эль Мюрид посмотрел на Мауфакка Хали. Тот кивнул. Он не смог обнаружить никаких недостатков в действиях Эль Надима, а ведь Мауфакк был великим мастером по обнаружению недостатков.

Эль Надим даже глазом не моргнул, ничем не выдав, что знает: за каждым его шагом следят.

— Ну и как ты оцениваешь мое предложение? — спросил Эль Мюрид.

— Оно полностью осуществимо, Властитель. — Эль Надим не мог скрыть изумления — хозяин увидел возможность военной победы там, где ее не смогли увидеть его генералы.

— Вопрос в том, Властитель, насколько быстро станет действовать валиг.

— А как наши люди? Ведь нам пришлось собрать самое отребье. Выстоят ли они в битве?

— На это сможет ответить только битва, — пожал плечами Эль Надим. — Но я ответа страшусь.

— Мауфакк?

— Вы требуете от нас слишком много. У наших людей есть вера, но нет уверенности в себе. Только скорый и очевидный для всех успех удержит их под нашим знаменем.

Эль Мюрид слез с трона и проковылял к раке, в которой хранился амулет, дарованный Ангелом. Ученик бережно взял и поднял его над головой. Сияние камня заполнило весь зал.

— На этот раз, друзья, вместе с нами по врагу ударит и небесное пламя. Вади Эль Куф не повторится.

Он прочитал в их взглядах сомнение. И недовольство. Ни Эль Надим, ни Хали не хотели видеть его в рядах войска. Они

опасались, что он окажется не помощником, а обузой. Им не довелось видеть спектакля, разыгравшегося много лет назад в оазисе аль Хабиб. Для них амулет был не реальностью, а символом, ничем пока не доказавшим своей практической полезности.

— Вади Эль Куф больше не будет, — повторил он. — А я не стану вам обузой. Я не стану отменять ваши приказы или вмешиваться в ход боевых действий. Я буду еще одним рядовым солдатом. Еще одним видом оружия.

— Как пожелаете, Властитель, — ответил Эль Надим без всякого энтузиазма.

— Значит, мы решаем выступать? — спросил Эль Мюрид.

— Властитель, нам предстоит либо встретить их здесь, либо совершить неожиданный маневр и получить таким образом преимущество.

— В таком случае хватит болтать. За дело!

Это было совершенно дикое место. Здесь в свое время вдоволь порезвился Хаос, усыпав склоны холма опасными, грозящими обвалом грудами камней. Эль Надим остановил войско у восточного края белоснежной равнины, которая в древние времена была соленым озером. Дорога на Себил-эль-Селиб ползла вдоль его южного берега. Военачальник приказал разбить лагерь.

Затем вместе с Учеником, Хали и телохранителями Ученика он проехал вперед, чтобы осмотреть соленую котловину. Оценив обстановку, он сказал:

— Вы правы, Властитель. Это прекрасное место, чтобы их встретить.

Эль Мюрид слез с седла, присел, послюнявил палец, прикоснулся им к соляной поверхности и поднес к языку.

— Так я и думал, — сказал он. — Добыча не ведется, потому что соль никудышная. В ней есть яды.

На мгновение в нем проснулись воспоминания детства, но он тотчас прогнал их прочь. Сын торговца солью был совсем иным существом, человеком, с которым он просто делил свои воспоминания.

Эль Мюрид оглядел окрестность. Холмы оказались не такими высокими, какими они вставали в его памяти, да и растительность на них была очень чахлой. Котловина выглядела чересчур привлекательной для западной тяжелой кавалерии. Он поделился своими сомнениями.

— Остается надеяться, Властитель, что они увидят только то, что открывается взору, — ответил Эль Надим. — И тогда они сами себе нанесут поражение.

Хали эти слова показались загадкой, но спрашивать он ничего не стал. А сам Эль Надим не удосужился его просветить. Эль Мюрид подозревал, что генерал сознательно выражается туманно для того, чтобы потом, когда уляжется пыль, Непобедимые не могли заявить, что именно они разработали победную стратегию.

Небольшой отряд продолжил движение на запад. Когда они достигли дальней оконечности озера, Эль Надим сказал, обращаясь к Хали:

— Отбери пять сотен Непобедимых и укройся с ними за этими скалами. Сделай это после наступления темноты. Проведи их по противоположной стороне холма, чтобы не оставить видимых следов. Захватите с собой воды на пять дней. Сиди в засаде до тех пор, пока пехота Гильдии не втянется в бой с моими людьми.

— А если этого не случится? — спросил Хали.

— В таком случае победа все равно останется за нами. Выбор у них крайне ограничен — либо отступить, либо идти на прорыв. У них не будет достаточно воды для того, чтобы взять нас измором. Так или иначе, но мы победим.

Тревога по-прежнему не оставляла Эль Мюрида. Если план провалится, то все бремя вины и ненависть воинов падут на него. Если же придет победа, то вся слава достанется Эль Надиму. Это несправедливо.

«Кажется, я все больше и больше становлюсь похожим на своих последователей», — подумал Ученик.

— Разведчики доносят, что враг уже на марше. Долго, Властитель, нам ждать не придется, — заметил Хали.

— Прекрасно, — сказал Эль Мюрид и, взглянув на солнце, добавил: — Настало время молитвы, друзья.

Валиг и Хоквинд вышли к восточному краю котловины соляного озера во второй половине следующего дня. Всадники Непобедимых блокировали дорогу, завязывая схватки с конниками Юсифа, до тех пор пока роялисты не решили стать здесь лагерем.

В лагере все дышало уверенностью. Войско валига численностью превосходило врага, а солдаты были лучше обучены. Поэтому он ограничился лишь предосторожностями, которые обычно предпринимались против ночных нападений.

Эль Мюрид не видел первых схваток. Эль Надим направил его в небольшой отряд, расположенный далеко к западу от войск Хали, туда, где дорога, ведущая к ложу озера, вилась между пологих холмов. Ученик подозревал, что генерал просто желает убрать его со своего пути, хотя теперь он и оказался среди сливок Непобедимых.

Всю ночь он не мог уснуть. Его преследовал призрак Вади Эль Куф. Он понимал, что эта битва, меньшая по масштабам, может иметь катастрофические последствия. Себил-эль-Селиб останется беззащитным до прибытия войск с побережья и падет при первой же атаке. Ученик пребывал в ужасе. Он поставил слишком много на этот единственный бросок костей. Но отступать было уже поздно.

Он непрерывно возносил горячие молитвы, прося Творца оказать ему помощь в этот решающий час.

Эль Надим поднял своих людей до рассвета и, пока они поглощали холодный завтрак, произнес перед ними зажигательную речь. Все будущее движения зависит от их отваги, заявил он. Затем он выстроил пехоту поперек оконечности озера, разместив всадников по флангам. Рабов-добровольцев он поставил впереди первой линии воинов, вооружив их не только мечами, но и лопатами. К рассвету войско уже успело занять исходные рубежи. Откуда-то из-за спин воинов потянул легкий утренний бриз.

Собрав офицеров, Эль Надим сказал:

— Сделайте так, чтобы люди дрались как надо. Увлекайте их своим примером. Если Господь сегодня не дарует нам победу, мы все умрем, стоя лицом к врагу.

То же самое он повторил и воинам, но при этом призвал их убить тех офицеров, которые проявят трусость. Командирам конницы он сказал:

— Ветер поднимается. Начинаем.

Уже через несколько секунд конники принялись двигаться взад и вперед перед линией пехоты. Дующий с востока ветер нес соленую пыль. Где-то вдали били барабаны и пели трубы. Враг строился в ряды. Эль Надим улыбнулся. Валиг решил принять вызов. Послюнив палец, он еще раз проверил направление и силу ветра. Не столь сильный, как он надеялся. Пыль не неслась тучей, как он того хотел.

— Трубы! — скомандовал он. — Надо ускорить движение.

Загудели сигнальные рожки. Кавалеристы пустили лошадей рысью, и пыль стала подниматься гуще. Эль Надим обернулся. Солнце вот-вот должно было выглянуть из-за гряды холмов и ударить в глаза противника.

Он изучил, насколько возможно, боевое построение врага. Пехота Гильдии расположилась в центре. Легкая кавалерия по флангам и сзади. А тяжелая конница, способная совершить прорыв, образовала первую линию атаки. Неплохо. Враги действовали без всякой хитрости. Поступали так, как якобы требовали обстоятельства. Именно этого он и хотел от них.

Ветер усиливаться не желал.

— Трубы! Ускорьте их аллюр. Вестовой! Я хочу, чтобы рабы начали копать.

Добровольцы заработали лопатами, бросая в небеса пропитанную солью пылевидную землю.

Пусть подышат этим, думал Эль Надим. Пусть у них начнет першить в горле и заслезятся глаза. Пусть они будут мечтать только об одном — поскорее выйти из боя и выпить глоток воды. Он оглянулся. Солнце поднялось из-за гор. Пусть они скачут прямо в это сияние по белоснежному ложу бывшего озера.

Закованные в металл воины, думал Эль Надим, будут атаковать наполовину ослепшими...

— Они идут, генерал, — доложил адъютант.

В отдалении запели трубы. Как только атакующие двинулись вперед, в небо поднялись кипящие клубы пыли.

— Отозвать всех! — приказал Эль Надим. — Позволим им самим похоронить в пыли свою пехоту.

Теперь загудели трубы, и конники поспешили занять места на флангах. Рабы-добровольцы отошли в тыл пехоты и образовали резерв.

Враг приближался, в клубах пыли поблескивали доспехи, на древках копий развевались флажки.

— Ты, конечно, велик, Хоквинд, — пробормотал Эль Надим, — но и тебя может погубить самоуверенность.

Сердце бешено колотилось в груди генерала. Действия развивались точно по его сценарию.

Легкая кавалерия валига скакала следом за конниками Хоквинда, чтобы наброситься на разметанную валом бронированных всадников и сраженную ужасом пехоту Эль Мюрида.

Обе волны атакующих перешли на галоп.

Проскакав примерно две трети озера, они угодили в ловушку Эль Надима, идею которой подсказал сын торговца солью.

Ловушку эту устроили не люди. Сама природа разместила ее в этом месте. В самых глубоких местах древнего озера под коркой соли и пыли сохранилась вода. Глубина этих невидимых озерец редко превышала пару футов, но и этого было вполне достаточно.

Кони атакующих, чувствующие себя неуверенно на скользкой поверхности озера, достигли глубоких мест. Корка соли под их копытами треснула. Множество лошадей упало или выбросило всадников из седла. В завал врезалась легкая кавалерия Юсифа, еще более усугубив неразбериху.

Эль Надим дал сигнал к контратаке. Его люди умело усилили панику во вражеском войске. Самые опытные из них бросились в свалку и стали добивать упавших всадников.

Кавалерия Эль Надима обошла завал и нанесла удар по врагу с флангов.

Противник не выдержал удара и сломался. Кавалеристы Эль Надима гнали врагов до линии пехоты Хоквинда, при этом истребляя если не сотнями, то дюжинами. Завершив погоню, всадники вернулись и с победным воем заняли свои места на флангах пехоты Эль Мюрида.

— Время песен еще не настало, — пробормотал генерал. — Самое худшее еще впереди.

Будущие историки поделят славу пополам. Потери с обеих сторон были примерно равны, но войска Гильдии отступили и оказались неспособны возобновить атаку.

— Воды для всех! — приказал Эль Надим, отойдя от края соляной глади. — Лошадям тоже! Офицеры! Выровнять построение! Я требую, чтобы каждый оставался на своем месте. Подготовить дротики. Рабов-добровольцев вперед с лопатами!

Ветер крепчал. Солнце превратило соляную равнину в сверкающее белое зеркало, от которого поднимались волны жара. Эль Надим сомневался, что враги видят его войска.

— Ну давай же, Юсиф, давай! — бормотал он. — Не тяни время!

Валиг решил атаковать до того, как жара и пыль полностью обессилили его людей. Пехота Гильдии двинулась вперед.

— Скоро все станет ясно, — прошептал Эль Надим, подходя к разлому твердой корки, под которой плескался соляной раствор. Когда линия врага достаточно приблизилась, он приказал метнуть дротики. Наемники прикрылись щитами и никакого ущерба не понесли. Но множество дротиков всплыло в растворе, и их древка путались в ногах наступающих, существенно замедляя движение.

Рабы-добровольцы метали камни из пращей через головы своих товарищей, пытаясь деморализовать врага.

— Ну, Хали, давай! — пробормотал Эль Надим. — Пришел твой черед!

И вот в тот же миг вдали из-за скал поднялись клубы пыли, и Непобедимые ринулись вниз с холма на лагерь врага, рассчитывая уничтожить лошадей и резервы. Непобедимые числом уступали противнику, но на их стороне был фактор неожиданности. Прежде чем Юсиф сумел загнать Непобедимых

снова в их скалистое убежище, те успели разогнать почти всех лошадей и истребить сотни застигнутых врасплох людей.

Эль Надим остался доволен. Операция была проведена безукоризненно. Но тут как раз пехотинцы Гильдии начали выбираться из рассола, а его люди уже были готовы обратиться в бегство. Эль Надим вскочил в седло, и, подскакав к задним рядам своих воинов, прокричал:

— Держитесь! Жажда — наш союзник!

Обе линии столкнулись. Его люди, отступив на несколько шагов, организовали прочный заслон. Лишь немногим из них изменила отвага. Но Эль Надим загнал их снова в строй.

Солдаты Гильдии дрались как всегда великолепно. Если бы не пыль, не жара, не слепящее солнце, не мучительная жажда — воины Эль Надима не смогли бы ничего сделать.

Те Наемники, которым пришлось преодолеть наиболее глубокие участки соляного раствора, дрались не слишком успешно. Они утратили стройность рядов, в стене их щитов появились зазоры, которые они не могли сразу закрыть. Эль Надим, подскакав к рядам рабов-волонтеров, приказал им сосредоточить усилия на этом участке фронта.

Дротики и камни градом посыпались на потерявших ориентировку солдат. На них всей своей массой навалились воины Эль Надима. Фронт воинов Гильдии слегка прогнулся назад. Эль Надим дал сигнал своей кавалерии.

Большая часть всадников обратилась против людей Юсифа, все еще сражающихся с Непобедимыми. Небольшая группа конников зашла в тыл пехоты противника, для того чтобы угрожать резервам Хоквинда и наиболее ослабленной роте.

Медленно, очень медленно в строе Наемников начала возникать трещина. Эль Надим радостно взревел и бросил в образовавшуюся брешь все оставшиеся резервы.

Эль Мюрид пытался следить за ходом битвы с отдаленной возвышенности. Сквозь пыль и волны зноя мало что можно было различить. Тем не менее Ученик чувствовал себя превосходно. Собрав офицеров, он отдал нужные приказы. Офицеры бросились строить своих людей.

* * *

Пехота Гильдии дралась как всегда прекрасно. Ее солдаты в поражении были столь же великолепны, как и в победе. Эль Надиму не удалось разгромить противника, но он заставил отступить его к лагерю. Затем он отвел свои войска на первоначальные рубежи, предоставляя возможность Хоквинду повторить атаку.

Но валиг и Хоквинд предпочли отступить. Одна рота Наемников связывала Непобедимых Хали, пока основные силы в полном порядке уходили на запад.

Когда наступили сумерки, к Эль Мюриду подошел какой-то человек и сказал:

— Они приближаются, Властитель. Эль Надим сумел их прогнать.

— Господь велик. — Ученик не смог удержаться от улыбки. — Очень хорошо. Сообщи свою весть остальным.

Стук подков и топот сапог заполнили тишину. Но когда ученик, вознеся молитву, перегнулся, чтобы взглянуть с обрыва вниз, его постигло разочарование. Под ним проходил лишь небольшой отряд. Наверное, авангард, подумал он. Надо подождать подхода основных сил...

И вот наступил нужный момент. Но тут его сковал ледяной ужас... Опять неотвязные воспоминания о той лисьей норе... Нет, это не повторится. Никогда. Не повторится, даже если сам Творец...

Он вскочил на ноги и возопил:

— Есть только один Бог! И этот Бог наш Господин и Создатель! — Эль Мюрид выдержал паузу и выкрикнул: — Так приди же, Ангел Божий!

Его амулет брызнул пламенем, залив светом крутой склон. Ученик опустил обе руки вниз, и в стену ущелья ударили одновременно несколько молний. Огромные утесы полетели в разные стороны, словно игрушки из рук расшалившегося малыша. Земля задрожала, содрогнулась, сотряслась. Противоположный склон долины застонал, словно протестуя против насилия, и рухнул.

Грохот падающих камней заглушил крики ужаса и боли.

Когда камнепад кончился, Эль Мюрид приказал Непобедимым спуститься вниз и добить всех тех, кто остался в живых.

Сам же он уселся на камень и зарыдал, освобождая душу от преследовавшего его весь день страха.

Глава 11

УДАР МОЛНИИ

— Ну, давай же, Рескирд. Кончай валять дурака. Не ленись.

Гарун поднял голову. Это сказал тот, которого зовут Браги. Молодые люди с севера постоянно вздорили. Однако ругань особенно усилилась после того, как их рота, не выдержав напора врага, сломала строй. Тот, кого звали Рескирд, получил рану, и вот теперь его друзья помогали ему шагать, понося при этом на чем свет стоит.

Звон оружия в арьергарде отступающих усилился. Людей же Ученика при виде их успеха охватило лихорадочное возбуждение. Гаруну очень хотелось отойти назад, чтобы воспользоваться своим искусством шагана, но отец строго-настрого приказал ему оставаться с порученными его заботам наемниками.

Постоянные ссоры северян его раздражали. Он соскочил с коня и сказал:

— Посадите его в седло. Тогда вам не придется его тащить.

— Этот недоумок скорее всего никогда не обучался верховой езде, — проворчал тот, кого завали Хаакеном. — Ты когда-нибудь сидел на лошади, Рескирд?

— Может, и узнаю ее задницу, если... — довольно раздраженно ответил Драконоборец.

Но закончить он не успел. На южном склоне холма вспыхнул ослепительный свет. Какой-то человек выкрикнул слова, смысла которых Гарун не уловил. После этого засверкали молнии.

На колонну с грохотом посыпались скалы. Лошади пятились и с ржанием вставали на дыбы. Люди в ужасе вопили. Замешательство мгновенно переросло в панику.

Гарун сумел сохранить самообладание. Обернувшись лицом к источнику света, он принялся бормотать заклинание...

Камень величиной с кулак ударил его в грудь. У него перехватило дыхание, он услышал хруст собственных костей, и все поглотила красная волна боли. В тот же миг чьи-то руки подхватили его, не дав упасть. Он застонал, и на него опустилась тьма.

Низко на востоке висел серебряный ломоть луны. Больше Гарун ничего не видел. Да и ночное светило ему казалось таким, словно он смотрел на него сквозь стакан, наполненный мутной водой...

— Он приходит в себя.

Это сказал один из северян.

Гарун попытался сфокусировать зрение и повернул голову набок. Братья сидели рядом с ним. Рука Хаакена висела на легкой повязке, а сам он с ног до головы был покрыт запекшейся кровью.

Вокруг себя Гарун сумел рассмотреть и других людей, которые молча сидели на земле и чего-то ждали.

— Что случилось?

— Какой-то колдун обрушил на нас гору, — ответил Браги.

— Это я знаю. Что потом?

— Мы швырнули тебя на коня и двинулись к колдуну, но в этот момент на нас напали его люди. Мы сумели прорубиться и очутились здесь вместе с генералом. Сейчас подходит все больше и больше людей. Твой отец отправился на поиски заблудившихся.

— Насколько все плохо?

Наемник в ответ только пожал плечами. Казалось, что он находится на грани шока. Да и все вокруг сидели тихо, погрузившись в самих себя. Да, видимо, все очень скверно. Роялисты потерпели полное поражение, последняя надежда, возлагавшаяся на Гильдию, рухнула.

Гарун попытался подняться, но Хаакен успел удержать его.

— Сломаны ребра, — прорычал он. — Проткнешь дырку в легких, если не перестанешь дергаться.

— Но отец...

— Сядь на него, Хаакен, — предложил Браги.

— Твой старик до сих пор без тебя прекрасно обходился, — сказал Хаакен.

Тем не менее Гарун все же еще раз попытался принять сидячее положение. Боль обожгла грудь, и он понял, что терпеть ее можно только тогда, когда лежишь не двигаясь.

— Вот так-то оно лучше, — произнес Браги.

— Вы смогли прорубиться? Через строй Непобедимых? — Теперь он припомнил звон мечей и каких-то людей в белых одеяниях.

— Они вовсе не так хороши, когда слезают со своих лошадей, — сказал Хаакен. — Давай спи. От волнения пользы мало.

Гарун вопреки желанию последовал этому совету. Тело требовало отдыха.

Проснувшись во второй раз, он увидел стоящего над ним Юсифа. На левой руке у него была толстая повязка, одежда изодрана и перепачкана кровью. Фуад стоял рядом. Он, по-видимому, не пострадал. Но Гарун так и не сумел поймать взгляда дяди. Отец при помощи Мегелина Радетика, едва шевеля языком от усталости, расспрашивал солдат Гильдии.

Отец выглядел таким старым! Таким изможденным! Таким отчаявшимся.

— Мегелин, — прохрипел Гарун, радуясь тому, что Рок ничего не смог сделать со стариком, и тот остался в живых. Гибель Мегелина явилась бы полной катастрофой для юноши.

Отец опустился рядом с ним на колени и положил руку на плечо. Это был единственный жест сочувствия, на который валиг был способен в присутствии чужих. Затем дела позвали его в другое место. Мегелин же остался. Он сел, скрестив ноги, и негромко заговорил. Гарун понимал едва ли каждое третье слово. Старый ученый повел беседу об экономической структуре одного из западных королевств, намеренно избегая всего, что касалось текущих событий. Вскоре Гарун слушал, слушал — и незаметно задремал.

Когда Гарун открыл глаза, солнце уже взошло, а сам он лежал на двигающихся носилках. Вокруг себя он не увидел ни одного человека, который не был бы ранен. Его спасители исчезли.

Откуда-то, повинуясь сигналу носильщиков, возник Мегелин.

— Куда все подевались, Мегелин?

— Те, кто может держать оружие, пытаются задержать преследователей, — ответил Радетик.

— Неужели они так близко?

— Очень близко. Они чуют кровь и хотят покончить с нами.

Но сэр Тари Хоквинд в поражении оказался даже более великолепен, нежели в победе. Его разбитое войско сумело без потерь добраться до Эль Асвада.

Лекари выправили и перевязали ребра Гаруна. Он пренебрег предостережениями медиков почти сразу же поднялся на ноги, чтобы оценить масштабы и последствия катастрофы.

Потери составили примерно треть армии. Большинство солдат погибли во время обвала и последовавшего за ним избиения.

— Но это уже история, — сказал ему отец. — Сейчас враг у ворот, а у нас нет сил даже на то, чтобы перекрыть все стены.

И это была сущая правда. Эль Надим вел преследование до ворот Эль Асвада и уже начал готовиться к осаде, хотя достаточных сил для полноценной осады пока не имел. Он разбил укрепленный лагерь и приступил к сооружению осадных машин. Его солдаты копали ров и сооружали баррикаду поперек дороги. Это был всего лишь первый шаг на пути к полному окружению Твердыни.

— Что он затеял? — спросил Гарун у Мегелина. — Три тысячи человек неспособны захватить Эль Асвад.

— Забудь о своих расчетах, — угрюмо произнес Радетик. — Для Истинно Верующего преград не существует.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты помнишь, что произошло?

— Молния. Колдун, который смог обрушить гору. Но Эль Мюрид ненавидит колдовство.

— Верно. Но один вид магии вплетен в его легенду. Он не пользовался этой магией после того, как вышел из пустыни.

— Амулет, который якобы дал ему Ангел? А я-то думал, что это выдумка.

— Нет, однажды он его использовал и теперь решил повторить. Думаю, в следующий раз он испробует силу амулета на наших стенах.

— Значит, Эль Мюрид здесь?

— Да.

— В таком случае отец должен устроить вылазку. Если мы его убьем...

— Лучшего подарка для него и придумать невозможно.

— Но...

— Я обсуждал эту проблему с твоим отцом и генералом. Они решили позволить Эль Асваду понести некоторый урон. Пусть разрушат часть стены. Использовать амулет в ближнем бою будет невозможно.

Гаруну подобная стратегия не нравилась. Она отдавала инициативу в руки врага и, кроме того, предполагала, что противник будет действовать так, как от него ожидают, и что он не получит подкреплений. Возражать, однако, он не стал. У него появились проблески кое-какого плана, и подозрений Мегелина вызывать не следовало.

— Ты говорил отцу об этих солдатах из Гильдии?

— Да, он знает. Он найдет время что-нибудь для них сделать.

Гарун был доволен. Браги и Хаакен спасли ему жизнь и заслуживали награды.

— Благодарю тебя, — сказал он.

— Да кстати, ты решил задачи по геометрии? — Радетик был совершенно лишен чувства жалости. Занятия не должны прерываться — даже для выздоравливающих.

— Я был занят...

— Занят тем, что симулировал. Отправляйся к себе и не высовывай носа до тех пор, пока все не решишь. И будь готов доказать правильность решений.

— А вон и старец, — сказал Хаакен.

Браги обернулся и увидел шагающего по стене Мегелина Радетика. Старик направлялся к ним, чтобы поговорить.

— Он тебе не напоминает деда? — спросил Браги.

— Следил бы ты лучше за этими придурками внизу, — проворчал Хаакен. — Если не хочешь, чтобы Сангинет тебя заживо сожрал.

О провале роты новобранцев во время битвы говорили очень мало. Никто не получил внеочередных нарядов, никто не был наказан. Даже ходили слухи, что Хоквинд остался доволен действиями рекрутов, учитывая характер местности и то сопротивление, которое они встретили.

Ветераны, правда, отнеслись к молодежи с меньшим пониманием. Репутация их генерала оказалась запятнанной. Сотни их товарищей погибли. Они не желали знать ни что соленый раствор был глубиной чуть ли не по пояс, ни что молодежь приняла на себя основной удар армии Эль Мюрида. Старики видели, что потери новобранцев меньше, чем в остальных ротах, и это им не нравилось.

Радетик подошел к братьям и остановился, задумчиво глядя вниз. Внизу под стенами без устали трудились люди Эль Надима.

— Самоуверенны, как муравьи, — заметил Радетик.

— Наверное, не без основания, — проворчал Хаакен.

Браги оставил замечание Радетика без комментариев. Он не знал, как относиться к старику. Тот, вне сомнения, занимал здесь важный пост, но предпочитал держаться в тени.

— Как там Гарун? — все-таки спросил он.

— Выздоравливает. Валиг шлет вам свою благодарность. Он поблагодарит вас лично, как только сможет.

— Ладно.

— Не вижу энтузиазма! Напрасно. Валиг — богатый человек, а Гарун — его любимый сын.

— Я загорюсь энтузиазмом лишь тогда, когда узнаю, что мы отсюда сваливаем.

Радетик в ответ издал задумчивое «хм-м-м...».

— Здесь нет ничего кроме жары, суши и многих миль пустого пространства.

— Узнаю свое желание увидеть хотя бы одно приличное дерево. У меня иногда возникают такие же чувства. — Радетик потрепал Браги по плечу и спросил:

— Тоскуешь по дому, парень?

Браги покраснел, а затем неожиданно для самого себя выложил старику всю свою историю. Радетик слушал его с интересом и подбадривал, когда Браги сбивался.

Да, он действительно скучал по дому. Как бы Браги ни пытался обмануть самого себя, он по-прежнему оставался мальчишкой, которому приходилось играть роль мужчины. Ему страшно не хватало близких людей.

Браги поделился с Радетиком тем, что он чувствует после. Радетик еще раз потрепал его по плечу и сказал:

— Вам нечего стыдиться. Генерал поражен тем, как здорово вы держались. Если и можно кого-либо винить, так это его и валига. Они задрали нос, а расплачиваться за это пришлось вам, солдатам. Ну ладно, мне пора.

Браги не понял, как это удалось старому ученому, но теперь ему стало значительно лучше. Да и с Хаакена слетела по меньшей мере половина его мрачности.

Через несколько секунд появился сержант Трубачик.

— Рагнарсон, тебя хочет видеть лейтенант. Мигом тащи свою задницу к нему.

— Но...

— Иди!

И Браги пошел. Его била дрожь, хотя день был таким же палящим, как всегда. Ну вот, начинается, думал он. Возмездие приближается.

Сангинет обосновался в какой-то кладовке вблизи конюшен. Это было темное, затхлое помещение, едва-едва освещаемое единственным фонарем. Браги постучал в дверной косяк и доложил:

— Рагнарсон, сэр.

— Входи. Закрой за собой дверь.

Браги сделал как ему было сказано, страстно желая оказаться где угодно, только не здесь. Он, конечно, мог сказать себе: не имеет значения, что думают остальные. Ведь сам он знает, что сделал все, что было в его силах. Но если бы он так сказал, то это была бы неправда. Мнение других для него имело значение. И еще какое значение!

Сангинет молча смотрел на него секунд пятнадцать, а затем произнес:

— Бердсонг умер этим утром.

— Мне очень жаль, сэр.

— Мне тоже. Он был хорошим солдатом. Ему не хватало воображения, но отделение он содержал в порядке.

— Так точно, сэр.

— Я готовлю доклад. Ты там был. Расскажи мне, как все произошло.

— Мы упорно дрались в этой соленой воде. Капралу в локоть попал камень из пращи, и он выронил щит. Прежде чем он успел его поднять, ему под мышку — чуть выше нагрудника — вонзился дротик. Думаю, что пробило легкое, сэр.

— И ты взял командование на себя?

— Так точно, сэр. Ребята привыкли к тому, что я им говорил, как следует поступать. В учебной команде.

— И после этого вы потеряли лишь одного человека?

— Так точно, сэр. Драконоборец был ранен.

Рескирд как всегда разволновался, сломал строй, чтобы достать одного, особенно не понравившегося ему противника, и поплатился за нарушение дисциплины.

— Капрал Стоун командовал отделением слева от тебя. Говорит, что вы хорошо удерживали позицию.

— Я старался... Мы старались, сэр. Но держаться стало невозможно, когда все вокруг начали отходить.

— Естественно, невозможно. Однако ты, Рагнарсон, преуспеваешь. Я вношу в доклад рекомендацию повысить тебя в звании. Со дня ранения Бердсонга тебе назначается жалованье в полуторном размере.

— Сэр? — Ему показалось, что он что-то не так понял.

— Ты принимаешь отделение. На постоянной основе. Если, конечно, утвердит генерал. Отправляйся к своим людям, капрал.

Целых полминуты Браги молча стоял перед лейтенантом. У него кружилась голова, ему хотелось протестовать и спорить. Он ожидал вовсе не этого.

— Я сказал, что ты свободен, Рагнарсон.

— Слушаюсь, сэр, — выдавил Браги и на заплетающихся ногах побрел на свой пост.

— Поздравляю, — сказал Трубачик и не спеша заковылял прочь.

— Это с чем же? — спросил Хаакен.

Браги попытался было объяснить, но у него ничего не получилось. Он и сам мало что понимал. Рагнарсон считал, что не заслужил повышения.

Каждый день Эль Надим выстраивал своих людей в боевые порядки, предлагая начать битву, и каждый день защитники Эль Асвада отказывались принять его вызов. И этот день вначале ничем не отличался от других. Сразу после полудня Эль Надим расположил войско на расстоянии полета стрелы от крепости и направил к стене герольда с требованием капитуляции. Валиг отослал глашатая назад с пустыми руками.

После этого осаждающие обычно отступали на несколько сотен ярдов и, убедившись, что битвы опять не последует, возвращались к своим трудам.

Но на сей раз все было по-иному. Эль Надим войско не отвел. Он и Ученик выступили вперед. Ученик воздел кулак ввысь. Его амулет вспыхнул огнем. Огонь становился все ярче и ярче. Вскоре Эль Мюрид казался всего лишь тенью человека, стоящего в потоках ослепляющего пламени.

Вспыхнула молния. Тысячи камней на выжженной солнцем пустыне вдруг поднялись в воздух и обрушились на Восточную Твердыню. Следующая молния ударила в башню, охраняющую подходы к Твердыне. Куртина, соединяющая башню с главной крепостью, рухнула. Защитники выпустили тучу стрел, ни одна из которых не долетела до цели. Столб света, достигнув неба, замер в неподвижности. Небесные врата распахнулись, и на вспомогательную крепость обрушился удар силой в дюжину ураганов.

Часть стены рухнула. Некоторые крупные обломки запрыгали вниз по склону, образуя просеки в рядах врага.

Непобедимые, издав могучий боевой клич, ринулись вперед. Они карабкались по обломкам под дождем стрел, и их

продвижение было медленным. Гора обломков оказалась высокой, а камни под ногами слишком шаткими.

Валиг сколотил отряд, бросил его к пролому и послал за Хоквиндом, у которого было больше опыта в подобного рода сражениях.

Ученик и большая часть войска Эль Надима начала движение вдоль склона в направлении западной стены главной крепости.

Непобедимые наконец добрались до вершины кучи обломков и ринулись вниз сквозь ураган стрел и дротиков на людей валига, прорвали линию обороны, и завязалась общая свалка. Через пролом лились все новые и новые отряды Эль Мюрида — обычные солдаты последовали за более фанатичными Непобедимыми. Группа нападавших двинулась к воротам, чтобы атаковать их защитников с тыла.

Ученик снова призвал себе на помощь ярость небес. На сей раз молнии начали ударять в более высокую и могучую западную стену самой Твердыни.

Отделение Браги расположилось на северной стене главной крепости у ее соединения с западным участком — довольно далеко от места сражения. К ним подошел Гарун и сказал:

— Будь они прокляты! У них хватило ума сделать вылазку невозможной.

Браги и Хаакен промолчали. Они были полностью погружены в себя, ожидая приказа Сангинета спуститься со стены и вступить в схватку. Каждый раз, когда в стену ударяла молния, они вздрагивали, хотя центр атаки находился от них достаточно далеко.

Никакого приказа не поступило.

Тем временем довольно большая секция западной стены не выдержала и рухнула.

Хоквинд бросил в бой силы из внешнего укрепления. Пробив линию врага, подмога заспешила к Твердыне, чтобы напасть на противника, прорывающегося в Эль Асвад с запада. Теперь бой шел среди зданий, не оставляя места для маневра, и очень скоро превратился в кровавую и хаотичную свалку.

Хоквинду удалось изолировать место прорыва и он смог атаковать прорвавшегося в крепость врага. Последний солдат Эль Надима был изгнан из Эль Асвада еще до рассвета. За день сражения потери сторон оказались примерно равными.

Защитники Восточной Твердыни принялись расчищать обломки и возводить в проломе западного участка стены временное укрепление. Вспомогательную крепость было решено оставить.

Час был поздний, но Браги все еще оставался на посту. Смена так и не появилась. Хаакен дремал. По правде говоря, спал каждый второй солдат. Ночь была бы совсем спокойной, если бы не шум строительных работ внизу.

Из темноты возник Гарун и сказал:

— К утру они отдохнут, а мы потеряем последние силы. Отец считает, что завтра нам придет конец.

Браги в ответ буркнул нечто невнятное. Этот Эль Надим не дурак. Рассчитывает вконец измотать защитников. А они уже сейчас впали в уныние и ни на что хорошее не рассчитывали. Люди валига были убеждены в том, что сопротивление обречено на провал.

— Нам нужна помощь, — продолжал Гарун. — Но ее не будет. Племенные вожди нам изменили.

Браги вновь пробурчал что-то нечленораздельное.

— Они рады присоединиться к Эль Надиму. В пустыне полно тех, кому не терпится разграбить Эль Асвад.

— Твой отец делает все, что может.

— Нет, не все. Я обладаю талантами, которые он, опасаясь за меня, не использует. Если бы он мне позволил, я смог бы в корне изменить ход событий.

— Каким образом?

— Вообще-то я пришел поблагодарить вас. За то, что вы для меня сделали.

— Благодарности не требуется. Но ты уже, так или иначе, поблагодарил.

— Я перед тобой в долгу. А наша семья по долгам всегда расплачивается.

Спорить Браги не стал, хотя и был весьма низкого мнения о человеческой благодарности. Взять, к примеру, отца и Тана. Не было в мире двух других людей, стольким обязанных друг другу.

Гарун вскоре ушел. Он был сосредоточен и задумчив, полностью погрузившись в собственные мысли. Эта встреча озадачила Браги. Парень явно что-то задумал, надо бы за ним присматривать, подумал он.

Гарун вернулся примерно через час. Он принес с собой моток веревки и небольшой черный мешок.

— Что ты затеял? — спросил Браги, после того как Гарун закрепил конец веревки на зубце стены.

— Хочу воздать Ученику тем же, что он преподнес нам.

— Кто велел тебе это сделать? У меня нет приказа пропустить тебя за стену.

— Я сам себе велел, — ответил Гарун, бросая веревку во тьму. — Вернусь, прежде чем кто-либо успеет заметить мое отсутствие.

— Проклятие! Я не могу тебе позволить...

Но Гарун уже исчез за стеной.

Браги склонился со стены и крикнул:

— Ты не понимаешь, что делаешь! Ты даже понятия не имеешь, как надо спускаться по веревке!

— И что ты так орешь? — проворчал проснувшийся Хаакен. — Атакуют, что ли?

— Нет. Это Гарун. Только что перелез через стену.

— Надо позвать сержанта-разводящего, а не кудахтать, как старая курица.

— У парня могут возникнуть неприятности.

— Ну и пусть. Тебе-то какое дело?

— Мне он нравится.

— Он дезертирует. Так ведь?

— Нет. Охотится на Эль Мюрида.

Хаакен поднялся на ноги и глянул со стены в темноту. Гаруна видно не было.

— Ну и дурень же он, если хочешь знать мое мнение.

— Я иду за ним.

— Что? Да ты просто псих! Тебя повесят за то, что оставил пост. Если он такой идиот, что полез вниз, оставь его в покое. Нас это не колышет.

Браги не знал, как поступить. Гарун ему действительно нравился, но в нем сидит слишком много романтики, и это его может погубить.

— Он там один, Хаакен. Я все-таки иду. — Рагнарсон поправил на себе меч так, чтобы тот не мешал при спуске.

Хаакен вздохнул и тоже принялся закреплять перевязь.

— Что ты делаешь?

— Неужто ты думаешь, что я тебя отпущу одного? Своего брата?

Браги запротестовал. Хаакен зарычал в ответ. Спор становился все громче, и остальные солдаты отделения решили выяснить, что же все-таки происходит. Через несколько секунд все отделение решило сопровождать Браги.

Это заставило его задуматься. Одно дело рисковать собственной жизнью и совсем другое — повести всех своих подчиненных на дело без одобрения начальства.

Что двигало этими людьми? Он не знал. Но разве он сам знал, почему решил пойти вслед за Гаруном?

— Если об этом узнают, то по шее дадут вам, — сказал он. — Так что решайте самостоятельно — идти или нет.

Он взялся за веревку, перелез через стену и начал спуск. Когда он был на полпути к земле, веревка дернулась. Фигура человека заслонила звезды.

— Проклятый Хаакен, — прошептал он улыбаясь. На душе сразу стало теплее.

Браги, укрывшись за камнями у подножия стены, изучал наиболее удобные подходы к лагерю Ученика. Он опасался, что свои, там наверху, могут заметить его и принять за врага. Вскоре к нему присоединился Хаакен. Справа от Браги на одно колено приземлился еще один человек. За ним последовали третий, четвертый, пятый... И это продолжалось до тех пор, пока не собралось все отделение.

— Идиоты! — прошептал он. — Ну ладно. Теперь сидите тихо, если не хотите, чтобы со стены вас проткнули стрелой. —

Он пополз вперед, стараясь вычислить путь, который мог избрать Гарун.

Судьба оказалась к ним благосклонной, и часовые на стенах их не заметили. Браги перестал о них беспокоиться, теперь его больше занимали пикеты противника.

Так и не обнаружив Гаруна, он затаился на расстоянии полета стрелы от вражеских укреплений.

— Парень надул тебя, — сказал Хаакен. — Он просто смылся.

— Только не Гарун. Он где-то поблизости. — Браги оглянулся, чтобы взглянуть на Твердыню глазами врага. Она возвышалась мрачной громадой, и зубцы стены на фоне звезд выглядели лезвием гигантской пилы. Нигде ни огонька. Восстановительные бригады закончили работу.

— Рассыпьтесь цепью. Будем выжидать здесь, пока что-нибудь ни произойдет.

В лагере врага царила тишина, хотя за оградой можно было увидеть пламя костров. Время от времени на вершине вала возникал темный силуэт одинокого часового.

— Браги! — прошипел кто-то. — Там!

— Вижу.

Едва заметная вспышка осветила скалу и сизая бусинка, бросая вызов силам тяготения, поплыла к укрепленной ограде лагеря. Стоящий на ограде часовой пошатнулся и упал со стены, с глухим звуком ударившись о землю.

— Во что мы влипли? — прошептал Хаакен. — Это же колдовство, Браги. Смертельная магия. Может быть, нам лучше вернуться?

Браги успокаивающе коснулся ладонью руки брата. Еще один светящийся пузырек поплыл в сторону лагеря. Еще один часовой рухнул с ограды. Солдаты умирали в полнейшем молчании.

Послышался шорох. Вглядевшись в ту сторону, откуда раздался звук, Браги увидел скользнувшую к ограде тень.

— Это он, — шепнул Браги, поднимаясь. — Пробирается в лагерь.

— Надеюсь, ты не собираешься следом? — спросил Хаакен.

— Нет. Это было бы самоубийство. Я хотел остановить его, но боюсь, что опоздал.

Глава 12

НОЧНЫЕ ЗАБОТЫ

Гарун вначале сжался в комок у основания ограждения, а затем распрямился как пружина, использовав всю силу своих молодых мышц. Он зацепился кончиками пальцев за край ограждения и некоторое время висел неподвижно, прислушиваясь. Тревоги в стане врага не последовало. Приближающихся к нему шагов слышно не было. Он подтянулся на руках так, чтобы глаза оказались чуть выше края изгороди.

В лагере горело несколько костров, вокруг которых копошились люди. Видимо, они готовили завтрак для своих товарищей. Эль Мюрид, судя по всему, решил начать день пораньше.

Гарун попытался залезть на ограду. Но часть стены обрушилась, и обломки посыпались вниз со страшным, как ему показалось, шумом. Ограждение было сооружено из каких-то деревянных обломков и камней, скрепленных глиной. Глина успела высохнуть и теперь легко крошилась. Он нащупал рукой твердую опору, подтянулся, перекатился через стену и затаился, прильнув к хилым мосткам, идущим с внутренней стороны ограждения. Он лежал неподвижно, как камень, ожидая тревоги и фиксируя в уме план лагеря, чтобы знать, куда двигаться в огне схватки.

Но на шум никто не обратил внимания.

Интересно, как скоро заметят отсутствие часовых? Видимо, скоро. Минут через десять? Это оставляло ему очень мало времени. Нужно отыскать Ученика, прежде чем тот сможет нанести удар.

Прежде чем двинуться дальше, он произнес одно из простых заклинаний, делающих его невидимым для случайного взгляда. Теперь никто не мог увидеть его, пока он сам не совершит каких-нибудь неосторожных действий.

Гарун спрыгнул на землю и тихо крался вдоль стены до тех пор, пока не смог нырнуть в тень лагерных шатров. Он вслушался в свое пока еще слабое шестое чувство шагана, пытаясь

определить местонахождение Ученика по ауре его амулета. Юноша уловил лишь общее направление. Эль Мюрид находился в центральной части лагеря. Для того чтобы это сообразить, никаких мистических способностей не требовалось. Он пожалел, что так мало времени проводил со своими учителями и не имел возможности позаниматься с подлинными мастерами, чтобы достигнуть самых высоких степеней магического искусства. Но было так много важных вещей, которым следовало учиться, и так мало времени для ученья...

Там! В том направлении, где пульсация амулета ощущалось всего сильнее.

Юноша двигался словно пантера — тень между теней. Свойственный его душе романтизм захватил его полностью. Сейчас Гарун казался себе могучим мстителем, не знающим страха. Он ничего не боялся. Но это бесстрашие было бесстрашием глупости.

Центр лагеря отделялся от остального пространства полосой голой земли шириной в двадцать ярдов. За этой полосой стояла примерно дюжина шатров, охраняемых двумя десятками Непобедимых. Стражи располагались настолько близко один от другого, что проскользнуть между ними было невозможно.

Гарун не мог определить, какой из шатров занимал сам Ученик. Время уходило. Исчезновение часовых может быть обнаружено в любой момент. Он просто обязан что-то предпринять.

Прибегнув снова к уже испробованной магии, он послал несколько крошечных смертельных шариков на охоту. Гарун безостановочно выстреливал ими с такой быстротой, на какую был способен.

Другого пути он не видел. Прозвучит сигнал тревоги, все засуетятся, наступит момент замешательства, которое поможет свершить ему его главное дело.

Один из Непобедимых вскрикнул... и тут же затих. Те, кто соприкасался со смертельной каплей, замолкали навсегда.

Не прекращая создавать свое оружие, Гарун двигался вперед до тех пор... пока не оказался перед гигантом в белом балахоне. Слабенькое Заклинание Сокрытия не ввело гиганта в за-

блуждение. Сверкнул ятаган. Гарун метнулся в сторону, налетел на невысокую палатку, споткнулся, упал в тень и, скорчившись, уставился на Непобедимого. Тот на мгновение потерял юношу из виду. Подняв ятаган, гигант ринулся на Гаруна. Гарун, вскочив на ноги, тоже обнажил клинок.

Лагерь начал возвращаться к жизни. Отовсюду слышались громкие голоса. Пологи палаток распахивались. Командиры требовали докладов. В одном из офицеров Гарун узнал Эль Надима и попытался выстрелить в него фиолетовой смертью. Но гигант снова был рядом с ним.

Юноша парировал удар, оказавшийся настолько сильным, что его рука онемела. Непобедимый был открыт для ответного удара, но у Гаруна не было сил, чтобы нанести его.

Последовала очередная атака. Гарун снова отбил ее и снова не смог нанести ответный удар — его клинок оказался отведенным слишком далеко в сторону.

Непобедимый зарычал на Гаруна. Гарун зарычал на Непобедимого столь же свирепо.

Третий удар... На сей раз клинок Гаруна был отброшен вниз и в сторону, но он извернулся и ловко пнул врага ногой. Носок его сапога угодил в колено гиганта, и тот пошатнулся. Гарун вонзил в Непобедимого клинок, прежде чем тот успел принять защитную позицию.

Развернувшись, он кинулся бежать, сбивая по пути растерянных воинов. Вскоре Гарун оказался у палатки, где никого не было. Он поднял нижний край и нырнул внутрь.

Шум нарастал. Кто-то громко кричал о том, что на лагерь напал валиг. Некоторые солдаты мчались к ограде. Другие в панике метались по лагерю. И лишь немногие искали человека, посмевшего убить Непобедимых, охранявших самого Ученика.

Крики охоты постепенно удалялись. Гарун выглянул из палатки и, никого не увидев, выскользнул наружу и, перебегая от одной тени к другой, стал продвигаться к шатру Эль Мюрида. Теперь он знал его местонахождение.

Позади его занялось пламя. Некоторые воины в панике разметали костры, и от их углей заполыхали палатки. Огонь быстро распространялся по всему лагерю.

Оказалось, что погибших стражников уже успели заменить другими. Гарун выругался. Он не видел возможности нанести удар, о котором мечтал весь день.

Придется использовать Силу. Он не хотел прибегать к этому средству. Он мечтал о том, что Ученик увидит приближение смерти и в последний момент узнает маленького мальчика из Аль-Ремиша. Он хотел, чтобы Ученик знал, кто и почему лишает его жизни.

Фиолетовая смерть здесь не годилась. Она изберет ближайшего к ней Непобедимого, а не того, кто укрылся в шатре. Надо придумать что-то другое. В его арсенале магических средств мало что годилось для поставленной цели. И снова он проклял обстоятельства, помешавшие ему стать настоящим шаганом.

В конце концов он выбрал заклинание, вызывающее у человека все симптомы брюшного тифа, и стал тихо его напевать, стараясь мысленно узреть Эль Мюрида таким, каким он когда-то видел его в Аль-Ремише. Закончив заклятие, он мысленно швырнул его в стоящий перед глазами образ Ученика.

В ответ из шатра раздался крик боли.

Некоторые Непобедимые заспешили к своему владыке, а остальные бросились на Гаруна.

— Что за дьявольщина там творится? — спросил Хаакен.

— Понятия не имею, — ответил Браги. — Но он, похоже, их все-таки достал.

— Может быть, нам стоит ему помочь? Они подумают, что на них напали, и парень в суматохе скроется.

Браги в этом сомневался. Он не верил в то, что Гаруна можно спасти, и размышлял, не стоит ли вернуться назад в Эль Асвад, пока отсутствие отделения остается незамеченным. Но по-видимому, он уже опоздал сделать это. Надо попытаться извлечь максимальную пользу от своего присутствия здесь.

Некоторые солдаты врага убегали из лагеря. В самом же лагере пожар все разрастался. Из-за заграждения доносилось дикое ржание лошадей.

— Хорошо. Пошли. Пуганем тех, кто убегает. А те, кто вооружен луками, пустите-ка несколько стрел через ограду.

Поднявшийся в замке шум разбудил Мегелина Радетика. Еще не проснувшись как следует, он выполз из своей каморки, волоча за собой по полу меч. Он уже успел забыть, когда пользовался им в последний раз. Неужели ночной штурм? Этого он не ожидал. Ночной бой был не в пользу Ученика. Ему следовало методично истреблять обороняющихся — так, как он сделал это вчера.

Радетик остановился и прислушался. Мимо него с криками неслись люди, но раскатов грома он не слышал. Молнии не били в стены Твердыни. Может быть, это вовсе и не штурм?

Что же это в таком случае?

Он вышел в северный двор и увидел, что тот кишит людьми, бегущими к воротам.

— Что случилось? — спросил он, схватив за рукав какого-то воина.

Солдат вырвался и помчался дальше. Так же поступил и следующий, которого ему удалось поймать. Никто не желал уделить старику хотя бы миг. Радетик потащил свои старые кости на стену.

Лагерь Ученика пылал. На фоне пламени метались люди, которых топтали кони и верблюды. Кое-где кипел бой. Защитники Эль Асвада, не соблюдая никаких боевых порядков, набросились на врагов. Мелькнула мысль о растревоженном муравейнике...

— Какая банальность, — пробормотал он.

Мегелину потребовалась лишь секунда для того, чтобы сообразить, с чего все началось.

— Гарун! Безумный мальчишка! — Старика охватила паника. Его любимый Гарун... Он практически скатился со стены, чтобы побыстрее оказаться в гуще событий.

Посторонний наблюдатель, постоянно в нем сидевший, ухмыльнулся: «Этот парень вовсе не твой ребенок. Ты лишь получил его взаймы».

Пусть так. Но его сердце все равно трепетало при мысли о том, что мальчишка может погубить себя в какой-то немыслимой романтической авантюре ради того, чтобы восторжествовало дело его отца.

Браги приказал своим людям держаться теснее, так чтобы их не разметал человеческий ураган. Вокруг них валялись десятки тел. Враг в подобной обстановке был легкой добычей. Толпа воинов, примчавшихся из крепости, была такой же беспорядочной, как и противник, но они были преисполнены ярости. Вся местность вокруг превратилась в бойню. Браги повел своих людей к входу в лагерь.

Попасть в него не составило никакого труда. Враги бежали, перелезая через ограждение. Солдаты Гильдии и воины валига вошли в лагерь вслед за отделением Браги.

Что теперь? Где его искать? Гарун хотел добраться до Ученика. Штаб Эль Мюрида должен располагаться в центре лагеря.

— Туда! Бегом!

Хаакен собирал людей, а Браги, лавируя в пламени, помчался направо. Отделение двинулось вслед за капралом, отмечая свой путь цепочкой вражеских тел. Взбесившиеся кони представляли для наемников большую опасность, нежели солдаты врага.

Браги выскочил в проход между палаток, еще не охваченных огнем, и побежал к центру лагеря.

Непобедимые швырнули Гаруна на землю к ногам Эль Мюрида. Сын Юсифа, подавив крик боли, плюнул в их вожака и в ответ получил удар сапога под ребра.

— Щенок валига, Властитель.

— Ты в этом уверен, Мауфакк?

— Тот самый, что напал на тебя в Аль-Ремише.

— Но то же был маленький мальчик.

— Прошло много времени, Властитель. Похоже, что с тех пор он научился новым шаганским фокусам.

Гарун увидел, как потемнело лицо Ученика. Он сравнил его с тем лицом, которое видел несколько лет назад. Этот

человек выглядел не по годам старым. Он даже казался стариком.

— И ты смеешь осуждать меня, когда сам пользуешься колдовством?

Непобедимый ударил его еще раз. Рот юноши заполнился кровью. Подавив боль, он выплюнул алую жижу на белый балахон и выдавил оскорбление:

— Свиножор!

— Ты заблуждаешься, я не прибегаю к колдовству, — произнес Эль Мюрид с видом оскорбленного достоинства. — Я обращаюсь к помощи Творца, используя средство, врученное мне его Ангелом.

— Интересно, кто из нас заблуждается?

Появился Эль Надим.

— Властитель, в лагере царит полнейший хаос, — доложил он. — Пожар сдержать невозможно. Солдаты Гильдии находятся внутри ограждения. Нам надо уходить.

Лицо Ученика потемнело еще сильнее и он бросил:

— Нет!

— Властитель! — выпалил Мауфакк. — Обратись к свету своего разума. Этот мерзавец посеял панику среди наших людей. Враг наседает, и мы не можем организовать отпор. Надо уходить, или мы все погибнем. И это следует сделать до того, как паника распространится на Непобедимых.

— По пути мы соберем всех, кто остался в живых, и вернемся, — сказал Эль Надим, обменявшись взглядом с Мауфакком.

Гарун заметил этот взгляд. Оба военачальника знали, что новой попытки взять крепость быть не может. Этой ночью их войско обескровлено.

— Никто из вас не спасется, — прохрипел он. — Вы уже покойники.

Пустая болтовня... Но все-таки, может быть, их убьют? Гарун уже слышал звуки битвы.

Гримаса боли исказила лицо Ученика. Телохранители подхватили своего Властителя, прежде чем тот успел упасть, а их командир отдал приказ:

— Посадите его на лошадь. Всех, кого можно, на коней! Если будет необходимо, то по двое на одного. — Затем он повернулся к Гаруну и спросил: — Что ты с ним сделал?

Гарун промолчал.

Последовал очередной удар и следом за ним вопрос:

— Так что же ты сделал?

Гарун заскрипел зубами и усилием воли подавил боль.

Удары посыпались на него градом. Непобедимые избивали его деловито, всем своим видом давая понять, что боль прекратится лишь после того, когда он снимет наложенное им заклятие.

Минуты казались часами. Боль становилась совершенно невыносимой, и только природное упрямство не позволяло Гаруну уступить.

В шатер ворвался Непобедимый и, задыхаясь, объявил:

— Они направляются сюда.

— Далеко?

— Шли за мной по пятам.

Командир телохранителей рывком поставил Гаруна на ноги.

— Мы захватим его с собой. Властитель в безопасности?

— Они уходят через запасный выход, господин. С ними генерал и несколько его людей.

— Помоги мне его тащить.

У Гаруна не было сил передвигаться самостоятельно. Телохранители подхватили его с двух сторон и потащили к выходу. Ноги юноши беспомощно волочились по земле. Кроме того, он почти не видел. Все предметы вокруг казались искаженными, а их контуры расплывались.

Он скоро умрет. Они заставят его снять заклятие, а затем убьют. Но несмотря на боль, юноша ощущал себя победителем.

— Он здесь! Его захватили белые балахоны! Вперед! — взревел Браги и бросился в атаку, высоко подняв окровавленный меч.

Один из Непобедимых оглянулся, и его глаза от ужаса округлились. Он кинулся бежать. Второй же бросил взгляд назад, оценил обстановку, отпустил Гаруна и вынул кинжал. Схватив юношу за волосы, он отогнул его голову назад, чтобы перерезать горло.

Браги метнул во врага меч. Клинок ударил в плечо врага, не причинив ему вреда, но тем не менее помешав завершить начатое.

Браги бросился Непобедимому в ноги, а Хаакен с ревом занес меч для удара. Белый балахон бросил пленника у них на пути. Браги ткнулся лицом в Гаруна, а Хаакен свалился на них обоих. Непобедимый ткнул его ногой, толкнул в кучу еще одного наемника и скрылся в ночи. Следом за беглецом кинулись остальные солдаты из отделения Браги.

Браги выбрался из кучи тел.

— Ну и свалка, — произнес он. — Хаакен, ты жив?

— Жив, — ответил Хаакен.

— Ты только взгляни. Здорово они его отделали.

— Сам напросился. Лучше посмотри, из чего можно сделать носилки.

— Сам напросился, говоришь? Неужто у тебя сочувствия нет?

— К дуракам — нет.

— Не такой уж он и дурак. Ему удалось снять осаду.

Битва в лагере подходила к концу. Люди Ученика бежали. Если бы Валиг сумел организовать преследование, то никто бы из них не спасся. Однако в царившем хаосе сделать это было невозможно, и Хали с Эль Надимом сумели собрать достаточное число людей для того, чтобы прикрыть отход Эль Мюрида.

— Теперь я дважды твой должник, — прохрипел Гарун. Браги и Хаакен стояли над ним, разминая затекшие от тяжести носилок мышцы.

— Да, — пробурчал Браги. — Спасать тебя для меня становится привычкой.

— А вон и старикан, — прошептал Хаакен.

Пыхтя от усилий, к ним приковылял Радетик. Казалось, что черты его лица в свете пожара постоянно меняются самым причудливым образом. Он упал на колени рядом с Гаруном.

— Пусть вид крови вас не беспокоит, — сказал Браги. — Они просто измолотили его как следует.

— Я чуть было не достал его, Мегелин, — пытаясь изобразить улыбку, просипел Гарун. — Заклятие все-таки наложил. Пусть помучается от боли.

Радетик в ответ лишь молча покачал головой.

— Надо двигаться, — сказал Браги. — Хватай носилки, Хаакен.

К ним приблизились двое всадников.

— Отец... — прохрипел Гарун.

— Гарун? — Валиг посмотрел на Радетика и спросил: — Это он устроил всю заваруху?

— А кто же еще?

— Понимаю. — Сплюнув сквозь зубы, он посмотрел на Браги и Хаакена и спросил: — А это не те парни, которые вытащили его в прошлый раз?

— Те же самые. Делают неплохую карьеру. Разве не так?

— Похоже на то. Осмотри его раны и выслушай их рассказ. Я потолкую с тобой, после того как разделаюсь со всеми делами.

— Как скажешь...

— Поехали, Фуад!

Валиг с братом отъехали, чтобы покончить с царящей кругом неразберихой.

— Мы можем идти? — спросил Браги.

— Конечно. — Мегелин посмотрел на Гаруна, которого била дрожь, и сказал: — Все будет в полном порядке, парень. Но ты совсем отбился от рук. Как тогда в Аль-Ремише.

— У меня не было выбора, — заставив себя улыбнуться, произнес Гарун.

— Вопрос спорный. Тем не менее все обернулось как нельзя лучше. Если, конечно, тебе удалось сохранить зубы. Надеюсь, ты наконец освободился от своих навязчивых идей?

— Каких?

— Желания учинить мятеж и других глупостей. Ты еще молод, и у тебя впереди долгие годы жизни. Если ты их не сократишь. Ведь этих парней может рядом не оказаться.

Гарун смежил веки, его по-прежнему продолжало трясти. Действительно, каким же надо быть дураком, чтобы бросаться в бой наподобие Непобедимых Эль Мюрида, не думая о том, как из него выйти. Мегелин прав, у него впереди еще много лет, и он своим легкомыслием чуть было не сгубил свое буду-

щее. Оказывается, его долг северянам был гораздо больше, чем он предполагал ранее.

Мегелин сердито нахмурился.

— В чем дело? — спросил валиг.

Радетик бросил взгляд на Хоквинда, но на обветренном лице генерала прочитать что-либо было невозможно. Всем своим видом он показывал, что «присутствует» и ничего более. Мегелин перевел взгляд на Фуада. Брат валига кипел яростью. В его лице Мегелин имел союзника. Это был самый типичный «брак по расчету».

Радетик припомнил одного из своих учителей, который некогда наводил на него ужас. Лишь через десятилетия он избавился от своего беспричинного страха и смог понять, каким образом учитель добивался желаемого результата. Сейчас он решил прибегнуть к методу этого педагога.

— Не помню сколько лет уже я влачу жалкое, рабское существование в этом богом забытом месте. — Ключом метода было преувеличенное негодование и чрезмерная напыщенность речи вкупе с неумеренной жестикуляцией и иными телодвижениями. Это было призвано пробудить в слушателях врожденный страх ребенка перед гневным отцом. — Снова и снова ты обращался ко мне за советами, лишь для того, чтобы их игнорировать. Сколько раз я собирался отправиться домой, и сколько раз моя воля оказывалась сломленной? Я сражался за тебя. Я ради тебя переносил страдания. Я принес тебе в жертву свою карьеру. Я терпел бесконечные бессмысленные унижения от твоих родственников и подручных. И все это только ради того, чтобы спасти эту кучу выжженных солнцем камней в середине пустого, богом забытого места, населенного варварами. Я хотел спасти эту землю от хищных бандитов, хотя земля эта заслуживала лишь того, чтобы оказаться в их жадных лапах.

Он говорил горячо, выплескивая все, что накопилось на душе за годы бесплодной борьбы.

— Сколько сотен... Нет, сколько тысяч людей отдали свои жизни за это каменное недоразумение на холме? Я здесь успел состариться. Состариться раньше времени. Твои сыновья вы-

росли здесь. Бесконечные ненависть, предательство и кровь еще в юности превратили их в старцев. И вот теперь ты хочешь оставить это место Ученику. Позор!

Радетик встал перед валигом, залихватски подбоченился и (даже Фуад был потрясен таким проявлением ярости) продолжил:

— Ради чего мы жили, спрашиваю я? Ради чего мы умирали? Если мы сейчас уйдем, то все эти смерти и жертвы окажутся напрасными.

— Мы, Мегелин, сражались за наши идеалы, — негромко, бесконечно усталым голосом произнес Юсиф. — И мы проиграли. Ученик победил нас не силой. Более того, мы в очередной раз побили его. Но наш идеал умер и остался лежать мертвым у его ног. Племенные вожди бегут от нас. Они знают, кому принадлежит сила и в чьих руках будущее. Оно находится в руках человека, которого мы не смогли убить. Человека, который за нескольких недель способен собрать огромную орду, готовую ворваться в проломы стен, чтобы грабить наши дома, бесчестить наших жен и убивать наших детей. Нам здесь больше нечего делать, если мы, конечно, не пожелаем отважно сложить головы за проигранное дело наподобие ваших западных рыцарей.

Перед лицом истины Мегелин не мог сохранить свой гнев. И он и Фуад проявляли упрямство лишь под влиянием чувств и из гордости. И результатом их упрямства могла стать только общая гибель. От Валигаейта осталось только его название.

— На севере положение не столь безнадежно, — продолжал Юсиф. — Абуд уже открыл глаза настолько, что увидел необходимость пригласить генерала. Может быть, доклады его собственных людей, воочию узревших врага, сумеют пробить брешь в стене его упрямства. За ним пока еще вся сила королевства, если, конечно, он пожелает ее использовать.

В словах валига можно было услышать мучительное отчаяние и боль — чувства, в которых он никогда бы не признался открыто. Решение бежать обошлось ему дорогой ценой. Оно надломило его.

— Ты можешь поступать согласно своей воле, господин. У меня нет возможности сломить ее. Но опасаюсь, что пребыва-

ние в Аль-Ремише только усилит твои страдания. Мне больше нечего сказать, и я должен упаковать свои записи. Нельзя допустить, чтобы все мои труды погибли от рук невежественных глупцов в белых балахонах.

На какой-то момент отчаяние валига прорвалось наружу. На его лице можно было прочитать все муки ада. Но он вскоре взял себя в руки, как и подобает могучему властителю.

— Что же, учитель, ступай. Весьма сожалею, что разочаровал тебя.

— Нет, валиг. Разочаровать меня ты не можешь.

Радетик оглядел присутствующих. Лицо Хоквинда по-прежнему оставалось каменной маской. Физиономия Фуада являлась наглядным пособием по изучению внутреннего конфликта, раздирающего этого человека. Было видно, что этому человеку есть что сказать, но он дал себе клятву хранить молчание.

— Мегелин, — произнес Юсиф, когда Радетик подошел к двери. — Поезжай вместе с Гаруном. Он то немногое, что у меня осталось.

Радетик кивнул и вышел.

— Ну и дела, — сказал Драконоборец. — Протопать, убивая себя ускоренным маршем, весь путь от Высокого Крэга, для того чтобы спасти эту помойку, и теперь шпарить обратно? Не знаю, почему слабоумным дозволяется разрабатывать планы военных кампаний.

— Вы только послушайте этого старого стратега, — издевательским тоном произнес Хаакен. — У человека не хватает ума, чтобы выдержать строй, а он делает вид, что разбирается в военном деле лучше, чем генерал или отец Гаруна, которые командовали армиями еще в то время, когда его собственный папаша еще только задумывал его сотворить.

— Потише, вы! — сказал Браги. — Предполагается, что мы уходим отсюда тайком.

— Чего зря волнуешься? Эти фургоны так скрипят, что их слышно с расстояния в четыре мили.

Кавалеристы валига выехали еще вечером в надежде очистить округу от лазутчиков Эль Мюрида. Теперь же в путь дви-

нулась основная колонна. Солдаты Гильдии должны были охранять арьергард. Валиг надеялся, что уход заметят лишь тогда, когда догнать беглецов будет уже невозможно.

— Рагнарсон!

Перед Браги возник лейтенант Сангинет.

— Сэр?

— Твоя банда производит слишком много шума. Скажи Драконоборцу, чтобы он помолчал. А не то я скормлю его шакалам.

— Слушаюсь, сэр. Если потребуется, я заткну ему пасть кляпом, сэр.

На этом все должно было закончиться, однако Сангинет не уходил. Браги начал сникать. Когда офицер в конце концов ушел, Браги сказал Хаакену:

— Он все знает, но должен притворяться, что ему ничего не известно. В противном случае ему надо принимать в отношении нас какие-то меры. Несмотря на то что мы спасли сына валига, нам долго придется ходить по угольям. Лейтенант обязательно попытается прихватить нас еще на чем-нибудь. Рескирд, а тебе лучше притвориться, что ты вообще не учился разговаривать.

— А что я сделал? Сказал вслух то, о чем все думают!

— У остальных хватает ума держать свои мысли при себе. Ну ладно, пошли.

Браги, покидая Эль Асвад, ни разу не оглянулся. Взгляд через плечо был бы взглядом в прошлое, а он не хотел мучить себя напрасными сожалениями о том, что вообще решил вступить в Гильдию. Решение было дурацким, но он так или иначе в Гильдии, и ему должно хватить упрямства продолжать начатое.

Правда, и впереди он тоже не видел ничего обнадеживающего. Он чувствовал, что ему придется пролить свою кровь в песках этой дикой, чужой и совершенно непонятной для него земли.

Гарун же смотрел назад. У него просто не было иного выбора. Несмотря на все утверждения, что он может ехать верхом, его все-таки положили на носилки лицом к замку.

Гарун рыдал. Он не знал иного дома и был уверен, что больше никогда его не увидит. Он оплакивал отца и Фуада, для которых Эль Асвад значил много больше, чем для него. Он плакал, вспоминая своих предков, которые отважно удерживали Восточную Твердыню, не склоняясь перед врагом. И он оплакивал свое будущее. В самых общих чертах оно уже стало вырисовываться перед его мысленным взором.

К носилкам подошел Мегелин и молча зашагал рядом. Никакие слова не могли бы быть красноречивее этого молчания.

Еще до рассвета колонна растворилась в пустыне, так и не замеченная никем из врагов.

Глава 13

АНГЕЛ

Потрясенный неожиданным ударом судьбы, Эль Мюрид отошел к Себил-эль-Селибу.

Но прежде чем полностью уйти в себя, он вызвал Нассефа из-под Тройеса. Послание было составлено в решительном тоне и не допускало двойственного толкования. Нассеф должен вернуться, или его ждет гнев культа Хариша.

Нассеф прибыл в рекордно короткий срок. Торопиться его заставили не столько слова послания, сколько его тон. Он боялся, что Эль Мюрид не выдержит напряжения и окончательно сломается. И то, что он увидел по возвращении, только усилило его опасения. Его зять вел себя так, словно мир вокруг него прекратил существование.

Шесть дней Ученик восседал на Малахитовом Троне, не замечая никого вокруг. Он очень мало пил и почти ничего не ел, совершая путешествие по лабиринтам своей души. И Нассеф и Мириам страшно беспокоились.

Нассеф. Циничный и ни во что не верящий Нассеф. Он сам являл собой половину всей проблемы. Он был не до конца

искренен в деле служения Богу. Эль Мюрид умолял Творца простить его самого за то, что он согласился на компромисс. От Нассефа следовало избавиться еще десять лет назад. Но надо было считаться с чувствами Мириам и принимать во внимание несравненные полководческие таланты Нассефа. А теперь следует учитывать и то, что некоторые Непобедимые могли стать более преданы своему командиру, нежели своему пророку. Отдать их под командование Нассефа было большой ошибкой.

Однако еретики внутри движения будут ждать до тех пор, пока он не истребит всех внешних врагов.

Но Нассеф... Он принимал взятки от роялистов, жаждущих сохранить свои жалкие жизни. Он торговал помилованием. Он присваивал чужие богатства для себя лично и для своих подручных. Он вербовал себе собственных сторонников. Может быть, и не прямо, но он стремился подчинить себе движение. Когда-нибудь он сможет попытаться откровенно подмять его под себя. Нассеф был Учеником Властелина Зла в стане Эль Мюрида.

Но в дебри души Эль Мюрида загнало совсем не психическое потрясение. Нет. Его отрешенность от жизни была порождена не поражением под Восточной Твердыней. Да и поражение оказалось не столь серьезным, как представлялось вначале. Враг не решился на погоню, опасаясь наткнуться на засаду. Причиной глубоких раздумий и сомнений Эль Мюрида явился уход валига из Эль Асвада.

Это событие произошло крайне неожиданно, и оно было совершенно не в характере Юсифа. Валиг человек упорный — боец, а не беглец. Отступление не имело никакого смысла после стольких лет упорного противостояния.

Уход Юсифа лишил Эль Мюрида цели его существования. В течение многих лет все его планы рушились под ударами этого человека, и он отвык заглядывать в будущее дальше поражения Юсифа. Теперь он просто не знал, что делать.

Юсиф ушел из крепости, но не из мыслей Ученика. Почему он отступил? Что нового он мог узнать? В конце концов Пророк вызвал Нассефа и задал ему эти вопросы.

— Не знаю, — ответил Нассеф. — Я не перестаю задавать те же вопросы Эль Надиму и Хали. Я переговорил со многими людьми. Вот уже неделю не могу сомкнуть глаз. Но тебе я ничего сказать не в состоянии. Совершенно определенно знаю лишь то, что Абуд его не вызывал. В Аль-Ремише ничего не происходило.

Ни одно событие в столице не могло пройти мимо внимания Нассефа — он имел своего агента в самом Королевском Шатре.

— В таком случае ему известно не больше, чем нам, — задумчиво произнес Эль Мюрид. — Интересно, какой факт он интерпретирует не так, как мы?

— За этим стоит западный дьявол Радетик.

— Не исключено. Идолопоклонники чужих земель меня ненавидят. Они, вне всякого сомнения, чувствуют, что меня поддерживает десница Господня. Они знают, что я Его орудие, что я призван очистить неверных от греха. Они не что иное, как слуги Властелина Зла, пытающиеся продлить его господство в проклятых королевствах.

Что означает эта почти незаметная ухмылка на губах Нассефа?

— Папа!

Девчонка радостно прыгала на одной ноге. Первой реакцией Эль Мюрида было желание хорошенько отшлепать дочь за столь непочтительное поведение в храме. Но затем Ученик решил, что это будет несправедливо — ведь он на столько времени лишил дочь своего внимания!

— Этот ребенок иногда ведет себя как дикарь, — заметил Нассеф.

— С каких это пор смех считается оскорблением для Господа? Оставь нас. — Он позволил девочке забраться ему на колени. — В чем дело, дорогая?

Дочери вот-вот должно было исполниться двенадцать.

Неужели с той поры пролетело столько времени? Жизнь несется с огромной скоростью, а он все еще так далек от осуществления своего предназначения. Этот безбожный Юсиф.

Нассеф одержал столько побед, но они мало что значили, пока валиг держал движение запечатанным в Себил-эль-Селибе.

— Да ничего. Я просто хотела узнать, кончил ты думать или нет? — ответила девочка, устраиваясь поуютнее на коленях отца.

Он еще раз устыдился своего желания наказать дочь. Это желание, вне сомнения, наслал на него Властелин Зла. Черно-крылый вампир.

Девочка находилась в переломном возрасте. От превращения в женщину ее отделял лишь один маленький шаг. Скоро ее грудь начнет наливаться соком, а бедра становиться шире. Она будет готова к замужеству. Уже сейчас его наиболее преданные последователи были шокированы тем, что он позволяет ей бегать по Себил-эль-Селибу с открытым лицом и разрешает сопровождать Нассефа в его наиболее безопасных вылазках.

Не исключено, что сам Нассеф хотел заполучить ее.

А у девочки до сей поры нет имени.

— Ты сама знаешь, дорогая, что я этому не поверю. Тебя привело сюда что-то еще помимо заботы о твоем старом, ворчливом папе.

— Значит...

— Я не могу сказать ни да, ни нет, пока ты мне не скажешь.

— Фатима сказала, что научит меня танцевать, если ты согласишься, — затараторила она. — Пожалуйста! Ну пожалуйста, пап! Можно? Очень тебя прошу.

— А медленнее говорить ты умеешь?

Фатима — любимая прислужница Мириам сама по себе была прекрасной пропагандой учения Эль Мюрида. Исправившаяся проститутка была живым доказательством того, что каждый, кто ищет истину, — даже женщина — может оказаться вполне достойным существом в глазах того Бога, о котором твердит Ученик.

В этом утверждении состоял наиболее серьезный отход Эль Мюрида от признанных догм, и он до сих пор встречался с непониманием, когда говорил о всеобщем равенстве перед Творцом.

Проститутка стояла на социальной лестнице настолько ниже жены, насколько сама жена стояла ниже мужа.

Даже в Хаммад-аль-Накире Природа давала о себе знать среди юных.

Это серьезно, подумал он. Маленькие девочки редко начинают интересоваться танцами без того, чтобы не начать интересоваться мальчиками. И с этого момента, увы, они перестают быть маленькими.

Настало время поговорить с Мириам о покрывале для дочери.

— Время несется на быстром скакуне, малышка, — со вздохом произнес он. — Все появляется и проходит в мгновение ока.

Она сморщила личико в полной уверенности, что сейчас услышит отказ.

— Дай мне немного подумать, — продолжил Эль Мюрид. — Всего несколько дней. Хорошо?

— Хорошо, — ответила она, повеселев. Девочка знала, что просьба отложить решение означает прелюдию к согласию. Девочка поцеловала отца, соскользнула с его колен и мгновенно превратилась в неуклюжее существо, почти целиком состоящее из тонких убегающих ножек и размахивающих им в такт ручек.

Ее провожали неодобрительные взгляды клириков.

— Хадж! — обратился Эль Мюрид к главе своих телохранителей. — Мы собираемся в путешествие. Распорядись, чтобы все были готовы.

Далеко к югу от Себил-эль-Селиба и чуть южнее Эль Асвада, слегка отстранившись от родного хребта Джебал-аль-Алаф-Дхулкварнеги, стояла гора. Называлась она Джебал-аль-Джинн, или Гора Демонов. Иногда, впрочем, ее именовали Рогатой Горой. Последнее название гора получила потому, что, если взглянуть на нее с юго-запада, она напоминала поднимающуюся из пустыни рогатую голову. Именно здесь Эль Мюрид встречался со своим Ангелом, когда терял ориентиры и чувствовал, что нуждается в совете. Он никогда не задавал себе вопроса, почему посланец Бога избрал для встреч место столь отдаленное и вдобавок обладающее такой зловещей репутацией.

Вера Ученика подверглась серьезному испытанию, пока он, испытывая боль во всем теле, в одиночестве совершал восхождение на вершину. Ответит ли ему посланник Творца после столь длительного перерыва, спрашивал он себя. Эль Мюрид не искал встречи с Ангелом со времени своего первого, столь плачевного посещения Аль-Ремиша. Но Ангел обещал встретиться на Джебал-аль-Джинн. Однако иногда даже Ангельские обещания способны вызвать подозрение.

Рогатая Гора считалась очень плохим местом. На ней издревле лежало проклятие. Никто уже не знал, почему оно было наложено, но зло, сохранившись в камнях и деревьях, было готово обрушиться на любого, кто осмелится нарушить покой горы. Каждый раз, совершая восхождение, Ученик страстно желал, чтобы его ментор избрал для встреч более гостеприимное место.

Но, несмотря на все свои сомнения, Ученик продолжал путь. Зло следует победить в его собственном гнезде. Разве может Свет одолеть Тьму, не взяв штурмом ее оплот?

Но когда миновала ночь и большая часть дня, а его небесный собеседник так и не появился, им снова овладели сомнения. Начинался еще один вечер, и тени от пламени костра уже начали свою пляску на голых скалах.

Посланник небес прибыл под раскаты грома и сверкание молний, видимых с огромного расстояния. Трижды облетев Рогатую Гору на своем крылатом скакуне, он приземлился в пятидесяти ярдах от костра Эль Мюрида. Ученик поднялся, уважительно потупив взор.

Ангел, который почему-то упорно принимал форму маленького сгорбленного старика, заковылял к Эль Мюриду по покрытому трещинами базальту. За спиной старика висел какой-то инструмент, напоминающий формой рог изобилия и казавшийся непропорционально большим для крошечного старца.

Ангел положил рог на камни и уселся на него.

— Я думал, что услышу твой зов раньше, — произнес посланец небес.

Сердце Эль Мюрида затрепетало. Ученик и сейчас боялся старика так, как боялся его мальчишкой много лет назад.

— В этом не было необходимости. Все шло так, как надо.

— Однако слишком медленно, не так ли?

Эль Мюрид робко поднял глаза на Ангела и встретил проницательный взгляд божественного посланца.

— Да, медленно, — сказал Ученик. — Вначале я спешил, но Вади Эль Куф научил меня не срывать плод, пока тот не созрел.

— Так что же случилось сейчас?

Эль Мюрид несказанно удивился тому, что Ангел задает вопросы. Тем не менее он рассказал о странном бегстве Юсифа после осады и о назревающем кризисе в собственной семье. Закончив рассказ, Ученик попросил старца зажечь для него путеводный свет.

— Твой следующий шаг совершенно очевиден, и я удивлен тому, что ты меня призвал. Нассеф должен был тебе все сказать. Собери все силы и нанеси удар. Захвати Аль-Ремиш. Кто сможет остановить тебя после того, как ушел валиг? Возьми в свои руки Святилище, и все проблемы твоей семьи решатся сами собой.

— Но...

— Понимаю. Обжегшись однажды на молоке, дуют на воду. Дважды обжегшись, цепенеют от ужаса. Вади Эль Куф не повторится. Владеющие магической Силой детишки также не преподнесут тебе неприятных сюрпризов. Скажи Нассефу, что я буду лично следить за ним, а затем спусти его с цепи. У него хватит способностей решить задачу.

Затем Ангел обрисовал план действий, проявив при этом такое знание людей и обстановки, что Ученик перестал сомневаться и совершенно успокоился.

— Прежде чем мы расстанемся, я преподнесу тебе еще один знак моего расположения, — сказал старец, сполз со своего сиденья, встал на колени и что-то прошептал в рог. Затем он поднял его и потряс. Из раструба что-то выпало. — Пусть Нассеф передаст этот предмет своему агенту в Королевском Шатре. Через неделю после передачи он должен будет нанести удар.

Эль Мюрид принял от старца ларчик из тикового дерева и недоуменно уставился на подарок.

Ангел неожиданно заспешил к своему крылатому коню, и тот взлетел, как только всадник оказался в седле. Эль Мюрид закричал ему вслед. Ведь он только-только приступил к обсуждению своих проблем.

Крылатый конь облетел вокруг рогатого пика. Загремел гром, и молнии распороли небо. Между украшающими гору рогами заметались сгустки огня. Два клуба пламени столкнулись в полете и, взорвавшись, взмыли в небо, образовав символ, значения которого Эль Мюрид разобрать не мог, так как знак оказался прямо над его головой.

Ослепительный свет постепенно померк. Когда к Эль Мюриду вернулось зрение, в небе все было как прежде. Ученик, что-то невнятно бормоча, вернулся к своему костру, сел и задумчиво уставился на подарок.

После секундного колебания он открыл ларчик.

— Неужели наперстные кимвалы? — спросил он у ночи.

В ларце обнаружился набор великолепных металлических дисков, надеваемых на пальцы танцовщицы. Этот инструмент был достоин женщины, призванной танцевать перед королями.

— Наперстные кимвалы, — снова пробормотал он. Что это могло бы означать? Но ведь посланец Бога не мог ошибиться? А может быть, все-таки мог?

Эль Мюрид посмотрел в небо, но Ангел уже давно скрылся.

Пройдут десятилетия, прежде чем он снова повстречает посланника небес.

— Кимвалы, — повторил он, глядя на далекие костры внизу, около которых его ждали Непобедимые и Нассеф. Перед ним предстал образ шурина. С этим человеком, видимо, что-то придется делать. После того, как падет Аль-Ремиш.

— Нассеф, помоги, — едва слышно позвал он, доковыляв наконец до лагеря. Была глубокая ночь, но Нассеф не спал, изучая в свете луны и костра грубо начертанные карты.

Военачальник подошел к Эль Мюриду.

— Ты выглядишь ужасно, — сказал он.

— Это действует заклятие. Болит все. Рука, голень, каждый сустав.

— Тебе надо поесть, — произнес Нассеф, задумчиво глядя на гору. — Да и сон, думаю, не повредит.

— Не сейчас. Мне надо тебе что-то сказать. Я беседовал с Ангелом.

— И... — Глаза Нассефа превратились в две узкие щелочки.

— Он сказал мне то, что я хотел услышать. Аль-Ремиш — абрикос, который созрел для того, чтобы его сорвать.

— Боже...

— Слушай, Нассеф, и старайся не перебивать. Вади Эль Куф на сей раз не повторится. Мы не будем пытаться победить их лишь числом. Мы используем разработанную тобой тактику. Мы станем передвигаться ночами теми путями, которые использовал Карим, когда ты послал его убить Фарида.

Если Ученик и ожидал какой-либо реакции от Нассефа, то его постигло разочарование. Бич Божий ограничился лишь кивком.

Эль Мюрида по-прежнему не оставляли мысли о том убийстве. Последовавшая вслед за ним истерика Абуда была предсказуема, но появление наемников явилось полной неожиданностью. Хали представил своему Властителю полный отчет об операции. Потери Карима оказались чересчур большими. Он был обязан привести домой больше людей, чем привел. Но ведь Карим являлся креатурой Нассефа, а Непобедимые, которых он повел за собой, были верны лишь Эль Мюриду.

— Но прежде ты должен передать этот предмет своему тайному агенту при королевском дворе.

Нассеф открыл ларец, а затем бросил взгляд в сторону Рогатой Горы. Только три человека знали, кто был его агент. Двое из них были он сам и агент. А третьим был вовсе не Эль Мюрид. Более того, Нассеф был уверен, что Ученик вообще не догадывался о существовании подобного агента.

— Кимвалы? — спросил он.

— Их дал мне Ангел. В них должно быть скрыто нечто необычное. Исполни, что он повелел, Нассеф.

— Хм...

— Какое положение на побережье?

— Полностью под контролем.

— Скажи, можем ли мы попытаться захватить Аль-Ремиш только с помощью Непобедимых?

— Попытаться мы можем что угодно. Но это должен быть смелый удар. Совершенно неожиданный. Не думаю, что подобная операция осложнит наше положение на востоке. Там все идет к концу. Я передам командование Кариму. Он сумеет усмирить Тройес. Когда я уезжал, Тройес уже был готов начать переговоры. Несколько недель работы для Карима, и они пойдут на все наши условия. Эль Кадер уже подавил последние очаги сопротивления в южной части побережья. Эль Надим будет удерживать Себил-эль-Селиб. После того как Юсиф ушел, Эль Асвад не причинит нам никакого беспокойства.

— Наконец-то, — вздохнул Ученик. — После стольких лет. Как ты думаешь, Нассеф, почему валиг бежал?

Это был самый важный вопрос.

— Мне самому хотелось бы это знать. Я все время размышляю о том, что он мог припрятать в рукаве. Ну да ладно. Мы попробуем взять Аль-Ремиш. Попытаться стоит, даже если из этого ничего не получится. В любом случае такой рейд им вряд ли понравится. Юсиф в Аль-Ремише будет для нас опаснее, чем в Эль Асваде, где его ресурсы были ограничены.

Эль Мюрид постоянно носил с собой издевательскую записку Юсифа. Он извлек ее, чтобы изучить в сотый раз, хотя каждое слово уже давно прочно сидело в его памяти.

— «Мой дорогой Мика, — прочитал он вслух, — обстоятельства вынуждают меня временно покинуть мой дом. Я поручаю его твоим заботам, будучи уверенным, что ты во время моего отсутствия сохранишь его в полном порядке. Умоляю, без смущения пользуйся всей его роскошью во время своего пребывания там. Желаю, чтобы ты ожидал свое будущее с тем же нетерпением, с каким я ожидаю свое. Твой верный слуга Юсиф Аллаф Саид, валиг Эль Асвада».

— Для меня это по-прежнему остается тайной, — сказал Нассеф.

— Он издевается над нами, Нассеф. Хочет сказать, что ему известна какая-то тайна.

— Или Радетик хочет, чтобы мы так думали.

— Радетик?

— Все это должен был придумать иностранец: Юсиф не настолько изощрен. Все это сильно смахивает на блеф.

— Не исключено.

— Не будем играть по его правилам. Забудь об этом послании. Суть дела в том, что в Аль-Ремише он получил возможность нашептывать слова Властелина Зла прямо в ухо короля. Теперь он может собрать против нас огромные силы роялистов.

— Да. Конечно. Но нам следует действовать так, как сказал Ангел, и ударить в змеиное гнездо.

— Каковы бы ни были мотивы Юсифа, Властитель, я полагаю, что он совершил большую ошибку. После того как валиг перестал блокировать выход из Себил-эль-Селиба, роялисты не смогут нас остановить, если мы сумеем избежать общей битвы. Превосходство, которое они имели над нами под Вади Эль Куф, пока еще за ними.

— Собери всех Непобедимых. Итак, в этом году в Аль-Ремише во время Дишархуна.

— Счастлив повиноваться твоей воле, Властитель. Немедленно приступаю к делу. Передай мою любовь и наилучшие пожелания Мириам и детишкам.

После ухода Нассефа Эль Мюрид еще долго оставался в молчаливом одиночестве. Наступал критический момент. И из него следовало извлечь максимальную пользу. Ангел сказал, что после захвата Аль-Ремиша все проблемы решатся сами собой. Эль Мюрид продумывал, что необходимо предпринять в первую очередь.

— Хадж.

— Слушаю, Властитель.

— Отыщи и приведи ко мне Мауфакка Хали.

— Слушаюсь, Властитель.

— Мой господин Ученик, — сказал Хали, представ перед Эль Мюридом. — Ты пожелал меня видеть?

— У меня для тебя есть новости, Мауфакк. И поручение тоже.

— Всегда готов служить тебе, Властитель.

— Знаю. И приношу тебе свою благодарность. Особенно за то терпение, которое ты проявил в то время, когда мечи Непобедимых направлял Бич Божий.

— Властитель, мы тогда изо всех сил пытались понять, почему это необходимо.

— Ты видел свет на горе?

— Видел, Властитель. Ты беседовал с Ангелом?

— Да. И он сказал мне, что для Непобедимых настал час освободить Святилище Мразкима.

— Значит, Королевство Покоя совсем рядом, Властитель?

— Почти рядом. Мауфакк, мне показалось, что за время командования моего брата часть Непобедимых не устояла перед земными искушениями. Возможно, освобождение Святилища поможет очистить ряды от этих людей. Битва в Аль-Ремише будет очень жестокой, и много Непобедимых погибнет. Если наиболее верные из них окажутся в ином месте, если им будет поручена другая задача...

Он не стал продолжать, но Мауфакк и без того все понял. На его лице промелькнула одна из самых жестоких улыбок, которую когда-либо доводилось видеть Ученику.

— Понимаю. Какую задачу им поручить?

— Оставляю это на твое усмотрение. Отбери своих людей и затем сообщи мне о характере той миссии, которую я им поручил. На сей раз мы отпразднуем Дишархун в Аль-Ремише.

— Все будет сделано так, как ты повелел, Властитель, — произнес Мауфакк, зловеще усмехаясь.

— Да пребудет с тобой мир, Мауфакк.

— И с тобой, Властитель.

Хали вышел. Эль Мюриду показалось, что предводитель Непобедимых стал выше на целую голову.

Через некоторое время Ученик позвал негромко:

— Хадж...

— Слушаю, Властитель.

— Найди лекаря. Он мне нужен немедленно.

— Властитель?..

— Гора отняла у меня много сил. Я нуждаюсь в помощи.

Врач появился почти сразу. До вызова он спал и поэтому оделся поспешно и небрежно.

— Слушаю, Властитель, — с недовольным видом произнес лекарь.

— Мне больно, Эсмат. Ужасно больно. Лодыжка. Рука. Суставы. Дай мне что-нибудь.

— Это действует заклятие, Властитель. Его необходимо снять. Лекарство же может принести вред. В последнее время вы принимали слишком много опиумных снадобий, у вас может возникнуть привыкание.

— Не спорь со мной, Эсмат. Я не могу выполнять свои обязанности, постоянно борясь с болью.

Эсмат уступил. Силой характера лекарь не отличался.

Эль Мюрид откинулся на спинку трона и тут же утонул в успокаивающем тепле наркотика.

Надо будет поискать врача, который сможет укротить болезни и перехитрить заклятие, наложенной щенком валига, думал Ученик. Приступы боли мучили его каждый день, и снадобья Эсмата помогали все меньше и меньше.

Пустыня была все такой же бескрайней и голой, как и во время похода на Себил-эль-Селиб много лет тому назад, и столь же недружелюбной, как и во время его отчаянного бегства после битвы у Вади Эль Куф. Казалось, пустыня утратила свое обычное природное безразличие и стала откровенно враждебной. Но Эль Мюрид не позволял испугу взять верх. Более того, он наслаждался как самим походом, так и дикой красотой ландшафта.

Поход открывал для Ученика новые перспективы, и от полной победы его теперь отделяли не годы, а всего лишь считанные дни. Пройдет совсем немного времени и Королевство Покоя станет явью, а он сможет посвятить все свое сердце и разум выполнению своей подлинной миссии — воссозданию империи, воссоединению древних земель в сиянии Подлинной Веры.

Дни и часы неверных сочтены. Дети Властелина Зла обречены. Столь долгому восхождению Тьмы скоро будет положен конец.

Радостное возбуждение совершенно преобразило Эль Мюрида. Он распахнул свою душу и стал появляться то тут, то там, чтобы весело поболтать или обменяться шуткой с Непобедимыми. Мириам даже начала ворчать, так как, по ее мнению, подобное поведение разрушало величие образа Пророка.

Вскоре он начал узнавать места, в которых побывал много лет назад.

Долина, имевшая форму чаши, была где-то поблизости. И пока никто не бросил ему вызов. Ангел оказался прав. Нассеф снова проявил свой необыкновенный дар незаметно проскальзывать мимо вражеских дозоров. Могло создаться впечатление, что по пустыне движется войско, состоящее не из людей, а из призраков.

Эль Мюрид радостно рассмеялся, увидев с края долины шпили храмов, похожие в лунном свете на серебряные башни.

Час настал. Королевство Покоя было в его руках.

— Благодарю тебя, Юсиф, — прошептал он. — На сей раз ты перехитрил самого себя.

Глава 14

УКРАДЕННЫЕ МЕЧТЫ

Гаруну казалось, что Аль-Ремиш совсем не изменился. Пыль, отбросы и кишащие повсюду паразиты остались точно такими, какими он их запомнил. Жара была как всегда нестерпимой. Казалось, что она стекает по стенкам чаши, заливая долину. Из-под навесов, восхваляя свои товары, вопили уличные торговцы. Женщины визжали на детей и на других женщин. Обозленные жарой мужчины при малейшем столкновении взрывались приступами ярости. Единственным заметным изменением по сравнению с предыдущими визитами было меньшее количество людей в городе. Но Гарун знал, что по мере приближения Дишархуна это различие исчезнет, и, как только

толпы паломников затопят столицу, напряжение возрастет еще сильнее.

Уже сейчас в воздухе в атмосфере Аль-Ремиша ощущалось какое-то нездоровое напряжение, значительно большее, чем можно было бы ожидать в обычных обстоятельствах. Напряжение это было невозможно описать словами, но появление валига Эль Асвада со всем хозяйством и войском породило чувство вины и стыда среди тех, кто и пальцем не пошевелил для того, чтобы помочь Юсифу в его борьбе где-то далеко на юге. Его присутствие постоянно напоминало им об их вине, и это им крайне не нравилось. Кроме того, над столицей витала бледная тень страха. Реальность угрозы со стороны Эль Мюрида теперь могли отрицать лишь те, кто сознательно закрывал на нее глаза.

— Именно это они и делают, — сказал Радетик Гаруну. — Ослепляют себя. Человек хочет верить, что неприятность минует, если ее полностью игнорировать. Такова уж человеческая природа.

— Некоторые из них ведут себя так, словно во всем виноваты мы. Мы сделали все, что в наших силах. Чего же они еще хотят?

— И это тоже свойственно природе человека. Человек рождается узколобым, близоруким и неблагодарным негодяем.

Гарун покосился на учителя и, саркастически улыбаясь, произнес:

— Ни разу не видел тебя в столь кислом состоянии духа, Мегелин.

— Пребывание здесь преподнесло мне довольно много горьких уроков. И я боюсь, что уроки эти применимы и к так называемым цивилизованным нациям у меня дома.

— Что там происходит? — спросил Гарун, увидев какую-то суету около отцовского шатра. У нескольких человек были щиты со знаками королевского дома.

— Пойдем посмотрим.

Около шатра им повстречался Фуад. У дяди был несколько растерянный и изумленный вид.

— В чем дело? — спросил Гарун.

— Это Ахмед. Он пригласил твоего отца и Али разделить с ним трапезу сегодня вечером. Там же будет и король.

— Ты удивлен? — фыркнул Радетик.

— Да, очень. Особенно после того, как они игнорировали нас вот уже столько вечеров.

Гарун похолодел и обвел взглядом окружающие столицу холмы. До заката оставалось совсем немного времени. Им овладели дурные предчувствия.

— Скажи Юсифу, чтобы тот держал свои взгляды при себе. Они сейчас здесь неприемлемы. Абуд — старик, мыслит он медленно, и ему требуется время, чтобы до конца осознать потерю южной пустыни.

— Он бы понял все быстрее, если бы этот идиот Ахмед не болтался под ногами.

— Возможно, Гарун! В чем дело?

— Не знаю. Происходит нечто странное. Мне кажется, что приближающаяся ночь будет очень необычной.

— Провидческие мысли, мой друг? Берегись тех снов, которые посетят тебя этой ночью. Фуад, убеди Валига не наседать на Абуда. Чтобы добиться успеха у Абуда, он прежде всего должен стать приемлемым членом придворного общества.

— Скажу непременно, — ответил Фуад и отбыл, унося на лице одну из самых зловещих своих улыбок.

— Пойдем, Гарун. Ты сможешь помочь разобрать мои бумаги.

Плечи Гаруна уныло опустились. Бумагам и заметкам не было числа. И все они находились в полнейшем беспорядке. На то, чтобы их рассортировать, потребуются годы. К этому времени наберется новая гора записей.

Он еще раз взглянул на холмы. Они показались ему недружелюбными и какими-то холодными.

Лалла была жемчужиной в гареме Абуда. И хотя ей едва исполнилось восемнадцать и в число жен короля она не входила, юная красавица, вне всякого сомнения, была наиболее могущественной женщиной в Аль-Ремише. Столица полнилась песнями, восхваляющими ее красоту и грацию. Абуд был от

нее без ума и выполнял малейшие прихоти. Ходили слухи, что он готов взять ее в жены.

Много лет тому назад девочку подарил королю один из мелких валигов с побережья моря Коцум. Но внимание Абуда она привлекла совсем недавно.

Абуд вел себя как ослепленный страстью, неумный и упрямый мальчишка. При каждой возможности он выставлял напоказ прелести Лаллы, которые только он познал до конца, искушая весь двор своей любимой игрушкой. Каждую ночь он вызывал ее из сераля и заставлял танцевать перед собравшейся знатью.

Юсиф не мог оторвать глаз от ее гибкого тела. Как и всякому мужчине, Лалла ему нравилась, но временами его мысли уплывали куда-то вдаль, и он начинал ощущать чувство необъяснимой вины. Его сердце не желало принимать доводы разума. Он не мог стряхнуть с себя чувство отчаяния, вызванное тем, что ему пришлось покинуть дом своих предков.

Он и его сын Али были гостями кронпринца Ахмеда. Ахмед остался единственным человеком в окружении короля, которому еще не опротивели попытки Юсифа организовать большой поход против Ученика.

Юсиф не находил себе места. В Аль-Ремише творилось нечто странное и неправильное, хотя ничего конкретного Валиг не видел. Чувство беспокойства усиливалось всю неделю и этим вечером достигло такой силы, что по его коже поползли мурашки.

Что-то очень нехорошее присутствовало и в Ахмеде. И это нехорошее особенно ярко проявлялось в те моменты, когда он смотрел на Лаллу. В его глазах была видна откровенная похоть. Но не только она одна. Он казался слишком возбужденным, и на его губах блуждала алчная и зловещая улыбка, которую он был не в силах скрыть. Юсиф опасался, что улыбка эта предшествует большому несчастью.

Лалла подошла ближе, извиваясь всем телом. Ее роскошные бедра были в каких-то дюймах от него. Опасения Юсифа несколько рассеялись. Когда танцевала Лалла, даже его заботы отходили на второй план. Ее красота одурманивала, словно сильнейший наркотик.

А как на нее взирал Ахмед! Создавалось впечатление, что он уже испытал все прелести этой женщины и настолько одурманен ими, что готов на убийство ради того, чтобы она принадлежала ему одному. Во взгляде кронпринца читалось безумие.

Нервное напряжение, испытываемое Юсифом, обострило все его чувства, и он всем своим существом ощущал подспудные течения, наполняющие помещение. Параноидная подозрительность, увещевал он самого себя. На Лаллу с вожделением пялился не только Ахмед. По меньшей мере дюжина лиц кричала о том, что их обладатели — дикие Дети Пустыни готовы на убийство ради того, чтобы заполучить танцовщицу.

Беспокойство снова стало овладевать Юсифом. Даже мелодичные колокольчики на пальцах Лаллы не могли успокоить его сердце. Это был отвратительный день. С юга наконец поступили новости, но они оказались скверными.

Эль Мюрид взбирался на Рогатую Гору, и там произошло нечто зловещее. Пламя в небесах можно было увидеть с расстояния в сотни миль. Эль Мюрид спустился вниз преисполненный решимости. Он созвал под свои знамена племена пустыни, чтобы с их помощью изгнать роялистское зло. Согласно слухам, на его призыв ответили многие тысячи воинов, потрясенных внушительным зрелищем над Рогатой Горой.

Говорили также, что Бич Божий покинул свои войска на побережье. Он собрал Непобедимых и пустился в путь. Лиса снова оказывается в курятнике, но в Аль-Ремише это, судя по всему, никого не волнует.

Магическая стена, воздвигнутая на фундаменте добровольного ослепления, полностью изолировала долину в форме чаши, в которой стоял Аль-Ремиш. Реальность не могла пробиться через нежелание видеть истину. Военачальники роялистов, отгородившись от внешнего мира, предались наслаждениям. Даже самые закаленные из них, самые трезвые, самые практичные — и те в своем беспутстве уподобились кронпринцу.

Юсиф был потрясен. Большинство этих людей он знал вот уже много десятилетий. Здесь, без сомнения, работали темные силы, иначе происходящее объяснить было невозможно. Со-

здавалось впечатление, что все здесь бегут от реальности, пытаясь урвать напоследок как можно больше удовольствий.

Но не все еще потеряно, и это мог видеть любой дурак. Здесь на севере верных войск было достаточно для того, чтобы дважды сокрушить Эль Мюрида.

Юсиф незаметно покосился в сторону хозяина. Кронпринц выглядел недовольным, внося диссонанс в общее веселье. Интересно, почему Ахмед решил в этот вечер пригласить своего далекого родственника с юга? Почему он так взволнован и столь откровенно похотлив?

Поведение Абуда можно было извинить. Старику жить оставалось совсем немного, и он с ужасом ждал прихода Черной Дамы. Король старался призвать к себе призрак своей юности. Но Ахмед... Ахмеду прощения быть не могло.

Юсиф тайно опросил наиболее трезвомыслящих представителей знати. Его собратья валиги были едины в том, что Ахмед — это ходячая катастрофа. После гибели Фарида он стал оказывать сильное влияние на своего отца, что таило в себе огромную опасность. Его советы привели к тому, что роялисты потерпели несколько мелких поражений от партизан Эль Мюрида, действующих неподалеку от Аль-Ремиша. Но те же трезвомыслящие отказывались от предложений Юсифа взять инициативу в свои руки...

Королевство и двор разлагались, не успев умереть. Запах этого разложения пропитал всю державу. Страну разъедала коррупция. И никто не желал пошевелить пальцем для того, чтобы остановить распад. Самое трагичное было то, что Абуд все еще был значительно сильнее, нежели Эль Мюрид. Решительный, готовый на действия вождь мог бы без труда уничтожить Ученика.

Гнев впрыснул адреналин в жилы Юсифа, и он сквозь зубы процедил:

— Его необходимо убрать!

Это заявление вызвало косые взгляды гостей, сидящих с ним рядом. На валига частенько смотрели неодобрительно, поскольку он уже успел заслужить репутацию неотесанного провинциального родственника.

— Перестань, Юсиф, — негромко произнес Абуд. — Помолчим, пока танцует Лалла.

Юсиф перевел взгляд с короля на наследника. На лице Ахмеда была зловещая улыбка. Через несколько мгновений он, ни слова не говоря, выскользнул из помещения.

Юсиф удивлялся этому не более секунды. Нежный звон наперстных кимвал, развевающиеся полупрозрачные покровы и шелковая кожа Лаллы полностью завладели его вниманием.

— Да перестанешь ли ты наконец? — выпалил Рескирд. — Или хочешь, чтобы у меня крыша поехала?

— Перестать что? — остановившись, спросил Браги.

— Расхаживать. Туда-сюда. Туда-сюда. Как будто родить собираешься.

Хаакен промычал, выражая согласие с Драконоборцем, и в свою очередь спросил:

— В чем дело?

Браги даже не замечал того, что расхаживает.

— Не знаю. Избыток нервной энергии, наверное. Это место наводит на меня страх.

Наемники стали лагерем на западном склоне чаши. Палатки стояли в отдалении от Аль-Ремиша, но недостаточно далеко, чтобы удовлетворить солдат. Между туземцами и чужаками то и дело возникали трения. Солдаты Гильдии пытались держаться особняком, обливая презрением этот варварский Аль-Ремиш и всех его обитателей.

— Я слышал, что мы здесь надолго не задержимся, — сказал Рескирд. — Говорят, что они скоро с нами расплатятся и отпустят.

— Жду не дождусь, — заметил Хаакен.

Браги сел, но усидеть на месте не смог. Уже через минуту он снова принялся расхаживать вокруг костра.

— Опять принялся за свое, — проворчал Рескирд.

— Ты действуешь мне на нервы, — вступил Хаакен. — Почему бы тебе не пойти прогуляться?

— Пожалуй, я это и сделаю. Может быть, найду Гаруна и узнаю, как его дела. Не видел его со времени нашего прибытия сюда.

— Отличная идея. Только внимательнее смотри по сторонам, чтобы тебе не пришлось спасать его задницу в третий раз. — Хаакен и Рескирд весело заржали.

Браги внимательно оглядел окружающие холмы, не зная, что он там хочет усмотреть. В воздухе ощущалась напряженность, которая обычно бывает перед грозой.

— Да. Именно так я и сделаю.

— Не задерживайся, — предупредил его Хаакен. — В полночь нам заступать в караул.

Браги подтянул штаны и быстро зашагал прочь. Через несколько минут он уже оказался за пределами лагеря и шел между палатками паломников, прибывших в столицу на празднование Дишархуна. К тому времени, когда Браги добрался до самого города, его нервы немного успокоились, и он принялся размышлять о том, как лучше найти Гаруна среди людей, на языке которых он не знал ни слова. Рагнарсон не имел ни малейшего представления о том, где валиг разбил свой лагерь.

К тому времени, когда поиски привели его к стене, окружающей Святилище Мразкима, он уже успел забыть о цели своей экспедиции, превратившись в обыкновенного зеваку. Раньше в городе ему бывать не доводилось. Даже во тьме ночи чужая архитектура поражала.

Гарун не мог уснуть. И не только он один. Весь Аль-Ремиш, казалось, не находил себе места. Фуад, начав еще на закате, продолжал точить свой меч. Мегелин расхаживал туда-сюда, раздражая Гаруна своей болтовней. Радетик утратил столь присущую ему точность речи и нес какую-то чепуху, перескакивая с одной темы на другую. Нервное напряжение возрастало, не находя выхода ни в каком определенном направлении.

Первые возбужденные выкрики на улице даже принесли им какое-то облегчение. Когда они выскочили из своих шатров в лунную ночь, их лагерь уже кишел облаченными в белые балахоны Непобедимыми.

— Откуда, дьявол бы их побрал, они возникли? — бросил Фуад и крикнул: — Алтаф! Белул! Ко мне!

— Мегелин, что происходит?

— Эль Мюрид здесь, Гарун! Возвратился, как и обещал, чтобы отпраздновать Дишархун.

Через несколько мгновений началась всеобщая, хаотичная свалка. Роялисты и Непобедимые сражались без всякого плана. Главной задачей сражающихся было желание выстоять в схватке с ближайшим к нему противником.

— Король мертв!

Десять тысяч глоток издали вопль отчаяния. Многие роялисты, побросав оружие, обратились в бегство. Это в полной мере проявилась та внутренняя гниль сторонников короля, которую ощутил Юсиф, едва успев появиться в Аль-Ремише.

— Ахмед предал своего отца!

Это сообщение о сыновней измене было даже более деморализующим, нежели весть о кончине короля. Как можно сражаться за Корону, если наследник монарха находится в стане врага?

— Отец, значит, был там? — спросил Гарун.

— Совершенно верно, — задумчиво протянул Радетик. — Но он...

— Я найду его, — прорычал Фуад. — Я ему нужен. Рядом с ним сейчас нет никого, кроме Али. Некому прикрыть его со спины! — С этими словами он, широко взмахнув острым как бритва мечом, срубил ближайшего к нему врага.

— Фуад! — выкрикнул Радетик. — Вернись! Там ты уже ничего не сможешь сделать!

Но Фуад ничего не слышал.

Гарун бросился вслед за дядей, но Радетик успел схватить его за рукав.

— Не будь идиотом!

— Мегелин!

— Нет. Это же глупо. Подумай. Теперь ты стоишь вплотную к тронам. Кто наследует твоему отцу и Али? Никто. Во всяком случае, не Ахмед. Только не Ахмед. Ахмед — покойник, вне зависимости от того, кто победит сейчас. Нассеф хочет его смерти даже гораздо больше, чем мы.

Гарун попытался вырваться, но Радетик держал крепко.

— Стража, к нам! — приказал он.

Некоторые из людей валига повиновались. Они слышали, что перед этим говорил Радетик.

— Претендент должен остаться обязательно, Гарун. В противном случае все потеряно. За тобой в линии наследования стоит Нассеф.

Белые мантии продолжали рекой литься в Аль-Ремиш. Но впереди них мчались замешательство и паника. Дважды Мегелину и охране пришлось отбиваться от нападения. Радетик продолжал собирать вокруг себя сторонников короля.

С целью истребить семейство валига появился новый отряд Непобедимых. Воины были полны решимости. Радетик сражался словно демон, показывая те приемы боя, которые редко можно было увидеть за пределами фехтовальных залов Ребсамена. Его упорство подняло дух людей, которых он сумел собрать вокруг себя. Гарун бился бок о бок с учителем, стараясь улучить минуту, чтобы обратиться к своему искусству шагана. Однако Непобедимые так и не предоставили ему такой возможности. Его товарищи начали ослабевать.

Гарун тем не менее попытался запустить руку в мешок с магическими принадлежностями. У него над ухом просвистел клинок. Юноша выронил мешок и потерял его из виду.

Остановить Непобедимых было невозможно. Сейчас он умрет...

Дикий рев перекрыл шум ночного сражения. Вращая меч над головой обеими руками, в строй Непобедимых с тыла врубился Браги Рагнарсон. Через несколько секунд полдюжины белых балахонов валялась на земле. Некоторые бросились в стороны от меча безумца. Северянин набросился на оставшихся, колошматя своим тяжелым мечом по их саблям.

Непобедимые разбежались, а Гарун, истерически расхохотавшись и глядя на Мегелина, выдавил:

— Третий раз! Он сделал это трижды!

На заплетающихся ногах он побрел к Браги, который продолжал размахивать мечом, обзывая Непобедимых трусами и приглашая их вернуться. Гарун обнял гиганта и произнес:

— Не могу поверить. Снова ты!

Браги стоял и, тяжело дыша, смотрел вслед убегающим Непобедимым.

— Значит, я все-таки нашел тебя? Охотился с самого заката.

— Успел как раз вовремя! Угадал точно в срок!

— Вот уж не думал, что такое может случиться со мной, — содрогаясь произнес Браги.

— Мой отец впадал в безумие, когда хотел этого, но... Однако, что происходит? Как они сюда попали? Мне, пожалуй, лучше отправиться в лагерь.

— Отсюда, парень, тебе туда не попасть. — На склоне, чуть ниже лагеря наемников кипела битва. — Оставайся здесь. Гамел. Найди Королевский штандарт. Надо показать нашим людям место сбора.

Радетик делал все, что возможно, непрерывно упоминая Трон, Корону и короля, но предотвратить полное крушение не удавалось. Аль-Ремиш был обречен. Несмотря на отчаянные вылазки наемников из своего лагеря, инерцию разгрома остановить было невозможно.

— Мегелин, как могло случиться, что Аль-Ремиш так легко пал? — чуть ли не скуля спросил Гарун. — Ведь здесь так много преданных и храбрых воинов.

— Большинство из которых немедленно пустились в бегство, — ответил Радетик.

К ним подошла группа молодых людей под командованием раненого офицера.

— Сыновья знати, ваше величество, — прошептал он. — Позаботьтесь о... — Не закончив фразы, воин рухнул на землю.

Гарун в изумлении взглянул на тело.

— Ваше величество? — прошептал молодой человек. — Он назвал меня величеством.

— Новости распространяются быстро, — сказал Мегелин. — Посмотрите. Наемники уходят. Настало время двигаться и нам. Вы все, соберите животных, где только можете, и провиант.

— Мегелин...

— Времени для спора, Гарун, не осталось, — бросил он, а затем, обращаясь к Браги, произнес по-троллединги: — А ты присмотри за ним. Не позволяй ему творить глупости.

— Мне надо вернуться в часть, — возразил Рагнарсон.

— Боюсь, что ты опоздал, сынок. И притом сильно, — сказал Радетик и продолжил спор с Гаруном.

Гарун постепенно уступал неопровержимым доводам Мегелина. Аль-Ремиш потерян, так же как вся его семья. У него не осталось никого кроме Мегелина и этого странного юноши с севера. Дрожа от ярости и ненависти, он позволил Радетику увести себя в ночь.

Ахмед ждал среди мертвых, обнимая испуганную Лаллу. Вокруг стояли солдаты его личной охраны. Воины выполняли свой долг, несмотря на то что ненавидели кронпринца за отцеубийство и измену. Примерно дюжина Непобедимых наблюдали за ними, проявляя полнейшее равнодушие к следам недавней бойни.

Сердце Ахмеда бешено колотилось в груди, похожее на чудовище, стремящееся вырваться из тесной клетки.

— Я сделал это ради тебя, Лалла. Я сделал это ради тебя.

Девушка не отвечала.

Непобедимые приняли стойку смирно. В помещение вошел человек в черном. Пришелец обвел присутствующих жестким взглядом. Полы его бурнуса попали в лужу крови. Человек недовольно проворчал.

Кровь здесь была повсюду. На стенах, на полу, на мебели и на телах. Трупы громоздились один на другом. Мертвецов в белом было гораздо больше, чем покойников в ярких одеждах, которые предпочитали роялисты. Абуд обрадовался бы, увидев подобное, хихикнул про себя Ахмед. На какой-то момент он забыл, кто здесь умер первым.

Пришелец что-то спросил, но Ахмед не уловил вопроса. Все его внимание было посвящено Лалле. Девушка плакала.

Его плечо сильно сжала чья-то рука. Все тело пронзила острая боль.

— Прекратите! — взвизгнул он.

— Поднимайся! — Пришелец сдавил плечо еще крепче. Охранники принца выжидали, не зная как поступить.

— Ты не смеешь так поступать. Прикосновение к королю карается смертью. — Ахмед потянулся к Лалле.

— Перестань прикидываться идиотом. Никакой ты не король и никогда им не будешь!

— Да кто ты такой? — Несмотря на испуг, Ахмед сохранил столь свойственное всем Квесани высокомерие.

— Я — Бич Божий, человек, с которым ты вел переписку.

— В таком случае ты знаешь, что я — король. Ты согласился помочь мне занять трон.

— Да, я это сделал — тонко улыбнувшись, проговорил Нассеф. — Но я никогда не обещал помогать тебе усидеть на нем.

Ахмед был потрясен.

— Но ты же обещал... Лалла...

Он предал свою семью и убил отца ради того, чтобы стать королем и обладать Лаллой. Первоначально это была ее идея...

— Кроме того, я обещал тебе эту женщину, не так ли? Заприте ее вместе с ним.

— Но, господин, — запротестовала Лалла, — я сделала все так, как ты мне велел.

— Уведите их, — приказал Нассеф, а затем, обернувшись к вошедшему следом за ним человеку, сказал: — Распорядись, чтобы здесь все убрали до прихода Ученика.

— Нет! — взвизгнул Ахмед. Он вонзил кинжал в грудь одного из Непобедимых и полоснул по горлу другого. Его телохранители с энтузиазмом бросились в бой.

Ахмед сделал вид, что нападает на Нассефа. Бич Божий, пытаясь избежать удара, запутался в полах бурнуса. Ахмед кинулся к выходу, и за ним последовали его телохранители.

— За ними! — взревел Нассеф. — Убейте их! Убейте их всех! — Бросив взгляд на Лаллу, он приказал: — Отнимите у нее кимвалы. Нельзя позволить, чтобы она использовала их чары против нас. Сберегите девчонку для меня, — закончил он с жестокой улыбкой.

Задержавшись на половине восточного склона долины, Гарун оглянулся. Примерно треть Аль-Ремиша была в огне. Сражение еще продолжалось, но было ясно, что оно скоро за-

кончится. На дальнем от него склоне пылал лагерь наемников. Хоквинд оставил его Непобедимым.

— Мне очень жаль, — сказал Гарун, обращаясь к Браги. — Думаю, что сможешь воссоединиться с ними позже.

— Да. Мне только хочется, чтобы брат узнал, что со мной все в порядке.

— Мы не можем терять времени, Гарун, — напомнил Радетик.

— Послушайте! — бросил Браги. — Кто-то приближается.

Стук копыт становился все ближе. Сабли вылетели из ножен.

— Спокойно! — сказал Гарун. — Это не Непобедимые.

— Это Ахмед! — прорычал кто-то.

— Убить его! — выкрикнул другой голос.

Люди Гаруна окружили кронпринца. Послышались проклятия.

— Назад! — выкрикнул Радетик. — У вас против него ничего нет. А слухи могли быть распущены специально. Приведи его ко мне, Гарун. Послушаем, что он скажет. — В глубине души Радетик верил в самое худшее.

Но Ахмеду не хватило времени на то, чтобы признать свою вину. Отряд поднялся на вершину склона и оказался лицом к лицу с противником.

— Это Эль Мюрид! — воскликнул Гарун. — Вперед!

Телохранителей Ученика было значительно больше, чем роялистов, но они были разбросаны по большой территории и к тому же не ожидали нападения. Семейство Ученика и его многочисленные слуги, спешившись, сидели или лежали на земле, некоторые из них дремали.

— Может быть, Бог все-таки есть, — пробормотал Радетик, пришпоривая коня. Один удар способен полностью изменить ход войны. Без Эль Мюрида его движение мертво.

Гарун и Браги прорубились через вражеский пикет. И теперь их клинки без устали опускались на незащищенные плечи и головы членов семейства и слуг Ученика. Женщины визжали. Мужчины разбегались в разные стороны. Боевой клич роялистов заполнил ночь.

Телохранители из числа Непобедимых, придя в себя, бросились на роялистов с безумной, неукротимой яростью. Они ценили своего Пророка больше собственной жизни.

— Куда ты спрятался, Маленький Дьявол, — вопил Гарун. — Выйди и умри как мужчина, трус!

Ахмед встал рядом с Гаруном, с противоположной от Браги стороны. Он сражался с такой яростью, которую было невозможно ожидать от него всего лишь час назад.

Гарун, увидев, как среди скал чуть поодаль от него пробирается какой-то мальчишка, пришпорил коня. В тот же миг откуда-то сбоку возникла лошадь и вынудила Гаруна отвернуть. На мгновение он встретился взглядом с девочкой-всадницей. В ее глазах он увидел огонь и сталь. Увидел душу, которую было нельзя ничем запугать. И не только это... Но она ускакала, унося с собой мальчишку. Гарун переключил внимание на женщину, бежавшую вслед за детьми.

С изумление он понял, что знает ее. Это была жена Ученика. И снова с открытым лицом. Он взмахнул саблей, и клинок врубился в плоть. Женщина вскрикнула. Но Гарун уже проскакал мимо, чтобы развернуться и найти новую жертву. Ученик должен находиться где-то рядом.

В этот миг он почувствовал удар и понял, что ранен, хотя боли и не было. Браги срубил одного Непобедимого, в то время как Ахмед дрался еще с двумя. К ним приближался четвертый. Гарун забыл, что Ученик бьется за свою жизнь.

Прошло пять минут. Эти минуты показались ему вечностью. Он слышал, как Мегелин кричит полным боли голосом, собирая вокруг себя роялистов и приказывая им отходить. Ему хотелось отменить распоряжение Радетика, хотелось остаться, чтобы продолжать бой. Упускать такую возможность он не имеет права... Но при этом он понимал, почему Мегелин командует отступление. К этому времени роялисты начали получать полной мерой от численно превосходящего их противника. Половина их погибла, большинство остальных были ранены.

— Гарун! — кричал Мегелин. — Уходим! Все кончено!

Браги, отведя в сторону меч, схватил поводья коня Гаруна. Гарун дернулся в седле. Рана оказалась серьезнее, чем он думал.

Несмотря на ранение, отходом командовал Радетик.

— Захватите как можно больше лошадей! — кричал он. — И верблюдов! У нас множество безлошадных раненых. Непобедимые могли бы с ними разделаться без труда, если бы чуть меньше беспокоились о безопасности своего Пророка и его семейства.

— Быстрее! Быстрее! — торопил Радетик. — А вы, здоровые, рассадите раненых по двое на одно животное.

Гарун оглянулся еще раз. Поле битвы было усеяно мертвыми и умирающими. Большинство из них были сторонниками Эль Мюрида.

— Мы достали его? — прохрипел он, обращаясь к Браги. — Как ты думаешь?

— Нет, — ответил северянин. — Не достали.

— Будь он проклят. Проклят! Проклят!

— Если на его стороне и не Бог — то уж Дьявол точно, — произнес с усталой усмешкой Браги. — Двигайся. Они поскачут за нами, как только наведут у себя порядок.

Глава 15

КОРОЛЬ-БЕЗ-ТРОНА

Караван состоял из двадцати одной лошади, двадцати трех человек и восьми верблюдов.

Люди и животные брели под палящим полуденным солнцем по выбеленной до цвета кости пустыне. Лишь тяжелораненые покачивались в седлах. Те же, кто брел пешком, со стонами и проклятиями волокли за собой упирающихся животных по каменистому, пыльному и обдуваемому всеми ветрами руслу высохшей реки. Унижение, отчаяние и ожидание неминуемой смерти были постоянными спутниками этих людей. Сердца людей разрывались от предательства Ахмеда, но никто из них не испытывал боли сильнее, нежели он сам.

Люди цеплялись за жизнь и продолжали путь только потому, что жаждали отомстить. Королевство было потеряно, но Королевская Кровь и Корона остались целы, и их следовало сохранить ради будущего.

Эти идеи не проявлялись в каких-либо связных мыслях. Люди были слишком изможденны для того, чтобы размышлять. Решимость скрывалась у них внутри. Внешне же они были заняты лишь борьбой с жарой, жаждой и усталостью. В конечном итоге все желания сводились к одному — сделать следующий шаг.

Русло исчезло, превратившись в раскаленную добела равнину, усеянную скальными выступами размером с хорошую палатку.

— Вот подходящее место, — прохрипел Ахмед.

— Я запрещаю, — ответил Гарун. — Я теперь король. Ты уступил мне власть, и я запрещаю.

Ахмед дал сигнал, и его люди заняли позиции за скалами.

— Да поможет вам Бог, ваше величество.

— Проклятие!

— Гарун, — голос Радетика походил одновременно на шепот и на стон, — позволь человеку умереть той смертью, которую он для себя избрал.

— Он прав, — добавил Браги и стал собирать воду у тех, кто оставался в засаде.

Гаруна мучили сомнения. Эти люди едва его знали. И в том, что они остаются умирать за него, он видел какую-то вопиющую несправедливость.

— Ахмед...

— Уходите, ваше величество. Клубы пыли приближаются. Мы умираем ради Королевской Крови. Таков наш выбор. Ступайте.

Браги закончил сбор воды и спросил:

— Гарун, ты идешь? Или прикажешь тебя тащить?

— Хорошо, хорошо, иду, — ответил Гарун и двинулся в путь.

Теперь их осталось шестеро, и все, кроме Мегелина, шли пешком. Радетик сидел в седле, а его внутренности постепенно выте-

кали на спину лошади, которую вел на поводу Гарун. Браги пытался сбить в кучу остальных животных и трех мальчишек.

«Я — король, — твердил себе Гарун. — Король. Как это могло случиться?»

Али умер. Юсиф умер. Фуад погиб, так же как и его сыновья. Ахмед в искупление своей вины избрал смерть. Таким образом, остался один Гарун бин Юсиф, за которым в линии наследования шел Нассеф.

Он не позволит Божьему Бичу захватить королевство.

Правда, от королевства мало что осталось, размышлял он. Но даже для того, чтобы получить эти остатки, потребуется пролить море крови и слез. Если он попытается... Он оглянулся. Воинов, укрывшихся в засаде, видно не было, и Гарун послал Ахмеду последний молчаливый привет.

В смертельной ситуации, в минуту наивысшего кризиса Ахмед проявил такой характер, которого от него никто не ждал. В нем пробудилось мафти аль хазид прошлых времен — так называемая «гордость смерти», позволявшая легионам Ильказара стоять подобно скале, невзирая на неминуемое полное уничтожение.

Поднятые преследователями клубы пыли были уже совсем рядом. Отряд вел сам Нассеф. Никто иной не смог бы обеспечить столь отчаянной гонки.

Гарун увидел, как спотыкается Браги, пытаясь вернуть норовистого верблюда в караван. Мальчишки вот-вот были готовы уподобиться этому верблюду. Никакой надежды не останется, если он попытается спасти весь свой отряд.

— Все или никто. Все или никто, — шептал он себе, прогоняя постыдную мысль о том, что если бросить всех остальных, то он и Браги могли бы спастись.

Птицы — пожиратели падали, кружились в воздухе, как бы гарантируя своим присутствием верную смерть. Нассеф без труда мог обнаружить беглецов, следя за их полетом.

Гарун уткнулся взглядом в землю под ноги.

— Шаг, еще шаг... еще... — бормотал он не переставая. В конце концов ему удалось втянуть лошадь Радетика в тень очередной речной долины. Интересно, сколько еще до гор, спра-

шивал он себя. Слишком далеко. Его плоть была готова предать волю и капитулировать перед неизбежностью.

Покрытые трещинами губы Гаруна растянулись в слабой улыбке. Ведь совсем недавно они бросились на Ученика словно бешеные волки и чуть не прикончили его. Едва не убили жену и чуть было не захватили жемчужину его сераля — дочь, которая наконец сможет получить имя во время празднования Дишархуна. Он все еще не мог забыть ее яростный взгляд округлившихся глаз, преисполненных желанием спасти брата. В этом взгляде он прочитал еще что-то, но что именно, понять не мог.

Гарун вспомнил о Мириам, и улыбка его стала шире. Видимо, он зацепил ее саблей сильнее, чем думал. Нассеф преследовал его неумолимо и без устали. С такой одержимостью гонятся лишь за личным врагом. Он убивает своих людей этой гонкой.

Рана на внешней стороне левой руки была не глубокой, но болезненной. Гарун ею гордился и нес окровавленную повязку как знак храбрости.

Радетик застонал, и Гарун поднял глаза на старика. Бедный Мегелин, такой бледный, такой ослабевший. В поисках знания он забрался в немыслимую даль, где его и предало сердце. Он полюбил Гаруна. Старику следовало уйти в тот момент, когда закончился срок его договора. Но он забыл о своей родине, о своей стране, и вот теперь должен платить жизнью за этот проступок. А он, Гарун бин Юсиф, всего за несколько часов превратился в мужчину и воина. Теперь ему предстояло стать вождем и королем. Но пока он брел по незнакомой пустыне, изнывая от жары и жажды. В этом скорбном пути ему помогает лишь один растерянный чужеземец, а за спиной уже тявкают шакалы Эль Мюрида.

Он должен выжить. Он должен отомстить за отца, брата, дядю и даже за мать. И за Мегелина, конечно. Прежде всего за Мегелина. Любимый Мегелин, который был ему отцом больше, чем Юсиф...

Окружающий ландшафт его не интересовал. Он плелся, следуя изгибом долины до тех пор, пока долина в целом шла к

северу, к хребту Капенрунг и границе Хаммад-аль-Накира. Браги и мальчишки плелись позади, вполне полагаясь на своего вожака. Высокие берега бывшей реки хоть и скверно, но все же защищали от солнца и ветра.

Мысли Гаруна вновь обратились к дочери Эль Мюрида. Что же он все-таки увидел в ее лице? Может быть, наступит день, когда...

Только одно обстоятельство могло подсластить горечь роялистов, вызванную падением Аль-Ремиша. Непобедимые понесли огромные потери, что не позволит Ученику быстро развить свой успех. Разбросанные по стране сторонники короны получат время для того, чтобы перегруппироваться и контратаковать. Самопожертвование Ахмеда поднимет к борьбе тысячи колеблющихся сердец. Люди Хаммад-аль-Накира обожали подобные жесты.

Гарун пытался отогнать от себя жару и отчаяние тем, что рисовал в уме картины будущего. Он размышлял о верных Короне людях. Некоторые из них разойдутся по всей стране, согласно планам, разработанным давным-давно отцом и Радетиком. Если потребуется, они смогут перегруппироваться за пределами Хаммад-аль-Накира. Ведение освободительной войны можно будет финансировать золотом, хранящимся в банках Хэлин-Деймиеля.

Если он примет вызов судьбы, если станет их королем, то сможет ли он сплотить их вокруг себя и властвовать? Без Мегелина? Старик долго не продержится.

Когда Мегелин упал, все рациональные мысли его покинули. Этот старый чужестранец стал для него всем. Юсиф лишь дал ему жизнь. Мегелин же любил мальчишку и развивал его ум. Мегелин слепил из него того человека, каким он сейчас стал.

Гарун попытался поднять Радетика, но тут же почувствовал, что сердце старика остановилось.

— Мегелин. Только не сейчас. Не сдавайся. Мы почти у цели. Мегелин! Не умирай!

Но даже приказ короля был не способен предотвратить приход Черной Дамы.

Смерть Мегелина явилась той последней соломинкой, которая ломает спину верблюда. Он не мог дольше сдерживать своего горя.

— Будь ты проклят! — выкрикнул он, обращаясь лицом на юг. — Нассеф! Мика аль Рами! Вы умрете за это тысячью смертей! Мое мщение будет столь жестоким, что люди не забудут его и через тысячелетие!

Гарун продолжал и продолжал выкрикивать яростные проклятия. Какая-то сохранившая хладнокровие часть разума подсказывала ему, что со стороны он выглядит смешным, но юноша был не в силах остановиться.

Спутники Гаруна не обращали на него никакого внимания. Они просто сидели на камнях, молча ожидая, когда накопившиеся в нем боль и ярость выплеснутся до конца. Браги, правда, сделал безуспешную попытку утешить Гаруна, припомнив, какую боль он испытал после смерти отца.

Возвращение Гаруна к жизни началось с приступа презрения к самому себе за то, что он стал поносить Браги за его заботу. Северянин отошел и уселся на обломок скалы, полностью игнорируя вопли Гаруна. Это поразило юношу в самое сердце, и он испытал новый приступ душевной муки. Неужели он настолько обезумел, что готов оскорблять своего единственного друга?

Когда наступали моменты тишины, до них издалека доносились звуки схватки. Воины Ахмеда дорого продавали свои жизни. Он не имеет права допустить, чтобы их жертва оказалась напрасной. Он должен продолжать, а в крайнем случае сделать так, чтобы пустыня поглотила бы его прежде, чем он попадет в руки Бича Божьего.

Он поцеловал своего учителя в холодеющую щеку. В его глазах стояли слезы.

— Я буду оплакивать тебя, Мегелин. Эта пустыня не место для упокоения одного из лучших умов Ребсамена.

Стервятники мрачными тенями сидели на окаймляющих долину скалах.

— Но я должен оставить тебя. Ведь ты поймешь меня, не так ли? Ты же всегда учил меня понимать необходимость. —

Гарун выпрямился и продолжил: — Браги! Надо двигаться. Они прорвутся сквозь засаду через несколько минут.

Звуки сражения уже стали заметно тише.

Он повел людей дальше в ночь, понимая, что темнота не остановит Нассефа. Остановить его могла только сама Черная Дама. Трое мальчишек все больше и больше слабели. Лошади встали и отказывались двигаться дальше. Даже верблюды становились все более и более несговорчивыми. Даже Браги начал злиться. Он не знал, как сладить с животными.

Гарун забил наиболее слабую лошадь, собрал ее кровь и распределил между беглецами. Их запасы воды давно закончились. Он обращался к Богу, сам не зная какому, чтобы тот одарил его мужеством, указал путь и сотворил чудо. Все его королевство сейчас ограничивалось узким и, возможно, не имеющим конца сухим руслом, извивающимся по пустыне.

В середине ночи долина реки растворилась в пустыне, залитой серебряным светом равнодушной луны. Если бы Гарун остановился, чтобы прислушаться, до него ясно донеслись бы крики людей и ржание лошадей. Нассеф снова приближался к беглецам.

Через несколько мгновений после того, как они вышли из долины, Гарун в изумлении остановился. Перед ним возвышалась странная старинная башня. Гарун сразу узнал тип строения. Императоры Ильказара построили сотни таких башен в качестве укрытий для местных гарнизонов. Их руины можно было увидеть во всех местах, где проходили Имперские легионы. Он был поражен потому, что никак не ожидал встретить следы человеческого обитания в подобной глуши.

— Что это? — подходя к нему, спросил Браги.

Из башни донесся жалобный стон.

Гарун покачал головой и оглянулся. Мальчишки, не выдержав напряжения, рухнули.

Стенание повторилось.

— На животное не похоже, — сказал Браги.

— Может быть, ветер?

— Скорее всего какой-то дух.

Гарун обратился к своему шестому чувству шагана.

Оно ему ничего не сказало. Степень его магического искусства осталась низкой, и, кроме того, он устал, ослаб и был голоден.

— Ничего не чувствую.

— Посмотри!

В амбразуре возникло освещенное бледным светом лицо.

— Это не дух.

— Может быть, мы сумеем добыть здесь воды?

— Скорее всего это убежище бандитов. Или гнездо демона. Не исключено, что в башне, опасаясь гнева Эль Мюрида, скрывается какой-то колдун.

Но в том случае, если бы здесь присутствовали магические силы, шестое чувство шагана должно было предупредить его об этом.

Гарун прислушался. Где-то вдали, на грани зоны слышимости уже можно было различить голоса людей и ржание лошадей.

— Я намерен посмотреть.

— Нассеф чересчур близко.

— Может быть, удастся найти что-то полезное. Воду, например.

— Да, воду...

— Пошли.

Было очень трудно заставить себя снова двигаться. Мышцы и суставы молили об отдыхе. Рана то и дело давала о себе знать, а боль уже расползалась и на плечо. Он опасался, что рана воспалится. Однако в любом случае, для того чтобы очистить и прижечь ее, следует как можно дальше оторваться от Нассефа.

Браги силком поднял лошадей, верблюдов и мальчишек и, не жалея ударов, заставил их возобновить путь. Гарун обнажил зазубренный меч и в поисках входа побрел на налитых свинцом ногах вокруг башни.

— Нашел что-нибудь? — спросил Браги.

— Нет.

— И что же собираешься делать?

— Попробовать еще раз. Оставайтесь на месте.

— А как же Нассеф?

— Я быстро.

Он снова отправился вокруг башни. На сей раз на стороне, обращенной к югу, он увидел какое-то углубление. Гарун был поражен. Когда он проходил здесь в первый раз, никакого входа здесь не было. Присутствия магии он по-прежнему не ощущал. Неужели он настолько устал, что полностью лишился шестого чувства шагана?

Стенания возобновились. Перед мысленным взором Гаруна возникли образы множества оплакивающих что-то людей. Это видение пробудило в нем массу эмоций, и в первую очередь сочувствие.

От неожиданности Гарун открыл рот.

В проеме стены стоял ребенок. А может быть, бесенок или херувим. Он стоял обнаженным, упершись кулачками в бедра и с наглой улыбкой на физиономии.

— Эй, Претендент, и чего же ты больше всего боишься?

Исходя из сложившийся ситуации, ответ напрашивался сам собой. Но Гарун, подозревая, что бесенок имеет в виду нечто более глубинное, воззвал к жизни самые мрачные образы, из тех, что таились в глубинах его души. Со змеями, пауками, Эль Мюридом и Бичом Божьим можно было совладать при помощи сапог или клинков. Демоны души несли в себе гораздо большую опасность.

В итоге он так и не смог найти достойного ответа.

Он оглянулся на своих спутников. Те погрузились в сон, в том месте, где остановились. Даже животные от изнеможения легли на землю. Гарун прислушался. Преследователи, как ему показалось, не приблизились.

Бесенок пожал плечами, ухмыльнулся и, отступив назад, исчез в черноте проема. Гарун ничего не мог понять. Здесь, вне сомнения, присутствовала магия, но чувства шагана не могли ее обнаружить. Он отправился вслед за бесенком...

Темнота взорвалась событиями сразу за порогом. Вначале перед ним предстал помаргивающий от удивления и не знающий как поступить лев. Зверь, так и не успев оценить ситуацию, погиб от клинка Гаруна. За львом последовали летучие

мыши-вампиры. Они порвали его плоть в дюжине мест, прежде чем он покончил с последней. Затем пришел черед змей, скорпионов и пауков.

О бегстве он не помышлял. Он поражал очередную волну нападавших, обратившись к запасам энергии, гнева и отваги, о существовании которых в себе он и не подозревал.

Лишь после этого перед ним возникло призрачное нечто, подлинный враг, постоянно меняющий форму. Именно этот ужас он узрел в глубине души, ища ответ на вопрос дитя-дьяволенка. Это нечто постоянно выбрасывало из себя части своей сущности, которые пытались напасть на него сзади. Нападения призрака сопровождались злобным шепотом и горькими стенаниями, бившими по его и без того напряженным нервам.

Он отступил на шаг и поднял израненную левую руку, чтобы защититься. С громовым зловещим кудахтаньем чудище вдруг удвоилось в размере. Гарун, не глядя, взмахнул мечом. Хотя клинок встретил лишь пустоту, раздался вопль, в котором слышалась боль.

От усталости он едва не падал. Боль в ране стала невыносимой. Гарун знал, что обречен. Однако вопль показал ему, что его единственный шанс уцелеть — нападать и нападать без остановки. Он, спотыкаясь, двинулся вперед, рассекая мечом темноту ночи.

И здесь Тьма приняла его в свои нежные объятия. На мгновение ему почудилось, что к нему приближается незнакомая рыдающая красавица. Гарун понял, что он заглянул в лицо самой Смерти. Затем наступил момент неуверенности и колебания — он вдруг вспомнил, что Бич Божий мчится по его следу. После этого наступило Ничто.

Гарун пробудился в теплом свете дня с ощущением, что все прекрасно. Над ним, внимательно изучая его рану, склонился горбатый старец. Дитя-дьяволенок наблюдал из дверного проема.

Юноша находился внутри башни, интерьер которой оказался вовсе не развалинами. Он попытался подняться, но старик его остановил.

— Позволь мне закончить, — сказал старец.

Гарун с трудом понимал его произношение. Печальный тон его слов вступал в противоречие с ободряющей улыбкой.

— Который час? Сколько времени я здесь нахожусь?

— Три дня. Ты нуждался в отдыхе.

Гарун рванулся, чтобы вскочить, но старец надавил на его грудь рукой, в которой, казалось, сосредоточилась тяжесть всего мира.

— Мои люди...

— Они, так же как и ты, в полной безопасности. Отдыхают и исцеляют раны у подножия башни. Твои враги не узрят их. Дитя!

Дитя-дьяволенок притащил медное зеркало, поверхность которого затуманилась от времени.

— Взгляни прямо себе в глаза, — сказал старик, производя пальцами какие-то странные действия.

В первое мгновение Гарун был потрясен тем, что увидел. От его юности ничего не осталось. Смуглая кожа еще более потемнела. Его удлиненное сухое лицо стало похоже на маску смерти. Ястребиный нос вырос, и горбинка стала более заметной. Глаза, казалось, стали глазами загнанного зверя. На лбу залегли глубокие складки, порожденные яростью и болью.

Затем в омутах своих глаз он увидел тех, кто охотился за ним. Бич Божий и примерно сорок Непобедимых неумолимо шли по следу.

Но с ними явно что-то происходило. Взоры их были полны безумием. Преследователи находились не более чем в миле от башни, но ни разу не взглянули в ее сторону.

— Они кружат по собственному следу вокруг Твердыни, — сказал старик, сопровождая свои слова хихиканьем.

Гарун поднял на него взгляд и увидел на лице старца злобное выражение, которое тут же сменилось сочувствием.

— Четыре сотни зим, наполненных отчаянием, — произнес его спаситель голосом, неожиданно ставшим каким-то замогильным. — И вот наконец ты явился. Надеюсь, что это ты. Возношу молитвы, чтобы ты оказался единственным. Возложенная на меня задача утомила меня, и я давно уже стремлюсь в объятия Черной Дамы.

Гарун ощущал себя аудиторией, состоящей из одного человека. В речи старика он улавливал какую-то фальшь.

— Где я? — спросил он.

— Место это имени не имеет. Просто сторожевая башня. Когда-то у нее, видимо, был номер, но я его запамятовал.

— Кто вы?

Старик, казалось, не услышал вопроса.

— Почему вы мне помогаете? Если помогаете, конечно.

— Потому, что ты принадлежишь к Крови. Потому, что ты — Претендент.

— Претендент? Претендент на что?

— На обладание Невидимой Короной.

С каждым ответом старца недоумение Гаруна только возрастало.

— Почему вы здесь прячетесь? Ведь это наименее исследованная часть Хаммад-аль-Накира. — Любознательность и скептицизм, унаследованные им от Радетика, не позволяли Гаруну принимать ответы старца за чистую монету.

— Почему бы вам не рассказать мне все связно и с самого начала? Пока, старик, я услышал лишь бессмысленный вздор. Я не имею права терять время, мне надо торопиться к границе.

Старец, казалось, был удивлен и разочарован.

— Я — сын Этриана из Ильказара — мудреца, предсказавшего Падение. Не в его силах было предотвратить катастрофу. Во время уничтожения имперского Града, в надежде восстановить когда-нибудь империю, он тайком пронес меня и Императорские регалии через ряды. Он послал меня сюда, заставив ожидать появления подходящего Наследника. Того, кого приведет сюда Судьба. Кого-то из линии Крови. Я обязан испытать этого человека и, в том случае если он это испытание выдержит, облечь его Императорской властью. Отец намеревался ко мне присоединиться, но его убили. И вот я заточен здесь уже четыре столетия. Ни один Кандидат так и не появился.

Этот рассказ в основном соответствовал известным историческим фактам и древним легендам. Но перед Гаруном возникло видение огромной армии, собирающейся под его Императорскими штандартами, и он стал задавать конкретные воп-

росы. Однако, получив на них уклончивые ответы, Гарун вновь утратил доверие к старцу.

— Давай к делу, старик, — сказал он. — Что ты бегаешь от меня, как заяц от степной лисы. Отвечай прямо или убирайся!

Старец покраснел, выругался и заковылял прочь из комнаты.

Дитя-дьяволенок хихикнул и, хитро подмигнув Гаруну, последовал за стариком.

Гарун уставился в волшебное зеркало, наблюдая за тем, как Нассеф скачет по бесконечному следу. Он хотел было выйти из башни, поднять Браги и пуститься в путь. Однако его свалил сон.

Старик вернулся ночью.

— Следуй за мной, — сказал он.

Удивленный Гарун поднялся вслед за старцем на открытую вершину башни, парапет которой в лунном свете казался призрачным. Вдали он увидел тени всадников, скачущих в не имеющей конца погоне.

В центре парапета появился треножник с молочного цвета шаром на вершине. Шар слега светился.

— Вглядись в него, — приказал старик.

Гарун всмотрелся и узрел прошлое. Он увидел героическую гибель отца, брата, дяди и короля Абуда. Абуд сражался как лев, сражался так, словно снова стал молодым. Он видел, как умирают мать и сестры. Он наблюдал за противостоянием Ахмеда и Нассефа. Юноша был не в силах отвести взгляд, хотя все, что открывалось его взору, причиняло ему мучения. Что-то заставляло его внимательно изучать все, что делает Нассеф.

Затем картина изменилась. Он узнал пустыню в окрестностях руин Ильказара. В пустыне появилась большая группа всадников.

— Это — роялисты, — сказал старик. — Они начали собираться, как только стали известны события в Аль-Ремише.

Клик! И время дня на изображении изменилось.

— А это сегодняшнее утро. Ты видишь воинов под командованием Карима и Эль Кадера. Эта пара проявила инициативу и последовала за Нассефом и Учеником.

Теперь он видел, как враги тайно наблюдают за отрядом роялистов. Последовала конная атака, и сторонники короля

разлетелись по пустыне словно сухие листья, гонимые ветром. Через минуту фундамент, на котором можно было бы возродить сопротивление, перестал существовать. Гарун вздохнул. Теперь последней надеждой начать борьбу остались лишь лагеря, заранее созданные отцом и Мегелином в чужих землях.

Гарун узрел свое мрачное будущее. Изгнание. Войны. Постоянную угрозу пасть от кинжала культа Хариша.

Показывая Гаруну будущее, старик что-то напевно бормотал, обращаясь к шару. Итак, его ожидают бесконечное бегство и постоянный страх. Приступы отчаяния. Подобная перспектива приводила его в содрогание.

— Однако все может сложиться и по-иному, — сказал старик.

Клик! Клик! Клик.

— Смотри здесь, здесь и здесь. Мы возвращаемся назад. Момент необъяснимого ослепления. Случайный удар меча. Лошадь военачальника не вовремя спотыкается. Мельчайшие события способны изменить ход истории.

— И вы способны сделать это?

— Если ты пожелаешь.

В шаре снова возникла конная битва у руин Ильказара.

— Посмотри. В этом случае мы имеем дело всего лишь с неправильно понятым приказом.

— Это получается как-то подозрительно легко. Но тем не менее соблазнительно. И какова же будет цена?

Этот вопрос был прямым результатом уроков, преподанных ему Мегелином. Ученый не переставал твердить, что ничто нельзя получить просто так. Все имеет свою цену. И чем желаннее предмет, тем дороже его цена. И сейчас она может оказаться даже более горькой, чем та, которую уже пришлось уплатить.

В его памяти встали воспоминания детства. Когда ему было четыре года, он разбил принадлежащее матери стеклянное зеркало. Его отец в свое время привез его из Хэлин-Деймиеля, истратив на это целое состояние. Гарун тогда обратился с мольбой к Невидимому. «Пожалуйста, сделай так, как будто этого не случилось», — просил он.

В конце концов, вся магия служила тем же целям. Она помогала отложить оплату, найти легкий, казалось бы, простой

путь. Но в конечном итоге путь этот оказывался усеянным ловушками, на нем поджидали засады — хитроумные и очень неприятные.

Ахмед попытался пойти легким путем. Ахмед погиб и обесчещен. Многие поколения людей станут проклинать его.

Старик не ответил на его вопрос. Гарун посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

— Не надо. Пусть все останется так, как есть. Что умерло, то умерло. — Эти слова были произнесены с болью в сердце.

Старик улыбнулся, и по этой хитроватой улыбке Гарун понял, что именно такой ответ и хотел получить старик.

— Я не хочу менять и настоящее, — сказал Гарун. — Я сам создам свое будущее — на радость или несчастье.

— Прекрасно. Теперь мы можем перейти к испытаниям.

— Испытаниям?

— Конечно. Я же сказал тебе, что Претендент должен подвергнуться испытаниям. Необходимо проверить его отвагу, его мудрость, его... Ты скоро все сам поймешь. Мой отец решил, что не должно быть в будущем королей, подобных императорам из семейства Голмунов. Следуй за мной.

Гаруна интересовали истинные цели старца. Его слова становились все менее и менее убедительными. Пока Гаруну было ясно одно: старец пытается поддержать его хрупкую и, возможно, напрасную мечту о возвращении роялистов к власти. Более того, он пытался навязать ему фантазию о возрождении империи. Нет. Эту безумную затею следовало оставить Эль Мюриду.

Когда они спустились на несколько уровней, дитя-дьяволенок раздул огонь в очаге. Старик уселся на изрядно потертый трон из халцедона. Гарун смотрел на него с противоположной стороны покрытого слоем пыли стола. На столешнице лежали три пурпурные подушки. На одной из подушек покоился бронзовый меч, на другой лежала мантия из горностая, а на третьей — ничего. Но что-то невидимое глазу глубоко продавливало третью подушку. Меч позеленел от древности. Мантия, видимо, очень долго служила обиталищем для бесчисленных поколений моли.

— Начинаем, — сказал старец. — Возьми меч.

Ничего не понимающий Гарун схватился за древнюю рукоятку.

— Этот меч зовется Ашкерион, выкован он был Фаллентином-Кузнецом, и однажды принес великую победу под Себил-эль-Селибом. Человек, владеющий этим клинком, может не бояться врагов. Он защищает от любых нападений и всегда одерживает победы.

Гарун слышал о мече Ашкерион, хотя никаких доказательств его существования не имелось. Он припомнил легенду, в которой говорилось, что Фаллентин, обеспечив себе трон, выбросил меч в море. Он боялся его, поскольку клинок обрел собственную волю. Король опасался, что меч сможет отдаться в руки врага.

Гарун отдернул руку.

— Нет, — сказал он. — У Ашкериона репутация предателя. Кроме того, человек может попасть в слишком большую зависимость от меча или начать проявлять чрезмерное высокомерие, дорвавшись до власти.

Он представил, как Мегелин одобрительно ему кивает. Сам Мегелин произнес бы примерно то же.

— Прекрасные слова, — пробормотал дитя-дьяволенок.

Старик же, казалось, был изумлен.

— Неужели ты отказываешься от меча? Но ты должен его взять.

— Нет.

— В таком случае возьми мантию. Прими мантию и вместе с ней власть, которую она представляет.

Гарун не был убежден в том, что этот человек прождал четыре сотни лет лишь для того, чтобы короновать нового императора. Юноша не мог избавиться от подозрения, что истинные причины столь долгого ожидания отличались от тех, которые объявил старик. Однако Гарун даже не мог представить, что может стоять за действиями старца.

Ничего плохого не случится, если он ублажит чудака. Более того, это может приблизить его к пониманию истины.

Он набросил полусгнившую мантию себе на плечи.

— Она не рассыпалась в прах! Не превратилась в пыль! — радостно заверещал дитя-дьяволенок. — Он — тот самый! Единственный!

Старик не проявил столь бурного восторга.

— Остается еще Корона, — сказал он. — Невидимая Корона окажется впору только Единственному. Корона настолько тяжела, что только преисполненный решимости человек способен ее поднять. Водрузи ее на себя, Гарун.

Молодой человек склонился над третьей подушкой. Слова старика его напугали. Но в конце концов он решился, и его пальцы коснулись предмета, которого не видели глаза. Гарун попытался поднять его, но невидимый объект оказался на удивление тяжелым. Он приподнялся невысоко, постоянно норовя при этом свалиться в сторону.

— Тебя снедают сомнения, — сказал старик. — Корона говорит, что ты предан народу и империи не всем сердцем.

— Дело не в этом, — ответил Гарун. — Я просто не до конца верю вам.

И это соответствовало истине. Но в то же время и в словах старца имелась доля правды. Он стоял перед тяжелейшим выбором. Готов ли он платить ту огромную цену, которая требуется от короля в изгнании? Пока он тратил все силы на то, чтобы остаться в живых, и ответить на этот вопрос не мог.

— На короле лежит огромная ответственность. Именно он воплощает свой народ и свое королевство. Короли и созданы для того, чтобы в одиночку нести на себе всю тяжесть власти.

Это был не самый лучший аргумент, чтобы убедить колеблющегося юношу стать монархом.

Тем не менее Гарун уступил. Не мечтам старика, а своим собственным устремлениям. Тому устремлению, которое сформировали в нем отец и Мегелин.

Он видел себя королем Хаммад-аль-Накира.

Это означало партизанские лагеря, отвратительные поступки и убийства по малейшему поводу или даже вовсе без видимой причины. Все это следовало перенести в надежде на то, что все эти мерзости продвигают его к миру, единству и возрождению страны.

Подобная перспектива одновременно угнетала и восхищала его.

Он снова попытался поднять корону. На сей раз она оторвалась от подушки с легкостью комка хлопковой ваты.

— Она ему подходит! — взвизгнул дитя-дьяволенок и пустился в дикую пляску.

Гарун возложил корону себе на голову. Вначале она придавила его так сильно, что он едва устоял на ногах. Но через мгновение корона стала не тяжелее серебряной ленты, а еще через миг тяжесть вообще исчезла, и лишь в его мыслях остался груз пока еще не ясных ему самому обязательств.

— Теперь все те, кого волнуют дела Хаммад-аль-Накира — будь то враги или друзья, — знают, что Король Ильказара коронован! — провозгласил старик.

— Король-без-Трона, — тем же торжественным, но слегка издевательским тоном передразнил его дитя-дьяволенок. — Властелин-в-Тени.

Гарун ощутил, как весть о событии, весть о нем, вливается в десятки тысяч умов. Он почувствовал, как сердца Эль Мюрида и его военачальников заполыхали яростью и как возрадовались уже совсем отчаявшиеся командиры роялистов. И он ни разу не ощутил, что кто-то пытается оспорить его права.

Видение исчезло. Контакт прекратился.

— Ты отказался от Ашкериона, — сказал старик. — Берегись. Ни к кому не оборачивайся спиной. Прояви мудрость, избирая себе наследника. Сделай это до того, как соберешься покинуть эти пределы. В противном случае Корона погибнет вместе с тобой и снова исчезнет из людской памяти. И меня снова призовут из тьмы ожидать следующего Претендента.

Гарун посмотрел на древний бронзовый меч, протянул к нему руку, но тут же отдернул. Меч, словно почувствовав, что его отвергли окончательно, исчез. С расширенными от изумления глазами Гарун повернулся лицом к старцу.

Предполагаемый сын Этриана Мудрого тоже исчез. На халцедоновом троне остались лишь покрытые пылью кости.

Дитя-дьяволенок, сурово глядя на Гаруна, произнес:

— Благодарю тебя. Благодарю тебя за то, что ты принес свободу старику. За то, что освободил меня. Теперь ты можешь увести своих людей. Преследователи не заметят вашего ухода.

Вспыхнул свет, и раздался громкий хлопок. Придя в себя, Гарун увидел, что остался в одиночестве с костями, пылью и тремя пурпурными подушками.

За окнами начинало розоветь утро. На какое-то мгновение им овладели сомнения — не был ли его визит в башню галлюцинацией.

Нет. Все было реальностью. Рана его исцелилась, а с плеч ниспадала наполовину истлевшая горностаевая мантия. Он сбросил ее, ощущая неодолимую потребность вернуть себе трон, которого никогда не видел.

Без пощады

Посвящается

Кристиан, Майклу и их мамочке.

О том, что было раньше...

Он вышел из расплавленной солнцем пустыни через немыслимо долгое время, после того как его семья погибла от рук бандитов. Его имя было Мика аль Рами, но теперь, узрев в себе священное призвание, он стал называть себя Эль Мюридом или — Учеником. Он появился в беспокойное время, в то время, когда людьми овладело отчаяние и все жаждали перемен. И хотя Ученик был всего лишь мальчиком, от его проповедей запылала половина королевства.

Под его знамена встали не только отчаявшиеся мечтатели и бедняки, но и те, кто преследовал свои личные корыстные цели.

Эль Мюрид объявил беспощадную войну силам тьмы, и в этой войне его правой рукой стал Нассеф, или Бич Божий. Хотя Нассеф и был братом жены Ученика, но Эль Мюрид ему до конца никогда не доверял.

Те, кого Эль Мюрид считал служителями тьмы, в свою очередь с ужасом взирали на Эль Мюрида и боролись с ним изо всех сил. Среди этих людей оказался Гарун бин Юсиф — младший сын князя, во владениях которого первоначально обосновался Эль Мюрид. Его судьба переплелась с судьбой Эль Мюрида. Впервые они повстречались, когда Гарун был совсем ребенком. То, что сделал тогда Гарун, было всего лишь ребячьей шалостью, но конь выбросил Эль Мюрида из седла, и тот так и остался на всю жизнь хромым.

Шли годы. Бушевали сражения. Одни Эль Мюрид выиграл, в других потерпел поражение. Но могущество Ученика все возрастало. Ослепленный высокомерием, он приказал Нассе-

фу выступить в поход на Аль-Ремиш — столицу своих врагов, неверных, именуемых также роялистами.

Роялисты встретили войско Эль Мюрида у Вади-эль-Куф, в самом сердце великой пустыни — Хаммад-аль-Накир, что означает Пустыня Смерти (или по-иному Бесплодия или Мерзости). Повстанцы были частично истреблены и частично рассеяны хорошо обученными и дисциплинированными западными наемниками под командованием знаменитого военачальника Тури Хоквинда. Эль Мюрид был ранен и, чтобы уцелеть, вместе с Нассефом укрылся в пещере. Находясь среди мертвецов и утоляя жажду собственной мочой, Ученик и Бич Божий выжидали, когда враги прекратят поиски и уйдут восвояси.

Им удалось выжить, и они снова собрали своих сторонников.

В сражениях участвовал еще один молодой человек — Браги Рагнарсон. Он бежал из северной страны, и скитания привели его вместе с братом в ряды наемников. Жизнь его тесно переплелась с жизнью Гаруна, которого он несколько раз спасал от верной гибели.

Эль Мюрид извлек уроки из поражения под Вади-эль-Куф. Он понял, что войну должны вести военачальники. Под руководством генералов движение Ученика становилось все сильнее, несмотря на всю изобретательность отца Гаруна Юсифа. Семейство Гаруна со всеми своими сторонниками было вынуждено покинуть свой домен и отправиться в Аль-Ремиш.

По прошествии некоторого времени Эль Мюрид снова отправился в поход против столицы и короля. Но на сей раз его войско передвигалось небольшими отрядами по тайным тропам. Он напал неожиданно средь ночи, и защитников Аль-Ремиша охватила паника.

Браги и Гарун с горсткой бойцов, пытаясь вырваться из смертельной ловушки, встретились лицом к лицу с самим Эль Мюридом, вступающим со своими чадами и домочадцами в Аль-Ремиш.

В завязавшейся схватке получила рану жена Эль Мюрида, а Гарун мельком увидел дочь Ученика. Немногим роялистам удалось скрыться.

Гарун узнает, что остался единственным человеком, имеющим законное право на престол. С помощью магических сил всем обитателям Хаммад-аль-Накира тут же становится известно, что появился новый властелин, носящий титул Король-без-Трона.

Он и Браги бегут по пустыне от Нассефа, жаждущего отомстить за рану своей сестры.

Вера Эль Мюрида стала господствовать по всему Хаммад-аль-Накиру. Однако борьба не закончилась.

Обо всем этом было рассказано в книге «Огонь в его ладонях». Теперь начинается новое повествование — «Без пощады».

Глава 1

УЧЕНИК

Серебряный свет луны заливал пустыню. Чахлые кусты, напоминающие в ночи притаившихся в неподвижности джиннов, отбрасывали длинные тени. Ни ветерка. Неподвижный воздух был напитан густым запахом давно немытых тел людей и животных. Всадники не двигались, однако их дыхание и нетерпеливое шевеление заглушали отдельные звуки пустыни.

Мика аль Рами, именуемый Эль Мюридом и Учеником, завершил молитву и позволил военачальникам удалиться. Его зять Нассеф, которого Эль Мюрид удостоил титула Бич Божий, поскакал к протянувшейся неподалеку гряде холмов. За холмами в долине, напоминающей по форме чашу, лежал Аль-Ремиш — столица королевства Хаммад-аль-Накир, а в Аль-Ремише находилось Святилище Мразкима — самый почитаемый храм обитателей пустыни.

Мика поставил своего коня рядом с лошадью жены.

— Наконец-то настал решающий момент. После стольких лет ожидания. Не могу в это поверить, — сказал он, обращаясь к Мириам.

Вот уже двенадцать лет он сражается со слугами Властелина Зла. Вот уже двенадцать лет он пытается реформировать религию и снова возжечь пламя веры в сердцах обитателей пустыни. Все эти годы черные силы препятствовали ему создать Королевство Покоя, о котором он так мечтал. Но Эль Мюрид неустанно следует по пути, указанному ему Богом. И вот наконец до окончательной победы остается всего один шаг.

— Не надо бояться, — сказала Мириам, сжимая его руку. — С нами Господь.

— Я не боюсь, — солгал Эль Мюрид.

На самом деле он был охвачен ужасом. Четыре года тому назад под Вади-эль-Куф роялисты истребили две трети его последователей. Он и Нассеф остались в живых только потому, что сумели несколько дней пересидеть в лисьей норе, отравляя себя собственной мочой, которую пришлось пить, обманывая жажду. Кроме того, Ученик страдал от боли: у него была сломана рука. Боль, ужас и изнеможение тех дней навсегда запечатлелись в его душе. Даже теперь, по прошествии стольких лет, вспоминая Вади-эль-Куф, он покрывался холодным потом.

— Бог за нас, — повторила Мириам. — Я видела его ангела.

— Что? — изумленно спросил Эль Мюрид. До сей поры никто, кроме него, не видел ангела, избравшего его Орудием Господа в борьбе за Истину.

— Несколько минут назад он пролетел на фоне луны на своем крылатом коне. Точно так, как ты о нем рассказывал.

— Господь был с нами и в Аль-Асваде, — произнес он, пытаясь подавить горькое чувство. Всего лишь несколько месяцев назад во время осады твердыни, принадлежащей его злейшему врагу Юсифу, валигу Аль-Асвада, Ученик стал жертвой заклятия шагана. Сын валига Гарун наложил на него проклятие вечной боли. И Эль Мюрид не мог избавиться от нее, поскольку основным принципом было не использовать любого рода магию.

— Дети его тоже видели, Мика.

Эль Мюрид посмотрел на своих отпрысков. Его сын Сиди кивнул, как всегда решительно и без каких-либо эмоций. Од-

нако у дочери, которая все еще не имела имени, от пережитого волнения ярко сверкали глаза.

— Он был там наверху, отец. Мы не могли ошибиться.

Эль Мюрид немного успокоился. Ангел обещал помощь, но в душу Ученика закрадывались сомнения... Он сомневался. Он, Воитель за Дело Господне, сомневается! Неужели червь сомнения смог так глубоко забраться в его сердце? Вслух же он произнес:

— Еще несколько дней, детка, и ты получишь имя.

Ученику уже приходилось бывать в Аль-Ремише. Это случилось давным-давно, когда девочка была еще совсем маленькая. Он тогда собирался возвестить Слово Божие во время Священного Праздника Дишархун и дать имя дочери в самый важный день празднества — в День Массада. Однако прислужники Властелина Тьмы, роялисты, правящие в Хаммад-аль-Накире, лживо обвинили его в том, что он якобы напал на Гаруна — сына Юсифа. Его приговорили к изгнанию, и Мириам поклялась, что дочь получит имя в иной День Массада, когда Святилище Мразкима будет очищено от еретиков.

До Дишархуна оставалось всего лишь несколько дней.

— Спасибо, папа. Кажется, к нам идет дядя Нассеф.

— Да, вот и он.

Нассеф развернул своего коня, оказавшись бок о бок с Эль Мюридом. Это было его законное место с самого начала. Мириам и Нассеф были первыми, кого он сумел обратить в свою веру. Правда, Ученик замечал, что у Нассефа честолюбие иногда преобладает над приверженностью идеалу.

— Там внизу их собралось великое множество, — сказал Нассеф.

— Мы это предвидели. Дишархун приближается. Что слышно от твоих агентов?

Нассеф вполне заслужил титул Бич Божий. Его тактика отличалась новизной. Как командир он умел заставить воинов биться яростно и до конца. Кроме того, ему удалось создать настолько изощренную систему шпионажа, что даже в шатре короля засел его тайный агент.

— Хм-м-м... — протянул Нассеф, развертывая начертанную на пергаменте карту. — Мы находимся на восточном краю долины. Люди короля Абуда размещены без всякого порядка и ничего не подозревают. Вся знать соберется этой ночью у короля. Наши агенты нападут на них в тот момент, когда мы начнем наступление. Змее отрубят голову в первые мгновения битвы.

Эль Мюрид вгляделся в залитую лунным светом карту.

— А что означают эти пометки? — спросил он.

— Это лагерь Хоквинда на противоположной стороне долины.

Ученик содрогнулся. Наемник Хоквинд командовал вражеским войском под Вади-эль-Куф, и его имя внушало Эль Мюриду чуть ли не патологический ужас.

— Рядом с резиденцией короля помечено расположение людей Юсифа, — продолжал пояснять Нассеф. — Полагаю, что и то, и другое заслуживает особого внимания.

— Бесспорно. Приведи ко мне этого щенка Гаруна. Я хочу, чтобы он снял с меня заклятие.

— Все будет сделано, властитель. К лагерю валига я направляю большой отряд. Никому не удастся скрыться.

— Мириам говорит, что видела моего ангела. Дети тоже его заметили. В эту ночь, Нассеф, он будет с нами.

Бич Божий, который, как подозревал Эль Мюрид, веровал в Бога только на словах, несколько недоуменно взглянул на Ученика и произнес:

— Что ж, в таком случае мы не можем не победить. Разве не так? Теперь скоро, Мика. Очень скоро, — закончил он, крепко сжав плечо Эль Мюрида.

— В таком случае — вперед. Приступай!

— Я пришлю гонца, как только мы захватим Святыню.

Звуки битвы отражались от склонов холмов вокруг долины, и наверху, на плато, их почти не было слышно. Даже голоса ночных птиц звучали громче. Чтобы услышать шум схватки, нужно было подойти к самому краю. Эль Мюрид стоял там, где склон круто уходил вниз, и смотрел на амулет, светивший-

ся на его левом запястье. Ангел вручил ему этот браслет много, много лет назад. При помощи амулета Ученик мог обрушивать на врагов молнии даже с безоблачного неба. Сейчас он размышлял, не стоит ли помочь Нассефу этой могущественной божественной силой.

С того места, где он находился, видно было очень мало. Внизу, во тьме, он мог видеть лишь огни пожаров, казавшиеся с высоты крошечными искрами.

— Мириам, как, по твоему мнению, идут дела? Почему Нассеф не шлет своего гонца? — Эль Мюрид был напуган. Он сделал ход, имея лишь небольшой шанс на выигрыш. У врага было огромное численное преимущество. — Может быть, мне стоит спуститься вниз?

— Нассеф слишком занят и не может посылать людей только для того, чтобы нас успокоить, — ответила Мириам, глядя в небо. Битвы она видела и раньше, а вот ангела, о котором так часто говорил супруг, — никогда. До этой ночи она в его существование даже не очень-то и верила.

Ученик нервничал все больше. Он был уверен, что битва идет не так, как надо. Почему каждый раз, когда он сопровождает воинов, случается беда? Нет, не каждый раз... Давным-давно, когда дочь была совсем крошкой, он и Нассеф сумели захватить Себил-эль-Селиб в ночной битве, похожей на эту. Себил-эль-Селиб был вторым по значению религиозным центром Аль-Ремиша. Из этой победы выросли и все остальные успехи.

— Да успокойся же, — рассердилась Мириам, — ты ничего не можешь сделать, кроме как изводить себя.

Она обняла его за плечи, и их кони бок о бок двинулись через ряды облаченных в белые балахоны телохранителей, именуемых Непобедимыми. Вскоре они оказались у скал, где расположились остальные домочадцы со всем хозяйством. Некоторые спали.

Как они смеют? Может случиться так, что в любой момент надо будет спасаться бегством... Ученик недовольно фыркнул. Видимо, они решили отдохнуть: ведь если битва будет проиграна, времени для сна уже не будет.

Затем он, Мириам и Сиди слезли с седел, а дочь отъехала, чтобы проверить дозоры.

— В ней течет кровь рода эль Хабиб, — сказал он жене. — Ей всего двенадцать, а она уже сейчас — маленький Нассеф.

Мириам уселась на поданный слугой соломенный тюфяк и пригласила супруга сесть рядом.

— Отдохни, — сказала она. — А ты, Сиди, будь добр, узнай, приготовила ли Альтафа лимонад. Какая холодная ночь, — добавила она, теснее прижимаясь в мужу.

К этому времени Эль Мюрид совсем успокоился.

— Что бы я без тебя делал? — с улыбкой произнес он. — Посмотри. Ты видишь над долиной отсветы пламени? — Ученик попытался подняться, но Мириам потянула его вниз.

— Успокойся. От того, что ты суетишься, — ничего не изменится. Скажи лучше, как ты себя чувствуешь.

— Чувствую?

— Болит что-нибудь?

— Совсем немного. Малюсенькие боли там и сям.

— Хорошо. Мне совсем не нравится, как Эсмат травит тебя лекарствами.

Если ему в Мириам что-нибудь и не нравилось, то это ее отношение к лекарю. На сей раз он проигнорировал ее слова и сказал:

— Поцелуй меня.

— Здесь? На нас смотрят люди.

— Я — Ученик и могу делать все, что захочу, — негромко рассмеялся он.

— Животное. — Она поцеловала его и, сморщив носик, заметила: — Какая ужасная борода. Интересно, куда подевался Сиди?

— Наверное, ждет, когда приготовят лимонад.

— Альтафа — ленивая девчонка! Я пойду посмотрю.

— Не трать зря времени, — сказал Эль Мюрид, откинулся на спину, и, к своему изумлению, почувствовал, что засыпает.

Его разбудили крики. Где?.. Сколько времени он дремал? Над долиной уже стояло яркое зарево... Крики. Вопли ужаса.

Из зарева пожара, словно демоны из пекла, на него мчались, размахивая мечами, всадники...

Не стряхнув с себя сна, он с трудом поднялся на ноги, стараясь припомнить, где он оставил свой меч.

— Мириам! Сиди! Где вы?

Врагов было не менее пятидесяти. И все они мчались прямо на него. Непобедимые были слишком разбросаны и оказались не в силах остановить атакующих. Всадники уже рубили слуг.

В нем проснулся ужас прошлых лет. Ему не оставалось ничего, только драться. Возможности бежать, как в Вади-эль-Куф, не было. От всадника убежать невозможно. Надо было заранее спрятаться...

К нему бежал ребенок.

— Сиди! — взревел Эль Мюрид, забыв страх.

Один из всадников развернул коня в сторону мальчика, и в тот же момент откуда-то сбоку возникла другая лошадь.

— Сумасшедшая девчонка! — выдохнул Эль Мюрид, когда дочь встала на пути врага. Дочь на секунду остановилась лицом к лицу с врагом, а Сиди тем временем успел укрыться в скалах.

— Мириам! — Его жена бежала мимо всадника следом за Сиди.

Всадник объехал девочку и взмахнул клинком. Мириам вскрикнула, ноги стали заплетаться, она рухнула на землю и, напрягая последние силы, поползла к скалам.

— Нет! — закричал Эль Мюрид и, не имея лучшего оружия, метнул в противника камень. Он промахнулся, но всадник тем не менее взглянул в его сторону.

— Гарун бин Юсиф! Кто же еще? — с проклятием выдохнул Ученик. Юсиф и его семейство были главными пособниками Тьмы. А этот мальчишка в шестилетнем возрасте сумел причинить ему зло. Он заставил лошадь выбросить Эль Мюрида из седла. Ученик тогда сломал ногу, и боль в лодыжке до сей поры давала о себе знать.

Амулет на руке запылал ярче, призывая его обрушить молнию на голову юнца и тем самым положить конец этой напасти.

Тем временем Непобедимые успели сомкнуть ряды и начали теснить Гаруна и его прихвостней. Эль Мюрид не мог больше следить за схваткой. Она постепенно отодвигалась куда-то в сторону — Непобедимые числом значительно превосходили нападавших. Тем не менее вокруг него и Мириам осталось лежать полдюжины тел в белых балахонах.

Он прижал Мириам к себе, не обращая внимания на кровь, орошающую его одежду. Эль Мюрид был уверен, что жена умерла. Но она вдруг приоткрыла глаза и прошептала:

— На сей раз я успела... Я спасла Сиди...

— Успела. Конечно, успела. Эсмат! Эсмат, где ты? — рассмеявшись сквозь слезы, произнес Ученик. Он схватил кого-то из Непобедимых за полу балахона и приказал: — Лекаря сюда! Быстро!

Отыскав Эсмата за кучей багажа, они без всякой нежности поволокли его по земле и затем бросили к ногам властителя.

— Эсмат, Мириам ранена. Одним из служителей ада... Вылечи ее, Эсмат!

— Властитель, я...

— Помолчи! Делай, что сказано, — приказал Эль Мюрид ледяным голосом.

Целитель пришел в себя и повернулся к Мириам. Он лишь немногим уступал Бичу Божьему в своей близости к Учителю, а в некоторых вопросах даже превосходил его. Властелин может погибнуть, если потеряет жену. Одной веры в Творца, какой бы великой она ни была, не хватит для того, чтобы заставить Эль Мюрида продолжать начатое дело.

Эль Мюрид безостановочно расхаживал туда-сюда, когда Нассеф, осадив рядом с ним коня, радостно объявил:

— Мы победили, властитель. Аль-Ремиш взят! Святилище Мразкима захвачено! Они превосходили нас численностью в десять раз, но паника овладела ими словно эпидемия чумы. Даже наемники, и те бежали.

— Что? — Ученик впервые заметил военачальника. — Что ты сказал?

Бич Божий соскочил седла. Это был высокий, стройный человек лет тридцати, красивый суровой красотой воина. Его

лицо несло на себе шрамы многочисленных битв. Нассеф принадлежал к числу тех полководцев, которые всегда лично возглавляют атаку.

— В чем дело, Мика? Да остановись же ты наконец и поговори со́ мной!

— Они напали на нас.

— Здесь?

— Щенок валига. Гарун. И этот иностранец Мегелин Радетик. Они точно знали, где мы. — Эль Мюрид повел рукой, указывая на погибших, и добавил: — Шестьдесят два человека убиты, Нассеф. Самых лучших. Некоторые из них шли с нами с первых дней.

— Судьба — изменчивая сука, Мика. Они бежали и наткнулись на тебя совершенно случайно. Неприятно, конечно, но подобное на войне не редкость.

— Случайностям нет места в мире, Нассеф. Силы Света и Тьмы постоянно ведут сражение, и мы поступаем согласно их воле. Враги хотели убить Сиди. А Мириам... — Его душили слезы. — Что мне делать без нее, Нассеф? Она — моя сила. Моя скала. Скажи, почему Творец требует от меня таких жертв?

Но Нассеф уже не слушал. Он бросился на поиски сестры. Военачальник стремительно шагал, яростно отдавая на ходу приказы. Ученик, спотыкаясь, брел следом.

Мириам была в сознании. Она слабо улыбнулась, но ничего не сказала. Лекарь затрясся от страха, когда Нассеф стал задавать ему вопросы. Эль Мюрид встал на колени и взял жену за руку. По его щекам текли слезы.

— Все не так плохо, я видывал людей, переживших и более серьезные раны, — произнес Нассеф, нежно поглаживая сестру по плечу. Мириам морщилась от боли. Она отказалась принимать болеутоляющие снадобья Эсмата. — Ты, сестренка, будешь в полном порядке к тому дню, когда твоя дочь получит имя, — продолжал Нассеф. Бич Божий опустил руку на плечо Эль Мюрида и сжал так сильно, что Ученик едва не взвыл от боли. — Они дорого заплатят за это, брат. Обещаю. — Он поманил к себе одного из Непобедимых и приказал: — Найди Хаджа (Хадж командовал телохранителями Эль Мюрида). Я дам ему шанс искупить свою вину.

У Непобедимого от изумления отвисла челюсть.

— Быстро! — Нассеф говорил негромко, но тон его голоса заставил Непобедимого припуститься бегом. Обращаясь к Эль Мюриду, он продолжил: — Потери слишком велики, и мы не сможем начать преследование. Жаль, что мне не удастся покончить с наемниками. Отправляйся в город, Мика. В Святилище и королевских покоях к твоему приходу успеют навести порядок.

— А ты что намерен делать?

— Гнаться за Гаруном и Мегелином Радетиком. Из всего семейства валига выжить ухитрились лишь они.

— А что случилось с королем Абудом и принцем Ахмедом?

— Ахмед убил Абуда, — с усмешкой сказал Нассеф. — Он был моим человеком. Представляю, как он огорчится, когда я не позволю ему стать королем.

Ученик чувствовал, что за словами Нассефа таятся честолюбивые замыслы. Нассеф никогда искренне не был предан вере. Всем сердцем он служил только одному человеку. И этим человеком был сам Нассеф. Он опасен и в то же время незаменим. На поле битвы у него нет равных — за исключением, пожалуй, Тури Хоквинда. Но и этот наемник уже не имеет работодателя.

— Должен ли ты ехать сам?

— Я хочу своими руками схватить их, — процедил Нассеф все с той же зловещей ухмылкой.

Эль Мюрид попытался возражать. Он не хотел оставаться в одиночестве. Если Мириам умрет...

В разгар спора появились его сын и дочь. Сиди, казалось, скучал. Девочка же, напротив, была суровой и кипела гневом, чем-то напоминая своего дядю. Но в ней имелось нечто такое, чего был лишен Нассеф, — а именно способность к сопереживанию, умение сочувствовать. Бич Божий никогда не мог понять эмоции, которые сам не испытывал. Дочь, не произнося ни слова, взяла отца за руку, и тому мгновенно стало легче, словно Эсмат дал ему свой успокоительный бальзам.

Эль Мюрид понял, что этой ночью без обезболивающих снадобий лекаря ему не обойтись. Психическое напряжение всегда усиливало боль в старых ранах и обостряло действие заклятия, наложенного на него Гаруном.

Валигу было мало столько лет держать Движение взаперти в Себил-эль-Селиб, он вдобавок все это время обучал своего щенка колдовству. Королевство будет очищено от этой ереси! Ждать осталось недолго, ибо этой ночью, пройдя через последние родовые муки, появилось на свет долгожданное Королевство Покоя.

Он посмотрел на Мириам, храбро сражающуюся с болью, и подумал, не слишком ли крута та лестница, что в ведет в небеса.

— Нассеф!

Но Нассеф уже ушел, уведя в погоню за отродьем Валига большинство телохранителей. Это ночью мальчишка остался единственным человеком, в чьих жилах течет кровь Квесани, единственным претендентом на трон Хаммад-аль-Накира — Трон Павлина. Если его не станет, то прислужники Властелина Зла, так называемые роялисты, лишатся своего знамени.

Темная, злобная, мстительная сила поселилась в сердце Ученика, хотя в основе всех его проповедей лежал призыв к любви и всепрощению. Всадники перекликались, уходя в ночь.

— Удачи вам, — прошептал Эль Мюрид, хотя и понимал, что Нассефом движет не только жажда мести.

Дочь сжала руку отца и припала головой к его груди.

— Ведь мама поправится, — тихонько выдохнула она. — Разве не так?

— Обязательно. Вне сомнения, — ответил Эль Мюрид, обращаясь к небу с беззвучной молитвой.

Глава 2

БЕГЛЕЦЫ

Пустыня полыхала жаром, словно адская печь, солнце безжалостно колотило по голой равнине молотом своих испепеляющих лучей. Обожженная земля в яростном сопротивлении отбрасывала от себя раскаленный воздух и поэтому казалась

призраком древних океанов. Лишь далеко на севере виднелись иссиня-черные острова гор, а еще дальше высокий хребет Капенрунг образовывал побережье этого фантомного океана. Пространство манило путника миражами, и в нем господствовали ифриты — злые демоны ветра. По этой жаре в полной тишине, если не считать скрипа песка под копытами животных, спотыкаясь, брели пятеро молодых людей, почти мальчиков. Они держали путь к горной стране. В пустыне не было никаких запахов, кроме запаха их тел. Они не испытывали никаких чувств, кроме изнеможения, и не ощущали ничего, кроме боли.

Гарун заметил островок тени под козырьком из слоя осадочных пород, выдающегося из небольшого возвышения. Возвышение состояло из голой земли и беспорядочно разбросанных скал, и плоская выпирающая из него поверхность казалась кормой корабля, гибнущего под злым каменным валом. У основания возвышения змеилось русло давно пересохшего ручья. В некотором отдалении стояли четыре высокие оранжево-красных скалы, похожих на печные трубы домов разграбленного и сожженного города. На подножиях скал виднелись зеленоватые пятна — следы случайных поцелуев редких дождей.

— Там мы и отдохнем, — сказал Гарун, указывая на тень. Его спутники даже не подняли глаз.

Они двинулись в указанном направлении — крошечные фигурки на фоне раскаленной бесконечности. Гарун шел первым, за ним тащились трое мальчишек, а замыкал отряд наемник по имени Браги Рагнарсон. Он вел непрерывную борьбу с животными, которые желали одного — лечь на песок и умереть.

А где-то позади по их следу подобно чудовищу из ночного кошмара скакал Бич Божий.

Они доковыляли до тени, до еще не спаленного солнцем островка, и рухнули, не обращая внимания на то, что постель их состоит из острых камней. Не менее получаса Гарун то впадал в забытье, то просыпался снова. Перед его взором проносились тысячи несвязных образов. Затем он вдруг сел и сказал:

— А под песком здесь может быть вода.

Рагнарсон в ответ буркнул что-то невнятное, а остальные спутники, старшему из которых едва исполнилось двенадцать, не пошевелились.

— Сколько воды у нас осталось?

— Может быть, кварты две. Не хватит.

— Завтра мы будем в горах. Там воды сколько угодно.

— Ты говорил то же самое вчера. И еще днем раньше. Может быть, ты водишь нас кругами?

Гарун был рожден в пустыне и умел держать направление. Но сейчас он опасался, что Браги прав. Казалось, что горы со вчерашнего дня ближе не стали. Странная земля этот северный край пустыни. Она была голой, словно зуб в старом черепе, и по ней бродили тени и воспоминания темных времен. Наверное, силы зла сбивают нас с пути, думал Гарун. Полосу земли перед хребтом Капенрунг решились заселить лишь самые храбрые северные племена.

— Та башня, где мы встретили старого чародея...

— Где ты встретил старого чародея, — поправил его Рагнарсон. — Я если и видел что, так только призрак. — Молодой наемник казался погруженным в себя и более отчужденным, чем того требовали их отношения.

— Что с тобой? — спросил Гарун.

— Беспокоюсь о брате.

Гарун фыркнул, хотя причины для веселья было мало.

— Ему, во всяком случае, лучше, чем нам. Хоквинд ведет людей по проторенной дороге, и никто не пытается его остановить.

— Но все едино я был бы рад услышать, что он в полном порядке. И было бы хорошо, чтобы он узнал, что я тоже жив.

Нападение на Аль-Ремиш застало Браги вне лагеря и вынудило связать свою судьбу с Гаруном.

— Сколько тебе лет? — Гарун был знаком с наемником уже несколько месяцев, но припомнить его возраст не мог. Множество мелких воспоминаний испарилось из его памяти за время бегства. В голове остались лишь уроки выживания. Может быть, детали прошлого снова всплывут, как только они окажутся в безопасности.

— Семнадцать. Примерно на месяц старше Хаакена. Вообще-то он мне не настоящий брат. Кто-то оставил его в лесу, а мой отец его нашел.

Рагнарсон начал говорить не переставая, стараясь передать словами и тоном свою любовь к далекой северной родине. Гарун, не знавший ничего, кроме Хаммад-аль-Накира, и не видевший растительности более густой, чем чахлые кусты у подножия гор Джебал-аль-Алаф-Дхулкварнеги, не мог представить всего великолепия и величия Троллединги, которое пытался нарисовать Браги.

— Почему же ты ушел?

— Да по той же причине, что и ты. Мой отец герцогом не был, но тем не менее встал не на ту сторону, когда старый король загнулся, и началась драка за корону. Все погибли, кроме меня и Хаакена. Мы отправились на юг и вступили в Гильдию наемников. Подумать только, куда нас это завело!

— Да, — не мог не улыбнуться Гарун.

— А ты?

— Что я?

— Сколько лет?

— Восемнадцать.

— Этот старик, Мегелин... Он для тебя много значил?

Лицо Гаруна исказилось. Прошла неделя, а боль потери не утихала.

— Он мой учитель. С тех пор, как мне исполнилось четыре. Он был мне отцом больше, чем настоящий отец.

— Прости.

— Он не перенес бы этого, даже если бы его не ранили.

— Как ты себя чувствуешь, став королем?

— Все это похоже на дурацкую шутку. Судьба играет свои игры. Являясь королем самой большой страны в этой части мира, я не управляю даже той землей, которую охватывает взгляд. Мне остается только одно — бежать.

— Что ж, ваше величество, пойдем посмотрим нет ли там действительно воды.

Браги поднялся и взял короткий нож с широким лезвием из вьюка на одном из верблюдов. Верблюды все еще держались. Гарун снял с пояса свой кинжал. После этого они направились к полоскам песка.

— Надеюсь, ты знаешь, что надо искать? — спросил Браги. — Мои познания ограничиваются тем, что я услышал от твоих воинов в Аль-Асваде.

— Я отыщу воду, если она здесь есть. Помолчи.

В то время как Мегелин Радетик обучал его геометрии, астрономии, ботанике и языкам, таинственные наставники из Джебала учили его искусству шагана, воина-чародея.

Гарун прикрыл глаза рукой, чтобы пригасить горячее сияние пустыни, и ввел себя в состояние легкого транса. Затем он включил свое шестое чувство шагана. Вначале он коснулся твердой поверхности под слоем песка. Она оказалось сухой, словно кость. Дальше, дальше, десять ярдов, пятьдесят... Здесь! Под тем пятном тени, куда редко заглядывает солнце. Там, где иссохший ручей делает петлю... Влага.

Гарун вздрогнул от мгновенно охватившего его холода.

— Пошли! — бросил он.

Рагнарсон удивленно на него посмотрел, но ничего не сказал. Ему приходилось быть свидетелем и более необычных поступков Гаруна.

Размягчив песок ударами ножей, они разгребли его руками и... О чудо! На глубине двух футов они ощутили влагу. Они углубились еще на фут до твердой породы и стали ждать, когда образуется лужица. Гарун опустил в нее палец и лизнул. Браги последовал его примеру.

— Ужасно грязная, — сказал северянин.

— Не пей много. Пусть напьются лошади. Веди их сюда по одной.

Дело шло страшно медленно. Но они не возражали. Это был предлог задержаться на одном месте в тени, а не тащиться, изнемогая под палящим оком солнца.

Когда лошади напились, Браги привел верблюдов.

— Мальчишки никак не придут в себя. Пустыня их спалила.

— Да. Если бы мы смогли дотащить их до гор...

— А кто они, кстати?

— Их отцы были придворными Абуда, — пожал плечами Гарун.

— Ну не смех ли? Спасаем людей, которых даже не знаем.

— Это значит быть человеком, сказал бы Мегелин.

С того места, где остались мальчишки, донесся крик. Старший размахивал руками и куда-то показывал. Вдалеке, на красноватом фоне холма, виднелось облачко пыли.

— Бич Божий, — сказал Гарун. — Надо уходить.

Рагнарсон поднял мальчиков и составил караван из лошадей. Гарун тем временем засыпал яму, сожалея, что не может отравить воду.

Когда они пустились в путь, Браги весело сказал:

— Что ж, посмотрим, доберемся ли мы сегодня до этих гор.

Гарун состроил недовольную рожу. Настроение наемника было невозможно предсказать. Он обладал способностью веселиться в самый неподходящий момент.

Горы оказались такими же негостеприимными, как и пустыня. Там не было никаких троп, кроме тех, которые протоптали дикие звери. Путники одним за другим теряли своих лошадей. Люди и лошади были настолько истощены, что им редко удавалось пройти более четырех миль в день. Они блуждали, не зная пути, думая лишь о том, чтобы остаться в живых. Дни громоздились на дни, превращаясь в недели.

— Сколько еще? — спросил Браги. С того момента, когда они бежали из Аль-Ремиша, прошел месяц, и вот уже три недели они не видели преследователей.

— Прости, не знаю, — покачал головой Гарун. — Мне известно лишь то, что на другой стороне гор находятся Кавелин и Тамерис.

Теперь они крайне редко пускались в беседы. Были моменты, когда Гарун начинал ненавидеть своих спутников. Ответственность за них лежала на нем. И пока они были живы, бросить их он не имел права.

Истощение. Мышцы, вздувшиеся узлами от постоянного напряжения. Дизентерия от непривычной воды и скверной пищи. Каждый шаг представлялся непосильным предприятием. Каждая пройденная миля казалась бесконечной одиссеей. Постоянное чувство голода. Несчетное число ушибов и царапин от падений, вызванных усталостью. Время не имело ни конца, ни начала, оно было вечностью, за которую следовало

сделать очередной шаг. Он перестал отдавать себе отчет в своих действиях, не зная, почему поступает так, а не иначе. Мальчишкам приходилось еще хуже, и их существование целиком зависело от него.

Браги проявлял себя лучшим образом. Он обошел боль и неудобство, связанные с дизентерией. С младенческих лет он рос в диких предгорьях Троллединги и приобрел потрясающую выносливость и силу воли. Гарун все слабел, лидерство постепенно переходило к Браги. Наемник взвалил на себя почти всю тяжелую работу.

— Надо бы остановиться, чтобы отдохнуть, — бормотал про себя Гарун. — Следовало бы где-нибудь отлежаться, чтобы восстановить силы.

Но за спиной маячил Нассеф, он надвигался подобно неумолимой стихии — неукротимый и непреклонный в преследовании жертвы. Интересно, почему Нассеф так его ненавидит?

Заржала лошадь. Браги громко вскрикнул. Гарун обернулся.

Лошадь оступилась и случайно ударила копытом мальчишку. И лошадь, и мальчик, покатились вниз по крутому склону. Мальчик лишь слабо вскрикнул, не в силах сопротивляться — случившееся избавляло его от мучений.

Гарун не ощутил даже отзвуков горя в своем сердце. Совсем напротив, он с отвращением понял, что испытывает чуть ли не удовлетворение. Его груз уменьшился на одного человека.

— Если мы будем и дальше тащить с собой животных, они убьют нас всех, — сказал Браги. — Так или иначе.

Гарун смотрел вниз. Может быть, стоит попробовать спуститься и взглянуть, что случилось с мальчишкой? Как же его звали? Этого он не мог вспомнить.

— Брось их, — безразлично сказал он и продолжил путь.

Дни тянулись за днями. Ночи были похожи одна на другую. Теперь они находились глубоко в горах Капенрунг. Гарун не знал, когда они миновали перевал, поскольку ландшафт казался ему совершенно однообразным. Он уже не верил в то, что горы когда-нибудь кончатся. Все карты лгали. Эти проклятые горы тянутся до самого края мира. Однажды утром, проснувшись особенно несчастным, он заявил:

— Сегодня я не сдвинусь с места.

Воля его надломилась.

Браги вскинул одну бровь и ткнул большим пальцем в ту сторону, где должна была находиться пустыня.

— Они сдались, — произнес Гарун. — По-другому не может быть. Если это не так, то они нас давно бы схватили.

Он огляделся по сторонам. Чужая, совершенно чужая страна. Хребет Джебал-аль-Алаф-Дхулкварнеги совсем не был похож на эти горы. Джебал был сух и почти лишен жизни. Вершины там имели закругленную форму. Эти же горы были значительно выше, и их вершины напоминали пилу. На склонах росли деревья такой высоты, которую он прежде даже не мог себе представить. Воздух казался ему ледяным. Снег, который раньше он видел только издали, здесь белел в каждой котловине, в каждом затененном месте. Все здесь провоняло хвоей. Это была совершенно чуждая для него земля, и он тосковал по дому.

Браги же, напротив, все сильнее пробуждался к жизни. Наемник чувствовал себя вполне уютно впервые с того момента, когда его встретил Гарун.

— Это похоже на страну, из которой ты пришел?

— Немного.

— Ты ничего не рассказываешь о своем народе. Почему?

— Просто нечего рассказывать, — ответил Браги и, оглядев окрестности, добавил: — Если мы сегодня никуда не идем, нам надо найти место, откуда можно было бы скрытно вести наблюдение и где нас не могли бы обнаружить по следам.

— Разведай вокруг, а я пока все здесь уберу.

— Хорошо. — Северянин вернулся через пятнадцать минут и заявил: — Нашел. Видишь там, чуть выше, сухое дерево? — Он указал вверх в гору. — За ним заросли папоротника и мхи. Там и укроемся. Нас не заметят, а мы зато увидим всех, кто приближается. Обойдешь вон ту скалу, а затем немного поднимешься по склону. Старайся не оставлять следов. Я пойду последним.

Гарун поплелся наверх, и вскоре к нему присоединился Браги. Он тщательно выбрал себе место для лежбища и сказал:

— Жаль, что у нас нет лука. Здесь мы господствуем над тропой. Так ты думаешь, что они бросили преследование? С какой стати, спрашивается? Ведь они были готовы загнать себя до смерти там, в пустыне.

— Может быть, именно это и произошло.

— Ты серьезно?

— Нет. Только не Нассеф. Жизнь не делает мне приятных подарков. А это был бы самый лучший...

Из глаз его брызнули слезы. Итак, вся его семья погибла. Мегелин умер. Гарун вытер слезинки со щек и сказал:

— Расскажи мне о своих родных.

— Я уже рассказывал.

— Расскажи еще раз.

— У моего отца было поместье, называвшееся Драукенбринг, — начал Браги, поняв, что другу нужно отвлечься. — Наша семья объединялась с другими кланами... — Гарун мало что понимал в повествовании приятеля, но для него было достаточно просто слов. — ...Старый король умер, и отец с Таном оказались противниками... Когда мы стали наемниками, Хаакен нашел именно то, что искал.

— А ты разве не нашел? Ведь ты уже получил свое отделение.

— Нет. Я не знаю, чего хочу, но, во всяком случае, не этого. Может быть, мне просто надо вернуться домой.

В уголках глаз Гаруна снова проступила влага. Юноша яростно ударил рукой по стеблям папоротника. Он не имеет права тосковать по дому! Слишком поздно предаваться бесполезным эмоциям! Гарун попросил Браги рассказать о тех городах, где ему удалось побывать. Мегелин Радетик был родом из Хэлин-Деймиеля.

Когда на дне каньона начали сгущаться тени, Рагнарсон сказал:

— Похоже, что сегодня у нас гостей уже не будет. Я пойду поставлю силки. Надеюсь, религия не запрещает тебе есть белок?

Гарун слабо улыбнулся. Диета жителей пустыни всегда ставила Браги в тупик.

— Нет, не запрещает.

— Слава богам. А теперь почему бы тебе не подыскать место для бивака?

Саркастический тон приятеля совершенно не трогал Гаруна. Он поднялся, опершись рукой на поваленное дерево. Поразительно, как меняется жизнь, подумал юноша. Став королем, он вынужден все делать сам. Когда он был четвертым сыном валига, ему никогда не приходилось самому за собой ухаживать.

— Впереди люди, — сказал Рагнарсон и, увидев удивленно поднятые брови приятеля, добавил: — Разве ты не чувствуешь запаха дыма?

— Нет, — ответил Гарун. — Но тебе верю.

Уже дважды они обходили стороной поселения, Браги не доверял местным жителям. Однако в любом случае присутствие туземцев — враждебных или нет — вдохновляло. Это означало, что цивилизация где-то неподалеку.

— Я пойду на разведку.

— Действуй.

Близко. Уже очень близко. Но к чему, спрашивается? Хотя они не так спешили после того, как Бич Божий прекратил преследование, Гарун тем не менее оставался настолько утомленным и подавленным, что не мог решить, что делать дальше.

Избавиться от Нассефа. Перевалить через горы. Первое уже удалось. Второе вот-вот будет сделано. И далеко в тумане вставала новая задача: перековать идеалы роялистов в оружие, с помощью которого будут уничтожены Ученик и его бандиты-военачальники. Но деталей он пока себе не представлял, конкретных планов действий у него еще не имелось. Гарун даже испытывал искушение присоединиться к Рагнарсону, когда тот вернется к своим братьям-наемникам.

Браги, по-видимому, действительно чувствовал, что конец их бегству уже близок, и все время говорил, как вернется в свою часть, как встретится с братом или хотя бы узнает в Высоком Крэге, что случилось с отрядом Хоквинда.

Гаруну хотелось стать королем даже меньше, чем Браги оставаться солдатом. Податься в наемники? Это будет жизнь, подчиненная весьма жестким и ясным правилам. Он будет точно знать свое место.

— Глупости, — прошептал Гарун. Его роль уже предначертана судьбой. И он не может отказаться от своего предназначения только потому, что оно ему не по вкусу.

Вернулся Рагнарсон.

— Там примерно двадцать человек из вашего племени, — объявил он. — Не знаю только — враги или друзья. Тебе стоит пойти взглянуть.

— Хм... — Судя по всему, это должны быть друзья. У сторонников Эль Мюрида нет никаких причин пересекать горы. Гарун последовал совету Браги и тайком прислушался к разговору обитателей пустыни.

Те действительно оказались роялистами. Выяснилось, что они ничуть не лучше Рагнарсона и его самого представляют, где находятся. Но им по крайней мере было известно, что где-то рядом существуют лагеря беженцев. Строительство сети лагерей финансировал валиг и его друзья по совету Мегелина Радетика. В то время уже стало ясно, что Ученик представляет серьезную угрозу.

Гарун по-прежнему тайком вернулся к Браги и сказал:

— Это — друзья. Нам следует объединить силы.

Северянин всем своим видом выражал сомнение.

— Теперь нам не придется беспокоиться по поводу туземцев, — продолжил Гарун.

— Возможно. Но после всего того, что мы пережили, я всем перестал доверять.

— Я с ними поговорю.

— Но...

— Я пошел.

— Посмотри! — воскликнул Гарун. — Здесь — один из военачальников отца. Белул! Эй! Сюда! — Он помахал рукой.

Они находились в лагере уже полчаса. Гарун, не веря в то, что им все же удалось спастись, бродил, как во сне, пытаясь отыскать знакомых. Рагнарсон тащился за ним следом, окидывая встречных равнодушным взглядом.

Человек, которого назвали Белул, посмотрел в их сторону и отбросил боевую секиру. Его лицо осветилось радостью.

— Повелитель!

Гарун бросился ему на шею со словами:

— А я-то думал, что все погибли.

— Почти все. Я боялся, что тебя тоже нет в живых. Но в то же время я верил в учителя и оказался прав. Ты здесь.

Лицо Гаруна омрачилось.

— Мегелин не смог спастись, он умер от ран. Да, кстати. Ты помнишь Браги Рагнарсона? Одного из людей Хоквинда. Он спас мне жизнь у соленого озера и во время осады Аль-Асвада. Браги сделал это еще раз в Аль-Ремише. Его отрезали от основного отряда. Браги, это Белул. — Гарун все никак не мог успокоиться. — Он служил в гарнизоне Себил-эль-Селиба еще в то время, когда на него напал Эль Мюрид.

— Да, я видел его в Аль-Асваде.

— Белул оказался единственным, кто тогда выжил. Позже он присоединился к моему отцу и стал одним из его лучших военачальников.

— Как мне отсюда добраться до Высокого Крэга? — спросил Браги. — Как только я немного отдохну...

Но его никто не слушал.

— Слушайте все! Слушайте все! — закричал Белул. — Среди нас — король! Слава королю!

— Перестань, — взмолился Гарун и тут же без паузы продолжил: — Мы заблудились в горах. Думал, что нам уже никогда не выбраться.

Белул, не слушая своего повелителя, продолжал кричать. Вокруг них, не проявляя никакого энтузиазма, начали собираться люди.

— Кто еще уцелел? — спросил Гарун.

— Пока еще трудно сказать. Я и сам здесь недавно появился. Но где же учитель?

Гарун недовольно поморщился. Белул его не слушал.

— Он не выжил. Погибли все, кроме двух мальчишек. Сам Бич Божий гнался за нами. Только через месяц мы сумели от него оторваться.

— Очень жаль. Совет старика был бы нам очень кстати.

— Знаю. Никудышный обмен — Мегелин за корону. Он спас меня для королевства. Ну что я за король? У меня ничего нет. Я самый нищий монарх за всю историю.

— Это не так, — возразил Белул. — Расскажите ему, — обратился военачальник к беженцам.

Некоторые из них охотно закивали, другие покачали головами — в зависимости от того, кто как оценивал положение.

— Сторонники твоего отца основали несколько дюжин лагерей, повелитель. У тебя есть народ, есть и армия.

— Армия? Неужели ты, Белул, не устал от сражений?

— Эль Мюрид пока жив.

Для Белула это был вполне исчерпывающий ответ. Пока Эль Мюрид живет, резня под Себил-эль-Селибом и гибель его семьи остаются не отмщенными. Он воевал уже двенадцать лет и будет воевать до тех пор, пока не погибнет Ученик.

— Я направлю гонцов в остальные лагеря, — сказал Белул. — Посмотрим, что имеем, и затем начнем строить планы.

— Если отправите гонца на запад, — сказал Браги, — то отпустите меня вместе с ним. Хорошо?

Ответа не последовало, и Рагнарсон в сердцах сплюнул.

— Сейчас мне вполне достаточно просто быть здесь, — сказал Гарун. — Я, Белул, совершенно обессилел. Уложи меня где-нибудь спать.

Три дня он занимался тем, что спал или просто так валялся на койке. Наконец он поднялся, вышел из хижины и на негнущихся ногах отправился осматривать свои новые владения.

Лагерь был сооружен близ одной из вершин хребта Капенрунг. Как много деревьев! Он так и не смог привыкнуть к деревьям. Вглядываясь в прорубленные топором просеки, он видел лишь бесконечные ряды деревьев. Они выводили его из равновесия точно так же, как пустыня — Браги.

Уже довольно давно он не видел наемника. Интересно, куда он делся?

— Сегодня прибыли еще сорок три человека, повелитель, — доложил Белул. — Горы кишат беглецами.

— Мы сможем их устроить?

— Друзья учителя знали, что делали. Они оставили нужные инструменты и значительные запасы пищи.

— Несмотря на это, нам придется многих переместить. Здесь всего лишь перевалочный пункт и место отдыха, а вовсе не конец пути. Он посмотрел на склон горы, где по приказу Белу-

ла сооружались блокгаузы и возводилась ограда. — Где мой друг? — спросил Гарун.

— Он отправился на запад вместе с нашим курьером. Очень решительный парень. Торопился вернуться к своим.

На какое-то мгновение Гарун ощутил пустоту. За время бегства между ним и Браги возникли крепкие узы. Ему будет не хватать общества этого северянина.

— Я трижды обязан ему жизнью, Белул. И теперь я не в силах вернуть этот долг.

— Я дал ему лошадь.

Гарун недовольно нахмурился. Не слишком большая награда. Затем, указывая на фортификационные сооружения, он спросил:

— А это зачем?

— Нам потребуются базы, когда мы начнем наносить удары по Хаммад-аль-Накиру. До Аль-Ремиша отсюда не так уж и далеко.

— Если знать туда дорогу.

— Это верно, — улыбнулся Белул.

Гарун посмотрел на деревья и на реку, бегущую у подножия горы. Ему было трудно поверить в то, что родные края лежат неподалеку.

— Здесь все так тихо и мирно, Белул.

— Это ненадолго, повелитель.

— Знаю. Внешний мир нас так просто не отпустит.

Глава 3

ТОЛСТЫЙ МАЛЬЧИШКА

Заплывший жиром мальчишка истекал потом. Он сидел в пыли и едва слышно посылал проклятия в адрес своего господина. В это время года следовало быть на севере, а не в кипящей, орошаемой тропическими дождями дельте реки Реи. В

Некремносе, где они находились весной, было уже плохо, в Тройесе, месяц тому назад, не лучше. Но Аргон летом превращался в сущий ад. Старикан просто свихнулся.

Он приоткрыл один черный глаз, скривил лунообразную смуглую физиономию и покосился на господина.

Ну, где еще можно встретить такую развалину? Тень стены Квартала чужеземцев несколько скрашивала физиономию старца. Но даже полночная тьма была не в силах скрыть его возраст, следы дебильности на лице и слепоту.

Старик дремал.

Рука мальчика метнулась к потертому кожаному мешку и мгновенно вернулась назад, сжимая твердый, как камень, хлебец.

От удара посоха господина взметнулась пыль.

— Маленький неблагодарный негодяй! Гнусный воришка! Красть у старого человека!

Да, он переступил этот порог. Добывать пропитание становилось все труднее. Вот уже год, как добывание пищи забирает все его силы.

Старик попытался подняться, но ноги его подвели, и он упал на спину, нелепо размахивая посохом.

— Я все слышал. Ты смеялся надо мной. Ты горько пожалеешь об этой минуте...

Прохожие не обращали на них внимания. И это было очень скверное предзнаменование.

В свое время господин умел привлекать горожан помимо их воли. При помощи своих фокусов и веселой болтовни он мог обобрать даже самых хитроумных.

Монотонно напевая: «Скиньте покровы, взгляните в глаза времени, пронзите взором мглу, отворите врата судьбы...», он гадал по руке, используя для этого черную ткань и магический кристалл. И люди платили.

Толстый мальчишка покачал головой. Какой дурак. Пора признаться себе, что он уже давно перерос это.

Мальчишка ненавидел старика. Всю свою жизнь он странствовал вместе с этим бродячим шарлатаном и ни разу за все это время не услышал от него ни единого доброго слова. Старикан постоянно придумывал новые, все более изощренные

мучения для ребенка. На это фантазии у него хватало. Он даже не дал ему никакого имени. Но жирный мальчик не убегал. До недавнего времени даже мыслей об этом не было.

Когда старику удавалось раздобыть достаточно денег, чтобы принять изрядное количество вина, он начинал бубнить о том, что в свое время был придворным шутом у одного весьма могущественного человека, и его изгнание каким-то образом связано с мальчишкой. Теперь ребенку приходилось расплачиваться за это. Старик сумел привить мальчику сильный комплекс вины. Шарлатан рассчитывал на то, что мальчишка, повзрослев, станет его опорой и кормильцем.

Юный толстяк, темный, как пыль на улицах восточных городов, потел, бил мух и боролся с искушением. Он был уверен, что сумеет прожить один. За годы скитаний ему удалось многому научиться.

Иногда, когда старец засыпал, мальчик самостоятельно давал представления. Он был первоклассным чревовещателем и заставлял говорить различные принадлежащие господину предметы. Чаще всего это были череп обезьяны или чучело филина. Иногда, осмелев, он заставлял слова звучать из уст спящего старца.

Однажды старик застал его за этим занятием врасплох и избил до полусмерти.

Господин называл себя самыми разными именами в зависимости от того, кто его на сей раз преследует — или ему казалось, что преследует. Любимыми его именами были Фигер и Саджак. Мальчик не сомневался, что оба эти имени вымышленные.

Он упорно пытался узнать подлинное имя старца в надежде, что оно может стать ключом к загадке его собственного происхождения.

Желание узнать, кем он является на самом деле, было главной причиной того, что мальчишка не пытался улучшить свое положение.

Он знал точно, что в родстве с Саджаком не состоит. Старик был светлокожим, тощим и высоким блондином с выцветшими серыми глазами. Одним словом, он был родом с Запада.

Между тем самые ранние воспоминания ребенка были связаны с Востоком. С Матаянгой. С Эскалоном. С легендарными городами Джанин, Немик, Шустал-Ватка и Татарьян. Они взбирались даже на дикий хребет Сегастур, где на высоких утесах стояли монастыри Теон Синга, со стен которых виднелись бесконечные темные равнины Империи Ужаса.

Даже в то время он задавал себе вопросы, почему судьба свела его с Саджаком и какая сила заставляет этого человека пребывать в вечном движении.

Саджак, кажется, снова заснул.

Голод раздирал своими когтями внутренности мальчишки. Он вообще не мог припомнить такого момента, когда был сытым.

Его руки снова метнулись к сумке, но та оказалась пустой.

Старик на попытку кражи не отреагировал. На сей раз он действительно уснул.

Видимо, настало время пополнить опустевшую кладовую.

Добыть деньги честным путем было чрезвычайно трудно даже в самые лучшие времена...

Он шагал вразвалку и казался со стороны медлительным и неуклюжим. Быстрым он действительно не был, но зато был ловок. Ловок и хитроумен. И к тому же смел.

Он украл кошелек у капитана городской охраны так незаметно, что тот завопил лишь после того, как вошел в таверну и заказал себе вина.

Но к тому времени толстый мальчишка уже покупал себе сладости в трех кварталах от места кражи.

Его большим недостатком, однако, была легко запоминающаяся внешность.

Капитан охраны, к сожалению, совершил серьезную тактическую ошибку. Он начал выкрикивать угрозы жестоко наказать воришку до того, как преступник оказался в его руках.

Юный толстяк завопил и бросился бежать. Он боялся, что его заберут в рабство или искалечат. А то и отрубят голову.

Ему удалось скрыться и вернуться к Саджаку еще до того, как тот проснулся.

Сердце мальчишки продолжало отчаянно колотиться, хотя дыхание уже успокоилось. На этой неделе его едва не схватили

трижды. Шансов ускользнуть в следующий раз становилось все меньше. Скоро все начнут искать толстого и смуглого воришку с ловкими руками. Настало время отсюда уходить.

Но старикан двигаться не желал. Он, видимо, решил пустить здесь корни.

Необходимо срочно что-то предпринять.

Саджак неожиданно пробудился.

— Что ты теперь затеял? Опять хочешь украсть мою еду? — выпалил он и протянул руку к сумке. Сумка оказалась полной. — Откуда? — прошамкал старец.

Жирный мальчишка ухмыльнулся. Он всегда покупал черствый хлеб, зная, что зубы у старика никуда не годятся.

— Воруешь? — Саджак с трудом поднялся на ноги. — Я проучу тебя, жалкий прыщ!

Что-то срочно необходимо делать.

Когда старец утомился и экзекуция закончилась, мальчишка заныл:

— Господин, приходил человек, когда ты был спанный.

Итак, время настало.

— Какой человек? Я никого не видел.

— Он приходить, когда господин был в медитации. Знаменитый в городе человек. Предлагать оболов тридцать за гадать по куриным кишкам, чтобы выбрать жениха для дочери. Один богатый, другой бедный. Человек хочет богатого, а дочь любить бедного. Чтобы был секрет от дочери, сказал приходить в полночь. Лично я сказал, что господин иметь суверенные познания преодолеть любовь, которые может употребить за двадцать оболов экстра.

— Лжец! — Его посох бессильно опустился. — Двадцать и тридцать? Значит, в полночь?

Предложение означало изобилие вина и сладостное забытье.

— Истина произнесена мною, господин.

— Где?

— На Верхней улице. У Ближней дороги, неподалеку от Фадема. Ворота стоять открытыми.

— Пятьдесят оболов? — злобно хихикнул Саджак. — Передай-ка мне мои зелья. Я намешаю ему такую отраву, от которой даже на жабе вырастет шерсть.

Жирный подросток мог спать в любых условиях, но сейчас, в ожидании полуночи, он не мог сомкнуть глаз.

Дождь начался, как всегда, через час после наступления темноты. Старик завернулся в плащ, а толстый мальчишка — в свои лохмотья. Наступило время либо признаться во лжи, либо продолжить начатое.

Мальчишка решил продолжить.

Он помог господину взобраться на спину облезлого осла и повел животное по тихим улицам, стараясь выбирать самые темные и делая неожиданные повороты, чтобы сбить старика с толку. Ни грабители, ни стражники их не побеспокоили.

Их путь шел мимо замка Фадем — резиденции королевы Фадемы. И там никто ими не заинтересовался.

Наконец они достигли избранного мальчишкой места.

Аргон расположился на треугольном острове, связанном с другими островами дельты понтонными мостами. Вершиной треугольник был обращен вверх по течению, и оба рукава реки были в этом месте самыми узкими. Поэтому древние строители возвели здесь самые высокие стены, поднимающиеся прямо из воды.

В сотне футов ниже и в четверти мили к югу находился один из понтонных мостов. Он связывал столицу с пригородами, разместившимися на близлежащем острове. Далее за островом в темноте находились рисовые поля — основа благосостояния Аргона.

Но толстому мальчишке было на все это плевать. Экономика его не интересовала.

— С этого места надо идти пешком, — сказал он. — Важный господин бояться, что животные портить сад.

Старик поворчал, но все же позволил мальчишке снять себя со спины осла.

— Сюда, — сказал толстяк, беря Саджака за руку.

— Что б ты сдох! — просипел старец через минуту, поднимаясь из дождевой лужи глубиной несколько дюймов.

— Это уже второй раз! — Бах! — Ты делаешь это нарочно! — Бах! — Следующий раз обходи лужи стороной!

— Приношу нижайшую извинительность, господин. Клянусь быть наивнимательнейшим. — Уголки его губ искривились в ухмылке.

— О горе! На тропе опять лужа.

— Обойди.

— Достижение обхождения нет возможность. С каждой из сторон раскинуться цветники. Важный господин не возрадуется. Лично я свершать прыжок. Поддержу господина, когда он тоже свершать прыжок.

Он тщательно установил старца лицом в нужном направлении, а затем подпрыгнул на месте и, неестественно хрюкнув, произнес:

— Это так просто, господин. Но прыгать подальше, чтобы не замокнуть.

Старец выругался и потыкал пустоту впереди себя посохом.

— Вперед, господин. Прыгать! Важный хозяин сердится, если мы опоздать. Прыгайте. Лично я поймать.

Сердце толстого мальчишки бешено колотилась, кровь стучала в ушах. Старик наверняка слышит шум, который они производят...

Саджак изрыгнул последнее проклятие, чуть присел и прыгнул вперед.

Вопить он начал, лишь оказавшись на полпути к реке.

Напряжение мгновенно исчезло, и жирный мальчишка, воздев кулаки к небу, пустился в пляс.

— Эй! Что здесь происходит?

К краю стены мчался солдат городской стражи. Жирный мальчишка бросился к ослу, но животное отказалось двигаться.

Оставалось только блефовать.

Стражник, приблизившись, чуть не утонул в море слез.

— О горе! — завывал юный толстяк. — Я есть наиглупейший из всех глупцов.

— Что случилось, сынок?

Толстый мальчишка залопотал. В этом деле он был мастер.

— Дедушка лично меня, единственный родной в мире, только что прыгать со стены. Я есть идиот. Поверил, что он хотеть посмотреть на реку в глубокий ночь. — Он сделал вид, будто пытается взять себя в руки. — Единственный родич. Страдать от смертельный болезнь. Страшная боль. Лично я есть дурень из дурней. Надо было знать...

— Успокойся, сынок. Все будет хорошо. А может быть, это и к лучшему? Как ты думаешь? Если боль была настолько невыносимой...

Стражник уже давно патрулировал этот участок стены и видел много прыгунов в реку. Брошенные любовники. Обманутые мужья. Люди, страдавшие от чувства вины. Просто бедняки.

Большинство из них бросались в воду средь бела дня, желая, чтобы их последний жест презрения к миру был этим миром замечен. Но страдающий от рака человек был озлоблен не на весь мир, а всего лишь на его богов. А эти негодяи с извращенным сознанием видели ночью так же хорошо, как и днем. У стражника не возникло никаких подозрений.

— Ступай в казармы. Там переночуешь, а утром посмотрим, что можно для тебя сделать.

Жирный мальчишка не знал чувства меры. Он протестовал, выл, бился в конвульсиях и делал вид, что готов броситься со стены вслед за своим последним родственником.

Страж порядка решил, что парня следует задержать и отвести в казармы.

Если бы юнец не столь рьяно проявлял свое горе, то вполне мог бы удалиться самостоятельно. Стражник не стал бы возражать. Улицы города кишели бездомными сиротами.

Тот же солдат разбудил мальчишку утром после первой в жизни ночи, проведенной им в настоящей постели.

— Доброе утро, сынок. Сейчас самое время поговорить с капитаном.

Толстяком овладели нехорошие предчувствия. Сколько капитанов может быть в городской страже? Видимо, не так много. Рисковать нельзя.

— Лично я оголодавший. Умирать от недоедания.

— Постараемся что-нибудь устроить, — произнес стражник, бросив на мальчишку странный оценивающий взгляд.

Юнец решил, что настало время продемонстрировать неутешное горе. Он зарыдал, словно не сразу поняв, что все происшедшее не было дурным сном.

Стражник, казалось, был вполне удовлетворен.

В солдатской столовой мальчишка набил брюхо, а в те моменты, когда на него никто не смотрел; — карманы. Насытившись до отвала, юный толстяк отправился вслед за стражником к капитану.

Пока солдат докладывал начальству, юнец выскользнул через боковую дверь. Он узнал голос офицера. Предчувствие его не обмануло.

В конюшне он едва не попался. Осел категорически отказывался покинуть место со столь обильной пищей. Но мальчишка все же сумел заставить животное двигаться, и капитан не успел его заметить.

Он решил совсем уйти из Аргона. Капитан, сообразив, кто ускользнул из его рук, наверняка объявит общий розыск. Саджак давным-давно внушил ему, что лучший способ избежать внимания полиции — бежать из города, как только она начнет проявлять беспокойство.

Но сможет ли он уговорить стражу на мосту пропустить его? Охрана наверняка изумится, увидев одинокого ребенка.

Все получилось как надо. Мальчишка был удачливым и изобретательным лгуном.

Юный беглец из Аргона пополнил ряды безработных бродяг, которые каким-то непостижимым образом ухитрялись выживать во враждебном мире. Сам он существовал благодаря многочисленным сомнительным навыкам и трюкам, почерпнутым у Саджака и его приятелей, повстречавшихся им во время странствий.

Несколько лет он бродил между Тройесом, Некремносом и Аргоном, повторяя путь, освоенный им еще со стариком. Почти в каждом поселении он останавливался. В этот год он добрался до Матаянги и Эскалона. Следующим летом отправился к западным берегами моря Коцюм у подножия горного хребта Джебал-аль-Алаф-Дхулкварнеги. Но этот маршрут оказался бесперспективным. Тот край населяли дикие народы с буйным нравом.

Жители ужасных гор использовали человеческую кожу для изготовления пергамента, чтобы записывать на нем свои мрачные сказания.

Он научился пользоваться еще несколькими языками. На них он изъяснялся с такими же чудовищными ошибками, как и на тех наречиях, что знал раньше. Он нигде не оставался достаточно долго для того, чтобы углубить свои познания. Ему было на это плевать.

Дурные наклонности, свойственные ему с детства, получили новое развитие. Деньги словно вода текли между его пальцев. Сомнительные девицы, вино...

Но самой большой его страстью стали азартные игры. Он был не в силах бороться с искушением испытать судьбу. В результате молодой человек по уши влез долги, и список мест, где ему было противопоказано появляться, непрерывно увеличивался. Перечень стал настолько длинным, что он не мог его запомнить.

Толстяк продолжал воровать у всех, наживая себе все новых и новых врагов по обе стороны закона.

Беда случилась в Некремносе.

По утрам и вечерам он предавался своей любимой игре, прикидываясь магом.

— Эй! Прекраснейшая из дам! Перед взором женщины, славной своей наружность и мудрость, сидит ученик — лично я, значит, — знаменитого Великого Магистра Иштвана из Матаянги. Я работать на Запад, в горах М'Ханд под руководством сам Великий Магистр, где искать знаний у умов величайших. Я молодой, что есть так, но я знающий все секреты красоты. Я также есть Первостатейный Предсказыватель. Могу учить, как завоевать любовь, как равно и сказать, любит ли тебя человек. Имею редкие и тайные снадобья, дающие красоту. Ими пользоваться только жены Наставника Эскалона, которых и в пятьдесят лет принимать за шестнадцатилетний дев красы необыкновеннейшей.

Подобные причитания продолжались до бесконечности, приспосабливаясь лишь к внешнему виду и общественному положению проявившей интерес женщины. Иногда толстяку удавалось продать изрядное количество болотной жижи и иных дурно пахнущих жидкостей и мазей.

В промежутке между утренней и вечерней сменами он болтался на рынке, очищая карманы.

Ночами же он проматывал дневную добычу.

И вот одна жертва кражи опознала его в тот момент, когда он занимался своим более невинным ремеслом.

Он попытался отболтаться, одновременно пакуя пожитки и нагружая осла. Но, заметив, что стражники начинают верить словам обвинителя, поспешил исчезнуть. Молодой человек не стал более проворным или более ловким, нежели был в Аргоне. Теперь он главным образом полагался на свои сообразительность и хитроумие.

Именно эти качества и подвели его.

Игорный дом, где он решил укрыться, оказался опорным пунктом типа, которого он облапошил прошлой осенью.

Первым признаком катастрофы был крик: «Хватайте его!»

На него двинулась пара типов разбойнического вида. Один из них был тощ и изукрашен шрамами. Второй, напротив, был неимоверно толст, но тоже в шрамах.

За спинами идущих вразвалочку бандитов толстяк заметил человека, который при расставании обещал содрать с него заживо шкуру.

Юнец ударился в панику и вытащил из рукава нож, которым обычно срезал кошельки.

Через мгновение у тощего бандита на горле возник второй зияющий алый рот, в то время как первый открылся в беззвучном крике.

На толстяка брызнула кровь. Кровь оказалась горячей и соленой. Он вырвался из рук второго преследователя, и в тот же миг его желудок вывернулся наизнанку, исторгая завтрак.

Это было совсем не похоже на те ощущения, которые он испытал, заставив старого дурня прыгнуть со стены.

Тип, обещавший содрать с него шкуру, выпучив глаза следил за развитием событий.

Толстый бандит поставил молодому человеку подножку, а затеявший свару хозяин удрал через боковую дверь. Юнец вскочил и увидел, что жирный противник тоже выхватил нож.

Вокруг начали скапливаться зеваки. Настало время уходить.

Но противник не позволял ему сделать это. Видимо, он хотел задержать молодого человека до тех пор, пока его наниматель не вернется с подкреплением.

Ученик Саджака качнулся в сторону, делая вид, что хочет бежать. Его противник поддался на эту уловку, и толстый юнец, стрелой промчавшись мимо него, выскочил через заднюю дверь.

Это была дьявольская ночь. За ним гналась половина города. Повсюду торчали стражники. Сотни наемных бандитов, прельщенных обещанием большой награды, рыскали по улицам.

Настало время искать более тучные пастбища. Но для него оставался открытым только один путь. Путь на запад, с которым он, по его утверждениям, имел такие тесные узы.

Однако он не сделал никаких выводов из преподанного ему урока и, перевалив через горы, продолжил привычный образ жизни.

И там, на западе, он обречен был стать жертвой своего собственного хитроумия.

Но пока, взобравшись на вершину холма, он с безопасного расстояния выкрикивал издевательства в адрес Некремноса.

Ухмыльнувшись, он заявил самому себе:

— Я — великий издеватель. Величайший издеватель. Лучший в мире насмешник. Неплохая идея! С этого момента, господин, — молодой человек трижды ударил себя кулаком в грудь, — ты именоваться Насмешником!

Это уже было очень похоже на настоящее имя.

Потайными тропами он двинулся на юг и через некоторое время добрался до границ Тройеса, где собирались уходящие на запад караваны. Пустив в ход все свое красноречие, он сумел устроиться водоносом в караване, отправляющимся в Форгреберг, столицу Кавелина — одного из Малых Королевств, расположенных к западу от хребта М'Ханд.

Караван вначале пересек обширные безлюдные равнины, окружающие развалины Гог-Алана, а затем поднялся в горы. Таких высоких и неприветливых вершин Насмешнику на востоке видеть не доводилось. Караванная тропа змеилась через теснины прохода Савернейк, мимо мрачной сторожевой крепости Майсак и затем круто спускалась вниз к городу Баксендала.

Там Насмешник развлекся с девицей и, выпив вина, решил сыграть в кости с туземцами.

Его тут же уличили в жульничестве.

На сей раз Насмешнику пришлось скрываться в стране, языка которой он не знал совершенно.

В Форгреберге ему удалось продержаться достаточно долго для того, чтобы ухватить азы некоторых западных наречий. Он запоминал слова быстро, хотя и не очень точно.

Глава 4

СВЯТИЛИЩЕ МРАЗКИМА

День за днем проводил Эль Мюрид у ложа Мириам.

Иногда к нему присоединялись дочь или Сиди. Тогда они все втроем возносили молитвы. Когда военачальникам Ученика требовались указания, они находили его у постели жены. Именно туда генералы Карим и Эль Кадер принесли радостную весть о сокрушительном разгроме роялистов у развалин Ильказара. Эта победа была даже важнее, чем захват Аль-Ремиша. Хребет роялистов был сломлен. Сопротивление прекратилось. Хаммад-аль-Накир полностью принадлежал ему.

Он сидел у изголовья Мириам, когда перед ним предстал истощенный, обессиленный Нассеф.

— Щенок Юсифа сбежал. Но зато Радетик заплатил сполна.

В ответ Эль Мюрид едва кивнул.

— Как она, Мика?

— Все так же. Пока без сознания. Судьба жестока, Нассеф. Одной рукой она одаривает, а другой что-то отнимает.

— Ты сейчас говоришь совсем как я. Между тем тебе следовало бы сказать: «Бог дает, и Бог берет».

— Наверное, ты прав. Но Властелин Зла вновь овладевает моим разумом. Он не оставляет времени для молитв.

— Да. Такова природа Зверя.

— Господь предначертал для меня трудный путь, Нассеф. Я хотел бы знать, куда он меня ведет. Мириам никому не на-

носила обид. А если и наносила, то расплатилась за это сполна, став супругой Ученика. Почему это случилось сейчас? Сейчас, когда победа в наших руках. Когда наша дочь наконец должна получить имя. Когда мы могли бы начать жить почти нормальной жизнью.

— Она будет отмщена, Мика!

— Отмщена? Не осталось никого, кто заслуживал бы мщения.

— Гарун, сын Юсифа пока жив. Он претендент на трон.

— Мальчишка так или иначе умрет. Культ Хариша уже начертал его имя на своих кинжалах.

— Хорошо. В таком случае отомстим еще кому-нибудь. Мика, надо приступать к работе. Дишархун начинается завтра. Ты не можешь оставаться взаперти. Мы много лет обещаем людям это празднество. Ты обязан забыть о своем личном горе.

— Ты, безусловно, прав, — со вздохом отозвался Эль Мюрид. — Я слишком долго предаюсь жалости к самому себе. Но ты действительно выглядишь ужасно. Неужели это было настолько скверно?

— Нет слов, чтобы это описать. Они использовали против нас какое-то колдовство. В живых остался только я. Там бесследно исчезли пять дней моей жизни. Появилась башня... — Нассеф умолк, словно не был уверен в том, что хотел сказать.

— Господь спас тебя, он понял, как ты мне нужен.

— Мне необходимо отдохнуть, Мика. Я полностью опустошен. В течение нескольких дней я тебе не помощник.

— Располагай своим временем столь долго, сколь тебе будет угодно. Исцелись полностью. Если я потеряю Мириам, ты мне будешь нужен, как никогда ранее.

Когда Нассеф удалился, Эль Мюрид снова погрузился в молитву. На сей раз он молил Творца лишь о том, чтобы его жена могла увидеть, как дочь получает имя.

Ведь это так много для Мириам значило.

Это был самый многолюдный и самый радостный Дишархун в истории Хаммад-аль-Накира. Правоверные прибыли из самых отдаленных уголков страны, чтобы разделить с Учеником радость победы. У некоторых путь отнял столько времени,

что они появились в Аль-Ремише только в день Машада — последний день празднества. Тем не менее к самым главным событиям они успели. Именно в этот день Эль Мюрид должен был объявить о своей победе и провозгласить создание Королевства Покоя. Таким образом, они не пропустили самого главного события в истории Учения.

Толпа оказалась настолько большой, что пришлось соорудить высокую деревянную платформу, с которой Эль Мюрид обращался к народу. В Святилище допустили лишь немного особо приглашенных людей. Только самым первым последователям Ученика выпала честь наблюдать за тем, как его дочь получает имя.

Незадолго до полудня Эль Мюрид вышел из Святилища и поднялся на платформу. Все с нетерпением ожидали его первого ежегодного обращения к Королевству. Толпа скандировала: «Эль-Мюрид-Эль-Мюрид». Люди топали ногами и ритмично хлопали в ладоши. Ученик поднял руки, требуя тишины.

Яркое солнце озарило амулет, данный ему ангелом. Толпа заохала и заахала.

Вероучение претерпело серьезное изменение, о котором не знал Эль Мюрид. Сам он считал себя всего лишь голосом Всевышнего, учителем, призванным нести слова истины. Но в умах и сердцах последователей он был чем-то гораздо более значимым. В отдаленных местах пустыни ему возносили молитвы как богу во плоти.

Ученик оставался в полном неведении об этой ереси.

В своей первой речи в день Машада он не сказал ничего нового. Ученик провозгласил создание Королевства Покоя, еще раз подтвердил божественные законы, объявил об амнистии бывшим врагам и повелел всем здоровым мужчинам Хаммад-аль-Накира явиться на военный смотр следующей весной. Творец требовал, чтобы земли неверных были очищены от скверны, а права Империи восстановлены.

Те, кому доводилось бывать в Аль-Ремише в Священные дни ранее, восхищались отсутствием иностранцев вообще и иностранных послов — в частности. Неверные не признавали притязаний Эль Мюрида на светскую власть.

Ученик, сойдя с платформы, почувствовал страшную слабость. Его руки и ноги пронизывала боль. Пророк вызвал своего лекаря, и тот дал повелителю снадобья, которые он пожелал. Эсмат уже давно не смел спорить со своим господином.

На церемонию наречения имени получили приглашение сто человек — естественно, со своими любимыми женами. Эль Мюрид желал, чтобы событие имело особое значение. Его дочь должна подойти к Священному алтарю в белоснежном наряде невесты. Дева не только получит свое имя, но и обручится с Богом.

Это должно послужить бесспорным знаком того, что он, Эль Мюрид, уже выбрал себе наследника. Или наследницу.

— А она у нас красавица, — хрипло прошептала Мириам, взирая на то, как ее дочь шествует к алтарю.

— Да. — Его молитвы не остались без ответа. Мириам вышла из комы, но осталась парализованной. Слуги одели ее и доставили в Святилище в паланкине.

Эль Мюрид припомнил, как гордо она восседала на своей белой верблюдице, когда они первый раз въезжали в Аль-Ремиш. Смелая, красивая, бросившая вызов всему миру! Теперь прошлое утонуло в тумане. Он взял Мириам за руку и не отпускал до окончания церемонии. Девочка уже почти взрослая и может сама отвечать на все вопросы. В помощи родителей она не нуждалась.

— Каким именем будет зваться это дитя Бога? — спросил только что назначенный Верховный жрец.

Эль Мюрид еще крепче сжал руку Мириам. Лишь она знала ответ на этот вопрос. Настал момент, ради которого она жила.

— Ясмид, — ответила Мириам. Голос ее звучал ясно, как колокол, и у Эль Мюрида появился проблеск надежды. Он видел, как встрепенулся Нассеф. — Назовите ее Ясмид, дочь Ученика.

Мириам в свою очередь сжала ладонь супруга. Он знал, как сейчас счастлива жена.

Однако все надежды Эль Мюрида рухнули всего лишь через несколько минут. Она впала в кому еще до окончания церемонии и умерла перед рассветом.

Кончина казалась настолько неотвратимой, что Нассеф объявил траур в Аль-Ремише еще вечером.

Эль Мюрид был настолько иссушен ожиданием смерти жены, что само событие оставило его в немом отупении. Он не проронил ни слезинки. Всю энергию, которая у него осталась, он обратил на Ясмид, Сиди и Нассефа.

Всегда спокойный и уверенный в себе Нассеф рыдал, как дитя. Мириам была его единственной драгоценностью, и он любил сестру даже больше, чем Эль Мюрида.

Слова жреца о том, что «она покоится в объятиях Бога» никого не утешили.

Нассеф с головой ушел в работу, как будто хотел с ее помощью изгнать свое горе. Случалось так, что он не спал сутками.

Сиди полностью погрузился в себя, а Ясмид начинала походить на мать в юные годы. Она была порывистой и смелой девочкой, обожавшей ставить в тупик помощников отца. Ясмид не терпела помпезности, самодовольства и тупого консерватизма. Религиозные диспуты она вела даже с большим искусством, чем сам Ученик.

В силу последнего обстоятельства новоиспеченное жречество все больше и больше начинало видеть в ней наследницу Эль Мюрида.

Девочка проводила массу времени рядом с дядей, когда тот изучал географические карты и разрабатывал боевую стратегию. Ей больше, чем кому-либо другому, было известно о планах Нассефа. Кто полушутливо, а кто и вполне серьезно начинал поговаривать о том, что она унаследует не только дело отца, но и пост дяди.

Волны идеализма в стране перестали бурлить, но спадать еще не начали. Люди все еще искренне беспокоились о целях движения и чистоте веры. Неизбежный после революции наплыв бюрократов пока не начался.

Никто не мог бросить вызов Ясмид до тех пор, пока на смену профессиональным революционерам не пришли профессиональные бюрократы.

Окончательное умиротворение Хаммад-аль-Накира Нассеф взвалил на плечи Эль Кадера. Своего дружка Эль Надима он

посадил сатрапом на восточном берегу болот Тройеса. Сам же Бич Божий (вместе с Каримом) сосредоточил свое внимание на землях, лежащих к западу от Сахеля. На тех странах, которые Эль Мюрид решил вернуть под власть Империи. Месяц за месяцем военачальники внимательно просматривали и еще раз уточняли планы, вынашиваемые Нассефом всю его жизнь.

Эль Мюрид в сопровождении сына иногда участвовал в этих штабных бдениях. У него остались лишь его дети, его высокая миссия и больше ничего. Боль в руках и ногах стала постоянной. Он не мог дальше притворяться — даже перед самим собой, — что может обходиться без лекарств Эсмата.

Несмотря на то что Бич Божий действовал у него на глазах, Эль Мюрид все чаще и чаще испытывал к Нассефу двойственное отношение. Шурин по-прежнему оставался для него загадкой. Возможно, что Нассеф и сам не до конца осознавал свои истинные устремления.

Штаб Нассефа превратился в своеобразную картинную галерею. Несколько лет назад он направил на Запад искусных художников. Те чертили для него подробные планы местности, рисовали фортификационные сооружения, портреты выдающихся политических и военных деятелей с детальной характеристикой их сильных и слабых мест. По мере поступления информации он совершенствовал план своих действий.

— План в общем виде выглядит так, — сказал он Эль Мюриду. — Сахель как бы взрывается во всех направлениях. Затем из неорганизованной массы материализуется сильная армия, которая направляется в сторону Хэлин-Деймиеля. Когда все будут уверены, что Хэлин-Деймиель — наша цель, мы резко поворачиваемся и захватываем Симбалавейн, чтобы обезопасить тыл на то время, когда мы станем двигаться на север.

— Ипопотам...

— Ипопотам легко ублажить. Он останется нейтральным до тех пор, когда предпринимать что-либо будет уже поздно. Захватив Симбалавейн, мы снова пойдем на Хэлин-Деймиель. Когда защитники города укроются за стенами, мы опять минуем его и выйдем скорым маршем на реку Скарлотти. Там мы установим контроль над всеми бродами и паромными пере-

правами, чтобы не допустить подхода помощи с севера. Все это время мы будем организовывать конные рейды в Малые Королевства. Таким образом, руки у них будут связаны, и они не смогут ударить на нас с фланга. Короче говоря, когда все взоры обратятся в мою сторону, Эль Надим, пройдя через территорию Тройеса, нападет на Кавелин через горный проход Савернейк. Если он сумеет прорваться, то мы захватим Малые Королевства в клещи, и все земли к югу от Скарлотти к концу лета окажутся в наших руках.

Эль Мюрид изучил карты и сказал:

— Это огромная территория, Нассеф.

— Знаю. Риск, конечно, имеется. Все будет зависеть от скорости наших коней и от неразберихи, царящей в стане врага. Мы не можем сражаться по их правилам. Вади-эль-Куф доказал это. Мы станем диктовать свои условия войны.

— Ты мой генерал, Нассеф. Тебе не надо оправдывать свои решения.

— До тех пор, пока я побеждаю.

Эль Мюрид насупился. Он не понял, что хотел сказать Нассеф.

Позже в тот же день он призвал к себе Мауфакка Хали — одного из командиров Непобедимых, частенько выполняющего тайные задания Эль Мюрида.

— Что ж, Мауфакк, общий сбор приближается. Скажи, я действительно оказался в лапах бандитов?

Хали был фанатиком, но он старался быть честным и, отвечая, не пытался предугадать желаний господина.

— Ничего предосудительного, повелитель. Они перестали грабить свой народ, что, как я считаю, является добрым знаком. Теперь они мечтают о том, как начнут грабить неверных. За всем отправленным на Запад золотом я уследить не сумел. Часть его, видимо, пошла на оплату шпионам. Какое-то количество было потрачено на закупки оружия. Что-то осело в банках Хэлин-Деймиеля. Однако огромное количество исчезло без следа. Больше я ничего не могу сказать.

— Но каковы твои ощущения, Мауфакк?

— Я в полной растерянности, повелитель. Один день я думаю так, другой — совершенно иначе. Свое личное отношение я пытаюсь не принимать во внимание.

— Я десятки раз испытывал те же чувства, Мауфакк, — с улыбкой произнес Эль Мюрид. — И каждый раз мои размышления кончаются одним и тем же. Я оставляю все как есть в надежде, что Нассеф в конце концов проявит свою истинную суть. Спрашивая тебя, я надеялся, что со стороны заметно то, что я мог упустить.

— Мы не наказываем свою руку, если она что-то роняет. Я не люблю Нассефа и, так же как и ты, не доверяю ему до конца. Но Бич Божий не имеет себе равных. Карим хорош. Эль Кадер тоже хорош. И в то же время они — всего-навсего лишь бледные тени своего господина. Творец поступил мудро, сведя вас вместе. Да не разлучит Он вас и в будущем.

— И все же...

— Тот день, когда он станет для тебя обузой, будет последним днем его жизни. Серебряный кинжал отыщет сердце предателя.

— Это утешает, Мауфакк. Иногда я думаю, неужели я действительно достоин такой беззаветной любви Непобедимых.

Мауфакк, казалось, был изумлен.

— Если бы не был достоин, повелитель, то любви бы не было, — просто сказал он.

— Благодарю тебя, Мауфакк. Ты меня успокоил, хотя сомнений и не разрешил.

Наступил очередной Дишархун. С каждым новым днем Эль Мюрид все сильнее нервничал. Момент, после которого не будет возврата, мчался на него словно падающая звезда. Когда дети Хаммад-аль-Накира пересекут Сахель, менять что-либо будет поздно. Великая война продолжится до тех пор, пока величие Империи не будет восстановлено или его народ не низвергнется во прах.

Воины уже прибывали, когда он решился сказать Нассефу:

— Не лучше ли будет отложить все на год? Это даст нам время лучше подготовиться.

— Нет. Не надо трястись без причины. Время — наш главный враг. Запад слаб и пребывает в замешательстве. Там пока не знают точно, нанесем мы удар или нет. Но тем не менее продолжают готовиться. Хотя и лениво. Через год они все будут знать точно и смогут собраться.

В день Машада Эль Мюрид произнес речь перед войском. Он был поражен его численностью. На него взирали не менее пятидесяти тысяч человек. Все эти люди собрались по его приказу. И по меньшей мере столько же уже двигались в направлении Сахеля.

Видимо, этим летом дома не останется ни одного здорового взрослого мужчины.

Он возложил на них миссию нести слово Творца и вернулся в Святилище. Он вознамерился остаться рядом со Святым алтарем, чтобы возносить молитвы до тех пор, пока ход военной кампании окончательно не прояснится.

Первые сообщения были даже слишком хороши для того, чтобы оказаться правдой. Ясмид сказала ему, что дела идут гораздо лучше, чем надеялся Нассеф. Но затем к нему явился Мауфакк Хали.

— Повелитель, — начал он, — мне нужен твой совет.

— Что случилось?

— Человек по имени Аллаф Шахид, один из командиров Непобедимых, совершил опасную ошибку. Вопрос в том, как нам реагировать.

— Поясни.

— Отряд Непобедимых повстречал войска Хоквинда во владениях Хэлин-Деймиеля и по глупости затеял схватку. Наемники нас разгромили.

— И какое это имеет отношение к Шахиду?

— Он принял командование над теми, кто выжил. Во время бегства Непобедимые наткнулись на земли одного из арендаторов гильдии и вырезали всех — мужчин, женщин и детей.

— Ну и что?

— Мы не воюем с гильдией как таковой, повелитель. Мы находимся в состоянии войны с людьми, которые за плату

прибегают к ее услугам. Это весьма существенное различие. Они требует, чтобы мы учитывали это обстоятельство.

— Требуют? У меня, Мауфакк? Лишь Бог может требовать что-то у Эль Мюрида. Только Творец, а не люди.

— Наверное, ты прав, повелитель. Но зачем нам без нужды возбуждать ненависть десяти тысяч человек, не менее преданных своему делу, чем служители культа Хариша? Дважды за свою историю гильдия прибегала к так называемым санкциям справедливости, начиная войну самостоятельно, как Орден. И каждый раз они уничтожали своих врагов окончательно и бесповоротно. Если они решат собрать все свои силы и обрушить их на Аль-Ремиш, то даже Бич Божий не сможет их остановить.

— Думаю, что ты преувеличиваешь, Мауфакк. И я не потерплю никакого диктата со стороны неверных.

— Я только предлагаю не увеличивать наших тягот, повелитель. Было бы лучше сделать жест примирения, чтобы утешить старцев из Высокого Крэга. Если силы гильдии разбиты на отдельные отряды, они менее опасны, чем когда выступают единым целым.

Эль Мюрид задумался. В доводах Хали был определенный смысл. Вади-эль-Куф преподал Ученику впечатляющий урок. Но с другой стороны, обращение к гильдии на любом уровне явилось бы демонстрацией слабости.

У Бога слабостей быть не должно.

— Сними с командования и верни в Аль-Ремиш Шахида. Больше ничего не предпринимай, однако прикажи командирам впредь подобного не допускать.

— Как скажешь, повелитель, — побледнев, ответил Мауфакк. Он пережил Вади-эль-Куф и надеялся, что ему никогда не придется еще раз стать свидетелем подобной бойни.

Весь следующий день он вел спор с самим с собой, прежде чем нашел оправдания для неповиновения.

Он направил трех гонцов тремя разными путями. Каждый из посланников нес письмо, в котором содержалась мольба о прощении и предлагалась большая компенсация. Однако Бог на сей раз оказался не на его стороне. Все три гонца погибли в пути.

Глава 5

ПРЕДГРОЗОВЫЕ ОБЛАКА

Браги добрался до Высокого Крэга после четырех месяцев скитаний по разбросанным в Малых Королевствах лагерям беженцев. Каменная твердыня стояла на битом всеми ветрами и волнами утесе, выступающем в море чуть севернее реки Дунно-Скуттари. Браги поднял глаза на длинный, ведущий к воротам подъем, и в его памяти всплыли те мучения, которые он здесь претерпел в свою бытность новобранцем. Воспоминания оказались настолько яркими, что Браги едва не повернул назад. Только беспокойство о брате заставило его продолжить путь.

Он объяснил все часовому у ворот. Часовой направил его к сержанту — начальнику караула. Сержант послал его к лейтенанту, который, в свою очередь, отправил Браги к капитану. Капитан приказал молодому человеку переночевать в казармах и быть готовым к тому, что ему придется много раз повторить свой рассказ, прежде чем будет принято решение, как с ним поступить. Он считался пропавшим без вести — предположительно погибшим. Денежная компенсация за смерть уже была выплачена его брату. Деньги предстояло вернуть.

— Мне на все это плевать, — заявил Браги. — Я хочу всего лишь вернуться к брату и в свою роту. Где они?

— Рота Сангинета? Неподалеку от Хэлин-Деймиеля. Симбалавейн ведет переговоры о возможности укрепления гарнизона гильдии. Говорят, что Эль Мюрид готов начать священную войну. Хочет воссоздать Империю.

— Почему я не могу отправиться к ним?

— Отправишься, как только пройдешь здесь все нужные процедуры.

Браги задержался в Высоком Крэге на три месяца.

— Не верю, — широко открыв глаза, заявил Хаакен. — Откуда ты, дьявол тебя побери, взялся?

Хаакен был молодым человеком весьма крепкого телосложения, а ростом, пожалуй, превосходил своего названого брата.

Он нарочито осторожно приблизился к Браги и, обойдя вокруг него, объявил:

— Это действительно ты. Будь я проклят. И у тебя хватило наглости явиться после всех тех страданий, которые мне пришлось пережить?

— Ах ты, лживый сукин сын! — заорал кто-то среди палаток, и на плац выбежал еще один солдат — высокий тощий загорелый парень с имбирного цвета шевелюрой. — Ну и дела! Это и вправду он. Что ты здесь делаешь, Браги?

Это был Рискерд Драконоборец — дружок Хаакена и единственный в роте — кроме них двоих — уроженец Троллединги.

— Так это действительно ты, — обняв Браги за плечи, продолжил Хаакен. — Чтоб я сдох! Мы были уверены, что ты убит.

— И чего тебе вздумалось вернуться? Ездил бы себе где-нибудь и ездил. Хаакен, нам с тобой теперь ни в жизнь не рассчитаться за похоронную компенсацию.

— Совсем не изменился, — рассмеялся Браги, обращаясь к Хаакену.

— На удивление туп, — ответил тот. — Не могу вколотить в него даже малую крупицу разума. Скажи ребятам, Рискерд.

— В момент. — Драконоборец подмигнул Рагнарсону.

— Итак, рассказывай, — произнес Хаакен. — Как ты сумел выбраться из Аль-Ремиша? Где ты болтался? Может быть, тебе лучше было бы отправиться в другое место? Нам скорее всего придется топать в Симбаллавейн. Ученик что-то затевает, и мы, наверное, опять окажемся в самой гуще. Ну как? Тебе есть что сказать?

— Наверное, — с ухмылкой ответил Браги. — Если ты на некоторое время заткнешься. Ты за последние пять минут сказал больше, чем обычно произносишь за год.

Появились остальные солдаты из отделения Браги. Они несли что-то несвязное, проявляя более чем умеренное любопытство к похождениям своего командира.

— Ого, — произнес Хаакен. — К нам движется лейтенант Трубачик.

— Лейтенант?

— Прошла масса повышений. Сангинет уже капитан.

Браги непроизвольно поцокал языком, он почему-то заволновался.

— Ты опоздал Рагнарсон, — бросил Трубачик сходу. — Тебе следовало заступить в караул десять месяцев тому назад. — Он хихикнул, явно довольный собственной шуткой, и добавил: — Тебя хочет видеть капитан.

На взмыленной лошади прискакал курьер. Сангинет приказал закрыть ворота лагеря и построил роту.

— Началось, господа, — объявил он. — Мы выступаем в Симбаллавейн. Там к нам присоединится генерал Хоквинд.

Пять адских дней марша по сорок—пятьдесят миль в день. Затем их догнал курьер и сообщил, что полк Непобедимых, вступив в бой с частями Хоквинда, нашел свой быстрый и бесславный конец. Спастись смогла лишь горстка врагов.

Вдали замаячили стены Симбаллавейна.

— По-моему, он такой же большой, как Итаския, —пробурчал Браги, обращаясь у Хаакену.

— Даже, пожалуй, больше. — У ворот их радостно приветствовала толпа. — Думаю, что мы уже выиграли войну. Ведь город — это на самом деле просто здоровенная мышеловка.

— Откуда такая тоска и грусть? Откуда столь несчастный тон? — затараторил Драконоборец. — Глянь-ка лучше на девчонок. Посмотри, каким огнем горят их глаза. Я вижу, что они готовы к наступлению. — Он приветственно помахал ближайшей.

— Сангинет намерен...

Девица бросилась к Рискерду. Сунув ему в руки букет цветов, она зашагала рядом с солдатом, что-то весело щебеча. Драконоборец отвечал ей столь же радостно-взволнованно. Взаимное незнание языка, кажется, совершенно не мешало беседе.

У Хаакена отвисла челюсть. На его физиономии возникла весьма зловещая ухмылка, и, не очень уверенно помахивая рукой, он прохрипел:

— Привет, привет...

— Легче, легче — посоветовал ему Браги. — Иначе ты, братишка, всех их соблазнишь своим красноречием.

Рагнарсон поправил на спине ранец и выпрямился, стараясь выглядеть привлекательным, но без рисовки, как и положено капралу. Ему временно вернули отделение, так как Хаакен не захотел оставаться командиром.

Он поймал на себе насмешливо-благожелательный взгляд капитана. Браги не знал, почему сразу после вступления в гильдию он привлек к себе внимание Сангинета, а затем стал его любимцем. Это отравляло Браги жизнь, так как Сангинет гонял его гораздо больше, чем всех остальных новобранцев.

Оказалось, что они попали в солдатский рай. Выпивка дармовая, женщин доступных сколько угодно — только руку протяни, служба легкая... Обыватели во всем стремились угодить воинам гильдии. Впервые за все время Браги понравилось быть солдатом.

Идиллия продлилась две недели.

Густой дым застилал горизонт. Воинов Нассефа никак нельзя было назвать благородными завоевателями. Они сжигали все, что не могли унести, а людей убивали. Бич Божий делал все, чтобы внушить обывателям ужас.

— Готов спорить, что у него большое войско, — заметил Браги.

— Боюсь, что даже слишком большое, — откликнулся Хаакен.

Бич Божий свирепствовал уже много дней. В его руки попала вся страна за исключением столицы и нескольких отдаленных небольших крепостей.

— Их, наверное, тысяч сто, — высказал предположение Рискерд.

Если он и ошибся, то ненамного. Военный азарт и стремление на дармовщинку разжиться грабежом проникли даже в самые отдаленные уголки Хаммад-аль-Накира. Многие тысячи тех, кого ни на йоту не интересовали религиозные идеи Эль Мюрида, откликнулись на призыв встать под его знамена.

Они ставили под сомнение его социальные воззрения и претензии на духовную власть, но им была по вкусу мысль о восстановлении Империи во всем ее величии. Запад разрушил Ильказар, но теперь молот истории попал в другие руки.

Рискерд делал все, чтобы скрыть свой страх.

— Палаток так много, что вся округа напоминает мне волнующееся море и волны с белыми гребнями, — пробормотал он.

— Кони не могут взбираться на стены, — напомнил Браги. — А если люди пойдут на штурм, мы их изрубим на котлеты.

Защитники Симбаллавейна насчитывали в своих рядах две с половиной тысячи солдат гильдии и примерно десять тысяч хорошо обученных местных бойцов. Великий Совет призвал к оружию и городских жителей. Польза от них была весьма сомнительной. Но генерал Хоквинд считал, что даже в столь неблагоприятных обстоятельствах сможет отстоять город.

— Что-нибудь обязательно пойдет не так, как надо, — мрачно пророчествовал Хаакен.

На сей раз его пессимизм оказался вполне обоснованным.

Нассеф прекрасно провел подготовительную работу. Его агенты потрудились на славу. Штурм начался с южных стен, обороняемых местными войсками и городской милицией. Орда жителей пустыни устремилась в атаку лишь для того, чтобы полечь под стенами. Как заметил Браги, это была не их война. Те немногие осадные механизмы, которыми они располагали, были чрезвычайно примитивны и легкоуязвимы.

Однако Нассеф, зная недостатки своего войска, начал прокладывать ему путь задолго до начала вторжения.

В Симбаллавейне, как и в любом ином месте, имелась порода людей, преданных лишь золоту. Была там и группа, готовая пойти на все, чтобы получить власть. Из их числа агентам Эль Мюрида удалось сформировать тайное теневое правительство. Изменники, используя золото пустыни, нашли достаточное число отчаявшихся людей, готовых предать свой город.

Они напали на Южные ворота с тыла в тот момент, когда обороняющиеся отражали атаку извне. Предатели распахнули ворота.

Сверкнули кривые сабли, и всадники с воем ворвались в город. Стальные подковы высекали искры из камней мостовой. Зазвенели тетивы седельных луков.

Из окон и с крыш в них полетели стрелы и дротики, но неопытные бойцы-горожане не могли остановить захватчиков.

Предатели, проникшие в ополчение, отдавали противоречивые приказы. Наскоро сформированные роты поспешно отступили в спокойную часть города. Началась паника. А всадники, ворвавшись в открытые ворота, растекались по улицам так, как растекается масло по поверхности воды.

Паника охватила весь город.

Во время военных кампаний на Востоке паника была любимым оружием Нассефа. Он использовал ее при захвате Аль-Ремиша. И сейчас он хотел продемонстрировать Западу мощь быстрых словно молния всадников. Всадников, которые, то появляясь, то исчезая, наносят удар в том месте, где их меньше всего ждут.

Симбаллавейн напоминал динозавра. Он был настолько огромен, что умер не сразу.

Молодые люди на северной стене видели отраженное в облаках зарево и слышали стон гибнущего города.

— Похоже, что шум приближается, — сказал Рискерд.

Они понимали, что происходит. Это была последняя ночь независимого Симбаллавейна. Молодые люди не скрывали своего страха.

— Почему мы здесь торчим? — поинтересовался один из солдат.

— Понятия не имею, — ответил Браги. — Капитан скажет, что нам делать.

— До чего же жарко, — буркнул Хаакен. Даже здесь ощущался жар полыхающего пожарами города.

— Я не хочу ничего сказать, но Хоквинд...

— А раз не хочешь, Рискерд, то заткнись! — рявкнул Хаакен.

— Я всего лишь...

— Рагнарсон? — К ним приближался Трубачик, осторожно переступая через вытянутые ноги сидящих солдат. Стена в этом месте была узкой.

— Здесь, сэр.

— Явись к капитану.

— Слушаюсь, сэр.

Трубачик двинулся к следующему отделению.

— Хейвен?

Браги отправился на командный пункт Сангинета.

— Подойдите ближе, — сказал капитан, когда все собрались. — И постарайтесь не шуметь. Вот так. Теперь слушайте. Положение резко ухудшилось. Генерал передал Великому Совету, что в полночь мы уходим.

В ответ послышался гул голосов.

— Тише. Там внизу кто-нибудь может понимать итаскийский. Господа, я хочу, чтобы вы поговорили со своими людьми. Главные силы противника сосредоточены на юге. Но нам все же предстоит сражение. На марше. Нам придется постараться. Не забывайте, что мы еще новички. Впереди и в тылу пойдут ветераны, но нам следует сделать все, чтобы удержать отведенный нам участок.

Рагнарсону все это крайне не нравилось. Неужели Хоквинд верит в то, что ему удастся провести свое войско через ряды армии, превосходящей его численностью и мобильностью?

— Самое главное для нас — дисциплина. Мы забираем с собой и гражданских лиц. Членов Великого Совета, их семьи и самого Тирана. У Тирана имеется собственный эскорт, но, если дело примет скверный оборот, рассчитывать на него не придется. Переход будет трудным, и полагаться мы сможем только на своих братьев.

Рагнарсон начинал понимать, что значит быть солдатом гильдии.

Он также видел, на каком основании Хоквинд оставляет город. Генерал просто следовал за тем, кто обратился за услугами гильдии и являлся его работодателем.

— Переход будет коротким. Наша цель — залив на побережье в двенадцати милях отсюда. Там нас ждет флот.

— Почему бы нам не отплыть прямо отсюда? — поинтересовался кто-то.

— Гавань в руках противника. Это, господа, все. Времени у нас в обрез. Разъясните все своим людям. Дисциплина и тишина. Тишина и дисциплина.

Командиры разошлись по подразделениям.

— Безумие, — заявил Рискерд. — Они добьются лишь того, что нас всех укокошат.

— Нет, с ним надо что-то делать, — вздохнул Браги. — Хаакен, у тебя найдется грязный носок?

— Что?

— Дай мне носок, говорю. Я заткну им Рискерду пасть и не позволю вынуть до тех пор, пока мы не окажемся на борту корабля.

— Эй, перестань! — возмутился Рискерд.

— Пусть это будет последний звук, который я слышу от тебя этой ночью. Собирайте пожитки. Идет Трубачик.

— Ты готов, Рагнарсон?

— Готов, сэр.

— Веди их вниз на улицу. Капитан там произведет построение.

Ожидание на темной улице за воротами показалось им вечностью. Даже Сангинет начал проявлять нетерпение. Несколько советников опаздывали.

Местные солдаты продолжали прибывать, пополняя отряд телохранителей Тирана. Солдаты гильдии заметно нервничали. Им стало известно о прорыве обороны. Враг вот-вот должен был появиться и здесь.

Хоквинд, воспользовавшись временной задержкой, осмотрел свое войско. Он оказался невысоким худощавым человеком лет пятидесяти. Генерал скорее походил на безобидного торговца, чем на самого грозного полководца своего времени. Но это ощущение тут же исчезало, стоило лишь заглянуть в его глаза.

Рагнарсон увидел в генерале неукротимую силу. Силу и волю. Только смерть способна остановить человека, подобного сэру Тури Хоквинду.

Хоквинд закончил смотр и объявил Тирану, что ждать больше не может. Ворота распахнулись. Рагнарсон был удивлен тем, насколько легко и бесшумно двигались их створки.

Через мгновение Браги бросился бегом навстречу опасности. Сторожевые костры врага созвездиями рассыпались по склонам холмов и по равнине. Он придерживал руками оружие и ранец, чтобы не гремели, и очень-очень старался прогнать страх.

Но Браги боялся. Очень боялся. Боялся снова. Он зря надеялся, что после всего, им пережитого, все резервы страха уже исчерпаны.

Они двигались на север той же дорогой, которая привела роту Сангинета на юг. Но вскоре они ее оставили и свернули на путь, ведущий к побережью.

Первая схватка не заставила себя ждать. Люди Нассефа были начеку. Но они оказались не готовы сгруппироваться большими силами. Солдаты гильдии без труда рассекли их ряды.

Браги неожиданно понял, почему Хоквинд решил выступить в полночь. Темнота сводила на нет превосходство врага в скорости и маневренности. Только самоубийцы могут пуститься в галоп, не видя ничего вокруг себя.

Тем не менее воины Нассефа продолжали вставать на их пути. А когда им удалось задержать продвижение колонны, идущие в тылу братья ударили по ним сзади.

Битва редко достигала роты Браги. Он и Хаакен были заняты тем, что несли раненого солдата гильдии, который упал и которого едва не забыли. Молодым людям было не до разговоров.

Прошел час, и они прошагали несколько миль. И еще час прошел. Хоквинд продолжал марш. Противник так и не сумел собрать на его пути достаточно мощные силы.

Часы и мили. Мили и часы. Небо начинало светлеть.

— Я слышу прибой, — едва дыша, выдавил Хаакен. Их груз почему-то стал неимоверно тяжелым.

— Даже если море и близко, — фыркнул Браги, — то прибоя мы не услышим за тем шумом, который производим.

Но Хаакен не ошибся. Они протопали через оливковую рощу, и перед ними открылось море. На воде сверкала целая галактика огней. Это суда подавали сигналы.

— Корабли, — прошептал Хаакен. — Я вижу корабли.

Бегство завершилось через несколько минут. Солдаты тут же начали окапываться. Весельные лодки начали переправлять советников и их семьи на суда.

Это был большой флот. Некоторым кораблям удалось удрать из Симбаллавейна, но большую часть прислал Хэлин-Деймиель, исходя в основном из своих собственных соображений. Деймиельцы спасали солдат гильдии, чтобы впоследствии укрепить ими собственную оборону.

Люди Эль Мюрида продолжали атаки, но делали это беспорядочно и без всякого энтузиазма. Это были не фанатики, а грабители, которые не видели для себя никакой выгоды в окончательном истреблении уже побежденного врага. Солдаты гильдии без труда отбили все атаки.

Рота Браги погрузилась на суда одной из последних.

Когда он выковыривал наконечник стрелы из плеча Рискерда, к ним подошел Сангинет и сказал:

— Теперь я вижу, парни, что у вас есть кое-какие задатки.

Браги удивленно поднял глаза: он не видел, как капитан поднимался на борт.

— Сэр?

— Я заметил, что вы подняли раненого и несли его до побережья.

— Он был одним из наших.

— Из тебя получится солдат, Рагнарсон. И из твоего брата тоже. А парень, которого вы волокли, был мертв последние три мили.

— Что? Я не заметил.

— А что случилось с вашим дружком? Он не бывает таким тихим даже во сне.

— Я приказал ему заткнуться, он мне действовал на нервы.

— И он повиновался? В таком случае из него тоже может получиться солдат.

— Возможно. Можешь разговаривать. Ты все сумел доказать.

Но Драконоборец продолжал молчать. Он был смертельно обижен.

Через три дня флот прибыл в Хэлин-Деймиель.

Орды Нассефа двинулись на север и перекрыли все ведущие из города дороги. Петля затягивалась все туже, и через несколько дней море должно было стать единственным путем, связывающим город с внешним миром.

Хэлин-Деймиель не походил на Симбаллавейн. Наймитов Нассефа удалось схватить и повесить до того, как они успели причинить какой-либо вред.

Рота Рагнарсона провела в городе шесть недель — до тех пор, пока Хоквинд и правящий совет не убедились в том, что Хэлин-Деймиелю сиюминутная опасность не грозит.

Как-то утром лейтенант Трубачик сказал Браги:

— Сангинет собирает роту. Слухи подтвердились. Мы уходим.

Сангинет был мрачнее тучи.

— Цитадель направляет нас в Малые Королевства, — объявил он. — В данный момент Хэлин-Деймиель Нассефа не интересует. Итаския и другие государства на севере формируют армии. Наша задача держать в напряжении восточный фланг Нассефа, вынуждая его оставаться к югу от реки Скарлотти до тех пор, пока не подойдут войска с севера. Нам придется туго. Особенно тяжко будет в том случае, если кавелинцы не смогут удержать горного прохода Савернейк.

Мы направляемся в Алтею. Это скорее всего символический жест. Одна рота мало на что способна. По моему мнению, это бесполезная трата сил. Цитадель должна мобилизовать все Братство и взять инициативу ведения войны в свои руки. Но Высокий Крэг мыслями капитана не интересуется.

Утром мы грузимся на корабли, которые доставляют нас в Дунно-Скуттари. Там мы пересядем на речные суда. Высадка где-то в восточной Алтее. Там нам предстоит начать игру в догонялки.

Господа, мы — лучшие в мире воины. Но сейчас мне кажется, что кто-то нас немножко переоценивает. Передайте мои слова своим людям, но делайте это спокойно.

Сангинет позволил задать несколько вопросов. Ответов на них у него не оказалось.

Рискерд, оставив свою обиду в тавернах и борделях города, вновь стал самим собой.

— Ты смотришься как смерть на палочке, — заявил он Браги. — Что с тобой?

— Они отправляют нас в Малые Королевства.

— Ну и что?

— В Алтею. Мы там будем одни. Остается надеяться, что Сангинет окажется таким же хорошим капитаном, каким был сержантом.

Хаакен промолчал. Он лишь мрачно покачал головой.

Глава 6

БРОДЯГА

Руки и ноги жирного юнца работали со страшной скоростью. Он снова нарвался на неприятность, а гнавшиеся за ним типы, видимо, не имели представления о таком понятии, как жалость.

Его осел на сей раз решил проявить взаимопонимание и рысил рядом, кося глазом на хозяина и как бы спрашивая: «Ты когда-нибудь чему-нибудь научишься?» Беглецу, видимо, предстояла схватка с возможным смертельным исходом.

Дела Насмешника явно катились под откос. Город, который он столь поспешно покидал, именовался Лиенеке. Скорее это был даже не город, а большая деревня. Счастливое скопище недотеп. Но даже они уличили его в жульничестве.

Впрочем, кое-что он начинал понимать. Видимо, впредь ему следует вести свои дела по-иному. Если, конечно, ему удастся и на сей раз спастись.

Преследователи из Лиенеке были ребятами решительными и упорными, но им, по правде говоря, не хватало мотивации, а Насмешник поставил на кон свою жизнь. Несмотря на тучность и лень, он обладал удивительной выносливостью. Он продолжал молотить ногами до тех пор, пока преследователям гонка не надоела и они не отстали.

Потеряв их из виду, он рухнул на обочину дороги и провалялся без движения двое суток.

За это время Насмешник все хорошенько продумал и убедил себя в том, что ему не хватает способностей пройти по жизни, зарабатывая игрой и кражами.

Но что еще он умеет делать? Все свои познания он приобрел у Саджака и его приятелей.

Хорошо бы найти себе патрона, думал он. Человека безмерно глупого, но при этом необычайно богатого. Уныло улыбнувшись, он дал себе слово всеми силами избегать азартных игр и открытого воровства.

Его постоянное занятие с точки зрения общества было вполне приемлемым. Конечно, и в этом случае он добывал деньги обманом. Но ведь, что ни говори, клиенты сами себя оставляли в дураках. Легковерные простаки, обращающиеся к продавцу воздуха за советом или приворотным зельем, заслуживают того, чтобы быть обманутыми.

В конце концов он, подгоняемый голодом и страхом, продолжил путь. Страх на него нагнала проезжавшая мимо группа рыцарей.

Похожую банду он повстречал несколько недель назад недалеко от Форгреберга. Оруженосцы поколотили его только за то, что он был чужеземцем. Насмешник воспринял избиение без благодарности, но это не помогло. Когда толстяка загоняли в угол, он превращался в отчаянного, умелого и злобного бойца. В итоге он ранил несколько человек, а самого его едва не убили. И убили бы наверняка, не вмешайся вовремя один из рыцарей.

Кавелин был типичным государством из числа Малых Королевств. Эти крошечные образования были мешаниной безумных княжеств и королевств, в которых хаос являлся нормой. Это был край слабых монархов, могучих баронов и хитроумных политических интриг. Многие границы не были определены, а те, которые удалось обозначить, вовсе не служили гарантией лояльности живущих в их пределах подданных. Войны между аристократами шли непрерывно. Неконтролируемая феодальная раздробленность стала просто чудовищной. Грабители-бароны превратились в страшную социальную болезнь. Рыцари со щитами без гербов, промышляющие разбоем на больших дорогах, встречались чуть ли не на каждом перекрестке.

Одним словом, этот край был просто создан для Насмешника.

В данный момент в западном Кавелине царила полная неразбериха. Бароны вцепились друг другу в глотки. Их крошечные армии не столько дрались между собой, сколько грабили мирных жителей. Из рук в руки переходила огромная добыча.

Насмешник решил, что город Дамхорст, казавшийся тихой гаванью в штормовом море, будет подходящим местом для возобновления столь неожиданно прерванной карьеры.

Дамхорст насчитывал десять тысяч жителей и выглядел процветающим, спокойным и приятным поселением. Старинный мрачный замок на скале над городом внушал уважение и заставлял обывателей вести себя пристойно. Барон Брайтбарт славился крутым нравом и жестоко наказывал нарушителей порядка.

Благосостояние Дамхорста частично объяснялось тем, что солдаты грабительских армий сбывали здесь свою добычу по нелепо низким ценам.

Довольно внушительное число коллег Насмешника располагалось вокруг городской площади. Тучный молодой человек без труда вписался в их общество. Даже смуглый цвет его лица и ломаная речь не привлекли внимания.

Однако судьба тут же подвергла испытанию его решимость зажить честной жизнью. Его мало интересовали солдаты, ищущие отдохновения от вчерашнего дня и дня завтрашнего. Насмешник, как правило, искал клиентов среди тщеславных женщин. Но в Дамхорсте ему все время попадались многоопытные дамы сомнительной репутации. В отличие от его обычных клиенток эти леди без всяких дополнительных ухищрений успешно реализовывали свои прелести.

Но время от времени судьба ему все же улыбалась. А один раз для разнообразия рок подарил ему поистине сказочную возможность сменить торговлю фокусами на респектабельную жизнь до конца дней.

День был прекрасным. Насмешник не мог не признать того, что Кавелин большую часть времени является довольно привлекательным местом. Климат в маленьком королевстве отравляла лишь мерзкая политика его правителей.

Листва на деревьях начинала менять цвет. И это явление его весьма занимало. В тех местах, откуда пришел Насмешник, деревьев почти не было. Леса Кавелина пылали многоцветием красок, и Насмешник иногда жалел о том, что он не художник и не может навсегда запечатлеть исчезающую красоту листвы.

Одним словом, это был теплый, ленивый день. Он сидел на циновке среди своих рабочих принадлежностей и поглядывал на мир вполглаза. У него не осталось ни единого медяка. Но

даже и этот печальный факт его не беспокоил. Насмешник пребывал в мире как с самим собой, так и со всей вселенной. Он испытывал один из редких моментов полной жизненной гармонии.

И тут он узрел ее.

Она была красавицей. Юная, прекрасная и преисполненная печали. И потерянная. Девушка бесцельно бродила по площади, словно не зная, куда направиться. Она казалась очень хрупкой и совершенно беззащитной.

Насмешник ощутил какое-то весьма странное чувство. Возможно, это была простая жалость. Определить, что с ним, он так и не смог.

Тем не менее незнакомое чувство присутствовало, и Насмешник на него откликнулся. Когда девушка к нему приблизилась, он негромко произнес:

— Госпожа?

Она посмотрела в его сторону и по обе стороны круглого, смуглого лица увидела две надетые на руки куклы.

Правая кукла отвесила грациозный поклон.

Левая восхищенно присвистнула.

— Как ты смеешь, Поло? — возмутилась правая. — Дубина ты неотесаная! — Отвесив свистуну звонкую оплеуху, она добавила: — Веди себя пристойно, когда иметь дело с достойной дамой.

Насмешник подмигнул. На его физиономии заиграла веселая улыбка.

Она была моложе, чем ему показалось вначале. Не старше восемнадцати.

Первая кукла поклонилась еще раз и произнесла:

— Лично я умолять тысячу пардон у прекрасной дама. Деревенщина Поло был родившийся в хлеве и выращенный диким кошка и теперь имеет низменные воспитанность и мораль. — Отвесив еще несколько оплеух второй кукле, он добавил: — Варвар!

Когда правая кукла вернулась на свое место, Поло снова свистнул.

— Эй! Что приказать делать с дикарцем подобным? Надо вколотить манеры в указанного!

— А мне кажется, что он милый, — улыбнулась девушка.

Поло застеснялся, а первая кукла изумленно возопила:

— О горе! Не стать цивилизованный, когда прекрасная леди вознаграждать грубость улыбкой, от которой сердце остановиться!

— Вы здесь, наверное, недавно? — спросила девушка, обращаясь к Насмешнику.

— Прибыть город три прошедших дня. Недавно с востока, из-за гор М'Ханд.

— О, это так далеко. А я никогда не была даже в Форгреберге. Думала, что когда выйду замуж за Вульф... Но глупо расстраиваться из-за того, что могло случиться и не случилось. Разве не так?

— Абсолютность глупейшая. Завтра будет полный возможностей, который упустить вчера.

Первая кукла спрятала личико за ручонками и спросила:

— Ты слышал, Поло? Большой дурень опять нести философский чушь.

— Из его мысль, Тубал, получиться первый класс удобрение, если размазать на грядке капустной, — ответил Поло. — Мы его игнорировать. Эй, леди, а вы слыхать анекдот о жреце и магическая субстанция?

— Поло, деревня чурбанная. Ты можешь произвести отвращение у сам дьявол! — воскликнул Тубал. — Вести себя пристойно! Или я просить большого дурня скормить тебя череп.

— Череп не кусаться, — заявил один из стоящих рядом с Насмешником предметов. — Череп на диета. Думать худеть.

— Являясь уличный фигляр, не сметь спрашивать. Но лично я впасть в огромный тоска, когда дама в отчаянности. В опечаленности. День есть слишком хороший для это.

— О, мой супруг... сэр Вульф Хирбот... Он скончался этой ночью.

Тубал и Поло обменялись взглядами, а затем уставились на Насмешника. Тот пожал плечами, не зная, что ответить.

— Это огромный жалость, что человек столь прекрасной наружность овдоветь в такую ранность возраста.

— Мы так прекрасно проводили время... Впрочем, что я мелю? Я почти рада. Он был грубым животным. Нашу женитьбу устроил мой папенька. Мне пришлось пережить два мучительных года. Теперь я наконец свободна.

Насмешник начал разбираться в обстановке. Частично он горевала потому, что ей положено было горевать. Одновременно она чувствовала вину за то, что ощутила себя свободной. Кроме того, она понимала, что одинокую, потерявшую защитника женщину подстерегает множество опасностей.

— Красивый леди, как вы, благородная дама... Все знатные люди толпиться у порога, когда закончится время траурства. Лично я это гарантировать. Это так же правда, как и правда то, что лично я есть наипервейший маг из Круга Окклидиана. И маг этот не испытывать угрызений от радости, что столь прекрасная дама получить свободность от злобного мужа. Никогда, никогда не надо делать, что желать семья или друзья. Это верный дорога к несчастью. Лично я говорить в результате некоторый опытность.

— Ого! — заявил Поло. — Настать время надуваться важность.

— Для своего возраста вы высказываете на удивление глубокие мысли.

Насмешник был уверен, что она не больше чем на год старше его, но протестовать не стал.

В дело вступил Тубал.

— Большой дурень быть рожден в нора в земле. Очень глубокий нора...

— И что дальше? — улыбнулась девушка.

— Это есть сложное предметство. И глубокий тоже. В Шустал-Вотка...

— Как тебя зовут, фокусник?

Сразу он ничего не смог сообразить и поэтому сказал правду:

— Лично я смущенный. Имя не ведомо. Называть лично себя Насмешник. Сам себя так назвать.

— А кто твои родители?

— Подобных никогда не ведать.

— Ты сирота?

В ответ он лишь пожал плечами. В глубине души он так не считал. Ему хотелось верить, что Саджак похитил его из-за ненависти к его родителям и что те до сих пор разыскивают его. Он мог быть исчезнувшим принцем или наследником большого торгового дома.

— Допускаемо.

— Как это ужасно. Неужели у тебя никого нет?

— Старик когда-то быть. Путешествовать с ним некоторое время. Он умереть.

Внутренний голос негромко подсказывал ему, что он нарывается на новые неприятности. Для него все люди в этом мире делились на две категории. На жертвы и на тех, кого он оставлял в покое ввиду того, что они грозили ему опасностью, с которой он был не в силах совладать. Девица полностью не подпадала ни под одну из этих категорий, что делало ее опасной вдвойне. Насмешник не знал, в какую сторону следует двинуться.

— Это крайне печально, — сказала она. — Мой папаша все еще жив, и это в некотором роде тоже грустно. Я уверена, что он готов наложить руку на все, что мне осталось от Вульфа.

Банг!

В глубинах сознания Насмешника зазвенел гонг.

— Этот папаша... Прекрасная дева есть подозревающая? Лично я известнейший специалист в распознавать всякие трюки и способный...

— Но я не могу причинить вред собственному отцу! Пусть он и отдал меня замуж в тайной надежде, что Вульф позволит себя укокошить. Это было бы неправильно...

— Недавно замечание быть произнесено, — прервал ее Тубал, — нельзя позволять родственникам и друзьям диктовать твоя жизнь. Большой дурень как никогда иметь близость к истине.

— Ты не знаешь моего отца.

— Истина подлинная. Но указанный равно не знать тучный распространитель учености. Итак. Если одно равен друго-

му, то указанные есть равенство. Или что-то вроде. Эй! Леди. Лично я, легко смущаемый, не сметь все время называть вас «прекрасный дама». Имя должно иметься в существовании.

— Ах да. Конечно. Кристен. Кристен Хирбот.

— Кристен! Сколь прекрасности в его звучании. Как колокольчик. Весьма подходит. Кристен, если это допускаемо, мы заключить согласие. За крошечный вознаграждение, лично я — величайший придумщик — отвращу хищность жестокого родителя. А также поползновенность всех на него похожих. Я без труда удовлетворенный путешественник — с целью видеть разные страны — нуждаться только в постель, хлеб и крыша над головой. Готов начать с последнего.

— Не знаю... Это не совсем... Ты действительно голоден?

— Голоден? — вмешался Поло. — Большой дурень с жадностью смотреть на конь на той сторона площадь, а указанный конь есть призовой скакун главный судья Дамхорста.

— Что же. В таком случае пошли. Думаю, что в этом не будет ничего предосудительного, если я накормлю тебя. Но ты мне должен кое-что обещать.

— Придется, — вздохнул Насмешник.

— Разреши Поло рассказать мне анекдот о жреце и магии.

— Какая отвратительность! — возопил Тубал, когда Насмешник стал класть его в мешок. — Омерзение из омерзеностей! — продолжал он возмущаться, оказавшись внутри.

Насмешник ухмыльнулся.

Кристен владела небольшим домом на окраине Дамхорста, в тени старинного мрачного замка барона Брейтбарта. Вся прислуга состояла из престарелой служанки, бывшей по совместительству и поварихой. Сэр Вульф при жизни являлся одним из рыцарей-разбойников и при этом не очень удачливым. После себя он оставил жене дом, один золотой нобл и небольшой кожаный мешочек с драгоценными камнями, который она обнаружила под рубашкой супруга, когда тот испускал последний вздох у нее на руках. Золотой давал ей возможность продержаться пару месяцев, а драгоценности — еще несколько лет. Однако на всю жизнь она была явно не обеспечена.

Насмешник еще раз сказал, что красота является ее главным достоянием.

Визит на обед превратился в месячное пребывание. Насмешник ежедневно расстилал циновку на площади (он твердил, что у него есть гордость) и занимался там привычным делом. Иногда ему везло. Людям больше всего нравились его шутки. Кристен часто появлялась на площади, чтобы полюбоваться Насмешником, который был неистощим на выдумки.

По вечерам он забавлял ее россказнями о жизни на Востоке. Особенно ей нравились Тубал и Поло, которые были знаменитыми типажами кукольных представлений к востоку от хребта М'Ханд. Состязание городского хитреца с деревенским простаком, похоже, находило отклик во всех странах. По традиции спектакли постоянно адаптировались к вкусам городской или сельской аудитории.

Время, близость и одиночество произвели свое магическое действие. Сначала Насмешник и Кристин стали более чем единомышленники, а затем — более чем друзья.

Укрощение строптивого папаши потребовало применить некоторую долю воображения. На заработанные на площади деньги Насмешник нанял пару бандитов, и те выдворили папочку из города. Шишки и синяки, полученные в процессе выдворения, помогли ему понять намек. Одним словом, он предпочел продолжить путешествие.

Кристен об этом, естественно, так и не узнала. Она была немало изумлена тем, что старик нанес им всего лишь один дружеский визит.

Насмешник начал испытывать странную, необъяснимую тоску. Раньше он строил для себя какие-то планы. Пусть это были воздушные замки, но тем не менее они сулили определенные перспективы. Теперь все замыслы отправились за борт только потому, что случай свел его с этой женщиной.

Он впервые в жизни установил отношения с другим человеческим существом не как с противником или жертвой и не знал, что делать дальше. Раньше с ним ничего подобного не происходило.

Чем глубже он увязал в этих отношениях, тем сквернее себя чувствовал.

Он едва не ударился в панику после того, как Кристен сказала, что встречалась со жрецом и тот пожелал увидеть На-

смешника. У него начали возникать мысли о побеге, и он лишь с большим трудом смог их отогнать.

— Проклятие! — воскликнула Кристен. — У тебя есть деньги? Мои кончились.

— Это была отвратительный недель, — соврал он, покачав головой. — Осенние дожди. Становится холодать. Туман.

— Это означает, что надо продавать камешки. На той неделе я успела поговорить с Товларом. Это — ювелир с Верхней улицы. Он сказал, что готов предложить хорошую цену. Почему бы тебе не сбегать к нему и не узнать, что он дает?

— Лично я? В глубокой ночь? В городе, где киша кишмят воры и грабители?

Его сердце бешено колотилось. Он знал, что не останется здесь и пяти минут, заполучив в свои руки целое состояние.

Вследствие своего взгляда на мир Насмешник стал моральным уродом — он в каждом видел такого же вора, которым был сам.

— Ты справишься, дорогой. Я тебя знаю. Кроме того, никто не знает, что ты несешь драгоценности.

— Все узнать. Лично я выражать беспокойство столь громкогласно, что все понять...

— Не глупи. — Она сунула кожаный мешочек в его пухлые руки. — Отправляйся. Иначе нам завтра нечего будет есть.

Он ушел, преисполненный самыми благородными намерениями. Как-никак Кристен была его первой любовью. Искушение овладело им только тогда, когда он дошагал до Верхней улицы.

Насмешник замер.

Перед его мысленным взором предстало все, что можно было купить на эти драгоценности. Он подумал о Кристен и о неизбежном визите к жрецу. Об успехе в игре, который рано или поздно придет, если он станет непрерывно удваивать ставки. А этот проклятый жрец...

Его снова охватила паника, и на сей раз он бежал.

Лишь оказавшись в королевстве Алтея, Насмешник сообразил, что оставил в Дамхорсте осла и все пожитки.

Слишком поздно. Пути назад нет. Кристен теперь проклянет его навсегда.

Он страдал. Страдал сильно. Эта боль на несколько недель заставила его уйти в себя и таким образом спасла от неприятностей внешнего мира.

Страдания не проходили, и он начал пить, чтобы прогнать их прочь. Однажды, будучи вдрызг пьяным, он наткнулся на группу игроков в кости. Это случилось в Альперине — небольшом городке на юге Альтеи.

Ему не везло страшно. Кроме того, общее состояние ума, тела и сердца не позволило ему делать сколько-нибудь разумные ставки. Когда он вышел из игры, то был нищ, как и прежде, до начала всей этой истории. Правда, еще до этого ему хватило здравого смысла, чтобы закупить необходимые для его сомнительного ремесла принадлежности.

Борьба за существование в условиях суровой алтейской зимы полностью вытеснила Кристен из его мыслей. У него на них просто не оставалось времени. Кристен навсегда ушла из его жизни. И вместе с ней ушла благородная решимость навеки покончить с азартными играми и воровством.

Его совершенно не занимало то, что произойдет с ним завтра. Все будущее представлялось ему в крайне мрачном свете, и Насмешник не желал в него заглядывать. Но чем меньше он о нем задумывался, тем мрачнее оно становилось.

Насмешник угодил в парадоксальную ловушку. Обладая огромной жаждой жизни и стремлением к знаниям, он систематически уничтожал свое завтра тупым пьянством и нелепыми преступлениями.

Королевство Тамерис лежало к югу от Алтеи и имело форму длинной змеи, зажатой между хребтом Капенрунг и алтейской границей. Насмешник перебрался в Тамерис вместе с весной. Его успехов хватало ровно на то, чтобы едва-едва удерживать душу в теле. Он исхудал. У него начали трястись руки. Частенько это случалось в тот момент, когда он показывал какой-нибудь замысловатый фокус.

Наибольшим успехом у зрителей пользовались кукольные представления. Поло и Тубал приводили жителей Тамериса в восторг. Однако Насмешник из-за ложной гордости или неосознанного желания смерти пускал в дело куклы лишь в те моменты, когда голод становился невыносимым.

Насмешник добрался до города Римдок на следующий день после того, как туда прибыла странствующая труппа. Он расстелил свою циновку рядом с дорогой в поле, где бродячие актеры раскинули свои шатры.

На третий день утром, еще до того, как на дороге началось оживленное движение, его навестил гость — высокий жилистый человек с холодными темными глазами на сухощавом лице. Насмешник занервничал, не зная, кто перед ним — полицейский или бандит.

Визитер уселся напротив него и молча смотрел чуть ли не целую минуту.

Насмешник завертелся как на иголках. Демон посыпал солью его все еще горящие раны.

— Меня зовут Деймо Спарен, — наконец объявил гость. Его голос был столь же холоден, как и внешность. — Я хозяин бродячей труппы и уже некоторое время наблюдаю за тобой.

Насмешник пожал плечами. Неужели ему придется умолять о прощении за то, что он отнимает крошечную долю доходов этого человека?

— Ты довольно забавен. Один из самых отвратительных случаев издевательства над собой, какой мне только доводилось видеть. Талант так и прет из тебя, а ты делаешь все, чтобы его погубить. Неужели тебе так хочется умереть молодым?

— Вполне допускаемо, — выдавил Насмешник. — Лет эдак через тысяч. Или две тысяч. — Он слабо улыбнулся и довольно испуганно поинтересовался: — Что ты хотеть?

— Я хочу тебе кое-что сказать. Я не предсказатель, но не нужно быть опытным некромантом, чтобы увидеть твое будущее. Ты умрешь. И очень скоро. Если не изменишь образ жизни.

Страх сдавил Насмешнику горло.

— Если ты не перестанешь резать кошельки, кто-нибудь обязательно перережет тебе глотку. И это случится еще до прихода лета. Ты работаешь страшно неуклюже.

Насмешник проглотил застрявший в горле комок. Он был изумлен. Этот тип говорит словно проповедник.

— Мой восточный друг, я хочу дать тебе шанс еще раз встретить старуху зиму. Я давно разыскиваю человека с талантом, как у тебя, и при этом не обремененного совестью. Ты можешь

быть для меня полезен. Если, конечно, просохнешь и обретешь хотя бы немного здравого смысла. У тебя есть кое-какие навыки, но они нуждаются в совершенствовании.

— Лично я не имею уверенность, что осознал твои слова должный образ. Произведи разъяснительность, пожалуйста. Мне совершается предложение о работе?

— Условно. Мне нужен чревовещатель и фокусник. Мои актеры обычно получают долю от прибыли. В твоем случае этого не будет до тех пор, пока ты не приведешь себя в должную форму. Я предоставлю тебе кров и пищу и обучу тому, что ты еще не знаешь. Искусству гипноза, например. Установим испытательный период в... три месяца. Если ты бросишь пить и воровать... И не вздумай обманывать меня, мой друг. Я тебе уже сказал, что наблюдал за тобой. Даже без доли в доходах это будет гораздо больше, чем ты имеешь сейчас. Кроме того, без меня ты не протянешь и до лета.

Насмешник мычал и мялся. Он верил, что этот человек говорит серьезно. Тем не менее он решил испытать судьбу. Хуже, чем сейчас, все равно быть не может.

Это было судьбоносное решение. Деймо Спарен очень скоро вылепил из сырой глины, какой оставался Насмешник, человека, которым тому следовало стать.

Спарен был старше Насмешника и явился с Запада, но тем не менее оказался его духовным братом. Их темные, ленивые души были из одного теста.

Спарен не только дал Насмешнику высшее образование, но и стал его лучшим другом.

— Прежде всего тебе следует научиться дисциплине, — сказал он в одной из первых бесед. — Все твои беды имеют один общий корень — недостаток дисциплины.

Насмешник забрызгал слюной от злости.

— Я имею в виду самодисциплину, а не те колотушки, что ты получал от Саджака. Отсутствие побоев, кстати, усугубило твои проблемы. Ты просто не знаешь, как лучше распорядиться полученной свободой. До сей поры, мой друг, ты существовал только за счет своего врожденного таланта. Однако тебе следует научиться многому из того, что выходит за пределы инстинктов. До сих пор ты этого не сделал и в результате так часто голодал.

Итак, выслушай несколько правил Спарена.

Правило первое: «Заставляй объект поверить в то, что он умнее тебя». Пусть считает, что главный мошенник — это он сам. Жадность приведет его в расставленные тобой сети.

Правило второе: «Никогда не совмещай мошенничества с воровством. И наоборот. Не воруй рядом с местом работы». Вчера я заметил, что ты срезал кошелек в ста футах от места твоего кукольного представления. Это не должно повториться. Я этого не потерплю, своим безрассудством ты можешь погубить все мое дело.

Правило третье: «Никогда не ссорься с криминальным миром». С этими парнями следует находиться в добрых отношениях. Уголовное подполье хорошо организовано. Ты можешь порезать кого-нибудь в Хэлин-Деймиеле и бежать в Октилию. Но там тебя уже будут поджидать парни с ножами. Эти люди всегда готовы оказать друг другу небольшую услугу.

Правило четвертое: «Мысли масштабно». Тип, торгующий на улице замешенной на кошачьей моче грязью, не имеет будущего. Если не изменишь образ мышления, то и через пятьдесят лет будешь заниматься все тем же. Как Саджак.

— Лично я, — ухитрился вставить слово Насмешник, — есть умеющий делать только то, что уметь.

— Тогда прекрати на некоторое время мошенничать и воровать — ради того, чтобы научиться чему-нибудь полезному. Работая у меня, ты будешь в безопасности, у тебя не будет необходимости рисковать. Углуби и расширь свои таланты. Взгляни на меня, Насмешник. Когда я начинал, я был таким, как ты сейчас. Сегодня я владею виллой на Лазурном Побережье. Моим соседом является герцог. У меня плантации копры в Симбаллавейне и рудники в Астонкине.

— Эй! И в то же время...

— И в тоже время я странствую с бродячим балаганом? Да, ты прав. Это — в моей крови. Мы не способны бороться с зовом сердца, не так ли? Ты можешь спросить, что мне дарит бродяжничество? Отвечу — встречи с губошлепами, которых я обдираю как липку, оставляя им лишь их жадную улыбку. Но я не делаю это, как Спарен. Спарен — честный и уважаемый

предприниматель. Люди доверяют ему настолько, что даже одалживают деньги.

Впервые в жизни Насмешник внимательно слушал, что ему говорят.

— Ты получил больше, чем требовалось, наложив лапы на те драгоценности. Ты владел огромным оборотным капиталом для того, чтобы открыть свое дело. Когда я начинал, у меня было гораздо меньше. Скажи мне, ради всего святого, как ты умудрился все это спустить?

— Лично я есть полностью мистифицированный! Недоумевавственный! И, кроме того, мой путь будущий скрываться во тьме.

— Отлично. Прекрасно излагаешь. Никогда не меняй свою манеру говорить. Если твои жертвы тебя не поймут, то они вообще не будут уверены, кто виноват в их финансовых потерях. При этом они будут считать себя умнее тебя.

— Первое правило.

— Именно.

Образование Насмешника шло вполне успешно. Он начал учиться искусству самодисциплины, которой ему всю жизнь не хватало. Спарен время от времени подкреплял тягу студента к знаниям рукоприкладством, используя для этой цели амбала по имени Гуч. В те моменты, когда искушение украсть особенно сильно одолевало Насмешника, рядом всегда оказывался поигрывающий дубинкой Гуч.

— Мне кажется, что мы двигаемся в нужном направлении, мой друг, — сказал Спарен в конце лета. И слово «друг» в его устах уже не было простым обращением. Они уже давно стали настоящими друзьями. — Полагаю, что ты почти готов стать моим партнером.

— Эй! Это хорошо. Лично я есть обладатель несколько идей...

— Эта война меня пугает, — остудил его энтузиазм Спарен. — Сейчас они треплют Тройес. Если эти безумцы победят и выползут из Хаммад-аль-Накира, то они неизбежно расползутся по всем Малым Королевствам. Они нас разорят. Я был свидетелем того, что война делает с бизнесом. По счастью, этот бродячий балаган не единственное мое дело. Есть еще несколько предприятий, более подходящих для военного времени. Нам пора готовиться. На

всякий случай. — Спарен сделал большой глоток вина и продолжил: — Ты знаешь, у меня никогда не было сына. Во всяком случае, такого, кого я мог бы признать своим. Теперь мне кажется, что я обрел сына.

Насмешник задумался. Неужели это правда? Или то, что он услышал, не более чем результат смешения вина с меланхолическим расположением духа?

— Мы должны придумать тебе более приемлемое имя — так сказать, торговую марку. Мне, например, очень по вкусу название «Магеллин-Маг». У меня когда-то был партнер с таким именем. Но я поймал его на искажении финансовой отчетности, и мне пришлось вознести его дух на небеса, а бренное тело отправить вниз на корм рыбам. Все это было крайне печально. Я рыдал целый час. Мне казалось, что он — настоящий друг. Никогда не поступай со мной так, как он.

— Эта мысль гарантированно не обретается в моем разум. Кроме того, я иметь здоровый уважение к Гуч и моя собственный шея. Научился усовершенствование свой жизненный путь.

Здесь он несколько покривил душой. Он узнал от Гуча и Спарена много нужного, полезного и страшного, но образа жизни не изменил. Он так и не научился противостоять искушению срезать кошелек или метнуть кости в азартной игре.

Но зато он научился воровать скрытно и ловко — настолько ловко, что даже стоящий рядом Гуч ничего не замечал.

Глава 7

ИЗГНАННИКИ

Первые убийцы появились в горном лагере вместе с весенней оттепелью. Пытаясь их остановить, погибли шесть отличных бойцов.

— Всегда появляются тройками, — прошептал бледный Гарун, вытирая пот со лба. — Хариш всегда ходит по трое.

Какая сила движет этими людьми, Белул? Ведь они знают, что идут на верную смерть.

— Они верят в правоту своего дела, повелитель, — пожав плечами, ответил Белул.

Вторая группа убийц возникла почти одновременно с первой, а за второй вскоре последовала и третья. Перед мысленным взором Гаруна предстала бесконечная вереница улыбающихся людей с пустым взглядом, людей, готовых умереть ради своего пророка. Каждый из них уверен в том, что незамедлительно очутится в раю.

Отличить друзей от врагов в том хаосе, который царил среди беженцев, было практически невозможно.

— Белул, я не могу здесь оставаться, — сказал Гарун после того, как в результате очередного нападения погибли восемь человек. — Здесь я представляю собой неподвижную цель. Они не остановятся до тех пор, пока не найдут способа до меня добраться.

— Пусть приходят. Я раздену догола всех новичков, чтобы найти татуировку.

У всех членов культа Хариша на груди в области сердца имелась татуировка. Татуировка после смерти исчезала, что, как утверждали, означало вознесение души на небо.

— Они пришлют людей без опознавательных знаков. Нет, я отсюда ухожу. Стану передвигаться из лагеря в лагерь. Ведь я в любом случае должен показывать свой флаг. Разве не так?

Из лагеря Гаруна гнали не столько убийцы, сколько зимняя бездеятельность. Его юношеская энергия требовала движения, требовала действий. Выбрав себе двенадцать надежных спутников, Король-без-Трона отправился в путь.

Посещение лагерей оправдало худшие ожидания Гаруна. Увиденное его потрясло.

Разрыв с Хаммад-аль-Накиром означал разрыв с хрупкой культурой, существовавшей недолгое время в прошлом. В некоторых лагерях начали возрождаться древние обычаи пустыни, присущие кочевым племенам.

— Почему нельзя грабить чужеземцев? — поинтересовался один из военачальников в лагере, где заправлял старый воин по имени Шадек эль Сенусси.

— Да потому, идиот, что чужеземцы здесь мы! — ответил Гарун, бросив взгляд на стоящего с каменным лицом Сенусси. — И принявшие нас люди более терпимы, чем был бы я, окажись на их месте. Вот что я скажу тебе, Шадек. Если твои люди еще раз побеспокоят соседей, я сам возьмусь за меч палача. Законы семьи Квесани действуют и в изгнании. Под их защитой находятся все те, кто предоставил нам убежище, когда мы оказались в безвыходном положении.

— Я все понял, повелитель, — ответил Сенусси с легкой улыбкой. Гаруну показалась, что старик одобряет его слова.

— Будем считать, что с этим покончено. Пусть мои слова вам не по вкусу, но вы должны относиться к соседям как к равным. Нам нужна их помощь.

Среди людей Сенусси послышалось недовольное ворчание. Гарун бросил взгляд на воинов. Старика следует сместить, он обрел слишком большую самостоятельность, а его воины преданы ему лично.

Очень немногие из командиров лагерей встречали Гаруна с энтузиазмом. Некоторые из них оказались близки по духу военачальникам Эль Мюрида. Они были рождены бандитами, а отсутствие порядка открывало дополнительные возможности для грабежа. Другие же просто не желали, чтобы ими командовал безусый, неопытный мальчишка.

Гарун в сопровождении только своих телохранителей постепенно смещался на запад. Он сумел встретиться со всеми своими военачальниками и определить, что каждый из них стоит. Затем он принялся искать себе союзников.

Вскоре молодой человек открыл, что его претензии на трон не способны распахнуть перед ним двери.

— Посмотрим, — бормотал он, встретив очередной отказ. — Они запоют по-другому, когда Бич Божий начнет колошматить Малые Королевства.

— Да пусть они в огне сгорят, — заметил один из телохранителей.

— Неужели он действительно сюда придет? — спросил другой.

— Кто-нибудь обязательно явится. Мой старый учитель называл это исторической инерцией. Ничто не способно остановить ее. Даже смерть Нассефа или Эль Мюрида.

— В таком случае погибнет множество людей.

— Слишком много, и большинство из них будут наши люди. Ученик не ведает, что творит.

Гарун старался. Он старался упорно и долго, но нигде не встретил поддержки. Но Король-без-Трона не сдавался. Долг гнал его вперед. Телохранителей начинала беспокоить одержимость господина.

В конце концов ему пришлось признать поражение. Помощи он не получит до тех пор, пока Малые Королевства не окажутся перед лицом прямой угрозы. Гарун вернулся в свои лагеря.

Когда убийцы культа Хариша нашли его, он находился у Сенусси. На сей раз одновременно напали три группы. Они убили всех телохранителей Гаруна и десяток людей Шадека. Убийцы успели дважды ранить Короля-без-Трона, прежде чем его спас Сенусси.

— Прогони меня, властелин! — умолял старик. — Моя вина не имеет оправдания.

— Прекрати! Ты ничего не мог сделать. Ой! Полегче! — Оказавшийся в лагере коновал обрабатывал его раны. — Мы, Шадек, имеем дело с врагом диким и необузданным. Это будет продолжаться до тех пор, пока нас не убьют или мы не уничтожим его.

— Мне следовало все предвидеть, властелин.

— Возможно, возможно. Но каким образом?

Гарун задумался. Нападение потрясло Эль Сенусси, но казалось, что он был больше огорчен тем, что это произошло в его лагере, а не тем, что возможной жертвой мог стать его король.

Гарун вспомнил, что Эль Сенусси был ставленником короля Абуда. Старик всю жизнь служил только ему. Десятки лет он валил все промахи на других, а заслуги приписывал только себе.

— Забудь о культе Хариша, Шадек. Он подобен погоде, и нам так или иначе придется жить с ним. А пока давай тушить пожар.

Убийцы учинили несколько поджогов. Клубы дыма все еще поднимались в небо.

Огонь, охвативший бревенчатый блокгауз, который служил одновременно цитаделью и казармой, никак не хотел отступать, несмотря на все усилия пожарных. Быстрое распространение пламени говорило о том, что поджогу предшествовала тщательная подготовка.

— Для чего они это сделали? — удивлялся Гарун. — Они меня убили бы, если бы не тратили зря времени.

— Не знаю, повелитель.

Ответ пришел через три часа.

— Непобедимые! — раздался крик часового.

— Здесь? — изумился Гарун. — В Тамерисе?

Из близлежащего леса появились всадники в белых балахонах. Непобедимые.

— Примерно сотня, повелитель, — сказал Сенусси. — Пожар, видимо, служил сигналом.

— Судя по всему, ты прав, — ответил Гарун, окидывая взглядом лагерь.

Женщины и дети перетаскивали провиант в обгоревший блокгауз. Они казались испуганными, но панике не поддались, Эль Сенусси их отлично вымуштровал.

— Повелитель, спасайся, пока можно. У меня всего лишь восемьдесят три человека. Некоторые из них ранены.

— Я остаюсь. Что это за король, который постоянно бежит?

— Король, который остается живым, когда наступает нужный момент.

— Пусть приходят. Я обучен владению Силой. — Он произнес эти слова из чистой бравады и от отчаяния. Ему так хотелось нанести ответный удар.

— Король-колдун? — спросил Эль Сенусси, отступая назад.

В его глазах он увидел отражение того страха, которые испытывали люди в присутствии королей Ильказара.

— Нет. Не совсем. Но, может быть, я смогу подпустить немного дыма им в глаза.

Непобедимые точно знали, что следует делать. Разведка у них была поставлена великолепно. Уже в результате первой атаки они сумели преодолеть ограждение, несмотря на отчаянное сопротивление защитников и все шаганские ухищрения Гаруна.

— Они просачиваются за блокгаузом, в том месте, где выгорела ограда! — выкрикнул Гарун и бросился бегом к месту прорыва. Сенусси дал приказ. Воины схватились за седельные луки, и на нападавших обрушился дождь стрел. Но такой пустяк не мог остановить Непобедимых.

— Ступайте в блокгауз, сир, — сказал Эль Сенусси. — Здесь вы всего лишь один дополнительный меч, а оттуда вы сможете достать их своим колдовством.

Гарун позволил нескольким бойцам вывести его из схватки и проводить в укрытие. В предложении Шадека был смысл.

Магические действия из блокгауза оказались более эффективными. Гарун обратил свою магию против отдельных бойцов врага, и вскоре Непобедимые отошли.

— Еще немного, и нам пришел бы конец, — сказал Гарун, обращаясь к Эль Сенусси.

— Еще не конец, — ответил старик. — Окончательно они не ушли. И теперь окружают лагерь.

Гарун посмотрел через ограждение.

— Некоторые окружают, а некоторые, как мне кажется, отправились за подмогой.

— Думаю, повелитель, что ночью тебе следует уехать.

Это был практичный, прагматичный и очень правильный совет, но Гаруну он пришелся не по вкусу.

— Они наверняка ждут, что я попытаюсь это сделать.

— Верно. Но разве они ждут нашей атаки? Они слишком самоуверенны. Если мы совершим вылазку, не пытаясь затем убежать...

— Это может сбить их с толку, поскольку в подобном действии трудно увидеть смысл.

— Смысл есть, если вылазка позволит тебе скрыться.

— Не понимаю тебя, Шадек.

— И не пытайся, повелитель. Просто уходи. И приведи помощь.

Гарун бежал во время третьей вылазки. Он ушел пешком, крадучись, словно вор, и скрипя зубами от злости и от боли. Он упорно шагал сквозь ночь, не обращая внимания на раны.

Рассвет застал его в пятнадцати милях к северу от лагеря. От города Фигенбрух, столицы Тамериса, его отделяли всего

лишь двадцать миль. До ближайшего лагеря беженцев было не менее сорока миль. Он решил двигаться в столицу.

Поступая так, Гарун рисковал. Правители Тамериса из робости могли проигнорировать покушение на их суверенитет со стороны Эль Мюрида.

Если же правители откликнутся, то они явятся объективными свидетелями агрессии, и соседи Тамериса станут относиться к Ученику более враждебно.

Одним словом, рискнуть стоило. Лагерь Сенусси, в конце концов, был временным поселением, и его потеря не может явиться серьезным поражением.

Непобедимые хотели уничтожить не лагерь, а его, Гаруна. Все большие скопления беженцев, на которые стоило специально нападать, располагались дальше к северу.

Гаруна в Фигенбрухе знали и не очень любили. Он уже успел надоесть властям города своей назойливостью.

Чтобы его приняли, Гаруну пришлось пустить в ход свои раны, титул и красноречие. Он выступил с прекрасной речью перед королевским сенешалем. Еще более убедительную речь молодой человек произнес в присутствии короля.

— Это возмутительно, ваше величество, — заявил сенешаль. — Мы не можем оставить без ответа подобное беззаконие.

— В таком случае собери рыцарей сколько сможешь и веди их в поход. А вас, брат, — обратился он к Гаруну, — прошу воспользоваться моим гостеприимством до тех пор, пока эта беспардонность не будет наказана.

— Благодарю вас, брат, — ответил Гарун с легкой улыбкой. Назвав его братом, монарх косвенно признал право юноши на Трон Павлина.

К концу недели пришло известие о том, что Непобедимые разбиты, а оставшиеся в живых бежали за хребет Капенрунг. Людям Эль Сенусси удалось спастись.

Весть об этом нападении должна была неизбежно распространиться по Малым Королевствам, вызвав волну неприязни к Эль Мюриду.

Малые Королевства были действительно невелики и часто беспомощны, но зато каждое из них весьма ревниво относи-

лось к своей независимости и суверенитету. Национализм процветал здесь гораздо сильнее, нежели в более крупных государствах.

Пока Гарун ожидал новостей, ему повстречался один человек.

Встреча выглядела событием совершенно заурядным, но в конечном итоге оказалось, что она повлияла на судьбу нескольких королевств.

Дворец Гаруну смертельно надоел. Он казался дырой даже по сравнению с домом его детства. Молодой человек стал искать развлечений на весенней ярмарке, раскинувшейся на большом лугу к северу от города.

Как-то раз, наблюдая за шпагоглотателем, Гарун ощутил рядом с собой присутствие зла. Реальной угрозы он, однако, не чувствовал. Это было странно. Как правило, его интуиция давала ему более четкое представление. Он огляделся по сторонам.

Гарун отправился на ярмарку без охраны, и культ Хариша без помех мог нанести очередной удар. Он обругал себя за то, что пошел на бессмысленный риск.

Юноше пришлось обратиться к шестому чувству шагана.

Этот забытый богом дворец... Правители Тамериса — не более чем обыкновенные необразованные варвары, натянувшие на себя облачение аристократов. Единственным человеком, способным на утонченную беседу, был чиновник казначейства... Да и того, как оказалось, пригласили на службу из Хэлин-Деймиеля...

Лишь один человек выделялся из толпы тощих крестьян и светловолосых обитателей города. Этот человек был невысок ростом, толст и смугл — явный чужеземец. В нем явно чувствовалось присутствие пустыни.

Гарун сосредоточил все свои чувства на тучном молодом человеке.

Оказалось, что толстяк и является источником зла.

Он безумец, если считает, что, совершив убийство, ему удастся безнаказанно скрыться, подумал Гарун. Нет, толстяк — не убийца. Он не принадлежит к культу Хариша и затевает нечто совершенно иное.

Гаруна снедало любопытство. Он вспомнил, что видел довольно забавное представление, которое давал тучный молодой человек. Толстяк оказался настолько ловким и быстрым, что Гарун хватился своего кошелька только через полминуты.

А ведь отвлекся он всего лишь на тот краткий миг, когда шпагоглотатель извергнул изо рта сноп пламени. Гарун пытался понять механику фокуса.

Поняв, что его обокрали, Гарун резко обернулся. Однако толстый юнец успел скрыться.

Бин Юсиф зловеще усмехнулся. Этот вор был ловок, но глуп.

Гарун обнажил меч и направился к шатру за будкой, в которой толстяк ранее вершил свое представление.

Из шатра доносился звон монет. Гарун припал к дыре в ткани. Тучный молодой человек, сидя спиной к входу и радостно ухмыляясь, подсчитывал добычу.

Вдвойне дурак, подумал Гарун. Он проскользнул в шатер с ловкостью хорька и стал ждать с кинжалом наготове.

Толстяк, почувствовав присутствие постороннего, обернулся и попытался вскочить на ноги.

Острие кинжала уткнулось ему в горло.

— Сидеть!

Толстяк шлепнулся на землю. Гарун протянул открытую ладонь. Взгляд его был холоден и беспощаден. Тучный молодой человек был испуган, но все же было заметно, что он в уме подсчитывает варианты.

— Мои деньги, — произнес Гарун негромким, но полным угрозы голосом.

Вор начал что-то лепетать, но, тут же передумав, вручил бин Юсифу кошелек.

— Остальное, — бросил он, заметив, что одна золотая монета исчезла. Парень сделал это незаметно, но Гарун был знаком с подобными фокусами. — Хорошо. Теперь объясни мне, почему я не должен тебя повесить.

Толстяк дернулся. Но то же самое сделала и рука Гаруна. Острие кинжала сильнее надавило на смуглое горло.

— Я владею Силой. Ты не сможешь двигаться достаточно быстро, чтобы застать меня врасплох.

Вор со страхом поднял на него глаза.

— Ты знаешь, кто я?

— Нет.

— Гарун бин Юсиф.

Вор наморщил лоб, как бы что-то припоминая, а затем произнес:

— Указанного называть также Король-без-Трона?

— Да.

— Ну и что?

— А то, что ты выбрал не того человека, толстозадый. Я могу сделать так, что ты сегодня же будешь болтаться на королевской виселице. Но я только что подумал, что это может оказаться ненужной тратой полезного материала. В моей стране все приучены экономить. Мне пришла в голову мысль, что ты можешь быть полезен. Если, конечно, удастся поставить под контроль твою склонность к воровству.

— То же старинственное песнопение. Все тоже грабленаступание. О, я глупец из глупцов. Видно мне никогда не научиться! — Толстяк уселся поудобнее и, скрестив руки на груди, закончил: — Лично я проявлять полной индифферентвенность к политика.

— Кинжал у меня в руке, кусок сала. Поэтому пораскинь мозгами. Тебе предстоит решить несложную дилемму: работать на меня или болтаться в петле.

Уже несколько месяцев он вынашивал в глубине души одну довольно необычную интригу. Толстяк, с его навыками, может оказаться как раз тем человеком, который сможет воплотить этот хитроумный план в жизнь.

Если у него ничего не получится, не произойдет ничего страшного. Мир просто избавится от негодяя.

Было видно, что вор производит в уме лихорадочные подсчеты. Похоже, что сейчас он решит согласиться, чтобы убежать позже. Гарун ласково улыбнулся и произнес:

— Десять секунд. Затем я ухожу. Либо с тобой, либо для того, чтобы вызвать стражу.

— О горе! — возопил толстяк. — Опять все тот же печальный известный ребус о молоток и наковальница. Лично я по-

трясен остророгой дилеммой. Разве не пребывать лично я в узкий просак между дьявол и пропасть? Я стою перед решением эпической размерность. И скатываюсь в отчаяние, глубочайший из глубочайших...

— Ну и ну, — пробормотал Гарун, потрясенный этой словесной пиротехникой. — Время на исходе, толстозадый.

— Я вижу тактика запугательства, и у меня лично есть последний довод. Довод разумства. Послушай! Господин! Лично мне невозможно покидать ярмарку. Я лично являться партнер. Младший партнер, пребывающий под неусыпальным надзирательством параноидальный старший партнер Деймо Спарен и неподкупный разбойный бандит, ростом с дом, по имени Гуч.

— Не могу их осуждать. Итак, ты идешь со мной или отправляешься на виселицу?

— Эй! Господин! Сжалься. Лично я есть лишь ничтожный глупец...

— Если ты до конца обнажишь этот нож, то окажешься ничтожным глупцом с дырой в глотке.

— О горе! — снова затянул толстяк. — Звезды предсказывать плохой день. Лично я, следовало обратить вниманство. — Он с трудом поднялся на ноги. Гарун не сделал попытки ему помочь. — Мне надо несколько минут собрать личностное имущество.

— Мне караван не нужен.

— Лично я привыкать к некоторым ингредиентам и предметам. Я есть профессионал. Разве не так? Плотники нуждаются в указанных... Молотки... Пилы...

— В таком случае поторопись.

Толстяк снова обрел уверенность. Он понял, что Гарун не будет его убивать.

— Покажи свой воспитанность, пустынная крыса. Допускаемо, что я есть в тяжелый положение. Но я могу кричать, и сюда сбежаться вся ярмарка. Через минуту.

— Включая твоего параноидного старшего партнера? Он будет счастлив услышать о твоем воровстве.

— Указанный партнер лично меня учить этому тонкий искусство. — Но его слова звучали недостаточно убедительно, чтобы запугать Гаруна.

— Не сомневаюсь. Видимо, поэтому он и не спускает с тебя глаз.

Толстяк пожал плечами и принялся упаковывать свои пожитки.

— Странный существо этот Деймо Спарен. Лично я не всегда есть способный понять указанного. Иногда он есть словно папаша и в другой момент как тюремщик.

— Все отцы ведут себя подобным образом. Как тебя зовут? Не могу же постоянно величать тебя толстой задницей.

— Не иметь значения. Здесь я иногда бывать под имя Магеллин-Маг.

— У меня был добрый друг, имя которого очень походило на твое. Попробуй что-нибудь другое.

— Себе же я известный как Насмешник. Прозвание получить после значительного по важности инцидент на крайнем Восток. До того, как поиски истинности привести указанного меня на Запад.

— Поиски истины? А кончил ты шутом в бродячем балагане?

— Лично я необходимо помнить, что беседа идет с королем, — с усмешкой произнес Насмешник. — В силу указанного следует мне выражовываться с наивеличайшей точность, поскольку слова мои интерпретироваться по благородный стандарт. Нет, это не быть рыцарский поиск истины. Это быть отыскание места, где лично я не мог быть достигнут клинками врагов.

— Вот как? — Гарун тронул пальцем острие кинжала. — Следовательно, у тебя вошло в привычку совершать глупые ошибки?

В негромко произнесенных словах Насмешник уловил намек на угрозу и поспешно заявил:

— Не так. Перевернул чистый листок. Наконец урок выучил. Существующий ловушка иначе было бы невозможно избежать, поскольку великая истина быть иллюминирована ранее, истина, который избегать скромный, глупый я. А указанная истина есть в том, что ничего не доставаемо задаром. Если кажется, что достиг желательного, беги в сторону. Судьба обожать ставить ловушка.

— Надеюсь, что ты усвоил уроки. Хотя сдается мне, что ты все же слишком стар для обучения. Сколько времени тебе обычно требуется на то, чтобы затолкать в мешок это барахло?

Насмешник тянул время, не зная как поступить — звать ли на помощь, или промолчать. При этом толстяк прекрасно понимал, что Гарун видит его насквозь.

— Барахло?! — возмутился он. — Господин...

Он поднял глаза на Гаруна. Худощавый юноша с обветренным лицом сохранял полнейшее хладнокровие. Такая уверенность в себе доконала Насмешника. Поспешно затянув мешок, он сказал:

— Этого достаточно. Об остальном пусть заботится Спарен. Теперь, однако же, лично я должен оставлять запись для указанного. Чтобы все объяснить. Иначе указанный направлять Гуча по следу. Горе тому, кто обрести последнего в качестве противник.

Насмешник поднял мизинец, демонстрируя тем самым степень своей образованности.

— Указанному искусству обучал лично меня старший партнер. Все время учить, учить... Всему учить. Рабовладетелец.

— Пиши. Но только быстро и честно. Поверь, тебе не удастся вернуться через полчаса, чтобы порвать записку. — Гарун был готов посочувствовать толстяку, припомнив, как Радетик силой загонял его на уроки чтения, письма и иностранных языков!

Насмешнику достало ума сообразить, что его новый хозяин человек грамотный, и он написал простую прощальную записку, в которой говорилось, что он вернется через несколько дней. В глубине души толстяк питал надежду на то, что, воспользовавшись неразберихой на границе, он сумеет бежать. Он писал на языке Хэлин-Деймиеля, который служил средством межнационального общения в Малых Королевствах. Это язык Гарун знал лучше, чем все другие наречия.

— Что еще? — спросил он.

— Осел, наистариннейший друг лично меня. Он есть в загоне.

— Иди вперед. Я пойду на шаг сзади. — Покачав головой, Гарун добавил. — Мне следовало сообразить, что у таких, как ты, лучшими друзьями могут быть только ослы.

Он вложил кинжал в ножны лишь после того, как Насмешник вышел из шатра.

Снаружи их ждали двое. Лишившийся дара речи Насмешник стоял с открытым ртом. Казалось, что в нем борются два чувства — облегчение и страх.

— В чем дело? — спросил Гарун.

К Насмешнику, по-видимому, вернулась способность говорить, и он выдавил:

— Спарен. Гуч.

Гарун без труда сообразил, кто есть кто. Гуч горой мяса преграждал путь к будкам.

— Прикажи этому созданию отойти, — произнес Гарун, обращаясь к другому, сидящему на ящике, человеку.

— И куда это ты собрался, Насмешник? — спросил Спарен, не обращая внимания на бин Юсифа. — Может быть, ты хочешь что-нибудь с собой прихватить?

— Осел...

Гарун шагнул мимо толстяка.

— Прикажи, чтобы оно отодвинулось, — бросил он Спарену.

Гуч, казалось, оглох.

— Я беседую не с тобой, мальчик, — снизошел Спарен.

— Я сказал дважды. Третий раз повторять не намерен.

Спарен впервые продемонстрировал раздражение.

— У тебя слишком большая пасть, мальчик, — сказал он. — Гуч, заткни ее.

Гуч двигался так же быстро, как атакующая змея. Но Гарун оказался быстрее. Он трижды успел порезать Гуча. Но, впрочем, не очень сильно.

Насмешник попытался бежать, но бин Юсиф сделал ему подножку и завалил на Спарена.

— Полагаю, что Гуч представляет для тебя большую ценность, — сказал Гарун. — Прикажи ему очистить путь, если не хочешь его потерять.

— Да, в твоих словах есть кое-какой смысл. Гуч, отойди в сторону. Я решу это дело самостоятельно.

Гарун взял Насмешника под локоть и двинулся прочь.

— Я не сказал, что ты можешь идти, мальчик, — произнес Спарен. — Просто я решил сам убить тебя.

— Осторожность, Деймо, — сказал Насмешник. — Он владеть Силой.

— Неужели в наше время все стали фокусниками?

— Парень есть заносчивый без меры, но он есть тот, кого звать Король-без-Трона.

— Точно. — Спарен сплюнул в сторону. — А я никто иной, как Пропавший Принц Лебианнина.

Гарун воспользовался этим моментом и взял в ладонь духовую трубку. Затем, поднеся руку к губам, он кашлянул в кулак.

Спарен заметил его движение слишком поздно. Содрогнувшись всем телом, он рухнул на землю. Выражение недоверчивого изумления так и не успело исчезнуть с его физиономии.

Насмешник и Гуч склонились над павшим.

— Что ты с ним сделал? — спросил Гуч, тряся хозяина за плечи. — Господин Спарен, проснитесь! — лепетал он. Создавалось впечатление, что своих ран гигант не замечал. — Скажите, что мне делать, господин Спарен. Может быть, я должен их убить?

— Пошли, — сказал Гарун, хватая Насмешника за плечо. — Этот монстр думает, что во всем виноват ты.

Бин Юсиф решил, что в будущем заставит Насмешника попотеть — в расплату за все причиненное им сейчас беспокойство.

Через некоторое время толстяк как бы между прочим заметил:

— Спарен быть другом лично меня. Не очень доверительный друг, но друг.

Гарун услышал в его словах скрытую угрозу, обещание компаньону отомстить за него.

— Я его не убил. Острие стрелки покрыто парализующим ядом. Отраву добывают в джунглях к югу от Хаммад-аль-Накира. Через пару часов он будет в полном порядке, если не считать головной боли и отвратительного настроения.

Во всяком случае, он надеялся на это. Примерно в четверти случаев яд оказывался смертельным.

Чем больше Гарун наблюдал за своим спутником, тем больше убеждался в том, каким смертельно опасным врагом может

стать Насмешник. За личиной тучного оптимиста скрывался холодный, расчетливый и безжалостный убийца.

Несколько дней спустя, когда они уже были на полпути к лагерю Эль Сенусси, им повстречалась группа беженцев. Беглецами оказались не обитатели пустыни, страшащиеся гнева Эль Мюрида. На сей раз от отрядов Ученика спасались местные жители.

Отряды всадников пустыни вторглись в Тамерис. Началась серия войн, получивших впоследствии название войн Эль Мюрида.

Эти события позволили Гаруну укрепить свое влияние на Насмешника.

Продолжать движение дальше на юг не имело никакого смысла, и они, повернув назад, отправились в лагерь, расположенный в Алтее. По пути им несколько раз пришлось скрываться от патрулей Непобедимых.

К северу от Фигенбруха они наткнулись на сожженные фургоны труппы Спарена. Сам Спарен оказался среди мертвецов, а Гуч остался в живых. Он валялся без чувств под горой мертвых воинов пустыни.

Насмешник долго молча смотрел на Спарена, а затем произнес:

— Допустимо, что быть параноидный глупец, иногда этот человек. Но он быть мой друг. А в некоторой образности даже как отец. Пролиться кровь, Гарун бин Юсиф. Лично я теперь заинтересованный в политика. — Он перешел к Гучу и продолжил: — Эй, Гуч, вставать, большой бездельник. Нам предстоять много работать.

Каким бы невероятным это ни представлялось, но Гуч выполз из-под кучи своих жертв.

— Они убили двух моих отцов, — прошептал Гарун.

Пройдет немало времени, прежде чем Насмешник поймет смысл этих слов.

Он вытер Гучу слезы, перевязал раны, успокоил и стал внимательно слушать Короля-без-Трона, который подробно объяснил, что Насмешнику следует делать, дабы поскорее свергнуть Ученика.

Глава 8

ЗАБРОШЕННЫЙ ГОРОД

В первое военное лето Аль-Ремиш казался совершенно брошенным городом. Все сподвижники Ученика отправились на запад, чтобы предаться там грабежу.

Эль Мюрид частенько бродил по пыльным улицам. Он все еще не мог примириться с судьбой, а боль от ухода Мириам никак не желала проходить. В душе его царила пустота.

Его одиночество росло по мере того как множились победы, а эйфория оставшихся в городе самым нелепым образом переросла в преклонение перед человеком, который сумел повернуть вспять историю и воплотить в жизнь, казалось, неосуществимую мечту.

— Они пытаются превратить меня в божество, — сказал он детям. — А я, кажется, не в силах их удержать.

— В некоторых местах тебя уже величают богом во плоти, — заметила Ясмид. Девушка не только была смела, как ее мать в молодости, но и обладала той уверенностью в себе, которую Эль Мюрид приобрел только после первой встречи с ангелом. Она казалась отцу взрослым ребенком. Взрослым человеком с телом дитяти. Ее зрелые оценки жизни иногда даже вселяли в Ученика тревогу.

Сиди же, напротив, казалось, на всю жизнь останется ребенком.

— Я издаю эдикты. Они не обращают на них внимания. Люди, которых я посылаю на искоренение ереси, становятся наиболее рьяными еретиками. — Эль Мюрид имел в виду Мауфакка Хали. Мауфакк не сумел избежать заразы обожествления своего господина.

— Людям, папа, необходимо иметь нечто такое, к чему можно было бы прикоснуться. Нечто такое, что они способны увидеть. Такова уж человеческая природа.

— А ты что думаешь, Сиди? — спросил Эль Мюрид. Он пытался использовать любую возможность, чтобы подключить

сына к беседе. Наступит день, когда Ясмид попадет в зависимость от брата — точно так, как он сам зависит от Нассефа.

— Не знаю, — равнодушно промямлил Сиди.

Все проблемы отца были для него совершенно безразличны. Мальчик был в руках Властелина Зла и во всем был полной противоположностью своей сестры. Это причиняло отцу нестерпимую боль.

Отец с трудом скрывал свои подлинные чувства к сыну. Мальчик, правда, не совершал ничего плохого. Пока. Но Ученик всем своим существом ощущал присутствие в сыне злых сил, как верблюд чувствует близость воды в пустыне. Сиди обязательно принесет несчастье, если не отцу, то Ясмид, когда та станет Ученицей.

Эль Мюриду казалось, что он зажат в тисках, с одной стороны, преданности семье, с другой — религии. Вместо того чтобы решить эту проблему, он позволял событиям идти своим чередом.

Эль Мюрид много молился. Каждую ночь он просил Творца обратить таящееся в душе Сиди злые силы на добрые дела так, как Он обратил душу Нассефа. Ученик молил Бога простить ему гнев, который он постоянно ощущал из-за безвременной кончины Мириам.

Место Мириам заняла Ясмид. Теперь Эль Мюрид обсуждал самые важные проблемы с дочерью и иногда рыдал на ее плече.

Ученик был крепок в своей вере, но вера эта так и не смогла утешить сидящего в его душе маленького испуганного мальчика. Этот мальчик так нуждался в ком-то, кто...

— Папа, тебе надо найти новую жену.

Они поднимались по склону долины, в которой стоял Аль-Ремиш. Два раза в неделю Эль Мюрид совершал хадж к тому месту, где получила рану Мириам. Эта привычка уже стала частью его жития.

— Твоя мама осталась моей единственной любовью. — Он уже слышал подобные слова от Нассефа и Мауфакка Хали.

— Тебе не обязательно любить ее так, как ты любил маму. О твоих чувствах к ней известно всем.

— Ты, наверное, говорила с Нассефом.

— Нет. А что, он тоже считает, что тебе следует жениться?

— Следовательно, ты беседовала с Хали.

— Вовсе нет.

— Значит, с кем-то еще. Детка, я наперед знаю все, что ты скажешь. Я это уже неоднократно слышал. Ты скажешь, что мне следует взять в жены женщину из знати, чтобы сцементировать связи с аристократией. Ты скажешь, что мне следует завоевать их доверие, чтобы лучшие люди нашей страны перестали тянуться к этому королю-ребенку Гаруну.

— Да, все так. Это могло бы помочь.

— Возможно. Но я не вступаю в компромисс с врагами Создателя. Я вступаю в контакт с проклятыми лишь для того, чтобы подвергнуть их наказанию.

— Папа, когда-нибудь это доставит нам большие неприятности. Надо не только брать, но и давать.

— Это приносило нам неприятности с того самого дня, когда я встретил твою маму. Я никому никогда не уступал и теперь восседаю на Троне Павлина. Ты опять говоришь, как твой дядя. Ты говоришь, как политик, а политика вызывает у меня отвращение.

Ясмид вовсе не повторяла то, что слышала от кого-то. Однако объяснять ничего не стала. В последнее время он постоянно вступал в спор, однако убедительные возражения приводили его в ярость.

— Политика — тот инструмент, при помощи которого спорящие стороны решают свои проблемы, — заметила она.

— Политика — это интриги и заговоры, при помощи которых одни стараются решить свои проблемы за счет других, — возразил Эль Мюрид.

Сердцевиной любой власти является Бог, и Ученик говорит от его имени. Эль Мюрид не нуждался в политике, так как мир представлялся ему монолитной пирамидой, с вершины которой он вершит правосудие. Все Избранные должны повиноваться ему беспрекословно.

Однако Ученик оставался единственным человеком с таким видением мира. В последнее время, уже после того, как

движение добилось первоначально поставленных целей, в нем появились ростки весьма зловещей политики. Приспешники Эль Мюрида, подобно голодным псам, начали драться за те крохи власти, который сыпались между его пальцев. Они постоянно вцеплялись друг другу в глотки, пытаясь утвердить себя как можно выше при новом порядке. Дня не проходило без того, чтобы ему не приходилось решать вопросы старшинства или привилегий своих приближенных.

— Они больше интересуются своими проблемами, а не задачами движения. Даже самые правоверные не сумели избежать этой ловушки. — Он помолчал немного, приводя в порядок мысли, а затем продолжил: — Может быть, дело в том, что мы чересчур быстро и слишком неожиданно добились успеха. После двенадцати лет борьбы победа сама упала нам в руки. Дела пошли настолько хорошо, что у них отпала необходимость стоять плечом к плечу против остального мира.

Его ужасала возможность того, что интриги и козни могут войти в привычку. Именно это погубило роялистов. Последние годы они только и занимались тем, что плели заговоры друг против друга да предавались своим тайным порокам.

Эль Мюрид страдал от своего бессилия. Семя зла распространялось по земле, а он ничего не мог сделать для того, чтобы выкорчевать его ростки. Никакие молитвы не могут спасти человека, отказывающегося быть спасенным.

Ученик стал старше, и теперь он видел недостатки своего движения, видел тайные тропы, пройдя которыми зло могло встать на пути истины. Теперь он понимал, что обращение правоверного ко злу может произойти настолько быстро, что остановить его практически невозможно.

Понимание это вовсе не помогало Ученику выйти из вызванной одиночеством депрессии.

Когда его состояние становилось невыносимым, он призывал Эсмата.

Наконец дети и Эль Мюрид добрались до места ранения Мириам.

— Закончат они когда-нибудь или нет? — спросил Сиди, указывая на монумент, который приказал воздвигнуть Ученик.

Монумент был сооружен не более чем на четверть. Камни, сложенные поначалу ровными штабелями, теперь образовывали бесформенные безобразные кучи.

— Даже наши каменщики захотели увидеть бывшие провинции Империи, — ответил Эль Мюрид. — Разве мог я остановить их силой, коли они возжелали нести Слово истины неверным?

— Плевать они хотели на Слово истины, папа, — с обычной для нее прямотой заявила Ясмид. — Им просто кажется, что грабить чужеземцев легче и прибыльнее, чем работать.

Эль Мюрид ответил дочери печальным кивком. В Воинстве Света было полным-полно людей, чьи навыки было бы полезнее использовать дома. Иногда Ученик чувствовал, как к его сердцу прикасаются щупальца страха. Дело в том, что Хаммад-аль-Накир всегда испытывал недостаток в искусных ремесленниках. Военное поражение вообще могло уничтожить эту группу населения, отбросив страну назад в период варварства. Столетия оказались не способны изменить его народ. Люди по-прежнему отдавали предпочтение грабежу перед созиданием.

Он решил сменить тему разговора.

— Но больше всего сейчас мне нужна вода, — сказал он. — Миллионы галлонов воды.

— Что? — спросила Ясмид. Она собиралась предложить отцу приказать Нассефу присылать захваченных в плен ремесленников на замену отправившихся на войну местных умельцев.

— Вода. Эта наша самая большая потеря, связанная с падением Империи. Не знаю, как... Может быть, один только Вартлоккур способен вернуть нам дожди.

Эти слова пробудили у Сиди какой-то интерес, и Эль Мюрид продолжил:

— В некоторых местах почва достаточно плодородна. Но воды там нет. Растительности у нас так мало потому, что даже редкие дожди уходят в землю... Еще во времена Империи леса были вырублены на строительство и топливо. Затем пришли варвары. Они допустили засоление больших участков, а в других местах их козы и овцы вытоптали плодородный слой. И после этого чародей Вартлоккур остановил дожди.

Ясмид посмотрела на него с легкой улыбкой и спросила:

— Чем ты занимался, папа? Ходил по секрету ото всех в школу?

— Нет, в школу я не ходил. Просто прочитал исследования, проведенные чужеземцем по имени Радетик. Их обнаружили после захвата Аль-Ремиша. Весьма любопытно. Оказывается, Юсиф и я во многом преследовали одни и те же цели.

— Разве не ты говорил, что приспешники Властелина Зла иногда неумышленно вершат дела на пользу Творца?

— Да, это так. Но прошу, никому ни слова. Я готов воспринять идею чужеземца. Но лишь после того, как будет воссоздана Империя и у нас окажется достаточно рабочих рук. Радетик считает, что богатство природы может быть восстановлено. Для этого следует пустить русла некоторых рек по новым каналам. На работу уйдет время жизни трех-четырех поколений. Его это приводило в отчаяние. Но мне идея нравится. Необходимо поставить перед Избранными отдаленные цели. Если этого не сделать, Королевство Покоя очень скоро превратится в гнездо свар.

— Ты раньше об этом не говорил.

Эль Мюрид оперся спиной на основание монумента и устремил взгляд вдаль, туда, где виднелся Аль-Ремиш. Он пытался представить, каким был ландшафт в древности. Когда-то на этом месте плескалось неглубокое озеро. Святилище Мразкима стояло на невысоком искусственном острове. На склонах долины цвели апельсиновые рощи.

Вторгнувшиеся варвары срубили деревья на дрова.

— Это всегда казалось мне даже более чем далекой мечтой. Но теперь появилась, хотя и ничтожная, но все же возможность. Когда-нибудь... впрочем, все зависит от твоего дяди. Если он выиграет войну... мы сможем начать.

Эль Мюрид посмотрел на выжженную солнцем долину, и на какую-то долю секунды его взору открылась ее прошлая красота, которая могла стать и будущей.

— Мы можем подвести воду с хребта Капенрунг. Кое-где все еще видны следы старых каналов. — Он опустился на колени и вознес молитву о душе Мириам. Ясмид и Сиди присоединились к отцу.

Поднявшись с колен, Эль Мюрид произнес:

— Что ж, настало время вернуться в ведьмин котел и посмотреть, какую склоку они заварили сегодня.

Ясмид с восторженным выражением лица двинулась вслед за отцом. Он предстал перед ней в совершенно новом обличье. В его душе открылись такие глубины, о существовании которых она и не подозревала.

Унылое, ничего не обещавшее утро неожиданно для Ученика превратилось в один из самых радостных дней его жизни. Он открыл свою самую сокровенную мечту, и никто не стал над ним смеяться. От величия идеи захватило дух даже у совершенно лишенного воображения Сиди. Может даже случиться так, что он проведет этот день без помощи Эсмата.

Вернувшись, он узнал, что из зоны военных действий примчался Мауфакк Хали.

— Я принял тебя первым, так как знаю, что тебя привели сюда важные дела. Итак, что случилось?

— Два дела, повелитель. Первое, менее важное. Мы потеряли след претендента. След Гаруна бин Юсифа. Со времени нападения на Тамерис он ушел в подполье и с тех пор встречался лишь с немногими вождями мятежников, перестав докучать королевским дворам. Наши агенты не могут его найти.

— Со временем Господь передаст его в наши руки. Что еще?

— Весьма тревожное развитие событий. Эти сведения я получил от своего человека в штабе Бича Божьего. Агент слышал доклад одного из шпионов твоего шурина. Итаскийцы и их союзники не хотят ждать нашего прихода и решили выступить заранее. Их армия отправляется на юг. Командующим назначен герцог Грейфеллз. Герцог — кузен короля и считается превосходным военачальником.

— Все это весьма прискорбно, Мауфакк. Я надеялся закончить все на юге, прежде чем вступить в схватку с Итаскией.

— Это сильнейший из наших недругов, повелитель. И самый богатый. За ними стоят Ива Сколовда, Двар и Прост-Каменец. К северу от Скардотти Бич Божий встретится с большими трудностями.

— Вероятно. Но я знаю Нассефа. Если бы я был настолько греховен и позволил бы себе биться об заклад, то поставил бы

состояние на то, что он все предусмотрел еще до того, как покинул Сахель.

— Я очень надеюсь на это, повелитель. Но численность наших врагов меня пугает.

Слова Мауфакка были отражением тайных страхов самого Эль Мюрида. Он страстно желал поделиться им с Хали, но не осмеливался. Лишь его абсолютная уверенность в полном торжестве сделала Непобедимых тем, чем они стали. Сомнения их погубят.

— Будем надеяться, что все наши друзья почувствуют опасность. Движение спотыкается о свои собственные успехи. Сообщи всем свое неприятное известие.

— Как прикажешь, повелитель. — В его тоне можно было услышать нотки сомнения. — Что могли бы сделать Непобедимые, дабы уменьшить угрозу?

— Выясни, что представляет собой этот герцог. Умелый ли он военачальник? Сохранится ли армия, если мы его уничтожим? Кто может его заменить? Насколько равноценной будет эта замена? Ты меня понимаешь?

— Полностью, повелитель. С учетом всех политических интриг его заместитель может оказаться полной бездарью.

— Именно. Поскольку ты здесь, я хотел бы услышать твое мнение о восточной армии Эль Надима.

— Что случилось, повелитель?

— Он, действуя через голову Нассефа, обратился ко мне за разрешением прекратить попытки силового прорыва через Савернейк. В то же время Нассеф уверял меня ранее, что продолжение усилий на севере жизненно необходимо.

— В чем сложности Эль Надима?

— Он заявляет, что враг истребляет его армию при помощи колдовства. Говорит, что его вассалы из Тройеса готовы поднять мятеж. Они составляют большую часть армии и уверены в том, что Эль Надим сознательно позволяет их уничтожать, чтобы от них избавиться.

— Этого нельзя исключать, повелитель. Бич Божий точно так же использует вспомогательные отряды и на западе. Я сам был свидетелем того, как он без нужды допустил их избиение.

Но я согласен с ним в том, что нам следует постоянно поддерживать угрозу с востока. Это лишает врага возможности маневра и отдает инициативу в наши руки. Когда Кавелин и Алтея падут, это перестанет иметь значение. Я мог бы собрать несколько рот Непобедимых и отправить их на восток. Они придадут Эль Надиму боевого духу.

— И гибкости, как я полагаю. Он среди наших военачальников не выделялся силой воображения.

— Это так. Но он исключительно надежен. Он будет выполнять приказ даже тогда, когда ему грозит гибель. Кроме того, он — один из наших духовных вождей. Подлинно правоверный. Эль Надим присоединился к вере поздно, уже побывав одним из подручных Нассефа. Думаю, что именно поэтому тот отправил его подальше на восток. Бич Божий не желает, чтобы глубоко верующий и преданный тебе человек продолжал наблюдать за его действиями.

— Ты, похоже, ударился в политику, Мауфакк.

— Повелитель! — с широкой ухмылкой воскликнул Хали. — В некотором роде это именно так. Политика — часть человеческой натуры.

— Возможно. Однако иногда мы не осознаем того, что творим. Меня выводит из себя не политика, а наглые, преднамеренные удары в спину. Можешь отправлять свои роты к Эль Надиму.

— Как прикажешь, повелитель.

— Скажи Яссиру, что тот может пускать ко мне жалобщиков и просителей.

Следующий месяц оказался на редкость удачным. Оккупированные территории все больше поддавались умиротворению. Захват Малых Королевств шел без помех, хотя Нассеф дал Кариму лишь минимум необходимых для этого воинов. Броды и паромные переправы на реке Скарлотти, так же как и восточные граница Алтеи были перекрыты. Нассеф форсировал реку выше Дунно-Скуттари и завершил окружение города. Он реализовал свои планы быстрее, чем намечал ранее. Даже проблемы Эль Надима перестали вызывать беспокойство. Его успехи или неудачи не играли существенной роли в стратегии Нассе-

фа. Имело значение лишь присутствие войска в районе прохода Савернейк.

Вскоре Эль Мюрид получил от шурина послание.

— Ясмид. Сиди. Подойдите поближе. Послушайте, что пишет ваш дядя. — Пробежав глазами письмо, он продолжил: — Он хочет, чтобы мы приняли капитуляцию Дунно-Скуттари. Утверждает, что это произойдет очень скоро.

— Поедем, папа! — загорелась энтузиазмом Ясмид. — Ну пожалуйста. Мне так хочется увидеть запад. Ты только представь, как обрадуются воины, увидев тебя в их рядах!

— Но это опасно, — со смехом ответил Эль Мюрид.

— Мы могли бы выдать себя за других. За кого-то не столь важного.

— За торговцев солью, например, — вмешался Сиди.

— Торговцы солью — очень важные персоны, — запротестовал Эль Мюрид, продолжая предаваться веселью. Его отец торговал солью.

— Правильно, папа. Торговцами солью! — воскликнула Ясмид. — Ты все знаешь об этом деле. Телохранители могли бы тоже переодеться купцами и пересесть с лошадей на верблюдов.

— Все равно они останутся похожими на бандитов.

— Но...

— Хватит. Ваш дядя еще не взял город, и я не думаю, что это ему удастся. Он не сумел причинить неприятностей Хэлин-Деймиелю, а тот был не столь крепким орешком. Одним словом, поживем — увидим.

— Папа, он просто отложил захват Хэлин-Деймиеля на будущее.

— Я же сказал: поживем — увидим. Не забывай, сейчас нас больше всего должна беспокоить Итаския. Мы не знаем их планов.

Ясмид улыбнулась. Она понимала, что наполовину выиграла сражение.

Отец ответил ей кислой улыбкой. Он казался себе бесхребетным глупцом, не способным ни в чем отказать детям.

Одиннадцать дней спустя к нему явился Эсмат. Лекарь был мрачен, как никогда.

— В чем дело, Эсмат? Ты стал каким-то серым.

— Повелитель, — выдавил врач, — курьер из Ипопотама еще не прибыл. Он опаздывает на четыре дня.

По спине Эль Мюрида пробежали мурашки.

— Сколько болеутоляющего снадобья осталось? — Он не мог заставить себя называть опий по-иному.

— Возможно, хватит еще на пару месяцев, повелитель. Это зависит от дозы и частоты употребления.

«Иными словами, все зависит от того, насколько я смогу выдержать напряжение», — подумал Эль Мюрид.

— В таком случае пропажа одного курьера ничего не значит. Если опасаешься, что твои запасы иссякнут, пошли еще одного человека. Или удвой размер следующей регулярной покупки.

— Я намерен сделать и то, и другое, повелитель. Помимо всего прочего, это поможет нам получить ответ на самый важный вопрос.

— Вопрос? Какой вопрос?

— Не узнали ли недруги о нашей потребности и не начали ли перехватывать курьеров?

Холодок, пробежавший по спине, превратился в настоящий ледник, сковавший все тело.

— Эсмат... Неужели такое возможно?

— Нет ничего невозможного, повелитель. Уже много лет я таю в себе ужас перед подобной возможностью. Мы, увы, достигли такого положения, при котором лишение доступа к лекарству может на некоторое время обезглавить движение. На преодоление страданий абстиненции может потребоваться несколько месяцев.

— Неужели дело настолько плохо, Эсмат? — негромко спросил он.

— Отвратительно, повелитель.

— Эсмат, сделай все, что считаешь нужным, но поставки обеспечь. Я не могу позволить себе оказаться бессильным. Тебе раньше следовало указать мне на эту опасность.

— Наверное, но я опасался оскорбить...

— Оскорбляться поздно. Снадобье делают из растений, не так ли? Из мака? Не могли бы мы выращивать его здесь?

— Я не цветовод, повелитель. Кроме того, Ипопотам является монополистом. Там тщательно охраняют семена, поля...

— Сумеют ли они уберечься от всего Воинства Света?

— Конечно, нет. Но между нашими странами заключен договор о дружбе. Мы дали слово чести... Переговоры велись с целью обеспечить доступ к лекарству. Они могут сжечь плантации, если решат, что мак послужил причиной нападения.

— Нассеф провел переговоры еще до войны. Означает ли это, что ему известны мои проблемы?

— О них, повелитель, знает множество людей. Подобный секрет невозможно хранить долго.

Эль Мюрид потупил взор — частично из-за овладевшего им стыда, частично от страха.

— Сделай все, что возможно. Я со своей стороны тоже приму нужные меры.

— Как прикажешь, повелитель.

Глава 9

ИТАСКИЙЦЫ

Гарун расстался с Насмешником и Гучем на севере Кардина, чуть восточнее границы этого королевства с владениями Дунно-Скуттари.

— Кругом патрули, — сказал он, — будьте осторожны.

— Лично я быть столько скрытностным, — со смехом заявил Насмешник, — что даже око гордостного орла не найти указанного. Лично я есть отважный воитель, способный в битве сразить роту, но указанный я не иметь уверенность, что могу победить армию. Даже когда эта дубина Гуч за спина.

Бин Юсиф видел толстяка в деле за день до этого, когда они наткнулись на один из патрулей Нассефа. Спарен обучил его как нельзя лучше. Быстрота движений, ловкость и выносливость Насмешника, когда он работал клинком, казались

сверхъестественными. Толстяк был прирожденным фехтовальщиком.

— Гуч, не позволяй ему нарываться на неприятности.

— Не позволю, господин. Он будет вести себя так хорошо, что вы его не узнаете.

— Не позволяй ему также обманом выудить у тебя наличность. — Гарун на всякий случай снабдил великана дополнительными средствами.

— Не беспокойтесь, господин. Я его знаю как облупленного. Я следил за ним, когда он работал на господина Спарена.

В словах Гуча звучала уверенность, вызывавшая одновременно восхищение и беспокойство. Мегелин учил Гаруна видеть мир как змею. Змею скользкую, изменчивую, многоцветную и не заслуживающую ни малейшего доверия. Наивное представление Гуча об окружающем его мире являлось полной антитезой представлениям Радетика.

— Думаю, что вы справитесь. Удачи вам, — сказал бин Юсиф и направился к остальным.

— Полагаешь, у них получится? — спросил Белул.

Гарун оглянулся. Парочка уже шагала на юг. Толстяк шел пешком из-за своей тучности, а Гуч не мог сесть в седло, так как все еще страдал от раны в деликатном месте.

— Кто знает? Если и не выйдет, то мы ничего не теряем.

— Итак, вперед на север... — задумчиво произнес Белул. — Ты уверен, что они нас ждут на том берегу?

Белул имел в виду армию роялистов, которая должна была собраться в Ворхангзе, крошечном королевстве на противоположном берегу Скарлотти. По оценке Гаруна, на его призыв к оружию должны были откликнуться одна-две тысячи человек.

Он надеялся, что, открыто используя эти силы для поддержки западных армий, он может в свою очередь рассчитывать на их помощь в своей борьбе за возвращение Трона Павлина.

— Скоро, Белул, мы это узнаем.

Однако уже через несколько часов — в тот момент, когда они размышляли, как лучше перебраться через Скарлотти, — к ним прискакал гонец.

— Повелитель, — задыхаясь, выпалил он, — Бич Божий форсировал реку!

— Что? — переспросил Белу. — Где? Когда?

— Чуть выше Дунно-Скуттари. Они начали тайную переправу на лодках четыре дня назад. Застал скуттарцев врасплох. Сейчас на северном берегу у него двадцать тысяч человек.

— Он свихнулся, — прорычал Белул. — Он все еще уязвим со стороны Малых Королевств, и, кроме того, в тыл ему двигаются итаскийцы.

— Нет. С ума он не сошел. Ты можешь назвать безумцем Эль Мюрида, если хочешь. Эль Мюрида, но только не Нассефа. Бич Божий даже не чихнет без причины.

— Ему теперь можно угрожать только с севера, — вмешался Эль Сенусси. — На этом берегу реки нет сил, способных бросить ему вызов. Наша главная задача сейчас — узнать, что у него на уме.

— Верно, — согласился Гарун и, обращаясь к гонцу, сказал: — Скачи в свою роту и скажи командиру, чтобы тот следил за тем, что делает Нассеф. Скажи ему, чтобы все сообщения он направлял в мой лагерь в Кенделе.

— Кендел? — изумился Эль Сенусси. — Неужели мы пойдем так далеко на север?

— Я попросил итаскийского военачальника о встрече. Лагерь в Кенделе лежит почти на его пути. Эй, кто-нибудь! Поменяйтесь лошадьми с этим человеком. Его кобыла не выдержит обратного пути.

— Благодарю вас, повелитель, — сказал гонец. — Вы позаботитесь о ней? Она — отличная животина.

— Разумеется.

— Но разве это не опасно? — спросил Белул после того, как посыльный ускакал. — Сколько времени потребуется культу Хариша, чтобы установить твое местонахождение?

— Ты полагаешь, что они смогут отважиться на это так далеко от дома?

— Да хоть на краю земли, если того пожелает Эль Мюрид.

— Наверное, ты прав. Что ж, в таком случае тебе придется охранять меня со спины.

Они переправились через Скарлотти ночью. Переправа далась с трудом. Утром, мокрые и измученные, они воссоединились со своей армией.

Вид войска нагнал на Гаруна уныние. Перед ним была толпа оборванцев, не выдерживающая никакого сравнения с воинами, которыми командовал его отец. Однако у этих людей имелось одно выдающееся качество — они сумели пережить катастрофу.

— Ты сможешь с ними хоть что-нибудь сделать? — спросил он у Белула.

— Конечно. Большинство из них были воинами. Воинами они и остались. Эти люди просто выглядят несимпатично.

— Они выглядят бандитами.

— Постараюсь привести их в надлежащий вид, — пожал плечами Белул.

Гарун дал людям однодневный отдых, а затем повел свое ободранное войско на север.

Воины ворчали, большинство из них проделало долгий путь на юг на место встречи. Самые большие лагеря беженцев притулились на окраинах больших городов, чтобы обезопасить себя от Бича Божьего.

Чтобы добраться до Кендела, потребовалась неделя довольно быстрой скачки. Дважды их принимали за людей Нассефа, и оба раза им с трудом удавалось избежать схватки со своими союзниками. Нассефу удалось запугать людей, обитающих между реками Скарлотти и Портуной.

Добравшись до лагеря, Гарун узнал, что итаскийский герцог не откликнулся на его просьбу о встрече. Тем не менее объединенные силы северян были на марше. Они неторопливо продвигались на юг, и основная часть войска находилась в каких-то сорока милях от лагеря.

— Похоже, что герцог не торопится познакомиться с Нассефом, — заметил Белул. — Даже более крупная армия способна двигаться быстрее.

— По-моему, здесь сильно попахивает политикой, Белул. Или даже скорее воняет, как от разложившегося трупа.

— Мы должны дать объяснение нашим людям. Жаль, что мы зря проделали весь этот путь.

— Мы все объясним. Завтра я отправлюсь к нему.

— Повелитель...

— Пойдем осмотрим лагерь, Белул. Люди должны видеть, что мы заботимся о них.

Он уже увидел гораздо больше того, что хотел увидеть. Его подданные существовали в невообразимо примитивных условиях. Они жили в домах, сложенных из веток и едва защищавших от солнечных лучей.

— Зимой, Белул, это поселение превратится в лагерь смерти. Здесь не Хаммад-аль-Накир, и зимы в этих краях холодные. Люди просто вымерзнут. Что произошло с Гамалем Мегидом, который здесь всем заправляет?

— Он исчез сразу после нашего появления.

— Вот как?

— Да.

— Не спускай с него глаз.

— Я так и сделаю. Впрочем, постой. Мне кажется, что это он. С каким-то чужеземцем.

Мегид был шумным коротышкой — из тех, которых часто можно встретить в западных районах Хаммад-аль-Накира. Он и Эль Сенусси знали друг друга уже много лет. При разговоре его руки постоянно пребывали в движении, а левая щека все время подергивалась. Он просто источал счастье — видимо, от лицезрения своего короля.

— Мой повелитель король, — закудахтал он. — Позвольте представить вам графа Декеса Ронштадта, нашего соседа и благодетеля. Граф, перед вами его святейшее величество...

— Хватит, Мегид. Ронштадт? Мне доводилось слышать это имя.

Граф был крупным мужчиной с копной седых волос. Казалось, что он весь состоит из мышц. Гаруну почудилось даже, что внимательный взгляд серых глаз проникает в самые тайные глубины его души. На бледных губах Ронштадта промелькнула слабая улыбка, которая говорила о том, что графа забавляет растерянность, испытываемая Королем-без-Трона.

— Наверняка слышал, парень. У нас с тобой был общий друг. Мегелин Радетик.

— Ну конечно! Тот, с кем Радетик делил комнату в университете Ребсамена... Так, значит, вы тот самый, кто втягивал его во всяческие авантюры?

— Как втягивал, так и выручал. Он был страшно наивным мальчишкой... Но блестящим студентом. Настоящим гением. Он мог сделать все, что угодно, и без него я бы не выжил. Время от времени мы обменивались письмами, я был совершенно раздавлен, когда узнал, что произошло.

— Мир стал беднее после того, как он ушел. Я обеднел. Он стал бы моим визирем, моим военачальником.

— Это нечто новенькое. Мегелин — воитель. Впрочем, для него не существовало нерешаемых задач, если он пускал в дело свои мозги. Следуйте за мной. Гамаль хочет показать вам свой новый лагерь.

— Мегелин, не занимая формального поста, ухитрялся решать для отца как мирные, так и военные проблемы. Какой новый лагерь?

— Гамаль решил, что вас выведет из себя все это безобразие и вы его сразу прогоните. Поэтому он примчался ко мне с вопросом, не можем ли мы показать вам то, чем сейчас занимаемся.

— Хорошо, показывайте. Он был прав. Это место вызывает отвращение.

— В таком случае следуйте за мной. Мы ведем строительство в долине за гребнем хребта. Там изобилие воды, поверхность более ровная, и много хорошей глины для возведения зданий.

Гарун двинулся вслед за графом. Рядом с ним, держа руки на эфесах мечей, шагали Белул, Сенусси и другие приближенные.

— Какова ваша роль во всем этом? — спросил Гарун у Ронштадта.

— Здесь мои владения. Мои ленные земли. Они не освоены и мало заселены. Сейчас я оказываю услугу как своему старинному другу, так и самому себе. Несколько лет назад Мегелин в письме предложил это, и идея пришлась мне по душе.

Граф Ронштадт привел их на расчищенную в густом лесу поляну на дне широкой долины. Здесь же неторопливо проте-

кала небольшая река. На поляне стояло несколько дюжин еще недостроенных зданий.

— Сейчас наша основная забота — успеть к зиме. Ваши люди живут в основном охотой. Однако весной все будет готово к тому, чтобы они могли попытать счастья в земледелии.

Гарун осмотрел несколько недостроенных домов. Они были сложены из глиняных, обожженных на солнце кирпичей. Беженцы совершенно не использовали имеющуюся в изобилии древесину. Они просто распиливали древесные стволы и скатывали бревна в реку.

— Я весьма удовлетворен увиденным, друг моего друга, — сказал Гарун. — Кроме того, я заметил, что в работе участвуют и ваши люди. Это уже чересчур.

— Они выступают в роли учителей и скоро вернутся к своим обычным делам.

— Сколько человек вы сможете принять? — Беженцы нигде не пользовались особой любовью, и это несмотря на то что исход из пустыни еще не достиг своего пика.

— Сколько здесь человек, Гамаль? — спросил Ронштадт.

— Тысяч пять, хотя по официальной переписи их должно быть не менее восьми тысяч.

— Я раскрываю вам свои объятия, — сказал Ронштадт. — Мой лен — сплошная целина. Мои земли способны принять еще много тысяч поселенцев. Однако король начинает волноваться. Он не желает видеть меня чересчур сильным. Мы с ним слегка повздорили. Мне хотелось бы освоить всю долину. И это невозможно без дешевой рабочей силы, которой располагает Гамаль.

— Таковы условия вашего договора с Мегидом?

— И очень щедрые с моей стороны. Поскольку я человек не воинственный, феодальные поборы останутся крайне низкими.

— Понятно. А какие обязанности они будут выполнять для меня, их короля?

Оживление Ронштадта заметно спало.

— Но они же больше не живут в Хаммад-аль-Накире. Это Кендел.

Гарун почувствовал, как в нем закипает гнев.

Белул мягко взял его за локоть.

— Его доводы непоколебимы, повелитель. Нельзя получить все, ничего не отдавая взамен. А этот господин, как мне кажется, дает нам больше, чем готов взять сам.

— Я разрешу им вам помогать, когда это будет возможно, — сказал Ронштадт. — И если это будет не за мой счет.

Гарун продолжал злиться. Оказывается, быть Королем-без-Трона гораздо тяжелее и унизительнее, чем он это себе представлял. Слишком велика его зависимость от доброй воли людей, которые ему ничем не обязаны.

Для того чтобы здесь, на западе, его воспринимали серьезно, необходимо обзавестись политической валютой. Надо иметь нечто такое, что можно обменять на помощь с их стороны.

Прежде всего жизненно необходимо вернуть лояльность беженцев. Он не имеет права позволить им ассимилироваться или забыть о своих обидах. Они должны остаться политическим инструментом в руках претендента на Трон Павлина.

— Гамаль говорит, что вы хотите встретиться с герцогом Грейфеллзом, — заметил Ронштадт. — Вы позволите дать вам один совет?

— Какой?

— Не тратьте зря время.

— Почему?

— Он — не ваш человек. Он животное политическое, и при этом беспринципное. Командование он получил лишь потому, что королю Итаскии необходимо ублажать оппозицию. Вы не сможете сладить с его амбициями, а он на вас и медяка не поставит.

— Вы его знаете?

— Герцог — мой дальний родственник. По линии жены. Но есть человек, с которым вам следовало бы встретиться. Кстати, имейте в виду, что здесь, на севере, все друг другу родственники.

— С кем же нам следует встретиться, если герцог не годится? — спросил Белул. — Кто этот человек?

— Военный министр Итаскии. Он начальник герцога и одновременно его враг. Министр имеет прямой доступ к королю. Я мог бы снабдить вас рекомендательным письмом.

Следующим утром, когда они скакали на встречу с Грейфеллзом, Гарун спросил:

— Что ты думаешь о нашем благодетеле?

— Время покажет, — пожал плечами Белул.

— Весьма просвещенный человек, — высказал свое мнение Эль Сенусси. — Мегид хорошо о нем отзывается. И доверяет.

Остальные согласились с Белулом.

— После нашей встречи с Грейфеллзом мы будем знать его лучше.

Найти герцога было не сложно. За последние три дня его войско не продвинулось и на двадцать миль.

Ронштадт сказал правду. Герцог не пожелал иметь никаких дел с Гаруном. Бин Юсиф сумел добраться лишь до входа в герцогский шатер — здесь ему пришлось долго ждать, пока адъютант уговаривал шефа принять посетителя.

Радетик обучил его итаскийскому языку вполне достаточно для того, чтобы он смог понять лавину ругани, обрушившейся на адъютанта за то, что тот осмелился притащить «этого кривоногого бандита и конокрада».

Адъютант, вернувшись с багровой физиономией, рассыпался в извинениях.

— Скажи ему, что он пожалеет о своем высокомерии.

— Итак? — спросил Белул, когда Гарун присоединился к своим военачальникам.

— Граф был прав. Он отказался со мной говорить.

— В таком случае последуем совету Ронштадта. Итаския недалеко отсюда.

— Полагаю, что несколько дней ничего не значат.

Тремя днями позже они в сопровождении весьма нетерпеливого сержанта из местных уже ехали по Великому мосту.

— Какое великолепие, — заметил Сенусси. — Так было и в Ильказаре во время расцвета Империи.

Мало кому из них доводилось видеть в прошлом такой порт. Движение на реке их потрясло. Снабжение Хэлин-Деймиеля и

Дунно-Скуттари начинало все больше и больше зависеть от водных путей. Из сокровищниц осажденных городов в сундуки итаскийских торговцев рекой текли несметные богатства.

Сержант, объясняя дорогу на пальцах, наконец привел их в замок, расположенный в центре города. Войдя в здание и поднявшись на несколько этажей, они оказались в приемной, где какой-то убогий старикан едва не вырвал из рук Гаруна рекомендательное письмо. Затем старец, с трудом ковыляя, скрылся за украшенной тонкой резьбой дверью. Исчез он ненадолго.

— Его милость примет вас немедленно. Вот вас, — сказал он, указывая на Гаруна. — Остальные пусть подождут здесь.

— Быстрое решение, — сказал Гарун, направляясь к двери. Его спутники неуверенно переминались с ноги на ногу. На их пути встал старец.

Навстречу Гаруну с кресла поднялся невысокий тощий человек средних лет. Протягивая для пожатия руку, он сказал:

— Мне говорили, что вы молоды. Но столь юного человека я встретить не ожидал.

— Граф Ронштадт из Кендела посоветовал мне встретиться с вами.

— Не только молодого, но и весьма откровенного. Я люблю прямых людей, хотя вы, молодежь, иногда с прямотой перебарщиваете. Полагаю, что мой кузен несколько вас разочаровал?

— Герцог Грейфеллз? Он вел себя чрезвычайно неприятно.

— Это его обычный стиль. Герцога забыли обучить хорошим манерам. Я никогда не перестану удивляться тому, как ему удалось собрать вокруг себя столь много сторонников. Еще больше я был поражен тем, как он сумел переиграть меня и получить командование.

— Я слышал, что герцог — хороший солдат.

— Только тогда, когда это отвечает его целям. Я полагаю, что он хочет использовать эту возможность в качестве ступени к трону. Герцог не делает секрета из своей конечной цели.

— В чем он видит прелесть трона? — печально покачивая головой, произнес Гарун. — Для меня это всего лишь головная и сердечная боль.

— Проходите и присаживайтесь, — пожимая плечами, сказал министр. — Думаю, нам следует заключить соглашение.

Гарун сел и принялся внимательно изучать министра. А тот в свою очередь разглядывал молодого человека, положив подбородок на сцепленные пальцы.

Гарун видел перед собой человека, уверенного в себе не менее, чем Эль Мюрид. Человека жесткого и способного стать опасным противником.

Министр же смотрел на мальчика, которого судьба вынудила раньше времени стать мужчиной. Из-за груза постоянных забот юноша выглядел значительно старше своих лет. В его взгляде начал появляться цинизм, а губы были напряжены так, словно мальчишка только что откусил лимон. И все же в нем угадывались твердость и несгибаемость, граничащие с фанатизмом.

— Какое соглашение? — спросил Гарун.

— Во-первых, скажите мне, как вы видите конечные цели Эль Мюрида. Цель войны. Его религиозные мотивы меня не интересуют.

— Если вы имеете в виду возрождение Империи, то мне это представляется мечтой глупца. Вчерашний мир ушел в прошлое. На месте Империи возникли новые государства. Кроме того, с геополитической точки зрения Хаммад-аль-Накир совершенно не годится на роль великого объединителя. — Припомнив уроки Мегелина, он упомянул об отсутствии на своей родине как традиций централизованного государства, так и класса образованных и способных к управлению администраторов. В Ильказаре оба этих элемента присутствовали, в то время как подчиненные Империи народы только что отошли от племенного строя.

— Сколько вам лет?

— Девятнадцать.

— В таком случае у вас были выдающиеся учителя. Я знаю людей, сорок лет управляющих государством, но тем не менее не способных изложить все так четко. Но вы не сказали мне того, что я хотел услышать. Вы разделяете его мечту об Империи?

— Нет. Ученик и я сходимся лишь в том, что считаем необходимым восстановить достоинство и безопасность страны.

— Да. Вас обучили превосходно, — улыбнулся министр. — Полагаю, что подобная позиция для меня приемлема. Теперь позвольте мне открыть вам свою маленькую мечту. Я хочу, чтобы Итаския господствовала в западной части мира. Мы и сейчас — сильнейшие, но захват и покорение не являются моей целью. Я больше склоняюсь к моральному и экономическому господству. Все эти Малые Королевства слишком разнятся между собой, и объединить их невозможно.

Они беседовали на наречии Хэлин-Деймиеля. Этим иностранным языком Гарун владел лучше всего. Признание министра породило у него решимость улучшить свои познания и в итаскийском.

— Полагаю, что в этом случае было бы уместно использовать слово «гегемония».

— Возможно, вы правы, — снова улыбнулся министр. — Однако обратимся к делу. Мы могли бы принести друг другу пользу.

— Я знаю, что вы можете мне помочь. Именно поэтому я здесь. Но что способен сделать для вас я?

— Во-первых, вам следует усвоить то, что в Эль Мюриде я вижу главную угрозу своей мечте. Но, с другой стороны, он может сыграть и положительную роль. Если он потерпит поражение до того, как нанесет невосполнимый ущерб, моя мечта реализуется сама собой. Разорение Юга и осада Хэлин-Деймиеля уже превратили Итаскию в самую мощную моральную и военную силу. Экономическое господство не заставит себя ждать. А затем последует гегемония и в сфере культуры.

— Я могу обратить его движение вспять. Но для этого мне потребуются деньги, оружие и жилища для моих людей. Но самое главное — мне нужно оружие.

— Понятно. Однако слушайте дальше. У вас есть враги, которые моими врагами не являются. У меня тоже имеются недруги, которые вам безразличны. А что, если нам взять и обменяться противниками? Вы улавливаете мою мысль?

— Боюсь, что не совсем.

— Человека легче поразить кинжалом, если он не знает своего врага. Что вы на это скажете?

— Понимаю. Меняем убийство на убийство.

— Сказано резковато, но, по сути, правильно. Я даю вам деньги и оружие, если вы в свою очередь принимаете на себя три обязательства. Во-первых, продолжить войну с Эль Мюридом. Во-вторых, в случае вашей победы отказаться от его имперских замашек. И в-третьих, говоря грубо, поработать для меня тайно ножом или выполнить иную работу, от которой я в силу своего положения должен держаться подальше.

Классический интриган, подумал Гарун. Ему всего-навсего хочется получить свою подпольную армию.

— Имеются у вас виды на трон Итаскии?

— У меня? Избави Бог, нет. И с какой стати? Я чувствую себя в безопасности, да и гораздо счастливее, управляя из-за кулис марионетками. Но мне кажется, у вас есть некоторые сомнения.

— Уж очень привлекательно все это выглядит. Слишком хорошо для того, чтобы быть правдой.

— С вашей точки зрения, возможно. Но вы слабо знакомы с итаскийской политикой и совсем не знаете меня. Я вовсе не говорю, что завтра вам придется начать резать глотки. Мы строим долгосрочные планы. Можно сказать — на всю жизнь. Вечный союз. За одно лето наших проблем не решить. И даже за десять лет. Проблемы останутся даже тогда, когда нам покажется, что мы достигли своих целей. Вы меня понимаете? Учтите, что я тоже рискую головой. Итак, предлагаю вам секретное соглашение. Если кто-то о нем пронюхает, то мне, учтите, ничего не известно.

Гарун знал, что может потратить всю жизнь, гоняясь за недостижимым. Старый колдун в разрушенной башне открыл перед ним множество вариантов.

Он обратился к своей интуиции, прислушавшись к тому, что нашептывает ему Невидимая Корона.

— Итак, я готов рискнуть. Мы заключаем договор.

— Навеки? Я слышал, что ваш отец был человеком слова.

— Да. А я сын своего отца.

Министр поднялся и протянул руку. Гарун ее принял.

— Только рукопожатие скрепляет наше соглашение, — произнес государственный муж. — О договоре будем знать лишь вы да я.

— И я, вне сомнения, не могу ссылаться на него в том случае, если мне потребуется судебный иммунитет.

— К сожалению, нет. Таковы правила игры. Но пусть вас утешит то, что и я лишен подобной привилегии.

Гарун, по правде говоря, не видел угрозы министру, но от комментариев воздержался. Как правильно заметил государственный муж, он был слабо осведомлен о политике королевства Итаския. Кроме того, это было единственное соглашение, которое ему удалось заключить на Западе. Нищим воротить нос не пристало.

— Вам что-нибудь от меня сейчас надо? — спросил он.

— Ничего. Просто помогите остановить Эль Мюрида. Мне прежде всего необходимо пережить этот кризис.

Министр повернулся и подошел к огромной, занимающей половину стены карте западного мира. Он бросил на нее короткий взгляд и прочертил пальцем линию от Итаскии до Дунно-Скуттари.

— Отправляйтесь с частью своих людей из Южных ворот по Октилианской дороге. В Хемпстед Хит — это в двенадцати милях от города — вас встретят мои люди с грузом оружия. Пусть это станет жестом доброй воли с моей стороны. Что скажете?

— Снова скажу: слишком хорошо для того, чтобы быть правдой. Вы не можете представить, какие разочарования мне пришлось пережить.

— Прекрасно представляю, мой друг. Как вы полагаете, почему вам удалось столь быстро попасть ко мне? Вот уже восемь месяцев я слежу за развитием ситуации. Что же касается оружия, то это не самое лучшее из того, что мы имеем. Старое, нестандартное, трофейное вооружение. То, что мы обычно используем для помощи другим странам и чем вооружаем милицию. Я имею право распоряжаться этим оружием неподотчетно.

— В любом случае это лучше, чем наши голые руки. Разве не так? Я там буду.

Но он приехать за оружием не смог, и это дело пришлось поручить Эль Сенусси.

Из Дунно-Скуттари прибыл гонец. Сообщение о действиях Нассефа заинтересовали Гаруна гораздо меньше, чем случайно добытое гонцом свидетельство предательства герцога Грейфеллза.

Чуть ли не в десятый раз курьер терпеливо повторял свой рассказ:

— Повелитель, проезжая мимо лагеря итаскийской армии (я осмелился на это только потому, что хотел взглянуть на войско, призванное спасти Запад), я заметил, как из ворот выехала группа всадников. Чтобы не быть обнаруженным, мне пришлось укрыться в лесу. Они проскакали не более чем в десяти ярдах от меня, повелитель. Этими людьми командовал бандит Карим. В группе было несколько итаскийцев — людей явно очень важных. Они и Карим держались как старые, добрые друзья.

— Карим? Ты уверен?

— Я видел Карима несколько раз, повелитель. Я слышал, как он говорит. Это — он. Я чую какую-то измену.

— Так, значит, этот герцог... Он не захотел иметь дело с законным королем Хаммад-аль-Накира. Он не делится своими планами с союзниками. Он практически вышиб меня из своего лагеря... Неудивительно. В это время там находился Карим.

— Скорпион, — проворчал Белул. — Скорпион. Ядовитое насекомое. У него общее дело с бандитами.

— Именно. Подумай, Белул. Скорпион дохнет под сапогом человека, которому известно, куда ползет эта тварь. Не исключено, что судьба преподнесла нам небольшой подарок. Шадек, отправляйся на встречу с людьми, которые везут нам оружие. Белул, собери своих воинов. Скажи им, что мы напали на след бандита Карима и гонимся за ним по пятам. Те, кто под рукой, начнут погоню немедленно. Если нам удастся захватить его до того, как он воссоединится со своей армией... — Гарун замолчал на полуслове и зловеще рассмеялся.

Усмешка Белула была еще более угрожающей. Карима он ненавидел особенно яростно. Бандит был одним из палачей в Себил-эль-Селибе.

— Как прикажешь, повелитель.

Юный король оказался игрушкой в руках Судьбы. Карим дал ему возможность устроить веселую скачку на юг. Однако старый бандит понимал, что находится на враждебной территории, и времени зря не терял. Гарун сумел его догнать в тот момент, когда бандит пересекал реку, за которой начиналась Алтея. Королю-без-Трона не оставалось ничего иного, кроме как посылать вслед своему врагу проклятия. На южном берегу реки стояли шесть сотен всадников из войска Карима.

Чтобы напасть на горстку оставленных Каримом воинов, Гаруну пришлось ждать подхода Белула. Но теперь они уже отставали от бандита на сутки пути, и, кроме того, Карим еще более ускорил марш, так как узнал, что был на волосок от гибели.

Глава 10

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В АЛТЕЕ

Стрелы с шелестом пролетали над бортом корабля или с глухим звуком вонзались в дерево обшивки. Обстрел был всего лишь отвлекающим маневром, так как велся с дистанции, максимальной для коротких седельных луков.

— Похоже, что они будут гнаться за нами до самого устья, — ворчал Хаакен.

Еще до их ухода Нассеф сумел затянуть тугую петлю вокруг Дунно-Скуттари. Им пришлось отплывать под обстрелом, и с тех пор нападение возобновлялось каждый день. Урона обстрелы не наносили, но на боевой дух это преследование действовало угнетающе. Солдаты гильдии знали, что рано или поздно им придется вступить в битву, хотя бы для того, чтобы высадиться на берег.

Их корабль был маленькой речной галерой. Большая часть ее команды осталась в городе, и солдатам по очереди приходи-

лось садиться на весла. Даже убеленные сединами ветераны и унтер-офицеры не могли избежать этой участи.

Тяжкий труд выводил Драконоборца из себя.

— Если бы я мечтал о карьере каторжника, то давно бы вернулся в Троллединги ю, — ворчал он, когда подходил его черед.

— Скоро это закончится, — сказал Браги, — и ты начнешь донимать нас нытьем о том, как тяжко служить в пехоте. Капитан сказал, что нам предстоит тяжелый марш.

Хаакен и Рискерд пробормотали нечто невнятное.

— Вы развлеклись достаточно. В Симбаллавейне вы гонялись за юбками. В Хэлин-Деймиеле вы занимались тем же. В Дунно-Скуттари вы делали все, чтобы осчастливить тамошних девиц. А теперь, когда настало время отрабатывать жалованье, вы принялись ныть.

— Сдается мне, что пояс капрала ударил ему в голову, — ухмыльнулся Рискерд.

— Я тоже заметил, — согласился Хаакен.

— Перестаньте... Кстати, почему бы вам не начать собирать пожитки? Этой ночью мы сходим на берег.

В Дунно-Скуттари им пришлось задержаться на пять недель. Вначале не было транспортных средств, а затем нужно было дождаться подходящей фазы луны. Первые несколько часов на берегу могут оказаться критическими, и солдатам для ночного марша потребуется максимальное освещение.

Темнота, восход луны и час опасности наступили очень скоро.

— Прибыли, — объявил Браги, заметив устье впадающей в Скарлотти речки. — Еще пятнадцать минут.

Они высадились у какой-то деревни чуть выше притока, на противоположном берегу которого в поисках брода метались люди Эль Мюрида. Капитан Сангинет надеялся, что рота успеет скрыться в ночи еще до того, как всадники переберутся через реку.

Сельские жители Алтеи приветствовали их с тем же энтузиазмом, что и обитатели Симбаллавейна.

— Не распускай руки, Драконоборец! — рявкнул Браги, выстраивая отделение. — У нас на это дело нет времени.

Хаакен негромко фыркнул. В Дунно-Скуттари его брат заслужил репутацию самого ревностного охотника за «ласточкиными хвостами».

— В нем проснулась профессиональная зависть, — заметил Рискерд.

— «Ты слишком черный», сказала сковорода котлу, — добавил Хаакен.

— Кончайте, парни, — сказал Браги. — Сейчас нам не до смеха.

Он все сильнее и сильнее беспокоился. Его одолевали дурные предчувствия относительно исхода военной кампании в Алтее. Всем своим существом он ощущал приближение катастрофы. Все троллединги имели склонность придавать огромное значение всякого рода приметам и предчувствиям.

— Вы готовы? — спросил Сангинет.

— Так точно, капитан, — ответил Браги.

— Что это за шум? — поинтересовался Рискерд, как только Сангинет отошел. Он вытянул шею, чтобы лучше рассмотреть толпу местных жителей.

— Похоже, до них только что дошло, что мы не намерены здесь задерживаться для их защиты, — ответил Браги, закидывая за спину ранец. Знания языка не требовалось для того, чтобы услышать ярость в выкриках деревенских старейшин. — Берите ранцы.

Они зашагали прочь, сопровождаемые проклятиями мужчин и рыданиями женщин. От плача детишек у Браги разрывалось сердце.

Сангинет задал высокий темп. Лишь изредка он на несколько минут останавливал движение, чтобы посовещаться с проводниками, высланными им навстречу монархом Алтеи. Рота шла на юго-восток в направлении леса Бергвольд. Лес должен был служить их базой, и до него оставалось еще сто миль. Сангинет делал все возможное, чтобы проделать весь путь без помех.

Рассвет застал роту на марше. Деревни, фермы, дома помещиков, небольшие замки появляясь вдали, проплывали мимо и исчезали за горизонтом подобно неторопливым одиноким

кораблям. Всадники пустыни в этих краях, похоже, еще не появлялись, но тем не менее крестьяне исчезали со своих полей, едва завидев утомленных маршем солдат гильдии.

Время от времени Сангинет беседовал с владельцами помещичьих домов и замков. Однако все, что ему удавалось узнать, было похоже на досужие, лишенные фактической основы сплетни. Карим пока еще не обратил свое внимание на Алтею. Отдельные схватки произошли лишь где-то на границе с Тамерисом. Кронпринцу Рейтелю удалось отбить три небольших рейда.

Браги изумлялся царящему кругом покою. Ему казалось, что битва здесь должна кипеть не переставая. Во время путешествия по реке они только тем и занимались, что обсуждали действия Карима в Малых Королевствах. Из всех государств к югу от Скарлотти лишь Кавелин и прикрывающая его с юго-запада Алтея остались непокоренными. Браги ожидал, что ко времени их появления в этих краях ураган уже закончится.

Происходило нечто странное, и странность эту ощущал весь народ Алтеи. Военачальники Нассефа не принадлежали к числу людей, готовых пожертвовать той неукротимой инерцией, которую приобрело движение их войск.

Через двадцать восемь часов изнурительного марша рота оказалась вблизи северного края Бергвольда. Лес получил свое название от расположенных поблизости развалин замка Кольберг, игравшего огромную роль в ранней истории Алтеи. Аборигены считали его национальной святыней, но солдаты гильдии не увидели ничего, кроме остатков стен, залитых призрачным лунным светом.

Ни один из них ничего не знал о королевстве, которое им предстояло защищать. И лишь лейтенант Трубачик умел говорить по-алтейски.

Рагнарсон все время пытался осмыслить сложившуюся ситуацию. Как верно заметил Рискерд, пояс капрала ударил ему в голову и он стал гораздо серьезнее относиться к своим командирским обязанностям.

Кроме того, во время непрерывного марша можно было лишь размышлять.

Даже капитан остался без сил. В первую ночь после прибытия рота нарушила все уставы. Никто не пошевелил лопатой, чтобы начать копать траншею по периметру лагеря.

Но упадок сил продолжался только одну ночь. На следующий день Сангинет углубился в лес и приказал возводить базовый лагерь. Патрули вступили в контакт с разрозненными группами роялистов, использующих Бергвольд с той же целью, что и солдаты гильдии. Сангинет заключил с ним нечто вроде соглашения о взаимной помощи.

В течение нескольких недель вся их деятельность свелась к патрулированию прилегающих к лесу пахотных земель. Патрулирование велось довольно вяло. Воины пустыни захватывали все большую и большую территорию, и представители местной знати не ленились свернуть со своего пути и проехать несколько лишних миль лишь для того, чтобы держать его в курсе.

Такова была репутация гильдии.

— Мы можем гордиться, — сказал Браги брату. — Одна вшивая рота, и люди считают, что королевство спасено.

— А что, если мы не оправдаем их надежд? — проворчал Хаакен и тут же добавил: — Может быть, это и есть главная цель нашего здесь пребывания? Поднять дух народа. Не исключено, что Высокий Крэг знает, что делает.

— Возможно, — согласился Браги. Однако в его голосе звучал скептицизм, столь обычный для фронтового солдата, оценивающего возможности штабных интеллектуалов.

Он и его люди были в основном заняты тем, что удили рыбу и слонялись вокруг Кольберга. Более увлекательные занятия были просто недоступны.

Наконец до них дошел слух о том, что враг наступает. Принц Рейтель дал бой и потерпел поражение. Теперь он отступал на север и срочно нуждался в подкреплении.

— Опять в дорогу, — ворчал Хаакен, водружая на спину ранец. — Почему бы нам не остаться здесь и не подождать, пока они придут к нам сами?

— Послушайте голос Главного Стратега, — вмешался Рискерд. — Браги, устрой ему свидание с капитаном.

— Браги, если надо, то у меня найдется лишний носок, — ответил Хаакен.

Рагнарсон пропустил их пикировку мимо ушей. Она уже давно превратилась в своеобразный ритуал и любимое времяпрепровождение. В ней не было ни капли зла.

Им так и не довелось увидеть армию Рейтеля. Рота встретилась с врагом всего в двенадцати милях к югу от Кольберга.

— Уууу, — вдруг взвыл Рискерд утробным голосом прорицателя. — Я вижу, как на нас грядет большая беда.

Мимо колонны в панике скакали роялисты. Они галопировали со стороны перекрестка, который рота миновала несколько минут назад. До перекрестка было не более половины мили.

— Неужели тебя назначили на сегодня официальным пророком? — поинтересовался Хаакен.

— Командиры, ко мне! — выкрикнул Сангинет, после того как остановил одного из всадников и потолковал с ним. — Живо!

Капитан выложил все напрямик.

— Начинается. Толпа конников Эль Мюрида появилась на боковой дороге, которую мы оставили позади. Убежать от них мы не сможем. Они нас уже заметили. — Ткнув пальцем в сторону поросшего кустарником невысокого холма в форме сахарной головы в миле от них, Сангинет продолжил: — Мы поднимемся на холм и там окопаемся. Если среди вас есть верующие, то пусть они молятся своим богам, чтобы те спасли наши задницы. Мерзавцев примерно тысяча.

Капитан несколько преувеличил численность врага. Отряд насчитывал всего лишь пять сотен всадников. Но и этого было более чем достаточно.

Отделение Браги стояло в охранении, пока остальные солдаты окапывались.

— Те еще друзья, — ворчал Хаакен, наблюдая за тем, как последние всадники роялистов исчезают вдали. — С их помощью у нас могли бы появиться кое-какие шансы.

— У нас и сейчас отличные шансы, — сказал Браги. — Не забывай, что мы солдаты гильдии.

— Посмотрите на этих земляных червей, — бросил Рискерд, оглянувшись через плечо.

Лучшие в мире воины отчаянно работали лопатами, зарываясь в землю.

— Ничто так не стимулирует трудолюбие, как вражеский меч, — глубокомысленно заметил Рагнарсон.

Враги достигли подножия холма и остановились. Их командиры собрались на совет. Атаковать, судя по всему, им не очень хотелось.

— Посмотри, Хаакен! — воскликнул Браги. — Некоторые из этих ребят явно с Запада. Взгляни на их знамена, разве это не те цвета, что мы видели в Итаскии? Вскоре после того, как перешли горы.

— Похоже, ты прав, — вглядевшись внимательнее, согласился Хаакен. — Грейфеллз. Может быть, это всего лишь еще один отряд роялистов?

— Но почему в таком случае наши бежали?

Рядом с Рагнарсоном возник капитан Сангинет.

— Итаскийцы?

— Так точно, сэр. Это цвета Грейфеллза.

— Лейтенант Трубачик, спуститесь с белым флагом вниз. Выясните, что это за люди.

Спор на военном совете внизу продолжался до тех пор, пока к спорщикам не приблизился Трубачик.

Его первые слова, видимо, привели офицеров в ярость, и воин с седой косматой шевелюрой одним ударом зарубил лейтенанта.

По склону холма прокатился гневный рев.

— Мы совершили ошибку, — сказал Браги. — Но в чем, я не понимаю.

— Пусть это тебя не волнует, — ответил Сангинет. — Теперь наша главная забота — остаться в живых. Они идут в наступление.

Седоволосый командир ударами плети строил своих подчиненных для атаки.

— Всем за траншею! — распорядился Сангинет. — Первый ряд, подготовить пики и щиты. Лучники, цельтесь точнее, ког-

да они станут продираться сквозь кусты. Ребята, если мы справимся с первой атакой, то, может быть, отобьем охоту ее повторить.

Вражеский командир послал в бой большую часть своих воинов, оставив в резерве человек восемьдесят. Лошади с трудом продвигались по заросшему кустами крутому склону. Лучшие лучники гильдии начали их доставать уже на предельной дальности полета стрелы. Примерно пятьдесят всадников полегли, так и не достигнув траншеи, вырытой там, где заканчивалась самая крутая часть склона.

Первые всадники попытались перескочить через окоп, но их лошади утомились, взбираясь на холм, и лишь горстке воинов удалось преодолеть препятствие. Кони остальных свалились в ров. Люди и лошади беспомощно копошились внизу, мешая задним рядам перебираться через траншею. Длинные пики солдат гильдии усиливали панику, постоянно увеличивая число погибших. Часть наступавших попытались обойти свалку стороной, чтобы ударить с фланга, но там на них обрушился ливень дротиков, увеличивая потери врагов. Лишь немногим удалось прорваться к боевым порядкам гильдии.

Стрелы лучников продолжали поражать задние линии врага, еще не миновавшего заросли на крутом склоне.

Всадники стали спешиваться и строиться в линию, смыкая щиты.

Именно этой минуты и ждал Сангинет.

Браги отбросил окровавленную пику и выдернул из ножен меч. Враг продолжал атаковать, несмотря на то что весь склон был усеян трупами. Тела людей и лошадей заполняли траншею.

Первого из нападавших Браги отбросил щитом. Но на его место тут же встали трое других. Одного он зарубил, но общими усилиями враги вынудили его сделать шаг назад. Хаакену и Рискерду пришлось отступить на то же расстояние, чтобы все три щита оставались сомкнутыми. Некоторые всадники попытались ответить стрельбой из седельных луков, но их короткие стрелы не причиняли вреда, тем более что второй и третий ряды солдат гильдии успели соорудить из своих щитов черепаху.

Атака продолжалась всего несколько минут, однако Браги показалась, что прошла вечность, прежде чем воины Эль Мюрида начали проявлять неуверенность. Они потеряли по меньшей мере сотню людей и столько же лошадей.

Однако седой военачальник снова повел их в атаку.

Это была настоящая бойня. Каждый солдат гильдии сразил шесть, семь, восемь бойцов врага, однако седой продолжал гнать их вперед.

«Если этот идиот не прекратит атаку, он потеряет весь отряд, — подумал Браги. — Почему он так стремится нас уничтожить?»

В этот момент откуда-то с тыла раздался крик Сангинета.

Браги не посмел обернуться, однако он и без того знал, что происходит. Воины, не участвовавшие в атаке, обогнули холм и теперь ударили с тыла. Сангинет пытался их остановить.

Капитану это удалось, но лишь ценой превращения лучников в обычных пехотинцев.

Давление на главную линию удвоилось. В стене щитов начали возникать бреши, в которые врывались воины пустыни.

Браги, Хаакен и Рискерд скоро оказались отрезанными от других. Образовав треугольник, они довольно успешно отбивались от уставших людей на утомленных лошадях.

— Анди! Рауль! — закричал Рагнарсон. — Пробивайтесь к нам! Хаакен, когда я скажу, отступи назад. Рискерд, будь готов пустить их в нашу группу.

Отдавая эти распоряжения, он не прекращал работать мечом.

Боевой строй гильдии продолжал постепенно рассыпаться.

Рагнарсон ощущал странное спокойствие. Его совсем не пугало приближение смерти. Ему казалось, что разум его освободился от телесной оболочки, которая продолжала сражаться. Браги мысленно видел, что следует делать, и пытался реализовать эти мысли.

Ему удалось собрать вокруг себя отделение, потеряв при этом всего лишь двоих.

Спокойствие командира передалось и другим. Паника начала спадать. Солдаты в суровом молчании занимались работой, которой их учили. Они делали все, чтобы выжить в бою.

Браги сколотил из своих людей плотное каре и передвигал этот квадрат таким образом, чтобы втянуть в него как можно больше солдат роты. При этом он не переставал кричать:

— Убивайте лошадей! Когда они спешатся, мы с ними разделаемся!

Воин с седыми космами разделял мнение Браги. Слишком много его людей вынуждены биться пешими. Их сабли и маленькие круглые щиты не способны противостоять тяжелой пехоте противника. Военачальник видел, как небольшие по численности силы врага постепенно истребляют его отряд. Потери неизбежно возрастут, если разрозненным солдатам гильдии удастся построиться в одно большое каре.

Находясь выше по склону, он начал собирать вокруг себя всадников, чтобы обрушиться с новой атакой на врага и разметать его построение. После этого разрозненные пехотинцы, по его мнению, должны стать легкой добычей конников.

Браги воспользовался передышкой и отвел свою фалангу, вобрав в нее как можно больше солдат, к скальному выступу, который должен был служить опорной точкой сопротивления.

— Отнесите раненых ближе к скале, — приказал он. — Хаакен, видишь вон тех людей? Возьми пару человек и попробуй привести их сюда. А ты, который с луком, прикрой их.

Он обошел вокруг скалы с таким видом, словно командовал ротой, приказывая на ходу собирать оружие и не забывая поглядывать в сторону всадников, собирающихся выше по склону.

До начала атаки ему удалось собрать сорок здоровых солдат и примерно дюжину раненых. Несмотря на постоянные нападения небольших групп противника, остатки роты сумели объединиться и занять позиции у траншеи, но теперь уже ниже по склону.

— Они двинулись, — сказал Драконоборец.

— Хорошо. Рискерд, возьми на себя левый фланг, а ты, Хаакен, — правый. Я остаюсь здесь. Ребята! Не позволяйте им себя запугать. У них кишка тонка прорваться через нас только для того, чтобы наткнуться на скалу.

Командир врагов достиг поставленной цели, не остановившись перед огромными потерями. Строй роты оказался

разметанным, и на поле битвы закипели водовороты отдельных схваток.

Шансы роты на выживание представлялись мизерными.

Всадники кружили вокруг возглавляемой Браги группы, пытаясь напасть на нее с флангов.

— Бейте лошадей! — не переставая кричал он. — Эй, кто-нибудь с луком, попробуйте достать этого сукиного сына с седой шевелюрой!

На последний призыв никто не откликнулся, и ему самому пришлось схватить валявшийся лук, чтобы пустить пару стрел. Удача от него отвернулась. Он промазал.

Но уже через минуту, когда военачальник, с проклятиями гнавший своих людей в атаку, оказался поблизости, Браги метнул в его коня дротик. Конь осел на задние ноги, перебросив всадника через круп.

— Хаакен, хватай мерзавца!

Невзирая на град ударов мечей и копыт, Хаакен скользнул к упавшему, схватил его за волосы и вытянул из схватки. Через несколько секунд он швырнул оглушенного военачальника к ногам Браги.

Солдаты гильдии разразились приветственными криками.

Захватив командира, Рагнарсон желаемого результата не добился. Враги не прекратили битву. Правда, большая часть их на некоторое время отошла, чтобы обсудить положение. Это позволило Рагнарсону вновь привести в порядок остатки роты.

— Эти ребята не хотят повернуться к нам хвостом из-за того, что ты поймал их предводителя, — сказал Рискерд.

— Попытаться стоило. Хотя, может быть, я и совершил ошибку. Теперь они попытаются придумать, как избавиться от нас, не неся потерь.

Браги бросил взгляд вниз на седоголового. Пленник немного пришел в себя. Его губы шевелились, но из них не вылетало ни слова.

— Посмотрите, он молится.

— А ты на его месте не молился бы? Я сам давно бы уже возносил молитвы, если бы знал, какому богу можно доверять.

— А я думал, что ты поставил на Серого Странника, который спас твою задницу после того, как корабль затонул.

— Как бы не так! Посмотри, во что он меня втравил.

— Браги, — позвал Хаакен. — Подойди сюда.

Рагнарсон подошел к брату.

— Что случилось?

— Посмотри туда. Еще одна банда, — ответил Хаакен, указав направление.

Всадники были едва различимы. Они скакали не по дороге, где пыль давно бы их выдала.

Они шли двумя колоннами, видимо, намереваясь окружить холм.

— Проклятие! Мы не сидели бы сейчас в дерьме, если бы те вонючие трусы роялисты нам помогли. Они не позволили бы напасть на нас с тыла.

— Они снова двинулись! — завопил Драконоборец.

Браги вздохнул и заставил утомленные мускулы еще раз поднять щит и меч. Это конец. А он даже не знает, за что умирает, если, конечно, не считать законов Братства и чести гильдии.

Что ж, Рагнар любил повторять, что надо превратить свою смерть в запоминающееся событие. И если даже не останется друзей, которые смогут тебя вспомнить, то не стоит лишать врагов возможности рассказывать своим внукам у очага долгими зимними ночами о твоей последней битве.

Начало атаки оказалась страшным. Роте Сангинета наступал конец. Но наступление стало ослабевать, едва успев начаться. Еще не успев призвать истреблять лошадей, Браги почувствовал, что враг заколебался. Через несколько минут атака захлебнулась, и враги начали показывать спины.

— Что за дьявольщина? — спросил Браги, ни к кому не обращаясь. — Хаакен, они бегут. Бегут, будь я проклят. Что случилось?

— Эти ребята там, внизу, наверное, на нашей стороне, — высказал предположение Рискерд.

Солдаты гильдии в изнеможении повалились на свои щиты. Они не стали ждать подтверждения слов Драконоборца. Одна-

ко Браги из последних сил вскарабкался на вершину скального выступа.

— Эй, Рискерд, первый раз за всю свою жалкую жизнь ты оказался прав. Только посмотри, как эти негодяи скачут!

Стук копыт и ужасающий боевой клич роялистов раздавались по обе стороны холма.

— Ну и какого же бога ты выбрал на сей раз, Рискерд? — ядовито поинтересовался Браги. — Теперь мы задолжали ему целую отару овец. Боги! Думаю, что ни одному из них не удастся сбежать. — Он прилег на свой щит и сладко потянулся. — Ох, до чего же хорошо!

Хаакен завалился рядом и, схватив брата за плечо, возопил:

— Мы справились! Не могу поверить. Справились!

Его била крупная дрожь, и он ничего не мог с ней поделать.

— Откинься на спину и смотри в небо, — посоветовал ему Браги. — Ты только взгляни на эти облака. Разве это не самое красивое из всего, что нам когда-либо доводилось видеть?

— Да, да! — ответил Хаакен, последовав совету брата.

Рагнарсон дал возможность всем еще несколько минут наслаждаться подаренной жизнью. Затем, заставив себя подняться на ноги, он сказал:

— Те из вас, кто не ранен, приступайте к сбору обломков. Многие из братьев ранены и до сих пор разбросаны по этому аду. Постарайтесь всех отыскать и принести сюда. Я же попробую найти капитана и узнать, что он от нас хочет. Хаакен, подбери пару ребят с крепкими желудками и добей их раненых.

Капитана Рагнарсон нашел уже через несколько минут. Он еще стоял на коленях перед его изувеченным телом, когда до него долетел крик Рискерда:

— Эй! Браги! Топай сюда!

Рагнарсон поднялся и увидел, что Драконоборец стоит перед группой конных роялистов. Подняв щит и меч, Браги потащился к ним.

— Сангинет погиб, — сказал он по-троллединги, — так же как Томас и Клаус. Кто теперь возьмет на себя командование? — Он поднял глаза на всадников. — Вот это да! Будь я проклят!

— За один раз я с тобой рассчитался, Браги, — ухмыльнулся Гарун.

— Неужели этот парень тот самый Гарун, которого мы встречали в Аль-Асваде? — прошептал Рискерд.

— Вообще-то мы и сами справились бы, — ухмыльнулся в свою очередь Браги.

— Что ты здесь делаешь?

— Нас направили в Алтею, чтобы придать немного боевого духа аборигенам.

— Неужели вы все это сотворили? — спросил другой роялист, оглядывая устланное телами поле битвы.

— Они не хотели оставить нас в покое, — ответил Браги. — Вообще-то мы давно бы с ними покончили, если бы ваши люди не струхнули.

— Прости, не понимаю, — сказал Гарун.

Браги рассказал, как отряд роялистов предоставил роту ее собственной судьбе. Лицо Короля-без-Трона потемнело.

— Мы повстречали некоторых из них, — сказал он. — И приняли за гонцов. Я найду их командира, покажу этот холм, а затем велю повесить.

— Браги, ты хочешь, чтобы я прирезал и старикана? — закричал Хаакен.

— Нет. Отдай его этим людям. Он может оказаться для них полезным.

Хаакен вытащил пленника из-за скалы, где тот прятался.

— Уууу! — одновременно взвыли несколько всадников.

— Карим! — воскликнул Гарун. — Вот это да! — Он захохотал, и его сторонники последовали примеру вождя, толкая при этом друг друга, словно расшалившиеся дети.

— В чем дело? — спросил Браги.

— Ты захватил Карима. Великого Карима, второго человека после самого Нассефа. Как возрадуются люди, когда узнают об этом. А узурпатор и его присные истекут слезами. Представляю, в какую ярость впадет Бич Божий! Ты, мой друг, подарил нам нашу первую великую победу. Мой дух воспарил от счастья! Штормовой вал покатился в другую сторону. Судьба

наконец повернулась к нам лицом. Но что случилось с теми предателями, которых ты видел вместе с ним?

— Не знаю. Но очень хотел бы узнать, чтобы разделаться с ними. Побоище произошло из-за них. Карим не хотел нападать, а они настояли на атаке.

— Ты их хорошо рассмотрел?

— Да. Вначале мы решили, что это твои люди. Но затем Карим убил лейтенанта Трубачика.

— Эти люди не хотели оставлять в живых свидетелей их предательства. Они скакали на встречу с Нассефом, и мы преследовали их более недели.

— Получай своего Карима, если хочешь. Прости, но мне надо идти. Много наших братьев ранены.

— Белул, — сказал Гарун, глядя со зловещей ухмылкой на Карима, — надеюсь, ты заготовил для него что-нибудь особенное?

— Ты знаешь, повелитель, что заготовил. За все муки тех многих сотен, которые умерли в Себил-эль-Селибе...

Карим метнулся к Хаакену, вырвал из его рук меч и бросился на клинок грудью, прежде чем кто-либо успел его остановить.

— Мужественный поступок для бывшего бандита, — заметил Гарун.

Поскольку ни один из выживших унтер-офицеров не пожелал принять командование, роту вновь пришлось собирать Рагнарсону. В живых после битвы остались сто двенадцать солдат гильдии, а пятьдесят три из них каким-то чудом даже не получили ни царапины.

— Мы долго будем их оплакивать, — сказал Браги Хаакену. — Среди них были великие люди.

Он и юный король стояли у длинного ряда выкопанных с помощью роялистов могил.

Гарун кивнул. Он понимал, что значит терять старых товарищей.

Глава 11

ДАРЫ ПОБЕДЫ

Эль Мюрид и его отряд вышли из Сахеля у Казр Хелала. Они путешествовали под видом торговцев солью, ищущих новые источники сбыта своего товара. Война грозила полностью уничтожить этот вид торговли, и цены на соль возносились все выше и выше, по мере того как сокращался ее приток в пустыню.

Именно в Казр Хелале Эль Мюрид услышал от не узнавшего его командира гарнизона, что соль можно приобрести у Мустафы эль Кадера, дяди одного из генералов Нассефа. Старший Эль Кадер распоряжался запасами соли на захваченных солеварнях Хэлин-Деймиеля.

Эль Мюрид и раньше слышал о Мустафе эль Кадере. Он получил печальную известность своими аферами по приобретению и продаже вина для религиозных ритуалов. Как можно доверить подобному человеку контроль над поставками соли?

— Перестань ныть! — рявкнул офицер, когда Эль Мюрид попытался протестовать.

— Но иметь дело с содержателями публичных домов и ворами... платить немыслимые цены...

— Тебе нужна соль или нет? Если нужна, то покупай у того, о ком тебе говорят. Если же тебе это не по нраву, убирайся домой.

Эль Мюрид повернулся лицом к Хали, игравшему роль его бухгалтера.

— Что скажешь, Мауфакк?

— Будем делать, что делать надлежит, — ответил Хали, сдерживая свои эмоции. — Нам придется поднять цены, и боюсь, что людям это не понравится. Интересно, капитан, что мог бы подумать Ученик, узнав о ваших спекуляциях.

— Его не будет мучить то, о чем он не узнает. Можешь жаловаться, если хочешь. Но ты рискуешь быть вышвырнутым в пустыню. Всем этим делом заправляет его шурин. Ученик не пойдет против своей родни, разве нет?

Таков был образ мышления в пустыне. Семья там считалась реальной ценностью, в то время как истина, справедливость и даже законы Бога были всего лишь абстракцией.

— Кто может проникнуть в сердце Ученика? — заметил Хали. — Уж во всяком случае, не бандит, вырядившийся офицером Воинства Света.

— Да ты, выходит, истинный правоверный? Убирайтесь отсюда! Я зря потратил на вас время. Такие, как вы, — не больше чем заноза в заднице. Вам это известно?

Отойдя на некоторое расстояние, чтобы капитан не мог услышать, Эль Мюрид пробормотал:

— Нассеф опять принялся за старое, Мауфакк. Если не одно, так другое. Он все больше тревожит меня.

— Что-то необходимо предпринять, повелитель.

— Конечно. Но как это могло случиться? Почему никто не жаловался?

— Может быть, кто-нибудь и жаловался, но жалобе не дали хода. Не исключено, что никто не решился на жалобы. Наши наиболее надежные люди сражаются в самых горячих точках. Нассеф, следуя твоему приказу, принял командование Непобедимыми и теперь использует свою власть, чтобы держать их подальше, там, где они не могут стать свидетелями его грязных делишек.

— Теперь слушай меня, Мауфакк. Я говорю именем Творца. Выбери сто человек с безупречной репутацией. Людей неподкупных и бесстрашных. Сними с них их белые одеяния, и пусть они вернутся к своим прежним занятиям. Я желаю, чтобы они путешествовали по Королевству Покоя. Как по Хаммад-аль-Накиру, так и по новым землям. Цель этих людей — срывать маски со зла, подобному тому, что мы повстречали сегодня. Они не должны делать различий между жалобами правоверных и неверных, детей пустыни и чужеземцев, могущественных и слабых. Все будут равны перед их судом. Я вооружу их посланиями, облекающими их абсолютной властью по тем вопросам, по которым они будут вершить суд. Я приму их сторону даже в том случае, если мне придется выступить против своей семьи. Я поддержу их, даже не соглашаясь в глубине

души с их приговором. Ограблению моего народа должен быть положен конец!

— А кто станет контролировать контролеров? — пробормотал себе под нос Хали.

— Я, Мауфакк, стану самым справедливым и самым ужасным судией. И еще. Когда мы будем уходить, прихвати с собой этого варвара-капитана. Мы просветим его, очистим от грехов и отпустим, чтобы он распространял весть о том, что Эль Мюрид пребывает среди Избранных как один из них, для того чтобы с корнем вырвать все ростки угнетения.

— Как долго, повелитель, ты еще намерен терпеть выходки Бича Божьего? — спросил Хали, возвращаясь к столь близкой его сердцу теме.

— Ровно столько, сколько будет продолжаться война. Начиная с того дня, когда мы начнем перековывать мечи на плуги, военачальники мне больше не понадобятся.

Именно в Казр Хелале Эсмат сообщил ему, что еще один посланный в Ипопотам курьер не вернулся. Итак, пропали уже три посыльных — два обычных и один чрезвычайный, направленный после того, как исчез первый.

— Твои самые страшные предположения оправдываются, Эсмат. Мы потеряли подряд трех человек, и, таким образом, случайности исключаются. Возьми шесть воинов из числа моих телохранителей. Пошли их. Следом пошли еще одного, чтобы проследить, что происходит с первой группой. Сделай это немедленно и прикажи им скакать как можно быстрее. Сколько дней мы еще можем продержаться?

— Дней сорок, повелитель. Если удача поскачет в нашем седле.

Эль Мюрид хотел было выговорить Эсмату за языческую присказку, но передумал. Это означало привлечь Творца к поощрению его тайного порока.

Из Казр Хелала Эль Мюрид двинулся на северо-запад в сторону Дунно-Скуттари, где Нассеф обещал устроить грандиозный спектакль.

Ученик и его спутники частенько останавливались, чтобы полюбоваться, как им казалось, необыкновенным зрелищем.

Эль Мюрид рассматривал сооружения, возведенные во времена Империи как бы в назидание потомкам. В его горящих глазах вставали картины империи будущего, и Хали приходилось напоминать Эль Мюриду, что они путешествуют инкогнито. Со времени Дишархуна он молился очень редко, и теперь словам было тесно в его душе.

Даже маленькие города и поселки казались ему прекрасными, несмотря на то что Нассеф прошел по ним хищным зверем. Но когда взору Ученика открылся Дунно-Скуттари, у него захватило дух. Он и представить себе не мог, что может существовать такое, созданное людскими руками великолепие.

— О, папа! — воскликнула Ясмид. — Это так прекрасно! Такой большой и... прекрасный!

— Твой дядя сказал, что намерен преподнести мне город в подарок. Но я не знаю, что с ним делать. Так ты думаешь, что он красивый? Хорошо. Я подарю его тебе. Если, конечно, Нассеф сумеет его взять.

— Он сумеет, папа. Я знаю.

— А как же я? — заныл Сиди.

— Есть и другие города. Какой из них ты хочешь? Хэлин-Деймиель?

— Я не хочу другого города. Я желаю...

— Пусть он получит этот, папа. Дунно-Скуттари действительно красив, но я предпочла бы Хэлин-Деймиель. Там все так захватывающе интересно...

— Он сказал, Ясмид, что Хэлин-Деймиель достанется мне.

— Похоже, Сиди, что тебе достанется удар плеткой. Веди себя, как следует вести в твоем возрасте. Тебе уже не четыре года.

— Почему получается так, что все делается, так как хочется ей? — загундосил Сиди. — Когда мы окажемся на океане? Я желаю видеть океан!

Отец взмахнул рукой, и сын принялся растирать пострадавшую щеку.

— Временами, Сиди, ты вызываешь у меня отвращение, — произнес Эль Мюрид, искоса поглядывая на Мауфакка Хали, который делал вид, что внимательно изучает поверхность реки

Скарлотти. — Иногда у меня даже возникает желание отдать тебя на воспитание в одно из беднейших племен Сахеля, чтобы ты научился ценить, что имеешь, и перестал скулить из-за того, чего у тебя нет.

Эль Мюрид замолчал. Мальчишка его просто не слушал.

— Мауфакк, пошли кого-нибудь на поиски Бича Божьего. Я хочу, чтобы он предстал передо мной.

Нассеф вскоре явился, чтобы лично приветствовать их. Он так бурно радовался встрече, что стал похож на мальчишку. Он расточал улыбки направо и налево, яростно шлепая вновь прибывших по плечам и по спинам.

Эль Мюрид мгновенно заметил на лице шурина следы, оставленные одиночеством. Точно такие же он видел и у себя, когда смотрел в зеркало.

— Я очень рад, что вы пришли, — восторженно твердил Бич Божий. — Пропустить такое зрелище было бы большим грехом.

Эль Мюрид обратил внимание на то, как ласково Нассеф относится к племяннице. Он с ней шутил, поддразнивал или пускался в шутливый, невинный флирт. К Ученику вернулись его былые сомнения. Неужели у Нассефа имеются планы на девочку? Ясмид вот-вот должна достигнуть брачного возраста. Женитьба на ней явилась бы огромным достижением для того честолюбивого Нассефа, который иногда высовывал голову из теней, окружающих разнообразных, известных Эль Мюриду Нассефов.

Многие осудят женитьбу на племяннице. Но прецеденты такого рода имелись. Многие из императоров Ильказара сочетались браком даже со своими сестрами.

Несколько месяцев тому назад Хали принес Эль Мюриду древо наследования, обнаруженное в покоях Мегелина Радетика в Аль-Асваде — крепости, оставленной валигом незадолго до захвата Аль-Ремиша. Изучив древо, Эль Мюрид пришел в изумление, и к нему вернулись химеры, которые преследовали его всю жизнь. Или, вернее, все то время, когда он был связан с Нассефом.

Если Радетик все рассчитал верно, у Нассефа имелись веские причины добиваться брачного союза с Ясмид. Согласно древу наследования, между Нассефом и троном стоял лишь Гарун бин Юсиф. Женитьба могла бы объединить Корону и Ученицу. Светскую власть и духовную.

По пути в Дунно-Скуттари Эль Мюрид навестил отца своей жены. Старик, лишивший когда-то детей наследства, находился на смертном одре. Эль Мюрид представил старому вождю внуков, и те тут же завоевали сердце старца. Он снял свое проклятие, после чего последовали слезы прощения и примирения.

— Нассеф.

— Слушаю, повелитель.

— По пути я заезжал в Аль-Акуила.

В глазах Нассефа появилось тоскливое выражение. Это была тоска по дому.

— Да, я его видел. А эта парочка сумела похитить его сердце. Он сказал, что они — точная копия, твоя и Мириам, когда вы были в их возрасте. Он простил нас всех и хотел, чтобы я сказал об этом тебе.

На долю секунды в глазах Нассефа сверкнули слезинки.

— Значит, я могу вернуться домой? Могу его снова увидеть?

— Нет. Как ты знаешь, судьба никогда не бывает милостивой до конца. Когда мы прибыли, он находился на смертном одре. Мы оставались рядом до тех пор, пока за ним не явилась Черная Дама. Он отошел легко и с миром.

— А как мать?

— Она сумела пережить его уход, но думаю, что ненадолго.

— Я навещу ее, как только мы разместимся по зимним квартирам. Что он говорил обо мне?

— Молись за него, Нассеф. Он так и не принял нашей веры. Умер неверующим. Но он гордился сыном и дочерью и не умолкая говорил о ваших достижениях. Сказал, что всегда верил в то, что ты далеко шагнешь.

Печальное лицо Нассефа слегка посветлело.

Хали Мауфакк следил за их беседой холодным взглядом хищника. Для человека, который, по мнению его повелителя,

ненавидит политику, Мауфакк прекрасно умел разыграть свои карты.

Нассеф не стал тратить времени и сразу же приступил к спектаклю, ради которого Ученик прибыл в Дунно-Скуттари. Уже на следующий день он переправил Эль Мюрида с детьми на другую сторону реки и провел их в возведенный на вершине холма шатер.

— По правде говоря, многого вы не увидите. Но то, что открыто взору, лучше всего наблюдать с этого места. Утром.

— А что это будет, Нассеф? — спросила Ясмид.

— Сюрприз, голубка. Встань пораньше, и ты все увидишь.

— Ну, пожалуйста, Нассеф... — жалобно взмолилась она, инстинктивно прибегая к тем маленькие уловкам, которые использует женщина, чтобы подчинить мужчину своей воле.

— Нет. Я ничего не скажу. Даже тебе. Подождешь, как и все остальные. — Он махнул рукой в сторону реки, в направлении восточной оконечности острова, на котором возвышалась крепость. — Они там будут весьма удивлены.

Мольбы Ясмид так ни к чему и не привели. Нассеф не мудрствуя лукаво заявил, что это событие должно стать его величайшим триумфом и он не желает, чтобы кто-то испортил его игру. Игра будет идти по установленным им правилам, без обиняков закончил он.

Перед Эль Мюридом предстал новый Нассеф. На сей раз в образе легкомысленного ловеласа, добивающегося внимания невинной девицы. Повеса уже получил несколько отказов, но продолжает упорно стоять на своем. Распутник не скрывает своих намерений. Он хочет воспользоваться милостью девицы и тут же оставить ее, но ради этой в общем-то заурядной победы он готов пожертвовать всем своим состоянием.

Итак, пред ним открылось еще одно лицо незнакомца, которого он знал с младых ногтей. Казалось, что число личин этого человека бесконечно.

Ночью Эль Мюрид, стоя у входа в шатер, восхищался могуществом Воинства Света. На обоих берегах реки виднелись огни бесчисленных костров. Казалось, что звезды скатились с

неба и рассыпались причудливыми созвездиями на равнине и по склонам холмов.

— Так много... — пробормотал он. — И всех их привели сюда мои мечты.

Нассеф сказал, что ему удалось привлечь на свою сторону около двадцати тысяч коренных обитателей западных стран. Это означает, что Слово или часть его находит отклик во многих сердцах и на Западе. Новая Империя в муках появляется на свет из материнского чрева.

Ясмид начала тормошить отца еще до рассвета.

— Папа, папа, — верещала она. — Посмотри, что сделал дядя Нассеф. Ты не поверишь своим глазам!

До обычного часа его подъема оставалось еще очень много времени. Он любил работать допоздна, а утром предпочитал как следует выспаться. Отец сопротивлялся до тех пор, пока ему не стало ясно, что решимость дочери существенно превосходит его упорство. Признав свое поражение, он с ворчанием поднялся, оделся и последовал за Ясмид к выходу из шатра.

— Хорошо, детка. Показывай скорее это чудо, и я пойду досыпать.

— Неужели ты не видишь, папа? Это же прямо перед тобой. Взгляни на реку.

Он опустил глаза, ожидая увидеть поверхность реки.

Но реки на месте не оказалось.

Там, где прежде катился могучий поток, осталась лишь цепочка небольших озер, соединенных мутными ручьями, шириной не более дюжины ярдов. В лучах восходящего солнца открывалось бесконечное, покрытое толстым слоем грязи пустое пространство. Пока Ученик изумлялся, со стороны бывшей реки подул ветерок, и в ноздри пророка ударил страшный смрад.

— Каким образом?

В этот момент он увидел, что к шатру идет Нассеф. Было заметно, как устал Бич Божий, но шагал он, как ни странно, мальчишеской, пританцовывающей походкой. По его физиономии расплылась широченная улыбка.

— Ну, что на это скажешь? — еще издалека закричал он.

Ловелас добился от девицы того, чего хотел, подумал Эль Мюрид. И теперь желает покрасоваться, полюбоваться собой публично, похвастаться...

— Что ты сделал? — ухмыльнувшись своим мыслям, спросил Ученик. — Как тебе удалось за ночь осушить реку?

— За ночь это невозможно. Но главная трудность не в этом. Самое сложное было заставить сотню тысяч людей копать новое русло. Мы приступили к работе сразу, как пришли сюда. А идею я почерпнул из «Чародеев Ильказара». Помнишь то место, где поэт рассказывает о том, как Вартлоккур вызывает землетрясение и обрушивает стены в Эос, затапливая, таким образом, часть города? Меня всегда удивляло, почему горожане не догадались возвести плотину выше по реке. В таком случае они смогли бы регулировать поток при помощи шлюза. И тут мне пришла в голову мысль, а почему бы нам не направить Скарлотти по другому руслу?

Нассеф болтал без умолку. Эта хитроумная выдумка явно значила для него гораздо больше, чем простое добавление еще одного бриллианта к короне его побед. Он вложил в затею всего себя, подобно ребенку, строящему честолюбивые планы в надежде получить родительское одобрение.

Эль Мюрид вспомнил, как Нассеф однажды пожаловался ему, что в детстве испытывал трудности при общении со сверстниками. И только сейчас Ученик понял, что его шурин, одерживая блестящие победы и захватывая все новые и новые земли, прежде всего стремится заявить о себе миру.

Неужели это так? Неужели все так просто? «Посмотрите на меня! Я здесь! Я существую». А может быть, здесь присутствуют иные, не столь примитивные чувства?

Дело наверняка обстоит гораздо сложнее. В Нассефе не может быть ничего примитивного.

— Часть моих людей уже в городе, — сказал Нассеф. — Они спустились по реке ночью на лодках и подождали, пока уровень воды не упадет ниже нижнего края заградительной решетки. Таким образом, за стенами уже созданы наши плацдармы. Часть войска гатит грязь, прокладывая новые пути. К этому времени, я полагаю, это уже сделано. Воинство Света всту-

пает в Дунно-Скуттари. Полагаю, что уже к вечеру враги капитулируют.

Оказалось, что Нассеф проявил чрезмерный оптимизм. Защитники города, ведомые командирами гильдии и вдохновленные примером ее упорных солдат, бились девять дней, оставляя очаги сопротивления только под напором превосходящих сил. Уже на пятый день штурма Нассеф впал в неистовство. Каменная и земляная дамба, перегораживающая Скарлотти, уже начинала рушиться, а ему еще предстояло захватить один из укрепленных каменных мостов, связывающих внутренний и внешний острова с берегами.

Он загнал своих пленников до полусмерти, заставляя их непрерывно работать, чтобы удержать плотину от прорыва.

На седьмой день штурма Непобедимые захватили проклятый мост, и это решило судьбу Дунно-Скуттари.

На восьмой день из Малых Королевств прискакал курьер.

Вскоре перед Эль Мюридом предстал бледный как смерть, дрожащий всем телом Нассеф.

— Мика... Мой повелитель, Ученик, они убили Карима. Этот щенок бин Юсиф и какие-то солдаты гильдии. Они достали его в Алтее. Карим... Он был для меня как отец. Я поручил ему жизненно важное дело, и он уже возвращался. Карим наверняка успешно завершил свою миссию. Если это так, то мы получили бы прекрасную возможность победно закончить войну еще до прихода зимы.

Эль Мюрид, слушая Нассефа, все больше мрачнел. Бич Божий, казалось, был погружен в собственные мысли, часть которых бессвязно высказывал вслух. Ему еще ни разу не приходилось видеть своего шурина таким растерянным и нерешительным. Создавалось впечатление, что пребывающий в отчаянии Бич Божий просто не знает, что предпринять. В своих планах возможность смерти Карима он не учел. На сей раз ему изменила его способность предвидеть все варианты развития событий. Судьба обнаружила его слабое место. Нассеф никогда не принимал в расчет того, что все люди, включая его самого, смертны.

— Люди, Нассеф, во время войн гибнут. И не все из погибших рядовые воины, которых мы не знаем и которых оплакивают лишь в далекой глиняной хижине. Уход Мириам многому должен был тебя научить.

— Уроки прошлого здесь ни при чем. Всего лишь одна грязная выходка Судьбы, и вся наша кампания летит в Преисподнюю. Карим был единственным человеком, до конца знавшим мои планы. Как я теперь узнаю, насколько он сумел их реализовать? Какого рода договор заключил? Я должен отправиться туда. Я единственный, кто способен продолжить дело. Я тот человек, который может прикончить этого сына шлюхи бин Юсифа. Вместо меня здесь остается Эль Кадер. Он завершит начатое.

Нассеф убежал, прежде чем Эль Мюрид успел что-либо сказать и задать вопросы. Час спустя Мауфакк доложил, что Нассеф ускакал на восток во главе большого отряда Непобедимых.

Эль Кадер без труда завершил дело, начатое Нассефом. Дунно-Скуттари пал на следующий день.

Еще через день рухнула возведенная Нассефом плотина. Поток сильно повредил дамбу напротив внешнего острова. Обыватели глухо шептались о дурных предзнаменованиях.

«В последнее время все слишком много говорили о Судьбе и о приметах, — размышлял Эль Мюрид. — И я повинен в этом более других. Настало время для покаянной молитвы и проповеди. Мы начинаем терять свои устои».

Он готовил проповедь, когда появился Эсмат, чтобы передать ему доклад направленного в Ипотам наблюдателя.

— Неужели все? Все шестеро убиты? — не верил своим ушам Эль Мюрид. — Как это могло случиться? Ведь мы отобрали лучших бойцов.

— Тем не менее это случилось, повелитель. Наш человек, к сожалению, не видел, кто их убил и как. Местные жители не захотели ничего рассказать. Наблюдатель поспешил вернуться, опасаясь разделить участь остальных.

— Хорошо. Уже слишком поздно посылать очередного курьера. Как выглядят наши запасы? Они должны находиться в

приличном состоянии. Дела в последнее время шли хорошо, и я редко обращался к твоей помощи.

— Совершенно верно, повелитель. Запасов должно хватить на шестнадцать дней или немного дольше, если мы станем экономить.

— О... Это гораздо хуже, чем я предполагал. На самом деле — мы на пределе. — Его нервы начинали сдавать. — Найди мне Эль Кадера.

Между ним и Эль Кадером вспыхнул яростный спор. Ошеломленный решением Ученика, военачальник переспросил:

— Оставить линию фронта, повелитель? В тот момент, когда на нас движется вражеская армия? Но почему? Какой в этом смысл?

— Так повелел мне Творец, — чувствуя себя полным идиотом, ответил Эль Мюрид.

— Что? — не скрывая сарказма, произнес Эль Кадер. — Если это так, повелитель, то наш Творец за одну ночь ополоумел. А полоумных слушать я не привык. Повелитель, хочу напомнить, что с Ипопотамом у нас договор. Как мы можем привлечь на свою сторону врагов, если не держим слова, данное друзьям.

— Это необходимо сделать, — стоял на своем Эль Мюрид. Но на сей раз в его словах отсутствовала та пламенная убежденность, которая всегда звучала в его речах. Эль Кадер ощетинился еще сильнее. Он не сомневался в том, что требование пророка не имеет никакого отношения к воле Творца.

— Генерал, я требую, чтобы Ипопотам был включен в мои владения!

— Ах, вот в чем дело, — задумчиво протянул Эль Кадер. — В ваши владения. Теперь я, кажется, начинаю понимать и предлагаю вам решить проблему дипломатическим путем. Итаскийцы выступили в поход. С такой армией, как у них, нам еще встречаться не приходилось. Для сражения с ними мне потребуются все люди до последнего. Будущее Королевства Покоя решается здесь, на Скарлотти, а не в Ипопотаме.

— У нас нет времени... Значит, ты отказываешься мне повиноваться?

— Прошу прощения, повелитель, но я не могу иначе. Моя совесть не позволяет мне погубить все Воинство Света ради удовлетворения порока одного человека.

— Посмотри на себя, Эль Кадер! — взорвался Эль Мюрид. — Я мог бы аплодировать твоим словам, если бы не знал, что ты вор и грабитель. Насколько я понимаю, твоя совесть не протестует против того, что твои родичи обкрадывают своих соплеменников?

Лицо воина напряглось. Проигнорировав замечание пророка, он продолжил:

— Повелитель, если итаскийцы нанесут нам поражение...

— Приказываю тебе выступить против Ипопотама! — Каждая секунда промедления все больше и больше повергала его в ужас.

— Отказываюсь, повелитель. Несмотря на все мое к вам почтение. Однако если вы прикажете Бичу Божьему дать мне иные распоряжения...

— На это нет времени!

Эль Мюрид обвел бешеным взглядом стены роскошно украшенного зала, где еще несколько дней назад король Дунно-Скуттари давал аудиенции. Затем, повернувшись на каблуках, он заковылял к массивным деревянным дверям, выкрикивая на ходу:

— Мауфакк! Мауфакк!

Эль Кадер окаменел. Ни для кого не было секретом то, что Эль Мюрид вступал в контакт с культом Хариша через Хали.

Хали вошел в зал. Его лицо походило на каменную маску, а взгляд был холоден словно лед.

— Может быть, ты изменишь свое мнение, генерал? — спросил Эль Мюрид.

— Я готов отдать вам всех рекрутов с Запада и выделить десять тысяч своих людей. Ни одного человека больше! Сам я туда не отправлюсь. Мне необходимо держать оборону здесь, на Скарлотти.

Эль Мюрид стиснул зубы. А этот Эль Кадер оказался упрямцем. Даже угроза кинжала Хариша не заставила его отка-

заться от своего долга. Ученик понимал, что генерал на дальнейшие уступки не пойдет.

Очень полезный человек. Нельзя допустить, чтобы он погиб из-за вспышки гнева.

— Мауфакк, назначаю тебя командующим вновь созданной армии. Мы оккупируем Ипопотам.

Брови Хали едва заметно дрогнули.

— Как прикажешь, повелитель. Когда выступаем? — Эль Мюрид отвел взгляд. Эль Кадер смотрел Мауфакку прямо в глаза, и тот пожал плечами, как бы желая сказать: «Что я могу сделать?»

— Немедленно, Мауфакк. И я отправлюсь вместе с вами. — В нем без всякой видимой причины нарастала паника. Ему казалось, что вселенная превратилась в крошечную комнату, стены которой вот-вот должны рухнуть. — Это все. Убирайтесь отсюда! Оба! Отдайте нужные распоряжения. У нас нет времени.

Через два дня после ухода Эль Мюрида на юг до Дунно-Скуттари добрались два еле державшихся на ногах итаскийца, переживших истребление банды Карима в Алтее. Ужас и отчаяние этих людей только возросли после того, как они не смогли найти никого, кто знал о переговорах между Грейфеллзом и Нассефом. Эль Кадер приказал бросить их в темницу.

Военачальник продолжал готовиться к встрече с армией северян, не зная того, что их командир и командующий вступили в тайный сговор.

Оставленные отцом Сиди и Ясмид постоянными сварами сводили с ума своих нянек из числа Непобедимых. Когда Эль Мюрида не было рядом, его дети всегда ссорились.

Сиди, несмотря на молодость, понимал, что навсегда лишен наследства, и был одержим всепоглощающей, холодной ненавистью к сестре.

Глава 12

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ

Гибель Карима не остановила вторжение в Алтею. Воинство Света продолжало движение, но движение это стало хаотичным, разрозненным, лишенным единого замысла. Отряды детей пустыни метались по стране лишь для того, чтобы грабить, жечь, насиловать и убивать. Военачальники пребывали в полном неведении о конечной цели своих действий.

— Я обессилел, Белул, — сказал Гарун. — Их просто слишком много. — Он лежал на спине на поросшем травой склоне холма и смотрел в грозящее пролиться дождем небо. — Все наши атаки с целью остановить то один отряд, то другой... в разных местах...

Белул сидел рядом с ним, скрестив ноги.

— Они постепенно перемалывают наши силы, повелитель. — Он сорвал травинку и стал растирать ее между пальцами, выжимая сок. — Нам долго не протянуть.

— Но мы должны... Если они добьются здесь победы, покончат с Алтеей и Кавелином и при этом заключат предательский договор с герцогом Грейфеллзом... Что останется? Все будет кончено.

— Сомневаюсь, повелитель. Гильдия продолжит борьбу. Что же касается заговорщиков, то их замыслы скоро станут известны. Разве можно поверить, что Ученик остановится, лишь наполовину реализовав свои замыслы? Ведь он мечтает восстановить Империю в границах Ильказара.

— Я в отчаянии, Белул. Мне кажется, его нельзя остановить. Он вершит невозможное.

— Война не завершена, повелитель, пока не закончилась последняя битва.

— Ты начинаешь говорить, как Радетик.

— Мудрость приходит с возрастом, — пожал плечами Белул. — А Радетик одновременно был стар и мудр. Для чужеземца, конечно. Давай лучше припомним наши победы, вместо

того чтобы толковать о поражениях. Карим убит. С его смертью заговор герцога обречен на провал.

— Кто это там?

— Где?

— К нам кто-то приближается.

— Похоже, что это Шадек.

Эль Сенусси, задыхаясь, поднялся на холм.

— Новости из Дунно-Скуттари, повелитель.

— Наконец-то. Но ты выглядишь мрачным, Шадек. Неужели все так скверно?

— Хуже быть не может, повелитель. Никакое выражение лица не способно передать, насколько все плохо.

— Рассказывай, — приказал Гарун, бросив на Белула взгляд, означавший: «А что я тебе говорил?»

— Бич Божий сдержал свое слово. Он взял город.

Гарун резким движением принял сидячее положение.

— Что? Не шути, Шадек. Такое невозможно.

— Тем не менее это случилось, повелитель.

— Но каким образом? Где он раздобыл моряков и суда? Как он преодолел внутренние стены?

— Бич Божий видит то, что недоступно взору простых смертных, повелитель, и делает то, что не приходит в голову другим. Он и Ученик вступили в Дунно-Скуттари, повелитель.

— Неужели город капитулировал без боя? Ты не заставишь меня в это поверить, Шадек.

— Нет. Защитники Дунно-Скуттари бились отважно. Но Бич Божий изменил течение реки и прорвался под решеткой, перекрывающей фарватер. Ты спросишь о мосте, который он начал строить с северного берега? Отвечу. Специалисты говорят, что это была безнадежная затея. Таким образом, Нассеф с самого начала использовал строительство как отвлекающий маневр.

— Ну что теперь скажешь на это, Белул? — негромко спросил Гарун. — Ты понимаешь, какой удар нанесен всем землям к северу от реки? Они сдадутся без боя. Теперь его ничто не сможет остановить.

— Последняя битва еще не проиграна и не выиграна, повелитель.

— Да, да, знаю, Мегелин-младший. Но это — всего лишь вопрос времени. Шадек... у тебя по-прежнему все тот же мрачный вид. Похоже, что ты еще не все нам поведал.

— Ты прав, повелитель. Есть еще кое-что. Бич Божий решил сам занять место Карима. Возможно, что он уже здесь.

— Я ждал этого. Он воспринял поражение как личное оскорбление. Что еще?

— Эль Мюрид поставил своего любимчика Мауфакка во главе новой армии и приказал ему двигаться на Ипопотам.

— Ах, вот, значит, как! — ухмыльнулся Гарун. — Белул, ты слышал? Толстяк и его друг справились с поручением. Эль Мюрид в отчаянии. Этот шаг подорвет доверие ко всей дипломатии. Если бы северная армия нанесла удар в то время, когда он ушел, а Нассеф оказался здесь...

— Сомневаюсь, что уход Ученика что-нибудь изменит, — сказал Эль Сенусси. — Командование принял Эль Кадер. А он не идиот и в самом худшем случае сумеет продержаться до тех пор, пока его не выручит Бич Божий.

— Ты делаешь все, чтобы погасить последнюю искру надежды, Шадек, — мрачно заявил Гарун.

— Прости, повелитель, но я излагаю положение так, как его вижу.

— Знаю. Итак, Бич Божий переместился на нашу сторону игровой доски. Что мы можем сделать для того, чтобы отравить ему пребывание?

Как ни печально, но Гаруну пришлось признать, что сделать можно крайне мало. Войско его не имело ни силы, ни упорства. Хищная грызня противоборствующих партий подрывала волю Алтеи к сопротивлению. Единственной силой в этих краях оставалась армия Рейтеля. Но и его люди были на грани истощения.

— А чем занят отряд гильдии? — поинтересовался Эль Сенусси.

— Зализывает раны, полученные под Бергвольдом, — ответил Белул. — Я был у них позавчера. Этот мальчик пытается

восстановить силу отряда, рекрутируя отставших от своих частей солдат Алтеи. Сейчас у него примерно двести человек. Может быть, триста.

— В таком случае помощи от них немного.

— Они полезны как ядро сопротивления. Битва на холме только укрепила их репутацию.

— Мы можем кончить тем, что все как один спрячемся в Бергвольде, — мрачно заключил Гарун. — Шадек, найди Нассефа и не спускай с него глаз.

Но Нассеф еще раньше успел найти принца Рейтеля. Это случилось всего в пятнадцати милях от Кольберга. Армия Алтеи была разгромлена. Сам принц едва успел унести ноги. Однако две трети его воинов этого сделать не сумели. После этого Бич Божий принялся за Гаруна и начал постепенно окружать роялистов.

Казалось, что Алтея в последний раз вдыхает воздух свободы. Лишь Бергвольд да несколько укрепленных городков еще не попали в руки Нассефа.

Толстяк проснулся словно от толчка. Каждый его нерв вопил об опасности. Окаменев от ужаса, он позволил себе открыть глаза.

Костер почти потух и светился тусклым багровым пятном. Толстяк вгляделся в темноту. Никого.

Так в чем же дело?

Ночь была исполнена пугающего покоя. Он повернулся ровно настолько, чтобы увидеть прикрытую одеялом тушу Гуча.

По открытому глазу гиганта ползала муха. Ее крылья поблескивали в отсвете костра, и казалось, что сам зрачок движется странно и противоестественно.

Насмешник вскочил на ноги и склонился над приятелем.

— Гуч! Эй, Гуч! Проснись! — Его пальцы коснулись холодеющей руки великана. — Эй, Гуч! Кончай! Лично я есть напуганный твоими игры.

Он понимал, что это не игра. Муха открыла истину.

Во время последней схватки Гуч получил ужасные ранения. Тогда они убили шестерых Непобедимых. Уложили пол-

дюжины умелых и беспощадных бойцов. Шестерку лучших в мире воинов. Это была почти невыполнимая задача.

Чудо, что гигант так долго сумел продержаться.

— О горе! Гуч! Умолять, не оставляй лично меня одиночественным.

За последнее время они подружились, и Насмешник, хотя и ожидал самого страшного, не мог с этим страшным смириться, когда оно произошло.

— Я — проклятущий, — бормотал он. — Носительщик смерти. Должен быть стертый с лица земли.

Некоторое время он сидел рядом с телом друга, проклиная себя, скорбя и размышляя о том, что делать дальше. Затем он поднялся и принялся собирать камни. Сложенная им пирамида выглядела довольно жалко, но она тем не менее говорила, что Насмешник отдал дань уважения своему приятелю.

Складывая камни, он бормотал:

— Лично я не иметь достаточно мудрость, чтобы продолжать одиночественно выполнять задача. Супостаты захватить указанного. Супостаты есть умственные созданий и послать большой отряд. Лично я долженственный стать на другой курс, дабы мне чинить религиозный болван разные неприятственности.

Насмешник бродил вокруг бивака до самого рассвета. Затем, погрузив пожитки на осла, он двинулся на север, в те земли, где он мог более эффективно вести свою личную войну. Лишь по счастливой случайности он не столкнулся с двигающейся на юг армией Эль Мюрида.

Герцог Грейфеллз неторопливо двигался со своей армией на юг, ожидая подтверждения своего договора с Каримом. Когда он услыхал о смерти военачальника, его охватила ярость. Затем до него дошла весть о том, что сам Нассеф занял место своего подчиненного.

Алтея была отдаленным театром военных действий, и там его никто не мог заметить.

Тайно, в сопровождении лишь самых верных ему людей, герцог отправился на юг, чтобы получить подтверждение предательского договора. Договора, который подарит ему корону Итаскии и приведет к разделу западного мира.

Заместитель командующего и одновременно его смертельный враг, позволив герцогу отъехать подальше, бросил северную армию ускоренным маршем на Дунно-Скуттари.

Итаскийцы встретились с Эль Кадером и его Воинством Света неподалеку от города Перчиан в двадцати милях к северу от Скарлотти. В день встречи произошло всего несколько стычек, ни один из военачальников не пожелал ввязываться в битву. Схватка на следующий день была более жестокой, но безрезультатной. Каждая из сторон заявила о своей победе.

Ночью Эль Кадер отвел свою армию, однако итаскийцы не стали его преследовать. Вместо этого они двинулись на восток, вверх по реке, чтобы форсировать ее в наименее защищенном месте.

Эль Кадер вновь перешел через реку и повел свое войско параллельно итаскийцам.

— Мы попали в скверное положение, — сказал Белул, развертывая карту окрестностей Бергвольда. — Он взял нас в тиски. Его люди — здесь, здесь, здесь... — Белул показал все восемь точек, где располагались отряды Нассефа. Каждый из отрядов по численности равнялся всему воинству Гаруна. Роялисты были практически окружены. Открытой оставалась лишь одна сторона, обращенная к Бергвольду.

— Не могли бы мы прорваться?

— Можно рискнуть. Но шансов на успех очень мало.

Король-без-Трона со вздохом обозрел окрестности. Врагов в поле зрения не оказалось, но он знал, что двери его клетки находятся на прочном запоре. Гарун посмотрел на свои трясущиеся руки. Похоже, у него начинают сдавать нервы. Ему совершенно необходимо передохнуть.

— В каком отряде он сам?

— Вот здесь. К югу от Бергвольда.

— Хорошо. В этом месте мы и попробуем прорваться.

— Повелитель! Атаковать самого Нассефа?!

— Да. Просто нам придется злее сражаться. И надеяться. И еще, Белул...

— Слушаю, повелитель.

— Скажи людям, что мы спасемся только в том случае, если Бич Божий умрет. Он должен стать главной целью нашей атаки.

— Как прикажешь, повелитель.

Гарун печально следил за тем, как его крошечная армия готовится к возможно последней битве. Но почему, собственно, он так волнуется? Ведь каждая угроза, которой ему удавалось ранее избежать, приводила к новой, еще более страшной опасности.

— Вперед! — крикнул он, вскакивая в седло.

— Мы можем это сделать! — кричал он час спустя.

Захваченный врасплох отряд, ядром которого служила горстка Непобедимых, не сразу смог наладить организованную оборону. Гарун летал среди растерянных врагов на своем скакуне, исторгая воинственный клич роялистов. Его воины, почувствовав запах победы, бросались на противника с такой яростью, которой он от них не ожидал. Некоторых из них от Бича Божьего отделяло всего несколько ярдов.

Когда они встретились взглядами, молния ярости разорвала пространство. Ненависть, словно чудовищной силы магнит, влекла их друг к другу. Но судьба не даровала им встречи. Вихрь битвы разметал их в разные стороны.

Очень скоро Гарун простонал, обращаясь к Белулу:

— Они слишком быстро приходят в себя.

Ход сражения начал меняться не в пользу роялистов. Появился разведчик и сообщил, что к месту сражения приближается еще один военный отряд.

— И тем не менее, повелитель, Бич Божий еще не избавился от прямой угрозы. Посмотри, Непобедимые сгрудились вокруг него, чтобы обеспечить защиту.

— Не надо утешений, Белул. У меня есть глаза.

Схватка постепенно смещалась в сторону Кольберга. Жертвенная отвага роялистов оказалась растраченной впустую. Непобедимые смогли вдохнуть боевой дух в своих менее опытных соратников, и воины пустыни начали окружать отряд Гаруна.

— Может быть, мы сможем отсидеться в развалинах? — неуверенно высказал предположение Эль Сенусси, когда Король-без-Трона поинтересовался его мнением.

— Возможно. Где эта проклятая гильдия? Ты направил к ним гонца?

— Это сделал Белул, повелитель. Я не знаю, где они. Может быть, они хотят нам отплатить за бегство того отряда?

— Только не Рагнарсон... Взгляни! Вот и они.

Со стороны Кольберга по направлению к ним совершала марш-бросок рота пехотинцев.

— Ты прав, повелитель. Как раз вовремя.

— Они платят по долгам.

Бросок Рагнарсона открыл роялистам путь к отходу.

— Почему ты вышел из боя? — спросил Гарун у Браги, когда тот повел его в сторону Кольберга. — Мы могли покончить с самим Нассефом!

— Проклятие! Но откуда, к дьяволу, я мог это знать?! Ты просил меня находиться рядом и выручать тебя лишь в том случае, если ты нахлебаешься выше ушей. Я и так едва успел тебя вытащить. Хаакен приведи этих алтейских шутов в порядок! Послушай, королевское величество. Я только что в очередной раз выручил твою задницу, а ты уже хочешь, чтобы я повернул назад и снова ввязался в драку. Мне почему-то хочется видеть тебя живым. Это не единственная их банда. Неподалеку находятся и другие отряды. И один из них, кстати, всего в четырех милях к северу от нас.

— Повелитель, — возмутился Белул, — по-моему, этого болтливого типа следует поучить хорошим манерам!

— Посмотри-ка ты лучше назад, Белул, — сказал Гарун.

Сам он оглядываться боялся. Остатки его войска по численности не превышали роту, которой командовал юный капрал гильдии. Большая часть воинов либо погибла, либо рассеялась по окрестностям. На то, чтобы собрать всех тех, кто выжил, уйдет несколько дней.

— Эй, Браги! — закричал один из солдат гильдии. — Пожалуй, нам стоит уйти в лес. Они готовятся напасть на нас.

Гарун оглянулся и увидел, что второй отряд прибыл на место.

— Этот парень прав, — сказал он. — Нам надо бежать.

Они успели вовремя скрыться в чаще Бергвольда, а всадники Нассефа не проявили никакого желания последовать за ними.

— Они однажды пытались сделать это, но мы преподали им хороший урок. В лесу им придется спешиться, а всадники этого терпеть не могут. Веди своих людей дальше. Я вас прикрою.

— Браги, все же они хотят попытаться.

Гарун прислушался к проклятиям, которые доносились со стороны продирающихся сквозь заросли людей Нассефа.

— Ты прав, — со смехом заметил он. — Это им крайне не нравится.

— Чуть позже это им понравится еще меньше. Хаакен! Рискерд! Мы устроим засаду в том глубоком овраге.

Схватка закончилась, едва начавшись. Воины Нассефа поспешно отошли на опушку леса.

Однако на следующее утро они вернулись, и на этот раз с вполне серьезными намерениями. Бич Божий двинул в наступление всех своих людей.

— Их слишком много, — сказал Рагнарсон Гаруну. — Они прочешут весь Бергвольд. Мы не сможем играть с ними в прятки.

Гарун согласно кивнул, изучив карту Бергвольда, которой располагал Рагнарсон.

— Хорошая карта, — сказал он, подумав, что Мегелину она бы понравилась. — Ты умеешь читать?

— Очень немного. Достаточно лишь для того, чтобы разбираться в картах. Общая грамота входит в курс основной подготовки, но война разразилась раньше, чем мы научились как следует читать и писать. А карту начертили капитан Сангинет и лейтенант Трубачик. Они же и научили всех унтеров в ней разбираться.

— Друг мой, мы попали в классическую ситуацию, из которой нет выхода. Что бы мы ни делали, это неминуемо катастрофа. Мы не можем убежать и то же время не смеем дать бой.

— Между молотом и наковальней, как говорят у меня дома.

— Ты Нассефу нужен не меньше, чем я. Он любил Карима. Что, по-твоему, нам теперь следует делать?

— Это тебя готовили к тому, чтобы командовать, — пожал плечами Браги. — Сейчас, по-моему, самое время приступать. Я взял на себя командование потому, что никто на это не со-

гласился. Я решил, что только таким путем смогу получить пользу от добровольцев, которые бегут к нам со всех сторон.

— И много таких?

— Очень. Твой приятель Нассеф поставил на уши всю страну. Многие из этих людей просто не знают, куда еще можно податься.

Когда вернулся Хаакен, под кроны деревьев утонувшего в тумане леса уже начал пробиваться первый свет утра.

— Они выступают, Браги, — объявил он брату. — Двумя линиями. Если произойдет столкновение, у нас не будет никаких шансов.

— Не могли бы мы прорваться?

— Думаю, что именно этого он от нас и ждет. Как только мы попытаемся сделать это, нас тут же возьмут в кольцо.

— А если мы бежим, то они станут поджидать нас на другой стороне леса.

— Я тоже так решил.

— Тем не менее попытаться стоит. Как только мы определим их месторасположение, я нападу на них со всеми своими всадниками. Когда они начнут меня преследовать, ты совершишь марш-бросок в Альперин. До него всего лишь двенадцать миль. Там крепкие стены и неплохой гарнизон. Я сделаю широкий круг и примкну к тебе.

— Не нравится мне твой план, — сказал Браги. — Какой от него толк, если мы все равно останемся в окружении?

— Но мы окажемся под защитой стен, и там будут люди, которые смогут нам помочь.

— Бич Божий никогда не боялся стен, — пробормотал Браги. Но, поскольку своего плана у него не было, ему пришлось согласиться с предложением Гаруна. — Ну ладно. Ты знаешь, вообще-то я думал, что мне повезло. Я рассчитывал проявить себя, прежде чем Высокий Крэг подыщет замену Сангинету. Думал, что поймал свой шанс.

— Посмотри, что теряю я, — усмехнулся Гарун. — Целое королевство. И такое огромное. Его дальняя граница на расстоянии броска камня.

— Да... Хаакен! Рискерд! Пошли!

Гарун еще больше начал уважать солдат гильдии. Переход через лес занял день, ночь и большую часть следующего дня. Воины гильдии не только очень редко останавливались на привал, но и помогали двигаться слабейшим из своих союзников. А ведь многие члены Братства были ранены или тащили на себе тяжелый груз. Гарун спросил Рагнарсона, но молодой человек ничего не смог объяснить. Пожав плечами, он ответил, что в Братстве так принято.

Однако Гарун видел, что солдаты гильдии устали не меньше, чем все остальные. Просто их воля была крепче.

А ведь это всего лишь дети гильдии, думал он. Ему стало понятно, почему генералы Хоквинд и Лаудер с их отборными воинами-ветеранами внушают всем такой страх.

Когда они добрались до противоположной опушки леса, солнце уже склонилось к горизонту.

— У нас больше шансов прорваться с наступлением темноты, — сказал Гарун, посмотрев на запад.

— Ты прав, — согласился Рагнарсон. — Но мы можем воспользоваться передышкой, чтобы хорошенько осмотреться. Пошли своих людей. Мои для разведки не годятся. Те, кого я посылал, ничего не заметили. А это слишком хорошо для того, чтобы быть правдой.

— Ты прав. Белул! — позвал Гарун. — У меня для тебя есть дело.

Когда Белул вернулся, солнце уже село.

— Повелитель, — сказал он. — Враг здесь. Сам Бич Божий с Непобедимыми. Они прячутся в лощине рядом с дорогой на Альперин. Им пока не известно, что мы здесь. И я сумел подслушать, что они измотаны скачкой вокруг Бергвольда.

Гарун перевел Рагнарсону слова Белула, добавив:

— Выждем еще час. После этого я попытаюсь вытянуть их за собой на юг.

— Подождем два часа, и нам станет светить луна.

Два часа миновали как один миг. Луна выползла из-за горизонта, и Гарун тотчас вскочил в седло, и под копытами его лошади помчалась назад земля Алтеи. Ему постоянно приходилось пришпоривать лошадь — та отказывалась скакать при

лунном свете. Слева от него один из воинов вылетел из седла. Его скакун споткнулся.

Нассеф был не готов к нападению. Он не ожидал увидеть роялистов, мчавшихся на него под прикрытием ливня стрел. Непобедимые некоторое время не могли прийти в себя, и этих минут оказалось достаточно, чтобы всадники Короля-без-Трона промчались мимо отряда врага и скрылись в ночи.

Затем Непобедимые бросились в погоню.

Оглядываясь назад на северо-запад, Гарун ничего не видел, но до него долетал стук копыт и яростный боевой клич преследователей.

Непобедимые, подобно их врагам — солдатам гильдии, отличались упорством, и Гарун был не в силах уйти от погони. Его успех зависел лишь от того, насколько долго он может удерживаться впереди. Конники Гаруна постепенно начали поворачивать к северу, по направлению к Альперину.

— Почему мы это делаем, повелитель? — спросил Эль Сенусси. — Почему мы просто не убегаем? Ведь города — это всего лишь большие ловушки.

Гарун некоторое время молчал, не в силах подобрать нужные слова.

— Существует слово «долг», Шадек. Ответственность. Не знаю, как тебе объяснить. Ты полагаешь, что в основе всех поступков должны лежать логика и здравый смысл. Радетик, наверное, тебя бы похвалил. Но я поступаю под влиянием эмоций. Может быть, меня ведет рука судьбы. Не знаю. Но я чувствую, что Браги Рагнарсон должен сыграть жизненно важную роль в моем будущем. В нашем будущем.

— Ты — король, повелитель. Тебе виднее.

Гарун рассмеялся.

— Мне нравится твой энтузиазм, Шадек. Ты подобен оазису после шестидневного странствия по пустыне. Ты защищаешь меня от песчаных бурь будущего.

— Благодарю тебя, повелитель, — фыркнул Эль Сенусси.

— Здесь что-то не так, повелитель, — сказал через несколько минут Белул. — Они гонятся за нами не так рьяно, как можно было бы ожидать.

— Я это заметил. Видимо, мы делаем именно то, что они от нас ждут.

— А что я тебе говорил, повелитель? — заметил Эль Сенусси.

Наступил рассвет, отряд Гаруна был уже рядом с Альперином. И тут Король-без-Трона понял, почему враги держались столь спокойно. У городских ворот кипела ожесточенная схватка.

— Будь он проклят! Бич Божий снова меня перехитрил. Он позволил солдатам гильдии добраться до Альперина и бросился на них, когда ворота открылись.

— Жаль, что в наших рядах не сыскалось подобного хитреца, — заметил Эль Сенусси.

— Терпение, Шадек. Он продолжает меня учить.

— Не сомневаюсь, повелитель. Но что нам делать теперь?

— Что делают наши друзья сзади? Похоже, что не очень торопятся. Не могли бы мы взобраться вон на тот холм и хорошенько оглядеться? Может быть, у нас появится шанс выскочить?

Он говорил весело, как будто положение, в котором оказался его отряд, его не очень волновало. Между тем Гарун был уверен, что наступил последний день его жизни.

Непобедимые позволили им подняться на холм, не вступая в схватку. Бич Божий, видимо, решил отложить удовольствие, чтобы вначале разделаться с отрядом гильдии.

— Нескольким храбрым парням, похоже, приходит конец, — негромко заметил Белул.

Гарун взглянул в сторону городских ворот. Через распахнутые сворки в город текла река фанатиков в белых балахонах.

— Да. Мне очень жаль, — сказал он.

— Ну и хитроумный же мерзавец этот самый Нассеф, — сказал Хаакен брату, когда защищающие ворота алтейцы прекратили сопротивление. До этого они дрались отважно, несмотря на то что положение их с самого начало было безнадежным. Им удалось продержаться достаточно долго.

— Он думает на ходу, — ответил Браги, — и сумел предупредить все наши действия. Нам приходится за это расплачиваться. Единственный шанс спастись — это придумать нечто

такое, чего он от нас не ждет. Топай сюда, Рискерд! — закричал он. — Кончай болтаться без дела. Они приближаются. — Со своего места он хорошо видел кривые улочки города, разбегающиеся от ворот. Всадники подобно весеннему потоку неслись в направлении бойцов гильдии.

Альперин был типичным городом, рост которого уже много столетий сковывали стены. Поэтому он не расползался вширь, а тянулся вверх. Улицы его были узки и искривлены, а дома — в три, четыре, а иногда даже и в пять этажей — нависали над мощенной булыжником мостовой.

Одним словом, это было весьма неудобное место для схватки всадников с засевшими на крышах лучниками.

Град стрел обрушился на Непобедимых и их коней. Воины пустыни попытались ответить тем же, но им с трудом удавалось найти цель. Солдаты гильдии появлялись из укрытия на краткий миг — лишь для того, чтобы послать стрелу.

Новые и новые Непобедимые вступали в город, вынуждая своих товарищей все больше углубляться в сеющие смерть улицы.

— Продолжайте! Продолжайте! — кричал Браги, с трудом удерживаясь на крутой сланцевой крыше. — Все получается как надо, Хаакен! Получается!! Они не знают, что происходит!

Браги был прав. Непобедимые были уверены в своей победе. Однако за поворотами улиц они не видели, что битва не закончилась, и продолжали продвигаться вперед, попадая под смертельный ливень.

— Хаакен, я должен отыскать алтейского командира. Как его зовут?

— Капитан Каратель.

— Точно. Может быть, ему удастся собрать своих людей и вновь захватить ворота? Таким образом, мы захлопнем мышеловку и перебьем их всех.

— Браги...

— Что?

— Не искушай лишний раз судьбу. Все еще может измениться. Они по-прежнему превосходят нас числом в миллион

раз. Нам следует беспокоиться о том, чтобы выбраться отсюда живыми. Просто заставь их отступить.

— Ты так думаешь? Ну ладно.

Однако Браги не послушал совета брата. Он был настолько упоен успехом, что полностью отметал возможность катастрофы. Оказывается, он тоже умеет думать на ходу! Ему удалось превратить ловушку Нассефа в капкан для него самого. Браги был на седьмом небе от счастья.

— Вернусь через несколько минут, — бросил он.

Гарун перебирался с крыши на крышу, продвигаясь вдоль улицы в направлении стены. Время от времени он задерживался, чтобы выпустить стрелу. Еще раньше он приказал своим людям сосредоточить все внимание на офицерах. Растерявшимися рядовыми воинами можно будет заняться позже.

По пути он не увидел ничего такого, что могло бы оправдать пессимизм Хаакена. Улицы были усеяны мертвыми телами. Это то же самое, что стрелять по неподвижным мишеням, подумал Браги.

Его путешествие оказалось ненужным. Каратель думал точно так же, как и он сам. Когда Браги добрался до него, алтейцы начали контратаковать, и оставшиеся у ворот Непобедимые испытывали сильнейшее давление со стороны противника.

Но в этот момент свежий отряд Непобедимых нанес удар извне. Они отбросили алтейцев, а Браги оставалось в бессильной ярости лишь наблюдать за разгромом.

— Проклятие! — шептал он. — Проклятие! Проклятие! Ведь победа уже была в наших руках.

Предсказание Хаакена начинало сбываться. Нассеф имел в своем распоряжении многие тысячи воинов. Если они продолжат прибывать, ничто не сможет предотвратить их победы.

Он видел, как Гарун и его воины топчутся на холме, не в силах прийти на помощь.

— У меня слишком мало людей, — вздохнул он.

Внизу под ним на служившие смертельной ловушкой улицы вливался новый поток Непобедимых. Настало время присоединиться к Хаакену. Если это конец, то он должен встретить смерть, находясь рядом с братом.

Однако вскоре Браги обнаружил, что путь, которым он добирался до стены, заблокирован. Какой-то не самый светлый разумом Непобедимый поджег дом, рассчитывая тем самым прогнать солдат гильдии с крыши. Он не учел, что пламя будет угрожать не только тем, кто засел наверху, но и тем, кто находится на узкой улочке. Рагнарсон решил слезть с крыши и обойти стороной горящий дом.

Браги спрыгнул в узкий проулок, протянувшийся позади длинного ряда лавок и жилых домов. Едва он успел сделать несколько шагов, как его догнала группа всадников.

Рагнарсон резко повернулся и выпустил стрелу. Кто-то застонал. Конь противника поднялся над ним на дыбы, и Браги успел еще раз спустить тетиву, целясь вверх. На сей раз его стрела угодила в незащищенное броней место под подбородком всадника. Он схватил третью стрелу, но тут же отбросил ее вместе с луком и поднял меч. Ужас перед неизбежной смертью почти парализовал его.

Но третий всадник издал вдруг какой-то приглушенный вой и повернул назад, хотя без всякого труда мог саблей раскроить череп Браги.

Браги от изумления на мгновение застыл.

— Что за дьявольщина? — пробормотал он.

Он посмотрел на пораженных его стрелами воинов. Один из них был все еще жив и продолжал стонать. Другой же был мертв.

— Что за дьявольщина? — повторил он. — Впрочем, дареному коню в зубы не смотрят, — добавил он и помчался прочь, пока это было возможно.

— Что-то произошло, — сказал Хаакен, когда Браги наконец сумел его найти. — Посмотри, как они завывают и мечутся. А дерутся едва-едва.

Рагнарсон посмотрел вниз на улицу и выпустил стрелу.

— Похоже, они все свихнулись. Не понимаю, в чем тут дело. Однако продолжим стрельбу.

— Нам долго не продержаться. Стрелы вот-вот кончатся.

— Когда все их расстреляем, тогда и начнем думать, как поступить дальше.

Впрочем, нехватка стрел значения уже не имела. Через несколько минут Непобедимые в полном замешательстве начали покидать город, а за стенами лавина всадников Гаруна, скатившись с холма, довершила их унижение.

Час спустя торжествующий Гарун въехал в город.

— Посмотри на его лицо, — прошептал Браги Хаакену. — Он же светится счастьем, я его таким никогда не видел.

— Я не знаю, как тебе это удалось, мой друг, — не скрывая восхищения, сказал Король-без-Трона. — Более того, я даже не хочу знать, как ты это сделал. Но этот день навечно останется в моей памяти.

— Что? Мы ничего такого не... Просто ухитрились остаться в живых.

— Нет, вы сделали больше. Неизмеримо больше. Сегодня Эль Мюрид проиграл войну. Непобедимые потерпели первое поражение. Уничтожение Ученика теперь всего лишь вопрос времени.

— Что ты несешь? Что из того, что мы выиграли схватку. Тоже мне большое дело! Через день-два все остальные снова кинутся по нашему следу.

Бин Юсиф бросил на него какой-то странный взгляд и спросил:

— Так ты действительно не знаешь, что произошло? Да, я совсем забыл, что ты плохо знаешь наш язык. Так вот прислушайся, мой друг. Там, вдали, за стенами, раздается погребальная песнь Непобедимых, а здесь, в городе, мои люди поют гимн победы. Они воспевают победу не в этой битве, а во всей войне. Ты свершил два величайших деяния. Во-первых, тебе удалось разгромить самый большой отряд Непобедимых из всех, что остались у Эль Мюрида. И, во-вторых, ты, лично ты, убил Нассефа. Бич Божий пал от твоей руки.

— Значит, тот человек на задворках?.. — пробормотал Браги себе под нос. — Но... — Он уселся на каменный парапет фонтана. — Неужели?

— Да. И это меняет весь ход войны.

Глава 13

БРОДЯЧИЙ АКТЕР

Тучный молодой человек, скорчившись в хилых кустах, вел наблюдение за лагерем врага. Полсотни Непобедимых охраняют двоих малолеток. Интересно, почему эти детишки считаются такими важными?

Он едва-едва о них не споткнулся. Лишь в последний момент ему удалось юркнуть в укрытие. Толстяка снедало любопытство. Двое детей!

Он двигался на север по самому краю Сахеля. Целью путешествия была Алтея, где, как он надеялся, ему удастся воссоединиться с бин Юсифом. Но теперь он забыл об этом. У него появилась возможность нанести ужасающей силы удар в отместку за Спарена и Гуча.

— О Толстяк, — шептал он, тряся головой. — Разве может указанный обладать разумственностью, дабы повергать в прах супостатов численностью пятьдесят воинов, несокрушительных, как сама дама Смерть? Только глупец есть способный на вышесказанное.

— О, малодушейший притворяльщик, — отвечал он самому себе. — Перед указанным отверзается возможествование непревзойденной размерности. По меньшей мере достойное изучательства. Есть необходимо установить личностность обороняемых детей. Указанные иметь возможность обладать исключительная ценностность. Устранение каковых означать могучий удар по мерзавестной империи безумствующего Эль Мюрида.

Насмешник пугался довольно легко. Саджак много лет держал его в страхе. Но постоянное напряжение научило его держать этот страх под контролем.

Он дрожал от ужаса, когда вел своего осла в сторону лагеря.

— Убирайся отсюда, бродяга! — услышал он.

Притворившись, что знает язык пустыни очень плохо, он на еще более ломаном наречии, чем обычно, заявил, что тоже

имеет право воспользоваться источником. Кроме того, он предложил развлечь воинов в обмен на ужин.

Обрывки языка он усвоил во время своего почти забытого путешествия к морю Коцум и набрался еще немного, странствуя с Гаруном. Одним словом, он в основном понимал то, что говорили вокруг него.

Вскоре после того, как командир Непобедимых разрешил ему развернуть свою циновку, он узнал, с чьими детьми его свела судьба.

Насмешник едва сумел скрыть овладевший им злобный восторг.

Это отпрыски самого Ученика! Разве не откалывает иногда Судьба забавные шутки? Командующий войсками в Дунно-Скуттари Эль Кадер, обеспокоенный приближением северной армии, приказал укрыть их в безопасном Сахеле.

Какая сладостная возможность! Детки Эль Мюрида. Он почти забыл о своих страхах.

В его дьявольском уме словно рой хищных москитов вихрем закружились тысячи вариантов того, как лучше использовать этот уникальный шанс.

Прежде всего следует вскружить головы детишкам и примкнуть к отряду.

Но каким образом? Непобедимые держали детей в изоляции.

С наступлением вечера Насмешник распаковал свои мешки и подошел к костру, вокруг которого расположилась группа самых молодых воинов. Закрыв глаза, он начал показывать фокусы. Вообще-то это были не столько фокусы, сколько стандартные упражнения для развития ловкости рук, которым его в свое время обучил Спарен. Упражнения в основном состояли из того, что небольшие предметы — монета, например, — то появлялись, то исчезали между его пальцами.

— Колдовство! — прошептал кто-то. Насмешник уловил в голосе нотки страха.

Он открыл глаза и, ласково улыбнувшись, произнес:

— Это не есть так, мой друг. Никакой колдовство. Всего лишь наипростатейший трюк престидижитатора. Видишь? Мо-

нета есть находиться на тыльной стороне ладонь. Это игра пальцев. Прояви внимательность.

Он взял из костра небольшую веточку и заставил ее исчезать и появляться. Проделывал он это медленно и неловко — так, чтобы воины могли уследить за движением.

— Ну, теперь ты видишь?

Бродячих фокусников в пустыне знали, но после прихода к власти Эль Мюрида они очень неохотно давали представления. Последователи Ученика относились весьма подозрительно ко всему, что даже отдаленно напоминало магию.

— Эй! Мне кажется, я видел! — заявил один из воинов. — А повторить ты не можешь?

Солдаты подсели поближе, чтобы лучше видеть.

— Лично я есть наинижайший из шутов, — заявил Насмешник. — Постоянственно несенный ветрами войны.

— Теперь я видел точно, — сказал все тот же воин. — Тонкая работа. А меня ты обучить не мог бы? У меня есть младший братишка, который обожает подобные вещи.

— Можешь произвести попытательство, — пожал плечами Насмешник. — Но лично я высказывать предупреждение. Достижимость этого гораздо труднее, чем взор говорить. Постоянное упражнительство есть необходимость. Лично я есть профессионал, но повторять монотонственно каждый день два часа.

— Это не страшно. Всего лишь фокус с монетой.

Воин, который вряд ли был старше Насмешника, достал монету. Остальные заинтересованно сгрудились вокруг них.

Через двадцать минут у тучного молодого человека стало уже три ученика, а число зрителей достигло дюжины. Наблюдатели весело издевались над учениками, когда их пальцы совершали неуклюжие движения. Насмешник, давая указания, изложил как бы между прочим свою историю. Это было эпическое повествование о том, как война в виде варваров-мародеров из гильдии лишила его поста домашнего шута и фокусника при дворе одного из аристократов в Лебианнине. Бандиты из гильдии ошибочно решили, что благородный рыцарь сотрудничает с Бичом Божьим. Они повесили несчастного и сожгли его поместье. Насмешник пояснил, что лишь «чудо-

действенное спасительство» позволило ему избежать участи господина.

— О, сколь нецивлизированный есть этот Запад! Они полагать, что война улучшать людей. Лично я это знать, так как проходить обучительство у наилучщайших философов. Но и здесь воины проявлять варварство... Кончина света, и я, преисполнен грусть и печаль, решил вернуться на Восток моего счастливый детства, где разумство господствовать над безумством.

Непобедимые, похоже, не оскорбились. Насмешник осудил врагов Ученика гораздо беспощаднее, нежели их.

Командир Непобедимых слушал большую часть рассказа. Насмешник изредка́ бросал на офицера внимательный взгляд, но уловить его реакции так и не смог. Солдатам он, видимо, пришелся по душе, но их мнение роли не играло. Важно, что скажет командир.

В этот момент он заметил, как в тени мелькнуло лицо. Девичье личико. Интересно, как долго она за ним наблюдала и слушала?

— Достаточно обучаемости. Она есть утомительна для воинов, оказавшихся в пустыне. Лично я решил дать представление. Если указанный доставит удовольственность, то благодарственная аудитория вознаграждать его монетой одной-двумя, дабы поддержать указанного в его трудном пути на восток.

Продолжая болтать без остановки, он извлек из мешков свой реквизит.

Вначале он поразил зрителей серией фокусов, а затем обратился к услугам Тубала и Поло. Однако куклы оставили зрителей равнодушными. Дети Хаммад-аль-Накира оставались в неведении о противоречиях между городом и деревней, и они были слишком консервативны для того, чтобы по-настоящему оценить скабрезные шутки.

— Ну и занудственны эти люди, — бормотал себе под нос Насмешник. — Никакой вообразительности. Люди друга Гарун надрывались от хохочения, слушая те же шутки.

Из темноты за ним уже следили две пары глаз. Он вернулся к фокусам, рассчитывая теперь на избранную аудиторию.

Он бросал в сторону детей внимательные, но в то же время осторожные взгляды, пытаясь понять, каким способом можно завоевать их сердца. Особое внимание, подумал он, следует обратить на девочку. Мальчишка показался ему унылым и недовольным. Поразить воображение такого, как он, очень трудно.

Однако Насмешник ошибся. Именно мальчик, не обращая внимания на суровый взгляд офицера, подошел к костру.

— Ты можешь научить меня этим фокусам? — спросил он.

Насмешник обежал взглядом лица Непобедимых, но не обнаружил ни намека на подсказку.

— Допускаемо, — ответил он, пожимая плечами. — Все допускаемо, если иметь веру. Покажи лично мне руки.

— Что?

— Руки. Лично я должен видеть руки, чтобы узнать, возможно ли развительство подлинного искусства.

Сиди протянул руки. Насмешник взял их в свои и внимательно изучил как ладонь, так и ее тыльную сторону.

— Обучаемость возможественна, — объявил он. — Пальцы тонкие достаточно. Но длинности несколько не хватать. Проблема. Требует постоянного практикования. Давай монету. Начинаем...

— Как-нибудь в другой раз, — сказал командир. — Сейчас ему надо спать. Мы и так потратили на твои фокусы слишком много времени.

— Прошу прощения, юный господин, — пожимая плечами, произнес Насмешник.

Сиди бросил на офицера полный ярости взгляд, резко развернулся и затопал по направлению к сестре. Насмешнику показалось, что до него донеслись слова: «Никогда не получаю того, что мне хочется...»

Артист вновь обратил внимание на воинов, но те уже укладывались спать. Что он сделал не так? Может быть, не поздно предпринять еще что-нибудь? Они отправятся в путь утром, оставив его наблюдать за тем, как исчезает в пустыне столь великолепная возможность... Может быть, рискнуть ночью? Нет. Это равносильно самоубийству. Проклятый офицер зарубит его, прежде чем он поднимется с циновки.

Утром его поднял командир отряда. Насмешник лежал в полудреме, стараясь не обращать внимания на шумные сборы воинов.

— Пакуй свои пожитки, актер, — распорядился офицер. — Ты идешь с нами.

— Эй! Только не в пустыню. Я держать путь...

— Значит, тебе придется сделать крюк, — свирепо глядя на него, произнес офицер. — Именно этого ты и хотел. Разве не с этой целью ты затеял вчерашнее представление? Поэтому брось валять дурака. Пакуй вещи. Ты нашел нового покровителя.

Насмешник уставился в землю. Ему стало страшно. Этот человек обладает просто ужасающей проницательностью.

— Господин Сиди и госпожа Ясмид настояли на том, чтобы ты шел с нами, — произнес офицер, угрожающе склонившись к Насмешнику. — Я не стану им противоречить. Но я не спущу с тебя глаз, толстяк. Одно неверное движение, и ты — покойник!

Насмешника с ног до головы колотила дрожь. Он и раньше не питал иллюзий относительно своей дальнейшей судьбы, но теперь, после того как офицер прямо высказал свои подозрения, ему по-настоящему стало страшно.

Артист заторопился к своему ослу.

Командир взъярился еще сильнее после того, как отряд двинулся в путь. Насмешник оказался единственным, кто шел пешком. Но Сиди защитил новую игрушку от гнева офицера. Мальчишка явно считал Насмешника чем-то вроде домашней зверюшки.

Насмешник выдавил из себя подобие улыбки и пробормотал едва слышно:

— Я возвращать этот долг с гигантскими процентами.

Сахель ему понравился даже меньше, чем Сиди. Между Хаммад-аль-Накиром как таковым и приморскими странами лежала полоса земли, по сравнению с которой внутренние районы пустыни казались цветущим садом. Это наследие Падения, эта зона смерти имела ширину от сорока до ста миль. Безводная и практически безжизненная, она состояла из скалистых невысоких гор и узких, извилистых ущелий. Эта земля

была приспособлена к обитанию хуже, чем все земли Хаммад-аль-Накира. Те немногие люди, которые ухитрились здесь выжить, принадлежали к самым примитивным и нищим племенам. Они ненавидели чужаков.

Но в то же время они являлись сердцем и душой движения Эль Мюрида. Большинство Непобедимых последнего набора были уроженцами Сахеля. Сыновья Сахеля увидели в мечтах Эль Мюрида больше света, нежели дети Хаммад-аль-Накира.

Насмешник шагал по этой выжженной земле, рыдая о своей горькой судьбе. Однако, присоединившись к отряду, он облегчил себе путь через лабиринт мертвых холмов и мимо незримых часовых. Местные жители появлялись в отряде довольно часто. Тощие, оборванные дикари нагоняли на него ужас всякий раз, когда они навещали своих ставших телохранителями соплеменников.

Насмешник из всех сил гнал все мысли о них. И преуспел в этом настолько, что созрел для свершения злого дела.

После трех дней раздумий он остановил свой выбор на девочке. Ее потеря сильнее потрясет движение Эль Мюрида, нежели исчезновение Сиди. Сердце зверя не даст перебоев, если она станет Ученицей после того, как Черная Дама посетит ее отца.

Мальчишка же — не более чем маленький никчемный мерзавец. Если мантия Ученика ляжет на его плечи, движение очень быстро отправится на кладбище истории.

У толстяка время от времени начинало прорезаться политическое мышление. На этот путь его подвигнул Гарун бин Юсиф.

Насмешник хотел причинить своим врагам самую сильную боль, и устранение их будущей пророчицы казалось ему лучшим способом сделать это.

Но он никак не мог приблизиться к девочке. Его обычные методы очарования пропадали зря, не оказывая на нее никакого воздействия. Несмотря на то что девочка частенько следила за его представлениями и иногда присутствовала на частных уроках, которые Насмешник давал Сиди, она ни разу не проявила ни любопытства, ни восхищения.

Даже командир отряда оказался более отзывчивым.

Скорее всего девчонка — всего лишь бесчеловечное чудовище. Дитя, в котором не осталось ничего детского. Даже во взрослом человеке такое поведение пугало. Проявляясь в ребенке, оно своей неестественностью просто нагоняло ужас.

Насмешник продолжал упорно трудиться с Сиди. Мальчик не проявлял ни таланта, ни терпения. Учителю приходилось все время хвалить ученика, чтобы тот не утратил интереса к занятиям. Сиди оставался единственным путем к Ясмид.

— Лично я пришел к решимости, — объявил он, когда Непобедимые, покинув пределы Сахеля, разбили лагерь, — демонстрирования любимый сеанс месмеризма.

Насмешник решил, что настал час начать решительное и самое опасное наступление.

Он готовил к этому почву исподволь, иногда скромно упоминая о гипнозе. Обманщик постоянно отказывался дать сеанс якобы из опасения быть обвиненным в колдовстве. Кроме того, он утверждал, что не может найти надежного, молчаливого субъекта, на котором можно было поставить опыт.

Сиди почти с самого начала предлагал использовать для этой цели сестру.

— Прямо сейчас! — как-то объявил мальчишка в возбуждении. В его глазах пылало зеленое пламя. Деймо Спарен действительно был знатоком человеческой породы, подумал толстяк.

Насмешник искушал мальчишку, следуя всем рецептам Спарена и позволяя ему проделать всю черновую работу. Плод созрел. Страсть повелевать людьми кипела в ребенке, переливаясь через край.

— Скоро, очень скоро, господин. Когда лично я оставаться незамеченный этими дикарями в белых одеждах. Указанное искусство есть легко усвояемое всеми, но его несправедливо истолковывать предрассудочные люди... Лично я должен охранять самого лично меня...

— Этой ночью. Приходи этой ночью в мой шатер. Моя сестра тоже будет там. Обещаю.

Насмешник молча кивнул, предоставляя возможность мальчишке завершить дело.

Сиди был превосходным объектом для манипуляций. Он был настолько алчен и настолько занят собой, что для подозрений у него просто не оставалось времени. Насмешнику стало стыдно. Это было то же самое, что ограбить слепца.

Но ставки слишком высоки. Ох уже эти ставки!

Весь день его беспокоил командир отряда. Этот тип был сама бдительность. Ему придется умереть первым...

Он не имеет права оставить у себя на хвосте такого человека, как этот командир отряда. В нем чувствовалось то же упорство, как и у Гаруна или Белула. Такой не остановится ни перед чем, пока не отомстит обидчику.

Не все Непобедимые оставались такими отстраненными и холодными. С некоторыми из своих учеников Насмешник сумел подружиться. Он обменивался с ними шутками и подначками, частенько развлекал их бесконечными россказнями о своих приключениях на Востоке. Они, в свою очередь, делились с ним всякими небылицами.

Наконец наступила темнота. Выждав еще несколько часов, Насмешник с бешено колотящимся сердцем двинулся к палатке Сиди. Его никто не остановил.

Ночь была безлунной, но Насмешник знал, что часовой лишь притворился, будто не заметил его. А что, если вдруг у солдата заговорит совесть и он доложит все своему начальнику?

— Господин... — прошептал Насмешник. Нервы его были натянуты словно струны. — Это лично я. Может ли указанный войти?

— Входи! Давно пора. Где ты болтался?

Насмешник скользнул в шатер.

— Ждал, когда лагерь уснуть, — ответил он с улыбкой.

Ясмид уже ждала. Она привела с собой служанку. Подобного осложнения Насмешник не предвидел.

Сможет ли он одновременно загипнотизировать троих? Такого он еще никогда не пробовал сотворить. Сейчас, видимо, самое время попробовать. Сейчас это вопрос жизни и смерти.

Как бы желая успокоить свои нервы, он принялся гонять монетку между своими толстыми пальцами, заставляя ее то исчезать, то появляться вновь.

— Все готовы? — спросил он. — Все согласны? Госпожа? Лично я не начинать начинание, если есть обидчивость...

— Приступай, актер, — с легкой улыбкой ответила Ясмид. — Я здесь потому, что мне интересно. Но необходимо все закончить до того, как сменится караул.

— Это не столь просто, как обесшкуривание козлища, госпожа. Необходимо подготовительство.

— Ну так готовься.

Насмешнику было ясно, кто здесь командует. Во всяком случае, не Сиди. Неужели девочка все это время манипулировала братом?

Он уселся, приняв позу лотоса.

— Если госпожа сядет напротив... очень хорошо. Если господин повторять указанное... — Насмешник похлопал по ковру левой рукой. Поманив пальцем служанку, он указал на место справа. — Сядьте там, пожалуйста. Господин Сиди и вы, девица, внимательно наблюдать, что я творить. Объяснительство невозможно, но показательство легкое. Госпожа Ясмид, сосредоточьте внимание на монете. Все другое надо выкидывать из голов. Не позволяйте глазу отрываться от указанной. Следить так же, как меняется яркостность свечей. Светло, темно, светло как днем, темно как ночью... — Он начал говорить тихо и монотонно. Девочка напряженно прислушивалась. Он смотрел ей прямо в глаза, негромко бубня о монете и молясь в душе о том, чтобы и оставшаяся парочка попала под его влияние. — И вот приходить сон. Благословенный сон. Отдохновительство от трудов дневных. Спите... — Он не переставал говорить, хотя Спарен мог бы посчитать его дальнейшие усилия излишними. Насмешник хотел быть уверен. Ставки были слишком высоки.

— Веки отяжелели так, словно указанные налиты свинцом. Нет возможность открыть глаза.

Похоже, что ее он достал. Только теперь он осмелился посмотреть на Сиди и служанку.

Он достал и их!

Сердце толстяка было готово выскочить из груди. О, чудо из чудес! Он начал быстро втолковывать Сиди и служанке, что

им следует запомнить, если сеанс неожиданно прервут. Ясмид он приказал забыть все, а затем сказал:

— Ты начинать стать симпатизантка тучному друг твоего брата Сиди. Будешь облегчать злой рок указанного... Жди! — Обратившись к себе, он закончил: — Типичный случай помеситительства экипаж впереди конь. Каждый фрукт свой овощ. Прежде надо уяснить подлинные чувствования и слабые точки в уме девицы. Указанные быть камнями, которые лично я должен возложить в фундаментальность строительства.

После этого он начал спрашивать Ясмид о ее скрытых настроениях. Стал задавать вопросы обо всех и обо всем.

— Весьма любопытственно, — бормотал он через полчаса. Насмешник обнаружил, что Ясмид, боготворя своего отца и одобряя его план создания Королевства Покоя, тайно ненавидит войну, которую ведет ее родитель. Война унесла жизнь ее матери, и девочка считала, что за воплощение отцовской мечты приходится платить слишком высокую цену.

Воины ее отца и в первую очередь Нассеф обожали девочку. Но она считала их слишком торопливыми и нетерпеливыми. Ясмид верила, что идеи отца непобедимы сами по себе и способны покорить мир лишь одной своей убедительностью. Разве жители Запада не встают добровольно под знамена Воинства Света? Разве Вера не преобразила Тройес? Для полного торжества Эль Мюриду нужно лишь время.

Но пацифисткой девочка не была. В ней присутствовала какая-то дикая мстительность. Она хотела, чтобы роялистов преследовали и истребили всех до последнего. Эти люди, по ее мнению, являлись закоренелыми грешниками и служили орудием Властелина Зла. Роялисты заслуживали лишь того, чтобы как можно скорее отправиться во владения своего черного властителя.

Насмешник попытался подогреть антивоенные настроения девочки. Затем он вернулся к формированию ее отношения к своей собственной персоне.

Толстяк хотел убедить Ясмид в том, что является ее добрым и надежным другом и что она может обсуждать с ним те вопросы, которые не смеет доверить никому другому.

За тканью шатра послышался шорох и чей-то голос произнес:

— Господин, приближается время смены караула.

— Еще минута, — проскулил Насмешник, довольно успешно имитируя тон Сиди. Еще раз внушив всем троим то, что им следует помнить, он простым пощелкиванием пальцев разбудил Ясмид и служанку.

— Что случилось с Сиди? — спросила девочка.

Мальчишка нещадно храпел.

— О горе, — сказал Насмешник. — Уснуть после короткого прохождения времени. Лично я пребывал в опасательстве разбудить трясением, ибо не ведал, является ли указанное преступлением. В моей отечественной земле прикосновительство к королевской персоне караться усекновением голова. Лично я, природно осторожный, решил, что оставление указанного спящим явится действом правильным.

— В нас нет королевской крови, актер. И мы никогда не претендовали на принадлежность к королевском дому. Мы — всего лишь уста Творца здесь, на земле. Этот щенок, возможно бы, и захотел быть принцем... Но кто станет слушать его нытье?

Насмешник внимательно наблюдал за девочкой. Ее сдержанность, казалось, исчезла. Не исключено, что опыт удался.

— Допускаемо. Тем не менее предоставлю даме честь разбудительства. Лично я чувствовать себя более комфортабельно. Должен убыть так или иначе. Наступает час сменства караула. Командир ощутит раздражительность, если узнает о ночном визитанте к прекрасной даме, порученной его охранительству.

Поворачиваясь, чтобы удалиться, Насмешник заметил, как покраснела девочка. Даже вуаль не могла скрыть ее смущения. Выходя из шатра, он ухмыльнулся во тьму.

Контакт между ними не исчез.

Через два дня Ясмид болтала с ним, как со старинным другом. Она следовала за ним по всему лагерю, испытывая своей привязанностью терпение командира. Насмешник услышал историю ее жизни, узнал о ее тайных страхах и мечтах.

По мере того как Ясмид становилась ближе, Сиди от него отдалялся. Мальчишка завидовал, ревновал и не скрывал свое-

го раздражения. Насмешник вполне серьезно опасался, что получит удар кинжалом в спину за то, что изменил Сиди с его сестрой.

На утро третьего дня Ясмид появилась у него: лицо ее было пепельно-серое и похожее на каменную маску.

— Что случилось, госпожа? — ласково спросил он. — Дурственные вести? Лично я наблюдать гонец час назад. Если так, то лично я глубоко сожалеть.

— Бич Божий умер.

— Э? Указанного именуют Нассеф? Наиглавнейший генерал вашего отца?

— Да. Мой дядя Нассеф. Человек, за которого я планировала выйти замуж.

— Большое печальство. Очень огромное. Лично я готов на все, дабы уменьшить боль госпожи.

— Благодарю тебя. Ты добрый человек, актер. — Казалось, что ей не терпится рассказать ему все. — Это случилось в Алтее, в каком-то крошечном городке. Сделали это те же самые солдаты гильдии, которые убили Карима. Говорят, их было не более трехсот человек. От их рук погибли мой дядя, почти тысяча Непобедимых и неизвестное число обычных солдат. Такого унижения Непобедимые не испытывали со времен Вади-эль-Куф. Как это могло произойти, актер?

Он взял ее крошечные, бледные и холодные руки в свои ладони.

— Лично я не есть военный гений, но я знать, что странностные события происходят во время сражений. Иногда...

Но она его не слушала, полностью погрузившись в себя. Буря, бушевавшая в ее душе, находила выход в словах:

— Это война без пощады, толстяк. В прошлом году она унесла мою мать. Под Вади-эль-Куф она едва не отняла жизнь отца. Теперь она взяла жизнь дяди. Кто следующий? Кто? Я? Снова отец? Сиди? Должен быть способ покончить с этим безумием. Подумай для меня. Пожалуйста.

— Должен сказать для установления философической истинности, что война произвела подобное действие на многие другие семейства. Включая семью этого супостата Гаруна.

— Остальные мне безразличны.

— Лично я, госпожа, есть наискромнейший шут. Простой актер. Тем не менее указанный со всей уверительностью мочь сказать. Вся война пребывать в руках двух человеков — вашего родителя, которой положил ей начало, и архиврага Гаруна бин Юсифа, который ее не желать закончить. — Оглядевшись по сторонам и убедившись, что их никто не слышит, он добавил шепотом: — Если заключительствовать мир между указанными, остальные человеки последовать их примеру обязательно. Точно так, как после ночь приходить рассвет.

Девочка задумалась. После довольно продолжительной паузы она неуверенно произнесла:

— Это невозможно. Их разделяет море крови.

— Не так. Я не знакомец с бин Юсифом. Но видеть указанного несколько месяцев назад, когда приходил за помощь в замок прошлого господина. Указанный Гарун не видел, что лично слышать разговор. Проклинал войну своему военачальнику Беллузу...

— Белулу?

— Эй! Ну конечно! Белул! Старый, седой, с отвратный нрав. Жалобился, что не мочь остановить войну без теряния лица либо указанным Гаруном, либо Эль Мюридом. Тем временем лучшие дети пустыни убивать один другого. Скоро никого не остаться.

— Я слышала, как отец говорил то же самое. И даже рыдал. Какими могущественными мы могли бы стать, если бы роялисты присоединились к Королевству Покоя.

Насмешник еще раз огляделся вокруг. Убедившись, что они одни, он прошептал:

— Саджак мудрый.

Глаза Ясмид остекленели, а Насмешник самодовольно усмехнулся.

— Спарен, ты был суровым учителем. Только сейчас я оценить пользу твоей суровизны. Госпожа Ясмид. Слушай меня. Хорошая возможность останавливать войну есть встреча с Гарун. Через час-два ты призывать лично я и высказывать, что указанный должен сопровождать госпожу на встречание с Гаруном.

Названный находится где-то в Алтее. Ускользание состоится ночью, дабы преданные отцу охранники не предотвратить экспедиция. — Уточнив еще некоторые детали, он сказал: — А теперь спать, госпожа Ясмид. Проснуться, когда лично я сказать: «Что случилось?» Никаких воспоминательств, кроме страдания из-за смерти дяди.

Насмешник выждал двадцать секунд, затем наклонился к девочке и спросил:

— Что случилось?

Ясмид открыла полные слез глаза.

— Что?

— Счастье! — воскликнул Насмешник. — Лично я быть напуган. Госпожа терять сознание.

— Я? — спросила она и растерянно добавила: — Нассеф... Я думала о своем дяде.

— Это величайшее из величайших горей в величайшей войне. Указанный быть гений. Абсолют! Покидание жизни указанным послужить резким ударом Ученику. Вполне допускаемо. — Ощущая себя победителем, он сел на камень.

В этот момент он заметил, что на него внимательно смотрит возвратившийся из пикета командир. Непобедимый сверлил его взглядом так, что Насмешнику показалось, будто по его спине поползли какие-то чудовищные когтистые насекомые.

— Госпожа испытала великую трагедийность. Лично я предложить побыть указанной в одиночестве в шатре, дабы пережить страдание.

Насмешник отошел якобы для того, чтобы посмотреть на то, как Непобедимые практикуются в искусстве фехтования. Он взирал на них с восторгом, как будто блеск стали и звон клинков были ему в диковинку.

Непобедимые тренировались ежедневно — верхом и пешие. Парами и строем. Они были решительными и умелыми бойцами. И Насмешник каждый день наблюдал за ними.

Деймо Спарен был суровым учителем. Деймо умер, но его уроки продолжали жить в памяти ученика. «Ты хорошо должен знать сильные и слабые стороны противника», — не уставал повторять Спарен.

Насмешник уже знал всех людей в лагере. Всех, кроме этого проклятого командира. Он не сомневался, что сможет справиться с любым из них. Опять же за исключением их командира. Впрочем, толстяк не рассчитывал встретиться с ним в открытом бою. Командира ждала участь Гуча — смерть ночью.

Ясмид вызвала его позже во второй половине дня. Он отправился к ней неохотно, так как уже не был уверен, хочет ли он собрать урожай от тех семян, которые посеял ранее.

— Актер, — спросила она, — ты мне друг?

— В абсолюте, госпожа, — ответил он, изо всех сил прикидываясь изумленным. Однако самодовольство так и перло из него.

— В таком случае я хочу попросить об услуге. Об очень большой услуге.

— Все, что угодственно, госпожа. Лично я существовать, чтобы служить.

— Мы говорили о возможности мира. Ты упомянул бин Юсифа... Мне в голову пришла дикая мысль. Поистине безумная, невероятная идея, которая в случае успеха могла бы покончить с этой войной. Но мне потребуется твоя помощь.

— Моя помощь? В положить конец войне? Указанный есть шут, актер, изучатель философии, но не дипломатист. Лично я не иметь достаточно мудрость...

— Я хочу, чтобы ты всего-навсего отправился со мной. В качестве защитника.

— Защитника, леди?! Но пятьдесят храбрейших из храбрых воинов пустыни...

— Эти храбрецы, толстяк, марионетки моего отца. Они ни за что не позволят мне сделать то, что у меня на уме.

— И что же есть на уме у прекрасной госпожи?

— Этой ночью тайно ускользнуть из лагеря. Затем скакать что есть мочи на север через пустыню и горы Капенрунг. Добравшись до Алтеи, найти Короля-без-Трона и заключить с ним мир.

Именно это он и хотел от нее услышать, и ему лишь с большим трудом удалось изобразить потрясение, чтобы в ужасе воскликнуть:

— Госпожа!!!

— Я понимаю, что это безумие. Именно поэтому мне кажется, что у меня есть шанс на успех. Ты же сам сказал, что Гарун желает мира не меньше, чем я.

— Истина произнесена! Но...

— Хватит. Я знаю, чем рискую, но тем не менее хочу попытаться. У меня есть лишь один вопрос: ты едешь со мной или нет? Поможешь ли ты мне, или мне придется действовать в одиночку.

— В одиночку, госпожа? В этом безумственном мире? Позволительно ли будет произнести философическому студенту, что это есть равно самоубийственности? Лично я есть напуган. Даже скорее ужасаем. Я по природности трус, госпожа. Но составлю вам сообщество. Ради госпожа, а не ради мира. — Прекрасно сказано, подумал он про себя.

— В таком случае приходи в мою палатку после первой смены караула. Я знакома с часовым, и он сделает все, о чем бы я ни попросила. Конечно, до тех пор, пока не узнает о моих подлинных намерениях. Ты можешь ударить его. Но только не сильно, он хороший человек.

— Лично я? Нападать на Непобедимого? О, леди, я есть все что угодственно, но только не воитель.

— Знаю. Я не говорю, что ты должен с ним сразиться. Стукни его по затылку, когда он отвернется.

В действительности все оказалось не так просто, как они надеялись.

Прежде чем отправиться в палатку Ясмид, Насмешнику следовало позаботиться о том, чтобы их бегству никто не помешал. А потому он начал с командира отряда, так как не хотел, чтобы погоню организовывал человек с холодным разумом.

Эта часть работы оказалась на удивление легкой. Насмешник даже был несколько разочарован, когда его страхи не оправдались. Командир крепко спал. Он умер без крика, стона или хрипа.

По периметру были расставлены шесть часовых. Насмешник убил их всех без шума — как его обучал Спарен. Он подружески подходил к каждому из воинов, жалуясь на бессон-

ницу, и затем неожиданно наносил удар. Это же кровавое предательство он использовал, устраняя часовых у шатров Сиди и Ясмид. После этого Насмешник выбрал двух лошадей, оседлал их, перебросил мешки с провизией через седла и отправился за главной добычей.

Он до того нервничал, что совсем забыл о своем осле и пожитках. Его натянутые нервы визжали как струны карнавальной скрипки. Каждый шаг требовал усилий, и с каждой минутой увеличивался риск разоблачения.

Он настолько боялся, что не мог думать, и действовал автоматически по заранее обдуманному сценарию.

Насмешник подошел вплотную к шатру и прошептал:

— Госпожа...

Из палатки в тот же миг высунулась голова. От неожиданности толстяк отпрянул.

— Все готово? — спросила девочка.

— Лошади ждать, — ответил он, кивая. — Пошли. Быстро.

— Ты дрожишь.

— Должен сделать признательность, что лично я ужасаюсь. Пошли. Прежде чем не началась тревожность.

— Где часовой?

— Указанный есть стукнутый. И в бессознательности скрыт за палаткой Сиди. Быстро. Пошли. — Он не имел права позволить ей думать и задавать вопросы.

Ясмид пошла первой. Она переоделась в мужскую одежду, и из нее получился вполне убедительный мальчик.

Из-за палатки Сиди послышался стон, и демон ужаса сжал потроха толстяка своей ледяной лапой. Одной из его жертв удалось выжить.

— Быстрее, госпожа. — Он почти волочил ее к лошадям.

— На помощь! — закричал Сиди. — Капитан! Капитан!

На пути Насмешника возник полусонный воин. Толстяк, не отпуская руки Ясмид, сбил Непобедимого с ног, выхватил его меч и вонзил в горло поверженного врага.

— Зачем ты это сделал? — спросила девочка.

Насмешник рванул ее к лошади.

— В седло! — рявкнул он. — Поговорить потом!

Резко развернувшись, он скрестил меч с клинками трех ближайших преследователей. За какой-то миг он уложил двоих. Третий в изумлении отступил. Насмешник вскарабкался в седло и воем, похожим на вой, который издают в преисподней заблудшие души, попытался разогнать остальных лошадей. Однако прекрасно обученные животные не испугались и разбегаться отказались. Он взвизгнул и двинул своего скакуна пятками под ребра. И в тот же миг из палаток посыпались Непобедимые. Уже на ходу он что есть силы шлепнул лошадь Ясмид по крупу.

Довольно долго Ясмид тратила силы лишь на то, чтобы удержаться в седле, и вопросов не задавала. Но она ничего не забыла. Когда преследователи отстали и надежды на благополучный исход бегства возросли, она спросила:

— Зачем ты это сделал? Ты не должен был никого убивать.

Насмешник оглянулся, ожидая увидеть орду горящих жаждой мести Непобедимых.

— Лично я недоумевать, насколько телоохраняющие стали бы придерживаться ваших правил. Я устыжен. Пребываю в самоуниженности. Однако полагать, что смерти есть неизбежны. В противном случае спасительство не возможно. Разве нет? Непобедимые меня резать, как дворняжистую собачку. Разве нет?

Ясмид начала спорить, но без большого энтузиазма. Она была вынуждена признать, что, если бы их схватили, Насмешнику пришлось бы скверно.

Трудности путешествия вскоре приобрели эпический размах. Еда, которую удалось собрать Насмешнику, довольно быстро закончилась. Ясмид прихватила с собой денег, но делать покупки было опасно. Это означало бы оставить за собой след.

Насмешник все время подгонял и себя, и девочку. Смерть шла за ним по пятам. Непобедимые не прекращали преследования.

Утомительные дни были похожи один на другой как две капли воды. На смену пустыне пришли горы. Горы становились все выше и выше, а затем неожиданно кончились, уступив место плодородным полям Тамериса. Совершенно обессилевшая Ясмид ехала молча. Энергии ее с трудом хватало лишь

на то, чтобы удерживаться в седле. Несмотря на то что путники оказались в дружественных землях, Насмешник продолжал торопиться, не давая своей спутнице отдохнуть. У нее могли появиться сомнения. Он хотел, чтобы у Ясмид не оставалось ни сил, ни воли на то, чтобы при желании ускользнуть.

Он где-то украл туземную одежду и заставил девочку переодеться. На сей раз он одел ее в женское платье в надежде на то, что страх быть принятой за местную девицу заставит ее избегать соплеменников. О склонности детей пустыни к насилию ходили легенды.

Оказавшись в Алтее и взобравшись на первую гряду высоких холмов, Насмешник огляделся. На юге клубилось густое облако пыли. Поднимавшие пыль всадники были слишком далеко, чтобы их можно было рассмотреть. Но толстяк не сомневался в том, кто эти люди.

Он начал спрашивать у местных жителей, не знают ли те, где скрывается бин Юсиф. Большинство туземцев вообще отказывались говорить. Насмешник был на грани паники.

Гаруна надо найти как можно скорее. Преимущество перед преследователями испарится, если на поиски уйдет слишком много времени.

В конце концов какой-то словоохотливый крестьянин сообщил ему, что Гарун находится в Бергвольде, пытаясь собрать вновь армию роялистов, рассеянную перед смертью Нассефом.

Ни в Тамерисе, ни в Алтее они не встретили ни одного вражеского патруля. Насмешник не понимал, что произошло. Ведь должен остаться человек, способный вновь привести в чувства побежденное войско. Вступая в эти края, он думал, что ему придется постоянно прятаться.

К его беспокойству добавилось недоумение.

— Почти на месте, госпожа, — сказал он однажды утром, указывая вперед. — Наблюдаете холм и руины на вершине указанного? Это есть знаменитый Кольберг, древний замок Алтеи. Лес, именуемый Бергвольд, находится неподалеку.

— Не знаю, актер, рада я нашему прибытию или нет. Уверена я лишь в том, что обрету счастье, как только избавлюсь от этой клячи.

— Верно. Лично я тоже не есть конный человек. Я есть пешеходец или ездец на тихой кобыле. Намерен проводить две недели на мягкой подушке своего брюха. Эй! — воскликнул он, оглянувшись. По зеленой равнине катилась невысокая белая волна. Между ними и преследователями оставалось не более полумили.

Он ударил коня Ясмид плашмя мечом, вонзил каблуки под ребра своей лошади и поскакал прочь.

Непобедимые, на более свежих скакунах, быстро сокращали расстояние, но беглецы все же успели нырнуть в лес, когда от детей пустыни их отделяли всего лишь несколько сотен ярдов. Он скатился с лошади, стянул Ясмид с ее скакуна и, схватив девочку за руку, ринулся в густой подлесок.

Глава 14

КОНЕЦ ЛЕТА

Мауфакк Хали с большим искусством разбил армию Ипотама и захватил маковые плантации в целости и сохранности. Уничтожить их не успели. Но вскоре в сельской местности начали действовать отряды партизан.

— Это большие упрямцы, повелитель, — признался Хали. — Они не желают принять амнистию.

— Мне не нужны объяснения, Мауфакк. Я хочу поставить их на колени.

— Они используют тактику, которую использовали мы до прихода к власти, повелитель.

— Не совсем. Имеются кое-какие различия, Мауфакк. Люди Абуда не знали, кто их друзья. Нам же это известно. До тех пор, пока не прекратится сопротивление, убивай каждого встречного мужчину. Сожги их деревни. Уничтожь поля. Загони туземцев в леса. Сотри с лица земли их языческие молельни и истреби всех поклоняющихся дьяволу жрецов. В

то же время возлюби тех, кто сложит оружие. Корми их и заботься о них.

— Но это же не дикие собаки, повелитель.

— Я старею, Мауфакк. Во мне не осталось ни унции жалости.

— Есть известия с севера, повелитель. Войско северян выступило против нас.

Эль Мюрид похолодел. Лицо Ученика просто-таки кричало о всепоглощающем ужасе.

— Новости не столь уж и плохи, повелитель. Эль Кадер сумел остановить наступление, а Бич Божий истребил армию Алтеи. Оккупация Кавелина и воссоединение с армией Надима теперь всего лишь вопрос времени.

— Эль Кадер преуспел без Нассефа? Значит, можно считать, что кампания этого года нам вполне удалась?

— Похоже на то. Бич Божий сейчас целиком занят бин Юсифом и убившими Карима наемниками. Он одержим желанием отомстить за себя. И за тебя, повелитель.

Эль Мюрид задумался. Хали Мауфакк снова занялся политиканством.

— У меня, конечно, есть свои счеты с бин Юсифом. Но не он является для нас главной угрозой. Нассеф занялся второстепенными делами, в то время как его воины нужны для сражения с северянами. Сейчас не время ублажать личные желания.

— Я полностью разделяю твои слова, повелитель.

Однако выражение лица Хали выдало его. Поход на Ипотам был даже не второстепенным, а третьестепенным делом и служил прекрасным примером удовлетворения личной страсти. Умиротворение оккупированной страны требовало многих тысяч воинов, столь нужных в иных местах.

— Оставь меня, Мауфакк. А туземцев подвергни жестокому бичеванию. Их необходимо поставить на колени.

— Как прикажешь, повелитель.

Эль Мюрид посмотрел в спину удаляющемуся Хали. Вновь Мауфакк оставил его в одиночестве бороться со своей совестью.

Хали был прав. Но Эль Мюрид не осмеливался обратить свое тело и дух на борьбу с пагубным пристрастием, в то время как война требовала от него всех сил. Если же начать битву

между плотью и духом, то она поглотит его полностью. Это будет тотальная война, в которой не может быть отхода на зимние квартиры.

Эти мысли разбередили старые раны. По всему телу разлилась боль.

Ближайшее окружение Ученика было крайне обеспокоено. Им казалось, что их повелитель утратил присущие ему силу духа, жар сердца и энергию. Слишком часто он замыкался в своем внутреннем мире вместо того, чтобы целиком посвятить себя решению проблем, одолевающих Королевство Покоя. Некоторые из самых близких к нему людей — таких, как Хали, — умоляли Эсмата помочь повелителю.

«Но что могу я сделать?» — спрашивал себя лекарь. Ему не хватало ни силы духа, ни личного мужества для того, чтобы перестать быть поставщиком наркотиков.

И эта слабость заставляла его презирать самого себя.

Никто не мог обвинить Эль Кадера в чрезмерной эмоциональности. Все знали, что он крайне редко выходит из себя. Однако, когда из Алтеи пришли дурные вести, он взорвался. Даже самые близкие люди не смели к нему подступиться. Но как только гроза миновала, Эль Кадер стал еще более хладнокровным, чем прежде. В некотором смысле он родился заново.

Обращаясь к военачальникам Воинства Света, он сказал:

— Господа, вы слышали новость. Бич Божий отправлен на небо теми же негодяями из гильдии, которые лишили нас возможности наслаждаться пением Карима. Смерть этого человека, которым мы все восхищались и которого уважали...

По рядам слушателей прокатился полный ярости ропот.

— Тихо! — рявкнул Эль Кадер. — Я в эту ловушку не попаду. В Алтее у нас есть люди; пусть они и занимаются тамошними делами. Вы же и я должны доказать, что Воинство Света это не один Бич Божий. Мы покажем, что способны одерживать победы и без него. Победы решительные и быстрые. Пусть это увидят как наши враги, так и друзья. Вам известно, что противник колеблется. Учение пророка привлекло на нашу сто-

рону тысячи и тысячи сердец. Мы не можем позволить, чтобы в сердца эти вселился страх.

Он помолчал, выжидая, когда его слова пустят корни в сознании слушателей, а затем добавил:

— Готовьтесь к маршу. Мы продемонстрируем свою мощь, уничтожив армию северян.

Над аудиторией, казалось, затрепетали крылья страха, вселяя противный холодок в души слушателей. Раньше, под командованием Нассефа, эти люди никогда не испытывали сомнений. Эль Кадер понимал, что прежде всего он должен завоевать доверие своих военачальников.

— Вы меня слышали, — сказал он. — Отправляйтесь и займитесь подготовкой. Когда возникнет необходимость, я дам вам дальнейшие инструкции.

Эль Кадер использовал метод Нассефа, который никогда не открывал свои идеи. Такой подход, казалось, вселил в офицеров уверенность. Они привыкли действовать во мраке.

Полководец избрал свой путь и двинулся по нему с решительностью, которую никогда не проявлял ранее. Но ведь никогда ранее вся ответственность не ложилась на плечи Альтафа Эль Кадера. Никогда он не держал ответа ни перед кем, кроме как перед собой. Поэтому Эль Кадер требовал от Эль Кадера гораздо больше, чем когда-то Нассеф.

Несмотря на свое заявление об Алтее, он повел армию на восток. Создавалось впечатление, что полководец решил примерно наказать убийц Нассефа. Это было абсолютно в стиле Бича Божьего: говорить одно, а поступать совершенно по-иному. Даже его самое ближнее окружение поверило в то, что он изменил первоначальные намерения. Такое положение Эль Кадера вполне устраивало. Если в это поверили друзья, то враги уж поверят наверняка.

По пути он снимал все гарнизоны, включая охраняющие переправы отряды.

Армия северян тут же начала переправляться на противоположный берег. Переправа отняла несколько дней.

Узнав об этом, Эль Кадер самодовольно улыбнулся.

Когда Эль Кадер пребывал в одиночестве, оплакивая Нассефа, он успел тщательно продумать все свои дальнейшие шаги. Теперь ему требовалось всего лишь немного удачи...

Но он получил больше того, на что мог надеяться. Судьба, столь долго служившая противнику, наконец встала под знамена Воинства Света. Герцог Грейфеллз, прознав о кончине Нассефа, перестал искать встречи с Бичом Божьим и присоединился к своему штабу во время переправы. Общая неуверенность противника позволила Эль Кадеру разделаться с оставшимися на севере патрулями противника.

После этого его армия резко повернула на запад. Пройдя отчаянным ночным маршем ниже противника, он снова свернул к реке и скрытно стал ждать, когда Грейфеллз двинется в сторону Дунно-Скуттари.

Эль Кадер нанес удар по флангам армии Грейфеллза, когда та вышла на холмистую местность. Он не дал врагу времени на передислокацию, и мощь северных рыцарей оказалась бесполезной. Смертельно опасные лучники Итаскии были разметаны, прежде чем успели привести в действие свое оружие. Только упорные пикинеры из Ива Сколовды и Двара сумели выдержать первую яростную атаку. Однако и они недолго оставались островком сопротивления среди урагана смерти.

Рыцари, как и подобает потерпевшим поражение благородным людям, бросили свою пехотную поддержку на милость кровожадных победителей, а сами без оглядки кинулись к переправам. Но враг ждал от них подобного маневра, и его конники оказались у переправы раньше. Не более четверти рыцарей сумели перебраться на северный берег Скарлотти.

Судьба брошенных рыцарями людей оказалась лишь немногим лучше. Пехоте не осталось ничего, кроме как сражаться. Пехотинцы оказались раздробленными на мелкие отряды, которые под постоянным давлением врага в конечном итоге разбрелись по Малым Королевствам. Их потери тоже были чудовищными. Лишь одному из трех солдат удалось встретить зиму.

Эль Кадер отозвал погоню через десять дней. Он хотел развести войско по зимним квартирам и даже разрешить части воинов вернуться к своим семьям.

А затем пришло известие об исчезновении Ясмид.

* * *

Хали все утро вел сам с собой горячий спор. Как лучше сообщить все пророку? Иногда, дабы избежать усиления депрессии, он предпочитал не информировать Эль Мюрида о неприятностях. Но на сей раз у него не оставалось выбора. Новости были слишком важными. В конечном итоге Мауфакк испросил аудиенции.

— Повелитель, — с поклоном произнес он.

Ученик понял, что Мауфакк принес скверную новость.

— Что у тебя? — резко бросил он.

— Злые ветры подули с севера, повелитель.

— Я увидел это, как только ты вошел. Почему бы тебе не рассказать все без всяких предисловий?

— Как прикажешь, повелитель. Большое зло обрушилось на Королевство Покоя. Огромное.

— Выкладывай! Перестань играть в свои дурацкие игры.

Хали, поняв, что отступать дальше некуда, выпалил:

— Хорошо, повелитель. Произошло два несчастья: Бич Божий убит, а ваша дочь похищена.

Эль Мюрид не сразу ответил на эти слова. Побледнев как смерть, он сидел с каменным лицом. Хали показалось, что Ученика хватил удар.

Но по прошествии некоторого времени Эль Мюрид негромко и даже ласково произнес:

— Я знаю, Мауфакк, что в последние дни мне часто не хватает терпения. Иногда я бываю несправедлив. Но это не повод столь жестоко шутить надо мной.

— Я очень хотел, чтобы это было всего лишь моей шуткой. Я бы тогда не испытывал таких ужасных страданий. Но эту шутку сыграл с нами Повелитель Зла.

— Так, значит, это правда?

— Каждое слово соответствует истине. И слова эти причиняют мне страдания больше, чем смертельная рана.

— Нассеф... убит. Но это же кажется невозможным. Ясмид увезли. Наверное, потребовалась целая армия, чтобы до нее добраться. Разве не так?

— Нассефа, повелитель, убили наемники из гильдии. Те же самые люди, которые убили Карима. Вместе с Бичом Божьим они отправили на небеса более тысячи Непобедимых. Это было страшное лето для нашего Братства. Нас осталось так мало.

— А Ясмид?

— Здесь пока не все ясно. Эту новость привез нам гонец. Он едва не до смерти загнал себя и лошадь. Ему пришлось скакать, невзирая на тяжелые раны. Эль Кадер отправил ваших детей в Хаммад-эль-Накир на тот случай, если война с севером обернется для нас неблагоприятно. Они находились под охраной Непобедимых. Почему они не смогли отстоять девочку, я не знаю. Кто-то нашел подход к твоей дочери. Братья, которые пережили ночное нападение, бросились в погоню.

— Все-таки я мало что понимаю, Мауфакк.

— Знаю, повелитель. Но это все, чем я располагаю в данный момент.

— Удалось ли тебе умиротворить здешних язычников?

— Те, кто остался в живых, ведут себя вполне прилично, повелитель, — с ухмылкой ответил Мауфакк.

— В таком случае я перестаю дышать тебе в ухо и удаляюсь на север. Ты остаешься с Ипопотамом один на один. Прикинь, сколько людей тебе потребуется. Постарайся свести их число к минимуму. Эль Кадеру нужна вся наша помощь. Мауфакк...

— Слушаю, повелитель.

— Оставь меня. Мне надо побыть одному.

— Как прикажешь, повелитель.

Задержавшись в дверях, Хали посмотрел на человека, которого он любил больше жизни. Эль Мюрид сидел сгорбившись, как человек, страдающий от невыносимой боли. Он неотрывно смотрел на окруженный легким сиянием амулет, и в глазах его стояли слезы. Однако лицо Ученика оставалось совершенно бесстрастным. Мауфакк решил, что пророк думает о том, стоит ли игра свеч.

Он печально покачал головой. Движение отняло у Эль Мюрида все. Чем еще может он пожертвовать? Только собой и своим отпрыском Сиди. Для мальчишки, правда, смерть бы

явилась скрытым благом, избавив его от состояния недовольства всем и вся, в котором он постоянно пребывал.

Сердце Хали стало холодным как лед. Исчезновение Ясмид приведет к тому, что множество голов полетит с плеч. Столь чудовищное предательство Ученика прощению не подлежит.

Через секунду ему на пути попался Эсмат.

— Доброе утро, доктор. Не могли бы вы оказать мне услугу? Позаботьтесь о нашем повелителе. Он пережил ужасный удар.

Потрясенный Эсмат долго смотрел в спину удаляющегося Хали. Ни разу ему не доводилось слышать от Мауфакка ни одного доброго слова... Случилось что-то действительно очень скверное, подумал он и заспешил к Ученику.

Эль Мюрид покинул Ипопотам через два дня. Он скакал на север настолько быстро, насколько позволяли старые раны.

Ходили слухи, что в Алтее наемники из гильдии насадили голову Нассефа на пику и используют ее в качестве боевого штандарта. В других местах присутствия гильдии заметно не было, но тот отряд в глуши продолжал напоминать всем, что Братство ведет свою персональную войну...

Какой жестокий конец обрел Нассеф... Неужели его племянница воссоединится с ним в объятиях Черной Дамы? А может Быть, воссоединение уже произошло?

Если она еще жива, то вся мощь Хаммад-аль-Накира будет брошена на ее поиски.

Но могло оказаться так, что пустыня утратила свою силу. Держащий ее в узде гений ушел из жизни. Кто может занять место Бича Божьего?

Эль Мюрид издевательски фыркнул, одергивая самого себя. По крайней мере теперь ему не придется волноваться по поводу возможного предательства или двуличия. Теперь ему надо будет беспокоиться не о том, как поступать с Нассефом, а лишь о том, как жить без него.

Кто будет одерживать невероятные победы? Кто одарит его новыми Аль-Ремишами и Дунно-Скуттари? Кто возвратит Империи провинции к северу от Скарлотти?

— Повелитель! — закричал один из его приближенных. — Слава Творцу, повелитель, Эль Кадер сделал это! Он разбил северную армию!

— Это правда? — спросил Эль Мюрид.

— Совершеннейшая правда, повелитель. На послании — личная печать Эль Кадера.

— Найди бин Гамеля. Скажи ему, что я приказываю остановить армию. Мы должны воздать хвалу Творцу, который дарует нам все наши победы.

Ученик был потрясен. Эль Кадер? Победа? Этот человек всегда был лишь тенью Нассефа, закадычным дружком Бича Божьего и к тому же грязным дельцом, пытающимся в хаосе войны обогатить своих родственников. Человек, у которого начисто отсутствует воображение... Тем не менее он выиграл битву на руинах Ильказара... Невероятно!

Когда Эль Мюрид воссоединился с Эль Кадером, уже задули холодные осенние ветры. Те, кого волновали климатические явления, предсказывали раннюю и суровую зиму. Погода менялась очень быстро, как бы спеша заявить, что первое лето кровавой войны наконец закончилось.

В лагере Эль Кадера оказалось очень мало воинов.

— Где наши бойцы? — спросил Ученик. — Неужели победа досталась нам столь дорогой ценой?

— Вовсе нет, повелитель. Часть воинов ищет вашу дочь, других я отправил по домам к семьям. Поиски пока ни к чему не привели, однако мы знаем, что она жива.

— Откуда тебе это известно?

— Во-первых, никаких иных сведений не поступало. Во-вторых, она представляет ценность для бин Юсифа только живой. Разве не так? Мы надеемся, что он держит ее при себе, чтобы впоследствии использовать против нас. Если это так, мы ее обязательно вернем.

— Следовательно, Ясмид у него?!

— Мы так думаем, повелитель. Мы проследили путь ее телохранителей до самой Алтеи. Но там наши люди погибли от руки все тех же наемников, с которыми связался бин Юсиф.

— Солдаты гильдии? Опять? Те самые, которые убили Карима и Нассефа.

— Они, повелитель. Эти люди становятся костью в горле.

— Я желаю видеть их просто костями, генерал. Не хочу ничего слышать о них до тех пор, пока ты не объявишь, что они все мертвы.

— Шансов выжить, повелитель, у них очень мало. Их поисками заняты тысячи и тысячи людей.

— Поисками? Следовательно, тебе не известно, где они находятся?

— Не известно, повелитель. Они исчезли. Их базой был лес в Алтее, но, когда мы направили туда людей, они уже успели скрыться. Бежали примерно в то время, когда в их расположении появилась ваша дочь.

— Ты должен их найти.

— Обязательно, повелитель.

К ним подошел один из подчиненных Эль Кадера и прошептал что-то на ухо начальнику.

— Ты уверен? — спросил генерал.

— Совершенно уверен, господин.

— Любопытно, — сказал Эль Кадер и, повернувшись к Эль Мюриду, пояснил: — Делегация с севера просит нашего разрешения перейти на этот берег Скарлотти. Они желают приступить к мирным переговорам.

— К мирным переговорам? Какие переговоры? Их войска разбиты.

— Возможно, повелитель. Но выслушать их не вредно.

Все стало гораздо яснее, когда делегаты явились. Эль Мюрид тут же уловил смрад предательского политиканства.

В делегации были представлены практически все северные государства. Лишь Троллединдия, племена Шарана и королевство Фрейленд, не вовлеченные в боевые действия, не прислали своих представителей. Все прибывшие делегаты разбились на две весьма заметные группы. Главными миротворцами выступали представители малых государств, между реками Скарлотти и Портуной. Их жители уже успели испытать на себе

действие божественного Света. Итаския и ее северные союзники занимали более воинственную позицию.

Эль Мюрид приветствовал послов милостивой улыбкой, а тех, кто стремился к примирению, одарил рукопожатием в западном стиле. Герцог Грейфеллз, казалось, был удивлен тем, что его встретили так же, как и всех остальных.

Своих соратников Эль Мюрид северянам не представил, давая тем самым понять, что лишь он может выступать от имени Королевства Покоя.

Когда процедура представления закончилась, Эль Мюрид, оставшись наедине с Эль Кадером, спросил:

— Генерал, чего, по вашему мнению, нам необходимо добиться от этих людей? Есть ли что-нибудь такое, что мы просто не могли бы взять?

— Ничего такого я не вижу. Впрочем, мы могли бы постараться сохранить раскол в их рядах. Кроме того, они могли бы нам помочь в решении некоторых политических проблем.

— Например?

— Гильдия. Они могли бы оказать на нее давление с целью вернуть госпожу Ясмид, если та находится в руках наемников. А еще вы могли бы выразить недовольство тем, что в ваших владениях расположены лагеря беженцев. Пока лагеря будут находиться вне зоны нашего влияния, они останутся рассадниками заразы.

— Понимаю. Но не создадим ли мы тем самым у них впечатления, что не способны решить эту проблему сами?

— Мы это сделаем. Но со временем. Но самое главное, мы могли бы убаюкать их. Дать им возможность думать, что они покупают мир. Если мы превратим лагеря в предмет торга, мы можем заставить наших врагов таскать для нас каштаны из огня. Кроме того, мы можем потребовать от них выдачи бин Юсифа, если им представится такая возможность. Разве есть что-то недостойное в том, если мы разрешим врагам Творца действовать для пользы Его же дела.

— В этом нет ничего недостойного, — ответил Эль Мюрид, одарив Эль Кадера одной из своих редких улыбок. — Хорошо, сыграем в их игру. И выиграем.

На следующее утро Эль Мюрид дал послам роскошный завтрак. На яства пошли продукты, доставленные из новых провинций Империи. А тем временем на плацу, в поле зрения завтракающих, офицеры Эль Кадера муштровали вставших под знамена Ученика жителей Запада.

Эль Мюрид вкушал пищу, сидя на высоком временном троне. В ходе завтрака он по одному приглашал к себе эмиссаров и задавал им одни и те же вопросы: «С какой целью вы сюда явились?» и «Что вы хотите?» Переводчики старались вовсю. Писцы, ставя новые рекорды скорости, записывали ответы.

Большинство посланников признались, что явились, только повинуясь приказу своих сюзеренов. Разными словами они просили об одном: положить конец кровопролитию.

— Вы хотите мира? — вопрошал Эль Мюрид. — Но это слишком простое решение. Вы должны воспринять Истину.

Произнеся эти слова, он с улыбкой вручал каждому послу заранее заготовленный текст договора. Все, кто в его войске умел писать, трудились над текстами всю ночь.

Передав документ, Ученик добавлял:

— Вы, господин, должны его принять целиком или отвергнуть. Я есть Рука Божия на Земле и не веду торг подобно мелкому лавочнику. Жду вашего ответа завтра утром.

Представители некоторых самых далеких королевств попытались пуститься в спор, но Непобедимые негромким бряцанием оружия заставили спорщиков умолкнуть. Однако большинство послов вернулись на свои места и принялись изучать предложенные им условия. Некоторые из них явно не могли скрыть своего изумления.

Эль Мюрид получал от этой игры невыразимое удовольствие. Он раньше не представлял, что власть может доставлять такую радость... Однако, едва подумав об этом, Ученик нахмурился и произнес про себя слова осуждения в свой адрес. Подобное тщеславие не достойно Руки Бога на Земле.

В большинстве случаев предложенные им условия были довольно либеральными. Он мог позволить себе дарить вещи, которыми не владел, и раздавать обещания, которые не намеревался выполнять. Закон не простирал свою руку над невер-

ными. Для него по-настоящему имел значение лишь тот пункт договора, который разрешал миссионерам нести Свет веры в пока еще не оккупированные им земли.

— Ты заметил? — спросил он Эль Кадера чуть ли не со смехом. — Некоторые из них были готовы целовать мне руку.

— Да, повелитель. Но они так же готовы ее укусить, едва вы отвернетесь. Повелитель, здесь есть один человек, который тайно обратился ко мне. Он хочет поговорить с вами от своего имени. Мне кажется, что это может принести нам пользу.

— Кто он?

— Грейфеллз. Итаскиец.

— Что он хочет?

— Здесь замешана политика. Грейфеллз утверждает, что по просьбе Нассефа он заключил соглашение с Каримом. Поэтому Карима и убили, говорит он. Похоже, что все это правда. Все, что нам известно о передвижениях Грейфеллза, Карима и бин Юсифа, только подтверждает его слова.

— В таком случае приведи его ко мне. Это может оказаться интересным.

Теперь он страшно жалел о том, что оставил Мауфакка в Ипопотаме. Ученику как никогда требовался надежный человек, с которым можно было бы тайно обсудить свои соображения.

Итак, появился след еще одной интриги Нассефа. А участие в ней Грейфеллза говорило о ее содержании. Неудивительно, что Нассеф так заторопился в Алтею после смерти Карима. Необходимо было завершить начатое. Кроме того, там находился бин Юсиф, преграждающий ему путь к Трону Павлина...

— Нассеф, Нассеф, — пробормотал он, — ты умер, но ты по-прежнему плетешь свои интриги.

Почему Эль Кадер вдруг заговорил об этом? Разве он не один из ближайших подручных Нассефа? Нет сомнения в том, что он теперь решил взять нити заговора в свои руки.

Грейфеллз оказался худощавым, жилистым человеком с бегающим взглядом и преждевременно поседевшей шевелюрой. В нем присутствовало что-то лисье. Казалось, что он все время виляет.

— Милорд Ученик, — произнес он, почтительно кланяясь.

— Скажи ему, чтобы он сразу переходил к делу, — сказал Эль Мюрид, обращаясь к переводчику. — Я не играю в мирские игры. Если он попытается начать игру, я вышвырну его отсюда.

Грейфеллз выслушал эти слова с подчеркнутым равнодушием. Как только переводчик замолчал, герцог кивнул в сторону двери и сказал:

— Я должен проявлять осторожность. У меня есть сильные враги.

— Может быть, вы приведете доводы, почему я не должен вас им выдать? — спросил Эль Мюрид.

Грейфеллз поделился с ним сведениями, которые ранее донес до него Эль Кадер. В его рассказе присутствовали лишь дополнительные детали. Герцог признался в своем намерении узурпировать трон Итаскии.

Эль Мюрид испытывал сильнейшее отвращение. Если когда-нибудь смертная женщина имела ребенка от Властелина Зла, то это наверняка была мать этого человека.

— Все это для меня новость, герцог. Мой родственник подобно вам вынашивал свои честолюбивые планы.

Герцог побледнел, а Эль Мюрид усмехнулся. Хитроумный Нассеф! Значит, ты не был до конца откровенен с герцогом.

— Я командую союзной армией, милорд. Только я решаю, где и когда она вступает в бой, — поспешно и заметно нервничая, произнес Грейфеллз, пытаясь хотя бы немного спасти положение.

— В таком случае вы совсем недавно приняли весьма скверное решение, — едва не расхохотался Эль Мюрид.

— В этот раз решал не я. Но политическая ситуация заставила меня согласиться.

— От вашей армии мало что осталось.

— Потери могут быть возмещены. Мы можем собрать еще дюжину таких армий. И эта работа уже идет. — Герцог почти восстановил пошатнувшуюся невозмутимость. — Мы, итаскийцы, дважды не наступаем на одни и те же грабли.

— Возможно, что это действительно так, — произнес негромко Эль Мюрид, снимая руку, прикрывающую его амулет. Живой камень пылал ярким пламенем. Волшебный огонь отражался в глазах герцога. — Но на пути вам могут встретиться и другие грабли. Однако вернемся к делу. Пока в вашем предложении я не вижу никакой для себя пользы. Если когда-нибудь я ее замечу, то найду способ вступить с вами в контакт.

— Ваша польза в тех людях, которых вы не потеряете, — сказал Грейфеллз. Теперь он был явно раздражен. — Вы в мирной обстановке сможете переварить то, что уже проглотили. У вас появится время покончить с Алтеей, Кавелином и Хэлин-Деймиелем. И вам не надо будет беспокоиться о роялистах, бежавших на мою территорию.

Этот человек действительно вызывает отвращение. *Его* территорию.

— Схватите бин Юсифа. Доставьте его мне, и вы получите все, что желаете, — солгал Эль Мюрид. Он не чувствовал за собой никакой вины, обманывая это жалкое орудие самого Великого Обманщика. — Дайте мне то, что я больше всего хочу получить, и мы обсудим все остальные вопросы. А пока вы впустую теряете время.

Грейфеллз не сводил глаз с Ученика и его знаменитого амулета. Он понимал, что словами убедить Эль Мюрида не удастся.

— В таком случае я удаляюсь к себе, пока меня не хватились, — отвесив поклон, сказал герцог.

Выждав примерно минуту, Эль Мюрид спросил:

— Что скажешь на это, Эль Кадер?

— Он был очень откровенен, повелитель, — ответил военачальник, выходя из-за висящего на стене ковра.

— Может ли он принести нам какую-нибудь пользу?

— Сомневаюсь. Он немедленно нас предаст.

— Пусть твои шпионы не сводят с него глаз. Сам же его просто не замечай.

— Как прикажете, повелитель.

Всю следующую неделю Эль Мюрид заключал договоры, гарантирующие ему мир со всеми, кроме Итаскии, Ива Сколовды, Двара и Прост-Каменца. В каждом договоре содержался пункт о том, что оба его участника обязуются не предостав-

лять права прохода через свою территорию силам, враждебным высоким договаривающимся сторонам. Северянам будет трудно добраться до Эль Мюрида, не напав предварительно на своих бывших союзников.

Ученик не сомневался в том, что этот пункт, так же как и пункт о свободном передвижении миссионеров, будет нарушаться достаточно часто для того, чтобы создать casus belli и позволить ему возобновить военные действия.

Эль Мюрид не желал установления прочного мира за пределами королевства. Своими действиями он просто выигрывал время для будущих захватов. Договоры не могли ввести Ученика в заблуждение. Все остальные участники переговоров также стремились к передышке лишь для того, чтобы укрепить свою оборону.

Самой большой загадкой для него оставалась откровенная враждебность Итаскии. Почему они настроены так воинственно, хотя прямой угрозы их территории и людям нет? Какую выгоду сулит им война?

Так закончилось кровавое лето, позже названное историками Первой войной Эль Мюрида. Совершенно неожиданно для всех восстановление Империи стало казаться реальным делом.

Ученик вернулся в Хаммад-аль-Накир — вначале в Аль-Ремиш, а затем в Себил-эль-Селиб, чтобы оплакать новые потери и вчерашние утраты. Еженедельно он получал доклады Эль Кадера, который планировал новую кампанию, по крупицам восстанавливая прежние задумки Нассефа.

Но посланцы генерала не приносили ему новость, услышать которую больше всего жаждал Эль Мюрид. В донесениях не было ни слова о судьбе Ясмид.

Даже его шпионы в рядах роялистов не смогли узнать ничего нового. Они лишь подтверждали, что Ясмид раньше действительно появлялась в лагере солдат гильдии в лесу Бергвольд в Алтее.

Вначале Ученик пытался справиться с горем, проводя долгие часы в молитвах. Однако позже, наделив Эсмата такой властью, которую раньше имел лишь Нассеф, Эль Мюрид вернулся в Аль-Ремиш. Там, скрывшись от мира в Святилище Мразкима, он целиком отдался борьбе со своим пагубным пороком.

Глава 15

ПЛЕННИКИ

Четверо солдат гильдии волокли пленных на пост. Действия наемников нежностью не отличались. Толстяк брыкался и визжал, поэтому его пришлось связать, заткнуть рот и стукнуть несколько раз по башке. Это было сделано, несмотря на то что парочка явно бежала от Непобедимых.

Женщина надменно молчала, на каком бы языке к ней ни обращались.

Драконоборец, приняв пленных, также не проявил к ним никакого почтения. Ему надо было прежде всего разобраться с Непобедимыми. Покончив с врагами, он выделил двух человек для сопровождения пленных в основной лагерь. Рассказ толстяка он выслушал, но сам никаких выводов делать не стал.

Толстяк начал путешествие, болтаясь поперек седла на спине осла. Продираясь сквозь кусты, он разорвал свою одежду и поцарапал лицо. Трясясь брюхом вниз на спине осла, он непрерывно сыпал проклятиями примерно на дюжине языков.

— Да заткнись же ты наконец! — не выдержала Ясмид. — Ты нас в это дело втянул. Так веди себя как подобает мужчине.

— Невозможно вести себя по-мужчински, являясь заброшенным на спину животного подобно мешку зерна. Этот постыдный судьбина...

— Почему бы вам не стукнуть его еще разок по голове? — спросила Ясмид у наемников на языке Хэлин-Деймиеля.

— Оказывается, она умеет говорить, — пробормотал один из солдат по-итаскийски.

— У меня есть идея получше, — ответил второй на том языке, который избрала девушка. — Мы заставим его идти пешком. С таким жиром он быстро испустит дух.

— Боюсь, солдат, что он заставит тебя удивиться.

— Накинь-ка ты на него удавку, Карл, — предложил второй наемник. — Чтобы он не смылся в лес.

В результате Насмешнику пришлось вступить в лагерь своего союзника подобно собаке на поводке. Возмутительно! Его

добыча входит в лагерь свободно, с гордо поднятой головой, величественная, словно королева, а его волокут, как раба.

Солдаты провели их за бревенчатую ограду, а затем — через весь лагерь к тому месту, где роялисты и наемники предавались какой-то очень сложной азартной игре.

— Капитан, сержант Драконоборец направил вам двух пленников.

На них сверху вниз взирал какой-то огромный взлохмаченный юноша. Один из роялистов что-то произнес и бегом помчался в сторону жалких бараков. Великан пожал плечами и сказал:

— Последи за ними, Ут. Белул хочет, чтобы на них взглянул Гарун.

Ясмид вздрогнула и побледнела. Итаскийского языка она не знала, но имя «Белул» уловила вполне отчетливо. Самый опасный из всех роялистов! Тот, которого ведет в бой ненависть и жажда мести. В ее сердце погас последний лучик надежды. Ее место занял страх. Мира с подобным врагом быть не может. Белул! Как она могла быть такой дурой?!

По лагерю бежал юноша. Его черная мантия развевалась на ветру. Ясмид вспомнила его лицо. В ее памяти встала ночь на холме над Аль-Ремишем... Он стал старше, жестче, мужественнее...

— Почему ты не развязал его, Белул? — спросил Гарун. Достав кинжал, он разрезал веревки, стягивающие кисти рук толстяка. Затем, перейдя на итаскийский, сказал, обращаясь к Рагнарсону: — Этот человек — мой агент. Я оправил его далеко на юг. Не было ли с ним большого парня?

— Только эта вертихвостка, сэр, — ответил один из солдат эскорта. — Мы не знали, кто он такой. Он ничего не объяснил. Во всяком случае, так, чтобы кто-нибудь понял.

— Хорошо. Хорошо. Вытащи у него кляп изо рта.

Насмешник едва держался на ногах. Он обхватил руками свое необъятное брюхо и просипел (у него совершенно пересохло горло):

— О горе! Как мог лично я попадать в такое после проложения клинком пути через тысячи миль смертеленосных опас-

ностей, на каждом шагу угрожавших как жизни, так и отдельностным частям тела. В условиях постоянственного преследования ордами дикарей из пустыни.

— Ты хорошо поработал в Ипопотаме, — сказал Гарун на языке пустыни, которым пользовался Насмешник. — Дело кончилось тем, что с главного театра ушла целая армия. О таком я даже не смел мечтать. А что случилось с твоим гороподобным другом?

— Никогда больше не говори об указанном. Он встретить на своем тернистенном пути одного лишний Непобедимый. Лежать бездвижный далеко от родной дом, сам не зная почему. Бедный глупый Гуч. Быть хороший друг. Спарен спать спокойно, ведая об отмстительстве.

— Жаль. Его первобытность вызывала некоторую симпатию.

— Актер! — взорвалась Ясмид. — Ты знаком с этим... Этим... Ты на него работаешь?

— Истина произнесена, госпожа, — ухмыльнулся Насмешник. — Лично я есть переодетый обманщик, у который больше пяти палец на руке. Допускаемо, что и с девицами у указанного хорошо получаться.

— О чем она толкует? — спросил Гарун.

— Приветствовать тебя, могущественный король, — произнес с поклоном Насмешник. С его лица не сходила ухмылка. — Позволь тебе представить наинастоящую принцессу. Указанная являться первородный дщерь нашего архинедруга Эль Мюрида. Указанная, по имени Ясмид, была пленительна лично мною с огромной опасностью и доставлена из самой сердечник Пустыни Смерти. Этот скромный знак моей внимательность к могущественный король позволяет лично мне ожидать огромный вознаграждение, пожелательно наличностью. Положи в ряд золотые монеты по одной за каждый рану и за каждый оскорбление, перенесен...

Глаза Гаруна округлялись все больше и больше. И он впервые внимательно посмотрел на Ясмид.

— Так это ты? Однако ты выросла.

Их взгляды снова встретились, как в ту далекую ночь под Аль-Ремишем.

Ясмид разразилась великолепной, почти театральной бурей негодования. Ее вопли подняли на ноги весь лагерь. Через минуту она уже визжала в окружении не менее чем двух сотен человек.

— Толстяк выкрал дочь Ученика, — сказал Гарун, обращаясь к Рагнарсону. — Не знаю, как ему это удалось... Ты можешь в это поверить? Невероятно!

Браги не разделял его восторга. Но кое-какие положительные стороны в этом событии он тоже узрел.

— Судьба разлюбила этого человека, — сказал он. — Еще месяц назад он был на вершине успеха. Теперь же он потерял самого любимого члена семьи.

Ясмид не умолкала. Ее вспышка ярости постепенно перешла в истерику. Девочку окружало море ухмыляющихся враждебных лиц. Ей казалось, что на нее напали легионы Властелина Зла. Как поступит Гарун? Бросит ее на потеху своим людям?

— Вот это да! — не выдержал Рагнарсон. — Неужели она никогда не прекратит вопить?

— Пребывать в смертельный ужас, — заметил Насмешник.

— Заткнись, девчонка! — рявкнул Рагнарсон.

Она не унималась, что было вполне понятно. Браги говорил по-итаскийски. Впрочем, она не замолчала бы даже в том случае, если бы он изъяснялся на понятном ей языке.

Браги пребывал не в самом благодушном настроении. Только что, играя в кости, он понес весьма ощутимые потери. Но не только злость заставила его поступить так, как он поступил. Ее истерику следовало прекратить.

Он схватил Ясмид, подтянул к себе, положил на колено, задрал подол и принялся шлепать ладонью по голой заднице. Некоторое время она еще извивалась и визжала, но потом затихла.

Рагнарсону не дано было понять, какое чудовищное оскорбление он ей нанес. В его стране женщины не скрывали лицо, а девицам даже нравилось, когда парни шлепали их по голой попке.

Толстяк заставил ее натянуть туземное платье и сжег ее вуаль. Много дней ей пришлось путешествовать в позоре. А те-

перь другой варвар обнажил ее женственность перед всем лагерем. Его приятели хохотали и отпускали шутки по поводу родимого пятна в форме ладони на одной из ягодиц.

Из глаз девочки лились слезы, но она не хотела доставить зрителям дополнительного удовольствия мольбами о прощении.

Гарун был жителем пустыни. Он ударом отбросил руку Браги в сторону, рывком поднял девочку на ноги и укрыл у себя за спиной. Король-без-Трона покачивался на каблуках, готовый к любому исходу. Ясмид съежилась за его спиной, дрожа от стыда и страха.

Смех стих. Лица солдат гильдии окаменели. Рагнарсон неторопливо поднялся, сжимая кулаки.

— Эй! — закричал Насмешник, вставая между противниками. Он принялся вертеться, поворачиваясь лицом то к одному, то к другому. Полы его балахона развевались на ветру. — Лично я есть интересоваться, когда начнется празднование. Перед вами есть великий герой, ожидающий великий юбилей в честь указанного. Выпивание, пение и хорошее время для всех. Отсутствование женщин приносит сожаление. Ну ничего. Главное весело! — Насмешник изо всех пытался остановить покатившийся под гору экипаж.

Его шутовство разрядило напряжение.

— Пожалуй, он прав, — произнес Рагнарсон, когда разобрался в ломаном деймиельском, на котором болтал Насмешник.

— Белул, — распорядился Гарун, — препроводи госпожу Ясмид в мое жилище.

Белул удивленно вкинул брови. Но вслух произнес:

— Как прикажешь, повелитель.

Перейдя на другой язык, Гарун сказал, обращаясь к Браги:

— Тебе следует осторожнее обращаться с чувствами моего народа. Ты подверг ее чудовищному унижению. Мне, возможно, придется выставить охрану, чтобы она не наложила на себя руки.

— Что? — не веря своим ушам, спросил Рагнарсон.

— Нелепость какая-то, — пробормотал его брат.

— Возможно. Но только для вас. Вы — дети иных земель и ведете себя по-иному. Моим людям некоторые ваши поступки тоже представляются совершенно нелепыми.

— Ты хочешь сказать, что она самая что ни на есть подлинная дочь? — спросил Браги. — Не бродяжка, которую твой друг подобрал на дороге?

— Это она.

— В таком случае нам следует хорошенько подумать. Она сулит нам дополнительные хлопоты.

— Например?

— Если мы оставим ее в живых (мертвая она не принесет нам никакой пользы), начнутся ее поиски. То, что мы перенесли от людей Эль Мюрида раньше, теперь покажется детской игрой. Сейчас делом займутся горбоносые типы в белых балахонах. А твой пузатый друг оставил след, по которому может пройти целая толпа. Одним словом, нам следует скрыться. И как можно быстрее.

— Наверное, ты прав. Дай мне немного подумать. — С этими словами он отправился на поиски Белула.

Гарун нашел военачальника рядом со своей лачугой.

— Как она?

— Смертельно оскорблена, повелитель.

— Хм... Белул, найди какую-нибудь тряпицу. Достаточно большую, чтобы она могла соорудить из нее покрывало для лица и приличное одеяние.

— Повелитель...

— Ты слышал, что я сказал, — бросил Гарун, входя в хижину, служившую ему одновременно жильем и штабным помещением.

Ясмид с опущенной головой сидела на грязном полу. Она беззвучно плакала. Тело ее сотрясалось от рыданий. Когда вошел Гарун, девочка не подняла глаз.

— Я хочу принести за своих друзей извинения. Они явились из дальних стран, где совсем другие обычаи. Они вовсе не хотели тебя унизить.

Ясмид ничего не ответила.

— Я приказал Белулу найти материал, из которого ты могла бы сделать приличествующий тебе наряд.

Не поднимая глаз, она едва слышно пропищала:

— Что ты собираешься сделать со мной?

— Я? Да ничего. Просто стану держать тебя подальше от людских глаз. Чтобы твой отец волновался.

— Ты не станешь меня убивать? Не отдашь на поругание своим людям или этим варварам, а потом перережешь горло?

— С какой стати?

— Я — твой враг. Мой дядя и отец истребили всю твою семью.

— Дядя твой был моим врагом. Отец твой врагом остается. Но ты — не враг. Я не воюю с женщинами. Ты не сделала...

— Ты убил маму.

— В битве. Разбираться времени не было, — пожал плечами Гарун.

Ясмид подтянула колени к подбородку и обняла их руками.

— Он меня обманул, правда?

— Кто?

— Толстяк.

Она, конечно, все знала, но ей хотелось услышать об этом еще раз. Девочке казалось, что после этого она перестанет ощущать себя сообщницей в заговоре.

— Он уговорил меня приехать, — продолжала Ясмид. — Я думала, что смогу помирить тебя с отцом.

— Это было бы довольно трудно. Да, он выманил тебя хитростью. Это его профессия. И он делает свою работу лучше, чем я мог надеяться.

Гарун уселся на пол лицом к ней, удивляясь, что делает эту девочку столь непохожей на других.

Во всяком случае, не внешность. В этом отношении она была весьма обычной. Ничего выдающегося. Активное времяпрепровождение на воздухе оставило след на ее лице, что не отвечало вкусам мужчин Хаммад-аль-Накира. Кроме того, она казалась чрезмерно самоуверенной.

Ясмид долго молча смотрела в пространство, а затем пробормотала:

— Весьма интересная дилемма.

— Какая дилемма?

— Следует ли мне убить себя, дабы избавить движение о заботе обо мне, или сохранить свою жизнь вопреки интересам движения?

Культура, в которой воспитывался Гарун, не давала возможности понять женщин. Его знания о противоположном поле ограничивались традициями и не очень достоверными сведениями, почерпнутыми из рассказов приятелей. Он совершенно не предполагал, что женщина способна думать, может пойти на жертву или беспокоиться о завтрашнем дне. Король-без-Трона в немом восторге взирал на дочь Ученика.

— Полагаю, что следует подождать знака свыше, — продолжала она. — Самоубийство — крайняя мера. Если же я останусь в живых, то у меня может появиться возможность бежать. Или меня могут освободить.

— Все возможественно, как бы сказал мой тучный друг, — произнес Гарун. Но маловероятно, подумал он про себя. — Попроси Белула доставить все, что необходимо для шитья.

Выйдя из лачуги, он отправился на поиски Рагнарсона.

— Нет, нет, нет, — втолковывал Браги какому-то алтейцу, только что выпустившему стрелу в мишень.

— Но я же попал. Разве не так, сэр?

— Да. Тебе повезло. Но ты будешь попадать каждый раз, если...

— Прости, — прервал его Гарун. — Мне пришло в голову, что лучше всего перебраться в горы Капенрунг.

— Что?

— Нам следует перебазироваться в горы. Они больше подходят для той войны, которую мы сейчас ведем. Больше пространства для маневра и для ухода от охотников. Кроме того, достаточно близко от Хаммад-аль-Накира, что открывает возможность наносить удары в южном направлении. От гор до Аль-Ремиша для конницы всего несколько дней пути.

— Но мы приписаны к Алтее.

— Всего лишь к Алтее? Неужели приказ однозначно лишает командира права принимать на месте необходимые решения?

— Не знаю. Они всего лишь сказали, что мы идем в Алтею. Возможно, что Сангинет знал больше. Но его нет, чтобы поделиться со мной своими знаниями.

— Послали вас сюда и бросили. Разве ты этого не видишь? Они не торопятся прислать замену вашему капитану. Они не

шлют вам никаких приказов. Ты полностью предоставлен самому себе.

— И как ты намереваешься отсюда выбраться, не потеряв при этом всего своего войска? Их люди повсюду.

— Учти, что теперь у нас есть пленница. Непобедимые знают, кто эта девочка. Им известно, где нас искать. И вообще идея бежать отсюда прежде всего осенила тебя.

— Ты прав.

Продолжать спор Рагнарсон не стал. Он понимал, что второй раз чуда, подобного чуду в Альперине, не произойдет. Первые отряды отправились в путь в тот же вечер.

Гарун, не желая привлекать внимания к передислокации войска, уговорил Браги отправлять людей группами по четыре человека и использовать при этом как можно больше различных маршрутов. В каждую группу солдат бин Юсиф включил по одному из своих людей, чтобы те указывали дорогу в старый лагерь Белула. С первым отрядом ночных путешественников Браги отправил своего брата, а со второй — Драконоборца. Бин Юсиф, Насмешник и Ясмид тихо исчезли глубокой ночью. Гарун даже не намекнул о своих намерениях или маршруте.

Рагнарсон вместе с Белулом и парой молодых роялистов покинул лагерь последним. Ни один из трех детей пустыни не владел понятными Рагнарсону диалектами.

Браги оглянулся лишь один раз. Бергвольд показался ему темным морским валом, застывшим на взлете. Молодой человек ощутил легкую грусть. Лес стал его домом.

Рагнарсон после бегства из Драукенбринга очень редко чувствовал себя счастливым. Тем не менее он по-прежнему был вместе с братом. Они оба были живы и здоровы. Ничего большего Браги от богов и не требовал.

Белул оказался опытным и ловким путешественником. Он вел их через ночи и мили так, что они ни разу ни встретились лицом к лицу с другими людьми. Казалось, что он каким-то особым чутьем ощущал приближение незнакомых путников. Когда мимо них проезжал всадник, они всегда оказывались в укрытии. Надо сказать, что большинство встречных принадлежало к их сторонникам.

Этому искусству следует научиться, подумал Браги. Как сможет найти их Эль Мюрид, если даже друзья не способны заметить передвижение отряда.

Дети пустыни обладали этой способностью от рождения. Искусство тайно передвигаться и коварно нападать было их наследственным достоянием.

Рагнарсон жалел о том, что лишен возможности общаться с Белулом. Военачальник казался ему мудрым стариком.

Браги уже много времени безуспешно пытался освоить язык пустыни. Грамматические правила резко отличались от всего того, что он знал, и, кроме того, в языке имелось безмерное число диалектов.

Как-то случилось так, что Белул нарушил свои правила и остановил проезжающего гонца. Рагнарсон поразился необычному поведению своих спутников. После разговора с всадником они впали в странное состояние унылой ярости. Лишь через полчаса им удалось втолковать Браги, что Эль Кадер разбил армию северян.

Белул резко ускорил передвижение, справедливо полагая, что скоро в этих местах появится несметное множество воинов, разыскивающих дочь своего пророка. Настало время найти нору, в которой можно было бы укрыться. Браги радовался тому, что Гарун уговорил его покинуть Бергвольд.

Через четыре дня он обнял Хаакена и сказал:

— До чего же рад тебя видеть. Я рад видеть любого, кто не кудахчет, а говорит на нормальном человеческом языке.

— Ты слышал? Я имею в виду битву.

— Да. Но ты должен меня просветить. Детали я так и не понял.

— У Эль Сенусси и у меня возникла идея. Мы подумали, что могли бы завербовать тех, кто выжил, и сколотить из них собственную армию.

— Расскажешь утром. А сейчас я намерен завалиться спать. Но чем ты думаешь привлечь людей, если мы не можем платить? Мы даже прокорм им гарантировать не сможем.

Ответа на эти вопросы у Хаакена не нашлось.

В конечном итоге Рагнарсон и Белул послали самых отважных из своих людей рекрутировать не только тех, кто пережил битву, но и всех желающих встать под знамена невидимой армии. К зиме армия эта существенно выросла. Новобранцы учились искусству солдат гильдии, нападая на отряды Эль Кадера.

Воины пустыни так и не смогли догадаться, с кем им приходится вступать в схватки. Поиски дочери Эль Мюрида велись главным образом дальше к северу, ближе к лесу Бергвольд.

Алтея была перерыта сверху донизу.

Насмешник объявился примерно через месяц, однако Гарун оставался недоступным даже для своих ближайших друзей. Он отсутствовал так долго, что Белул даже стал задумываться, не стоить ли начать подыскивать нового короля.

Пораскинув мозгами на эту тему, старый воин понял, что ближайшими претендентами на трон могут стать отпрыски Эль Мюрида. Правда, по материнской линии.

Зловеще ухмыляясь, он подготовил депешу, которая по его замыслу должна была попасть во вражеские руки. В ней сообщалось о планах лишить Сиди жизни, если отец объявит о претензиях своего сына на трон.

Истинная цель Белула состояла в том, чтобы поставить Сиди в известность о его «правах». Сынок Ученика был всего лишь мальчишка, но если верить словам толстяка, то этот мальчишка пустится во все тяжкие, почуяв, что может дорваться до власти.

Зима оказалась холодной и особенно безжалостной к мирному населению, у которых мародеры из обеих враждующих сторон отняли все пожитки и пищевые припасы. Ярость лютовала на заснеженной земле, словно голодное чудовище из легенды.

Все — знатные и простолюдины, богатые и бедные — с нетерпением ждали прихода весны, надеясь снова взять судьбу в руки и попытаться подчинить ее своей воле.

Глава 16

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ВОЙНЫ

В задачу историка не входит установление чьей-либо вины. Но в то же время он не в праве и отрицать вину, если таковая имеет место. По прошествии многих лет даже самый шовинистически настроенный историк будет вынужден признать, что именно северяне в лице герцога Грейфеллза спровоцировали Вторую войну Эль Мюрида.

Апологеты Итаскии обвиняли в этом Гильдию наемников и роялистов Гарун бин Юсифа, которые не прекращали боевых действий. В силу этих обстоятельств, утверждали подобные ученые, Второй войны как таковой не было вовсе. Но наемники и роялисты вели совсем иные войны. Просто им иногда приходилось участвовать в битвах на стороне союзников. Королевство Покоя заключило договоры о мире со всеми странами, согласными на любые условия ради того, чтобы избежать полного истребления. Даже верховное руководство Итаскии, несмотря на воинственную риторику, согласилось с переделом карты западного мира под диктовку Эль Мюрида. К приходу зимы Первая война Эль Мюрида завершилась.

Главный вопрос теперь в том лишь, когда и где начнется Вторая.

Только Ученик до конца знал планы военной кампании на второе лето. Из домов и из своих племен вернулись воины. Число их было больше, чем когда-либо в прошлом. В день Машада ушедший в себя Эль Мюрид благословил их и направил к Эль Кадеру на Скарлотти, где им предстояло воссоединиться с тысячами новых сторонников веры или простых авантюристов из только что завоеванных провинций.

Эль Кадер ждал из Аль-Ремиша приказа о начале наступления. Однако никаких распоряжений не поступало. Эль Мюрид утратил интерес к восстановлению Империи. Мечта озеленить пустыни и желание покончить с пагубным пороком превратились у него в навязчивую идею.

Среди правоверных шепотом передавались слухи о том, что Властелин Зла лично явился в Аль-Ремиш, и Бог-во-Плоти ведет с ним смертельную борьбу за стенами Святилища Мразкима.

Эль Кадер разместил свое воинство вдоль Скарлотти в соответствии с планом, о котором незадолго до смерти упоминал Бич Божий. Это было исключительно оборонительное построение.

После этого ему оставалось только ждать.

Герцог Грейфеллз и союзники Итаскии так запугали некоторые страны, что те расторгли договоры, запрещающие проход через их территории враждебных Ученику сил. В отдельных державах произошли дворцовые перевороты, и строптивые аристократы оказались в темницах. А у части правителей небольших государств высокомерное отношение к ним герцога вызвало лишь протест и отчуждение.

К Эль Кадеру потекли эмиссары, умоляющие его смирить свой гнев. Некоторые делегации, чтобы избежать ярости Воинства Света, обещали шпионить для него. А иные даже просили вмешаться, дабы оградить их от высокомерия и алчности герцога.

Грейфеллз практически не скрывал желания построить свою собственную империю.

Эль Кадер выжидал, продолжая ожидать приказа из Аль-Ремиша и наблюдая за тем, как Грейфеллз становится все более отвратительным в глазах соседей.

Все его обращения в Аль-Ремиш оставались без ответа. Эль Мюрид не мог прервать борьбы с Властелином Зла, чтобы обратить внимание на действия противника у границ его державы.

В конце концов Эль Кадер решил действовать самостоятельно. Призвав к себе командиров, он познакомил их с планом кампании и приказал форсировать Скарлотти через пятнадцать дней. Военачальникам предписывалось хранить план в тайне до самой последней минуты. Кроме того, некоторые королевства должны были рассматриваться не как враги, а как друзья.

Эль Кадер продолжал ждать. Дело дошло до того, что он обратился к Творцу с молитвой об известии из Аль-Ремиша.

Свалившаяся на его плечи ответственность совершенно преобразила Альтафа эль Кадера. Он был слишком занят для того, чтобы тратить время на личное обогащение.

Дни шли за днями, а из Аль-Ремиша не поступало никаких распоряжений. Эль Кадер, еще раз помолившись о том, чтобы Эль Мюрид простил его, вышел из своего шатра и переправился на противоположный берег Скарлотти. Он окончательно решил взять дело в свои руки.

Воинство Света покатилось на север подобно гигантскому цунами, неудержимо сметая на своем пути всех врагов. Армия Грейфеллза была захвачена врасплох и барахталась, захлебываясь во враждебных волнах. Со всех сторон на нее нападали вражеские отряды, и герцог тратил всю свою энергию на то, чтобы не допустить развала войска и избежать решающей битвы с Эль Кадером. В отступлении проявились лучшие черты его полководческого дарования.

Эль Кадер нес огромные потери. Однако ему все же удалось захватить все территории к югу от реки Портуны. По предварительным расчетам Бича Божьего, на это должен был потребоваться целый сезон. Эль Кадер завершил операцию к середине лета.

Не имея никаких указаний и чуя запах крови разбитого врага, Эль Кадер форсировал и эту реку. Он предпочитал действовать, пока инерция движения и высокий моральный дух войска оставались его союзниками. Некоторые из его отрядов добрались до реки Серебряная Лента, глубоко проникнув во владения Итаскии. Довольно большой отряд встал лагерем под стенами Итаскии-Города и отошел лишь после того, как на бой с ним выступил весь гарнизон столицы. Весь север был охвачен паникой. Великий союз находился на волосок от развала.

Западные земли от Ипопотама до реки Портуны вернулись в лоно Империи. Наемники под командованием Хоквинда все еще упрямо продолжали оборонять Хэлин-Деймиель. Эль Кадер не обращал на это никакого внимания. Вреда Воинству Света осажденный город причинить не мог.

Однако к Высокому Крэгу Эль Кадер относился не столь терпимо. Сердце Гильдии наемников должно быть уничтожено, считал он. Воинское братство могло стать ядром сопротивления в завоеванных странах.

Едва перейдя через Скарлотти, он вызвал Мауфакка из Ипопотама и поручил Непобедимым уничтожить Высокий Крэг. Хали весьма сдержанно отнесся к приказу, сомневаясь в реальности поставленной задачи.

Мауфакк Хали являлся вдумчивым военачальником, действующим методично и неторопливо. Он не стал бросать остатки Непобедимых на штурм крепости. Поэтому он прежде всего собрал необходимую информацию, привлек к делу талантливых строителей, значительно увеличил численность своего войска и лишь после этого приступил к систематическому разрушению крепости. Он построил мощные осадные машины. Он провел подкопы. Одним словом, делал все, чтобы свести на нет преимущество противника.

Он даже мог бы, наверное, добиться успеха, если бы события в других местах не вынудили его снять осаду.

Далеко на севере Эль Кадер наконец сумел настичь скользкого как угорь Грейфеллза. Однако этот успех на самом деле явился неудачей.

Битва, получившая название Листонской (по имени близлежащего города Листон), оказалась весьма необычной. Впервые в истории Воинства Света Эль Кадер сформировал крупный отряд тяжелой кавалерии. Герцог Грейфеллз, в свою очередь, отказался от традиционного использования конных рыцарей. Как только Эль Кадеру показалось, что он захлопнул ловушку, герцог приказал своим конникам сражаться в пешем строю.

Грейфеллз выстроил свои войска на склоне холма, прикрытого с обеих сторон лесом. Пикинеры и спешившиеся рыцари образовали заслон перед лучниками. Лучники Итаскии славились по всему миру, и эта битва лишь подтвердила их репутацию. В то время как вооруженные пиками бойцы при поддержке недовольных рыцарей героически принимали на себя атаку за атакой, лучники заполонили небо тучами стрел.

Если бы Эль Кадер не оказался слишком уверенным в благополучном исходе сражения и, прислушавшись к своим советникам, выждал бы несколько дней, пока не соберется все Воинство Света, он, вне сомнения, истребил бы армию северян. Листон в этом случае бы мог знаменовать конец сопротивлению Второй Империи Эль Мюрида.

Но он не стал ждать и не сделал попытки обойти врага с тыла. Несмотря на это, он был на волосок от успеха. Сопротивление врага рухнуло бы окончательно, окажись у него чуть больше бойцов, которых можно было бы послать под стрелы итаскийцев.

У Грейфеллза перед Эль Кадером имелось огромное преимущество. Его воинам некуда было бежать. Они знали, что им предстоит победить или погибнуть. И они в некотором роде победили, заставив Эль Кадера отойти.

Самое большое значение битвы под Листоном состояло в ее влиянии на умы и сердца людей. Число погибших не имело значения. То, что после нее Грейфеллз был способен лишь зализывать раны, в расчет не принималось. Не упоминалось и о том, что Эль Кадер не использовал всех своих сил.

Оказалось, что Воинство Света не всесильно! Армии Запада способны отбросить врага! Эль Мюрида можно остановить!

Результат оказался поистине магическим. Новые враги Эль Мюрида начали появляться словно из-под земли. Часть союзников Эль Кадера снова перебежала на сторону противника. Сопротивление усиливалось повсеместно.

Несколько овладеть обстановкой Эль Кадер смог, лишь отойдя за реку Портуну и призвав с юга все наличные силы. Ему пришлось отказаться от дорогой его сердцу мечты и снять осаду Высокого Крэга. Ему пришлось отозвать часть сил от Хэлин-Деймиеля и существенно ослабить отряды, гоняющиеся за партизанами в Малых Королевствах.

Летняя кампания грозила закончиться полным крахом. Ему приходилось дробить свои силы, направляя крупные соединения на подавление внезапно вспыхивающих там и сям очагов сопротивления. Эль Кадер не имел передышки для того, чтобы пополнить Воинство и повести его на север на решающую,

окончательную битву. Он не мог сделать этого, хотя знал, что Итаския уже не способна ему противостоять.

Обстановку осложняли роялисты бин Юсифа. Они прибегли к тактике, которую использовал Бич Божий в те времена, когда Королевство Покоя оставалось лишь далекой мечтой. Из-за их действий и действий солдат гильдии захваченные провинции пребывали в постоянном волнении. Территория, на которую совершали рейды конники Гаруна и нападали наемники, разрасталась словно раковая опухоль.

В летней кампании, правда, имелись и светлые стороны. Эль Надим и его восточные армии, также не получая указаний из Аль-Ремиша, сняли бесплодную осаду горного прохода Савернейк и обратили свое внимание на старинные провинции Империи, раскинувшиеся за горами М'Ханд. Ему удалось включить Тройзу в состав Новой Империи. Ему удалось вырвать клятву верности от таких отдаленных восточных данников Старой Империи, как Аргон и Некремнос. Его люди пригоняли оттуда караваны с данью и приводили батальоны наемников. Миссионеры несли Слово Истины людям, и их повсюду тепло принимали.

Успехи Эль Надима изумили правоверных. Из всех военачальников Нассефа он считался наименее одаренным. И вот неожиданно, всего лишь с несколькими тысячами воинов (в основном из уроженцев Хаммад-аль-Накира), он почти без боя присоединил к Новой Империи земель больше, чем это удалось сделать на западе.

Люди шепотом говорили о том, что Эль Надим побеждает потому, что является настоящим правоверным и в отношении к врагу точно следует учению Эль Мюрида. Иные утверждали, что все злоключения Эль Кадера есть ничто иное, как Божья кара за его покровительство стяжателям.

Эль Кадер на этот шепоток внимания не обращал. Опыт, приобретенный на Востоке, следовало использовать и на Западе. Два лета войны принесли людям много горя.

Он прибег к рецептам Эль Мюрида и вскоре приобрел расположение многих жителей захваченных провинций.

С другой стороны, он твердой рукой направлял свои войска и войска союзников на подавление очагов открытого сопротивления. Ему удалось создать несколько плацдармов на северном берегу Портуны, но и враг смог ниже по реке закрепиться кое-где на ее южном берегу. Обеим сторонам удалось сохранить свои анклавы на захваченной противником территории. Их мелкие союзники продолжали держать нос по ветру, меняя свои привязанности при малейшем намеке на поворот судьбы.

И вот наступила зима — сезон мира. Одновременно она стала сезоном переговоров, временем заключения секретных союзов и периодом тайных и явных измен. Под рукой Эль Кадера постоянно вертелся агент герцога с предложением о двойном и тройном предательстве.

А из Аль-Ремиша по-прежнему не поступало указаний.

Во всяком случае, таких, которые Эль Кадер считал подлинными. Ни одно из них не было подписано самим Эль Мюридом.

Какие-то приказы приходили. Неизвестно от кого. Эль Кадер их просто игнорировал. Они не были приказами его пророка.

Смерть Нассефа послужила сигналом к новым интригам и началу бюрократизации движения. Величайшие, наиболее почитаемые революционеры сошли со сцены. Чиновники всех сортов, почуяв появление вакуума, торопливо принялись его заполнять.

Это была неизбежность, изначально присущая всем революциям, однако Альтаф эль Кадер отказывался ее понимать.

Он видел лишь то, что банда осевших дома негодяев изолировала Ученика и пытается говорить от его имени, подменяя чистые и высокие помыслы пророка своими мелкими интересами.

Однако ему была известна панацея от этой болезни.

Эль Кадер побеседовал с Мауфакком. Этого человека он не любил, однако лекарство от недуга находилось в его руках. Хали согласился. Что-то действительно следовало предпринять.

Мауфакк также не испытывал к Эль Кадеру большой любви, но в этом деле они стали союзниками. Отобрав тех Непобедимых, грудь которых была украшена татуировкой, он поскакал в их обществе в столицу.

То, что открылась там его глазам, привело его в состояние шока. Ученик был всего лишь бледным призраком самого себя. Перед Хали предстал опустошенный и безвольный человек. Борьба с засевшим в нем злом сожрала дух и тело пророка.

Мауфакк, проведя лишь половину дня со своим кумиром, отправился в пустыню, чтобы рыдать в одиночестве. Затем, дав нужные инструкции служителям культа Хариша, он отбыл на запад. По пути он возносил молитвы в надежде на то, что человек, которого он любит больше жизни, снова станет таким, как прежде.

Третье лето войны началось точно так же, как и два предыдущих. Разница состояла лишь в том, что Эль Кадер пытался избежать прежних ошибок. Он начал с больших успехов, однако остановился, не дойдя каких-то тридцати миль до реки Серебряная Лента и Итаскии-Города. Четыре долгих месяца он маневрировал, вступал в схватки с врагом то там, то здесь, а затем снова маневрировал. Все эти передвижения происходили на площади не более чем в сто квадратных миль. Грейфеллз потратил зиму на укрепление подходов к Итаскии-Городу и к Великому Мосту. Эль Кадер так и не сумел преодолеть многочисленные равелины и редуты. Это была жесточайшая война, лишенная малейшего блеска полководческой фантазии. Герцог ставил перед собой лишь одну цель — сдержать Эль Кадера. Поражение противника означало потерю тех политических выгод, которые приносила ему нависшая над Итаскией угроза.

Эль Кадер со своей стороны стремился обескровить Итаскию настолько, чтобы та не смогла служить угрозой и в будущем.

Оба военачальника щедро разбрасывались жизнями своих воинов. Однако в этом отношении Грейфеллз превосходил Эль Кадера. Испуганный король находился в какой-то дюжине миль от зоны военных действий и охотно направлял герцогу все новые и новые подкрепления.

Основная беда Эль Кадера состояла в том, что он не мог приспособиться к изменившемуся характеру своего войска. Он был военачальником пустыни, умеющим вести бои на открытом пространстве. Но Воинство Света уже давно перестало быть ордой всадников-кочевников, налетающих на врага со скоростью ветра в заданном месте и мгновенно исчезающих в просторах пустыни. Этот тактический элемент, конечно, сохранился, но на третье лето войны армия уже более чем наполовину состояла из жителей западных стран. Эль Кадер презирал их за низкую мобильность, а тактику так до конца и не понял.

Он подумывал, не бросить ли ему некоторое число своих соплеменников в свободный рейд в надежде, что ветер войны занесет их в тыл Грейфеллза. Но, хорошенько поразмыслив, Эль Кадер от этой идеи отказался. Он не доверял своим союзникам, а призрак поражения под Листоном все еще не отступал от него.

Эль Кадер четыре месяца вел войну на истощение, и если бы успехи и неудачи оценивали могильщики, то они пришли бы к выводу, что Воинство Света одерживает победу. Однако создавалось впечатление, что опоры Великого Моста возвышаются над безбрежным океаном резервных итаскийских батальонов.

Жаль, что он утратил связь со шпионской сетью Нассефа. Сведения о политическом положении на севере наверняка согрели бы его сердце. Крестьяне Итаскии находились на грани революции. Аристократы требовали немедленного отстранения Грейфеллза. Банкиры грозили прекратить кредитование Короны. Торговцы стонали из-за перебоев в сухопутной торговле. Жители города жаловались на рост цен, вызванный, по их мнению, экспортом в Хэлин-Деймиель и сокращением сельскохозяйственного производства в результате призыва крестьян в армию. Отцы и матери оплакивали гибель своих сыновей.

Итаския напоминала натянутую до отказа и вот-вот готовую лопнуть тетиву. Эль Кадеру оставалось совершить еще одно крошечное усилие.

Однако избранная им тактика оказалась ошибочной. Позволяя герцогу сражаться по западным правилам, он жертво-

вал сильными сторонами своего войска. Полководец вел войну, характера которой до конца не понимал.

Когда наступила осень, он совершил ошибку, которую больше всего страшится совершить любой солдат.

Эль Кадар вступил под сень левой руки Судьбы.

Он делал то, что ему следовало делать, а именно — возглавлял атаку на сооруженный из бревен и земли редут. Шальная стрела угодила в глаз его лошади. Всадник не успел вытащить ногу из стремени. Животное выбросило его из седла, ударило копытами и долго волочило по земле. Альтаф Эль Кадер оказался большим упрямцем и прожил еще четыре дня, прежде чем оказаться в объятиях Черной Дамы.

Его гибель окончательно сломила волю и без того колеблющейся армии. Во все стороны полетели щепки. Фанатично настроенные правоверные пребывали в горе.

На них обрушился гнев Божий, и отчаяние наполнило их сердца.

Воинство Света перестало быть воинственной, опасной, настроенной на захват ордой, превратившись в толпу уставших от войны людей.

Командование принял, прискакав из Аль-Ремиша, Мауфакк Хали. Он привез мандат от самого Ученика. Но его прибытию предшествовало чуть ли не месячное исполненное хаоса безначалие.

Он застал Воинство Света в полном беспорядке. Солдаты отступали. Некоторые разбегались по домам. Командиры, вместо того чтобы сражаться с врагом, вели между собой бесконечные свары.

Хали собрал военный совет. Кинжал культа Хариша, воткнутый в дубовую колоду, должен был послужить главным аргументом в дискуссии. Однако дискуссии как таковой не было. Говорил лишь Хали. Задать вопросы он не позволил.

Он объявил, что будет суровым командиром. Он повелел им коренным образом изменить ход кампании. Он сказал, что не потерпит ни пораженческих настроений, ни небрежности. Он также заверил их в том, что Творец остается с ними даже в этот час отчаяния. Доказательством этого является то, что Со-

здатель снизошел в Святилище Мразкима, и Ученик вновь обратился к правоверным. Заканчивая речь, он приказал им не болтать, слушать его и делать то, что им приказано, когда приказ последует. Во время выступления он легонько поглаживал кинжал, и серебряный клинок то и дело вспыхивал неярким голубым светом.

Слушатели полностью усвоили смысл его речи.

Затем Хали принялся методично изучать обстановку и решать самые насущные проблема. Он систематически отрезал от северной армии небольшие отряды и полностью их истреблял. Мауфакк не руководствовался вдохновением подобно Альтафу Эль Кадеру. Не был он и военным гением, таким как Нассеф эль Хабиб. Этот человек являл собой пример упорного труженика, прекрасно владеющего своими инструментами и знающего пределы их возможностей. В то же время Хали прекрасно понимал и ограниченность своих способностей. Однако и то, и другое он использовал до конца. Подчиняясь его воле, Воинство Света прекратило отступление и остановило врага на реке Портуне.

И снова наступила зима.

Эль Мюрид добился победы над засевшим в его теле демоном. Это была долгая, изнурительная война. Его обращенными во внешний мир ушами и глазами служил Эсмат. Впрочем, лекарь скрывал все, что могло хоть немного обеспокоить его хозяина.

Даже после того, как Эль Мюрид выздоровел, Эсмат в основном рассказывал ему о ходе ирригационных работ, затеянных Учеником еще до отшельничества.

Пыл юности давно покинул Руку Божию на Земле. Пророк, зная, что Эсмат плетет интриги, протестовать не хотел. Он хотел избавиться от роли Ученика так, как избавился от наркотической зависимости...

Безволие свое он оправдывал мыслью о том, что сможет одернуть Эсмата в любой момент, как только того пожелает.

Эль Мюрид понимал, что за время его отсутствия движение понесло большой урон. Различные политические группы в Аль-Ремише плели тысячи интриг, пытаясь заполнить вакуум

власти. Не исключено, что некоторые из них стремятся поставить под свой контроль и действующих военачальников...

Но ему все это стало безразлично. Принудить себя к действию он был не в силах. После исчезновения Ясмид, ничего не зная о ее судьбе... Ради всего остального ему не хотелось жить.

Однако один человек сохранил верность Вере. Один человек сделал все, чтобы интриги и заговоры не превратились в гангрену, разъедающую тело Движения. Он один вступил в бой с силами разложения. Вступил в бой и победил. Этим человеком оказался Мауфакк Хали — Властелин Убийц.

Хали недолюбливал Эсмата, но тем не менее лекарю доверял. Больше, чем тот заслуживал. Когда Эсмат сказал ему, что повелитель продолжает бороться со своим недугом, Хали очень серьезно отнесся к его словам и поклялся себе, что не даст погибнуть движению, пока пророк не в силах выполнять свои обязанности.

Большую часть своего времени в Аль-Ремише он провел в белоснежном шатре. Из этого шатра то и дело выходили люди с суровыми лицами и горящим взором. Рядом со своим сердцем эти люди держали серебряный кинжал, которому предстояло найти путь к сердцам наиболее опасных заговорщиков.

Даже самые невинные люди, встречая Мауфакка на улице, цепенели от испуга. На Эсмата он наводил ужас.

Эль Мюрид проводил все свое время в обширных апартаментах, спрятанных в глубине Святилища. Он приказал Эсмату доставить в свои покои дюжину столов из бывшей трапезной жрецов Храма. Эль Мюрид, составив столы рядом, расстелил на них карты и поместил довольно грубый макет северной части Хаммад-аль-Накира. Изучая карту и макет, он мечтал о реконструкции своих земель.

Эль Мюрид мог часами бродить вокруг столов, делая заметки и меняя местами модели ирригационных сооружений. Перед его мысленным взором открывались видения пустыни будущего. Цитрусовые рощи. Озера. Обновленные леса. Все это породит вода вечных снегов хребта Капенрунг, путь для которой сейчас прокладывали военнопленные.

Это случилось в тот день, когда погиб Эль Кадер. Его амулет начал слегка вибрировать. Затем он стал невыносимо горячим. От изумления и боли Эль Мюрид вскрикнул. Драгоценный камень засветился сильнее. Затем он вспыхнул так ярко, что Ученик на некоторое время утратил зрение.

От громогласного голоса стены Святилища задрожали.

— Мика аль Рами, сын Сиди, получивший от моего ангела имя Эль Мюрид, где ты?!

Эль Мюрид рухнул на пол, прикрыв лицо ладонями. Некоторое время он ничего не мог произнести. От ужаса его била дрожь.

— Я здесь, о Господь, — наконец пропищал он почти по-мышиному.

— Почему ты изменил мне, Избранник Бога? Почему ты оставил меня в преддверии моего триумфа? Почему ты пребываешь в безделье, окружив себя богатством?

Ужас прижал Эль Мюрида к земле. Он извивался и скулил подобно щенку у ног жестокого хозяина. Голос гремел. Он клеймил Ученика за праздность, себялюбие и снисходительность к своим слабостям. Эль Мюрид не мог выдавить из бледных губ ни слова оправдания.

— Восстань, Мика аль Рами! Восстань и превратись в Эль Мюрида. Скинь с себя покровы безбожия и вновь неси Слово Света Избранным. Королевству Покоя угрожает большая опасность. Твой верный слуга Эль Кадер убит.

Только через пять минут Эль Мюрид осмелился отнять руки от лица.

Свет исчез. Голос затих. Амулет приобрел обычный вид. Однако запястье стало багровым и ужасно болело.

Ученик поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Когда он попытался заговорить, голос его сорвался. Это снова был мышиный писк.

Но уже через несколько мгновений мышь взревела:

— Эсмат!!

Через какую-то секунду возник смертельно испуганный Эсмат. Взгляд его метался из одного темного угла в другой.

— Эсмат, доложи мне о положении в провинциях.

— Повелитель...

— Ты видел свет, Эсмат? Ты слышал голос?

— Я слышал раскаты грома, повелитель. Я видел сверкание молний.

— Нет, ты слышал глас Властелина всех громов, клеймившего меня за то, что я его предал. Ты слышал, как Он еще раз наставлял меня на пути Истинный.

Лекарь начал рассказывать.

— Благодарю, — сказал Эль Мюрид, когда рассказ закончился. — Все, оказывается, гораздо хуже, чем я думал. Неудивительно, что Бог разгневался. А где сейчас пребывает Мауфакк Хали?

— В данный момент он в городе, повелитель.

— Приведи его ко мне. Я хочу, чтобы принял командование Воинством Света.

Эсмат удивился, но ничего не сказал. Отправившись на поиски Мауфакка, он по пути не преминул поведать о том, что произошло, своим друзьям, оказавшимся в это время в Святилище. Мало кому его рассказ пришелся по душе.

Весть о гибели Эль Кадера достигла Аль-Ремиша на одиннадцатый день после отъезда Мауфакка. Проявленное Учеником предвидение повергло в еще большую тоску тех, кто извлекал выгоду из его отшельничества.

Однако еще через три недели Эль Мюрид изменил свое решение.

— Эсмат, — сказал он. — Найди для меня гонца. Поскольку Надим закончил все дела на Востоке, я хочу перебросить его на Запад. Хали нужен мне здесь.

— Как прикажешь, повелитель, — побледнев, ответил Эсмат. Он понял, что благостное и прибыльное время для него миновало.

Эль Мюрид не торопился с отзывом Мауфакка. Лишь слуха о его возвращении было достаточно для того, чтобы очистить Аль-Ремиш от скверны. Не спешил он и с переводом Надима. Необходимость в Надиме и его армии возникнет лишь к весне.

Всеми этими действиями Ученик всего лишь возвещал о своем возвращении. Он желал, чтобы весь мир услышал о том,

что он снова принял на себя верховное руководство, что он снова стал Эль Мюридом и что его столь долгое затворничество кончено.

Весть об этом распространилась по Второй Империи, словно волны по поверхности пруда. Одновременно повышался и боевой дух подданных Эль Мюрида. Бессчетное множество правоверных еще раз укрепились в своей Вере.

Период застоя кончился, и Движение обрело новую жизнь. Будущее уже не казалось печальным. Ощущение безнадежности растаяло так, как тает туман под яркими лучами утреннего солнца.

Однако Ученик был не в силах изгнать из своего сердца печаль прошлых дней. Потери, которые он перенес, тяжким грузом лежали на его душе, и груз этот он не мог сбросить.

Глава 17

ПАРТИЗАНЫ

За три года Рагнарсону и Гаруну бин Юсифу удалось завербовать под свои знамена семь тысяч человек.

Враг перестал появляться в горах Капенрунг, чтобы выкурить их оттуда. Воины Браги и бин Юсифа превратились в закаленных ветеранов, которым нечего было терять.

Гарун руководил полевыми операциями во всех Малых Королевствах через командиров мелких подразделений. Многих из них он никогда не видел. Это были те, кто присоединился к нему позже, прослышав о партизанских успехах Короля-без-Трона.

Он хорошо изучил военные кампании Нассефа в Хаммадаль-Накире. И теперь в Малых Королевствах все ночи принадлежали ему. Он начинал верить в то, что на самом деле стал королем, хотя и призрачным.

Гарун сам намечал цели и сам отбирал людей, которым предстояло нанести удар. Его шпионы и тайные убийцы пре-

вращали жизнь врага в один сплошной кошмар. Когда же намечалась большая операция, то он лично ее возглавлял.

Его друг и союзник Рагнарсон обучал рекрутов.

Рагнарсон чувствовал себя несчастным. За последние два года ему не довелось участвовать ни в одном реальном деле. Мир, казалось, забыл о его существовании, так же как и о существовании отряда солдат гильдии. Его выводило из себя то, что он трудится изо всех сил, чтобы сделать умелых бойцов из голодного, оборванного, потерявшего боевой дух отребья проигранных сражений, а Гарун уводит их в леса, чтобы снова превратить в бандитов.

— Я чувствую, что никому не нужен, — жаловался Браги. — Мои люди тоже видят, что никому не нужны. Мы уже забыли, когда в последний раз обнажали боевые мечи.

— Угу, — проворчал его брат. — Мы так же давно не вгоняли наши мечи из плоти в достойные ножны.

Женщины в горах встречались реже, чем золото. Время от времени в лагерь спускались с диких гор какие-то бабы и помогали воинам избавиться от золота и серебра, которое тем удавалось подкопить.

— Мы пока не готовы для открытых сражений, — твердил Гарун с того самого момента, когда они пришли в горы. — Ты по-прежнему видишь войну как сражение больших масс. Не исключено, что когда-нибудь мы сможем так сражаться. Если война продлится достаточно долго. Но пока — нет, будь я проклят! Если мы выступим открыто, это станет нашей последней битвой.

— Сидение в кустах и удары кинжалом в спину мне опротивели, особенно учитывая то, что я в этом не принимаю участия. Подобные действия нас ни к чему не приведут. И через десять лет мы будем прятаться все в тех же кустах.

— Если эта тактика помогла Нассефу, то она поможет и нам. Тебе следует лишь проявить терпение.

— Браги даже родился нетерпеливым, — вставил Хаакен. — Мама говорила, что он выскочил на свет раньше времени.

— Это заметно. Однако я размышлял об этом. Возможно, тебе придется поучаствовать в деле раньше, чем ты того, мой друг, пожелаешь.

— Каким образом? — воспрянул Рагнарсон. Хаакен и Драконоборец тоже казались заинтригованными. Белул и Сенусси по-прежнему хранили унылый вид.

— Я собрал вас всех для того, чтобы поделиться известиями из Аль-Ремиша. Похоже, что Эль Мюрид снова свиделся со своим ангелом.

Рагнарсона передернуло. Он терпеть не мог, когда речь заходила о религиозных выходках Ученика. Они его почему-то всегда тревожили.

— Ну и какая нам от этого польза? — спросил он.

— Никакой. Мой агент сообщает, что Ученик вышел из своего убежище, изрыгая пламя. Он снова готов выполнять свое предназначение. Эль Мюрид намерен отозвать Хали и заменить его Эль Надимом. Вместе с Надимом придет и его восточная армия.

— Выглядит скверно.

— Более чем. Это означает полномасштабную войну. Некоторым из нас начало казаться, что мы обратили врага вспять. Однако это не более чем самообман. Мой друг военный министр Итаскии, похоже, от страха поглупел. Грейфеллз не разбил Воинство Света. Герцог занимается лишь тем, что растрачивает как людские ресурсы, так и богатство нации. Союзники Итаскии глухо бормочут о сепаратном мире. Первая большая неудача снова раздробит Запад. Итаския не сможет продолжать войну в одиночестве.

— Мы полагали, что покончили с ними, прикончив Нассефа и Карима, — покачивая головой, мрачно произнес Рагнарсон. — Мы были уверены в этом после гибели Эль Кадера. Теперь мы имеем Мауфакка Хали, Надима и... — Не закончив фразы, он уныло посмотрел на Гаруна.

— Я их устраню.

— Я ждал именно этих слов. А что потом?

— Что ты этим вопросом хочешь сказать?

— Я хочу сказать то, что мы имеем дело с тем самым драконом, у которого на месте срубленных голов сразу отрастают новые. Я знаю, ты скажешь, что мы возьмем их в оборот, избавившись от Хали и Эль Кадера. А я тебе скажу вот что: все это —

дерьмо собачье. Просто мы приблизим время появления нового Эль Кадера, Хали и Эль Надима...

— Ты их переоцениваешь. Они были не настолько уж и хороши. Им везло, а их противники никуда не годились.

— Их всех за исключением Хали подобрал сам Нассеф. Кого ты хочешь обмануть, Гарун? Ты знаешь своих людей и знаешь армии Запада. Воинство Света всегда уступало им в вооружении и выучке, а часто и в численности. Нет, им сопутствует нечто большее, чем простое везение. Справиться с ними способен лишь Хоквинд. Но ему не дают нужного количества людей. Поэтому и от него нет никакой пользы.

— Может быть, ты и прав, — пожал плечами Гарун. — Тем не менее... Однако я хотел поговорить с тобой не об этом. Я уезжаю, и ты остаешься здесь за главного. Насмешника я послал охотиться на Эль Надима. Шадек, Белул и я отправляемся по личным делам.

— Вот как?

— Белул и Шадек давно вынашивали этот план. Больше я тебе ничего не могу сказать. Прошу лишь об одном: не верь ничему, что услышишь о нас в два ближайших месяца.

— Чем мне предстоит заняться? Тихо сидеть и крутить пальцами всю зиму?

— Необходимо поддерживать работу моей агентурной сети. Надо будет организовывать рейды. Ведь кто-то должен взять на себя командование? Не беспокойся. Я в тебя верю. Ты справишься.

Оглядевшись по сторонам и убедившись в том, что никто не подслушивает, Гарун продолжил:

— Еще раз прошу, не обращай внимание на все то, что ты услышишь обо мне, Шадеке и Белуле.

Король-без-Трона отбыл, надеясь в глубине души на приход более счастливых дней. Необходимо что-то делать. Он постоянно твердил себе, что боль и страдание этих дней в конечном итоге не окажутся напрасными. Вся эта борьба не доставляла ему никакой радости.

Он исчез глухой зимней ночью, уведя с собой Белула, Эль Сенусси и еще дюжину самых верных сподвижников. О своих планах он не оставил ни малейшего намека.

Это было в его духе. Подобно своему бывшему врагу Нассефу, он ни с кем не делился своими мыслями. Рагнарсон же заявил, что будет вести войну в одиночку, если ему представится подобная возможность.

Насмешник отбыл чуть позже на той же неделе, что и Гарун. Толстяк вел под уздцы тощего осла, нагруженного чудовищным количеством багажа. В течение шести месяцев люди Гаруна рисковали жизнями для того, чтобы добыть в разных концах Малых Королевств это барахло.

— Вот парень, об уходе которого я ничуть не жалею, — изрек Драконоборец. — Я бы задавил пузана собственными руками, если бы его не защищал Гарун. Без обмана и воровства он не может жить.

— Насмешник приносит пользу, — ответил Рагнарсон, которому толстяк нравился. Иногда тот был весьма забавным. Надо лишь иметь достаточно здравого смысла и не очень ему доверять.

— Ну и что мы теперь будем делать? — осведомился Драконоборец. — Теперь, когда получили всю эту лавочку в свое распоряжение? Мы могли бы попробовать действовать так, как нам нравится.

— Будем сидеть смирно. И ждать.

— Значит, ты думаешь продолжать в его духе?

— Пока да. Только потому, что он прав. Действуя по-иному, мы лишь позволим себя прикончить.

— Ничего себе! Кто мы, по-твоему? Воины гильдии или бандиты?

— И то, и другое понемногу. Я не помню, Рискерд, чтобы в уставе гильдии предписывалось поступать только так, а не иначе. Ты помнишь свою первейшую обязанность?

— Помню, помню. «Остаться в живых».

В течение двух месяцев Браги позволял организации Гаруна (наемники гильдии составляли в ней лишь весьма малую часть) действовать по инерции. Множество мелких отрядов совершали беспокоящие рейды на удаленные посты и держали в страхе местных жителей, которые симпатизировали Эль Мюриду. Памятуя о

словах Гаруна, Браги старался игнорировать слухи о том, что бин Юсиф и Белул убиты.

Люди шептали друг другу на ухо ужасающие истории. Некоторые даже утверждали, что Эль Сенусси перебежал на сторону Эль Мюрида и заключил сделку с его сыном Сиди.

— Эти парни все больше и больше теряют интерес к делу, — заметил Драконоборец, имея в виду роялистов. — Они того и гляди разбегутся. Ты думаешь, Эль Сенусси действительно вел двойную игру?

— В политике меня уже ничто не может удивить. Но я не верю, что у Шадека хватит ума на такую изощренную интригу.

— Как нам убедить войска в ложности слухов?

— Мы не станем этого делать. У Эль Мюрида и Сиди здесь есть глаза и уши. Я хочу, чтобы шпионы верили в смерть Белула и Гаруна.

В помещении штаба возник Хаакен и объявил:

— Браги, Хали выступил. Гонец сообщает, что Мауфакк Хали, прослышав о смерти Гаруна, решил вернуться домой раньше. Посыльный считает, что Хали задумал какой-то грязный трюк.

— Проклятие! Ведь он же блюститель морали и страж веры в стане Ученика. Разве не так? Еще что-нибудь известно? В каком направлении он двинулся?

— Больше никто ничего не знает. Ты не хочешь попробовать его остановить?

— Еще как хочу, будь я проклят! Это как раз то, что нам надо. Пора размять наши старые кости.

— Но...

— Именно этого мы и ждали. Неужели ты не понимаешь? Появилась возможность сотворить нечто серьезное.

— Если ты чего-нибудь затеваешь, то поторопись. Гонец лишь на пару дней обогнал войско. Хали, решив двинуться, не топчется на месте.

— Принеси карты. Поищем кратчайший путь на Хаммад-аль-Накир. Рискерд, скажи нашим людям, чтобы готовились выступить. Мы пойдем налегке. Пусть лишь захватят пищевой рацион на две недели.

Хаакен расстелил карты, и Браги, изучив географию, произнес:

— Есть всего три маршрута, о которых нам следует беспокоиться. На эти два мы сможем выйти раньше него, но это будет та еще гонка.

— Пошли парней Гаруна на самую дальнюю дорогу. Они приучены к длинным скоростным рейдам.

— Они могут отказаться.

— Рискни. Ты же здесь теперь вроде командира.

— Кто их поведет? Кому ты больше всех доверяешь?

— Я бы предложил Метил Лу Амина.

— Хорошо. Скажи ему, чтобы он выходил сегодня. Мы двинемся завтра.

— По-моему, ночью пойдет снег.

— Ничем не могу помочь. Я попрошу Рискерда взять на себя восточную дорогу. Ты и я перехватим центральную.

Когда они шли, вдоль всего пути за ними наблюдали толпы местных жителей. Солдаты гильдии, вперив взгляд в землю, упрямо шагали вперед. Никто из зевак не проронил ни слова. Мало кто из них улыбался. Время от времени в наемников летел снежок, пущенный детской рукой.

— Хаакен, Рискерд, нам следует быть поласковее с этими людьми.

— Нельзя сказать, что они шибко дружелюбны, — заметил Драконоборец. — Думаю, что не ошибусь, если скажу, что они не на нашей стороне.

— Думаю, что не ошибешься.

Когда они расставались с Рискердом и тремя сотнями его людей, начал падать легкий снежок. К полудню следующего дня Браги и его тремстам бойцам уже пришлось бороться со снежным ураганом.

— Совсем как дома, — проворчал Хаакен.

— Вот уж о чем я совсем не скучаю, — ответил Браги. — Но в этих краях мне такого видывать не доводилось.

— Никто не видел. Поэтому совершенно естественно, что мы оказались в самом центре бурана. Мы обыкновенные идиоты. Тебе это известно?

— Скоро мы будем на месте.

— А что потом? Сидеть и морозить задницы для того, чтобы узнать, что у Хали прорезалась мудрость и он стал биваком у теплых костров?

— Рад видеть тебя в хорошем настроении, Хаакен.

— Хорошем?

— Я всегда это вижу. В хорошем расположении духа ты начинаешь болтать и ныть.

Они прошли бы мимо нужной дороги, если бы на их пути не оказалось города, а один из солдат не знал бы этих мест.

— Это Арно, капитан, — сказал он. — Сюда мы и топаем.

— Вот место, где нас не полюбят, — заявил Рагнарсон и оказался совершенно прав. Популярность наемников резко упала после того, как Браги заставил обывателей на время ожидания разместить солдат по своим домам. В Арно жили почти тысяча человек, и ни один из них не приветствовал солдат гильдии. Наемники чувствовали себя весьма скверно.

Браги заплатил жителям столько, сколько смог, и приказал своим людям вести себя так, как предписывает устав гильдии. Пользы от этого было мало.

Прошло четыре дня. Враждебность обывателей все время возрастала. Как все простые люди, они хотели лишь того, чтобы их оставили в покое.

На утро пятого дня явился до костей промерзший разведчик и сообщил, что видел приближающихся всадников.

— Четыре или пять сотен. Похожи на Непобедимых.

Хаакен покосился на брата.

— Не кажется ли тебе, что мы опять влипли в приличную заваруху? — со вздохом спросил Браги. — Сообщи людям. И скажи гражданским, чтобы лезли в подвалы.

Арно не был огражден стенами. Очень неприятное место, чтобы здесь умирать, думал Браги, торопясь к зданию храма. С его колокольни открывался прекрасный вид на окрестности.

Заснеженные поля сверкали под лучами солнца. Браги прищурился. Непобедимые были почти не видны, их белые балахоны сливались со снегом. Они шли пешком, ведя лошадей под уздцы.

Среди воинов он увидел одного человека, облаченного в черные одежды. Странно. Черный цвет у сторонников Эль Мюрида любовью не пользовался.

— Ну и что мне теперь прикажете делать? — спросил он, ни к кому не обращаясь. — Второй Альперин они нам устроить не позволят.

От отряда отделился и поскакал вперед всадник. Браги, перескакивая через две ступеньки, покатился вниз.

— Хаакен! Они выслали разведчика. Возьми пару своих людей и представь их горожанами. Пусть скажут ему, что в городе все прекрасно.

Хаакен помахал рукой, давая понять, что понял, и через несколько минут на дорогу вышли два человека.

К этому времени Рагнарсон снова был на колокольне. Теперь он размышлял над тем, как избежать битвы. В душе он ощущал какую-то пустоту. Что-то шло явно не так, как надо, и Браги не очень верил в возможность победы.

С севера тянуло холодом. Рагнарсон поежился. Зима становилась все злее и злее. Жители этих мест не знают, как справляться с глубоким снегом и морозом. Так же как, впрочем, и большинство его людей.

Он не представлял, как они переживут длительное отступление под нажимом врага и вынося раненых.

— Но Хали тоже не привык к такой погоде, — напомнил он себе. — Его людям даже тяжелее, чем нам.

Битва обещала стать крайне жестокой. Победа сулила убежище от мороза. Побежденному предстоит в буквальном смысле оказаться на морозе.

Браги наблюдал за группой Непобедимых, окруживших вернувшегося разведчика. Там же находился и человек в черном. Он отчаянно жестикулировал.

Группа вскоре распалась. Непобедимые приготовили оружие и двинулись в направлении города.

— Вот цена моей идеи, — прорычал Браги и снова сбежал вниз. — Хаакен, они идут, готовые к схватке! — закричал Рагнарсон. — Он посмотрел вдоль дороги, обежал взглядом окна,

в которых засели лучники, и пробормотал: — Проклятая погода. Если бы было теплее, он прошел бы мимо.

Взлетев на башню, он выдавил, задыхаясь:

— Их надо остановить.

Непобедимые достигли первых домов. Каждый из воинов Хали нес лук или арбалет.

— Может быть, нам удастся уйти с наступлением темноты, — пробормотал Браги.

Завязалась битва. С самого начала она пошла не так, как надо. Непобедимые были осторожны, решительны и действовали методично, в духе своего командира. Они очищали дома один за другим.

Хали не стремился истребить противника, он всего лишь искал теплого убежища. Город окружен не был. Люди Мауфакка не мешали солдатам гильдии бежать из домов, которые те не могли удержать.

Когда Хаакен приковылял на колокольню, треть Арно уже перешла в руки Хали.

— Похоже, что на сей раз мы проиграли, — сказал он.

— Похоже, что ты прав, — согласился Браги.

— У нас проблема.

— Неужели есть еще неприятности помимо того, что нам придется ночевать на морозе?

— Они используют колдовство.

— Я ничего не заметил... Но это невозможно. Перед нами люди Эль Мюрида.

— Ты думаешь? Ну так валяй напомни им об этом. Тип в черном постоянно появляется в тех местах, где дела у нас идут хорошо.

— Хм... Ладно. Готовь раненых. С наступлением темноты мы уходим.

Хаакен затопал вниз по лестнице. Браги посмотрел на дорогу. Несколько Непобедимых были уже на расстоянии полета стрелы. Он несколько раз выстрелил, задержав тем самым их продвижение.

Появился человек в черном. Браги еще раз послал стрелу, но промахнулся.

Человек неторопливо обернулся. Его взгляд заскользил вверх по колокольне. Затем он поднял левую руку с вытянутым указательным пальцем. Вокруг человека можно было заметить голубоватое свечение.

В колокольне прогремел голос чудовищной силы. Рухнув на пол, Браги закрыл уши ладонями.

Звук затих.

Перед ним встала стена голубого тумана, закрывая человека в черном и всех тех, кто находился с ним рядом. Хаакен, ты был прав, подумал Браги. Колдовство!

Туман рассеялся. Рагнарсон исследовал пол в том месте, где его касалась голубая стена. Дерево приобрело серый оттенок и при прикосновении рассыпалось.

Он взглянул на свой лук. Внешне оружие выглядело вполне нормально. Осторожно выглянув наружу, Браги увидел, что колдун уже обратился в другую сторону. Левой рукой с вытянутым пальцем он указывал на здание городского постоялого двора.

— Что ж, сукин сын, — пробормотал Браг, — ты сам этого хотел.

Лук сломался в момент наивысшего напряжения тетивы, и стрела полетела не совсем точно. Вместо того чтобы поразить колдуна в грудь, она вонзилась ему в локоть.

Несколько Непобедимых подхватили раненого и бегом потащили его в ближайший дом. Но устранение волшебника на ход битвы не повлияло. Изгнание солдат гильдии из города продолжалось.

Браги не сразу покинул колокольню, и путь вниз ему пришлось прокладывать мечом.

— Пора сваливать, Браги, — сказал Хаакен. — Иначе мы получим столько раненых, что нам ни в жизнь не дотащить их до лагеря.

— Конфискуй теплую одежду и одеяла. Столько, сколько сможешь. А также инструменты, чтобы мы смогли построить укрытия. Найди несколько упряжных животных и повозки...

— Все уже сделано, — ответил Хаакен.

— Тебе вроде бы не положено заниматься грабежом...

— Устав меня будет заботить, когда я предстану перед военно-полевым судом, — пожимая плечами, ответил Хаакен. — Какое это имеет теперь значение? Жители нас все равно ненавидят, грабим мы их или нет. Это ты и сам уже сообразил. Иначе бы не отдал мне приказа почистить их закрома.

— Да, я, похоже, зацепил колдуна.

— Шагана, что ли?

— Кого?

— Ша-га-на. Так они величают боевых чародеев.

— Таких, каким должен был стать Гарун? Как колдун оказался в компании правоверного Мауфакка?

Хаакен в ответ лишь пожал плечами.

— Хали, наверное, вне себя. Кто из наших сохранил больше сил? Надо сообщить Рискерду и Амину о том, что здесь происходит.

— Как только появился Хали, я послал к ним Чоти и Ута Хааса.

— Ты стал дьявольски сообразительным.

К ним подошел солдат и сказал:

— Капитан, враги подходят к этому кварталу.

С заходом солнца Рагнарсон оставил город. Подавленные наемники шагали молча, уныло, едва волоча ноги. Мороз подавил их волю, и Рагнарсону пришлось напоминать своим людям, что они — солдаты гильдии. Ночью умерли несколько раненых. Отряд утром ненадолго остановился, чтобы их похоронить. Когда они копали могилы в заледенелой земле, их догнал посыльный Метиллы Амина.

Амин, оказывается, узнал, что Мауфакк движется по средней дороге, и прислал запоздалое предупреждение. Гонец сообщил также, что Метилла уже идет на подмогу.

— Мы опять вступаем в дело, — объявил Браги. — Хаакен, возьми с собой несколько человек и отправляйся в тот лес. Начинайте строить укрытия.

— Ты это серьезно? — спросил Хаакен, с недоумением глядя на Рагнарсона. — Неужели серьезно?

— Еще как. И прежде всего позаботься о кострах.

Хаакен, ворча, отправился выполнять приказ. Солдаты, которых он отобрал для работы, не скрывали недовольства. Браги даже стал опасаться, что вспыхнет мятеж.

Однако дисциплина гильдии взяла верх, и Рагнарсон смог завершить свой разговор с гонцом.

Вскоре он подошел к своим людям, греющимся у наспех разведенных костров. Солдаты толпились вблизи огня, ожидая своей очереди бежать на мороз, чтобы строить укрытия или трамбовать снег. Прожарившись хорошенько с обеих сторон, Браги потащился в сторону Арно, чтобы своими глазами увидеть, чем занимается Мауфакк.

Дважды ему пришлось прятаться от вражеских патрулей. Дозорные группы были небольшими, а сами воины выполняли свою работу с большой ленцой. Далеко от города им отъезжать не хотелось.

Оказалось, что Хали занимается только тем, что греется. Создавалось впечатление, что он готов ждать окончания холодов. Ни его люди, ни лошади не годились для того, чтобы долгое время быть на морозе.

Ночь Браги провел в стоге сена. Вернувшись в лагерь, он увидел толпящихся у костров людей Амина. Солдаты, как и их вождь, выглядели довольно жалко. Рагнарсон решил дать им день отдыха.

— Похоже, что холод заканчивается, — заметил Браги.

— Похоже на то, — согласился Хаакен. — Значит, наш приятель Мауфакк готовится двинуться в путь.

Мауфакк действительно готовился. Но не к тому, чтобы двинуться. В его распоряжении имелся шаган, а шаган способен видеть то, что недоступно человеческому взору. Непобедимые готовили для Браги небольшой сюрприз.

Рагнарсон угодил в ловушку. Началась жестокая битва. Воины Амина пребывали в кровожадном настроении. Однако ведомые шаганом Непобедимые быстро привели их в чувство. К ночи удалось захватить всего несколько домов. Браги, уводя с собой обоз раненых и убитых, отступил обратно в лес.

— Это глупо, Браги, — сказал Хаакен, — и жуть как похоже на разборку отца с Олегом Соренсоном.

— На что? — спросил Амин.

— Мой отец как-то подрался с другим человеком, — пояснил Браги. — Они были слишком горды, чтобы бросить потасовку, и в то же время ни один из них не мог сладить с противником. Короче говоря, они измолотили друг друга до полусмерти. Провалявшись неделю в постели, они увидели, что ничего не изменилось. Пришлось начинать все сначала.

— Этого шагана надо убрать, — сказал Амин. — Иначе они сожрут нас живьем. Если же его убить, то сожрем их мы. Все очень просто.

— Ну так сделай с ним что-нибудь.

— Шутишь? — усмехнулся Амин и тут же серьезно добавил: — Хорошо. Одолжи мне трех твоих самых хороших лучников.

— Хаакен, сделай то, что он просит, — распорядился Браги, недоверчиво глядя на Амина.

— Ты уверен?

— Я — нет. А он, похоже, уверен. Пусть попробует.

— Как скажешь, — бросил Хаакен и отправился на поиски людей.

— Все еще проверяешь меня? — спросил Амин.

— Только этим и занимаюсь. Сам знаешь.

Амин являл собой одно из тех любопытных явлений, которые встречаются в каждой войне. Он был солдатом беспримерной преданности, и им двигала чистая идея. Амину было двадцать семь лет, и десять из них он непрерывно воевал. Первые семь лет он сражался на стороне Ученика и был одним из тысячников в войске Нассефа.

Первое разочарование постигло его сразу после вторжения на запад. Он увидел, что его коллеги-командиры совершенно безразличны к законам Ученика, а сам пророк не делает ничего, чтобы привить к ним уважение. Когда Нассеф погиб, а командование принял Эль Кадер, Амин, решив, что наступает период неприкрытого грабежа, дезертировал.

Когда он понял, что ошибался, было поздно. К этому времени он успел уйти в горы и принести клятву верности Коро-

лю-без-Трона. Его имя оказалось внесенным в списки потенциальных жертв культа Хариша.

Амин был несчастным человеком, и несчастье его усиливалось тем, что он не знал иной жизни, кроме войны. Амин понимал, что его имя не прогремит в истории войн Эль Мюрида. Молодой человек символизировал собой те тысячи и тысячи юнцов, для которых война стала не матерью, а могильщицей их честолюбивых мечтаний.

Браги и его брат следили за тем, как команда Амина исчезает в темноте.

— Вот человек, который ищет смерти, — заметил Хаакен.

— Для него это единственный выход, — ответил Браги. — Но в то же время он обладает духом бойца и не может себе позволить умереть просто так. Амин желает заслужить смерть. Проследи за ним. Если ему повезет, мы нанесем удар по Хали всеми силами.

Хаакен вернулся через час. Присев около костра, он сунул ладони чуть ли не в огонь.

— Итак? — спросил Браги.

— Он заслужил смерть. Но дело сделано. Шагана больше нет.

— Колдун мертв?

— Как бревно. Не знаю только, принесет ли это какую-нибудь пользу.

Первоначально пользы было действительно не много. Непобедимые сражались упорно и умело.

На следующее утро вернулся Ут Хаас, которого Хаакен посылал к Рискерду, и доложил, что Драконоборец уже в пути.

— Ха! — возрадовался Браги. — Теперь они наши.

К Рискерду поскакал свежий гонец с приказом окопаться на дороге вблизи лесного лагеря. Затем Браги начал постепенно окружать Арно, переводя основные силы на север от города. Делалось это настолько шумно и неумело, что враг не мог не заметить маневра. Когда на следующее утро Браги «неожиданно» атаковал, Хали прорвался в южном направлении и, ощущая себя в безопасности, двинулся по дороге в направлении Хаммад-аль-Накира.

К этому времени значительно потеплело, и большая часть снега уже растаяла. Земля раскисла, и погоня шла очень медленно. Пехотинцы Рагнарсона едва брели, останавливаясь через каждые несколько шагов для того, чтобы счистить гряз с сапог. При каждом шаге раздавалось громкое чавканье, густое месиво неохотно отпускало ногу.

Роялисты и их противники изредка обменивались стрелами. Настоящая схватка не завязывалась. С высоты птичьего полета дорога, наверное, была похожа на муравьиную тропу. Колонны Непобедимых и роялистов растягивались все больше и больше.

Справа от дороги Браги обнаружил полосу каменистой почвы. Он повел своих людей по камням, и расстояние между ним и войском Хали стало постепенно сокращаться. Но скоро каменистая полоска превратилась в узкий ледяной ручей. К тому времени, когда его отряд вышел на дорогу, Хали уже вступил в бой с солдатами Рискерда и воинами роялистов. Бойцы Браги ринулись в атаку по грязи, и вскоре Мауфакк со своими Непобедимыми оказался в кольце.

Воины Хали оказались беззащитными перед стрелами гильдии. Схватка была короткой и кровавой. Лишь несколько дюжин Непобедимых сумели скрыться.

Рагнарсон вместе с роялистами исходил все поле битвы в поисках тела Хали. Наступила ночь, а он так и не смог решить, стоила ли игра свеч. Утренние поиски также оказались безрезультатными.

— Проклятие, Хаакен! — ворчал Браги. — Все напрасно.

— Возможно. Но не исключено, что он отдал концы еще в городе.

Браги останется в неведении о судьбе Мауфакка еще несколько месяцев. Когда до него дойдут вести о нем, он уже вернется в горы Капенрунг и Хали станет ему совершенно безразличен. К этому времени Рагнарсон успеет по уши увязнуть в иных заботах.

Глава 18

УБИЙЦЫ

Встав на колени возле ручья, Гарун пил воду из сложенных ковшиком ладоней. Ледяной ветер с гор пронизывал до костей.

— Не нравится мне все это, повелитель, — сказал Белул.

— Дело действительно рискованное, — согласился Гарун. — Белул...

— Слушаю, повелитель.

— Охраняй меня сзади.

— Ты думаешь, что Шадек...

— Не знаю.

— Но...

— В политике можно ожидать всего, чего угодно. Он постоянно держит меня в курсе дел, но я по-прежнему не уверен. Остается вопрос, не поступает ли он точно так же и с Сиди.

— Шадек — мой друг, повелитель, — с улыбкой сказал Белул, — но даже я не способен прочитать его мысли. Кто может знать тайные честолюбивые устремления человека?

— Именно. И в нашем случае это обстоятельство необходимо принимать в расчет. Втянув нас до конца, он сможет встать на сторону любой стороны. Точно так же, как мог на его месте поступить я. Я восхищен его планом. А мне ведь казалось, что он полностью лишен воображения.

Белул ответил Гаруну улыбкой.

— Теперь я буду думать, можно ли ему доверять, даже если сейчас он встанет на мою сторону.

— Мы не должны тратить время на пустое беспокойство, повелитель. Просто нам следует быть настороже. Мы все поймем, когда для него не будет пути назад.

— Возможно. Ты думаешь, что он настолько глуп, что способен поверить в благодарность Сиди?

— Он может принять кое-какие меры для собственной защиты.

— Хм... Я тоже об этом думал.

На следующий день, когда они еще дальше углубились в горы, Гарун сказал своим спутникам:

— Я должен отлучиться на несколько дней. Разбейте здесь лагерь и ждите моего возвращения. — Это было произнесено таким тоном, что никто не осмелился задавать вопросы. Отведя Белула в сторону, он добавил: — Береги себя, мой друг. Особенно опасайся тех людей, которых отобрал Шадек.

— Знаю, повелитель. Знаю.

В горах Капенрунг лежал глубокий снег. Гарун с трудом прокладывал себе путь. Путь этот в основном шел вверх, что делало его еще труднее.

Хижину он обнаружил по запаху дыма, а не потому, что запомнил и узнал это место. Домик был покрыт снегом и сливался с окружающим ландшафтом. Почуяв его присутствие, завыла собака. Гарун опасливо направился к строению.

Прошло много месяцев с того времени, когда он был здесь последний раз. За это время могло произойти все что угодно. В поисках опасности он прощупал хижину шестым чувством шагана. Лучше этого места для засады и не придумать.

Дверь со скрипом отворилась вовнутрь, и Гарун, опасаясь кинжала культа Хариша, вперил взгляд в темный прямоугольник.

— Да, входи же ты, дьявол тебя побери! Не напускай в дом холода.

Из темноты возникло не прикрытое вуалью лицо старой, очень старой женщины. Он прыгнул через порог, держа руку на эфесе меча.

Ничего. Никакой опасности.

Гарун потопал ногами, чтобы сбить снег. На сапогах все едино остался толстый белый слой. Но и он скоро растаял в тепле.

После ледяного холода гор путнику показалось, что в хижине стоит чудовищная жара, и он, испытывая легкое головокружение, поспешно освободился от верхней одежды.

— Как она себя чувствует?

— Сравнительно прилично для той глуши, в которую ты ее загнал. — В хриплом голосе старухи Гарун не уловил никакого почтения.

Он обжег ее взглядом.

Старая карга была матерью первой жены дяди Фуада — ближайшей оставшейся в живых родственницей. Видом своим она являла смерть, как ту мог бы изобразить страдающий безнадежным пессимизмом художник. Морщинистая, костлявая, беззубая и облаченная только в черное. Злобная как змея. Одним словом, она была как две капли воды похожа на тех ведьм, которые, по рассказам Браги, охраняют вход в троллединг ский ад.

— А ты по-прежнему все такая же душка, Фатима, — негромко рассмеялся он.

По бесцветным губам старухи скользнуло подобие улыбки.

— Раз уж ты здесь, то принеси хоть какую-нибудь пользу. Подбрось-ка дров в очаг, мне сегодня и тебя кормить придется. На вас не наготовишься.

— Разве можно так разговаривать со своим королем?

— Королем? Какого королевства? — с издевкой прошамкала она.

С чердака донесся чей-то скрипучий голос.

— Да никто, — ответила на невнятный вопрос Фатима. — Всего-навсего твой дядя Гарун.

Из темноты на них смотрело странное темное лицо. В неровном свете очага в нем было что-то дьявольское.

— Привет, Сейф, — сказал Гарун.

Сейф был племянником Фатимы и ее единственным кровным родственником. Здесь он помогал ей по хозяйству.

По наполовину омертвелому лицу Сейфа медленно расплылась улыбка, и он с трудом пополз вниз по лестнице. Гарун помогать ему не стал, Сейф желал все делать самостоятельно.

Сейфу наконец удалось спуститься, и он двинулся к Гаруну, волоча ногу и прижав скрюченную руку к груди. От чрезмерных усилий его била дрожь. Голова юноши склонилась на плечо, а из угла рта текла струйка слюны.

Преодолевая брезгливость, Гарун обнял молодого человека.

— Как поживаешь, Сейф? — спросил он.

— Ну так как? — спросила старуха. — Ты собираешься ее увидеть или нет? Тебе давно пора бы это сделать.

— Для этого я и пришел, — ответил Гарун, отпуская Сейфа.

— Вот я и говорю, что давно пора, — проворчала старуха. — И что ты за человек такой? Почти год не появлялся.

— У меня было много дел. А где она? Прячется?

— Я же сказала тебе, что она спит. Отправляйся к ней, дурачина.

Сейф что-то пробормотал. Гарун ничего не понял.

— А ты помолчи, Сейф. Пусть сам все узнает. Это как-никак его вина.

— Узнает что?

— Она к тебе не выйдет. Так что отправляйся.

Гарун склонился перед ее высшей мудростью и прошел за разделяющую хижину занавеску.

Ясмид лежала на грубом подобии кровати, с таким трудом сколоченной Гаруном и Сейфом. Она спала, забросив руку за голову. На ее личике светилась улыбка. Ясмид выглядела такой милой и уязвимой. На сгибе ее правой руки покоился, положив головку на грудь матери, месячный ребенок.

— Будь я проклят, — прошептал он и, встав на колени, принялся рассматривать дитя. — Будь я проклят... Мальчик или девочка, Фатима?

— Сын, господин. Наследник. Она назвала его Мегелин Мика.

— Как замечательно. Как она все продумала. Как она прекрасна. — Он протянул руку и коснулся щеки спящей. — Дорогая...

Ясмид открыла глаза и улыбнулась.

Теперь они спускались с гор, с каждым шагом приближаясь к пустыне. Лишь в тени деревьев можно было заметить отдельные полосы снега.

— Повелитель, — негромко произнес Белул.

— Да?

— Что случилось?

— Ты о чем? Я тебя не понимаю.

— Ты изменился. За время своего отсутствия ты стал совсем другим человеком. Более цельным. Может быть, даже более зрелым.

— Понимаю.

Белул ждал продолжения. Гарун молчал, и Белулу пришлось спросить:

— Может быть, скажешь?

— Нет. Прости, друг, не сейчас. Возможно, наступит такой день...

— Как пожелаешь, повелитель.

«Да, я действительно изменился», — подумал Гарун. С рождением сына мир стал несколько иным. Появление наследника сделало Короля-без-Трона более осторожным. Три дня он размышлял над тем, не отменить ли экспедицию.

— Повелитель, — раздался голос Сенусси из толпы воинов, — мы здесь.

Гарун обежал взглядом склоны гор и каньон между ними и не увидел ничего необычного.

— Наступила решающая минута, Белул, — сказал он. — Шадек должен окончательно выбрать, на чьей он стороне. Приготовься.

— Посмотри, повелитель — бросил Белул. — Дым.

— Вижу.

Шадек повел их по круто сбегающей вниз тропе. Гарун смотрел в спину Сенусси, как бы стараясь проникнуть в его тайные помыслы.

Каковы бы ни были намерения Шадека, он прекрасно понимал значение момента. Пути назад у него не будет, как только он приведет в лагерь Сиди своего короля и Белула, представив их там простыми воинами.

Если он, конечно, не выполняет заранее согласованный с сыном Ученика план.

Гарун похолодел. Подобная мысль раньше ему в голову не приходила.

Эль Сенусси выбросил вверх руку, сигнализируя об остановке. Гарун уронил руку на рукоять меча. Шадек подъехал к нему, следуя вдоль цепочки всадников.

— Все может обернуться очень не просто, повелитель, — сказал он. — Мне не известны его планы. Это может оказаться ловушкой.

— Не исключено. Возьми пару человек, спустись вниз и постарайся все узнать. Я подожду здесь.

— Как прикажешь, повелитель.

Эль Сенусси выбрал двух воинов и отбыл. Вскоре группа скрылась в гуще деревьев, из-за которых поднимался дым.

Гарун и Белул остались ждать в седлах, подготовив мечи к бою. Все остальные спешились.

Эль Сенусси вернулся через два часа. Он проделал весь путь вверх, вместо того чтобы просто просигналить им снизу.

— Я начинаю думать, повелитель, что он остается с нами.

— Посмотрим.

— Похоже, что они ведут себя честно, повелитель. Там всего десять человек, и среди них — Сиди.

— В таком случае — двинулись. Позаботься, чтобы он умер первым, если они все же что-нибудь затеют.

— Само собой, повелитель. Слушайте меня все! Мы спускаемся вниз. Я своими руками вырежу сердце у того, кто забудется и ненароком выдаст нашего повелителя. Отныне он простой воин по имени Абу бин Кахед. — С этими словами, он снова повел отряд вниз по тропе.

Они въехали в лагерь, с подозрением глядя на людей Сиди, которые, в свою очередь, тоже не скрывали своей подозрительности. Это будет нелегкий союз, подумал Гарун.

Сын Эль Мюрида поджидал их с каменным выражением лица и даже не пошевелился, чтобы приветствовать. Да, война действительно отнимает молодость, подумал Гарун. Сидевший перед ним мальчик похож на злобного, несчастного старика.

Следующим утром они быстрым маршем двинулись на Аль-Ремиш. Эль Мюрид вышел из своего затворничества и теперь не сводил глаз со своих сторонников. Ночные убийцы из культа Хариша трудились как никогда ранее. Сиди опасался, что слишком долгая отлучка может вызвать нежелательные вопросы.

Оба отряда двигались раздельно. Между ними почти не было никаких контактов и еще меньше взаимного доверия.

Гарун и Белул выполняли все обязанности рядовых воинов. Когда наступала их очередь, они готовили пищу, чистили лошадей, стояли на часах. Люди Сиди не обращали на них

внимания, а воины Шадека не проявляли никакого почтения. Сенусси сумел подобрать толковых, внимательных и закаленных в боях ветеранов.

Был полдень зимнего дня, когда Гарун снова увидел Священный город, город своей мечты, город, где стоял трон королей Хаммад-аль-Накира. Лишь ценой неимоверных усилий ему удалось скрыть нахлынувшие на него чувства.

Огромная чаша претерпела чудесные изменения. На том месте, где когда-то во время Дишархуна разбивали лагерь пилигримы, раскинулось обширное неглубокое озеро. Святилище Мразкима теперь стояло на острове, связанным с берегом шаткими деревянными мостками. Старые руины были расчищены, и на их месте выросли новые строения. Возводились гигантские здания, призванные стать символом величия Новой Империи. В озере рядом с деревянными мостками уже стояли каменные быки постоянного моста.

Внутренние склоны долины поросли зеленой травой, служившей пастбищем для верблюдов, коз, лошадей и коров. На каждой из четырех сторон склона были отгорожены небольшие пространства (на ограду пошел камень из разобранных руин), где рядами произрастали молодые деревца. Дарящая жизнь влага веселыми ручейками бежала по склону. Ручейки брали начало в большом ирригационном канале. Откуда пришла вода, Гарун мог только гадать.

Он обменялся взглядом с Белулом.

— Потрясающие изменения, — заметил Шадек, обращаясь к Сиди.

— Забава старого дурня, — ответил тот. — Озеленение пустыни. Пустая трата денег и людских ресурсов.

— А мне это представляется весьма благородной целью, господин, — сказал Шадек.

Сын Эль Мюрида метнул в него яростный взгляд.

— Возможно, — сказал он. — На это, генерал, уйдет труд и средства дюжины поколений.

Гаруну были известны точные цифры. Мегелин поделился с ним всеми расчетами еще в то далекое время, когда готовил предложения для отца.

Бин Юсиф чувствовал, что Сиди как попугай повторяет чьи-то слова. Похоже, что кто-то сознательно вдалбливает эту жалкую чушь в голову юноши.

На что рассчитывают кукловоды, поощряя презрение марионетки к мечтам отца? Какую цель они преследуют, внушив сыну эту идею предательского отцеубийства?

Сиди, вне всякого сомнения, верит в то, что является хозяином самому себе и своим мыслям. Он считает, что самостоятельно принимает решения и реализует собственные честолюбивые планы.

На самом деле Сиди был безжизненной марионеткой, хотя и не знал об этом. Сколько времени он сможет продержаться после того, как махинаторы избавятся от Эль Мюрида? Видимо, лишь до того момента, когда его путь в первый раз пересечется с путем интриганов.

Пока новый властитель будет наслаждаться плодами власти, они наложат лапы на все рычаги власти. Если Сиди попытается утвердить себя как подлинный король, то тут же обнаружит, что находится в одиночестве.

Поднимутся ли Непобедимые на защиту человека, лишившего жизни их пророка? На защиту отцеубийцы? Нет, никогда. Гаруну хотелось, чтобы рок как можно скорее обрушил на юнца смертельный удар — столь отвратительное впечатление произвел на него Сиди.

Когда они проезжали по рахитичным мосткам, Гарун посмотрел вниз. Воды озера образовывали прекрасный защитный ров вокруг Святилища. В озере водилась рыба, и притом крупная. Как жаль, что Эль Мюрид не остался его лояльным подданным.

Он проезжал по тем местам Аль-Ремиша, которые теперь трудно было узнать, но которые было невозможно забыть. Здесь... Здесь шестилетним мальчишкой он выбросил из седла Ученика. Вон там умер его дядя Фуад. А отец, брат Али и король Абуд дали свой последний бой вон у той стены.

— Осторожнее, повелитель, — негромко произнес Белул. — Твои воспоминания можно прочитать по выражению лица.

Гарун подавил эмоции и превратился в такого же обыкновенного зеваку, как и его спутники.

Из того, что он увидел, не все пришлось ему по вкусу. На улицах слишком много белых балахонов. Выбраться отсюда будет непросто.

Сиди привел их к конюшням, принадлежащим одному из его сторонников, приказал Сенусси не выпускать своих людей на улицу и сидеть тихо до тех пор, пока его не позовут.

Они разместились на сеновале над стойлами.

— Не так я представлял себе гнездо убийц, — буркнул Гарун.

— В этом городе и стены могут иметь уши, — прошептал Шадек, поднеся палец к губам. — За время отшельничества Ученика здесь плелось слишком много интриг.

— Когда мы начнем действовать? — спросил Белул.

— Кто знает? — пожал плечами Шадек. — На подготовку у него уйдет немало времени. Во-первых, ему надо обеспечить себе железное алиби. Во-вторых, он должен устроить так, чтобы с нами вне зависимости от результата что-нибудь произошло. Мы можем стать опасными свидетелями. На все это может потребоваться целый месяц.

— Прошу тебя, Шадек, — сказал Гарун. — Будь с ним услужлив и даже угодлив. Сдувай с мерзавца пылинки. Если потребуется, лижи задницу. Но заставь его поверить, что ему нас не надо опасаться и можно ввести нас во дворец.

— Именно так я и думаю поступать, повелитель, — сказал Шадек с видом художника, любимый шедевр которого пожелал исправить другой мастер. — Я хочу заставить его настолько поверить в меня, чтобы он сам сообщил о наступлении решающего дня. Мы перережем глотку щенку, а затем бросимся на старшего. Полагаю, что план мой найдет твое понимание, повелитель?

— Прости меня, Шадек. Я просто беспокоюсь. Буквально обо всем. А как насчет бегства? В случае преследования мост может доставить нам массу неприятностей.

— К сожалению, этой трудности я не мог предвидеть, повелитель.

Гарун дал ему адрес и имя и велел привести этого человека на сеновал.

Прошло девять долгих недель. И все это время Гарун и Белул ни на минуту не покидали конюшню.

— Я, похоже, сойду с ума, а Ученик откинет копыта от старости еще до того, как мы приступим к действию, — ныл Гарун.

Белул хотел что-то сказать, но раздавшийся снизу шум его остановил. Шадек что-то прорычал, и все поспешили в укрытие.

— Появился Сиди, — прошептал Белул.

— Еще одна ложная тревога, — высказал предположение Гарун. — Очередная проверка.

Мальчишка навещал их еженедельно, становясь с каждым разом все смелее и смелее. Вот и сейчас его сопровождала всего лишь пара телохранителей. Шадек встретил отпрыска Ученика внизу.

Из всех щелей за встречей следили воины. Сиди и Эль Сенусси вели негромкую беседу, в ходе которой Шадек начал волноваться все больше и больше. Сиди же, казалось, был чем-то озадачен.

Шадек, как обычно бывало при таких беседах, отчаянно жестикулировал.

Но вдруг, оборвав фразу на полуслове, он что-то буркнул и принялся ковырять в ухе мизинцем, а затем, не говоря больше ни слова, рухнул на пол.

Полетели стрелы. Под их ударами Сиди и телохранители пустились в ужасный танец смерти. Шадек отполз в сторону, а его люди выскочили из укрытий, чтобы завершить начатое.

— Быстро, тихо и без труда, — сказал Гарун Белулу. — О чем можно еще мечтать?

Он спустился вниз и подошел к Эль Сенусси, который стряхивал с себя грязь и солому.

— Спрячьте их в сено, — распорядился Шадек. — Ты и ты, седлайте лошадей. Повелитель, — продолжил он, — через час мы должны быть в Святилище.

— И кем же мы там должны предстать?

— Торговцами солью, требующими компенсацию. Ученик испытывает слабость к представителям этой профессии. Мы станем жаловаться на произвол чиновников, управляющих добычей соли в Хэлин-Деймиеле. Это его любимая тема.

— Отлично. По мне, сгодится все, что позволит миновать Непобедимых, — произнес Гарун, поглаживая кинжал.

Они проверили, насколько легко можно извлечь спрятанные клинки. Все остальное оружие им придется сдать перед тем, как быть допущенными к Ученику.

— Позволь говорить мне, — сказал Шадек. — Мне кое-что известно о торговле солью. Как только наступит нужный момент, я опять поскребу ухо.

Все участники экспедиции были бледны и не скрывали своего страха. Парень, которому поручили стеречь лошадей, вздохнул с облегчением.

Гарун еще раз осмотрел своих людей. Для простых караванщиков они выглядели слишком сурово. Никто не поверит их россказням.

С напряженными лицами и готовыми выскочить из груди сердцами они проходили мимо бесконечного числа постов, выставленных для охраны Ученика. Гарун был поражен. Белые балахоны ничего не подозревали. Они не стали искать спрятанного оружия, видимо, потому, что посетители охотно сдали то, что было на виду, а также потому, что никто никогда не отваживался нападать на Эль Мюрида в стенах Святилища.

Гаруну оставалась надеяться, что его телохранители не утратят в такой степени свой бдительности. Убийцы из культа Хариша в последнее время крутились совсем близко.

Когда они вошли в тронный зал, Гарун отступил чуть назад и низко склонил голову. Белул тоже тащился сзади. Остальные прикрывали их своими телами. Эль Мюрид знал Гаруна в лицо, а также мог узнать и Белула.

Гарун все же не мог удержаться от того, чтобы не бросить жадный взгляд на Трон Павлина. Этот предмет мебели являл собой цель его жизни...

Свое название трон получил потому, что его спинка напоминала развернутый веером павлиний хвост. Перья в двенадцать футов длиной были выточены из дерева редких пород. В течение многих столетий их украшали золотом, серебром, самоцветами, нефритом, жемчугом и бирюзой. Все эти драгоценности образовывали причудливый узор. Династии Императоров Ильказара и поколения Королей Хаммад-аль-Накира вносили свой вклад в эту цветистую мозаику. Трон служил сим-

волом могущества Хаммад-аль-Накира точно так, как в свое время — олицетворением величия Империи.

Узурпатор, шакал, в жилах которого нет ни капли королевской крови, осквернил трон монарха... Гарун с трудом смог подавить ярость.

Но тут же последовала новая вспышка гнева. Это животное истребило всю его семью. Сидящее перед ним чудовище не только уничтожило все, что ему было дорого, но и натравило на него своих псов, которые вот уже много лет бегут по его следу.

Гарун незаметно подсчитал число телохранителей.

Шадек остановился в дюжине шагов от Трона Павлина. Отвесив короткий поклон, он еще чуть продвинулся вперед и начал говорить негромким, полным почтения голосом. Эль Мюрид наклонился вперед, внимательно слушая и время от времени кивая.

«Шадек, чего ты ждешь?! Ну начинай же!» — беззвучно кричал Гарун.

Так же как и при разговоре с Сиди, Шадек отчаянно жестикулировал, как бы стараясь сделать свои доводы более весомыми. Гарун попытался расслабиться и прогнать страх. Нельзя позволить, чтобы напряжение его выдало.

Двери с шумом распахнулась, и в тронный зал ввалился оборванный человек. На ногах он держался лишь с помощью пары Непобедимых.

— Берегись, повелитель! Измена! — крикнул оборванец.

На какую-то секунду все от изумления окаменели. Первым пришел в себя Эль Мюрид.

— Мауфакк! Как ты здесь оказался? Что с тобой?

— Убийцы, повелитель, — прохрипел Хали, указывая трясущейся рукой на просителей. — Вот они!

Гарун выхватил кинжал.

— Хали! — прошипел Белул и ринулся в атаку.

По тронному залу заметались люди. Сенусси бросился на Ученика, но его тут же отбросили в сторону. Гарун кинулся вслед за Шадеком, но на его пути возникли Непобедимые. Белые балахоны были застигнуты врасплох. Все больше и больше

телохранителей пророка мертвыми падали на пол. Очень скоро число нападавших превысило численность обороняющихся.

Гарун прикончил стоящего на его пути воина и, отбросив тело в сторону, помчался к своему старому врагу. И вот их взгляды скрестились. Король-без-Трона уже не испытывал ни малейшего страха.

— Однако ты наглец, — произнес Ученик. — Никак не рассчитывал увидеть тебя здесь.

Гарун улыбнулся. Это была злобная, жестокая улыбка.

— Я жалею лишь о том, что тебе не придется увидеть меня восседающим на Троне Павлина, узурпатор. Если ты, конечно, не ухитришься бросить взгляд с Той Стороны.

— Твой отец и дядя выступали с такими же речами. И кто же теперь смотрит с Другой Стороны?

Гарун прыгнул.

Эль Мюрид чуть поднял левую руку и произнес одно слово. Сияние амулета ослепило Гаруна.

Загрохотал гром, и неимоверно яркий свет залил помещение. Здание Святилища содрогнулось.

У Гаруна подогнулись колени. В глазах стояла тьма. Он попытался закричать, но не смог выдавить ни звука.

Эль Мюрид не смеялся, и это приводило Гаруна в еще большую ярость. Ведь Эль Мюрид — воплощение Зла. А Злу положено громогласно выражать свой триумф.

Кто-то подхватил его под руки, и далекий голос произнес:

— Выносите его отсюда.

Гарун делал все, чтобы помочь спасителям, однако ноги отказывались ему служить. Его спасители раскачивали его в разные стороны, как будто они мчались по берегу штормового моря. Очередной вал накатывался на них со звоном металла и приглушенными криками. Дважды им пришлось бросить его на землю, для того чтобы устоять перед набегающими валами.

Вначале к нему начало возвращаться зрение, а чуть позже немного заработали и ноги. Мозг вновь обрел способность воспринимать последовательность событий.

Люди Шадека прорубали путь к спасению. Это были отважные опытные бойцы, но они не смогли выполнить своей

задачи. Эти люди не оставили врагу ни одного раненого, которого можно было бы мучить до тех пор, пока он не выдал бы тех, кому удалось спастись. Часть они вынесли, а некоторых пришлось добивать, как это было договорено заранее.

После хаоса Святилища город казался неестественно тихим.

— Сейчас нам главное не торопиться, — сказал Эль Сенусси, помогая Белулу взгромоздить Гаруна в седло. — Мы не должны привлекать к себе внимания.

— Кто-нибудь так или иначе сообразит, что здесь что-то не так, — со смехом ответил Белул, показывая на двух Непобедимых, кричащих и размахивающих руками неподалеку от входа в Святилище.

Гарун хотел было приказать Эль Сенусси поторопиться, однако его язык все еще отказывался служить.

Шадек повел их к мосту, пересекающему озеро Эль Мюрида.

— Здесь у них нет лошадей, — сказал он. — Пока они распространят известие о нападении, пройдет достаточно много времени, и мы уже будем далеко.

Он ошибался.

В Королевстве Покоя воцарился новый порядок. Эль Мюрид втайне от народа снял запрет на магическое искусство, и несколько бывших шаганов встали под его знамена. Большая часть колдунов находилась в городе вместе с Непобедимыми. Конечно, в своем могуществе они значительно уступали шаганам прошлых времен, но тем не менее пользу приносили.

Например, они без всякого труда могли переслать приказ защитникам моста.

Когда беглецы достигли границ города, они увидели, что путь на мост им преграждают десятка четыре злобных и решительных бойцов в белых балахонах.

— Итак, нам, видимо, придется вернуться к Бассаму, — сказал Гарун, обращаясь к Эль Сенусси.

В городе к этому времени уже поднялся переполох. Первые совершенно дикие слухи в отличие от неторопливой правдивой информации распространялись от улицы к улице, от дома к дому со скоростью пожара в поросшем кустарником сухом горном каньоне. Люди, точно не зная, что произошло, сновали

по улицам без всякой видимой цели. Город кишел Непобедимыми.

— Шадек, нам, пожалуй, следует избавиться от лошадей. Пешими мы будем не так бросаться в глаза.

— Согласен, повелитель, — ответил Эль Сенусси и провел их к известной им конюшне. Лучшего места для животных и быть не могло.

Теперь предстояло перебраться в убежище, заранее подготовленное агентом Гаруна по имени Бассам... Однако главную проблему для них создавали раненые. Они привлекали внимание гораздо сильнее, чем лошади.

Прагматический подход к делу подсказывал единственный выход — добить всех тяжело раненных и зарыть их в сено рядом с Сиди и его телохранителями.

Однако было два человека, которых Гарун не хотел лишать жизни. Война и без того унесла слишком много преданных людей.

— Шадек, мы становимся прокаженными. Заворачиваемся в лохмотья и расходимся группами по два-три человека. Люди станут разбегаться с нашего пути, им будет не до того, чтобы вглядываться в наши лица.

— Прекрасная мысль, повелитель!

Гарун шел в паре с воином по имени Хасан, получившим сабельную рану бедра.

— Нечистые! — стонал Король-без-Трона. — Проказа! — Обращаясь к своему спутнику, он добавил: — А мне начинает нравиться быть прокаженным.

Толпа испуганно расступалась перед ними, вновь смыкаясь позади них, как только они проходили. Некоторые при этом бормотали, что Ученик чересчур уж милостив, и ему не следовало бы допускать скверну в Град Божий. Какой-то чрезмерно наглый мальчишка запустил в них камнем. Гарун потряс узловатой палкой и исторг невнятное рычание. Мальчишка убежал, а Гарун сказал рассмеявшись:

— Это даже забавно.

— Вам когда-нибудь приходилось встречать вблизи больного проказой, повелитель?

— Нет. Почему ты спрашиваешь?

— Для них в этом нет ничего забавного. Они гниют. Они воняют. И при этом не ощущают боли. Если они не остерегутся, то могут нанести себе смертельную рану. Так случилось с моей сестрой.

— О... Прости меня, Хасан. — Что еще мог он сказать?

Бассам, долгое время бывший тайным агентом роялистов в столице, приготовил для беглецов убежище в подвале своего дома. Подвал — нечто необычное для небогатого лавочника — он начал копать уже в день их прибытия в Аль-Ремиш. Он не только не пытался скрыть свою работу, но даже хвастался, заявляя, что это будет лучший подвал во всем городе.

Стены подвала он выложил обожженным на солнце кирпичом, а затем возвел поперечную стену, отгородив ею небольшую часть подвала.

Оставшиеся в живых убийцы пролезли в потайную секцию, а агент Гаруна стал закладывать кирпичом отверстие.

— Воды и пищи, повелитель, я приготовил на месяц. Никаких деликатесов, но жизнь поддержать можно. Боюсь, что больше всего вас будет беспокоить запах. Люди будут думать, что я вылил чересчур много ночных горшков. Свежий воздух будет поступать к вам через ту деревянную решетку. Сквозь нее вы даже сможете увидеть улицу. Но лучше этого не делать.

Бассам не закрепил один кирпич, и его можно было вынуть, чтобы поддерживать связь. Агент извлек кирпич только через четыре долгих дня.

— Они обыскали дом, — объявил Бассам. — Обыскиваются все дома подряд. Эль Мюрид запретил всем покидать город до тех пор, пока вас не схватят. Мауфакк Хали умер вчера, но убили его не вы. Его доконала гангрена. По пути домой на него напали наемники гильдии. Тот же самый отряд, который прикончил Карима и Нассефа несколько лет тому назад.

— Проклятый Браги, — пробормотал Гарун. — Кто позволил ему выходить из лагеря?

— Прошу прощения, повелитель, — вмешался Белул. — Неужели ты действительно считаешь, что можешь указывать

наемникам, как им следует поступать? Учитывая их точку зрения.

— Я все понимаю, Белул. Но мне это не нравится.

— Есть еще кое-что, повелитель. Эль Мюрид снял запрет с деятельности шаганов. Пророк признал, что вербовал их себе на службу с того момента, как Бог посетил Святилище. Сегодня мимо Аль-Ремиша проследовала первая дивизия армии Эль Надима. Ученик отдал ей в помощь всех, кого мог. Так что нам в некотором роде повезло.

— Пришли нам сюда немного вина, — сказал Шадек. — Мы отпразднуем смерть Хали и оплачем наши потери.

— На вино наложен запрет, а я следую законам Ученика до последней буквы.

— Где твое чувство юмора?

Не обращая внимания на Шадека, Бассам продолжил:

— Вам придется пробыть здесь некоторое время, повелитель. Эль Мюрид зол как собака. Непобедимые рыщут по городу днем и ночью. Вам не дадут пройти и ста футов.

Во второй раз Басам навести их только через три дня. Непобедимые наконец обнаружили тело Сиди.

— Ученик выходит из себя больше, чем когда-либо. От горя и ярости у него просто поехала крыша. Кто-то сумел шепнуть в нужное ухо, и сведения о предательстве мальчишки достигли пророка в то же утро, когда они нашли тело. Теперь он рвет город на части в поисках сообщников. Удалось поймать каких-то людей, пытавшихся тайком сбежать из столицы. Непобедимые делают все, чтобы заставить этих людей говорить. Ученик считает, что именно они прятали вас.

— Желаю ему удачи и надеюсь, что он их всех повесит, — со злобной усмешкой произнес Гарун.

— Если не будет важных новостей, я к вам некоторое время спускаться не стану. Нельзя оставлять лавку ни на секунду. Половина наших добрых граждан превратилась в самых заурядных воров.

Прошло девять дней. Пребывание в подвале начинало сказываться все сильнее и сильнее. Нервы не выдерживали. То и дело вспыхивали ссоры. Будущее обещало быть еще более не-

выносимым. Гарун отобрал у всех оружие и сложил его в углу. Он и Белул поочередно несли охрану этого арсенала.

Наконец, явившись глубокой ночью, Бассам сказал:

— Обстановка не улучшается, повелитель. Напротив, она стала еще хуже. Они называют это Царством Террора. Непобедимые стали похожи на стаю бешеных псов. С каждым днем они убивают все более жестоко и бессмысленно. Не знаю, сколько еще времени это может продолжаться. Люди начинают голодать. В городе может вспыхнуть мятеж. Боюсь, что мои дни тоже сочтены. Если они возьмут кого-нибудь из моих людей и тот заговорит...

— В таком случае надо убираться отсюда немедленно.

— У вас нет никаких шансов. Они зарубят вас, как только вы отойдете от лавки. Людей ни за что убивают на улицах средь бела дня, повелитель. Сидите тихо и дайте всему идти своим чередом. Не исключено, что мятеж начнется еще до того, как они до нас доберутся. Возможно, что им все это в конце концов и самим надоест.

— А что, если они тебя арестуют?

— Постараюсь продержаться как можно дольше, повелитель.

— А мы будем торчать в этой могиле, не зная, что с тобой произошло? — прорычал Эль Сенусси. — Как беспомощные птенцы, которых можно брать голыми руками в их гнезде?

— Это мы исправим. Сейчас же.

Уже через час Бассам принес им колокольчик, который должен был звонить, если дернуть за одну из бечевок, укрепленных в разных концах лавки. Для установки сигнальной системы в новом, дорогом полу пришлось проделать небольшое отверстие. Бассам, сверля дырку, непрерывно издавал стоны по поводу подобного вандализма.

— Я не стану звонить, если не буду уверен в том, что меня забирают, — сказал он. — Правда, не могу обещать, что это мне обязательно удастся. Кроме того, звонить стану в том случае, если сигналом не выдам вас. Если услышите звонок, начинайте действовать самостоятельно. Не знаю, сколько времени мне удастся молчать. Мне еще ни разу не доводилась подвергать испытанию свое мужество.

— Ты не прав, Бассам. Трус не смог бы вести тайную войну, постоянно находясь рядом с самим Учеником.

— И последнее, повелитель. Эль Надим стал лагерем рядом с городом. Идет переброска последней дивизии восточной армии. Врагам Ученика на Западе предстоит пережить трудную весну.

— Похоже, что ты прав.

— Какой прекрасный человек, — сказал Шадек, когда Бассам удалился. — И очень испуганный. Он боится, что под пытками ему долго не продержаться.

— Он — мой самый лучший агент, — произнес Гарун и тут же продолжил: — Белул. Как ты считаешь, не провалил ли свое дело наш толстый друг?

— Похоже, что полоса везения для него кончилась.

Подвал стал для них хуже любой темницы. У узника не остается надежд, он не верит в то, что может снова стать свободным человеком, он не способен по своему желанию покинуть узилище. Дни для людей Гаруна тянулись бесконечно, а ночи оказывались еще длиннее. Вонь, как и было обещано, стала невыносимой. Гарун начал опасаться возникновения болезней. Он заставлял всех без исключения проделывать физические упражнения.

Бассам, похоже, совершенно забыл об их существовании.

Дважды из-за фальшивой стены до них доносились голоса производящих обыск людей, они, сдерживая дыхание, с оружием в руках ждали самого худшего.

Колокольчик едва слышно звякнул на восьмой день после его установки. Звук был настолько слабый, что Гарун сразу не смог понять, действительно ли он слышал что-то, или это шалят его расшатанные нервы.

— Они его взяли, — прохрипел Шадек. — Проклятие!

— Сколько он сможет продержаться? — спросил Белул.

— Кто знает? — ответил Браги. — В некотором смысле он прав. Благие намерения не много стоят, когда тело начинают прижигать раскаленным железом. Поднимите-ка меня к решетке.

Взглянув на пыльную улицу, он увидел, как белые балахоны уводят Бассама. Они крепко связали арестанта, чтобы тот не затеял борьбу и не вынудил их его убить.

— Они действительно его взяли. Проклятие! Одно дело быть храбрецом в своей лавке, и совсем другое дело проявлять бесстрашие, когда палачи ломают тебе пальцы на руках и на ногах.

— Нам надо уходить.

— Только после наступления темноты. Днем у нас не будет никаких шансов на успех. А пока разомнитесь хорошенько. Нам следует быть в форме.

— Но хотелось бы сделать так, чтобы мы могли дать им последний бой в том случае, если они вернутся, — сказал Шадек.

— Ну хорошо. Разберите стену! Осторожнее! Действуйте как можно тише. Затем мы ее снова сложим, и пусть они ее ломают, чтобы узнать сбежали мы или нет.

Беспричинная злобность и упадок духа узников мгновенно исчезли, и на смену им пришло состояние возбужденного ожидания.

Всю вторую половину дня они провели в напряжении, опасаясь появления Непобедимых. Однако никто не приходил. Белул и Шадек поочередно изучали порядок патрулирования улицы перед домом. Гарун и все остальные продолжали разминать задеревеневшие конечности.

Вечер был безлунным. Зимняя луна поднималась из-за горизонта лишь ранним утром.

Они вышли из укрытия сразу после смены часовых. Шадек и Белул утверждали, что начальники караулов явятся с проверкой не ранее чем через час. Им удалось выяснить, что на улицах размещены постоянные посты и, кроме того, действуют мобильные патрульные группы. Именно эти группы представляли для беглецов наибольшую опасность. Белые балахоны бродили парами и тройками без всякой системы.

— Будем надеяться, что они действуют с ленцой, — сказал Шадек. — Ведь патрулирование идет уже достаточно долго. Не могут же они хранить вечно беспредельную бдительность? Особенно тогда, когда все обыватели практически целуют им пятки.

— Хм, — с сомнением протянул Гарун и, обращаясь к Белулу, добавил: — Бери своего, друг.

Белулу предстояло снять первого постоянного часового и завладеть белой мантией. Гарун должен был прикончить вто-

рого и также натянуть на себя белый балахон. Оба были виртуозами подобного рода операций.

После этого, уже действуя под видом патруля, они будут снимать других часовых и расчищать таким образом путь для своих товарищей.

Если бы светила луна, то шансов на успех у них не было бы, так как часовые стояли в зоне видимости друг друга.

Белул подобно смертельно ядовитой змее действовал неторопливо, уверенно и терпеливо. Он безукоризненно выполнил свою задачу. Гаруну это удалось не так легко, но он все же расправился с часовым, не возбудив подозрения у других стражей.

Вскоре нашли свой конец четырнадцать Непобедимых, а беглецам удалось добраться до кольцевой улицы, которую вдоль берегов острова прокладывал Эль Мюрид. Между улицей и водой пролегала зеленая полоса шириной от двадцати до пятидесяти футов. Все было тихо.

Пока они дискутировали о том, как переправить на противоположную сторону не умеющих плавать, из темноты ночи материализовалась пара Непобедимых.

— В чем дело? — поинтересовался один из них.

Гарун начал что-то отвечать небрежным тоном. Однако в этот момент нервы кого-то из беглецов не выдержали. Он выхватил меч, сделал выпад, но промахнулся.

На Непобедимых бросилась вся группа.

Слишком поздно. Один из патрульных, прежде чем умереть, успел воспользоваться свистком.

— В воду! — рявкнул Гарун. — Помогайте друг другу как можете. — И уже тише Белулу: — Меня беспокоило, что все идет слишком гладко. Проклятие! Я думал, что у нас еще останется время для того, чтобы украсть лошадей.

Вода оказалась ледяной. Гарун сыпал проклятиями, буксируя одного из неумеющих плавать через те места, где ноги не касались дна.

Однако, услышав шум погони, он совершенно забыл о холоде. На берегу острова замелькали огни многочисленных факелов.

Глава 19

КОЛДУН

С каждым днем мили становились все длиннее, а склоны холмов круче. Насмешник надеялся пройти через Кавелин без особых приключений. И на сей раз судьба оказалась к нему благосклонной.

Основные неприятности чинила ему погода.

Вообще-то он не торопился и проводил самые скверные дни в придорожных постоялых дворах. Гарун снабдил его деньгами, но Насмешник избегал их тратить, расплачиваясь там, где возможно, представлениями для публики. Он спешил вернуть свои навыки, ведь прошли годы с тех пор, когда он в последний раз выступал перед незнакомцами.

Насмешник ни разу не позволил себе бросить кости, испытывая удачу.

Три года в кипящем котле войны изменили его больше, чем три года странствий в компании малопочтенного Деймо Спарена.

Хотя Насмешник и не торопился, зима двигалась еще медленнее, и он вскарабкался на горы в восточной части Кавелина в самое скверное время года. В последнем перед хребтом городе Баксендала все отговаривали его идти дальше. Ему объяснили, что перевалы могут быть покрыты снегом и только Богу известно, что ожидает его за последним горным оплотом короля крепостью Майсак.

Но Насмешник помнил Баксендалу и очень опасался, что та могла запомнить его.

Добравшись до Майсака, он уже проклинал себя за то, что не послушал добрых советов. По сравнению со стужей, царившей в горном проходе Савернейк, зима на хребте Капенрунг казалась мягкой.

Начальник гарнизона Майсака отказался пропустить путника за стены крепости. Эль Надим успел запугать солдат своими бесчисленными хитростями, и они не желали рисковать, пуская за ворота даже одного тучного молодого человека.

Насмешник, понурившись, поплелся дальше на восток, а его осел покорно тащился следом.

К востоку от гор зима оказалась не столь суровой, и он выбрался из зоны снегов, еще не добравшись до развалин Гог-Алана.

Лежащий неподалеку от развалин торговый городок превратился в поселение-призрак, в котором обитали лишь оптимистичные души, надеющиеся продержаться до конца войны. Толстяк сумел там отогреться, хорошенько поесть и даже выпить.

Обитатели города уверяли, что Эль Надим разместил свою штаб-квартиру в Некремносе.

— Любопытно, — размышлял вслух Насмешник, топая по дороге, ведущей к упомянутому городу. — Время и алчность делают старинных врагов друзьями.

Вероучение Эль Мюрида охватило Тройес со скоростью эпидемии чумы, и политическая атмосфера в городе кардинально преобразилась. Это несказанно изумляло Насмешника, который был чужд всякой религии и считал, что боги нужны только для того, чтобы взваливать на них ответственность за собственные неудачи.

В городе царило радостное возбуждение. Обыватели щедро разбрасывались богатствами, добытыми войском Эль Надима. Насмешник был поражен и видом солдат. Ему даже показалось, что Воинство Света снова стало таким, как в свои лучшие годы.

Неужели от него ждут, что он остановит эту силу? Остановит, действуя в одиночку? Да ведь это то же самое, что пытаться остановить землетрясение голыми руками.

Тем не менее он приступил к делу.

Ему приходилось ранее бывать в Тройесе, и память о нем могла сохраниться. С тех пор он много раз менял род занятий, успев побывать мошенником, вором, бродячим актером и даже гипнотизером-целителем.

В восточной части Империи Эль Мюрида не было такой религиозной нетерпимости, как в других краях державы. Эль Надим не делал ничего для искоренения чародеев и иных служи-

телей оккультизма. Более того, в качестве одного из своих советников он держал астролога.

Когда толстяк услышал об этом, глазки его дьявольски сверкнули. Эврика! Путь подхода к военачальнику! Если устранить этого астролога и затем в нужный момент появиться перед взором Эль Надима...

Препятствием служило лишь то, что у него давно уже не было практики и что методы восточной астрологии кое в чем отличались от западной.

Насмешнику удалось найти даму, которая согласилась обучить его астрологическим премудростям Востока в обмен на трюки гипнотизера-целителя. На усвоение профессионального жаргона и развитие нужной бойкости толстяку потребовалось три недели. Он уже начал опасаться того, что не успеет вовремя приблизиться к Эль Надиму. Некоторые подразделения восточной армии уже начали перемещение на запад в направлении Хаммад-аль-Накира.

Но и после завершения курса наук проблема подхода к военачальнику сохранилась. Кто позволит простому уличному звездочету обратиться к всесильному командиру Воинства Света?

Устранить советника-астролога заранее тоже не удалось. Этот тип был человеком-тайной. Никто не знал, кто он и как выглядит. Само его существование основывалось лишь на слухах. Некоторые даже считали, что астролог — не более чем выдумка врагов Эль Надима, желающих скомпрометировать военачальника в глазах Ученика.

Как бы то ни было, но задачу подхода к Эль Надиму следовало решать как можно скорее.

Насмешнику все же пришлось потратить часть денег Гаруна, хотя расставание с ними причиняло ему душевную боль. Портной сшил для него прекрасную имитацию одеяния колдуна. Другой, принадлежащий не к столь почтенной профессии мастер состряпал рекомендательное письмо за устрашающей подписью Ариститорна.

Ариститорн был чародеем в Некремносе и пользовался весьма дурной славой. Эль Надим должен был действительно заподозрить что-то неладное, чтобы решиться побеспокоить колдуна просьбой о подтверждении.

И вот настал момент, когда вся подготовительная работа закончилась. Предлогов дальше тянуть время не осталось. Насмешнику надо было либо приступать к действиям, либо признаваться самому себе в трусости. Он должен был либо отправиться к часовым, стоящим у штаба Эль Надима, и начать свою ложь, либо бежать, забыв о смерти Деймо и Гуча и о своих обещаниях Гаруну.

Насмешник не стал убегать, поджав хвост. Он решительно двинулся в бой.

Под костюмом мага его полнота обрела какую-то величественность. Неторопливо шагая с надменным видом, он казался выше даже самых высоких людей. Его сопровождали любопытствующие взоры, в которых можно было прочитать вопрос: кто этот столь важный молодой человек?

Во всяком случае, он на это надеялся.

Подойдя к часовым, он передал им письмо и представился:

— Лично я есть именуемый Небуд, наипервейший ученик господина Ариститорна, Мага Первого Круга, Князя Темной Линейности, Хозяина Дурных Холмов и Властелина Четырех Дьяволизмов. Я есть послан указанным к господину Эль Надиму, дабы осуществлять вспомоществование в великих деяниях.

Он изъяснялся со всей высокопарностью, на которую был способен, одновременно опасаясь, что солдаты разразятся хохотом. Даже кончики пальцев на его ногах дрожали от страха.

Однако никто не рассмеялся. Все знали, что шутки с Ариститорном к добру не приводят. Но в то же время особого впечатления Насмешник на солдат не произвел. Старший караула исчез, но вскоре вернулся в сопровождении своего начальника, который засыпал Насмешника множеством вопросов. Толстяк вертелся как мог, извлекал из заранее собранных запасов тщательно отрепетированные ответы. Офицер передал его в руки своего начальника, и тот, в свою очередь, принялся задавать вопросы.

Так продолжалось до бесконечности. Толстяк совсем забыл о своих страхах, изо всех сил стараясь не запутаться в ответах.

Насмешник верил, что лишен всяких предрассудков в отношении Эль Надима, однако оказался совершенно не гото-

вым к тому, чтобы увидеть перед собой столь неказистое создание. Полководец оказался чуть ли не карликом. Он был еще не стар, но так сгорблен, что чудилось, будто к земле его пригибает груз лет. Военачальника почти все время била дрожь. В глаза собеседнику он не смотрел, а когда говорил, то заикался.

И это — могущественный воитель? Гений, покоривший страны Востока? Создавалось впечатление, что недомерок боится собственной тени.

Но этот недомерок обладал умом гиганта. Бич Божий не сомневался в его мудрости. И разум, скрывающийся за столь ничтожной внешностью, мог творить чудеса. Эль Надим практически бескровно сумел объединить весь Средний Восток.

Эль Надима, несмотря не его забавную внешность, следовало воспринимать совершенно серьезно. Этот человек всегда добивался поставленной перед собой цели.

— Насколько я понимаю, тебя прислал ко мне Ариститорн — чародей из Некремноса, известный своими неблаговидными поступками.

Насмешник не был уверен в том, что это вопрос, и поэтому предпочел промолчать.

— Я не получил предварительного уведомления о твоем прибытии. Твое присутствие мне не требуется. Колдун не входит в число моих союзников. Итак, поведай мне, почему ты здесь, — чуть ли не извиняющимся тоном произнес Эль Надим.

— Лично я задаю лично мне аналогичный вопрос с того момента, когда господин Ариститорн уведомил указанного о путешествований в Тройес. Чародей являет собой совершенство держания рта на замке. Но он весьма точен в приказаниях. Изрек он: «Помогай Эль Надиму во всем, как если бы являлся он твоим господином. Твори помощь ровно год, а затем возвращайся в Некремнос». Позволительствую себе высказать предположение. Господин прославлен своим интересом к международным отношениям, равно как и своим осуждением проблем, порожденных бессмысленными войнами. Он есть большой симпатизант Старой Империи. Лично я подозреваю, что Великий Маг желает узнать, достойны ли Эль Мюрид и его Движение унаследовать мантию Императоров Ильказара.

— Понимаю. Однако некоторые мои собратья по вере могли бы усмотреть в этом оскорбление нашему повелителю. Какой-то колдун из Некремноса позволяет себе судить о способности пророка воссоздать Империю. Скажу больше. Ученик вообще наложил запрет на чародеев всех пород и видов.

— Лично я позволю себе сказать, что указанному следует воссоединить себя с реальностью. Ему для достижения великих целей потребуется вспомоществование магического порядка. Западные короли и принцы уже много лет засыпают чародеев западных земель своими петициями. Факт. Теперь указанные мастера магии начинают зреть в Эль Мюриде подлинную опасность, поскольку указанный есть закостенелый в своей ненависти к Мудрейшим. Указанные Мудрейшие подали голос за союз с недругами Ученика, если летом Воинство Света добьется поспешного успеха.

Эль Надим тонко улыбнулся, затем помрачнел и, глядя через плечо Насмешника, немного удивленно произнес:

— Мы уже и сами слышали нечто подобное. И, честно говоря, меня это беспокоит. Но Ученик хранит спокойствие. Полагаю, что ваши источники информации среди Мудрейших гораздо достовернее, чем наши.

Насмешник от изумления открыл рот. Неужели он, городя всю свою чепуху, случайно угодил в точку?

— Но что ты можешь для меня сделать? — спросил Эль Надим. — Из того, на что не способны мои командиры или астролог.

— Я всего лишь ученик. Признаюсь. Тем не менее я преуспел в изучении некоторых скромных видов магии и являюсь экспертом в разного рода предсказательствах. Способен помочь в качестве советователя.

Эль Надим бросил на него оценивающий взгляд из-под полуопущенных век.

— Лжец! — проскрипел за спиной Насмешника чей-то голос.

Он хотел обернуться. Слишком поздно. На его череп обрушился удар. Потеряв на мгновение ориентацию, толстяк вначале рухнул на колени, а затем растянулся на полу у ног Эль Надима.

Он ничего не видел. Он не мог двигаться. Он почти ничего не слышал. Ему ничего не оставалось, кроме как проклинать Судьбу, толкнувшую его на столь опасный путь.

— Хватит, Фигер! — издалека донесся до него голос Эль Надима. — Объясни, в чем дело.

— Он обманщик, — произнес полуслепой Саджак, бывший когда-то спутником Насмешника и ставший ныне астрологом военачальника. — Лжец и обманщик.

Но это же невозможно, думал толстяк. Старикан не мог пережить падения с такой высоты. И тем не менее это так. Но почему время его до сих пор пощадило? Почему он не откинул копыта от старости?

Насмешник понял, что произошло. Можно сказать, что старик оказался творением своих собственных рук. Выбравшись из вод Реи, полуживой Саджак был вынужден приспосабливаться к самостоятельной жизни без поводыря. Бесконечная любовь к жизни омолодила его и регенерировала изношенное тело.

— Объясни, — стоял на своем Эль Надим.

Насмешник не мог ни двигаться, ни говорить, однако, несмотря на физическое бессилие, он забавлялся возникшей ситуацией. Саджак не мог разоблачить Насмешника, не выдав тем самым и себя...

— Хм... — протянул старик. — В свое время он был моим помощником. Пытался меня убить.

Насмешник пришел в себя достаточно для того, чтобы прохрипеть:

— Это частичная истина, господин. Был попутчиком указанного много лет тому назад. Скорее как раб, по правде сказать.

После этого замечания последовала битва умов, период недомолвок и слов полуправды. Как учитель, так и ученик делали все, чтобы себя не выдать. В этой схватке титанов Насмешник постепенно стал брать верх.

Он знал законы Эль Мюрида. Они отстаивали интересы детей. Он живописал те мучения, которые ему пришлось претерпеть от рук Саджака. Старик не мог опровергнуть его слова. Эль Надим немедленно уловил бы ложь.

— Хватит! — рявкнул Эль Надим, впервые употребив командный тон. — Каждый из вас в чем-то прав. И то же время ни

один из вас не говорит всей правды. Фигер, я не желаю без нужды сердить Ариститорна.

Насмешник облегченно вздохнул. Первый раунд остался за ним.

— Лично и безмерно благодарен за доверительность, — сказал он, улыбаясь в душе. — Стремлюсь оправдать указанную качеством своего служения.

Эль Надим вызвал лакея, и тот провел Насмешника в прекрасную комнату. Столь великолепного помещения толстяку ранее видеть не доводилось. Оставшись в одиночестве, он снова и снова возвращался мыслями к Саджаку. Толстяк недоумевал, как проклятому старцу удалось тогда выжить. Думал он и о том, как закончить начатое, не отправившись при этом на шесть футов под землю.

Надо постараться прикончить старика, прежде чем он прикончит меня, думал Насмешник. Но лучше всего было бы с самого начала от этой затеи отказаться. Он уже внес свой вклад в общее дело. Во-первых, в Ипопотаме и, во-вторых, похитив Ясмид. Ясмид. Что могло случиться с девочкой? Гарун ее куда-то увез... Ему пригрезились человеческие кости, разбросанные среди деревьев в горах Капенрунг.

Эль Надим вызвал его к себе следующим утром.

— Я желаю услышать предсказание, — сказал ему военачальник.

Насмешник был немало изумлен:

— Предсказание, господин? Какого вида? В искусстве некромантии мною не достигнуто сияющих вершин. Пока. Так же как и в гадании по внутренностям животных. Лучше всего я преуспеваю в предсказательстве по звездам, картам и магическим палочкам.

— Фигер уже предсказывал будущее. В связи с моим походом на Запад. Я хочу услышать еще одно мнение. А может быть, третье или четвертое, если ты соблаговолишь использовать несколько методов.

— Потребуется дополнительное время для узнавания деталей с целью более точного прочтения звезд, — сказал Насмешник. — Предпочитаю не слышать мнение коллеги по указан-

ному. Понимаете? Поэтому в данный момент допускаемо использование карт, которые открывают нам наибыстрейший и наилегчайший путь в данных обстоятельствах.

Порывшись в недрах своей мантии, он извлек на свет колоду карт.

— Прикоснитесь к ним господин, — сказал он, протягивая колоду Эль Надиму. — Хорошенько перемешайте, держа в памяти тот вопрос, который желаете задать.

Эль Надим бросил взгляд на каменные лица расположенных вдоль стен палаты часовых. Стража закона, нарушающего закон, никто видеть не должен.

Часовые, как всегда, смотрели в пустоту перед собой.

Эль Надим взял колоду. Он прикоснулся к ней и, перемешав карты, вернул Насмешнику. Тот присел на корточки и принялся раскладывать карты у ног военачальника.

Пять карт он выложил быстро, а с шестой произошла задержка. Сердце толстяка бешено колотилось.

И шестая карта оказалась плохой. Насмешник поднял глаза. Осмелится ли он произнести правду?

Следующие карты картину лишь ухудшили.

Врать он не мог, Эль Надим мог немного разбираться в картах.

— Ну что, плохо?

— Не очень хорошо, господин. Вас подстерегают большие опасности. Лично я сказал бы, что они не есть непреодолимы. Однако сильно непредсказуемы. Я хочу вычертить астрологическую таблицу. Звезды есть более надежны.

— Неужели все так скверно? Ну ладно. Задавай свои вопросы.

Звезды для Эль Надима оказались ничем не лучше карт. Насмешник был уверен, что предсказания Саджака оказались такими же мрачными. Эль Надим потребовал новых предсказаний, надеясь, что картина окажется более приятной.

— Тем не менее... — задумчиво произнес военачальник, когда толстяк сообщил ему о своих открытиях. — Тем не менее мы выступаем. Так приказал нам сам Эль Мюрид.

Полководец казался таким опечаленным и отрешенным, что Насмешник пожалел о том, что согласился на предсказания.

В рядах неприятеля всегда находятся хорошие люди, и Эль Надим среди врагов Насмешника слыл одним из самых порядочных. Он был по-настоящему справедливым человеком, неравнодушным к заботам других. Его гуманность, а вовсе не военный гений превратили Средний Восток в край, слегка напоминающий Старую Империю. Эль Надим искренне — хотя и в смягченной форме — верил в Законы Эль Мюрида. Кроме того, он обладал достаточной волей, чтобы проводить их в жизнь.

Поветрие национализма пока еще не коснулось Востока. И представление Эль Надима об Империи выражало надежды людей. Те надежды, которые давным-давно ушли в прошлое на раздробленном Западе.

Насмешник видел это. Не исключено, что это замечал и Эль Надим. Однако Аль-Ремиш оставался слеп. Эль Мюрид ждал, что его военачальник, начав кампанию на Западе, где насчитываются десятки различных культур и государств, повторит успех, которого ему удалось добиться там, где существовали лишь три отличные друг от друга культуры.

— Обреченные, — бормотал Насмешник, следуя в эскорте Эль Надима через западные ворота Тройеса. Военачальник скоро увидит, что его высокие моральные качества, сила убеждения и справедливость мало что стоят за хребтом Капенрунг. Властители Запада понимали лишь язык силы, они говорили лишь на этом языке и верили в единственную реальность, символом которой являлся меч.

С каждым днем толстяк все сильнее нервничал. Саджак постоянно маячил за его спиной, напоминая о том, что прошлое возвращается. Там, на Западе, остались Непобедимые, которые могли его запомнить и которым в отличие от старика нечего было терять.

Первый ход Саджак сделал после довольно спокойной недели похода.

Насмешник съехал с тропы, соскочил с седла, задрал полы своей мантии и присел. И когда он пребывал в столь неэлегантной позе, из ниоткуда возникла Черная Дама, чтобы слегка потрепать его по плечу.

Вначале послышался скрип гравия под чьими-то ногами, а затем позади толстяка метнулась тень. Никакое создание пустыни так быстро двигаться не могло.

Но Насмешник оказался еще проворнее. Не оглядываясь, он рухнул на землю, откатился в сторону и пружинисто вскочил с мечом в руке.

Убийца — молодой солдат из Тройеса — от изумления открыл рот. Ни дно человеческое существо не способно так быстро двигаться, не говоря уж о каком-то толстяке.

Насмешник пошел в наступление. Его клинок начал смертельный танец, рассыпая во все стороны яркие блики отраженного солнечного света. Сталь, встретившись с другой сталью, запела свою зловещую песню. И уже через миг солдат недоуменно взирал на свою лишившуюся оружия руку.

— Лично я есть в полном недоумении, — произнес толстяк, вынуждая противника сесть на камень. — Подавлен тем затруднительным положением эпических размеров, в котором оказался. По полному праву я обязан лишить жизни покушавшегося на меня человека, дабы преподнести урок хищному старику, пославшему его. Разве не так? Я должен ввести его в ужас. Но увы. Лично я не смог избежать болезни, имя которой — милосердие. Может быть, я лишен и чувства мстительности? — На его губах заиграла зловещая улыбка, и он закончил: — Нет, указанного я вовсе не лишен.

Он принялся плясать, изгибаться и кривляться, однако острие его клинка ни на дюйм не дрогнуло, упершись в адамово яблоко солдата. Он провыл несколько непристойных кабацких песен на ломаном алтейском, одновременно делая пассы свободной рукой, словно призывая Силы Тьмы.

— Вот и все, мой друг, — закончив кривляться, сказал Насмешник. — Работу подобную следовало проделать. На тебя наложено проклятие проказы. Чрезвычайно специфическое.

Солдат задрожал. Более ужасной судьбы представить было невозможно.

— Специфическое чрезвычайно, — повторил толстяк. — Указанная проказа возникнет лишь тогда, когда проклятию подвергнутый устами своими начнет произносить лживые слова. — Зло-

веще хохотнув, Насмешник продолжил: — Ты все понял? Единственная ложь — и проклятие начнет действовать. Через несколько часов твоя кожа пожелтеет. А через несколько дней плоть примется слезать с костей. Ты начнешь вонять, как залежалый мертвец. Слушай меня. Если наш господин генерал призовет неудачливого убийцу в качестве свидетеля, упомянутый должен говорить правду. Точную. Иначе...

Толстяк повернулся на каблуках, завершил прерванное дело, поймал лошадь и занял свое место в колонне. Все это время он продолжал хихикать про себя. Глупый солдат попался на удочку.

Приближаясь к Аль-Ремишу, Насмешник тихо ворчал и сыпал проклятиями, в то время как его спутники шумели совсем по иному поводу. Им не терпелось узреть Святой Город и посетить Святилище Мразкима. Насмешник же время от времени покрывался холодным потом. Для него наступало самое трудное время. Именно здесь он скорее всего мог встретить знакомые лица. Именно здесь обитал Сиди. И именно здесь перед Саджаком открывались самые лучшие возможности.

Армия Эль Надима, собравшись на краю чашеобразной долины, смотрела вниз на Аль-Ремиш.

— Где же те дивизии, которые я отправил раньше? — ни к кому не обращаясь, спросил Эль Надим. Солдаты должны были стоять здесь лагерем, ожидая прибытия командующего.

По мосту проскакал одинокий всадник. Поднявшись по склону, он прокричал:

— В Аль-Ремиш вы не вступаете! Повелитель повелел мне передать вам приказ двигаться на запад.

— Но...

— Такова воля нашего повелителя Ученика. — Было заметно, что посыльный испытывает некоторую неловкость. Он передавал приказ, который сам не одобрял.

— Мы проделали большой путь, и нам хотелось бы поклониться Святилищу.

— Может быть, когда вы вернетесь...

— Что здесь происходит? Что случилось? — спросил Эль Надим. — Наверняка за этим что-то стоит. Разве не так?

Посыльный едва заметно кивнул, но вслух произнес:

— Ученик запретил кому-либо со стороны появляться в городе. — Указав на южный склон долины, он добавил: — Даже паломникам, даже если там только старики, женщины и дети.

— И военачальникам тоже? Неужели он меня не примет?

— Нет. Мне поручено принести вам извинения от его имени и передать его слова о том, что со временем вы все поймете. Он сказал, что с вами будут его молитвы. — С этими словами гонец развернул коня и начал спуск в долину.

После продолжительного раздумья Эль Надим произнес:

— Мы встанем здесь лагерем на ночь. Может быть, к утру он передумает.

Однако и утром ничего не изменилось. Казалось, что Аль-Ремиш полностью игнорирует присутствие армии.

Насмешник облегченно вздохнул, когда колонна возобновила движение по пустыне. Теперь, оказавшись в безопасности, он мог сосредоточить все внимание на Саджаке.

Безумный старец был чрезвычайно осторожен. В Аргоне он получил весьма впечатляющий урок.

Насмешник обнаружил скорпионов в своих сапогах. Во вьюке с постелью он нашел ядовитую змею. На самом узком и опасном участке горной тропы, едва не угодив в голову его лошади, пролетел здоровенный обломок скалы. Вода в его фляге оказывалась отравленной, и он опасался, что та же участь постигнет и пищу, если он перестанет питаться из общего солдатского котла.

Саджак завел себе телохранителей, не позволявших Насмешнику приближаться к старику.

Саджак для Насмешника становился настоящей костью в горле. С точки зрения Насмешника, для решения проблемы больше всего подходил яд. Субстанция, которая могла бы вызвать остановку сердца...

Остановка сердца. Саджак стар, и сердце его может быть слабым. Может быть, напугать его до смерти, использовав для этого магию внушения Вуду, с которой ему и Гучу довелось познакомиться в Ипопотаме?

Планы и задумки кружились в его мозгу словно пьяные бабочки. Разве его не считают колдуном? Почему бы ему не

устроить представление, которое заставит старого мерзавца поверить в то, что он уже находится на пути в иной мир. Ведь Саджаку точно не известно, был ли Насмешник учеником Ариститорна или нет.

Через несколько минут Насмешник уже втолковывал какому-то солдату:

— Лично я утомился быть объектом постоянных нападок. — (Покушения на него уже давно перестали быть тайной). — Взгляни! — Он продемонстрировал весьма зловещего вида ядовитую ящерицу, более похожую на образец примитивного искусства, чем на живое существо. — Нашел указанную во вьюке. Терпение пришло к своему окончанию, и я обращаюсь к заклятию, которому обучился у господина Ариститорна. Оно будет разъедать ядовитое сердце старого хрена. Это медленное заклятие. Иногда проходят месяцы, прежде чем жертва погибнет. Красота его в мучениях пораженного. Не ведает он, когда конец наступит. Сейчас? Завтра? Хи-хи. Чрезвычайно трудно было постигнуть указанное заклятие, но сегодня я рад. Проклятие еще более прекрасно тем, что ход его действия можно ускорить некоторыми каббалистическими процессами. Лично я, друг, не отличаюсь жестокость. Не люблю причинять вред даже чудовищу в виде этой маленькой злобной, ядовитой ящерицы. Но со стыдом должен признать, что с наслаждением буду взирать за агонией старого, отвратительного негодяя с замашками убийцы.

Он бродил среди воинов, повторяя одну и ту же речь. Толстяк пустил в дело все свое воображение, описывая ужасное действие заклятия. Вскоре он уже был почти уверен в том, что Саджак слышал от многих о его угрозах и напуган до потери пульса.

Однако... Однако новость могла и не произвести нужного впечатления. Саджак был старым циником и давно ничему не верил.

Вскоре первоначальная эйфория толстяка исчезла, и он понял, что избрал для мести самый глупый путь из всех возможных.

Саджак, сощурив свои подслеповатые глазки, продолжал следить за каждым шагом Насмешника. Насмешник победоносно ухмылялся и громогласно заявлял, что позже устроит тотализатор, в котором первый приз получит тот, кто точно

угадает время смерти старца. Иногда он демонстрировал даже какие-то действия, якобы с целью ускорить приход к старому хрычу Черной Дамы. Постепенно Саджак стал все более проявлять страх. Его постоянная раздражительность и агрессивность усилились, а предсказания, которые он делал для Эль Надима, становились все более нелепыми.

— Видите? — вопрошал Насмешник, бродя по лагерю. — Заклятие пожирает злобного старикана.

Эль Надим начал весьма критично относиться к работе Саджака и каждый раз заставлял Насмешника делать контрольные предсказания. Подобное недоверие заставляло старика еще сильнее нервничать.

Покушения на жизнь Насмешника прекратились, Саджак решил прибегнуть к переговорам и подкупу. Толстяк с презрительным смехом отверг эти жалкие потуги старца.

Саджак совершенно неожиданно для всех полностью ослеп. Насмешник использовал любую возможность, чтобы подойти к старику и вслух поиздеваться над ним. Защитники старца, почувствовав слабость своего патрона, сбежали.

Вскоре на горизонте замаячили пики хребта Капенрунг. Когда Эль Надим призвал толстяка к себе, тот сумел подавить в себе злобную радость и принялся мостить путь, призванный увести военачальника не в ту сторону. Слепой Саджак уже не мог оспорить его предсказания.

Однако Эль Надим позвал его не для пророчеств.

— Я хочу, чтобы ты прекратил преследовать старика, — сказал он. — Тебе не кажется, что он и без того мучается достаточно? Эль Мюрид учит нас не отвечать на жестокость жестокостью, не истязать стариков только потому, что те слабы и беспомощны. Возможно, что твои действия в Аргоне были оправданными. Ты был приперт к стене. Но теперь у тебя оправданий нет.

Насмешник бурно запротестовал.

— Уходи. И перестань мучить этого несчастного старика.

Насмешник ушел. Несмотря на кипевшую в нем ненависть, он задумался над словами Эль Надима и взглянул на себя со стороны. То, что он увидел, ему крайне не понравилось.

Он увидел злобного жестокого типа, ничуть не лучше Саджака, которым тот был много лет назад. Толстяк понял, что удовлетворяет свое эго и подавляет внутреннюю неуверенность, демонстрируя свое превосходство над слабейшим существом.

Насмешник не стал утруждать себя продолжительным самоанализом. Чтобы легче выполнить приказ Эль Надима, он попытался внушить себе, что Саджак давно погиб, прыгнув с крепостной стены в Аргоне.

Со стороны гор Капенрунг тянул приятный прохладный ветерок. Насмешник ухмыльнулся и отправился поболтать с одним из помощников Эль Надима.

Когда военачальник вызвал его, чтобы получить пророчества, Насмешник явился, вооружившись грубым подобием географической карты.

— Господин, — сказал толстяк, развертывая карту. — Трудился, не покладая верхних конечностей. Точно. Пришел с планом, позволяющим обойти ужасные предсказания прошлых дней. План построен на основании магических атрибутаций Хаммад-аль-Накира, открывающих возможность обмануть Судьбу. Мы будем действовать так быстро, что указанной Судьбе за нами не угнаться. Прежде чем указанная нас схватит... Пожалуйста! Выдающийся генерал уже оказывается на тучных пастбищах в тылу врага. — Он махнул рукой в сторону карты. — Новая Империя торжествует очередную победу! Утомительной войне приходит конец. Лично я, являясь гением указанного плана, получаю существенную награду, избавляюсь от службы у надоедливого чародея и открываю собственное дело.

— Дай мне взглянуть на карту. Я хочу услышать твой план, а не болтовню о нем. Согласен?

— Посмотрите, как хребет Капенрунг рассекает Запад, образуя барьер на пути к нашей цели. Представьте, что мы переходим через горы. Что нас там ждет? Ждут нас волнения в Тамерисе, переход через всю Алтею... Воинство Света может оказаться на северном берегу Скарлотти или даже еще севернее, прежде чем шпионы недругов сообразят, что указанное Воинство пришло. Указанные шпионы будут внимательно следить за традиционными путями из Сахеля. Разве не так? Значит...

— Там нет перевалов. А даже если бы они и были, то со мной нет всей моей армии.

В распоряжении Эль Надима было примерно двадцать тысяч воинов, или около четверти его войска.

— Последнее не имеет значения, — ответил Насмешник. — Шпионы недругов, увидев авангард, думают, что здесь вся армия. Они думают, что прибыл новый великий командир. Что же касается перевалов, то лично я явился вооруженный ответом. — Он провел толстым пальцем по карте, изображая извилистую линию. — Вот так можно пересечь горы.

Именно этим путем они с Ясмид прошли ранее. Толстяк, правда, забыл упомянуть, что Воинству Света придется пройти всего лишь в пятнадцати милях от главного лагеря бин Юсифа.

— Прошлой ночью, когда армия пребывала во сне, на лично меня снизошло наитие. Я крутился, как глупый пес на цепи. Я выл и стонал. Но затем решил посмотреть на все собственным взором. Покинуть тело есть весьма трудное дело! Но ухитрился совершить указанное и полетел в горы, чтобы проведать путь, мною перед вами обозначенный. Переход будет трудным. Факт. Но не невозможным. Тоже факт.

Насмешник уже давно пришел к выводу, что устранить Эль Надима ему не удастся. Если, конечно, он хочет выбраться отсюда живым. Поэтому он решил поставить полководца и армию в такое положение, чтобы Гарун сам мог прикончить Эль Надима. Появление армии будет замечено сразу, как только та вступит в горы.

— В принципе мне твое наитие нравится. Что же касается практического воплощения... то мне надо подумать.

Знает ли военачальник, что Капенрунг контролируется Гаруном? Насмешник надеялся, что командующему это не известно. Эль Надим никогда не упоминал о бин Юсифе. Создавалось впечатление, что Короля-без-Трона для него вообще не существует.

Насмешник не знал, как относиться к безумным слухам о том, что Гарун и Белул погибли в результате предательства Шадека эль Сенусси. Если это действительно так, то он ведет Воинство Света на встречу с беззубым тигром, по-настоящему открывая Эль Надиму путь в сердце Запада.

— Нельзя терять время, господин. Место, где мы должны вступить в горы, находится рядом.

— Я умею читать карту. Уходи и дай мне подумать.

На следующее утро колонна двинулась на север, и Насмешник ехал впереди, указывая путь и используя свои «магические силы», чтобы предупредить об опасности.

Дни шли за днями. Горы вздымались все выше и выше. Воздух становился прохладнее, так как между пиков то и дело прорывался холодный северный ветер. В некоторых местах им начал попадаться снег. Нервы толстяка вконец расшатались.

Роялисты не сводили с них глаз. Насмешник почти физически ощущал на себе их взгляды. Кроме того, он сам видел следы, которых никто, кроме него, не замечал.

Что делать, когда на войско обрушится молот Гаруна? Или одна, или другая сторона — а может быть, и обе, — заклеймят его как предателя.

Но даже и он был изумлен, когда неожиданно со стен каньона на них посыпались камни.

Раздались крики. Лошади пятились и вставали на дыбы. Камни начали поражать людей. Откуда-то с неба полетели стрелы. Насмешник соскочил с седла и уполз под прикрытие скалы. Немного выждав, он начал карабкаться вверх по склону. Ему хотелось скрыться, прежде чем кто-нибудь обратит на него внимание.

Лишь поднявшись ярдов на триста, он осмелился оглянуться.

На дне каньона царил хаос, который с каждой минутой разрастался. Тем не менее некоторые воины Эль Надима пытались контратаковать. Они поднимались по склону, увертываясь от катящихся обломков скал и укрываясь от стрел за деревьями. В их рядах оказался и Эль Надим. Не обращая внимания на опасность, он все гнал и гнал своих воинов вверх.

Заметив высоко вверху укрывшегося среди камней Насмешника, военачальник сразу понял, что произошло.

Он вскинул руку и выкрикнул несколько слов. По меньшей мере дюжина солдат двинулась в направлении толстяка.

Толстяк подобрал полы своей мантии и пустился наутек.

Глава 20

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ

— Предположим, они пройдут мимо Рискерда... — начал Хаакен.

— Предположим, предположим! Ты все время что-нибудь предполагаешь, — прорычал Рагнарсон. — Если они минуют Рискерда, значит, мы зря потратили время.

Он начал сомневаться в успехе и был раздражен. Глядя сверху вниз на Эль Надима, Браги опасался, что устроенная им ловушка не сработает.

Командующий роялистами Драконоборец должен был напасть на Эль Надима в десяти милях севернее в самом узком месте долины. Рискерд должен был использовать искусственный камнепад и стрелы до тех пор, пока Эль Надим не решит, что прорваться не сможет, и не повернет назад в Хаммад-аль-Накир. На обратном пути его и поджидал Рагнарсон. Браги сумел собрать шесть тысяч человек и провести их быстрым маршем через горы. Отряд едва успел укрыться, чтобы позволить Эль Надиму спокойно пройти мимо. Сейчас его воины занимались сооружением укреплений.

— Пойдем проверим, как идет работа, — сказал Браги. Его настолько беспокоила судьба Рискерда, что он не мог стоять на одном месте.

— Они должны были встретиться с Рискердом вчера, — говорил Хаакен, шагая вслед за братом. — К этому времени мы могли уже что-то услышать.

— Знаю, — проворчал Рагнарсон, разглядывая узкую траншею.

В этом месте долина была шириной примерно двести ярдов и имела довольно ровное дно, а по обеим ее сторонам уходили ввысь почти вертикальные гранитные стены. По дну ущелья мчался ледяной поток, а в некоторых местах довольно густо росли сосны. Перед одной из таких сосновых рощ и сооружал укрепленную линию Рагнарсон.

Он собрал здесь всю свою пехоту, подкрепив ее несколькими сотнями кавалерии роялистов. Остальные роялисты либо остались с Рискердом, либо находились в укрытии в одной из боковых долин чуть севернее линии обороны.

— Золотой мост... — бормотал Хаакен. — Я уж не говорю о том, что они превосходят нас числом.

— Знаю, — ответил Рагнарсон.

Слова «Золотой мост» обозначали одну из боевых концепций Хоквинда. Согласно этой концепции, враг в случае неудачи должен видеть путь спасения. Не имеющие выхода воины всегда сражаются более упорно.

Избранная Рагнарсоном позиция не открывала Эль Надиму легких путей для бегства. При этом следовало учитывать, что отряд Браги по численности уступал Воинству Света.

— А вот и курьер от Рискерда.

Посыльный сообщил, что Рискерд еще держится. И добавил, что Эль Надим, видимо, учуял ловушку. Четвертая часть его войска двинулась на юг с целью проверить путь отступления.

— Не исключено, что это большая удача, — задумчиво пробормотал Браги. — Если мы покончим с частью до прибытия всей орды...

— И только выдадим себя, — буркнул Хаакен.

— Нет. Пошли кого-нибудь к укрывшимся в засаде роялистам с приказом сидеть тихо до тех пор, пока головной отряд не ввяжется в драку с нами.

Гонец Хаакена вовремя успел нырнуть в боковую долину. Передовые всадники Эль Надима появились через минуту после этого.

Воины Браги задвигались, занимая свои места. Люди Эль Надима остановились, выслав вперед авангард. После того как наскоки передовых отрядов были отбиты, наступило затишье.

— Послали гонца за инструкциями, — высказал предположение Рагнарсон. — Не стоит ли нам их побеспокоить?

— Не ищи себе неприятностей, — ответил Хаакен. — Эти парни, похоже, знают свое дело.

Восточные воины разбили лагерь в чисто имперском стиле, окружив его траншеей и палисадом. Столь же высокий

профессионализм противник продемонстрировал и в утренней атаке.

Однако войско Браги без труда отбило первое нападение. Воины Востока отошли и сидели тихо вплоть до появления главных сил Эль Надима.

— Похоже, они узнали все, что хотели, — сказал Браги, когда стало ясно, что новой атаки не последует.

Проклятые преследователи скакали с камня на камень, как опытные горные козлы. Расстояние между ними и Насмешником сокращалось очень быстро, и толстяк подумал, что, может быть, было бы лучше не бежать, а присесть на валун и, переведя дух, встретить противника свежим.

Проскользнув между двумя гранитными выступами, он ринулся к ближайшей группе кустов. Он устроит им засаду. Насмешник пополз в кустах с грацией перепуганного медвежонка... и оказался лицом к лицу с роялистом.

Воин выбил меч из руки Насмешника. На его тощей физиономии появилась радостная улыбка.

— Ты!!! — воскликнул он, дернув толстяка за одежду. Насмешник плюхнулся на живот, и солдат уселся на него сверху. Насмешник попробовал протестовать, но у него ничего не получалось.

— Ты когда-то ловко облапошил меня, толстая задница!

И тут-то подошли солдаты Эль Надима. Не заметив возни в кустах, они остановились, чтобы обсудить ситуацию.

К горлу Насмешника прикоснулось острие кинжала.

— Ни звука, толстячок, или тебе крышка.

Насмешник лежал не двигаясь. Солдат принялся его обыскивать.

Откуда-то со склона прилетела стрела. За ней вторая. Затем третья. Воины Эль Надима, решив не ждать продолжения, устремились вниз.

— Эй, вы, там в кустах, вылезайте! — приказал кто-то с чудовищным акцентом. Насмешник почувствовал, как напрягся солдат, не зная, что делать — повиноваться приказу или пустить в дело нож. Жизнь толстяка висела на волоске, и тре-

бовался легкий толчок, чтобы нарушить это неустойчивое равновесие в ту или иную строну.

— Послушай, — взмолился он. — Лично я думал, что наступил мой конец. Думал, что кинжалы злобных недругов изопьют моя кровь. Точно. Месяцы упорных трудов, дабы заманить указанных в ловушку, кончались гибелью одного из величайших героев войны с безумцем пустыни.

Тот, кто отдавал команды, стал продираться сквозь кусты. Устроившаяся на Насмешнике наседка поднялась со своего мягкого гнездышка. В бок толстяка ткнулась нога и перекатила его на спину. Насмешник поднял взгляд и увидел недружелюбную физиономию Рискерда Драконоборца.

— Привет! Ты явился как раз вовремя, старый друг. Теперь они не так самодовольны, эти люди Эль Надима. Они по какой-то странной причуде решили, что бывший мастер магии заманил их в ловушку, — сказал он, с трудом выдавив смешок.

— Я тебе не друг, толстяк. Вставай.

Насмешник поднялся. Рискерд нагнулся и поднял с земли его меч. Толстяк протянул руку, но троллединген оружие ему не вернул.

— Не получишь. Благодари небо за то, что я вопреки требованиям здравого смысла оставляю тебя в живых. Пошли. Пока твои друзья по играм не вернулись с подмогой.

— Весьма мудрое решение, — заявил Насмешник. — Лично мне, ближайшему другу вождя по имени Гарун, оно очень по душе. С другой стороны, указанный вождь роялистов был бы очень недоволен, узнав, что его сердечный друг и наиглавнейший тайный агент встретил смертельную неприятность от руки его признанного союзника.

— На твоем месте я бы не очень полагался на его заступничество, — сказал Рискерд, довольно невежливо подталкивая его вверх по склону. — До нас дошли сведения, что он мертв. С тех пор прошли месяцы, и никто этих слухов не опроверг.

Толстяк задрожал, несмотря на то что после бегства и пережитых потрясений ему было жарко. Видимо, ему придется вести себя как можно скромнее. У многих из этих людей имеются веские причины хорошенько измолотить его.

Но это же просто несправедливо. Где бы он ни появлялся, у него всегда находились враги. Казалось, что весь мерзопакостный мир был против него.

Рискерд без остановки тащил его в гору, и толстяк был почти убежден в том, что троллединген просто хочет загнать его до смерти.

— Сядь, — неожиданно приказал Рискерд, указывая на выступ скалы. — И сиди тихо.

Последующие четыре дня он просидел более или менее тихо.

Со склона горы открывался прекрасный вид на дно долины. Насмешник видел, как Эль Надим предпринимает все новые и новые отважные попытки прорваться. В конце концов военачальник решил, что от подобного упорства ему никакой пользы нет. Всем известно, что через хребет Капенрунг удобных перевалов не существует. Разве можно верить утверждениям человека, который однажды уже доказал свою предательскую сущность?

Насмешник попытался выяснить судьбу Саджака, осмотрев все трупы, оставшиеся после ухода Эль Надима. Пленные ничего определенного сказать не могли, а друзья-роялисты просто не удостаивали его ответом.

Он должен был это узнать. Толстяк не хотел, чтобы это отвратительное создание — слепое или зрячее, безразлично, — висело у него на хвосте.

— О горе! — бормотал Насмешник, увидев, что Эль Надим повернул назад. — Опять по тому же пути. Сколь утомительно бродить туда-сюда по горам! Лично я как глубокая натура, склонная к приключенчеству, предпочитаю видеть новые земли. Именно подобного рода мотивации привели меня в свое время на Запад.

Однако он скоро умолк. У него не было аудитории. Какой смысл произносить речи, если их никто не желает слушать?

Отряд Рискерда преследовал арьергард армии Эль Надима без всякого рвения. Воины считали, что за четыре дня боя они внесли достаточный вклад в общее дело.

Четверо людей ехали на спотыкающихся от усталости лошадях. Гарун и Белул тащились пешком. Они то и дело падали и поочередно помогали друг другу подниматься с земли.

Лишь этим шестерым удалось выжить. Но все они были ранены и почти умирали от истощения. Непобедимые вели охоту упорно и умело. Охота все еще продолжалась, хотя беглецам и удалось на время стряхнуть белые балахоны со своего хвоста. Прежде чем вступить во враждебные горы, Непобедимые должны были собраться с духом.

— Я слышал звук трубы, — едва слышно произнес Эль Сенусси. Он с трудом удерживался в седле. — Довольно далеко отсюда.

— Трубный звук ангелов, наверное, — ответил Белул. — Мы сейчас как раз на полпути между там и нигде. Здесь никто слыхом не слыхал об ангельских трубах.

Однако Эль Сенусси был прав. Примерно через час уже все смогли услышать рев труб и звуки, смахивающие на шум отдаленной битвы. В узких холодных ущельях все звуки были слышны на большом расстоянии.

— Похоже, идет нешуточная битва, — высказал предположение Гарун. — Там, дальше. Но как такое может быть?

— В ущелье я заметил довольно много конского помета, — сказал Белул. — Слишком много для наших сторонников.

Другие, оказывается, тоже обратили на это внимание, но не хотели говорить первыми о скверном признаке.

— Мы приближаемся, — сказал Эль Сенусси чуть позже. — Прежде чем мы туда влезем, надо посмотреть, что там происходит.

— Он прав. Белул, возьми лошадь Хасана.

Белул издал стон, но повиновался. Вернулся он очень скоро.

— Наемники гильдии и наши воины поймали в ловушку часть армии Эль Надима, — доложил он. — Идет страшная битва.

— Кто побеждает?

— Я не спросил.

Гарун со стоном поднялся с земли. Болели не только ноги, болело все тело.

— Мне надо не меньше недели полного безделья, чтобы отоспаться, — проворчал он. — Но сейчас я должен там показаться. Только Небу известно, что они думали после нашего исчезновения.

Его спутники вздохнули и начали вскарабкиваться в седла.

Гаруну потребовалось всего несколько секунд для того, чтобы понять, что сделал Рагнарсон. Браги прочертил смертельную линию на пути войска Эль Надима и теперь вел бой на истребление.

— Как я задумал, не получилось, — жаловался Браги, когда наступил вечер и друзья смогли встретиться.

— Каким образом?

Сподвижники Гаруна пребывали в экстазе, и он воспользовался встречей, чтобы на время скрыться от их восторгов.

— Атака с тыла. Не знаю, была ли она неудачно задумана или просто началась слишком рано. Мне показалось, что она увенчается успехом, но тут вернулись главные силы Эль Надима и вновь зажали твоих людей в боковой долине. И я ничего не могу сделать.

— Они могут бросить лошадей и уйти по склонам, — ответил Гарун. — Если они этого не сделают, то они идиоты и заслуживают своей участи. Утром я попробую во всем разобраться.

— Я даже не уверен, сможем ли мы удержать эти позиции.

— Старайся найти во всем светлые стороны. Ты принес нам еще одну победу. Может быть, наиболее значительную со времен Альперина. Сам Эль Надим угодил здесь в ловушку. Представь, какой эффект это произведет. Эль Надим — последний из плеяды великих полководцев. Герой Восточной войны. Последний из наследников Бича Божьего. Мауфакк Хали уже закончил свой жизненный путь. Он добрался до Аль-Ремиша, но там его унесла гангрена. Ученик был вне себя от ярости.

— А мы-то недоумевали, куда подевался этот сукин сын. Мы крепко потрепали его банду, но его так и не нашли. Ну так поведай нам о своем паломничестве в Святой Город. Похоже, что твои планы провалились.

— От цели нас отделяло всего ничего. — Почти соединив большой и указательный палец, Гарун показал, какое ничтожное расстояние оставалось между ним и Эль Мюридом. — Но Ученик пустил в дело свой амулет и едва не стер нас с лица

земли. — Он подробно рассказал о своей одиссее замершей в изумленном молчании аудитории.

— Теперь тебе надо поспать, — сказал Рагнарсон, когда повествование закончилось. — Если придется бежать, я тебя разбужу.

— Ты ужасно заботлив.

Гарун и его товарищи по приключениям проспали всю битву следующего дня.

Роялисты дрались с удесятеренной силой. Создавалось впечатление, что сражается совсем иная, новая армия. Их король вернулся! Судьба оказалась на их стороне.

Люди Эль Надима бились превосходно, но успеха не имели. Прорваться им так и не удалось. Рагнарсон начал поговаривать об отправке к Эль Надиму парламентера с предложением капитулировать.

Посвежевший Гарун положил конец его мечтаниям.

— Некоторые из его воинов могут дезертировать и сдаться, — сказал он. — Но только не Эль Надим. Он до конца предан Эль Мюриду. Парень будет биться до тех пор, пока мы его не убьем. Или пока он не победит нас.

— Не уверен, что мы можем покончить с ними. Мы можем пострадать больше, чем они, если попытаемся.

— Лишь ты стоишь между ним и пустыней, — пожал плечами Гарун.

Эль Надим предпринял свою самую жестокую атаку. Ряды солдат гильдии подались назад, и фронт неминуемо был бы прорван, если бы с тыла по врагу не ударил Рискерд.

Изрядно потрепанная восточная армия отошла в свой лагерь. В течение нескольких дней из-за палисада никто не высовывался.

— Похоже, что все ждут, кто первым оголодает, — ворчал Рагнарсон. — Я точно знаю лишь одно: я на них не полезу. Все глупые дети моей мамочки скончались в юном возрасте.

Пять дней спустя к ним под белым флагом прискакал офицер из армии Тройеса и спросил бин Юсифа.

— Новости даже здесь распространяются быстро, — пробормотал Хаакен.

— Похоже на то, — согласился Браги. Он и его брат смотрели на парламентера через плечо Гаруна.

— Мы готовы обсудить с вами условия, — сказал офицер.

— Но с какой стати? Вы явились сюда, чтобы подраться, получили то, что хотели. Неужели вы теперь хотите прекратить битву?

— Нет смысла сражаться, когда ни одна из сторон от этого не выигрывает. Если победим мы, то вы просто растворитесь в горах. Вы же можете победить лишь ценой потери большинства своих людей. Поэтому в интересах всех будет спокойно разойтись.

Гарун перевел слова парламентера Браги, который не понимал диалекта Тройеса.

— Этот парень опасен, — сказал Рагнарсон. — Попробуй разговорить его.

Гарун стал задавать вопросы и тут же переводил ответы.

— Он уже все сказал, Браги. Прелагает прекратить схватку и идти каждому своим путем.

— Но в чем здесь смысл? Должна иметься какая-то глубинная причина. Не исключено, что Эль Надим убит или тяжело ранен. Надави на него.

— Как бы не перебрать. Они все еще превосходят нас числом.

Тем не менее Гарун последовал совету приятеля.

— Я вернусь через неделю, чтобы посмотреть, как вы себя чувствуете, — ответил парламентер.

— Боюсь, что я перестарался, — сказал Гарун. — Однако думаю, что они сложат оружие, если мы позволим им уйти.

— Что удерживает их от того, чтобы вскарабкаться в горы и, обойдя Капенрунг, воссоединиться с остальной армией?

— Что мешает тебе их перебить после того, как они сложат оружие?

— Мы — солдаты гильдии.

— Но, может быть, и им не чуждо чувство чести? Послушай! Ведь им ничего больше не надо, кроме как сидеть здесь и держать нас рядом. Разве не так?

— Похоже на то. Между тем нам полезнее было бы действовать в другом месте.

— Потребуй от них слова чести. Оружие и слово. Для меня этого будет достаточно.

Гарун планировал активную летнюю кампанию. Увидев царящий в Аль-Ремише хаос, он решил, что течение войны повернулось в другую сторону. Он хотел поднять такой шум, чтобы его претензии на трон снова достигли ушей всех его союзников.

— Хорошо, — согласился Браги.

Гарун возобновил дискуссию с парламентером.

Войско Эль Надима выходило из ловушки на следующее утро, оставив все свое вооружение в лагере. Рагнарсон и Гарун, ожидая предательства, внимательно следили за тонким ручейком двигающихся солдат.

Рагнарсон был подавлен.

— Еще, мой друг, одна битва, которая ничего не решила. Когда же мы наконец добьемся реальных успехов?

— Мы положили еще один камень в гробницу Эль Мюрида, — утешал его Гарун. — Терпение. Этим летом или в крайнем случае следующим карточный дом рухнет. Теперь его стены ничто не сдерживает.

Король-без-Трона пребывал в эйфории. Сколько времени способна продержаться Вторая Империя после гибели ее последнего героя?

Рагнарсон считал, что она продержится достаточно долго.

— Все не так легко и просто, как тебе, Гарун, представляется. Я не перестаю твердить тебе, что это не вопрос жизни или смерти нескольких людей — пусть даже и великих полководцев. Однако больше всего меня беспокоит не это. Мне крайне не нравится то, что война сделала с нами.

— Сделала с нами? Ничего не сделала.

— Если ты так считаешь, то ты даже более слеп, чем я думал.

— Что?

— Я тебя недостаточно знаю и не могу сказать о тебе. Ты всегда был замкнутым и провел в борьбе всю свою жизнь. Но я вижу, что война сделала с моим братом, и, глядя на него, могу судить о том, что она сотворила со мной. Хаакен в этом отно-

шении — отличное зеркало. Мне всего двадцать лет, но я уже старик. Меня ничто не заботит, кроме очередной битвы. Да и та, по совести говоря, меня не очень беспокоит. Я не живу, а выживаю. Но в мире есть много иных вещей. Я помню время, когда собирался жениться. Но сейчас я не могу припомнить лица невесты. Я совершенно забыл, о чем мечтал, глядя на нее. Я живу одним днем и не вижу этому конца. Я не чувствую, что дела идут к лучшему. Знаешь, мне совершенно плевать на то, кто восседает на Троне Павлина, или на то, какой из богов объявлен самым главным на сегодняшний день.

Гарун внимательно посмотрел на Рагнарсона. В глубине души он опасался, что Браги прав. Мегелин бы с ним согласился. Но отец — ни за что. Каждый из них жил своими представлениями и воспоминаниями, сильно отличающимися друг от друга.

Да, мы действительно утратили свои иллюзии, думал он. Более того, он не был уверен в том, что эти иллюзии вообще существовали. Браги прав в одном: они не живут, а лишь стараются выжить, то и дело оказываясь в страшном сепараторе, отделяющим живых от мертвых.

Но Браги не мог понять одного: он, Король-без-Трона, не имеет права прекращать борьбу, пока узурпатор не свергнут. Зверь не может прекратить схватку. И он, Гарун бин Юсиф, ради успеха своей миссии готов пойти на все. Буквально на все!

Рагнарсон шел маршем на Хэлин-Деймиель. На землях, через которые он проходил, кипели весенние посевные работы. Ужас войны уже отошел в прошлое. Если и сохранился, то где-то вдали от этих мест. От оккупации этих мест войсками Эль Мюрида почти не осталось никаких следов.

В каждом городе здесь имелся свой миссионер, а в каждом административном округе — имам, задачей которых было обращение неверных. В некоторых случаях им, видимо, сопутствовала удача. Браги увидел множество новых храмов и молелен, выстроенных в соответствии с архитектурными традициями пустыни.

Сильнее всего оккупация повлияла на систему гражданского управления. В пустыне последователи Ученика в этом от-

ношении начинали с нуля и теперь несли с собой свои новые концепции, игнорируя традиционные формы. Хотя феодальные структуры еще сохранялись, старая аристократия переживала явный упадок.

Мало кто приветствовал появление отряда Рагнарсона. Пропаганда последователей Ученика оказалась успешной. Обыватели были вполне удовлетворены порядками, царящими в Королевстве Покоя, или, в худшем случае, относились к ним индифферентно.

Рагнарсон подходил к бывшим границам владений Хэлин-Деймиеля, когда вернулся посланный им заранее курьер. Гонцу удалось прорваться. Сэр Тури Хоквинд сообщал, что согласен с избранной Гаруном стратегией.

Гарун и роялисты передвигались где-то южнее, и при этом шли быстрее, чем Рагнарсон. Им первым предстояло нанести удар по осаждающим Хэлин-Деймиель войскам. Рагнарсон же, подойдя с севера, должен был ударить вторым. Когда осаждающие сосредоточат усилия на отражении атак извне, Хоквинду предстояло совершить вылазку силами всего гарнизона.

Отряд, осаждающий Хэлин-Деймиель, был невелик, и его никак нельзя было отнести к лучшим частям войска Эль Мюрида. Он состоял в основном из местных рекрутов, пожилых бойцов или воинов, получивших ранения в других битвах... Его присутствие под стенами города имело скорее психологическое значение. Гарун рассчитывал, что разгром отряда Эль Мюрида будет иметь не столько военное, сколько политическое значение.

Еще не доходя до города, Рагнарсон начал встречать беглецов из числа осаждающих. Видимо, совместных усилий Гаруна и Хоквинда оказалось достаточно для того, чтобы снять осаду.

— Будь я проклят! — ворчал Браги. — Мы стерли подошвы до крови и все-таки опоздали. Ну, разве это справедливо?

Хаакен удивленно посмотрел на брата.

— Вознести хвалу небесам, недоумок, за то, что тебе хоть раз в жизни повезло, — с издевкой сказал он.

— С командиром так говорить не положено, мальчик.

— Сколько времени ты еще пробудешь командиром? — ухмыльнулся Хаакен. — Как только мы доберемся до города, ты

опять станешь последней спицей в колеснице. Мы окажемся среди настоящих солдат гильдии. А в гильдии есть офицеры. Так что отвыкай от чепухи вроде: «Полковник Рагнарсон, сэр!»

Браги остановился. Отряд зашагал мимо него. Об этом он как-то не подумал. Рагнарсон не был уверен, что сможет снова влезть в шкуру капрала. Слишком долго он оставался на свободе и поступал так, как считал нужным. Молодой человек внимательно смотрел на проходящих мимо него воинов. Они не были настоящими наемниками, несмотря на развевающееся впереди колонны знамя гильдии. Лишь один из пятидесяти видел когда-либо Великий Крэг. Из роты Сангинета в живых осталось лишь шестьдесят семь человек. Теперь они были офицерами и сержантами, превратившись в становой хребет маленькой армии Рагнарсона.

— Ты что, намерен расти в чинах, торча столбом на дороге? — поинтересовался Хаакен.

— До меня только что по-настоящему дошло, как много воды утекло с того времени, когда мы покинули Великий Крэг.

— Море, — согласился Хаакен. И тут его вдруг осенило: — А мы ведь не получили жалованья за три года! Ну и славно же мы проведем время, после того как они с нами рассчитаются.

— Если рассчитаются.

Весь мир в глазах Браги вдруг предстал в черном цвете.

Однако своей армии он не лишился. Когда он добрался до Хэлин-Деймиеля, Гарун и Хоквинд уже ушли дальше на юг, чтобы освободить Лебианнин, Симбаллавейн и Ипопотам.

— Полагаю, что их цель — отвлечь на себя как можно больше сил с севера, — предположил Браги.

Хаакена общая картина боевых действий не занимала. Все его внимание было обращено на город.

Осада была длительной и жестокой. Казалось, что какой-то злобный бог сгреб всех счастливых, благонравных и хорошо упитанных горожан прошлого и заменил их ордой отощавших нищих с жестким взглядом. Богатые торговцы, гордые ученые, банкиры и умелые ремесленники прошлого теперь жили на совсем другой земле, по которой уже не текли реки с кисельными берегами. На смену полной меда и молока жизни пришли голод, нищета и отчаяние.

— Что случилось? — спросил Рагнарсон у девушки не настолько запуганной, чтобы не разговаривать с чужаками. Но прежде чем она поняла, чего он хочет, ему пришлось спросить несколько раз, почему город находится в столь отчаянном положении, несмотря на то что военный и торговый флот Итаскии не прекращали снабжения города.

— У нас кончились деньги, — наконец ответила девушка. — Тогда они в качестве оплаты захотели получить наши музейные сокровища. Итаскийцы забыли, кто мы такие, — гордо произнесла она. (Жители Хэлин-Деймиеля с давних времен провозгласили себя хранителями западного искусства и культуры). — Поэтому они присылали нам еды ровно столько, чтобы мы не умерли от голода.

— Спасибо за объяснение. От этого, Хаакен, похоже, сильно разит политикой.

— Хм...

— Итаскийцы обескровили Хэлин-Деймиель сильнее, чем это сделало бы Воинство Света, разграбив город. Под видом бескорыстной помощи ослабили своего союзника. Хитроумно и жестоко.

— Почему ты так думаешь?

— Помнишь слова Гаруна о военном министре Итаскии? Он получил то, что хотел, позволив осаждающим погубить Хэлин-Деймиель. И все это время он, наверное, твердил послам, какое благородство Итаския проявляет, помогая их городу. Теперь понятно, почему Грейфеллз едва шевелился.

— Политики... — произнес Хаакен, вложив в это слово все презрение, на которое был способен.

— Именно. — Браги, так же как и его брат, не скрывал своего негодования. — Давай поищем какое-нибудь местечко, где можно слегка побезумствовать. Мы три года сидели в лесу, и нам надо проветрить свою нервную систему.

Безумствование продолжалось только два дня. Один из людей Браги принес командиру скверную новость.

— Эль Мюрид покинул пустыню, полковник, — сообщил он. — Пока неизвестно, куда он направляется. Местный люд

поднял страшный гвалт. Все боятся, что Ученик идет прямо сюда.

— Чтоб он сдох! Ладно, пойдем посмотрим, как лучше устроить ему теплый прием.

Глава 21

ПОЛОВОДЬЕ

Эль Мюрид мрачно взирал на обелиски с именами тех, кто погиб за Веру. Имен было много. Слишком много. Колонны с начертанными на них именами образовывали целый лес на южном краю чаши, в которой лежал Аль-Ремиш. Вид стелы с именами членов его семьи ухудшил его и без того скверное настроение.

Для того чтобы положить Сиди рядом с матерью, ему пришлось собрать в кулак вся свою волю. Он испытывал большой соблазн швырнуть тело предателя на съедение шакалам.

— Эсмат.

— Да, повелитель. — Лекарь был крайне недоволен тем, что его господин возобновил свое паломничество к родным могилам.

— Творец доверил мне нести Истину народам, а я часто перепоручал это дело другим. Вот в чем причина гибели столь многих. И вот Создатель снова напоминает мне о моем Предназначении.

— Боюсь, что не совсем понимаю тебя, повелитель.

— Я начал в одиночку, Эсмат. Ребенком, умирая в пустыне, я услышал Его призыв. Из испепеленной солнцем земли я понес Слово истины, и Слову этому открывались сердца. Я использовал эти сердца, принес их в напрасную жертву. И вот я снова одинок. Одинок и потерян в Великой Пустыне души. Если я не найду в себе сил выйти на свободу этим летом, то утрачу все Воинство Света. Новые и еще более наглые банды убийц станут напоминать мне, что время, отведенное для моих

трудов, ограничено. Этим летом, Эсмат, Ученик станет Воителем Господа и отправится в поход вместе с Воинством Света.

— Повелитель, ты же давал клятву никогда больше не участвовать в войне.

— Это не так, Эсмат. Я дал обещание не определять стратегию Воинства Света, поклялся, что командовать войском будут только военачальники. Как только мы спустимся вниз, начинай формировать эскорт.

— Как прикажешь, повелитель.

— Если Господь призовет меня к себе, положи меня рядом с Мириам. А если будет найдена Ясмид, то пусть она упокоится по другую сторону от меня.

— Так будет сделано, повелитель. Разве кто-то мог в этом сомневаться?

— Благодарю тебя, Эсмат. А теперь пойдем. Нам надо собраться с силами, дабы подготовить себя к грядущим испытаниям.

— О Господь, наш Творец и верховный вождь Воинства Света, да низвергнутся недруги Твои, да изопьют они горькую чашу своего безверия, да исчезнут они с лика земного.

— Эсмат! Ты меня изумляешь. Я был убежден, что ты равнодушен к словам Учения, и не думал, что ты способен взирать за пределы своих мелких честолюбивый желаний.

Лекарь был потрясен. Как деликатно сумел Ученик выразить свое неудовольствие. Прошлые прегрешения Эсмата против веры были хорошо известны. Они были прощены, но не забыты.

— Мы все себя плохо знаем, повелитель, и меньше всех себя знаю я сам. Как глупо с моей стороны пытаться казаться тем, чем я на самом деле не являюсь.

— Это проклятие лежит на всем человечестве, Эсмат, и мудрец осознает его еще до того, как оно заведет его во тьму, где все попытки избавиться от него становятся напрасными.

— Перед лицом твоей мудрости, повелитель, я чувствую себя несмышленым ребенком.

Эль Мюрид бросил на лекаря суровый взгляд. Он не был уверен в том, не издевается ли над ним Эсмат.

Его путешествие на Восток началось не сразу. Его задержала весть о кончине Эль Надима.

— Творец начертал последний абзац своего послания, Эсмат, — сказал Эль Мюрид. — Я в одиночестве и обнаженным предстаю на поле брани с Властелином Зла. Я должен один сражаться с приспешниками Зла так, как сражался с темными силами в Святилище Мразкима.

— Но ты не один, повелитель. Численность Воинства Света велика, как никогда.

— Но кто поведет его в бой, Эсмат?

— Собери совет из лучших людей, повелитель, и пусть они выберут достойнейшего.

— Хорошо. Ты прав. Созови нужных людей.

Он избрал Саида Абд-эр-Рахмана, человека наименее популярного среди чиновников, которым хотелось бы иметь своего, карманного военачальника. Эль Мюрид не мог припомнить, встречал ли он раньше своего нового военного вождя, или даже слышал ли о нем. Но в военной среде Рахман пользовался авторитетом.

Через два дня после назначения командующего Ученик двинулся на запад.

Весть о возвращении пророка неслась впереди него подобно обжигающему ветру пустыни, загоняя врагов в темные углы. Друзья же, напротив, выходили из своих укрытий. Толпы людей радостными криками приветствовали его. В каждом городе он задерживался, чтобы коснуться протянутых к нему рук, благословить правоверных и их отпрысков, освятить новые храмы и молельни.

— Не будем обращать внимания, — заявил он, когда Эсмат сообщил ему о крахе осады Хэлин-Деймиеля. — Пусть бин Юсиф изматывает себя в тщетных попытках отвлечь мои силы. Его мнимые успехи ничего не значат. Новых последователей он себе ими не приобретет. С его бандитами мы легко разделаемся, как только покончим с приспешниками Властелина Зла на севере.

Саид Абд-эр-Рахман был человеком энергичным. Не теряя времени, он принялся осуществлять свои стратегические замыс-

лы. Он отделил восточную армию Эль Надима от западной и приказал ей двигаться вдоль побережья, начав марш от Дунно-Скуттари. Собрав вторую армию в Малых Королевствах, он направил ее прямиком на Итаскию. Между двумя главными силами на север двигались несколько более мелких частей. Их главной задачей было оставаться незамеченными. Свою первую битву Саид провел еще до того, как его догнал Эль Мюрид.

Это сражение, как и многие предыдущие, ничего не решило. Грейфеллз остановил продвижение восточного войска, не нанеся ему серьезного поражения. Герцог еще не оставил надежды на успех своего предательства.

— Абд-эр-Рахман строил свою стратегию с учетом политических приоритетов Итаскии.

Герцог, будучи не в состоянии игнорировать давление внутри страны, бросился навстречу армии, идущей вдоль побережья. В его отсутствие Саид сумел заставить западное войско предпринять еще одно наступление.

Именно в это время и присоединился к нему Эль Мюрид.

Эль Мюрид присутствовал на всех военных советах, изучал карты и прислушивался к дискуссиям. Однако свое мнение он держал при себе. Призрак поражения под Вади-эль-Куф все еще преследовал его.

Пришло сообщение о том, что после ожесточенных сражений Лебианнин попал в руки Хоквинда и бин Юсифа. Услышав об этом, Эль Мюрид лишь пожал плечами.

— Они понесли большие потери. Пусть обескровливают себя как можно больше. Если мы пошлем дополнительные силы, бандиты просто сбегут в горы. Будем волноваться об этом, когда покончим с Итаскией.

Грейфеллз сумел остановить идущую вдоль берега армию. Однако для этого ему пришлось распылить свои силы. Его войско численно превосходило армию Востока. Однако последняя была гораздо свежее, а ее командиры грезили о боевой славе.

В это время Абд-эр-Рахман возобновил движение на север.

Грейфеллз в конце концов понял, что угодил в ловушку. Две восточные армии будут гонять его между собой, как волан,

а более мелкие отряды тем временем, проникнув в тыл, учинят там подлинный хаос. Если он отойдет и займет оборонительную линию у границ Итаскии, то одна из двух армий пройдет стороной и форсирует Серебряную Ленту. В том случае, если возникнет угроза столице, ему придется расстаться с постом командующего и со всеми связанными с ним надеждами.

И без того он уже был прижат в угол и шагал по тонкому льду. Герцог не осмеливался появляться в Итаскии-Городе. Когда он был там в последний раз, толпа освистала его и забросала камнями. Вести с юга о том, что наемники и отряды бин Юсифа освобождают прибрежные города, только ухудшали его положение. Люди желали знать, почему Гарун и Хоквинд способны захватывать великие города, а он, герцог Грейфеллз, ничего сделать не может. Терпение союзников Итаскии могло лопнуть в любой момент.

Ему следовало одержать любую большую победу.

Приближаясь к своему господину, Эсмат внимательно поглядывал по сторонам. Не заметив ничего подозрительного, он прошептал:

— Повелитель, с тобой желает встретиться депутация врага.

— Со мной? — изумился Эль Мюрид.

— Точно так, повелитель. Те самые, которые вступали в контакт с тобой несколько лет тому назад.

— Герцог?

— Его люди.

— Приведи их ко мне.

Встреча может оказаться небесполезной. Если бы удалось нейтрализовать упорство Итаскии... Бесконечная война никому не приносит пользы. Его мечта об озеленении пустыни никогда не станет явью, если вся энергия Империи будет уходить на борьбу с бесчисленными и неумолимыми врагами.

Условия Грейфеллза изменений не претерпели. Однако взгляды Эль Мюрида существенно изменились. Об этом, в частности, говорило и допущение шаганов в состав его войска.

— Я готов, — объявил он эмиссарам Грейфеллза, — провозгласить герцога вице-королем всех северных территорий. Не

только Итаскии, но также Двара, Ива Сколовды и Прост-Каменца. Он получит все полномочия в рамках Империи и Веры. Со своей стороны, он должен признать сюзеренитет Империи, разрешить свободное передвижение миссионеров и ежегодно делать скромный взнос на восстановление великих памятников Ильказара. Во время войны или волнений он будет обязан вносить вклад в дело защиты Империи.

Эмиссары выразили сомнение в приемлемости условий, хотя Эль Мюрид по существу предлагал Грейфеллзу империю внутри своей Империи. Послы сказали, что доведут его предложения до сведения герцога.

Однако герцог Грейфеллз решил, что он получает даже больше, чем надеялся получить. Он уже готовил свой ответ, но успешному завершению интриги помешали непредвиденные события.

Абд-эр-Рахман встретился с войском Итаскии в районе Пяти Колец.

Пять Колец являли собой останки какого-то огромного доисторического сооружения. Они образовывали крест на равнине, которую пересекала основная дорога из Итаскии в Малые Королевства. Равнину со всех сторон окружал густой лиственный лес. Местные жители избегали появляться рядом с этими мегалитическими сооружениями — вся атмосфера там была пропитана магической Силой. Но зато колдуны и колдуньи обожали устраивать там свои полуночные сборища со зловещими ритуалами.

Когда армии встретились, Эль Мюрид и Грейфеллз потеряли контроль над событиями. Они ничего не могли изменить. Абд-эр-Рахман делал все, чтобы втянуть потрепанное войско итаскийцев в битву. Он прекрасно понимал, что одно серьезное поражение оставит Итаскию без союзников. Военачальник избрал равнину местом сражения, несмотря на то что Кольца могли стать опорными пунктами врага.

Он нанес стремительный и сокрушительный удар, послав в схватку вначале легкую, а затем и тяжелую кавалерию. Рыцарская конница северян рассеялась, и всадники Рахмана врубились в пехоту Итаскии. Если бы не Каменные Кольца, полное истребление врага оставалось лишь вопросом времени.

Сражение продолжалось до вечерних сумерек. Итаскийцы не имели возможности отойти, а люди Рахмана были не в силах захватить внешние кольца. Как только они угрожали штурмом, из центрального на помощь товарищам приходили свежие бойцы.

Эль Мюрид полностью отверг идею переговоров. На вечернем военном совете он объявил:

— Завтра мы воздержимся от применения земных сил. Завтра я призову на помощь Верховного Воителя, и судьба северян будет решена.

На него с любопытством уставилась добрая сотня глаз.

Эль Мюрид без тени смущения встретил эти насмешливые взгляды. Эти люди, прежде чем стать правоверными, долгое время были воинами, и вера служила лишь случайным довеском к их основной профессии. Дух Творца не всегда двигал ими.

Настало время освежить их религиозное рвение.

— Завтра я брошу вызов язычникам. Я продемонстрирую им гнев Творца. Я поражу их пламенем возмездия и заставлю их молить Владыку Тьмы о заступничестве. Они побегут, как побитые псы. А сейчас я прошу шаганов подойти ко мне.

В армии Абд-эр-Рахмана была лишь жалкая горстка воинов-колдунов. Их было настолько мало, а их магические способности были так ничтожны, что Рахман крайне редко прибегал к их помощи. Эль Мюрид провел с ними целый час за закрытыми дверьми.

Наступило утро. Воинство Света приняло боевой порядок. Ученик, облаченный в белоснежные одежды, выступил вперед. Его сопровождали двое Непобедимых. Они несли штандарт с изображением Творца и знамя Второй Империи. За знаменосцами шествовали одетые во все черное шаганы. Эль Мюрид поднялся на возвышение на расстоянии полета стрелы от южного Кольца. Воины-колдуны выстроились полумесяцем, в центре которого оказались Ученик и его знаменосцы.

Над каменной стенкой появились любопытствующие лица врагов. Итаскийцы за ночь смогли ощутить на себе угнетающее влияние мегалитических сооружений. Эль Мюрид всем своим существом чувствовал нервозность врага и его страх.

Он опустился на одно колено, склонил голову и вознес молитву. Затем пророк поднялся, осмотрел крепость врага, вознес руки к небу и обратил лицо ввысь.

— Выслушай меня, о Творец! Твой слуга молит тебя: излей чашу своего гнева на тех, кто смеет швырять навозом в твои Истины. Облеки твоего слугу своим неизмеримым могуществом, дабы тот мог использовать всю мощь твою для наставления неверных на путь истинный. Услышь меня, о Творец — верховный командующий Воинством Света!

Лишь немногие из врагов сообразили, кто перед ним, и еще меньше поняли его слова. Но им не надо было знать языка, чтобы понять, какой чудовищный удар обрушила на них судьба.

Амулет засверкал и окутал Эль Мюрида ослепительным сиянием. Из-за каменных стен Кольца донеслись вопли отчаяния. В направлении источающего свет человека полетели стрелы. Шаганы без труда отвели их в сторону.

Эль Мюрид уронил руки. В ясном небе прогремел громовой раскат. Земля задрожала. Камни раскололись, обломки их поднялись в небеса и затем рухнули вниз. Равнину озарили вспышки молний. Люди закричали.

Эль Мюрид снова вскинул руки и снова уронил их. Небо вновь загремело и обрушило на землю свои огненные копья. И снова огромные камни покрылись трещинами и рассыпались, превратившись в груды щебня. Оставшиеся в живых итаскийцы с волями ужаса бросились на поиски безопасного укрытия.

Эль Мюрид дал сигнал Абд-эр-Рахману.

Отряд легкой кавалерии ринулся вперед, и вскоре первое Каменное Кольцо было полностью очищено от врага.

Эль Мюрид и его эскорт торжественно двинулись к холмику напротив западного Каменного Кольца.

Ученик еще не успел закончить свою молитву, как небо потемнело от тучи стрел. Шаганы лишь с большим трудом успевали отводить их в сторону. Одна из них все же поразила знаменосца в тот момент, когда Эль Мюрид воздел руки к голубому своду мира.

Конница завершила чистку западного Кольца. Вскоре было покончено и с восточным. Воинство Света громко славило Твор-

ца, нетерпеливо ожидая момента, когда с упрямым врагом будет покончено окончательно.

Часть гарнизона северного Кольца попыталась бежать. Рахман послал в погоню за ними отряд всадников. Беглецы погибли, прежде чем успели добраться до леса. Оставшиеся в укреплении товарищи ничего не могли сделать для их спасения.

Над равниной витал ужас. Воины пустыни истребляли врагов без пощады. Они не брали в плен даже рыцарей, за которых позже можно было бы получить хороший выкуп.

Наконец Ученик обратил взор на центральное Кольцо, за каменными стенами которого примерно половина северной армии ожидала удара Рока. Эль Мюрид поднялся на обломки того, что осталось от южного Кольца. Воинство Света толпилось за его спиной, готовое добивать раненых и грабить трупы.

Однако герцог и его офицеры выжидали удобного момента. Как только полетели первые стрелы, а вокруг пророка возникло яркое гало, дюжина наиболее отважных рыцарей ринулась в атаку.

Рахман бросил им навстречу своих людей. Но на сей раз он опоздал. Шаганы Эль Мюрида сосредоточили свои усилия на том, чтобы остановить рыцарей. Последний из латников пал в каких-то двадцати футах от пророка. Стрелы летели словно зимний, снежный ураган, а воины-колдуны были слишком заняты, чтобы отвратить их полет.

Оба штандарта рухнули на землю. Погибли два шагана. Смертельный ураган усилился.

Сияние, окружающее Эль Мюрида, не послужило ему щитом.

Он был настолько сосредоточен, что первая стрела показалась ему не более чем укусом москита. Он обрушил молнии на Кольцо. За каменной оградой нашли смерть сто человек.

Вторая стрела пронзила вознесенную к небесам правую руку пророка. Но он снова обрушил на мегалит молнии. Во все стороны брызнули обломки скал. Люди в ужасе завопили. Воины Рахмана приблизились настолько, что смогли воспользоваться своими короткими седельными луками.

Третья стрела вонзилась в левую сторону груди Эль Мюрида. Хотя она не задела сердца или легкого, удар оказался на-

столько сильным, что пророк закрутился волчком и рухнул на землю. Это случилось в тот момент, когда удар очередной молнии окончательно обратил в прах стены мегалитического сооружения, защищающего армию Грейфеллза.

Абд-эр-Рахман бросил кавалерию в атаку в надежде завершить дело, прежде чем воины успеют понять, что произошло с их пророком. Воинство Света, словно вешнее половодье, залило центральное Кольцо.

Эсмат успел подскочить к своему господину еще до того, как исчезло сияние амулета. Прикрыв глаза ладонью, он позвал:

— Повелитель!

Эль Мюрид застонал. Любой другой на его месте уже бы умер. Но дьявольская живучесть, проявившаяся в детстве в пустыне и затем позже в сражении при Вади-эль-Куф, его не оставила. Возможно, ему помог амулет. Эсмат схватил валяющиеся рядом знамена и крикнул шаганам:

— Помогите мне сделать носилки!

Воины-колдуны тупо смотрели на него.

— Снимите ремни с мертвецов, идиоты! — рявкнул лекарь и бросил быстрый взгляд в сторону Кольца.

Там шла беспорядочная и кровавая свалка. Все больше воинов пустыни проникали внутрь Кольца через разрушенные стены.

Но вдруг раздался вопль какого-то паникера:

— Ученик убит!!!

Слишком много воинов смогли увидеть склонившегося над телом Эсмата и спешащих с носилками шаганов. Они поверили тому, что услышали.

Лекарь кричал и размахивал руками, пытаясь собрать телохранителей Эль Мюрида. Несколько Непобедимых все-таки вспомнили о своей чести.

Стоящее на грани окончательного триумфа Воинство Света охватила страшная, безумная паника. Близкая победа снова от него ускользнула.

Эсмат со своим господином и дюжиной Непобедимых укрылся в хижине лесоруба в десяти милях к югу от Каменных

Колец. Большая часть телохранителей постоянно находилась в лесу, чтобы не прозевать появления вражеских патрулей. Двоих лекарь использовал как вспомогательную силу.

А тем временем где-то там, во тьме ночи, разбегалось Воинство Света. Воины спасались небольшими группами, а остолбеневшие от неожиданно свалившейся на них победы итаскийцы даже не пытались их преследовать.

— Держите его! — приказал Эсмат. — Забудьте, кто перед вами. Мы пытаемся спасти человека, а не миф. — Его слова казались белым балахонам неубедительными. — Если мы не спасем его, — не сдавался Эсмат, — то кто будет беседовать с Богом?

Этот аргумент подействовал, и Непобедимые склонились над своим идолом. Эсмат приступил к извлечению наконечника первой стрелы.

Эль Мюрид застонал и громко вскрикнул.

В помещение вбежал один из наружных часовых.

— Не могли бы вы сделать так, чтобы он не кричал?

— Да пусть исполнится воля Божия, — с вздохом произнес Эсмат и достал наркотик из своего лекарского мешка. Ему так хотелось избежать этого, ведь Ученику лишь ценой огромных мучений удалось избавиться от пагубного пристрастия.

Эль Мюрид потерял много крови, но упрямо отказывался умирать. Эсмат извлек из его тела четыре стальных зубца.

— Когда он сможет двигаться? — поинтересовался командир телохранителей.

— Не скоро. Его трудно убить, но выздоравливает он крайне медленно. Не исключено, что мы проведем здесь несколько недель.

— Да исполнится воля Творца, — с недовольной миной прошептал офицер.

Они провели в хижине целый месяц. Непобедимым дважды пришлось истреблять небольшие патрули итаскийцев. В конце концов они все же выстояли. Отчаяние Ученика постоянно проявлялось вспышками дикой боли. Эсмат, опасаясь гнева Непобедимых, давал своему господину болеутоляющее. Эль Мюрид снова превратился в наркомана.

Воинство Света совершенно развалилось. Те, кто сумел выжить, бежали настолько быстро, что враги просто не могли их догнать. Абд-эр-Рахман не сумел снова собрать своих воинов. Но погибла лишь одна из двух армий.

Еще оставались волевые и энергичные военачальники, способные повести за собой правоверных. Два отряда проникли на территорию Прост-Каменца. Еще один форсировал Серебряную Ленту и прокатился огнем и мечом по самой Итаскии. Прибрежная армия после ожесточенной схватки с остатками сил Грейфеллза скорым маршем двинулась на север и, к изумлению итаскийцев, захватила главный морской порт страны Портсмут, пока тот готовился к длительной осаде. Несколько отрядов постоянно маневрировали рядом с войском Грейфеллза, нападая на его фуражиров.

Снова возникло своего рода патовое положение.

Грейфеллз не мог двинуться на юг, в то время когда его стране угрожали сильные вражеские формирования. У правоверных же не хватало силы воли, чтобы возобновить наступление.

Тем временем на юге Гарун и Хоквинд продолжали свое движение от города к городу, от замка к замку, прорубая широченную просеку в землях Второй Империи и искореняя ее сторонников. Они захватили Симбаллавейн и быстрым маршем шли на Ипопотам.

Генерал-губернатор оккупированных провинций позволил им продемонстрировать свою энергию и напор. Когда они отправились дальше, губернатор собрал разрозненные отряды и вновь захватил Лебианнин, предав при этом смерти всех сторонников неверных.

Слишком самоуверенный Гарун уговорил Хоквинда повернуть на север, чтобы снова освободить город.

Ловушка захлопнулась в узкой горной долине, когда до Лебианнина оставалось не более дня пути. Хоквинд и бин Юсиф только убитыми потеряли более восьми тысяч человек. В их распоряжении осталось всего двенадцать тысяч бойцов. Эти двенадцать тысяч сумели укрыться за неохраняемыми стенами Лебианнина, где никто не увидел в них своих освободителей. Враг приступил к осаде города.

— Великая победа, повелитель, — объявил Эсмат. О событиях на юге он услышал во время посещения одной из близлежащих деревень. Вот уже некоторое время их отряд небольшими переходами продвигался на юг. — Роялисты и солдаты гильдии почти полностью уничтожены в битве под Лебианнином. Те, кому удалось спастись, заперты в городе.

Ученик был бодр, и к нему полностью вернулась способность рассуждать. Эль Мюрид видел возможности, которые несет с собой эта победа, но почему-то не возрадовался.

Он всю жизнь, повинуясь воле Всевышнего, вершил для Него великие труды, а Всевышний предал его. Бог позволил, чтобы стрела сразила его пророка за мгновение до полной победы. Ради веры он претерпел все унижения, которые можно придумать, принес в жертву ради нее все самое дорогое... Мертвое тело его веры осталось лежать на поле битвы между трупами его знаменосцев.

— Где мы сейчас, Эсмат?

— В Форганге, повелитель. В нескольких днях пути от Дунно-Скуттари. Там ты окончательно поправишь свое здоровье.

— Направь курьера к начальнику гарнизона. Пусть сообщит всем, включая полевых командиров, что я жив. Скажи ему, что я желаю объявить всеобщее перемирие. Он должен передать заинтересованным сторонам предложение о созыве через месяц в Дунно-Скуттари всеобщей мирной конференции.

— Неужели мир, повелитель? А как же Вторая Империя?

— Путем переговоров мы закрепим за собой те земли, которые освободили.

— Но у нас остаются враги, которые не пойдут на мировую.

— Гильдия? Бандиты бин Юсифа? Ты же сказал, что они почти уничтожены. На конференцию мы обязательно пригласим и Высокий Крэг. Они, я полагаю, достаточно устали от войны и готовы отказаться от санкций, введенных после того, как Непобедимые перебили тех стариков. Однако с роялистами мира не будет. Никогда. Во всяком случае, до тех пор, пока я и бин Юсиф ходим по одной и той же земле. Это останется нашим единственным сражением. Они убили все, что я любил.

Мою жену. Моих детей. Нассефа. Даже мою веру в Бога и мое предназначение.

Эсмат ответил ему цитатой из Учения.

— Я был страшно наивен в то время, Эсмат. Теперь мне кажется, что ненависть — единственное подлинное чувство, присущее людям.

«Может быть, так же чувствовали те люди, которых я называл прислужниками Властелина Зла», — подумал Эль Мюрид. Пьяницы, игроки, содержатели притонов заняли свою нишу в жизни, возможно, не потому, что ими руководило изначальное зло, а лишь в силу всеобщей ненависти, обрекшей их на столь низменное существование. Впрочем, вполне возможно также, что некоторые люди получают наслаждение, испытывая ненависть к самим себе.

Его вступление в Дунно-Скуттари явилось прекрасным поводом для всеобщего празднества. Тысячи правоверных высыпали на улицы. Некоторые приветствовали его громкими криками, а некоторые рыдали от счастья, словно он принес им весть о полном триумфе их веры. Во влажном от речных испарений воздухе запахло подготовкой к грандиозному карнавалу. Восторженное проявление чувств не заставило себя долго ждать. На улицах появились люди в маскарадных костюмах и масках. По городу с веселым хохотом погнали быков. Правоверные и неверные братались, поливая свои объятия слезами радости.

Эль Мюрид с высокого балкона посылал веселящимся свои благословения. На его губах играла легкая улыбка.

У Эсмата это всеобщее ликование вызывало недоумение.

— Они радуются не за меня, Эсмат, а за себя.

— Не понимаю, повелитель.

— Они радуются не моим успехам или возвращению. Они счастливы потому, что, оставшись в живых, я набросил завесу тайны на завтрашний день. Я избавил этих людей от необходимости думать самим.

— Боюсь, что они будут разочарованы, узнав, что мы пошли на уступки и потребовали мира.

Ученик решил бросить вызов своему Богу. Его миссия состоит в том, чтобы создать Королевство Покоя. Он не может сделать этого, посылая людей на войну...

— Как обстоят дела с болеутоляющим средством? — спросил он, меняя тему. — Запасы достаточны?

— Когда-то ты называл меня бестолковым, повелитель. Я сделал выводы. Мы владели Ипопотамом не один год, и я сделал запасы, которых хватит на несколько жизней.

Эль Мюрид кивнул с рассеянным видом. Как хорошо, что есть средство отвлечь его от мыслей, от подлинных мотивов его разрыва с Всевышним. Он отдавал себе отчет, что за ссорой с Творцом стояла обыкновенная детская обида за то, что Всемогущий предательски не отвратил стрелы, причинив ему тем самым физическую боль.

— Этим людям безразлично, в какую маску облечена неизвестность, — сказал Эль Мюрид, возвращаясь к началу разговора. — Они просто хотят, чтобы маска существовала.

Примерно через неделю начали прибывать эмиссары союзников.

— На сей раз они, похоже, настроены весьма серьезно, — заметил Ученик. — Особенно Грейфеллз.

— Возможно, они чувствуют твою решимость, повелитель, — ответил Эсмат.

— Сомневаюсь.

Только что прибывшие делегаты сразу занялись своим любимым делом: закулисной возней и подсиживанием друг друга. Тем не менее состав миссий произвел на Эль Мюрида впечатление. Ему предстояло иметь дело с ответственными людьми, способными не только взять на себя, но и честно выполнить свои обязательства. Даже Гильдия наемников прислала делегацию под руководством прославленного генерала Лаудера. Итаскийцы направили на переговоры своего грозного военного министра и скользкого пройдоху герцога Грейфеллза. Переговоры — они шли публично — должны были принести ощутимые результаты.

В ходе официальных заседаний серьезных расхождений во взглядах почти не было. Ни одна из сторон не пыталась вести переговоры с позиций силы. Примерно через неделю Эль Мюрид сказал Эсмату:

— Думаю, что все получится как надо. Не позже чем через месяц конференция закончится подписанием договора. Мы окажемся в Аль-Ремише еще до того, как твои старые дружки успеют припрятать то, что успели наворовать за то время, когда считали меня мертвым, — со смешком закончил Эль Мюрид.

Это был совсем иной Эль Мюрид. Он стал более живым и открытым. Ученик, казалось, получал детское удовольствие, вгоняя в смущение своих слушателей откровенными, а иногда даже насмешливо-циничными заявлениями. Люди припомнили, что его отец торговал солью. «В пророке заговорил голос крови», — шептали некоторые.

— Все скоро закончится, Эсмат, — продолжил Эль Мюрид. — Не волнуйся. Подлинными ворами являются итаскийцы. Они совсем запутались в своих противоречивых требованиях. В итоге мы получим даже больше, чем могли ожидать.

Ему почти сразу тайно удалось прийти к соглашению с герцогом Грейфеллзом. Соглашение это должно было иметь далекоидущие последствия. В частных встречах герцог демонстрировал прагматическую честность, которую Эль Мюрид оценивал очень высоко.

— Но что будет со Второй Империей, повелитель? Неужели нам придется отказаться от мечты?

— Не тревожься, Эсмат. Не тревожься. Мы выигрываем время, чтобы наша мечта обрела новую силу. Правоверные уже донесли слово Истины до берегов Серебряной Ленты. Семена грома уже брошены в почву. Эти тучные поля дадут пышные всходы. Новые избранные соберут богатый урожай.

— Да, но...

Эсмат смотрел на своего господина и мысленно задавал вопрос: кто сможет придать движению притягательность и мощь? У кого проявится искра того божественного безумия, которое заставляет массы людей бросить свои дела, чтобы отдать жизнь за идеалы, которые не понимают?

Это будешь не ты, повелитель, думал Эсмат. Не ты. Ты теперь даже не способен на то, чтобы представить в нужном свете самого себя.

Эсмат с грустью смотрел на своего господина. Ему казалось, что у него в тот момент, когда он отвернулся, отняли что-то бесконечно ему дорогое. Он не знал, что именно. Он даже не до конца понимал свои чувства. Лекарь всегда считал себя приземленным и сугубо практичным человеком.

Глава 22

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Гарун и Белул смотрели со стены на своих врагов. Их лагерь, разбитый вокруг города, с каждым днем становился все больше и больше.

— Нам предстоит трудное время, повелитель, — заметил Белул.

— Из тебя получится замечательный предсказатель, Белул, — ответил Гарун, оглядывая наполовину развалившиеся стены Лебианнина. Тяжелые осадные машины без всякого труда могли развалить их до конца.

Впрочем, врагу было совсем не обязательно тратить время и силы на стенобитные машины. Для хорошо организованного штурма старые стены Лебианнина серьезным препятствием не являлись. У Гаруна и Хоквинда не хватало сил, чтобы защитить их по всему периметру, а местные жители помогать не желали.

— Что происходит, Белул? Почему они не атакуют? Почему не видно итаскийского флота? Они не могут не знать того, что здесь творится. Итаскийцы же хотели нас отсюда эвакуировать, разве не так?

Вот уже несколько недель у него не было связи с внешним миром. Он лишь успел услышать о том, что Эль Мюрид погиб в большой битве с итаскийцами. После этого надежды Гаруна взмыли вверх словно на огромных крыльях. Король-без-Трона посылал курьера за курьером, но те исчезали без следа, как исчезают круги на воде от играющих в гавани рыб.

— Мы брошены в одиночестве, повелитель, — сказал Белул. — Мир занялся своими делами и совершенно о нас забыл. Может быть, сознательно.

— Но если Ученик умер...

— Повелитель, все, кроме нас, роялистов, плевать хотели на то, сидишь ты на Троне Павлина или нет. Итаскийцы? Они заняты дракой с войском Ученика и только радуются тому, что мы здесь сидим и тихо воем. Ради нас Итаския жизнями своих воинов жертвовать не станет. Это не сулит им никакой выгоды.

— Пощади меня, великий истребитель иллюзий, — со слабой улыбкой произнес Гарун.

— Вон торопится Саджак. У него такой вид, будто он готов уничтожить еще парочку твоих мечтаний.

Эль Сенусси был мрачнее тучи. Гарун затрепетал. Всем существом он чувствовал, что старик несет дурные вести.

— Повелитель, в гавани корабль, — задыхаясь, выдавил он.

— Ну и?..

— Он привез какого-то гонца из гильдии. Сейчас этот человек у Хоквинда. На его лице появилось весьма странное выражение, когда он увидел меня. Как будто бы он вдруг испытал приступ острой боли. Смотрел так, как мог бы смотреть человек, когда над головой его брата палач занес свой топор.

Гарун вдруг ощутил, что все его тело покрылось холодным потом.

— Что ты думаешь, Белул?

— Я думаю, что нам надо тщательно беречь свои спины, повелитель. Кроме того, мне кажется, что мы скоро узнаем, почему наши курьеры не возвращались.

— Я опасался, что именно это ты и скажешь. Жаль, что я не успел развить свои способности шагана настолько, чтобы уметь предсказывать... Неужели ты веришь в то, что они могут обратить оружие против нас?

— Наши и их интересы не всегда совпадают, повелитель.

— И снова я опасался, что ты скажешь именно это.

Рискерд и Хаакен имели вид людей, стоящих у края разверстой могилы скоропостижно скончавшегося друга. Рагнарсон рассвирепел настолько, что утратил дар речи.

Наконец, после стольких лет молчания, им поступил приказ.

Браги заставил себя несколько успокоиться и спросил:

— Сколько людей знает об этом?

— Лишь мы. Да еще курьер. — Рискерд показал на человека, доставившего послание генерала Лаудера.

— Рискерд, забери отсюда этого сукиного сына и займи его чем-нибудь. Хаакен, беги в казарму и выбери всех тех, кто был в нашей роте, когда мы выходили из Высокого Крэга. Убери их куда-нибудь, остальным скажи, что они должны через два часа быть полностью готовы к маршу.

— Что ты затеял? — с подозрением уставясь на брата, поинтересовался Хаакен.

— Даже производство в капитаны представляется мне неравноценной компенсацией за измену другу. Делай, что я сказал.

— Браги, ты не можешь...

— Могу, и еще как. Я вышел из гильдии за пять минут до появления этого парня. Ты и Рискерд слышали мое устное заявление об отставке.

— Браги...

— Не желаю ничего слышать. Собирай своих солдат гильдии и веди их в Высокий Крэг. Мы же, не являющиеся наемниками, пойдем своим путем.

— Я только хотел сказать, что иду с тобой.

Браги некоторое время молча смотрел на брата, а затем сказал:

— Не в этот раз, Хаакен. Ты рожден для гильдии. Я — нет. Я размышляю об этом Бог знает сколько времени. Не годен я для этого. Особенно в замаячившее перед нами мирное время. Я мечтаю получить гораздо больше того, что мне способна дать гильдия. Я хочу иметь много денег, а получить богатство, оставаясь в гильдии, невозможно. Всю добычу ты должен отдавать Братству. Тебе же не надо того, что требуется мне. Ты — принадлежишь гильдии. И ты в ней останешься. Через пару лет ты будешь командовать ротой. Со временем...

По мере того как Браги говорил, его голос слабел все больше и больше. Хаакен выглядел несчастным. Очень несчастным. Он изо всех сил старался сдержать слезы.

Они были братьями и ни разу в жизни не расставались надолго. И вот Браги говорит Хаакену, что каждому из них настало время шагать собственным путем. Хаакен же слышал лишь то, что он больше не нужен, что его не желают иметь рядом, что он перерос братские отношения.

Браги тоже страдал.

— Я должен так поступить, Хаакен. Пусть я погибну в глазах гильдии, но иного пути у меня нет. Я не хочу тащить тебя за собой в неизвестность. Когда все кончится, я вернусь к тебе.

— Хватит. Достаточно объяснений. Мы — взрослые люди. Делай то, что считаешь нужным. Уходи. Убирайся...

Браги внимательно посмотрел на брата. Он задел гордость Хаакена. Тот никогда не забывал, что он — приемыш, и всегда считал себя менее полноценным, чем все остальные люди. Маленькие обиды в его воображении становились гигантскими... Лучше закончить разговор, пока они не наговорили друг другу того, что может принести подлинные страдания.

— Собирай своих людей, Хаакен. Ты слышал мой приказ, — сказал Браги и пошел прочь. В его глазах стояли слезы.

Собрав — скорее воровством, нежели честными способами — достаточное число лошадей, он вывел своих людей из города, прежде чем до их ушей донеслась весть о предательском мире.

Высланные вперед дозорные почти сразу же перехватили вражеского курьера.

— Прочитай, — приказал он переводчику, передавая ему послание.

— Посмотрим... Вначале идут обычные приветы и салюты. Командующему войском под Лебианнином... Пишет сам Эль Мюрид... Ага, вот суть. Ученик двигается на юг, чтобы лично принять участие в окончательном решении проблемы роялистов. Это его слова. Больше ничего. Скорее всего, во избежание случайностей, он направил несколько курьеров.

— Хм... Вряд ли он следует впереди своих гонцов. Ребята, надо поторопиться. Посмотрим, не удастся ли нам устроить этому сукину сыну небольшой сюрприз.

* * *

Гарун мягко положил руку на локоть Шадека. Эль Сенусси был готов в одиночку двинуться в поход против наемников Хоквинда.

— Это не поможет, Шадек. Они обязаны выполнять приказ, нравится он им или нет.

Солдаты гильдии грузились на суда, которые должны были вывезти их из осажденного города. Недовольный и изрядно смущенный Хоквинд выставил охрану, чтобы не допустить эвакуации роялистов. Часовые избегали смотреть в глаза своим бывшим боевым друзьям.

— Вот так-то, Шадек, — рассуждал Белул. — Глубоки и мутны воды политики. Время от времени политикам требуется жертвенный агнец.

— Более подходящего времени для философствования ты, Белул, видимо, найти не мог! — взорвался Эль Сенусси. — Перестань трепать языком и напряги мозги, чтобы найти выход из создавшегося положения.

— Интересно, чем пожертвовал Эль Мюрид в обмен на нас? — задумчиво протянул Гарун.

— Полагаю, повелитель, что он дал гильдии и Итаскии достаточно золота, чтобы купить наши жизни.

— А я считал, что мы его волновать перестали. В последнее время он не обращал на нас внимания.

— Может быть, потеря трех четвертей войска заставила его взглянуть на мир новыми глазами.

— Ты развеселился не к добру...

Хоквинд пошел на нарушение приказа и рассказал им о последних событиях. Ничего хорошего эти новости роялистам не сулили.

Гарун посмотрел на бухту, в которой находилась гавань. На двух холмах по ее обеим сторонам стояли форты, соединенные с городом длинными стенами. Между стенами и кромкой воды оставалось примерно пятьдесят ярдов суши, у которой швартовались более мелкие суда. Люди Гаруна захватывали боты и лодки, чтобы двинуться на них вслед за кораблями гильдии.

— Сколько человек мы сможем вывезти? — спросил Шадек.

— Не больше тысячи, — ответил Белул. — Да и то только в том случае, если отважные спасители наемников не блокируют выход из гавани.

— Неужели их предательство заходит столь далеко? — сказал Гарун, оглядывая суда.

— Время покажет, повелитель, — пожал плечами Белул.

Гарун, Белул и Эль Сенусси молча следили за тем, как транспортные корабли один за другим выходят в море. Вскоре после того, как последний из них отошел от пирса, появился посыльный.

— Повелитель, — тяжело дыша, выдавил он, — в судоходный канал вот-вот войдут военные суда.

— Ага, — произнес Шадек таким тоном, словно поздравлял себя с чем-то.

Краска отлила от лица Гаруна.

— Под чьим флагом? — спросил он.

— Под флагом Дунно-Скуттари, повелитель.

— Дунно-Скуттари находится в кармане Ученика. Тебе, Белул, придется забыть о своем крошечном флоте. Похоже, нам не остается ничего иного, кроме как постараться захватить с собой на тот свет как можно больше врагов. Шадек, собери людей и поставь их на стены. Это долго не протянется.

— Может быть, попробовать вступить в переговоры? — неуверенно спросил Белул.

— Ты бы стал торговаться с ними, если бы роли вдруг переменились? — ответил вопросом на вопрос Гарун.

— Понимаю, что ты имеешь в виду, повелитель, — невесело рассмеялся Белул.

Несмотря на все усилия, Рагнарсон не мог двигаться быстрее, чем продвигался Эль Мюрид. Ученик достиг Лебианнина на пятнадцать часов раньше его, но все же слишком поздно для того, чтобы начать штурм в тот же день.

Патруль Рагнарсона захватил курьера, который рассказал им об истинном положении дел.

— Мы будем идти всю ночь, — объявил Браги. — Может быть, окажемся там вовремя, чтобы принести какую-нибудь пользу. Я двинусь первым.

Браги собрал небольшой конный отряд и повел его на рысях, все больше отдалясь от основных сил. Изучив окрестности Лебианнина и обнаружив то, что хотел, он воссоединился со своим войском. Небо к этому времени уже начало светлеть.

Избранная им высота господствовала над главным лагерем противника. Подножие холма находилось не более чем в миле от стен города, а вершину венчали развалины древних имперских укреплений. В руинах засела небольшая группа вражеских разведчиков.

Рагнарсон выслал вперед самых умелых пластунов и спустя пятнадцать минут двинул на вершину основные силы. Все вражеские разведчики валялись мертвыми.

— Превосходно, — пробормотал Браги, собрал офицеров и начал: — Я желаю...

Все внимание Эль Мюрида и его людей было обращено на Лебианнин. Воины Рагнарсона, прежде чем их заметили, уже окапывались не меньше часа. К этому времени Воинство Света изготовилось к решающему штурму.

Браги спустился вниз по склону, отойдя довольно далеко от первого ряда своих траншей. Подбоченившись и выпятив грудь, он крикнул:

— Начинайте, ребята! Не обращайте на нас внимания. — Его, конечно, никто не слышал, но сама поза сомнений не вызывала. — Только избегайте при этом поворачиваться ко мне спиной.

Затем он пошел вверх по склону, прислушиваясь к тому, как ворчат и ругаются солдаты, углубляя траншеи. Им не нравилось то, что они видели внизу. Противник значительно превосходил их численностью. Один из знающих все военные порядки офицеров спросил у Браги:

— Какой штандарт мы поднимем? Нам необходимо нечто новое, поскольку мы теперь представляем лишь самих себя.

Несмотря на усталость и озабоченность, Рагнарсон пребывал в отличном настроении.

— Ведь это должно быть нечто ни на что не похожее? Не так ли? Нечто такое, что вызовет полное недоумение. Вот что.

Раздобудь где-нибудь красной материи. И немного черной. Мы сделаем флаг таким, каким был парус у моего отца. Я заставлю их поломать голову.

Несколько офицеров тут же последовали примеру вождя и принялись изобретать свои собственные знамена.

Воинство Света пребывало в нерешительности, не зная, как поступить. Браги поднял свой штандарт — черная волчья голова на красном поле. Недоумевающий Ученик направил на холм делегацию с целью выяснить, что там происходит.

Браги лишь посмеялся над вопросами парламентеров, в то же время делая все, чтобы скрыть свои подлинные силы.

— Насколько я понимаю, у вас, ребята, есть три возможности, — сказал он. — Вы атакуете Лебианнин, и мы вгрызаемся вам в спинной хребет. Вы нападете на нас, и тогда Гарун примется лупить вас в задницу. Но вы можете также проявить наличие некоторого здравого смысла и тихо разбрестись по домам.

Глава делегации покосился на знамя и, наверное, в пятый раз поинтересовался:

— Кто вы такой?

— Вообще-то мне следовало бы заставить вас выяснить это дорогой ценой, но я все-таки скажу. — Он не мог противостоять искушению похвастаться. — Рагнарсон. Браги Рагнарсон. Тот самый Рагнарсон, который избавил мир от Бича Божьего, Мауфакка Хали и Эль Надима. Не говоря уж о Кариме. В моем списке осталось лишь одно имя. Передайте вашему полоумному хозяину, что и это имя я вычеркну, если он не поспешит отсюда убраться.

— Тот офицер гильдии из Алтеи? Но гильдия заключила мир. Вы нарушаете приказ. Это схватка лишь между нашим повелителем и бин Юсифом.

— И со мной, червяк. И со мной. Я в гильдии больше не состою.

— Не давите на него слишком сильно, сэр, — прошептал один из офицеров Рагнарсона. — Они могут напасть на нас.

— Я передам эту новость моему повелителю, — бросил Непобедимый. — Это поможет принять правильное реше-

ние. — Он развернул коня, и группа парламентеров устремилась вниз по склону холма.

— Не нравится мне, как он это сказал, — пробормотал кто-то.

— Боюсь, что я действительно перестарался, — признал Браги. — Мое имя в списке Ученика стоит на втором месте после Гаруна. К оружию! Проверьте еще раз все стрелы.

— Не можешь сказать, что там происходит, повелитель? — спросил Шадек. — Мои глаза не те, что были раньше.

— Мои тоже не столь хороши. Похоже, что на том холме кто-то окапывается.

— Эти люди должны быть на нашей стороне, — высказал предположение Белул. — В противном случае они готовились бы напасть на нас.

— Но кто это может быть? Друзей у нас больше не осталось.

Они молча продолжали наблюдение. Воинство Света тоже выжидало, медленно поджариваясь на солнце.

— Ни мог бы ты обратиться к своим способностям шагана? — спросил Шадек.

— Не знаю. Я так давно не делал этого... Попробую.

Белул и Шадек прогнали расположившихся поблизости воинов, а Гарун сел на землю и, прикрыв глаза ладонями, наклонился вперед. Затем он начал бормотать полузабытые заклинания, выученные им так много лет тому назад. Перед его мысленным взором возник Аль-Асвад. Неужели это он? Он — невинное дитя? Ему казалось, что совсем другой мальчик и в ином веке бродит по холмам с Мегелином Радетиком и проводит унылые часы в обществе мастеров магии из темных долин Джебал-аль-Алаф-Дхулкварнеги.

Медленно, очень медленно его речитатив начал обретать нужную форму. Гарун повторял напев до тех пор, пока ум его не освободился от всех посторонних мыслей. Его освободившийся разум получил возможность пронизывать окружающее пространство. Щупальца магии тянулись все дальше и дальше...

Из-за его сомкнутых губ раздался звук, напоминающий мышиный писк.

— Достаточно, — сказал он, поднимая руку, и Эль Сенусси помог ему встать. — Будь я проклят, — бормотал Гарун. — Будь я проклят...

— В этом нет никакого сомнения, повелитель, — ухмыльнулся Белул. — Тебе удалось что-нибудь увидеть?

— Конечно, Белул. Конечно. Это наш неуемный друг Рагнарсон. Он явился, чтобы спасти нас от ярости безумца пустыни.

Белул и Эль Сенусси посмотрели на него как-то странно.

— Рагнарсон? — переспросил Белул. — Но он же входит в гильдию.

— Полагаешь, что мы должны его прогнать?

— Пожалуй, пока этого делать не стоит, повелитель. Его присутствие на холме очень скрашивает унылый пейзаж.

— Как тепло становится на душе, когда видишь, что некоторые люди продолжают хранить дружбу в трудное время, — с пафосом произнес Эль Сенусси.

— Не забудь эти слова, Шадек, если мы останемся в живых. Наш долг ему возрос как никогда. Так будем людьми, на которых всегда смогут положиться их друзья.

— И с которыми станут считаться враги, повелитель.

— Похоже, что Ученик в растерянности, — заметил Белул. — Как голодный пес между двумя кусками мяса. Он не знает, какой из них схватить первым.

— Лишь с той разницей, что каждый из этих кусков может вцепиться ему под хвост, если он повернется спиной.

— Ты не очень-то радуйся, повелитель, — назидательно произнес Эль Сенусси. — У Рагнарсона значительно меньше людей, чем у Ученика. Кроме того, у Эль Мюрида имеется амулет.

Воинство Света пришло в движение. Оно разделилось надвое, словно отвратительное, воспроизводящее самое себя существо. Одна половина воинов направилась к городу, а другая двинулась в сторону холма, на котором укрепился Рагнарсон.

— Вот вам ответ, — язвительно изрек Белул, — пес превратился в двух псов.

— Скажи нашим людям, чтобы держались до тех пор, пока наши союзники на холме не разделаются со своей частью Воинства, — распорядился Гарун.

— Прежде позволь мне, повелитель, поздравить тебя со вновь обретенным оптимизмом, — сказал Эль Сенусси.

— Давай обойдемся без сарказма, Шадек.

— Есть хорошее и хорошее, повелитель. Многое могло бы быть лучше того, что мы видим сейчас. Я передам твои слова людям.

Гарун рассеянно кивнул и вновь наполовину погрузился в транс. Он справедливо полагал, что сейчас его убогие колдовские способности могут оказаться полезнее, нежели его большой талант владеть мечом. Гарун сосредоточился, пытаясь бросить хотя бы небольшое облачко безумия на разум людей, атакующих Лебианнин.

По меньшей мере шесть тысяч человек бросились на штурм холма.

— Проклятие! — выпалил Рагнарсон. — Я никак не предполагал, что они могут разделиться. — Он махнул рукой, давая понять своим людям, что они могут начать стрелять. В направлении всадников полетели тучи стрел.

Немногим из этих конников приходилось встречаться с ураганом стрел, столь обычным на севере. Умелые лучники ввергли их в настоящий шок.

Каждый воин Рагнарсона имел лук. Пикинеры и солдаты, вооруженные мечами, тоже успели выпустить по нескольку стрел, прежде чем взяться за свое основное оружие. Профессиональные же лучники ни на секунду не прекращали стрельбы. Этим пехотинцам уже приходилось противостоять напору всадников Эль Надима, и они были уверены в своих силах и в своих командирах. Без всякого страха встречали они накатывающийся на них вал из людей и лошадей.

Воинство Света потеряло тысячи человек еще на склоне, а перед окопами тела людей и коней лежали грудами. Пикинеры удерживали всадников своим оружием, в то время как лучники пронзали их стрелами. Но напор был все же слишком силен, и первые ряды воинов Рагнарсона начали слегка подаваться назад. Складывалось впечатление, что оставшиеся в живых всадники все еще способны выиграть сражение.

Рагнарсон, бросив в бой весь свой небольшой резерв, метался позади рядов лучников, понося их за то, что они не смогли остановить атаку.

Примерно полчаса все висело на волоске. Затем то там, то здесь враг начал отходить небольшими группами. Вскоре уже масса людей, оставшихся пешими, после того как Рагнарсон приказал убивать лошадей, покатилась назад. Рагнарсон приказал своим флангам обозначить движение, якобы с целью приступить к окружению.

Врагов охватила паника, и они помчались вниз по склону словно гонимый ветром дым.

— Еще чуть-чуть — и нам пришел бы конец, — пробормотал Браги. Его люди были без сил, но он не дал им передышки. — Найдите раненых и отнесите их в развалины, — приказал он. — Лучники, отправляйтесь на склон и соберите стрелы. Живо! Живо, вам говорят! Офицеры, стройте своих людей в штурмовые колонны! Мы должны атаковать их прежде, чем они успеют очухаться.

Чтобы впечатлить врага, он приказал бить в барабаны. Чтобы впечатлить врага еще сильнее, воины стали что есть силы колотить мечами о свои щиты. Он надеялся, что нервы у Воинства Света сдадут, и оно разбежится.

Но у Эль Мюрида было иное мнение. Ученик снял часть людей со штурма Лебианнина и направил их вместе с теми, кто выжил, во вторую атаку.

Рагнарсон разделался со второй волной атакующих точно так же, как и с первой. Даже более капитально. Всадники без всякого энтузиазма шли на свидание с его лучниками. Им потребовалось больше времени, чтобы добраться до пикинеров, в результате чего их потери под ураганом стрел лишь возросли. Тем же врагам, которые атаковали в пешем строю, даже не удалось приблизиться к линии обороны Рагнарсона.

Вновь загремели барабаны. Вновь раздались удары мечей о щиты. И снова Эль Мюрид не испугался. На сей раз он отвел от города всех своих людей.

Теперь он лично возглавил атаку, поражая склон холма молниями из безоблачного неба.

Рагнарсон мог гордиться своими бойцами. Колдовство не обратило их в панику. Воины спустились в траншеи, прикрылись щитами, но держались твердо. Когда же им пришлось начать отход, они делали это организованно, нанося чудовищный урон врагу стрелами. Но запас стрел подходил к концу.

До Браги долетели отдаленные крики и стук копыт. Люди Ученика сумели захватить его лошадей.

— Похоже, что я на этот раз просчитался, — сказал он находящемуся рядом с ним офицеру.

— Вы очень спокойно воспринимаете это, полковник.

Только после этих слов Браги, к своему изумлению, осознал, что он действительно совершенно спокоен. Даже несмотря на то что кругом сверкали молнии.

— Отходим к руинам, — сказал он. — Им придется наступать в пешем строю, а это у них не очень хорошо получается.

Он одновременно ухитрялся быть везде, размещая отряды среди обветшалых камней. Большая часть сил врага толпилась у подножия холма, позволяя своему пророку испепелять склоны молниями. Однако метким стрелком Эль Мюрид себя не проявил. Вполне довольный позицией своего войска, Браги забрался на высшую точку развалин, посмотрел в сторону города и произнес:

— Что ж, Гарун, перед тобой, похоже, открываются великие возможности.

Гарун внимательно посмотрел на своих воинов. Их скакуны нетерпеливо пританцовывали, как бы желая скорее поскакать на врага. Лица людей сияли улыбками. Они не могли поверить в столь счастливый поворот судьбы. Полная уверенность в гибели сменилась верой в спасение.

— Когда начинаем, повелитель? — поинтересовался Эль Сенусси.

Гарун всмотрелся в холм. Рагнарсон находился в крайне тяжелом положении.

— Подождем немного. Пусть еще несколько сотен их спешится.

Он посмотрел на идущую вдоль стены улицу. Белул перестал сновать вдоль строя, энергично втолковывая воинам, что те не должны бежать прочь, пока Эль Мюрид обращен к ним тылом, и что их задача, совсем напротив, прыгнуть Ученику на спину.

Чем больше Белул говорил, тем мрачнее становились физиономии слушателей.

— Пора, Шадек. Бери себе правый фланг. Белул возглавит левый.

— Вообще-то я считаю, что нам следует галопом рвануть вначале на восток, а затем свернуть на север.

— А как же быть с нашими друзьями?

Эль Сенусси в ответ лишь пожал плечами.

— Кто здесь совсем недавно говорил о тепле на душе и умении хранить дружбу в трудное время? Иногда я начинаю задумываться о том, насколько я могу доверять тебе, Шадек.

— Повелитель!

— Принимай левое крыло. И гони их изо всех сил и как можно дальше. Не позволим Эль Мюриду еще раз ускользнуть из объятий Черной Дамы.

— Будем надеяться, что он позволит ускользнуть тебе.

— Шадек!

— Как прикажешь, повелитель.

Гарун вывел войско из города, выстроил его в боевой порядок и рысью повел в направлении холма. Нельзя сказать, что его появление оказалось полностью неожиданным. Большое число всадников Эль Мюрида поскакало ему навстречу.

И вот лавины всадников столкнулись. Лошади пятились, вставали на дыбы и ржали. Из глоток людей вырывались воинственные кличи и предсмертные хрипы. С хрустом ломались копья, под тяжелыми ударами трескались щиты. Клубы пыли, заставляя бойцов кашлять, окрасили их яркие одежды в однообразный охряный цвет. Всадники Ученика оставили поле боя.

Гарун выл и вопил, заставляя своих воинов покончить с врагом раз и навсегда. Его кровь кипела. Он не умел обращаться к воинам с призывами более яркими, чем простые призывы любви к своему королю. Разве не пустыми словами был бы

призыв покончить с врагом, чтобы скорее вернуться к своим любимым? Ведь всех их, включая его самого, никто не ждал в Хаммад-аль-Накире. Так же нелепо звучали слова о том, что смерть Эль Мюрида позволит им перестать быть изгоями из страны с нелепыми обычаями. Они все, и он в том числе, теперь обречены быть изгоями всегда и везде.

Для Гаруна и Белула родными стали лишь те места, где они могли охотиться на врага, а семья их состояла из тех, кто разделял их судьбу.

Рука страха распростерлась над полем битвы, и самая густая тень от нее опустилась на Воинство Света.

Гарун издал очередной воинственный клич и погнал свое войско вперед.

Ряды противника сломались, и враги помчались прочь, словно осенние листья под сильными порывами холодного ветра.

Белул и Шадек бросили вперед фланги. Раненый Гарун продолжал указывать мечем вперед, кляня на чем свет стоит своих воинов за то, что они продвигаются чересчур медленно.

На поле битвы то и дело сверкали молнии. Эль Мюрид уже давно перестал выбирать цель, и огненные стрелы поражали как чужих, так и своих. При каждом ударе десятки конников разлетались в разные стороны.

Гарун пытался найти Ученика. Он заметил большую группу Непобедимых, но не смог определить, находится ли среди них Эль Мюрид. Бин Юсиф попробовал пробиться к ним поближе.

Все больше и больше конников Ученика бежали с поля боя. Некоторые из них устремлялись на восток в сторону Хаммад-аль-Накира. Некоторые галопом пересекали узкую ровную полоску земли и скрывались за незащищенными стенами Лебианнина.

Схватка шла своим чередом, то поднимаясь, то спускаясь по склону холма, занятого Рагнарсоном. Исчезло даже всякое подобие порядка, уступив место всеобщей свалке. Густые клубы пыли не позволяли отличить друга от врага. Ни одна из сторон не могла понять, кто побеждает. Но чем дольше про-

должалась битва, тем больше воинов пустыни избирали жизнь, жертвуя посмертной славой.

Ближе к концу дня у большого отряда Непобедимых окончательно сдали нервы. Отборные воины разбежались. Это послужило сигналом. Через несколько минут Воинство Света полностью утратило боевой дух и развалилось.

— Хватит, — сказал Гарун Белулу, который был готов начать преследование. — Достаточно того, что мы остались живы.

С подчеркнутой осторожностью Гарун слез с седла. От усталости и пережитого волнения его ноги отказывались служить. Бин Юсиф сел на землю и принялся подсчитывать свои раны.

Через двадцать минут к нему с холма приковылял Рагнарсон. Браги был покрыт коркой грязи и крови, часть которой принадлежала ему. Он отодвинул в сторону чье-то тело и с усталым вздохом уселся на истоптанную землю.

— Я неделю не смогу пошевелить ни рукой, ни ногой. Если они вернутся...

— Не вернутся, — пообещал Гарун. — Они получили с избытком и отправились по домам. Это была последняя битва. — Однако в темных уголках его души по-прежнему гнездилось отчаяние. — Последняя битва, а пустыня по-прежнему в их руках. — Произнесенные тихим, печальным голосом слова почти утонули в стонах и криках раненых. — Мне следовало это предвидеть.

— Что именно?

— Чтобы вернуть себе Хаммад-аль-Накир, недостаточно убить Эль Мюрида.

Король-без-Трона окинул взглядом склон холма. Мертвецы лежали грудами и рядами. Создавалось впечатление, что войско было застигнуто каким-то гигантским торнадо. Жители Лебианнина уже торопились на бывшее поле брани, чтобы принять участие в грабеже трупов.

— Белул, прогони этих городских мерзавцев. При этом вежливость можешь не проявлять.

Дюжина роялистов, видимо, сохранивших достаточно энергии, уже шарила по карманам убитых.

— Дружище... — Гарун повернулся к Рагнарсону. — Друг мой, а что ты здесь делаешь? У сэра Тури Хоквинда было больше, чем у тебя, оснований отказаться выполнять приказ.

Рагнарсон сидел, обняв руками колени и упершись в них подбородком.

— Какой приказ? Это моя армия. — Он попытался улыбнуться, но из этого ничего не вышло. — Теперь я сам себе хозяин.

Уходящее за горизонт солнце окрасило западную часть неба кровью. От воды тянуло прохладой. Самые смелые чайки летели на сушу, любопытствуя, чем вызвано такое большое скопление воронов.

— Они не станут тебя сильно наказывать, — сказал Гарун. — Ты победил, а победителей, как известно, не судят.

— Я не хочу возвращаться. Я не рожден для того, чтобы быть солдатом. Во всяком случае, солдатом гильдии.

— Ну и что же дальше, мой друг?

— Не знаю. Пока не знаю. Что-нибудь найдется. А как ты?

Гарун посмотрел на возвращающихся с поля смерти Шадека и Белула.

— На Троне Павлина сидит узурпатор. — В его голосе звучала бесконечная усталость. Гарун устал смертельно, но призраки продолжали нашептывать ему в уши. Его отец Юсиф в правое, дядя Фуад — в левое. И возражал им лишь Мегелин Радетик. — Все еще узурпатор.

— На моей родине происходит то же самое. Насколько я понимаю, его собственная глупость и время сами обо всем позаботятся.

— У меня не хватает терпения ждать.

— Что ж. Каждый волен распоряжаться своей жизнью, — пожал плечами Рагнарсон. — А что случилось с толстяком? Хотя он производит жутковатое впечатление, но все же мне нравится.

— Насмешник? А я думал, что он у тебя.

— Я не видел его с тех пор, как мы расстались. Решил, что он отправился с тобой.

— Любопытно.

— Может быть, парень двинулся на восток? Он много толковал об этом.

— Он без умолку болтал обо всем на свете. Вполне вероятно, что кто-то в конце концов пырнул его ножом.

Рагнарсон снова пожал плечами.

Стоны и крики внизу усилилось. Все больше и больше их людей находили в себе силы обшаривать мертвецов.

Глава 23

ДОМОЙ

Эль Мюрид воздел обе руки, умоляя небесную твердь разразиться очередной молнией. От отчаяния он уже пребывал на грани безумия. Эти бандиты-роялисты не убоялись его могущества.

Вначале Эль Мюриду показалось, что на ребра его обрушился тяжелый молот, и он почувствовал, как хрустнула кость. С губ его сорвался стон. Земля ушла из-под ног. Он хотел упасть на руки, чтобы смягчить падение, но одна рука отказалась служить. Ученик всем телом рухнул на землю. Телохранители издали вопль отчаяния.

Сквозь окутывающий сознание туман до него долетел удаляющийся стук копыт. Эль Мюрид с трудом приоткрыл один глаз и увидел, как бегут его Непобедимые.

После этого на него опустилась тьма.

Затем тьма отступила.

В ребра пророка уперлась нога и перевернула его на спину. Эль Мюрид едва успел проглотить готовый вырваться из горла крик. Он не дышал все то время, пока воин обыскивал его одежду. Солдат грязно выругался. На теле он не нашел ничего ценного.

Однако взгляд мародера посветлел, едва он увидел амулет. Он снял его быстро и ловко, мгновенно спрятав под одеждой.

Драгоценный камень слегка светился, однако грабитель это слабое свечение не заметил.

Эль Мюрид подавил готовые вырваться проклятия. Перед ним стояла очень простая альтернатива — амулет или жизнь. Одним словом, выбора не было.

— Нашел чего-нибудь? — спросил другой воин.

— Две вшивых серебряных монеты и горсть медяков. Эти ребята еще более нищие, чем мы. Однако на этом жмурике вполне приличные сапоги. Давай взглянем, может быть, они нам подойдут.

Мародер принялся снимать с него сапог, и Ученику ничего не оставалось делать, кроме как терпеть, стиснув зубы.

Второй грабитель пришел на помощь первому.

— А я нашел серебряный кинжал, которым пользуются убийцы, — похвастал он, сдергивая с ноги пророка сапог. — За него, наверное, дадут хорошие бабки.

— Думаешь? Покажи.

— Как бы не так. Держи карман шире.

— Ладно, ладно. Глянь-ка, похоже, здесь еще и меч что надо!

— Да уж конечно, получше той итаскийской жестянки, которую ты на себе таскаешь.

Эль Мюрид был готов расхохотаться. Меч ему дали всего несколько дней тому назад в Дунно-Скуттари, и он еще ни разу не извлекал клинок из ножен. В этом он видел какую-то злую иронию.

Еще больше иронии в том, решил он, после того как мародеры двинулись дальше, что враги не пытаются искать его среди мертвых. Он не мог понять их апатии. Ведь он сейчас был полностью в их руках.

Но и это еще не все. Если бы один из мародеров его добил, не догадываясь о значении смертельного удара, который наносит, то это могло бы стать поистине финальной насмешкой судьбы.

На поле опустилась вечерняя темнота. Некоторые наиболее упорные роялисты продолжали грабить мертвецов при све-

те факелов, но вскоре даже самые алчные из них отправились спать.

На поле битвы установились тишина и покой. Эль Мюрид ждал. Боль не позволяла ему уснуть. Убедившись в том, что уже ничем себя не выдаст, он начал медленно уползать с поля.

Не протащившись и дюжины ярдов, он наткнулся на тело своего лекаря.

— О, Эсмат. Что ты натворил? Я считал тебя одним из бессмертных, а ты меня покинул. Мой старый друг. Мой последний друг. Лежишь здесь на утеху воронью. Это жестоко. А я могу лишь воздвигнуть стелу в память о тебе.

Ниже по склону раздался шорох. Эль Мюрид замер и долго еще лежал неподвижно.

Мародеры каким-то непостижимым образом просмотрели лекарский мешок Эсмата, и Эль Мюрид поволок его с собой. Почувствовав себя в некоторой безопасности, он подполз к дереву, поднялся, цепляясь за ствол, на ноги и побрел на восток в слабом свете нарождающейся луны. Ноги его начали кровоточить, и дважды ему пришлось останавливаться, чтобы почерпнуть силы в лекарском мешке Эсмата.

Перед самым рассветом ему повстречалась лошадь без всадника. Он поймал лошадь, успокоил и, кое-как вскарабкавшись в седло, продолжил путь на восток.

Через две мучительные недели он оказался в Сахеле, где и упал на руки преданных сторонников. Правоверные выходили его и затем доставили в Аль-Ремиш, где он тут же уединился в Святилище Мразкима.

Все его честолюбивые замыслы умерли окончательно и бесповоротно.

Роялист, похитивший амулет Эль Мюрида, продал его ювелиру после того, как остатки Воинства Света оставили Лиебианнин. Ювелир, в свою очередь, продал драгоценность благородной даме, явившейся на юг, чтобы вернуть себе фамильное поместье, расположенное вблизи Симбалавейна. Она владела амулетом уже два месяца, когда тот вдруг ожил и начал сыпать проклятиями на непонятном языке. Дама, охваченная ужасом

и уверенная в том, что жулик-ювелир всучил ей игрушку какого-то колдуна, приказала бросить амулет в глубокий колодец, колодец засыпать и посадить на его месте дерево.

Таким образом, амулет Эль Мюрида исчез с лица земли к удивлению историков и Правоверных, но более всего к изумлению того, кто подарил его Ученику.

Движение Эль Мюрида утратило свою магию. Утратило буквально.

Глава 24

ОТКРОВЕНИЕ

Толстяк был осторожен, как никогда ранее. Он шел по негостеприимной земле, на которой пиратствовали дезертиры из армии Итаскии и из Воинства Света. Эти ренегаты не щадили никого, и местные жители враждебно встречали всех чужаков, опасаясь, что те являются разведчиками одной из банд.

К северу от Скарлотти вплоть до берегов Серебряной Ленты царил хаос, который Насмешнику каким-то образом удавалось пережить. Вот уже несколько недель он, избегая неприятностей, продвигался к Портсмуту, вблизи которого остатки армии Эль Надима все еще ожидали приказов Ученика.

— Лично я есть наичугуннейший идиот, — поносил он себя, находясь на очередном перекрестке дорог в сорока милях от конечной цели путешествия. — Почему я не обратил стопы свои в сторону наивосточнейшего востока. Взор мой должен быть обращаем к землям, где правит здравый смысл, где человек искуснейший и гениальный может процветать.

В этой же безумной стране все его таланты пропадали втуне. Здешние обитатели были слишком подозрительны и к тому же совершенно обнищали. Бродившие по этим краям армии стерли с лица земли десятки тысяч ферм. Грабители унесли

все, что представляло хотя бы маломальскую ценность. Чтобы выжить, туземцам приходилось лезть вон из кожи.

Насмешник худел. Чудовищный голод пожирал его потроха. Кроме того, он потерял все свои профессиональные принадлежности и не мог вернуться к своим играм. Даже имея аудиторию. У него не было ни времени, ни денег на то, чтобы собрать новый инвентарь.

Он не переставал спрашивать себя, что он делает в этой безумной стране, но, несмотря ни на что, продолжал путь. Насмешник считал, что должен быть как можно ближе к восточной армии. Он был убежден в том, что ему следует знать, где обретается Саджак. Он опасался, что старик окажется у него за спиной и нанесет ему смертельный удар. Эта жажда знания превратилась у Насмешника в одержимость, которая подгоняла его сильнее, чем кнут надсмотрщика гонит рабов.

Впервые в жизни он стал заглядывать себе в душу, стараясь понять, почему это для него вдруг стало столь важно. Забравшись в самые темные уголки своей души, Насмешник пришел в ужас. Он не мог поверить, что в нем угнездилась подобная тьма. И самым ужасным чудовищем, засевшим в его душе, оказалось чувство ненависти к этому старику. Больше всего он желал, чтобы к Саджаку у него вообще не было каких-либо чувств. Он хотел уничтожить его с тем равнодушием, с которым раздавил бы вошь, которой старик, собственно, и являлся, если все еще существовал.

Насмешник не желал волноваться ни о чем, кроме судьбы самого Насмешника.

Но тем не менее он волновался. Его беспокоил не только Саджак, но и друзья, которые появились у него за время его военных приключений. Он полюбил Гаруна и Браги — за их доброе отношение к нему, за то, что они прощали его, когда он в очередной раз начинал вести себя как последний осел.

Иногда, проснувшись среди ночи, он испытывал сильный страх. Это не был страх смерти или боязнь врагов. Нет, он боялся, что жизнь его вновь может утратить смысл, что он потеряет друзей и останется совсем один.

Ему не нравился этот страх. Он противоречил образу человека, вступившего в битву со всей вселенной и эту битву выигрывающего. Насмешник не желал попасть в зависимость к кому-либо, и прежде всего — зависимость эмоциональную.

Когда он был неподалеку от Портсмута, до него стали доходить вести о восточной армии. Остатки некогда могучего войска Эль Мюрида собирались к походу домой. Армия Итаскии стояла лагерем у стен, готовая войти в Портсмут, как только бывший противник его оставит.

Все новости доходили до Насмешника с опозданием. Он должен был ускорить движение, так как опасался, что опоздает и, прибыв на место, узнает, что объект его охоты уже отбыл из города другим путем.

Постоянно враждебная к нему судьба, видимо, на время задремала, и ему наконец повезло. Он добрался до города именно в то утро, когда из него выходила восточная армия. Забравшись на крышу дома, он четыре долгих часа следил за тем, как из Портсмута уходит Воинство Света.

Однако старого слепца Насмешник так и не увидел.

Зверь, гнавший его по следам старца, по-прежнему жаждал крови. Он желал знать, где, когда и почему Саджак отстал от армии. Проклиная себя последними словами, Насмешник поплелся вслед за уходящим войском на восток.

Три раза ему удавалось отбить от отряда по одному солдату и задать им нужные вопросы. Двое из них вообще не знали Саджака. Третий припомнил астролога, но о том, что с ним случилось, он не имел никакого понятия.

Насмешник готов был визжать от отчаяния. Толстяк проклинал богов, как по одному, так и скопом, не делая разницы между вероисповеданиями. Небожители забавлялись с ним, вели жестокую игру. Насмешник требовал, чтобы они прекратили мучить его и позволили ему узнать.

Толстяк впал в такое отчаяние, что, не сумев в одном из Малых Королевств захватить в плен четвертого солдата, обратился за советом к священнику.

Но и служитель культа не смог ему помочь. Насмешник, опасаясь получить отказ в совете, толком священнику ничего

не рассказал, и тому пришлось ограничиться лишь общими фразами.

— Нет ясности в этой жизни, сын мой — сказал он. — Мы существуем, окруженные великой тайной. Мы бродим по миру, окутанному саваном неопределенности. Для существ без веры жизнь становится бесконечным путешествием в стране страха. Приходи к нам. Вознесем вместе молитву Творцу. Доверься нашему Господу.

Насмешник спасения души вовсе не алкал. Выходя из дома священнослужителя, он бормотал, что чуть было не стал жертвой самого древнего в мире жульничества. Один мошенник едва не облапошил другого.

Толстяк следовал за Воинством Света до самого Сахеля. Он остановился в топкой низине и, разглядывая оттуда выжженные солнцем голые холмы, припоминал, с каким трудом пробирался через них вместе с Ясмид и отрядом Непобедимых. Теперь он не мог миновать эти мерзкие земли, не привлекая внимания диких туземных племен.

— О горе! — причитал толстяк. — Лично я проклят. Я есть обреченный блуждать в страхе, ожидая удара в спину кинжалом или иным несущим смерть оружием. И судьбина эта горькая подберется ко мне незамеченной.

Он еще раз обругал последними словами всех известных ему богов и демонов, а затем понуро двинулся на запад. По его разумению, Гарун и Браги должны были находиться где-то на побережье.

Два дня спустя он вступил в деревню, которую война обошла стороной. Собаки здесь не рычали и не бросались на путников, а лишь лаяли, возвещая об их появлении. Местные жители не бежали к чужакам, размахивая топорами и косами и угрожая превратить их в корм для свиней, если они немедленно не уберутся прочь.

Местные обитатели исповедовали учение Эль Мюрида, и толстяк появился в поселении в час молитвы, когда муэдзин что-то кричал с крыши храма, совсем недавно посвященного иному богу. После завершения моления жители приняли Насмешника весьма гостеприимно, предложив ему еду и

питье и попросив взамен лишь немного потрудиться на пользу общины.

Трудиться? Ему, Насмешнику? Это было так же нелепо, как просить солнце прекратить движение по небосводу. Как бы то ни было, но он прекрасно очистил коровий хлев, чем привел самого себя в немалое восхищение. Он попытался было показать несколько фокусов, но местные жители мягко осудили его за это, так как не признавали даже подобия колдовства. Туземцы были консерваторами, не разделяющими новых теплых чувств Эль Мюрида по отношению к магии. Кроме того, сказали они ему, старик, живущий в храме, уже демонстрировал им эти трюки.

У Насмешника округлились глаза. Старик? Трюки? Храм? Но... Неужели подобное возможно? Нет. Это невероятно. Так быть просто не может. Боги не мучают вас безжалостно, пряча от вас предмет ваших мечтаний лишь для того, чтобы презрительно бросить его в пыль к вашим ногам после того, как вы отказались от всех надежд. А может быть, они только так и поступают?

Насмешник настолько волновался, что дошел до последней крайности и перед посещением очередной службы принял ванну. Он успел узнать, что старик, о котором шла речь, был слеп и, видимо, находился на самом излете жизни. Служители храма взяли его к себе из жалости. Он помогал им всем, чем мог и когда мог. Помощь эта была мизерной, но тем не менее в награду он получил место, где мог приклонить голову, две еды в день и людей, которые могли его достойно похоронить, когда он умрет.

Когда Насмешник услышал об этом, им овладели странные чувства, которые он вначале не мог даже определить. Но вскоре он понял, что жалеет этого незнакомого, несчастного, влачащего жалкое существование старого калеку, живущего лишь милостью чужих для него людей.

Это чувство становилось все сильнее по мере того как приближался час молитвы. Когда он попытался уяснить для себя его происхождение и значение, у него ничего не получилось. Он вдруг ощутил замешательство и даже некоторый испуг. На-

смешник задавал себе один и тот же вопрос: неужели это действительно может быть Саджак?

Он присоединился к толпе верующих, неторопливо двигающихся в направлении храма. Некоторые из них не преминули заметить, каким чистым и одухотворенным он выглядит. Он отвечал им идиотской улыбкой и какими-то неопределенными жестами.

Чем ближе они подходили к храму, тем труднее давался Насмешнику каждый шаг. Все больше и больше местных жителей обгоняли его. В шаге от дверей храма он замер. Толстяк стоял в полном одиночестве, размышляя о том, кто предстанет перед его взором, когда он переступит порог: полуживой Саджак, прислуживающий клирикам, или совершенно незнакомый ему старик.

Трижды пытался он сделать последний шаг, и трижды что-то удерживало его. Затем он повернулся и зашагал прочь.

В конечном итоге оказалось, что он не испытывал потребности что-либо узнать. Насмешник понял, что должен уйти и оставить вызывающего жалость старца — кем бы тот ни был — тихо доживать свой век под сводами храма.

Желание узнать истину исчезло. На смену ненависти пришло сочувствие.

Насмешник возобновил свой путь на запад.

Глава 25

ПОСЛЕДНЯЯ С КОРОЛЕМ

— Повелитель, тебя хочет видеть какой-то итаскиец, — объявил Шадек, входя в палатку Гаруна.

— Итаскиец? — переспросил бин Юсиф, обменявшись взглядом с Рагнарсоном. — Чего ему надо?

— Встречи, повелитель. Он не сказал, с какой целью.

— Кто он?

— Весьма почтенный господин, — пожал плечами Шадек. — В возрасте.

— Хм. В таком случае давай его сюда, — произнес Гарун усталым и недовольным голосом.

Их лагерь находился в сотне миль к северо-востоку от Лебианнина в стороне от всех поселений. Ближайшие к ним итаскийцы — из тех, кто вел переговоры с Учеником и не успел вернуться домой, — могли обретаться лишь в Дунно-Скуттари. Имелись сообщения, что они (несмотря на прежние соглашения) пытались вывести из-под контроля правоверных некоторые королевства к югу от Скарлотти.

Гарун же неторопливо продвигался в направлении хребта Капенрунг. Иного пути, кроме как в свои старые лагеря, у него не было. Рагнарсон присоединился к нему, так как и ему некуда было податься. Он распустил свою маленькую армию. Его люди рвались домой, чтобы вернуться к прерванной войной жизни. С ним осталось менее двадцати пяти человек, и ни один из них не знал, что их ожидает завтра.

Появился Шадек.

— Вот этот итаскиец, повелитель, — объявил он, пропуская впереди себя пожилого сухощавого человека.

Гарун поднялся, лицо его побагровело.

— Господин военный министр, — прорычал он, с трудом сдерживая готовую прорваться ярость. — Я просто... Скажем так: я потрясен вашей наглостью. Или глупостью. Только самый смелый негодяй или идиот мог посметь явиться сюда после того, что вы с нами сделали. — Перейдя на родной язык, он представил посетителя Рагнарсону.

— Я? — переспросил министр. — Смелый? Вряд ли. Я трепещу от страха. Мои советники просто потрясены тем обстоятельством, что мы сумели добраться до вас живыми. Они полагают, что вы недостаточно цивилизованны для того, чтобы видеть различия между одним итаскийцем и другим.

— Но почему мы должны вас различать? — прорычал Рагнарсон. — Один продавец лжи ничем не отличается от другого. Боги милостивы к тебе, Гарун. Они показывают, что желают

заключить с тобой мир. Я знаю прекрасный способ, как избавиться от этого червя.

— Я готов выслушать любое предложение, — ответил Гарун, не сводя глаз с министра.

— В Троллединги мы перевозим предателей на телеге, предварительно их слегка подвесив. Не высоко. Так, чтобы они могли немного поплясать. Когда караван достигает Тондерхофна, мы вынимаем предателя из петли и еще живого четвертуем. Отрубленные части тела мы рассылаем в четыре стороны света в назидание другим.

— Весьма любопытный обычай. Я, вне всякого сомнения, прибегнул бы к нему, если бы располагал поселениями, через которые его можно было бы провезти, и столицей, где можно было бы устроить четвертование. Но ни того, ни другого у меня нет. Поэтому, видимо, придется поискать не столь театральное решение проблемы.

Однако министр не казался испуганным, его поза и взгляд говорили о том, что он по-настоящему смелый человек, добровольно возложивший на себя опасную миссию.

— Я возмущен вами, — продолжал Гарун. — Но однажды вы мне помогли, и теперь я готов вас выслушать.

— Во-первых, я хочу изложить факты, и ваше дело, верить им или нет. Во время переговоров в Дунно-Скуттари мой кузен ухитрился вступить в тайный сговор с Эль Мюридом. Его агенты смогли изолировать на несколько дней всех моих сторонников. За этот период и были разработаны основные положения мирного договора. Гильдия согласилась на постыдные условия мира потому, что сохранность ее собственности гарантировалась и к югу от Скарлотти ей предоставлялись земли для расселения ветеранов. После этого мой кузен издал приказы, которые и привели к тому, что вы оказались в ловушке в Лебианнине. Я готов признать свой позор, но ответственность отметаю.

Гарун обжег его взглядом. Министр, напротив, смотрел на него совершенно спокойно.

— Нет, вы виноваты, — заявил Рагнарсон. — Это было ясно с самого начала войны по тому, как Грейфеллз держал себя с Эль Мюридом. Вы даже не пытались его остановить.

— Кто этот человек? — поинтересовался министр.

— Мой союзник, — ответил Гарун. — Браги Рагнарсон. И я хочу, чтобы вы ему ответили.

— Рагнарсон? Прекрасно. Я давно хотел с ним познакомиться. А ответ мой таков: он не разбирается в политике Итаскии. Грейфеллза невозможно контролировать без того, чтобы не началась гражданская война.

— Доброй порции яду было бы достаточно, — буркнул Рагнарсон.

— Однако мы отклонились от темы, — вмешался Гарун. — Переходите к делу. Чего вы хотите?

— Подтвердить наш договор.

— Какой договор?

— Тот, что мы заключили четыре года тому назад. Я не хочу, чтобы он изжил себя только потому, что война закончилась.

— Закончилась ваша война, а не моя. Продолжайте.

— Эль Мюрид по-прежнему остается Эль Мюридом. Он не отказался от своих планов, а всего лишь отступил, чтобы взять передышку. Он контролирует почти всю территорию к югу от Скарлотти, да и к северу от реки семена его идей упали на плодородную почву. При следующей попытке он может нас покорить.

— Ну и что?

— Вы сказали, что ваша война не кончилась. Предлагаю вам помощь на постоянной основе. Мощное роялистское движение помешает Эль Мюриду осуществлять свои планы. Оно могло бы постепенно уничтожать его бастионы за пределами Сахеля. И у меня останется тайный союзник, в котором я так нуждаюсь в силу причин, которые мы обсуждали ранее. Мой кузен теперь изменит свою стратегию. Удар кинжалом во тьме может оказать мне неоценимую услугу.

— Однако мне почему-то кажется, что этой помощи не хватит на то, чтобы посадить меня на Трон Павлина. Ее будет достаточно лишь на то, чтобы я продолжал борьбу и служил бы полезным инструментом для достижения ваших целей.

— О, похоже, что мы становимся все более циничными. Я не ошибся?

— Не смею отрицать.

— У меня на уме есть для вас одно дело, способное сделать вас такими богатыми, что все будут вынуждены считаться с вами как с очень серьезной силой.

— Выкладывайте. Я пока еще не решил окончательно, перерезать вам горло или нет.

— За него, естественно, предстоит еще побороться. Поскольку война связала наш флот, пираты окончательно распоясались и обосновались на Красных островах. Во главе их стоит изменивший своей братии чародей. Нам надо, чтобы кто-нибудь отправился на острова и убил его. Если этот кто-нибудь окажется достаточно ловким, то он сможет захватить награбленные сокровища и бежать с островов еще до того, как на помощь явится пиратский флот.

Гарун посмотрел на Браги. Тот в ответ лишь пожал плечами.

— И вы допустите, чтобы мы увезли эти сокровища?

— Они когда-то были собственностью Хэлин-Деймиеля.

— Понимаю. Шадек, проводи этого господина и устрой его как можно удобнее.

Эль Сенусси увел итаскийца.

— Хитроумный тип, — заметил Браги.

— Почему ты так решил?

— Он помахал у тебя перед носом горшком с золотом, и ты совсем забыл о Лебианнине.

— Думаешь, он говорит правду?

— Все возможно. Даже это.

— У тебя есть связи с Хэлин-Деймиелем. Выясни, теряли ли они груженные золотом корабли.

— Заняться этим прямо сейчас?

— А что, у тебя есть другие дела?

— Боюсь, что нет. — Браги поднялся и добавил: — Не спускай с него глаз, Гарун.

— У меня с ним дел нет, и он меня больше не увидит. Я уезжаю. Белул! Эй, часовой, отыщи Белула.

— Куда ты направляешься?

— Ничего важного. Личные дела. Береги себя.

В палатку вошел Белул.

— Белул, я на некоторое время уезжаю. Ты и Шадек остаетесь командовать. Перебирайтесь назад в лагеря. Затем поступайте так, как найдете нужным. Старайтесь не привлекать к себе слишком пристальное внимание. Нам предстоит пережить несколько очень трудных лет. Придется бороться за то, чтобы наше Движение не распалось.

— Где тебя искать, повелитель?

— Я буду вне досягаемости, Белул. Так что полагайся на себя.

— Как долго ты будешь отсутствовать?

— Пока не знаю. Все зависит от обстоятельств.

— Понимаю, — протянул Белул тоном, который говорил о том, что он совершенно ничего не понимает.

— Распорядись, чтобы мне подготовили лошадь. И пошли кого-нибудь упаковать мои вещи.

Гарун осторожно поднимался в гору, предвкушая радость встречи и преодолевая какое-то внутреннее сопротивление. Из него получился никудышный отец и муж.

Старуха и ее племянник собирали топливо неподалеку от хижины. Завидев его, они поспешили под крышу. Гарун шагал неторопливо и открыто — так, чтобы его не могли принять за убийцу из культа Хариша. Когда он подошел к хижине, дверь стояла распахнутой и проем ее образовывал таинственный и темный прямоугольник.

— Ясмид? — позвал он. — Ты здесь?

Минуту спустя он уже сидел рядом со своей женой, а на коленях у него пристроился сын. Наконец-то Король-без-Трона получил полную свободу на несколько часов, дней, а может быть, даже и недель. На это время он перестал быть Королем-без-Трона, превратившись в простого мужа и отца.

Он будет счастлив в этом убежище до тех пор, пока его помыслы вновь не обратятся к внешнему миру. Он будет пытаться остаться просто мужем и отцом, но Трон Павлина не перестанет призывать его к себе, и Гарун уйдет, чтобы снова окунуться в борьбу.

Ясмид и крошечный Мегелин понимали это, но делали вид, будто он останется с ними навсегда. Им и дальше придется

притворяться, но жить они будут так, словно каждая новая минута в его обществе является для них последней.

— А ведь этот маленький негодяй настоящий крепыш, — сказал Гарун. — Разве не так?

Мегелин схватил отца за палец и взглянул ему в глаза с совсем не детской мудростью. На влажных губках малыша появилась улыбка.

Гарун не выдержал и зарыдал. Он оплакивал всех детей всего мира.

Содержание

Огонь в его ладонях 5
Без пощады 279

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя
около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений,
предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг**
самых разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская»; Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел: 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д.14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д.18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д.132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д.17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кук Глен

Огонь в его ладонях
Без пощады

Редакторы Е.А. Барзова, Г.Г. Мурадян
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор Н.К. Белова
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

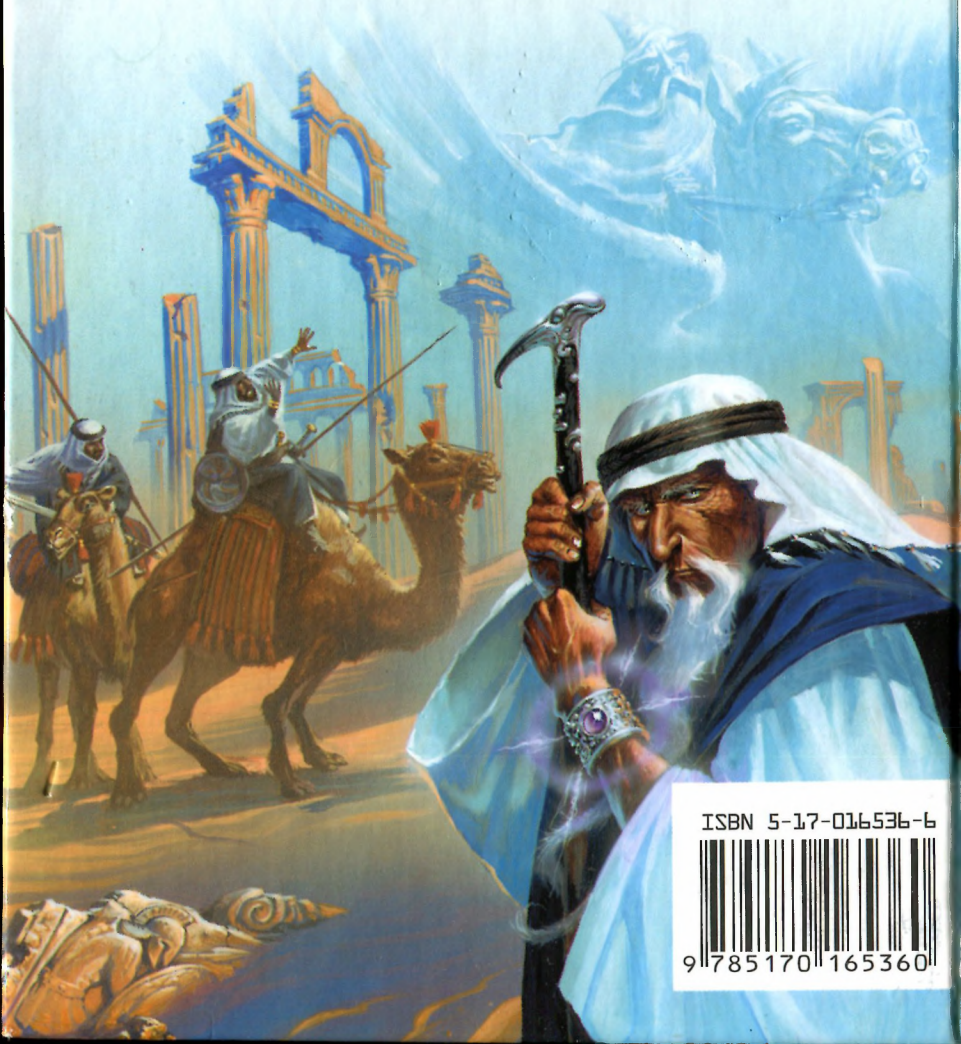
Отпечатано по заказу ЗАО НПП «Ермак»

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам

Имя ему было — Мика, но звал он себя — Эль-Мюрид, и так звали его народы, что повиновались ему, ибо знали: в слове его — Сила. Настали дни войны. Тысячи и тысячи воинов падут во имя пророка — и ОГНЯ В ЕГО ЛАДОНЯХ.

Сказано — явился ОН, дабы собрать воедино ДЕТЕЙ ПУСТЫНИ, дабы телами убитых вымостить дорогу к счастливому Королевству Покоя.

Грядет Священная война. Война БЕЗ ПОЩАДЫ. Ибо не должен знать пощады стремящийся победить…

ISBN 5-17-016536-6